

Все мы дети своего времени
истории жизни русских в Латвии

UDK 821.161.1-94(474.3)+ 929(=161.1) (474.3)
П128

**Все мы дети своего времени:
истории жизни русских в Латвии**

Книга подготовлена в рамках проекта исследований Научного совета Латвии № 370/2012 *Этническое и нарративное разнообразие в конструкциях историй жизни в Латвии*; рекомендована к публикации по решению заседания Научного совета Института философии и социологии ЛУ от 4 апреля 2016 года.

Составители: Мара Зирните, Мария Ассерецкова

Научные редакторы: *Dr. art.* Надежда Пазухина, *Dr. philol.* Иева Гарда-Розенберга
Научный консультант: *Dr. hist.* Каспарс Зеллис

Литературные редакторы: Виктория Коллегова, Индра Орлея
Дизайн обложки и макета: Збигнев Бейнарович

Автор фотографий: Мара Брашмане

Книга издана при поддержке Государственного фонда капитала культуры

© Институт философии и социологии ЛУ, 2016
© Латвийская ассоциация исследователей устной истории *Dzīvesstāsts*, 2016

ISBN 978-9984-9599-9-3

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Биографические интервью – сиюминутные впечатления и последующие размышления	10
<i>Екатерина Данильцева. Меня учили – никогда не сдавайтесь</i>	21
<i>Анна Груздева. Я вошла в жизнь этого города</i>	32
<i>Борис Лобков. Все мы дети своего времени</i>	38
<i>Тамара Петрова. Вот такая моя жизнь</i>	51
<i>Валентина Жукова. Нас переправили в Латвию</i>	65
<i>Майя Голубева. Я не привыкла жаловаться</i>	74
<i>Татьяна Амосова. История моей семьи – это история фабрики Кузнецовых</i>	85
<i>Сергей Чухин. Решения во всех случаях принимал я сам</i>	99
<i>Илларион Иванов. Моя родословная идёт от XVIII века</i>	117
<i>Татьяна Лиепиня-Атваре. Стиль как единство жизни</i>	134
<i>Елена Матьякубова. Понятие веры – выше, чем власть и чем сила</i>	147
<i>Ярослав Козлов. Я на этой земле живу, работаю</i>	159
<i>Анна Строй. Ценности – эмоциональный компонент</i>	171
<i>Владислав Боровков. Район у нас был такой</i>	188
<i>Юлия Трейкале. Я оказалась в Латвии благодаря мужу</i>	199
Послесловие	215

Композиции подготовили:

Мария Ассерецкова

Дагмара Бейтнер-Ле Галла

Каспарс Зеллис

Мара Зирните

Надежда Пазухина

Эдмундс Шупулис

Аудиозаписи интервью расшифровали:

Мария Ассерецкова

Игорь Ковалёв

Надежда Пазухина

Светлана Погодина

Иоланта Шмуксте

Предисловие

В эпоху, когда индивидуальная память опирается на огромное число вспомогательных технических средств, способных сохранять абсолютно любой след вне зависимости от нашего желания, всё чаще возникает вопрос о том, что именно мы хотим запомнить, что – вспомнить, а что – забыть. Это свойство человеческой памяти – не только сохранять, удерживать, но и забывать, вытеснять – издавна интересовало мыслителей, исследователей и «обычных» людей¹. В последние десятилетия, однако, интерес к воспоминаниям, свидетельствам очевидцев, автобиографиям закрепился как устойчивая тенденция не только в литературе и публицистике, но и в социальных и гуманитарных науках. Общество, зачастую не без посредничества медийной среды, обращается к воспоминаниям как к свидетельствам, которые способны преодолеть нейтрализующее воздействие времени и дать возможность современному человеку явственно почувствовать запах, вкус прошлого, но вместе с тем также боль и горечь утраты. Однако есть ещё одно важное свойство памяти – она непостоянна и напрямую связана с чувствами, эмоциональным отношением к тому, что мы удерживаем в памяти. Индивидуальная память в значительной мере зависит от социальных условий формирования, она находится под влиянием коллективной памяти различных социальных групп, профессионального исторического дискурса, а также художественных дискурсов искусства, литературы, кино².

¹ Философский аспект этой проблемы рассмотрен: Ricœur, Paul. *La mémoire, l'histoire, l'oubli*. – Paris: Le Seuil, 2000; Рикёр, Поль. *Память, история, забвение*. – Москва: Издательство гуманитарной литературы, 2004.

² Подробнее о взаимодействии индивидуальной и социальной памяти см.: Halbwachs, Maurice. *Les cadres sociaux de la mémoire*. – Paris, 1925; Хальбвасс, Морис. *Социальные рамки памяти*. – Москва: Новое издательство, 2007; Esposito, Elena. *Soziales Vergessen. Formen und Medien des Gedächtnisses der Gesellschaft*. – Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2002; О противопоставлении «искусственно законсервированного» прошлого в исторической науке и «живой» социальной памяти: Nora, Pierre. *Malaise dans l'identité historique* // Nora, Pierre, Chan-dernagor, Françoise. *Liberté pour l'histoire*. – Paris: CNRS Edition, 2008, pp. 9–24; Копосов, Николай Е. *Память старого режима: История и политика в России*. – Москва: Новое Литературное Обозрение, 2011, с. 29–77.

Начиная с 1990-х годов, историки, социологи и антропологи в своих академических дискуссиях подчёркивают, что память нельзя представлять в качестве архива, в котором в хронологическом порядке накапливаются воспоминания о событиях, людях, биографические данные и т. д. Скорее, память похожа на механизм с амплитудой действия от запоминания до забвения, который реагирует на эмоциональные переживания, позволяющие нечто запомнить или вспомнить, воскресить «из забвения» образы прошлого, пробуждённые случайным вопросом, интонацией или узнаваемым жестом³. Содержимое памяти представляет собой не только осознанное, но и неосознанное, поэтому часто, рассказывая о своей жизни, человек проецирует в прошлое свои сегодняшние размышления, переживания или страхи. Само решение рассказать о чем-либо, а о чем-то – промолчать, умолчать, не всегда рационально объяснимо. Иногда это кажется спонтанным шагом, но, очевидно, он в значительной мере обусловлен общепринятыми культурными практиками, которые не всегда осознаются, просто так принято себя вести, так принято говорить или наоборот – не принято. Этот зазор между «видимым» и «невидимым», между выраженным в словах и в паузах между ними, становится в определённом смысле вызовом для любого, кто пытается вслушаться в устный автобиографический рассказ – историю жизни.

Опыт отдельного человека, его укоренённость в социокультурной среде непосредственно отражается в историях жизни, рассказанных обычными людьми. Вспоминая своё детство, родных, знаменательные события и поворотные моменты жизни, рассказчик нередко включает в повествование важные для себя факты, детальное описание предметов и окружающей обстановки. Одновременно его рассказ подчиняется определённому ходу мысли, логике воспоминания и изложения, лексическим особенностям речи, принятым моделям поведения, всему тому, что коренится в культурных практиках и о чём сам человек не задумывается в повседневном опыте. Всё это даёт возможность увидеть включённость отдельного человека в пространство его культуры и эпохи. «Все мы дети своего времени» – эти слова одного из рассказчиков, Бориса Лобкова, вынесенные в заглавие книги, ещё раз указывают на такого рода опыт. Как бы ни отличались

³ Подробнее см.: Нора, Пьер. Проблематика мест памяти // *Франция-память* / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. – Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1999, с. 17–50.

жизненные пути каждого, кто поделился своей историей жизни для этой книги, размышляя о прожитом, каждый стремился соотнести свой опыт с той временной длительностью, структуру которой организует ритм социально-политических процессов и эпоха.

В книгу вошли пятнадцать устных историй жизни, которые были записаны в рамках исследования «Этническое и нарративное разнообразие в конструкциях историй жизни в Латвии» с 2013 по 2015 год. Подготовкой интервью занималась междисциплинарная группа, в состав которой наряду с опытными исследователями-интервьюерами, на протяжении более двадцати лет участвующими в различных исследовательских проектах по устной истории в Институте философии и социологии Латвийского Университета, такими как Мара Зирните и Дагмара Бейтнере-Ле Галла, вошли исследователи, сравнительно недавно обратившиеся к теме устной истории – Эдмунд Шупулис, Каспарс Зеллис, Надежда Пазухина. Больше всего интервью для этой книги записала и подготовила Мария Ассерецкова, для которой это был первый опыт практики интервьюирования. Размышлениями на этот счёт она делится с читателями в своем эссе, предвещающем публикацию историй жизни.

Устные истории жизни, опубликованные в этой книге, были подготовлены в форме композиций на основе интервью, проведённых на русском языке, и переведены на латышский язык. При составлении композиций материал звукозаписи и транскрипции интервью был переложен в форму письменного текста, по возможности близко к устному повествованию, с сохранением затронутых в интервью тем, суждений и взглядов. Для удобства читателя композиции построены как слитный текст, без уточняющих вопросов, которые задавались интервьюером для поддержания беседы. Их функцию выполняют подзаголовки, разделяющие текст композиции на смысловые блоки согласно тематической логике рассказа. Слова, вынесенные в подзаголовок, взяты из речи самого рассказчика. Конструкции, характерные для живой разговорной речи, лишь в незначительной степени были скорректированы в соответствии с формальными требованиями письменного текста, по возможности с сохранением манеры речи, лексической разнородности и особенностей использования грамматических форм.

Разумеется, письменное отображение устного рассказа всегда носит несколько схематичный характер. Интонации рассказчика, тембр голоса, особенности произношения, паузы, которые можно уловить в записи, не говоря уже о мимике, языке жестов и атмосфере, в которую погружены собеседники, – всё это почти невозможно отобразить графически.

Составители предлагают читателю композиции историй жизни, которые очерчивают мир воспоминаний, переживаний и взглядов рассказчиков. Цель этой книги – ознакомить читателя с небольшой частью устных историй жизни, хранящихся в Коллекции устной истории Латвии, и дать возможность приблизиться к уникальному опыту, важному для понимания того разнообразия мнений, оценок, суждений, которое существует в нашем обществе.

Композиции историй жизни помогают услышать голоса отдельных людей, рассказывающих о пережитом, как руководствуясь своим собственным пониманием о поворотных моментах жизни, так и отвечая на вопросы интервьюера о том, как события, повлиявшие на общество, отразились на их судьбе. Авторы представленных в книге историй жизни объединяет не только знание русского языка как родного или используемого для повседневного общения, но и то, что все они на протяжении длительного времени проживают в Латвии. У каждого рассказчика свой особенный взгляд на жизнь и личный опыт, но одновременно каждый из них принадлежит к определённом поколению. Условно можно выделить три представленные в книге поколения: довоенное поколение, родившиеся во время Второй мировой войны и в послевоенные годы, и те, чьё детство и юность прошли в 60–80-е годы XX века.

Почтенный возраст людей довоенного поколения позволяет не только проследить все сложные моменты истории XX века так, как они запечатлелись в их памяти, но и услышать в их рассказах размышления о себе и отношении к прожитой жизни с длительной временной дистанции. В историях жизни послевоенного поколения обращают на себя внимание эмоциональные оценки недавнего прошлого, делаются попытки сформулировать для себя и других, что значит пережить «слом эпох», разочарование в идеалах и пытаться найти новые ориентиры в ситуации, когда ответственность за них приходится брать на себя самому. Истории жизни

отражают различный социокультурный, профессиональный и жизненный опыт. Что из «исторического фона» становится частью биографии, личного опыта, в какой мере человек чувствует себя вовлечённым в события и реагирует на них? Независимо от возраста рассказчиков, в каждом повествовании встречается упоминание мест, определяющих топографию памяти как буквально (географические пункты в физическом пространстве), так и метафорически (культурный ландшафт, позволяющий воспроизводить важные для памяти образы).

Анализируя источники по устной истории, важно понимать возможности их интерпретации. Свидетельства устной истории содержат ценные сведения о личном опыте человека, которые в таком виде не отражены ни в одном другом типе исторических источников. Однако нет оснований считать, что устные интервью носят «более субъективный» характер, нежели письменные или изобразительные источники: каждый тип исторических свидетельств высвечивает одну из граней прошлого. Только соединив все эти фрагменты, можно увидеть более объёмную картину социокультурного опыта общества.

Публикация композиций историй жизни – это попытка предложить пример диалогического воспоминания (следуя терминологии Алейды Ассманн (*Aleida Assmann*))⁴, которое, опираясь на индивидуальные воспоминания, способно выявить как то, что нас отличает, так и то, что объединяет. В этих историях жизни мы можем расслышать то, о чём принято молчать в публичном пространстве, уловить намёки «для своих» и то, что адресовано более широкому кругу. Дав зазвучать голосам наших рассказчиков в переводе на латышский язык, мы надеемся, что так будет лучше понят тот опыт, который в силу языковых различий часто остаётся незамеченным в культурном ландшафте Латвии.

Выражаем искреннюю признательность всем рассказчикам, собеседникам и добровольным помощникам, благодаря стараниям и заботам которых читатель этой книги сможет увидеть в окружающих тех, чьи воспоминания, размышления, сомнения и надежды могут найти отклик в его личном опыте.

Надежда Пазухина

⁴ Das dialogische Erinnern (нем.). См., например: Assmann, Aleida. *Auf dem Weg zu einer europäischen Gedächtniskultur?* Wiener Vorlesungen im Rathaus. Band 161. – Wien: Picus Verlag, 2012, S. 54–61.

Биографические интервью – сиюминутные впечатления и последующие размышления

История становится увлекательной, когда человек узнаёт в ней себя и свой опыт. Развитие социальных наук привело к постепенному изменению тем, достойных внимания исследователя. То, что представляет собой повседневный опыт обычного человека, оказалось не менее важным, чем поворотные политические события. Устная история – одно из направлений современной социологии, социальной и культурной антропологии, междисциплинарный метод, позволяющий узнать, какое место в истории люди отводят себе сами. Устная история – не источник информации о конкретных событиях и не альтернатива «большой» истории с её нарративами. Устная история позволяет узнать, как люди соотносят свою жизнь с политическими событиями, масштабными экономическими и социокультурными процессами и как встраивают свои представления о них в рассказы о собственной жизни.

Жизнь отдельного человека начала интересовать исследователей не так давно, тем более, если подразумевается не исторически «значимая» фигура, не политик и не известный деятель культуры, а обычный житель любой страны. Это человек, который в течение жизни соприкасается со всеми структурами общества, участвует в общественной жизни и своими действиями формирует то, что издавна является предметом научного исследования – историю и культуру. Поэтому интерес к частным историям отдельных людей представляется закономерным – слушая и записывая биографические интервью, можно понять отношения, которые связывали сферу частной и общественной жизни, увидеть, как сами люди относятся к прожитой жизни и каким образом рассказывают о своём жизненном опыте.

Устные истории являются ценными источниками для социологических и антропологических исследований, которые обращаются к изучению многообразия социальных и культурных практик, находящих отражение в жизненном опыте конкретного человека. Устная беседа, в отличие от письменных воспоминаний, в большей степени передаёт непосредственный эмоциональный опыт, традиционные представления и установки как индивида, так и определенных социальных групп. Более того, именно жанр историй жизни даёт возможность рассказать о себе тем, кто иным образом в силу разных причин никогда не был бы услышан.

Истории жизни, рассказанные русскими Латвии, предлагают по-иному взглянуть на латвийское общество. Несмотря на то, что к истории, культуре и современному положению русских в Латвии в последние десятилетия достаточно часто обращались профессиональные исследователи¹, впервые людям самим была предложена возможность рассказать о себе то, что они считают нужным.

Поиски большинства потенциальных авторов, запись интервью и последующая обработка полученных рассказов – длительный процесс. В коллекции устной истории Латвии хранилось более 50 интервью, записанных на русском языке. Однако в данной книге публикуются недавние интервью, отобранные из материалов, записанных в течение последних трёх лет. География записей охватывает как сельскую местность, так и большие и малые города всех областей Латвии – на севере Видземе (Туя), юге Земгале (Елгава), востоке Латгале (Виляка) и западе Курземе (Вентспилс), а также Саласпилс и Ригу. Часть авторов – коренные жители Латвии, часть – переселились сюда в разное время. Мы не старались намеренно искать

¹ См., например: *Русские в Латвии: история и современность*. Отв. ред. И. И. Иванов. Науч. ред. Б. Ф. Инфантьев. – Рига: ЛАД, 1992; *Староверие Латвии*. Отв. ред.-сост. Иванов Ил. И. – Рига: Старообрядческое общество Латвии, 2005; Ковальчук, С. Н. «Взыскую Истину...» *Из истории русской религиозной, философской и общественно-политической мысли в Латвии*: Ю. Ф. Самарин, Е. В. Чешихин, К. Ф. Жаков, А. В. Вейдеман. (Середина XIX в. – середина XX в.). – Рига: Институт философии и социологии Латвийского Университета, 1998; Фейзмана, Татьяна. *Русские в довоенной Латвии. На пути к интеграции*. – Рига: Балтийский Русский институт, 2000; Podmazovs, Arnolds. *Vecitība Latvijā*. – Rīga: LU Filozofijas un socioloģijas institūts, 2001; Apine, Ilga, Volkovs, Vladislavs. *Latvijas krievu identitāte: vēsturisks un socioloģisks apcerējums*. – Rīga: LU Filozofijas un socioloģijas institūts, 2007; Cheskin, Ammon. History, collective memories, and national identities: how Latvia's Russian-speakers are learning to remember. *Nationalities Papers*. 2012, 40 (4), pp.561–584; *Ethnicity. Towards the Politics of Recognition in Latvia. 1991–2012*. Ed. V. Volkovs, D. Hanovs, I. Runce. – Rīga: Zinātne, 2013; *Latvijas vecitātnieki: identitātes saglabāšanas vēsturiskā pieredze*. Sast. I. Ivanovs, N. Pazuhina, I. Runce. – Rīga: LU Filozofijas un socioloģijas institūts, 2014; Cheskin, Ammon. *Russian-Speakers in Post-Soviet Latvia: discursive identity strategies*. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2016.

людей с интересным или необычным опытом, а предлагали поделиться повседневным опытом, рассказать о своей судьбе, взглядах, о том, как каждый из собеседников чувствует себя в Латвии.

В согласовании встреч с авторами интервью большую помощь оказали общественные организации: так, например, интервью с Екатериной Данильцевой состоялось при посредничестве Управления интеграции общества Елгавской городской думы, а интервью с Валентиной Жуковой было записано в дневном центре Рижской социальной службы. Большинство людей, к которым обращались исследователи, сразу согласились на интервью. Часть авторов посоветовали друзья и знакомые. Таким образом, можно провести цепочку, связывающую некоторых авторов этого сборника – один человек рекомендует другого, а тот, в свою очередь, советует обратиться к третьему. Так, к примеру, Анна Строй посоветовала обратиться к Елене Матьякубовой, а она, со своей стороны, рекомендовала интервьюеру обратиться в Латвийское общество русской культуры, где и состоялась беседа с Анной Груздевой.

Контекст разговора с Анной Груздевой во многом интересен. Придя в Латвийское общество русской культуры, интервьюер обнаружила, что человек, у которого предполагалось взять интервью, отказался от разговора, но предложил побеседовать с Анной. Для Анны интервью было внезапным, что не помешало ей быть достаточно откровенной. Хотя эта история – одна из наиболее коротких в книге, она доказывает, что биографическое интервью может быть не только результатом тщательного планирования, но и спонтанным действием. Данному повествованию предшествовал опыт написания воспоминаний, которые были опубликованы раньше (Груздева 2012).

Большинство встреч были запланированы и оговорены заранее, и как автор, так и интервьюер имели возможность подготовиться к ним. Часть интервью были записаны у авторов дома, часть – в помещениях библиотеки Латвийского Университета, а некоторые встречи проходили в местах, наиболее удобных для авторов – например, на рабочем месте.

Поскольку большинство авторов – люди старшего и среднего возраста, вторая половина XX века стала основным временем действия историй жизни. Как видно из большинства рассказов, Вторая мировая война оказала большое влияние на жизнь авторов и их семей. Четыре интервью

– Екатерины Данильцевой, Валентины Жуковой, Тамары Петровой и Бориса Лобкова – включают воспоминания автора непосредственно о жизни во время войны. Каждого попросили подробнее описать свою жизнь во времена перемен конца восьмидесятых – начала девяностых годов, описать свои чувства и дать характеристику жизни тогда и сейчас. Увидеть, как человек проживает перемены и как новая социальная реальность становится частью жизни отдельного человека, было одной из целей исследователей. Однако нельзя забывать и об особенностях жанра историй жизни, на которые указывает итальянский исследователь устной истории Алессандро Портелли: из интервью устной истории можно узнать не столько, что именно человек делал, сколько то, как он понял, что делал, и что в данный момент считает, что делал (Portelli 1991, 50).

Темы, которые решает затронуть автор, события о которых он решается рассказать – результат не только его личного выбора. Это также результат взаимодействия между интервьюируемым и интервьюером, между группой, которую представляет автор, и обществом. История жизни подобна диалогу – она пишется во взаимодействии с реальной или потенциальной аудиторией (Vula 2002, 8), поэтому особую важность приобретает фигура интервьюера, а также социальная позиция интервьюируемой группы.

Несмотря на то, что субъектом устной истории является автор, свой рассказ он передаёт через интервьюера, а значит, большое влияние на конечный результат оказывает исследователь. Тут следует отметить преимущество русского как родного языка у интервьюеров Надежды Пазухиной и Марии Ассерецковой. Каждый интервьюер в работе использовал свой жизненный, культурный и профессиональный опыт, хотя в личном общении с автором ведущую роль играют личные качества, умение слушать, а также молчать. Истории жизни – источники личного характера и несут отчетливо субъективный характер, поэтому требуют этически ответственного подхода исследователя к их анализу и публикации. Именно поэтому важнейшими составляющими метода устной истории являются эмпатия и тактичность. Принцип выбора авторов, метода интервью, построение доверительных отношений с автором – всё это непосредственно влияет на рассказ. Это хорошо видно в обоих интервью Дагмары Бейтнер-Ле Галла с её знакомыми Татьяной Лиепиной-Атваре и Борисом Лобковым.

Определяющим фактором при отборе авторов было согласие поделиться своими воспоминаниями не только с одним конкретным интервьюером, но и с более широкой аудиторией. После записи разговора авторы могли разрешить дальнейшее свободное использование текста или наложить ограничения. В книгу мы могли включить интервью только тех людей, которые разрешили их публикацию.

Среди самых важных вопросов, которые должен решить для себя интервьюер – как построить беседу с совершенно незнакомым человеком таким образом, чтобы собеседник чувствовал себя достаточно комфортно и был готов к откровенному разговору. Интервьюер должен внимательно следить за тем, как сложится интервью, как прозвучит в нём голос автора и как сформируются отношения собеседников. Исследователи устной истории могут использовать два подхода к интервью – метод устной истории или метод истории жизни. Если интервьюер использует метод устной истории, это означает структурированный подход к интервью, с целью получить сведения о конкретном опыте. Такие интервью чаще являются более ясными и конкретными, но также менее насыщенными эмоционально. Авторский нарратив перебивается вопросами, автор не сам ведёт нить собственной истории, а передаёт интервьюеру право регулировать рассказ. Подобный метод хорош в исследованиях, имеющих чёткую цель – изучить жизни людей в определённый период, узнать о конкретном опыте. Метод истории жизни, наоборот, предлагает автору самому рассказать о том, что ему кажется важным и посвятить в это слушателей.

Интервью чаще всего начинается с просьбы поделиться первыми детскими воспоминаниями. В идеальном случае ответ на этот вопрос перерастает в обширные воспоминания о детстве, семье, родителях, друзьях, автор начинает рассказывать о том, как строилась его жизнь в дальнейшем, и интервьюеру остаётся лишь уточнять детали и задавать дополнительные вопросы. Однако сами исследователи признают, что такое интервью имеет мало общего с практикой (Edwards 2014). Авторский рассказ зачастую прерывается, и тогда на помощь приходит метод вопросов и ответов. Истории жизни, публикуемые в данной книге, представляют собой результат использования обоих методов. В большинстве случаев рассказчики хотели слышать вопросы интервьюера или знать обозначенное направление разговора. По мере вовлечения в диалог, рассказ автора в большинстве

случаев становился свободнее. Как отмечает Байба Бела-Крумня, история жизни в том виде, в каком она раскрывается во время интервью, почти никогда не рассказывалась прежде (Bela-Krūmiņa 2002, 34). Зачастую автор впервые сталкивается с задачей рассказать свою историю жизни, что, безусловно, накладывает отпечаток на манеру самого рассказа – сомнения в важности каких-либо воспоминаний, перескакивания, опущения в изложении – всё это характерно для интервью и хорошо различимо в аудиозаписях. Просьба рассказать историю своей жизни именно как историю, а не как собрание разрозненных эпизодов, может показаться странной ещё и потому, что это не повседневный, привычный способ саморепрезентации. Люди не держат постоянно в памяти всю историю своей жизни.

При подготовке к интервью, во время знакомства с потенциальными авторами приходилось сталкиваться с удивлением и непониманием того, как кому-то могут быть интересны подробности частной жизни. Однако стоит отметить то, что для русских жителей Латвии авторитет научной организации и Латвийского Университета был достаточным для того, чтобы согласиться на сотрудничество.

Несмотря на то, что в современном латвийском обществе не существует запрета на конкретные воспоминания, культурная и политическая среда акцентирует одни темы и подавляет другие, формирует спрос на воспоминания определённого толка (*Dzīvesstāsts un pašarpziņa* 2012, 46). Где же в таком случае место тех историй жизни, которые не соответствуют «официальной» памяти? Устная история даёт право голоса ранее «безмолвствовавшим» группам, однако далеко не всегда члены этих групп готовы открыто рассказать о себе, не придерживаясь заранее установленных рамок.

Бесстрастные отношения во время интервью почти невозможны. Интервью с русскими жителями Латвии показали две тенденции – либо интервьюер волей-неволей занимает доминирующую позицию, либо автор сам оценивает своего слушателя и берёт на себя инициативу самостоятельно выстраивать рассказ. Так, для интервью с Анной Груздевой, Юлией Трейкале, Ярославом Козловым, Майей Голубевой характерен стиль вопросов и ответов, автор ожидает от интервьюера ведения нити рассказа. Рассказы Татьяны Амосовой, Елены Матьякубовой – жизненные истории, в которых голос автора слышен ярче. По большей части они сами ведут

нить своего рассказа, но их интересует также и интервьюер – ему задают вопросы, интересуются, знаком ли он с теми или иными людьми, просят рассказать немного о себе, о своём происхождении. Выделяется интервью с Анной Строй – она знакома с интервьюером, жанр рассказа о себе не является для неё новым, и она динамично и целенаправленно ведёт рассказ.

Специфическими чертами обладает также интервью с Екатериной Данильцевой. К интервью она подготовилась и пришла на встречу, захватив с собой образцы рукоделия, показывала газетные вырезки, в которых упоминалось её имя. В день записи интервью хористы-коллеги поздравляли её с завершением певческой деятельности, которая длилась 10 лет. Исследователям удалось не только услышать жизненную историю, но и своими глазами увидеть уважительное отношение коллег и окружающих к рассказчице.

Однако не всегда доверительные отношения между автором и интервьюером приводили к удачному результату. Показателен один случай – автор запретил использовать своё интервью спустя несколько дней после записи, объяснив это опасениями, что его воспоминания могут быть использованы против него. Несмотря на то, что интервьюер предлагал воспользоваться возможностью поставить условие анонимности или вовсе запретить публикацию, но оставить текст доступным для исследователей, достичь компромисса не удалось.

Истории, рассказанные на русском языке жителями Латвии – это не цельный портрет конкретной группы. Представленные читателю истории жизни людей самого разного возраста, социального положения и профессий – попытка расширить наше представление о том, как видят мир живущие с нами рядом люди, как складывались их судьбы, с чем связаны их надежды и разочарования; это попытка дать возможность поведать о себе и предъявить читателю жизненный опыт, что является частью нашей общей социальной памяти.

Мария Ассерецкова

Список литературы:

Bela-Krūmiņa, Baiba. Dzīvesstāsti mutvārdu vēstures skatījumā. No: *Cilvēks. Dzīve. Stāstījums*: rakstu krājums. Sastādītāja un redaktore Agita Lūse. – Rīga: Latvijas Antropologu biedrība, Latvijas Universitātes Literatūras, folkloras un mākslas institūts, 2002, 30.–36. lpp.

Bula, Dace. Ievadam. No: *Cilvēks. Dzīve. Stāstījums*: rakstu krājums. Sastādītāja un redaktore Agita Lūse. – Rīga: Latvijas Antropologu biedrība, Latvijas Universitātes Literatūras, folkloras un mākslas institūts, 2002, 7.–9. lpp.

Dzīvesstāsts un pašarpziņa: mutvārdu vēsture Latvijā. Zinātniskā redaktore Ieva Garda-Rozenberga. – Rīga: LU Filozofijas un socioloģijas institūts, Latvijas Mutvārdu vēstures pētnieku asociācija "Dzīvesstāsts", 2012.

Edwards, Delith. 'I'd rather you ask me because I don't really know, you know': The Dilemma of (Auto)Biographical Interviewing in Biographical Research. In: *SAGE Research Methods Cases*, 2014. Доступно <http://dx.doi.org/10.4135/978144627305013500014>

Plummer, Ken. *Documents of Life: An Invitation to a Critical Humanism*. 2nd ed. SAGE Publications Ltd, 2001.

Portelli, Alessandro. *The Death of Luigi Trastulli, and Other Stories: Form and Meaning in Oral History*. – Albany, NY: State University of New York Press, 1991.

Thompson, Paul. *The Voice of the Past: Oral History*. 3rd ed. – Oxford: Oxford University Press, 2000.

Груздева, Анна. Верхом на времени. *Рижский альманах: проза, поэзия, документы, размышления*. – Рига: Rīdzene-1, 2012, с. 97–116.

ЕКАТЕРИНА ДАНИЛЬЦЕВА

Родилась в 1934 году в деревне Тимохи Витебской области, в Белоруссии. В годы нацистской оккупации осталась сиротой, из детского дома в Белоруссии была направлена в Ригу. В 1952 году окончила ремесленное училище в Риге по специальности токарь. Работала в сфере машиностроения в Елгаве. После выхода на пенсию поёт в ансамбле «Славяночка» Елгавского русского общества «Исток». Занимается рукоделием, делает украшения, чтобы обеспечить дополнительный заработок к пенсии.

МЕНЯ УЧИЛИ – НИКОГДА НЕ СДАВАЙТЕСЬ

Свой дом узнала по обгоревшей черёмухе

У меня судьба очень тяжёлая. Сама я из детдома, из Белоруссии. Деревня была такая в Витебской области, называлась Тимохи. Когда началась война, мне было семь лет. У нас была семья большая, шестеро детей у мамы было. И когда началась война, и пришли в деревню нашу немцы, начали всех выгонять из домов. Когда дети стали кричать: «Немцы пришли, немцы пришли», мы выскочили из дома, как были, и старший брат, ему было около двадцати лет, маме говорит по-белорусски: «Я побегу в хату, возьму хлеб, хоть хлеб в дорогу нам будет». И он так и не вернулся, сгорел в доме. Они там всё сжигали. Отец с дедушкой погибли сразу, в первые дни, а я с мамой потом в концлагере там была, в Белоруссии.

Баракы или специально были построены, или были уже раньше, я не знаю, но что были они точно, как в тюрьмах, что в фильмах показывают. Бетонные нарвы, всех туда загоняли, всё под охраной. Нас собаками охраняли, и чуть кто в сторону отойдёт, или расстреляют, или собак спустят.

Когда пришли советские войска и нас освободили, ночью нас бомбили очень, очень много людей погибло, бараки взрывали, и потом солдаты забежали, сказали, кто может – спасайтесь, немцы могут опять прийти. Мы пошли, кто куда. Мама с нами была, и мама всё хотела пойти на родину, обратно, и мы ходили, искали, мы же не знали, где мы находимся. В общем, до дому я добралась только одна. И дом я свой только узнала так – у нас черёмуха была под окном, и она так и стояла, обгоревшая, ни листьев, ничего.

Коммуна беспризорников

У меня был маленький брат, годика три ему было примерно. Я, вот, с братом всю эту войну прошла. И когда мама умерла, я взяла братика своего, Виктора, – котомку за плечи и пошла. Мы ходили, голодные были и холодные, и присоединились к коммуне, такая коммуна была беспризорников. Может быть, вы когда-нибудь смотрели кино, где бандиты такие все, вот, я тоже в такой банде была.

Иногда даже стыдно и страшно вспоминать. Бродили мы до тех пор, пока на нас не сделали облаву. Мы же были беспризорные, без волос, в блячках все. Очень много было таких. Жили мы в землянках, доски постелены, снизу вода, комары там. Землянки военные уже были. Ходили, побирались. Я Виктора, брата, оставляла. Там у нас была вроде как няня, с малыыми, а мы, кто постарше, ходили, попрошайничали. День нет, два нет, потом с торбой за плечами возвращались, всё раскладывали в кучу и кушали, насколько хватало, потом опять уходили.

А потом ночью на нас сделали облаву. Знаете, что такое облава? Нас ночью окружили всех в этих землянках. Мы же надоели всем, мы же огороды опустошали. Банки мы не грабили, но огороды от нас страдали. Председатель колхоза приказал нас, так сказать, арестовать, дал он нам три подводы, лошадей, дал большие телеги, дал продуктов, дал провозатых и сказал нас всех увезти, и провозатым не возвращаться, пока нас не сдадут. Нас возили-возили, везде после войны всё было переполнено. Потом уже в Витебск привезли нас, там был такой приёмник-распределитель, нас туда сдали всех, человек тридцать, наверное, было, сдали, и я там осталась с братом. Брат очень больной был, его послали на операцию, у него в лет

пять была операция на сердце, потому что была опухоль. Потом Виктор из больницы пришёл, и нас отправили в детский дом.

Детдомовское хозяйство

Попала я в детдом. В детдоме мы были в изоляторах, пока нас в человеческий вид привели. Я с Виктором попала в один детдом. Километров двадцать пять от Витебска это было, специальный детдом, где были пострадавшие в войну. Окончила там школу, директорша очень хорошая была – матерей таких не бывает, как у нас была директриса. Очень хорошая. Она, когда я уходила из детдома, подарила мне большую фотографию свою, портрет.

В детдоме мы всем занимались – и пели, и танцевали, и стихи рассказывали, и постановки делали. Мы вышивали, шили, у нас были нитки, материалы. И выступали, ездили выступать, куда нас приглашали: в Витебск, в другие детдома ездили, и к нам приезжали. И танцы устраивали.

Мы собирали грибы, ягоды, щавель заготавливали, за орехами ходили. Отряд пошёл, пятнадцать-двадцать человек, и пошли. А всего больше сотни детей было. А на лето уезжали, жили в палатках. Воспитатели с нами жили, медсестра, врач, повара, всё как положено. Одна воспитательница меня хотела взять за дочь. Но мне уже было что-то около одиннадцати-двенадцати лет, я не хотела – я сказала, что я уже никого мамой не назову.

Был случай, уже перед выпуском из детдома, когда мы считались уже взрослые. У нас были спальни, у каждого своя кровать. А в коридоре со стороны раздевалки была няня, ночная, потому что у нас там не только девочки были, но и мальчики. И вот, в один прекрасный день, легли спать. А во дворе школы – танцы, под аккордеон. Все там танцуют, школа недалеко. Мы, значит, собрались, пять девочек – пойдём на танцы. А окна-то низкие в деревьях, мы окно открыли, оделись и босиком вылезли и – на танцы. А директриса, Антонина Сергеевна, жила на берегу озера. Она частенько ходила, проверяла по ночам, как нянечки работают, спят или смотрят. И она как раз шла мимо этих танцев. Она ничего не сказала.

Танцы закончились, мы пошли домой. А утром у нас каждое утро была линейка. Поднимали флаг, давали задание каждой группе – кто идёт огород полоть, кто коров доить, кто гусей пасти, кто лошадей выгоняет – у нас было своё хозяйство в детдоме. И вот утром встали, флаг подняли,

песню спели. А потом делают объявление. И Антонина Сергеевна называет пять фамилий, и говорит, чтобы мы вышли вперёд. А мы все были из одной спальни и из одного отряда. «И вы знаете, что эти девицы сегодня натворили? Иду я – на танцах мелькают знакомые фигуры. Босиком пыль гоняют! Они же ушли на танцы!» И мы за это получили наряд – полоть крыжовник и крапиву. Заставила она нас полоть. Вот было наказание. Сколько я там жила – один раз у меня было наказание.

«Теперь ваши родина и дом там...»

В пятидесятом году я окончила там школу, и туда приехали из Риги люди и взяли нас, пять девочек. Это было для нового ремесленного училища. Набирали девочек, потому что хотели проверить, могут ли девочки быть токарями. И вот нас там набрали и привезли в Ригу.

Когда нас собрали из детдома, мы поехали на поезде, проезжали Двинск, то есть Даугавпилс. Приехали мы ночью в Двинск, слышим – говорят не по-русски. Воспитательница провожатая спала, а мы все девочки собрались и с поезда – *пшик!* С поезда мы слезли! Убежать хотели. Думали, нас везут опять к немцам. Ну, долго мы, конечно, не бежали. На следующей станции воспитательница проснулась, а нас нет. Связались там, и нас обратно. А второй раз, когда привезли уже в Ригу, там же и написано везде не по-русски, и в училище говорят опять не по-русски. И опять – нас привезли к немцам. Узнали, сколько до детдома стоит билет, пошли, продали вещи детдомовские, какие у нас были, форма красивая, и на эту сумму набрали денег и поехали обратно в детдом. Приехали, нас встречает Антонина Сергеевна: «Девочки, вы откуда?» – «Почему вы нас к немцам отправили опять?» – «Да какие немцы, там же русские!» И она нам сказала так: «Мои вы милые доченьки, здесь был ваш один дом и родина, а теперь ваши родина и дом там». Она нам объяснила, кто там живёт. И вот я с пятидесятого года живу на второй родине.

Сталь определять по звуку

Ремесленное училище было на Курбада, 2а. Первое ремесленное училище¹. И училась я там два года. Тогда мне было шестнадцать, а когда окончила училище, было уже восемнадцать лет. Выучилась на токаря,

¹ Бывшее Рижское государственное ремесленное училище.

получила пятый разряд, высшую категорию, можно сказать.

Своих учителей – помню. В училище были двое, называли мы их Зарс и Гераниус, и вот они нас обучали, два старичка таких. До того были требовательные, очень хорошие были учителя, старые мастера! Мы учились, и практику проходили, и теорию. Первые полгода мы учили только металлы, сейчас я, может, и не узнаю, а тогда – на каждом металле есть метка, какая марка стали, серая, красная, зелёная, и по этим меткам определяли, сталь-3 или сталь-45, или сталь-5. И если тебе дали кусок работать, а там марка отрезана, нас даже по звуку научили определять, какая это сталь, по звуку, по искре. Так что – очень хорошо учили.

Моя фотография на доске почёта висела, и меня ещё потом, когда я уже работала, приглашали, чтобы я дала напутствие новеньким, тоже из детдома набирали. Я хорошо училась, потому что в детдоме нас очень хорошо воспитывали. Там я окончила пять классов, образование у меня маленькое, но считается среднее, потом ещё два года училась. Но я считаю, что я не меньше знаю, чем те, кто сейчас двенадцать классов оканчивают.

И мы, все пять детдомовских девочек, были вместе. А теперь уже разошлись, и не знаем, где кто есть. Вначале общались, дети в пионерских лагерях вместе были. А сейчас кто умер, кто уехал. Связи уже нет. Это я вот из всех... до восьмидесяти лет досиделась.

«Никогда не верьте парням!»

В Риге мы в основном свидания у канала назначали. Иногда назначишь свидание, а не придёшь. И под часами *Лайма* встречались. Проходишь мимо, а он ждёт, ждёт, на часы смотрит.

Иногда в трамвае договаривались. В основном ездили в трамвае. Общежитие было на Московской, а в училище ездили на Курбада. Танцы у нас были. Зал большой был, и из других училищ приходили. Не всегда всех пускали, парни дрались, когда приходили из других училищ и за нашими девочками ухаживали. Из пятого училища, железнодорожного, приходили к нам на танцы, у них только парни были, им не с кем было танцевать. А воспитатели из детдома мне в училище посылки посылали, какую-нибудь кофточку, на танцы же надо в чём-то ходить.

С парнями мы дружили, домой нас провожали, но так, чтобы всерьёз, не было. Потому что директриса в детдоме нам сказала, такие

нотации читала – никогда не верьте парням! Обманут, а куда вы потом денетесь? Потому что у нас была учительница одна, дочь председателя колхоза, и она незамужняя была, и родила. Так к ней так относились... Это же позор был, особенно в то время, в сороковые-пятидесятые годы. Очень строго это было. Нам и нотации давали, и рассказывали, всю жизнь, весь жизненный свой опыт воспитатели передавали нам. Так что жизнь меня научила, и била, и учила.

В театр ходила. В училище мы ни один театр не пропускали. И на латышском тоже. У нас был комсорг, и он нам переводил. Самый-самый спектакль из всех, который мне запомнился, это «Огонь и ночь»! Нам давали бесплатные билеты, мы садились в кружок, и комсорг нам переводил. Как только театр где какой был, мы везде ходили. На *день песен*² тоже готовились в училище. Ох, как нас там дрессировали! Интересно было.

Везде я хотела быть

И потом, когда окончила училище, из Елгавы, из Машзавода³ пришёл запрос, потому что распределяли, кому нужны токаря, и нас, этих пятерых девочек, всех туда отправили. И мы попали в Елгаву, на машиностроительный завод. Там я работала, потом там я вышла замуж, а потом оттуда, когда я ушла в декрет, я пошла уже на другой завод, на Елгавсельмаш⁴, и отработала там тридцать два года, а общий трудовой стаж у меня сорок два года.

На заводе женщины тоже работали – токаря, сверловщицы, фрезеровщицы; довольно тяжёлая работа, но мы справлялись. Всё-таки железку надо поднять, привезти, поставить в станок, тяжёлая работа, но приятная, интересная. Каждый раз новые задания. Например, выточить сто карандашей. Выточил, сдал, зарплату получил. Наряд выписывает контролёр, и потом в конце месяца считают. И брак был, тоже получался, иногда не доглядишь. Когда высчитывали за него, когда и не высчитывали. Если остался материал – делай заново. Но у меня не высчитывали никогда. Была мелочишка – двадцать-тридцать копеек – такую ерунду прощали.

Как я только их таскала-то, железяки эти тяжёлые! Нагрузишь

² Возможно, имеется в виду Праздник песни (Dziesmu svētki). В 1950 году проходил Второй Праздник песни Советской Латвии (XI Всеобщий праздник песни), в котором участвовал объединённый хор профессиональных училищ Латвии, исполнявший песни на русском языке.

³ Елгавский машиностроительный завод.

⁴ Елгавский завод сельскохозяйственного машиностроения.

целую тачку, иногда тачка падает, а заработать хочется побольше, чтобы и на танцы сходить. Жизнь была тяжёлая. Но я работала, зарабатывала, неплохо зарабатывала. И хоть работа была с тяжёлым металлом, а руки у меня до сих пор мягкие. У меня никогда руки не были грубые, ногти у меня – это я сейчас подрезала маленькие, а тогда – ногти были длинные, ладони были разрезаны от ногтей.

Зарплата была, сколько заработаешь, с выработки. Слишком я привыкла экономить, в детдоме нас приучили экономить. На питание было, и откладывали денежку, чтобы что-то купить, чтобы в шинели детдомовской не ходить. Первое, что я купила – пальто, правда, осеннее. Понемножку на туфли откладывала. Научилась постепенно с деньгами обращаться.

Сейчас уже и не принято говорить про это, членом КПСС⁵ была, тридцать один год. Была секретарём партийной организации, профформом⁶, учеников у меня очень много было, токарей я учила, сверловщицы у меня были тоже. В почёте была, на доске почёта была всё время.

В самодеятельности я участвовала, в комиссии по квартирам была. Везде я хотела быть, потому что, как меня в детдоме учили – никогда не сдавайтесь, никогда никому не поддавайтесь, будьте всегда впереди, и не слушайте никого. Я очень долго не признавалась, что я из детдома, потому что детдомовцы, как говорят, не люди.

Первый ученик

Познакомилась я с мужем, когда на Машзаводе работала. Тогда я как раз училище окончила, а он пришёл из армии. И мне дали его учеником. Я его выучила на токаря, а потом мы поженились. Его звали Сергей Семёнович Данильцев, вот, Данильцевой тогда стала. Это было в пятьдесят третьем году. Он старше, он двадцать восьмого года рождения, а родом из Киргизии, но русский. Он был из переселенцев. Ещё его дедушку туда переселили, бороться против басмачей⁷, восстанавливать советскую власть. А после армии он приехал сюда, потому что здесь у него брат жил. Брат его позвал сюда, и он пришёл сюда на Машзавод работать, так мы и

⁵ Коммунистическая партия Советского Союза.

⁶ Профформ – сокращение: профсоюзный организатор, выборный руководитель профсоюзной организации работающих, как правило, на одном предприятии или в одном учреждении.

⁷ Басмачество – партизанское религиозно-политическое движение местного населения Средней Азии, началось с сопротивления мобилизации в царскую армию во время Первой мировой войны и продолжилось борьбой с большевиками после октябрьского переворота 1917 года.

познакомились. Это был первый ученик у меня. Он попросился к брату, потому что там, в Киргизии, у него уже не к кому ехать было, потому что отец его там погиб; там обелиск такой большой, и он там вписан – погиб в войну.

Свадьбы у нас как таковой не было, просто вечер был. Я из общежития, он только из армии. Никакого платья у меня не было, и даже колец мы не могли купить. В то время не было на что, и только сошлись мы. Я пошла в комиссионку⁸, купила платье, голубое, такое красивое было, с вышитыми белыми лебедями.

Вышла замуж, и жили у его брата. Конечно, обстановка там была... они не хотели, чтобы он женился на мне. У него была другая девушка, с родителями, с квартирой, а я-то из общежития. А он всё равно – я сирота, и она сирота, значит, мы должны вместе быть.

С отдельной квартирой вопрос был, конечно, тяжёлый. Сколько мы ходили, ходили в паспортный стол, и везде, и потом уже пришлось писать заявление, что мы разводимся, раз не даёте квартиру. Нас там подучили, конечно, что молодые специалисты, только начали на путь вставать, а квартиры нет.

На очереди на заводе⁹ стояли с пятьдесят третьего по шестьдесят первый год, столько мы мыкались, пока не получили квартиру в «хрущёвке»¹⁰. Хорошая, обжитая квартира, уже пятьдесят лет там живём. И со всего дома, из двадцати квартир нас только двое осталось из первых жильцов. У меня с моей работы и до дома 1281 шаг был. Несколько раз считала, специально, сколько шагов я делала туда и обратно каждый день. Работа была в три смены, надо было работать с часу ночи до восьми утра.

Жизнь научила сдачу давать

Всякое было в жизни. Прожили мы с мужем сорок лет. Всякое было, и ругались, и дрались, и разводились. Дрались мы! Я его так метелила, и он меня тоже. Ну а что, идти некуда, дети общие, квартира общая. Так и

⁸ Сокращение от: комиссионный магазин. Так называли магазины, принимавшие товары от населения на продажу за комиссионные проценты в свою пользу.

⁹ Так назывался квартирный учет по месту работы, позволявший при нехватке жилплощади (в разные годы, в среднем не более 6 кв. м на человека) претендовать на получение от государства отдельной квартиры.

¹⁰ Кирпичные или панельные дома, как правило, высотой от трех до пяти этажей, с одно-, двух- и трехкомнатными квартирами небольшой площади; их массовое строительство началось во второй половине 1950-х годов, в период руководства Никиты Сергеевича Хрущёва, стремившегося ударными темпами решить жилищную проблему.

прожили. Мы не говорили, сколько детей хотели. Забеременела я через три месяца после свадьбы. Родила сына. А дочку родила через пять лет. Двоих хватило, потом решили, что не надо больше.

Дрались в основном из-за детей. То он накажет того несправедливо, я заступаюсь, и тогда он мне, я ему. Я не боялась, сдачи могла дать. Меня жизнь научила сдачу давать. В основном я детей воспитывала, потому что он работал в милиции, ушёл с завода, ему не понравилось. Учила всему, как надо, чтобы справедливо было. Обсуждали, по вечерам книги читали. Когда дочь умерла, пришлось воспитывать двух внуков. Дочь у меня боевая была, и внучка. Это мой характер. Дочка училась в шестом классе, мама приводит сына, у парня вот такой синяк под глазом. «Вы посмотрите, что ваша дочь с моим сыном сделала!» – «А пусть он за косы не дёргает!» А я говорю, правильно делает. Учительница ей пишет замечание, а я говорю, пусть ему замечание делает. И разобрались.

Мне с детьми не так было тяжело, как с внуками. Денег нет, на одну пенсию. Так тяжело, и одному надо, и второму надо, но меня ещё выручает то, что продам, что свяжу, есть копейка, а так даже не знаю, как выживать. Социальную помощь я просила, а у меня превышает бюджет на два евро, и не дают. Так что ничего я не получаю.

Сейчас у меня внуки учатся. Один раз показывали по телевизору – внучка проходит мимо, спрашивает – а кто это? Я говорю – Ленин¹¹. А кто он, говорит, такой? Она даже не знает, кто это все такие. Она же на латышском учится. Ни Максима Горького¹², ни Чехова¹³, ни Гоголя¹⁴... Но я рассказываю, и про Сталина¹⁵, и про Ленина, и про войну, она говорит – бабушка, неужели правда, что с тобой так и было? Да, говорю. И сыну рассказывала, и дочери. Кино иногда показывают, я говорю – посмотрите, вот такая вот я была, когда показывают беспризорников. А они как-то вот... я не могу даже сказать, какое у них отношение к этому. А ещё иногда говорят – бабушка, мама, да когда это было. А я говорю – было это, видишь, выжила я, было это. А вы, говорю, вообще ничего не знаете, и не видите, что это было и

¹¹ Владимир Ильич Ульянов (Ленин, 1870–1924) – российский революционер, лидер партии большевиков, председатель первого советского правительства.

¹² Алексей Максимович Пешков (литературный псевдоним – Максим Горький, 1868–1936) – русский писатель, прозаик, драматург.

¹³ Антон Павлович Чехов (1860–1904) – русский писатель, прозаик, драматург.

¹⁴ Николай Васильевич Гоголь (1809–1852) – русский прозаик, драматург, поэт, критик, публицист.

¹⁵ Иосиф Виссарионович Джугашвили (Сталин, 1878/1879–1953) – российский революционер, с 1922 по 1953 год – генеральный секретарь Центрального Комитета Коммунистической партии (большевиков).

когда это было. А вы вырастете, вам нечего будет рассказать своим детям. Ну, окончила ты школу, окончила техникум, и всё, всё! Ну, где-то съездила на экскурсию. Вам нечего рассказать!

Девяностые. Надо привыкать

Тяжело было, потому что сразу общения не стало, туда нельзя, сюда нельзя, письма писать нельзя, я же письма писала сёстрам мужа, его родственникам. Даже дала телеграмму, что Сергей умер, чтобы на похороны пришли. Не приехали на похороны. А потом уже позже, через много месяцев, пришло письмо, говорили, мы не приехали, потому что думали, что его убили, война у вас была. В девяносто первом. У нас, мол, говорили, что у вас война там идёт, что убивают, хотя такого и не было. Но ажиотаж очень тяжёлый был, нехороший.

Я по-латышски не то что совсем нет, я понимаю, а если не понимаю, прошу по-русски сказать. В магазине я всё могу спросить, когда про политику говорят, там я уже не всё понимаю. Но уже, как привыкши по-русски, так уже и говоришь по-русски.

Я в детдоме училась на белорусском языке, а когда пришла в училище, меня мало кто понимал, потому что я на белорусском языке говорила. Но ничего, сейчас уже только слово какое-то по-белорусски проскочит. А на латышском в пятидесятые годы не было программы в училище, там на русском всё было. Но в основном в училище были латышские парни, и они нас «учили», наверное, поэтому я латышский язык и не учу. Они нас такому научили, что нас милиция из магазина забирала. Мы же не знали. Может, мне это в голову забилося. Не могу никак. Знаю, разговариваю, и на аттестат¹⁶ сдала, и тут же у меня из головы вылетает.

Столько пришлось пережить. Надо привыкать ко всему. Но в то время не так было, как сейчас. Тогда было свободно, так не было, как сейчас. Хотя меня и так никто никогда не обижает и не обижал. Я свыкаюсь. Конечно, очень неприятно, что сейчас обстановка такая нехорошая. Иногда посидишь, подумаешь – ну зачем это всё вам делать? Это всё про новое время, с девяностых. Вроде, всё утихло, после девяностых, а сейчас опять начинают – русские не надо, и так далее. Иногда очень тяжело, вот так обидно – ну, русский, ну и что, что я кому сделала плохого, что я русская?

¹⁶ Имеется в виду удостоверение о знании государственного языка.

Последние десять лет для меня самая радость – это репетиции, во вторник, в пятницу репетиция, готовишься, потом выступления, костюмы у нас ещё есть! Но сейчас вот «Тёплый дом»¹⁷ остался. Все женщины собираются, мужчин-то нет почти. Ну как сказать, что это такое... это общение. Мы собираемся раз в месяц, поздравляем с днём рождения, песни там споём, и поздравим, и стихи расскажем, столы накрываем. Так что у нас весело здесь, весело. Сколько я себя помню, я всё время занимаюсь чем-нибудь – вязанием, шитьём, ходила на курсы два года, шить училась.

Один мой внук, Кирюша, он в Англии уже третий год, окончил тоже по моей специальности, только я ручки крутила руками, а он – на электронике. Даёт задания и деталь точится. Он в Англии, а учился здесь, четыре года, в *аматке*¹⁸. Он Англией очень доволен. В Латвии такой работы, на которую он учился, нет. Учить-то их учили, их восемнадцать человек выпустили, а никто не работает, нет такой работы токаря. На машиностроительном заводе есть несколько мест, а туда не пускают, говорят, нам молодёжь сломает всю технику. Хотя училище купило для завода машины на свои деньги, а их не пускают. Он пошёл туда работать, отработал два месяца и ему заплатили десять латов. Живи, говорят, парень. Вон он по знакомству и устроился туда. Сначала он три месяца на испытательном сроке был, а сейчас год ещё проучился и усовершенствовал свою специальность, теперь у него будет высшая категория. Ты, говорит, бабушка, вручную крутила, а я на кнопки нажимаю. И я думаю, что он оттуда нет, не вернётся.

Композиция подготовлена по интервью NMV–4243
Композицию подготовили и интервьюировали
Мария Ассерецкова и Мара Зирните, в Елгаве, 2014
Расшифровала Мария Ассерецкова

¹⁷ Название Елгавского клуба пенсионеров.

¹⁸ От латышского *Amatu skola* – ремесленное училище.

АННА ГРУЗДЕВА

Родилась в 1935 году в Красноярске, в России. В конце 1959 года окончила Красноярский Педагогический университет по специальности истории и филологии. После замужества переехала в Латвию. Вскоре овдовела и осталась жить по месту жительства мужа. Работала учителем.

Я ВОШЛА В ЖИЗНЬ ЭТОГО ГОРОДА

Я оказалась в Латвии случайно

Я родилась и жила в Красноярске. В конце 1956 года я совершенно неожиданно познакомилась со своим будущим мужем, Юрием Груздевым. Он приехал в Красноярск после Ленинградского института. Три года ему нужно было отработать по распределению. В 1960 году, когда он работал там уже третий год, мы получили письмо из Риги, от его отца. Его родители, отец и мать, – врачи, военнообязанные, и во время войны они были в Латвии. Его отец, Груздев Серафим Васильевич, подполковник медицинской службы, мать Мария Сергеевна – майор.

В 1944 году они остались жить здесь, в Риге, на улице Суворова¹⁹. Здесь родители моего мужа жили, работали. Под конец своей жизни, в 1950–1960-х годах, Груздев Серафим Васильевич работал главным врачом в санатории «Кемери», Мария Сергеевна – врачом в санатории «Дзинтари». Дочь их, старшая дочь, окончила Латвийский Университет²⁰ и аспирантуру, и работала заведующей кафедрой в Лиепайском педагогическом институте²¹.

¹⁹ Ныне улица Александра Чака.

²⁰ В то время Латвийский Государственный университет.

²¹ Ныне Лиепайский Университет.

И вот, в шестидесятом году в Риге началось уплотнение квартир. Так как квартира у Груздевых была большая, то отец мужа написал, чтобы сын со своей женой, то есть со мной, и с нашим сыном, срочно сюда приехали. И их сын, Юрий Груздев, привёз меня сюда с сыном, а сам поехал увольняться. Двенадцать дней ему надо было обязательно доработать. Ну и в последний день работы на производстве произошла авария, и он погиб. Я осталась здесь. И вот так я случайно оказалась в Латвии.

Но нашла довольно быстро работу. В двадцатых числах августа 1960 года, после похорон в Сибири, я вернулась, и в сентябре уже работала в школе. И тогда мне казалось, что я быстро выучу латышский язык. Почему? Потому что сразу по специальности мне в школе работы не нашлось, и я работала в группе продлённого дня, а там нужно было проверять уроки. И так я столкнулась с латышским языком. Дети в начальной школе решили, что я его знаю. Я тоже решила, что быстро выучу. Но положение такое было, что всё-таки как-то он мне не пригодился в работе. Когда я потом поступила в среднюю школу учителем русского языка и литературы, он мне не пригодился. Даже когда я сдала на третью категорию²², это был уже 1993–1994 год, а тогда третья категория высшая была, и всё равно у меня в памяти этот язык не остался, хотя запас слов был очень-очень большой.

Но я за всё это время не испытывала проблем в отношениях с людьми. Меня совершенно не волновало, кто со мной разговаривает, кто какой национальности. И это отношение почти сохранилось. Почему я говорю почти? Вот у меня есть коллега одна, латышка. Она очень добрый человек, очень. Но у неё есть такое настроение, как бы это сказать, как у очень многих латышей, называть русских оккупантами, вот это всё. Но лучше не обращать на это внимание, потому что человек она хороший, добрейший. И она какое-то время работала в латышской школе, а потом вернулась опять к нам, в русскую. Так что у меня это вообще никакой озабоченности не вызывало. Но мне кажется, в мире так и должно быть. Никакой политики. Живи мирно, работай нормально.

Мне стали нравиться улицы, просто улицы

Чтобы лучше знать город, где я живу, я поступила в 1971 или 1972 году на курсы экскурсоводов. Одиннадцать лет я прожила уже в Риге,

²² Имеется в виду уровень знания латышского языка, согласно закону необходимый для работы по конкретной профессии или на занимаемой должности.

коллектив рабочий, разумеется, был, знакомства начались первые, но наверно я ещё не привыкла; но и вопроса не задавала себе, привыкла я или нет. Но мне уже что-то нравилось. Например, первый эпизод: иду я на работу, к восьми часам утра. И на перекрёстке Суворова и Энгельса ходил трамвай номер три²³. Он шёл в сторону Керамики²⁴. И вот на углу этих улиц был магазин, молочный. Он работал с восьми, а был ещё только восьмой час. И вот на крыльце, на улице, стоят бутылки – молоко, кефир, сметана, а ещё масло, вся молочная продукция. Стоит – и никого нет, ни сторожа, ни машины. И никому до этого дела нет, и никто не возьмёт. Вот это мне так понравилось!

Ну, потом стала присматриваться. Потом мне стали нравиться улицы, просто улицы. Какие? Вот когда ночью погода влажная была, и камни, мостовая, блестят от росы. В Сибири у меня этого не было. И вот я шла на работу и только этим любовалась, камнями этими, покрытыми росой, тишиной. Потом я ещё смотрела, ходила в Старый город. Потому что были картинки в учебниках, готическая архитектура. А тут я наяву это вижу. Вот это меня восхищало. А раз восхищало, то я в 1971 или 1972 году поступила на курсы экскурсоводов и окончила их. И первые месяцы я боялась экскурсий. А потом всё-таки пошла. Экскурсию надо было проводить три с половиной часа, и на машине, и пешеходную по Старому городу. И с таким удовольствием я начинала работать! Почему, потому что я рассказываю, и как будто сама узнаю что-то новое, и это, наверное, впечатляло других, все были довольны экскурсией. Мне больше нравилась пешеходная, чем автобусная, потому что автобусная – это и современный город, и кладбища надо было посетить. Но кладбища мне не очень нравилось посещать по одной причине, потому что я была сентиментальным человеком, мне было трудно сдерживать волнение. Но подходила к красивым памятникам, в основном, поэтов, чтобы не волноваться очень. А в Старом городе улочки, архитектура. И наивысшим наслаждением было посещение с экскурсией Домского собора, потому что там мне надо было рассказать и об органе, и про эпитафии, и про захоронения. Я много прочитала про историю Домского собора, про историю нашего органа, про органы вообще. Трудно было сдать экзамен по истории Домского собора.

²³ Ныне улицы Чака и Стабу, трамвай там ходил до 1965 года.

²⁴ Так называлась конечная остановка трамвая маршрута №3, т.к. там, рядом с известным Рижским фарфоровым заводом, с довоенных времен находилась небольшая фабрика керамических изделий.

И вот так я настолько привыкла к этому городу, что когда я слышу, например, кому-то говорят, что если не нравится здесь наша Латвия, то уезжай на свою родину (кому-то, мне, слава богу, пока никто так не говорил), но я вот представила себе – мне так сказали, а куда поедешь? Я оттуда уехала, у меня там не было квартиры, потому что я только институт окончила, вскоре сюда уже приехала, через год. Но главное даже не в квартире. Там и родных у меня уже нет. А главное совсем другое даже – я настолько вошла в жизнь этого города, что другого не могу представить, что я могла бы куда-то уехать, где-то жить.

Распад Советского Союза я восприняла нормально

Распад Советского Союза я восприняла нормально. Почему нормально? Потому что в 1991 году это многие воспринимали как норму. Очень много препон, очень много запретов было. И у меня было так – теперь можно всё что угодно писать, говорить, рассуждать – слава богу! Ну, независимая Латвия, ну, распался Советский Союз, ну, не будет этих органов секретных – это, наверное, то, что витало у простых жителей в головах. Очень многие, как мне кажется, воспринимали это как норму. Потом тоже нормально было. Потому что Советский Союз, он не тот стал. 1990-е годы ужасные были везде, – и здесь, и в России.

Как-то без проблем воспринимали распад Советского Союза, моё окружение, по крайней мере. Может, некоторые болезненно, но я этого так не воспринимала. И не только я, мои друзья тоже.

В 2010 году я закончила работать. Я бы не сказала, что современные школьники сильно отличаются от тех, от советских. Мне даже как-то казалось, что не отличаются. Единственное, что отличается, это те, кто родились уже в 1980-х годах, историю не знают. И вообще историю плохо знают. Вот урок литературы. Объясняю я Чехова, биографию. Отправляется он на Сахалин. Где Сахалин? Не знают ребята. Жаль, что у меня карты не было, я на доске рисовала карту Советского Союза, и показывала, как он ехал. А ученики двадцать первого века ещё хуже знали эту всю историю. Даже, например, рассказываешь о поэзии 1970-х годов, мало кто слышал, например, Высоцкого²⁵. Ладно, девятнадцатый век, это в программе, а вот современных поэтов, 1970-х годов – плохо. Надо было объяснить, почему

²⁵ Владимир Семенович Высоцкий (1938–1980) – русский актёр, поэт, автор и исполнитель песен.

поэты об этом пишут, объяснить, какая жизнь была в Советском Союзе, какая обстановка идеологическая, всё ли можно было писать. Почему преследовались поэты. Вот это в двадцатом веке, когда уже не было Советского Союза, надо было как-то объяснять. Те ученики всё-таки слышали по радио, от родителей, в советское время, а уже после советского времени это надо было на уроках объяснять.

*Mans draugs runcis*²⁶

Был такой случай. Однажды урок идёт, это конец 1990-х годов, или начало этого века, может быть. Я веду урок, в дверь стучит секретарь директора и рукой машет. Я говорю – сейчас выйду. А ученики меня спрашивают – вы знаете, куда вас вызывают? Я говорю, нет. А сегодня пришёл представитель, он в кабинете директора: всех учителей вызывают, интересуются, как они знают латышский язык. А ученики говорят мне это и смеются. Почему? Потому что они знают, что я не умею говорить по-латышски. И думают – как же вы сегодня будете?

А у меня запас слов был очень большой. Я читала книжки, ещё до этого, в 1980-е годы, я сама учила латышский. Но грамматики не знала. И вот я пришла, сначала мне этот проверяющий дал задание, попросил написать характеристику класса. Нашёл там очень много ошибок. Мне было смешно, потому что он там много красным отмечает, я смеюсь, говорю, что у нас так ученики на любом диктанте пишут, с ошибками. Потом много вопросов задавал, я на все вопросы много-много говорила. Он смеялся, директриса смеялась, а директриса хорошо по-латышски говорила. Долго беседовали.

А за дверью болельщики стояли. И когда я вышла, все такие, – ну, слава богу, хоть там было веселье сегодня, а то одного учителя уже на двадцать пять латов оштрафовали, другого на пятнадцать или на десять. Мы тоже смеялись, мне говорят. Над чем же? Ну, всё говорила, всё понятно. Но все существительные – в именительном падеже.

Если бы у меня был предмет другой – ну там, физкультура, география, я бы, конечно, знала и говорила, мне было бы не обидно. А так мне обидно – что я выучить выучу, а употребить на уроке не могу, потому что там русский язык и литература.

²⁶ В переводе с латышского: *Мой друг кот*.

Вот, первый раз, когда я пошла сдавать на третью категорию, в Кировский район²⁷, это центральный был район тогда, в комиссии председатель был мужчина. Ну, я там написала что-то, отвечала. И что он мне сказал – вам придётся ещё подготовиться, надо не только говорить по-латышски, но и думать. Я тогда подумала – ну, это слишком, надо пожить ещё, чтобы думать так, а не на родном языке. Я была очень недовольна, не пошла больше сдавать в этот район, пошла в другой район, и там сдала. Нормально было. Меня даже похвалили, почему похвалили, потому что я там хорошо расписала портрет друга. Но не назвала, кто это. А в конце написала – *mans draugs runcis*, кот. Они так хохотали, они думали, что я про молодого человека пишу. А раз посмеялись, я их как-то успокоила, и они мне больше никакого вопроса не задали. Сказали – спасибо, всё сдала.

А это вот – проверка во время уроков, ученики это видят, кого-то уже оштрафовали... напряжённость. Ну, может быть, по-другому это надо было делать, если хотели проверить, я не знаю. Но не так. Это было грубо. Никто открыто не грубил, нет. Но выглядело это грубовато и унизительно.

Композиция подготовлена по интервью NMV-4258
Композицию подготовила и интервьюировала
Мария Ассерецкова, в Риге, 2014

²⁷ Ныне – Центральный район г. Риги.

БОРИС ЛОБКОВ

Родился в 1931 году в городе Сычёвка Смоленской области, в России. Рано потерял родителей. Учился в Одесском институте инженеров морского флота, был направлен на работу в город Находку Приморского края, затем в Вентспилсский порт.

ВСЕ МЫ ДЕТИ СВОЕГО ВРЕМЕНИ

Дети являются самыми невинными жертвами войны

Я родился в маленьком городке, в районном центре, в Смоленской области, называется – Сычёвка. Там прошло начало моего детства. Отец – Василий Михайлович – по образованию военный, участник Первой мировой войны, офицер в звании штабс-капитана. В Гражданской войне не участвовал, потом переквалифицировался в агрономы, кем и работал вплоть до 1941 года. Мать – Елизавета Фёдоровна – домохозяйка и швея, она из простой семьи. Дед мой, по материнской линии, был сапожником и держал мастерскую в Петербурге, на Петроградской стороне, потом произошёл несчастный случай – мастерская сгорела, и он пошёл работать на завод «Металлист». Был участником событий 1905 года, этого революционного бунта, как сейчас называют. И там он получил травму... Короче – руку ему там отняло, и он по страховке, в порядке компенсации, получил домик под Санкт-Петербургом и работал дорожником-стрелочником. И там дед мой погиб, при исполнении служебных обязанностей. Семья большая, в основном девочки, детей было – один мальчишка... и одиннадцать девочек. Все зарабатывали на жизнь швейным ремеслом.

А мать моя была самой младшей в семье и оказалась в связи с

событиями того времени в составе женского батальона²⁸, о котором недавно был снят фильм²⁹. Батальон воевал на российско-германском фронте, был почти истреблен. Командир батальона – тоже женщина – воевала в составе Колчаковской армии, и там была в Красноярске расстреляна большевиками³⁰. Ну, а мать с отцом встретились в Колпино, под Санкт-Петербургом, где была расквартирована воинская часть, в которой отец служил. И от репрессий, когда офицеров почти поголовно истребляли, он бежал с матерью в город Дорогобуж, на Смоленщине, и начали там они совершенно новую жизнь. И родились две старшие сестры и ваш покорный слуга. Отец работал агрономом и постепенно собирал деньги на строительство жилья. И в качестве места он избрал этот районный центр в Сычёвке, где и построил дом. Там, в недостроенном доме, и прошло моё раннее детство.

Когда мне было девять лет, началась война, и все эти события получили совершенно другой оборот – отец призыву уже не подлежал, по возрасту; и мы оказались в оккупации. В результате прорыва немецких частей под Вязмой, когда эти танковые клинья от Ельни рванули к Москве³¹, мы пытались уйти от наступающих немецких войск. Но нас немецкие танки перегнали, и мы вернулись в свой дом, в свой городок, где была совершенно другая власть.

У меня было две старшие сестры, одной тогда было двенадцать, другой четырнадцать лет. И шли ожесточённые бои на ближних и дальних подступах к Москве. Тогда никто не хотел уступать ни пяди земли, а страдало в основном мирное население, и в первую очередь – дети. И с тех пор в моём подсознании осело глубокое убеждение, что дети являются самыми невинными жертвами войны. Потому что они всё видят, всё понимают, они страдают вместе со всеми, но они не в состоянии в силу своего возраста как-то повлиять на происходящее. И от этого они страдают больше всех.

²⁸ Имеется в виду созданный летом 1917 года Российским Временным правительством «женский смертный батальон». Он был создан в пропагандистских целях, чтобы поднять боевой дух Российской армии.

²⁹ Речь идёт о фильме режиссёра Дмитрия Месхиева «Батальонъ» (2015).

³⁰ Мария Бочкарёва (1889–1920), первая женщина-офицер Российской армии, в 1917 году стала командиром первого женского батальона. В 1920 году советское правительство за контрреволюционную деятельность приговорило М. Бочкарёву к смертной казни.

³¹ Речь идет о так называемой операции «Тайфун» (2–13 октября 1941 года), в ходе которой войска Вермахта прорвали линию фронта и подошли к Можайской линии обороны Москвы. Потери Красной армии превысили 380 тысяч человек, в плен попало свыше 600 тысяч. В советской историографии операция носит название «Вяземской».

Линия фронта – рядом, мы – на оккупированной территории, деваться некуда, каждую ночь бомбёжки. Ночи длинные, тёмные, задача поставлена советской армии – изматывать силы противника. А как это изматывание происходит? А просто бомбят, стемнело, и летит бомбардировщик, прилетел, покружил над городком, над мостами, которые стратегическое значение имели, отбомбился, и улетел, и следом ночью сразу же летит следующий. И так до самого рассвета. Ну, а куда населению деваться? Немцы с переднего края, им же надо тоже передохнуть. Они приходят в дома, или выгоняют местных, или куда-то вбивают их в угол. А бомбы падают, попадают в дом, и убивают. И немцев, и своих. Такая вот мясорубка. А днём артиллерия стреляет, миномёты, дальнобойная артиллерия. Немецкая бьёт по советским, советская – по нам. И так изо дня в день, из месяца в месяц. Наступает рассвет, из этих разрушенных строений вытаскивают трупы, их везут на братское кладбище, и обозы с изуродованными трупами, это осталось в моей памяти, в подсознании, как самое яркое воспоминание детства.

К весне немцам нужен был жилой фонд, нужно его как-то освободить – часть населения нужно куда-то девать, посадили в эшелоны, погрузили в телячий вагон и повезли на запад. Повезли через Белоруссию, через Польшу, и привезли семью – двух сестёр, меня и мать – в Германию. Где-то в районе городка Оберхаузен³², там был концлагерь, со всей его атрибутикой. Колючая проволока по периметру, бараки, овчарки между вышками бегают, часовые там со *шмайсерами*³³ – всё что положено. Там уже до нас было полно обитателей. Рядом стоял какой-то химзавод. Старшие сёстры ходили на этот химзавод работать. А я слонялся по лагерю. А ночами бомбёжки англо-американской авиации. У них совсем другой метод истребления людей – они летят кучей, по пятнадцать-двадцать бомбардировщиков сразу, сваливают свой груз на объект, и так же кучей улетают. И больше там до утра не трогают. Трудно сказать, что лучше.

Как нам удалось выбраться из концлагеря? Эту тайну мать унесла с собой в могилу. Ну, тем не менее, в один прекрасный или не прекрасный день, дали нам соответствующий документ и отправили на вокзал. И

³² С 1939 по 1945 год в городе Оберхаузен находилось несколько лагерей принудительных работ (*Zwangsarbeiterlager*).

³³ Использувавшийся в германских вооружённых силах пистолет-пулемёт MP – 38 /40, который советские военные ошибочно называли *шмайсер* (немецкий пистолет-пулемёт MP – 28), из-за того, что на его магазине имелся патентный знак «*Patent Schmeisser*».

мы вернулись в свою родную Сычёвку, ещё не освобождённую Красной армией. А там ничего не изменилось, вот только стало больше разрушенных строений, выросли братские могилы и немецкие кладбища. Отец нас вывез в загородную деревню, километрах двадцати от города. Там мама умерла от сыпного тифа. Она была *сердечницей*, а сердечники эту болезнь тяжело переносили. Тифом переболели все, тогда была эпидемия на оккупированной территории. Я первым в семье заболел тифом, но как-то перенёс. Девчонки тоже переболели. Это в какой-то мере нас троих и спасло, потому что, уходя, немцы выгоняли население из домов и гнали по дороге неизвестно куда. Когда немец пришёл с карабином в избу, где мы прятались, мы все трое на печке были, и все лысые-постриженные – тифозных всех стригли, чтобы вошь тифозная не распространялась, и легче с ней было бороться. Кто-то из сестёр крикнул ему – «Тиф!» Он рванул к двери, и больше нас никто не трогал. И больше мы немцев не видели и в глаза. 8 марта 1943 года в результате боёв под Сталинградом эту местность освободили. Так мы снова оказались на советской территории.

Каинова печать

Добрались домой, там, в нашем полуразрушенном доме, уже живут другие люди, ну, запасы... Отец занимался пчеловодством, пчёлы ещё целые, запасы овощей ещё не съедены, но отца арестовали. За что его арестовали, я не знаю до сих пор... Он был офицер царской армии, участник Брусиловского прорыва³⁴, а таких офицеров в Союзе всегда недолюбливали, относились к ним с подозрением.

Он был офицером царской армии. Штабс-капитан. Между прочим, с этим связано своеобразное обстоятельство – когда сын учился в Ленинградском топографическом училище, уже на третьем курсе он был, его вызывает *особист*³⁵ и спрашивает: «Лобков, почему ты не написал в анкете, что твой отец был в оккупации?» Он говорит: «Так отцу ведь было девять лет, он был ребёнком, какое это имеет отношение?» – «Ну ладно, тогда ответь на вопрос – а почему ты не написал в анкете, что твой дед был штабс-капитаном царской армии?» – «Я не знал этого, потому что на

³⁴ Брусиловский прорыв (Луцкий прорыв) – наступательная операция Юго-Западного фронта Русской армии под командованием генерала Алексея Алексеевича Брусилова во время Первой мировой войны (22 мая – 7 сентября 1916 года).

³⁵ Сотрудник особого отдела – подразделения военной контрразведки Комитета государственной безопасности СССР.

эти темы никто никогда в семье не разговаривал. Знал, что только воевал в гражданскую войну, что участвовал в Брусиловском прорыве, а в каком звании – понятия не имел». А там, там – всё о нас знали! Причём знали досконально, в том числе то, что мы сами о себе не знали. Но всю жизнь, особенно в молодости, мне приходилось корректировать свое поведение в обществе, исходя из статуса «сын врага народа».

Отцу что-то такое «пришили», в связи с чем я и сёстры приобрели пожизненную Каинову печать – «дети врага народа», по 58-й статье³⁶. Скончался отец в 1954 году, потом был амнистирован, реабилитирован и занесён в книгу памяти невинных жертв сталинизма. Когда всё свершилось, это уже никого не интересовало, а штамп-то остался. И это осталось записано, что ваш покорный слуга – сын врага народа, 58-я статья. И от этой Каиновой печати мне так и не удалось освободиться, что в конечном счёте повлияло на всю мою биографию. По карточкам нам полагалось 300 граммов хлеба, сколько-то там соли, а всё остальное нам надо было добывать самим. В детский дом мы не пошли, вот так трое собрались и решили, что мы будем жить в автономном режиме, а в детский дом мы не пойдём.

В нашем доме, помимо нашей семьи, жили ещё три семьи, из которых всего было семь учеников. Вся информация тогда поступала через «чёрную тарелку» – репродуктор. Это сейчас всё в музеях уже, экспонат древности. А тогда вся информация поступала через чёрную тарелку, «сводки Совинформбюро³⁷», всякие репортажи, и всё-всё-всё, что следовало, по мнению власть предержащих, доводить до сведения населения.

Мы были ученики разных классов – я, один из младших. А школьная методика тогда требовала, чтобы ученик мог рассказать прочитанный текст. И все уроки, кроме письменных, арифметики и геометрии, проходили путём прочитывания и пересказывания текста. Поскольку все, кроме меня, были старшеклассники, я имел возможность прослушивать, так что, переходя из класса в класс, я как бы уже знал программу следующего класса, несмотря на то, что из-за оккупации два года не учился.

³⁶ Так в обиходе называли статьи 58-1, 58-1а-1г, 58-2 – 58-14 Уголовного кодекса РСФСР 1922 года в редакции 1926 года и в более поздних редакциях, которые устанавливали степень ответственности за «контрреволюционную деятельность».

³⁷ Советское информационное бюро – информационно-пропагандистское ведомство в СССР (1941–1961).

После освобождения школу восстанавливали, таких как я привлекали в качестве рабочей силы, кто постарше – из тех формировали бригады для уборки трупов с полей боевых действий. Меня эта участь миновала, мне было одиннадцать лет, кому двенадцать-четырнадцать – те занимались поиском, обнаружением и захоронением солдат и офицеров Красной армии.

Религиозная атрибутика помогла нам выжить

Я воспитан в советской школе... И так же болезненно и мучительно переживал вместе со всеми и смерть Сталина, и разоблачение культа личности, и все сопутствующие события – все мы дети своего времени. Говорят, что меня крестили вскоре после моего рождения, но я этого, естественно, не помню. Если и крестили, то в православную веру. Но по убеждению я – атеист. Однако в высшей степени веротерпимый. И родители относились к вопросам религии буквально таким образом – отец был очень набожным, ему по характеру первоначальной службы и положено было, потому что царская армия воевала за «Веру, Царя и Отечество». Если он был в командировках, то всегда висела иконка над головой, и там лампадка горела. Я часто его видел молящимся и крестящимся. А что касается матери, то она считала – если бы был Бог, он бы не допустил, чтобы люди столько страдали. У неё были на это свои основания, потому что она лично прошла через фронт Первой мировой войны. Тем не менее, религиозная атрибутика помогла нам выжить. В 1943 году, когда уже религия перестала быть под запретом, и все верующие стали ходить и молиться по церквям, большой был спрос на иконы – мы продали все свои религиозные атрибуты верующим людям, и Библию продали. Ну, Бог не наказал! Это подтверждение того, что его и нет, иначе и наказал бы нас. А может быть, и наказал всё-таки, что оставил без родителей...

Получил приглашение от Латвийского морского пароходства

После восьмого класса я пошёл на открывшийся у нас в городке завод по производству строительной извести – жить на что-то надо. Уже будучи после восьмого класса, в пятнадцать лет, я пошёл на этот завод и там проработал рядом и наравне со вчерашними фронтовиками почти до сдачи экзаменов в десятом классе. Ну, экзамены я сдавал вместе со своим

классом, со всеми ребятами, с которыми учился. И во время этой работы случился такой крутой перелом в моей жизни. Одежки никакой толком не было, а работать надо было в снегу, зимой, в мороз, из-под мерзлоты снег доставать – застудил ноги, пошёл к врачам, обнаружили болезнь, которая подлежит лечению радикальными средствами. Завод принадлежал Министерству транспортного строительства, и от этого министерства дали мне путёвку в Евпаторию. Ноги лечить. Летом 1950 года я туда и поехал. По бесплатному билету и по бесплатной путёвке, в качестве вознаграждения за мои трудовые успехи и за «участие в общественной жизни коллектива» – я был секретарём комсомольской организации. Поехал через Москву, поезд Москва–Евпатория ходил, и где-то там, на станции Сарабуз³⁸, ветка на Евпаторию уходит и идёт вдоль моря. Я стою, значит, у вагонного окна, и не сразу понял, что это такое, что передо мной. И не сразу сообразил, что это и есть море. Чёрное море, такой закат был красивый! Произвело впечатление. И я тогда решил – что бы со мной ни было, я буду жить и работать у моря!

Потом ещё часть 1950, 1951 года проработал на заводе, сдал экзамены за десятый класс, вместе со своими одноклассниками, и поехал в Одессу. Узнал заранее по справочникам – там есть такой Одесский институт инженеров морского флота³⁹. И поступил на гидротехнический факультет, причём экзамены я сдал ещё лучше, чем в своей родной школе. И прошло там пять лет моей студенческой жизни. Было нелегко, в первую очередь материально – стипендия небольшая, мы по тем деньгам получали на первом курсе 294 рубля, на пятом курсе, значит, что-то порядка четырёхсот рублей. Работал, зарабатывал, никогда я на голую стипендию не жил. Работал и грузчиком в порту, и на мукомольном заводе, и на консервном заводе, и рабочим сцены в Одесском оперном театре – где только ни работал. Это давало какие-то возможности, чтобы поддерживать своё существование. Работал и в научно-исследовательском секторе – там была строительного характера работа, и вахтенным матросом на китобойной флотилии, стоявшей на ремонте.

Получил назначение в трест Дальморгидрострой на должность мастера, куда и проследовал, в город Находку Приморского края. Там, в этом

³⁸ Историческое название современной станции Остряково (укр. Острякове), узловой станции Крымской железной дороги.

³⁹ Ныне Одесский Государственный морской университет.

тресте, я проработал два года, потом там начались какие-то сокращения, однокурсники, работая в порту, знали меня, контакты были налажены, и меня пригласили в технический отдел Находкинского торгового порта, где я и проработал восемь лет с лишним. Последние три года [работал] уже в должности начальника технического отдела. Это такие функции, которые возлагаются на людей, обладающих достаточно широкими знаниями и умением общаться с людьми – широких знаний требует: надо и по электрике, по технике, и по железнодорожным путям, и по гидротехнике уметь и знать. И уметь сформулировать нужные требования, уметь налаживать контакты со службами.

Всего я там проработал десять с небольшим лет. Получил приглашение от Латвийского морского пароходства. Тут уже назревали события по реконструкции морских портов в Прибалтике. Я дал согласие и был переведён в Лиепайский порт. А скоро пришло постановление правительства о его передаче в военное ведомство. Кого поувольняли, кого распахали по другим портам, кому-то повезло больше, кому-то меньше. Мне предложили должность более скромную, но с квартирой, в Вентспилсском морском торговом порту, вот, где ваш покорный слуга и обретается по сей день. В 1991 году я оформил пенсию, но практически не отходил от дел и по сей день.

В личном плане дела сложились так

Ну, в личном плане дела сложились так... Когда уезжал из Москвы, на перроне Казанского вокзала встретил девушку, она плакала, расставшись с друзьями, потом оказалось, что мы в одном вагоне, в одном купе плацкартного вагона. В одном купе оказались, тет-а-тет, значит. Я на верхней *боквушке*, она на нижней. Она ехала, уже проработав год, после отдыха ехала в город Лесозаводск, выпускница Ленинградского института по специальности учитель английского языка. Где-то год переписывались, потом я поехал к ней в Лесозаводск – там это всего шестнадцать часов, это не расстояние по дальневосточным меркам, поехал к ней в гости. А потом выпускной вечер у неё был, в конце июня месяца, 1957 года, приехал за ней и увёз её в Находку. С тех пор – уже пятьдесят семь лет мы вместе. Двое сыновей, оба родились в Находке. Всё нормально. Вот так вот в личном плане.

Сыновья, старший сын – в порту тут работает, высшего образования

он не получил, но работает начальником смены, на зерновом терминале. Эти силосы стоят, рядом зерновой терминал, в строительстве которого я участвовал, а сын сейчас там работает. Он прошёл всю эту «лестницу» в фирмах, он работал по обслуживанию транспортного флота: и докером, и бригадиром докеров работал, и стивидором – это инженер-организатор погрузо-разгрузочного процесса. И когда закончили строить зерновой терминал, его туда пригласили на должность начальника смены. Младший сын окончил Ленинградское военно-топографическое училище, получил распределение на Дальний Восток. Да, где родился, там и пригодился. Вот только мы жили-то в Находке, а он в Сучане, Партизанск⁴⁰ теперешний. Там воинская часть была дислоцирована. Ну, и он там тринадцать лет «протрубил», и в *Афгане* он был, и в Стерлитамак⁴¹ его перевели. В *Афгане* он полгода занимался, готовил к выводу войска. По заданию генерала Громова⁴², готовил топографические материалы по выводу советских войск из Афганистана⁴³. Даже орден за это получил, вернее не получил, а держал в руках наградной лист, потом послали «наверх», там это всё затерялось. Потом его перевели в Стерлитамак, в какую-то странную воинскую часть, а до этого он ещё работал на демаркации Российско-Китайской границы, на участке от устья реки Уссури и до Кореи. Там он года четыре проработал. Готовили они материалы к окончательному согласованию координат, обозначающих Российско-Китайскую границу.

Он уволился из армии, ну, уже не было сил терпеть – или спиться, или повеситься, потому что армия была уже в состоянии маразма. Он подал рапорт об отставке, отставку ему дали, в звании майора он ушёл. Ну, дали и пенсию какую-то никчёмную, но ни квартиры, ни работы – ничего. И вот он взял и уехал с семьёй в Израиль. Ну, почему его там приняли? Это вопрос отдельный, жена моя еврейка, а там у них в эмигрантских ведомствах Израиля считается по материнской линии. Мать еврейка, значит, ты еврей. Вот так вот с детьми. Жена на пенсии уже, лет восемнадцать как она уже ушла на пенсию.

⁴⁰ Партизанск – город в Приморском крае России.

⁴¹ Стерлитамак – второй по численности населения город Республики Башкортостан (РФ).

⁴² Борис Всеволодович Громов (1943), генерал-полковник, в 1987–1989 гг. командующий 40-й армией, был ответственным за вывод советских воинских сил из Афганистана.

⁴³ Речь идет о завершающем этапе военного конфликта на территории Афганистана («Афганская война» (1979–1989)). Вывод советских войск из Афганистана был закончен 15 февраля 1989 года, погранвойска КГБ СССР выполняли задачи на территории Афганистана до апреля 1989 года.

Участвовал в постройке всех погрузочных комплексов

Работал я не на руководящих, а на штатных должностях, где просто привлекали по мере надобности, потому что мой стаж с 1967 года, тут знаю всё и вся. Знают, и что я такое, и на что я способен, на что не способен тоже знают. Так что участвовал в постройке и технической эксплуатации фактически всех погрузочных комплексов, которые тут ещё делались в постсоветский период. Подрядные организации и заказчики меня привлекали в качестве технадзора, в качестве консультанта, в качестве производителя работы, так что до сих пор востребован. Вот, буквально с месяца назад я закончил свою работу в качестве консультанта на угольном терминале. Там закрытая технология по перевозке угля, чем он выгодно отличается от другого терминала, где уголь переваливают открытым способом, грейферами⁴⁴.

Против такой технологии наша строгая Вентспилсская дума никаких возражений не имеет. А другим достаётся довольно сильно за это дело, постоянные угрозы закрытия, то продлевают лицензии, то не продлевают, ограничивают их каким-то образом. А экологические органы с трудом, но соглашаются, и вот такая вот *бодяга* бесконечно продолжается.

Я не являюсь противником действующей городской власти, то есть господина Лемберга и его окружения, хотя личных симпатий к нему не питаю. Но я бы ему памятник поставил при жизни, хотя бы за то, что он сделал городу новую поликлинику, он сумел привлечь, а это не простое дело, из *еврофондов* дополнительные деньги! Причём это сделал гораздо более умело, чем другие его коллеги, находящиеся на аналогичных постах в других городах Латвии. Там это всё нужно хитроумно оформить и указать, что оно необходимо, и тогда эти деньги выделяют. При долевом участии свободного порта или городской управы, в зависимости от назначения объекта. Он сумел эти деньги привлечь, и здесь множество улиц заново благоустроены именно за счёт этих фондов. Причём они благоустроены комплексно, не так, как это обычно делается – водопровод переложили, теплотрассу забыли, про кабели не вспомнили, а потом через год теплотрасса лопнула, кабель вышел из строя, и только что уложенный асфальт ломают, срывают, и восстанавливают соседние

⁴⁴ Грейфер – навесное крановое грузозахватное оборудование, позволяет полностью механизировать погрузку, используется для работы в порту.

коммуникации. Это очень широко распространённая практика. Наши так не делают. На каждую улицу разработан проект – ага, тут такие сети лежат, они подлежат замене – меняем их! Покрытия износились – меняем их! Всё это делаем вместе и комплексно. И я не видел такого случая, где вчера отремонтировали, а завтра раскопали. В нашей истории это исключено. Ну, тут тоже видна «рука Лемберга»! Он воспитал и набрал такую команду, которая способна мыслить широко, и эти вопросы решать комплексно.

Бог не выдаст, свинья не съест!

Но! Есть вопросы, в которых если присмотреться, явно просматриваются элементы популизма, что это прославление имиджа города и заодно его головы. К этим вопросам, я бы, как специалист-гидротехник, отнёс реконструкцию оградительных сооружений, потому что это инженерная основа порта. Канал, южный и северный молы, волнозащитная опора, берегоукрепления и причалы – это основы инженерного комплекса. Тут многое и сделано, но многое и запущено. Вот, в частности, по восстановлению оградительных сооружений, это такие объекты, которые подвержены мощным волновым нагрузкам. Ежегодно. И они под воздействием этих волновых нагрузок разрушаются. И естественно, требуют восстановления.

Создаётся реальная угроза с транспортными судами, находящимися под обработкой. А это бензовозы, танкеры, которые грузятся нефтью, бензином и прочими ядовитыми, взрыво- и пожароопасными грузами. И такие прецеденты в практике порта были, когда тут затонула землечерпалка, «Нива 4», это было где-то в 1968 году. Она перевернулась и утонула в том самом котловане, который сама себе и вырыла. Напрашивается вывод, что из таких вещей следует умозаключения делать. Не видно этого на горизонте! Правда в этом году, за счёт опять-таки европейских фондов, как печать сообщает, кое-какие работы начались по волнозащитной опоре. Так это за двадцать один год существования Вентспилсского свободного порта! Да, *пенкосниматели* всех мастей были при всех режимах, при советской власти они тоже были. «Авось как-нибудь пройдёт. Бог не выдаст, а свинья не съест.» Но может и не обойтись, что тогда?

Перемены мы воспринимали

Перемены... Я об этом тоже собирался сказать. Перемены мы воспринимали – портовики именно. Я работал и жил среди портовиков, ну, все воспринимали так, как оно есть. Объявили независимость Латвии – ну, объявили. Обещали всем гражданство, когда голосовали, в том числе русскоязычные – мы принимали это как должное, что будем гражданами нового независимого государства. Обманули нас в этом вопросе? Да, обманули, понимаете!

Я – гражданин. Когда я вышел на пенсию, стал вопрос о пенсионном обеспечении. До этого пенсию то платили, то не платили работающим, то платили половину, постоянно это менялось. А у меня было десять лет стажа Дальневосточного, в трудовой книжке, всё как положено. Мы изучали язык на курсах, я на вторую категорию сдал, вместе со всеми.

Я свободно читаю, в том числе газету «*Ventas Balss*» на латышском языке, я читаю вывески, а вот говорить свободно, мне, к сожалению, не получилось. Ну, видимо, потому что годы, а во-вторых – не с кем разговаривать, среда всё-таки русскоязычная. И к тому же, мои латышские друзья говорят по-русски так же хорошо, как говорю по-русски я. И чего мне их мучить своим латышским языком? Мы общаемся на русском. А что касается дома – естественно понимаете...

Латвию другой страной я как-то не ощутил

Латвию другой страной я как-то не ощутил в первые годы проживания здесь. Много незнакомой речи, а порт – это предприятия Министерства морского флота, министерство всесоюзное, переписка и отчётность исключительно на русском языке. А когда перед нами поставили задачу – учить латышский язык, начали организовываться кружки, стал посещать эти кружки и сдал, как и все на вторую категорию, и соответствующая *apliecība*⁴⁵ есть. А когда я сдавал уже на гражданство, потому что десять лет стажа потеряно, будучи гражданином, я получал бы больше и пенсию, я решил подать заявление и прошёл соответствующую комиссию. Мне как пенсионеру задавали простенькие вопросы, я успешно на них ответил и получил соответствующее удостоверение, с которым пошёл в паспортный отдел, и там мне оформили новый гражданский паспорт.

⁴⁵ В переводе с латышского – удостоверение.

Спросили – не хочу ли я быть латышом. Я говорю – какой же я латыш?! Я – русский, родился русским и умру. Единственное, в этом плане неприятно, когда на автобусных остановках, бывает, расклеены листовки – «Чемодан, вокзал, Россия», «*krievi cūkas, ejiet projām!*»⁴⁶, и всё такое прочее. Погостили – убирайтесь. На русском, на латышском языке, то на одной остановке, то на другой остановке приклеено. Это всё, конечно, неприятно. Тем более, что я уже когтями и костями врос, и ничего не оторвёшь! И я такой далеко не один.

Говорят, давайте снесем всё, что здесь построено в советские годы! А такие призывы звучат, собственно, с трибуны Сейма! И вот так умозрительно представить, а что же останется? Одни супермаркеты останутся. Больше нет ничего. Вот эти все жилые массивы, гипотетически, будут снесены, потому что они построены в советское время... Такие высказывания были. Читать приходилось! Ещё неприятно бывает, когда такого рода выходит книжка или газетную публикацию читаешь – кто и что, когда построил здесь. Неприятно каждому участнику этого строительства. То, что делается сейчас – не более чем продолжение того процесса с 1945 по 1990 год, а они думают, как будто этого ничего и не было.

Что на склоне лет в «сухом остатке»? Первое: дружная и достаточно благополучная семья. Второе: уважение бывших коллег по работе и чувство сопричастности к порту. Третье: разрушенное здоровье. В начале этого года оформил инвалидность II группы. Четвёртое: невысказанный упрёк администрации Вентспилского свободного порта, не умеющей выделять главное в сложном комплексе взаимосвязанных проблем реконструкции и технической эксплуатации инженерного комплекса портовых сооружений.

Композиция подготовлена по интервью NMV-4241
Интервьюировала Дагмара Бейтнере-Ле Галла, Вентспилс, 2014
Расшифровал Игорь Ковалёв
Композицию подготовил Каспарс Зеллис

⁴⁶ В переводе с латышского – русские свиньи, убирайтесь!

ТАМАРА ПЕТРОВА

Родилась в 1927 году в селе Храпово Тамбовской области, в России.

Семью в принудительном порядке вывезли в Германию. Переехала в Латвию после того как, вернувшись в Россию, нашла разрушенными родные места. Интервью состоялось в 2014 году в Туе, где автор прожила большую часть жизни, вышла замуж, вырастила детей, проработала 35 лет на кирпичном заводе.

ВОТ ТАКАЯ МОЯ ЖИЗНЬ

Нас немцы забрали

Родом я из Тамбовской области. У нас там тогда были большие деревни. Некоторые уезжали, как сейчас, за границу, некоторые – в города. От нашей деревни осталось шесть домов. Было тридцать, а осталось шесть. Пришел такой закон – эти маленькие деревни надо сселять в большую деревню, чтобы не было хуторов. У кого был деревянный дом, они могли перенести. А у нас был кирпичный дом. Как его можно перенести? И надо территорию освободить. Сельсовет так приказал.

Папа работал председателем сельсовета. Его не хотели отпустить из колхоза, а он говорит: «Давайте мне тогда жилье. Вы меня прогоняете, тогда давайте мне другой дом». Они его долго не отпускали. Но потом всё-таки отпустили. Его сестры жили в Ленинграде, и он уехал в Ленинград искать себе работу. Это было в начале 1940 года. Мы туда уехали. Это я хорошо помню, мне было уже девять или десять лет, когда мы приехали в Ленинград, станция Тосно, это от Ленинграда 50 километров. Три километра от этой станции папа нашел работу себе. Они были дорожные работники, считались как военнослужащие. Дежурили по дороге, чтобы

нигде никакой аварии не было. Папа – учёный, работал прорабом по строительству. А мама ни одного класса не окончила. Она ни читать, ни писать не умела. Если расписаться, она крестики ставила.

Я вам не могу сказать, как нас воспитывали. Папа приносил деньги. Он приносил маме: «Ну, на. Распоряжайся сама своими деньгами». Это своими, не *евonymи*, а своими. Мы ещё, бывало, смеялись: «А где твои деньги?» – «А у меня денег нету. Я только зарабатываю». И вот он, бывало, отдавал ей все деньги. И она там хозяйствовала. Распоряжалась своими деньгами. Она была неграмотная, но она всё рассчитывала. Я бывало, скажу: «Мам, как ты это всё?» – «А чё мне эта ваша школа, я без школы всё знаю». Такие слова у неё были, Царство ей Небесное.

От нашей деревни школа – полтора километра, там близко. Но я в школу там ходила всего лишь... полных и то не два года. То мама скажет, надо корову гнать, надо попасть – пастуха не было. Как мама скажет, так и делали. Вот я два года там походила. То ли ходила, то ли не ходила, а когда переехали под Ленинград, где станция Тосно, там успела один класс только походить. Война началась. И всё. А во время войны – куда пойдёшь? Никуда. И после войны я тоже пришла, приехала... какая школа, надо работать. Три класса. А больше нет, я не могла. Там надо было работать, голодовка была. Всё, голод, холод. Война.

Наш папа был служащий, военный, или как там считалось. Ему все эти сведения передавали – где немцы эти, враги, «фашисты», как их называли, где они находятся, как находятся. Когда он узнал всё, он сказал: «Надо окопы строить, а иначе мы пропадём». Он начал окопы строить. Мы, дети, помогали. Как раз было летнее время. За два месяца окопы сделали. Лес недалеко был. Папа замаскировал, сделал как кусты такие. Уже когда нас в плен взяли, мы в этом окопе были. Нас немцы забрали. Бомбили Ленинград. Домик был как решето, весь перебитый. Порхов⁴⁷ – отсюда нас уже выслали, погнали из лагеря в Литву. А с Литвы в Германию. А с Германии уже попали сюда. Такими судьбами.

Или ты останешься живой, или нет

Ну что ж, мы жили, и бомбили, и всё. А от нас примерно 400 метров был железнодорожный мост. Тогда ещё был цел мост, транспорт шёл туда и обратно. Когда разбомбили мост, тогда всё уже, тишина стала. Никуда

⁴⁷ Город Порхов расположен в Псковской области (РФ).

ничего не стало поступать. Здесь бои усилились. Потом, когда стали уже немцы отступать, тогда нас тоже погнали. А как нас погнали? Мы пешком шли, как беженцы. Да, я хорошо это всё помню. Когда нас гнали, наверное, уже полтора месяца или больше, пригнали нас в Ростовскую область. В Ростове были. Потом перегнали в Порховский район. Порхов и деревня Уза – там мы жили. Это мы жили до 1943 года. В 1943 году в феврале месяце нас обратно... чуть не сожгли. Деревня большая, два дома было, а там были партизаны. Партизаны начали ходить. Они не грабили людей, они просили что-нибудь покушать. У всех был скот: коровы, свиньи, куры – всё. Там почти войны не видели. Партизаны приходили и просили что-нибудь покушать. Ну, им никто ничего не отказывал, у кого что было, то и давали. Немцы это узнали. Они приехали в нашу деревню, всех людей собрали в два дома. Там два дома больших было, двухэтажные, контора там была или что...

Когда партизаны пришли в деревню, немцы всё бросили и пошли бить партизанов. Партизаны поехали дальше, поэтому мы остались живы. Один немец остался, но он по-русски так ничего говорил. Он австриец. Не вру, я уже старый человек! Он достал из кармана фотографию и часы. Семья – жена и двое детей. Говорит: «Смотрите, какие у меня дети. Я смотрю на вас – мне очень жалко. При чём вы?» – «Мне, – говорит, – всё равно. Может я сегодня живу, а может быть и нет. Идите, идите, куда вам надо, где кто живёт пока». Деревню хотели сжечь. Он сказал, ему приказали деревню сжечь. Поэтому мы остались живы.

Прожили мы какой-то месяц опять в этой деревне Уза. Потом опять каша заварилась – немцы с партизанами. Ну, тогда нас не стали ни сжигать, ничего. Слава богу! Согнали в Порхов, этот городок был 15 километров от Узы. Нас туда закрыли в лагерь. Мы сидели в лагере. Кушать нам давали один раз в сутки. Ну, наверное, грамм 200 каждому хлеба, а может даже и меньше. И стакан, не стакан, а такие кружки металлические, белые, в таких кружках чай или что было. Ну, просто вода такая мутная. Это всё в сутки. А если когда выйдешь... Там проволока была огорожена колючая. Там помойка была ещё. Помойку выносят. Вот пойдёшь в эту помойку и покопаться, что-то искать – немцы увидят. Ну, и лучше не ходить – или ты останешься живой, или нет.

Посадили в товарный поезд и повезли

В лагере было много людей – полтысячи. Большой лагерь был. Пошла болезнь – короста называлась. Вот коростой заболели, а эта короста получается такими нарывами, она чешется, и потом нарыв на коже, на теле. Когда она пузырьки такие дает, как нарыв, они мокнут, начинают такой липучей кожей покрываться, она отсыхает и всё. Немцы боялись этой болезни, и тогда они начали всех людей сортировать: которые больные – в одну сторону, которые здоровые – в другую. Нас отобрали всех, которые здоровые, и отогнали на станцию. Куда нас погонят, как погонят – мы не знали. Посадили в товарный поезд, в эшелон, и повезли. А больных, я не знаю, куда их – лечили или застрелили, не могу ничего об этом сказать. Только говорю то, что знаю.

Пригнали нас в Литву. А в Литве мы тоже не знали, как остались живы. Наверное, судьба такая. Мы впереди поезда были, а сзади разбомбили этот поезд. Половину эшелона разбомбили, половина пошла. Он так и пошёл, не остановился нигде. Все охали-крёхали, но что делать? Слава богу, что живые остались! В Литве мы жили четыре месяца. Нас приказали хозяевам брать. Хозяева тех людей, у которых маленькие семьи были, там, три, четыре человека, они быстро разобрали, а нас-то было семь человек, ещё брат был. Да, – отец, мать, пять детей. Брат старший, он в советской армии был. Прожили мы четыре месяца в Литве. Взял хозяин. Но хозяйка недовольная была. Но ладно, хоть так. Взяли нас. Такая вот комнатка, наверное, наша была. И то мы рады. Тёмная, ни окон, ничего. Работали, свиней, лошадей кормили, чистили, убирали коров. Хозяйство было большое. За то, что нас покормят, и всё, и только. Мы были довольные.

Хозяин хорошо говорил по-русски, а сын с дочкой и жена – нет. Они не говорили. Они по-литовски. За четыре месяца говорить я не говорила, но понимать – всё уже понимала. Я старалась научиться говорить.

Отжили мы четыре месяца, нас опять на станцию собрали всех. И опять погнали. Куда? Не знаем. В Германию! Гражданские из сельсовета сказали, чтобы всех русских собрать на станцию, а куда их погонят, мы не знаем. Это так председатель сказал, ихний там какой. Нас было много, человек, может, 300. Много было, очень много. Потом нас пригнали в Германию. По пути в Германию мы на сортировочной станции сидели,

наверное, больше недели. Мы не знали, куда нас погонят. Ничего сами не знали. Теперь, после недели, уже сообщение пришло – развозить по хозяйствам. Нас, человек, может, сто, собрали в один вагон. Погнали дальше. Пригнали нас в Германию. Шварценберг – это был город такой. А там лагерь был. Вот нас туда в лагерь и послали. С этого лагеря мы ходили в лес работать. Ходил к нам шеф немецкий. Тогда этот лагерь разгородили просто, доски поставили, чтобы семьи сами по себе были. Это большой-большой, огромный дом был. Жилой дом. Он был двухэтажный. И он был колючей проволокой обведён, и замок огромный. Вот, мы куда уйдём? Но мы жили там до конца, пока война кончилась.

Брат мой сначала работал у хозяина. Хозяин очень хороший попался. Конечно, их сейчас нету. Пусть им, как говорится, Царствие Небесное и земля пухом, хоть они немцы. Ради них мы остались живы. Работали мы у них. Они нас никогда не пустили в лагерь, домой, чтобы ничего не дали. Всегда они продуктов давали. «Только скажите, папе с мамой картошки дадим. Везите картошку, везите там всё». Это, я говорю, есть всякие люди, и немцы – и хорошие, и плохие. Всякие есть.

Остальные в лесу остались работать. Сестра Люба, самая старшая сестра, потом Боря, я, Мина и Шура. Мама и папа тоже были. Маму звали Маланья Семёновна, папу – Михаил Дмитриевич. Фамилия у нас была Каширские.

У хозяев были сын и дочка. Они жили все вместе с родителями. Они жили очень хорошо. У них был магазин, пекарня своя. Хозяина мать с сыном жили наверху, а эти внизу жили. Одна дочка, а сын... Его взяли в армию. Он погиб. Хозяйка придёт, плачет – сына убили. А когда мы уезжали, мы сами дураки были. Сам хозяин сказал: «Если у вас там всё сожжено, куда вы поедете?» – «У нас, – говорит, – нету сына. Оставайтесь здесь, Боря к нам будет ходить. Тамара будет ходить, она будет Магдалене сестра». Они очень, очень хотели. Но папа с мамой – нет, они хотели на родину. А что нам родина дала? Где мы на родине? Куда мы попали на родину? В Латвию.

Когда война закончилась

Война закончилась. Там такие салюты были, когда война закончилась, это страшно сказать. Все были такие радостные, что война

закончилась – и немцы, и все... И русские там приезжали. Русская армия как раз в Берлине была. Его наши, русские, взяли. Там, наверное, долго бой был. Ну и потом, когда уже кончилась война, в Берлине победили русские. Тогда тут и русские солдаты, и все эти, как говорится, майоры, подполковники, всё начальство приезжало. Но только хозяйева, у которых мы работали, они спрашивали: «А вот русские, если придут, будут спрашивать, как мы к вам относились, что вы скажете?» – «А как мы скажем на вас плохо? Если вы нас кормили, поили?» Шеф у нас, когда мы в лес ходили, работали, очень хороший был. Он хоть и плохо говорил по-русски, где-то немецкий, где-то по-русски, по-немецки и мы так же. С хозяйевами сначала говорили руками. А потом я уже научилась по-немецки. Ну, хоть и неправильно может быть, но они меня все понимали. Если было хорошо, то: *Gut, Tamara, gut!*⁴⁸

Мы при них и говорили – сидели хозяйева, и русские. Переводчик спрашивал, и переводил им. И вот мы, русские, все это говорили, а они, как вы, вот писали это всё. Всё писали. И мы рассказывали, как они к нам относились, как они нам помогали... Ну, он сказал на этого хозяина – хорошо, что вы к русским людям так хорошо относились, не бойтесь, живите. Вам русские, никто ничего не сделает плохого. Только вот мы, дураки, что уехали. Полтора года жили. В 1945 году отправились.

А куда отправились? Не могу сказать, куда папа писал заявление, что он хочет в Россию со всей семьёй. Они прислали это разрешение. Пожалуйста, езжай, куда хочешь! Ну и поехали. А поехали – до куда-нибудь доедем. Поездом ехали. Где-то на станции стоишь неделю, а то и больше. Дороги были все разбиты. Везде разбито было. Мы три месяца ехали до Порхова. В Порхов приехали осенью, уехали летом. Ну, зиму пережили. А там уже в деревне этой два дома были. Вся деревня была сожжена, но два дома там были построены. Моей сестры мужа сестра нас приняла на зиму, у неё семья большая, муж умер. А куда мы там будем стеснять? Папа поехал в Псков, завербовался на хоззаготовки. Мы там работали. Жилья тоже не было. Мол, подождите-подождите... Жили тоже в землянках. Так до осени дожили.

Отсюда, из Латвии, приезжали двое мужчин, и они нас вербовали сюда. Как раз здесь в Латвии были пленные. Они работали на

⁴⁸ В переводе с немецкого: «Хорошо, Тамара, хорошо!»

заводе. Потом этих пленных распустили. Некому стало работать. Так мы сюда попали. Здесь осталось, может, человек 20. Ну вот, которые здесь жили. Латыши как бы. Для завода этих людей мало. Там же много надо было: и дрова готовить, и на формовке работать. В одной смене было 16 человек.

Я попала в Латвию в девятнадцать лет

Я попала в Латвию, мне было как раз 19 лет. Я не знала Латвию. Отец, может, и знал, куда, как, что. Не знала я ничего – куда везут, как везут? Всей семьёй приехали: папа, мама, два брата и три сестры. Брат, который был в армии, сюда приехал, нашёл нас. Когда он уходил в армию, как раз из этой Узы... Он, вернее ушел сам не в армию, а к партизанам. Когда война кончилась, он прислал письмо туда, на Узу. Там получили письмо, а мы уехали в Латвию. Никто не знал, куда мы уехали. Ну, они так прочитали, что: «Ага, Николай – жив». И оставили ещё служить, дослуживать. Год или полтора, как-то он отслужил ещё. На Курильских островах был, там он служил. Ну, а потом, когда он приехал на Узу, ему сказали как, что, где. Он пошёл по этим инстанциям нас искать. Он нас нашёл и приехал сюда, в Латвию. Но он в Латвии мало пожил, потом уехал в Сочи. Там его жены сестра, она вышла замуж туда в Сочи. Здесь были солдаты, и один солдат на сестре женился и увёз её туда.

Мы попали сюда, в Туую, в 1946 году. Как раз приехали, это было в ноябре, наверное, в конце или начале, сразу в лес нас погнали дрова готовить. Если захочешь работать – научись. Научилась. Потом, думаю, что ж я буду обрабатывать, что я получу. Ну, а потом стала пилить там по-немножку, сучки там убрала. «Ну, нечего, дай я попилю. Дай я попилю. Ну, а ты перекури!» Если мужчина – то курит, стоит: «Во-во, хорошо получается!»

Хлебушка брали с собой в лес. Бывало, костёр горит, я суки-то жгу, жаарко! А потом обедать собираемся все. У кого что. А у кого что – всё больше хлебушка. Ну чем-нибудь там, не знаю, сала, заработаешь у хозяйна, а если нет, то так.

Первое время тяжело было очень. Тоже хорошего мало было. Что было? Картошка! И то, другой раз по выходным пойдёшь к хозяевам. Когда уже познакомились, они просили картошку полоть, или весной сажать.

Как со школы пойдём, поработаем, поможем. Нам деньги не нужны были, нам продукты нужны были, а у них продуктов вот так: картошка, мясо, если крупа какая-то там, горох, или там, ну чем хочешь, тем и бери. Они давали. Продукты, как к хозяевам пошли работать, тогда уже нам были, а когда на заводе работали – нам паёк давали. За паёк работали. Давали хлеба рабочим 600, а не рабочим – 400 граммов. Так мы сначала жили.

С апреля месяца мы начали работать на заводе. Шесть человек мужчин копали глину, на вагонку два человека. Вот они подвозят на круг, круг такой, переворачивают вагонку, присыпают. Эта эстакада примерно метров 50 длиной, а может даже и побольше.

Мы, женщины, формовали кирпич. Допустим, это форма. А отсюда этот брус. Ну, и вот такая рама здесь, у этой рамы – три струны, проволоки натянуты. Мы стоим, такая рама, это с проволоками, и правой рукой её поднимаешь, а здесь такая у стола, из которого кирпич идёт, там ролики, и по этим роликам идет брус, и он туда-сюда движется. Когда его подвигнешь до упора, чтобы дальше он не шёл, и начинаешь резать. С той стороны стоит человек, отбирает, а с этой стороны я, например, стою и режу. Была норма – делать 25 тысяч кирпичей. Трубок было пять-шесть, потому что глину надо было по трубке перегонять.

Так мы и работали всё время на ногах. Восемь часов на ногах. Потом, когда кончается смена, своё рабочее место убираешь, вторая смена заступает. Полчаса обед. Домой ходили. А потом уже сделали столовую.

Завод построили в 1936 году. Тут уже все формовали продукцию. Был гончарный цех. Любую посуду делали – от пивной кружки и кончая кувшинчиками. Горшки делали. Никакой техники не было, это всё было вручную. Потом формовали кирпич. Это когда я сюда попала. Потом через каких-то два-три года мы начали делать трубочки для мелиорации на 50 миллиметров. Мы их бочками называли. Кирпич сушили летом. Вначале мы делали только в сезон, начиная с апреля месяца и заканчивали в октябре. Света не было, ничего не было. Свет только тогда был, когда работали на заводе. Формовали, всё делали. Допустим, две смены работали, 16 часов, на 17 часов час давали они свет. Когда приходим мы домой, час какой-то погорит и всё – гаснет, потому что этот свет давали локомотивом.

В зиму ездили мы в лес, заготавливали дрова, а с апреля открывался

здесь сезон. Мы начинали формировать всю продукцию, какая здесь была, всё вручную. Сами топили печь. Летом сушили на улице, а зимой сушить негде. Потому заготавливали на зиму этот кирпич, сырец, чтобы в зиму можно было обжигать, чтобы так не стоял пустой. Весь год работали. Весь год, семь месяцев работали на формовке, а потом уже в лес ездили, заготавливали дрова. Так мы жили.

Очень хотела по-латышски научиться

Ну, там, на даче, сосед наш, они вместе с женой ко мне приходят. Проведать, может как что помочь. Чужие, соседи. Мы русские, они – латыши. У нас дачи были вместе. А муж у меня там тоже на даче. Он всё время там, тоже копал, что-то делал. И они, вот, сдружились. У него была машина и всё, а у нас ничего нету. Он, бывало, мужа называл по отчеству Петрович: «Петрович, что тебе надо привезти?» Они всё время обсуждали какие-то работы. Вдвоём. Вот так они сдружились. И русские, и латыши, и немцы – во всякой нации есть всякие люди: и хорошие, и плохие.

Но мой муж, он тоже и по строительству понимал, работал сварщиком, вот, у него специальность хорошая была, и он всё понимал. Только, это самое... выпивка... Он работал, 40 лет отработал на заводе. Я отработала 35, и плюс ещё 5 лет сидела с детьми. Детей некуда мне было оставить. Маленькие были. Куда я их?

Вы знаете, я вам скажу, латышский я очень хотела выучить. Это с чистым сердцем признаюсь. Очень хотела по-латышски научиться. Но мне не с кем было учиться. Муж у меня хорошо разговаривал по-латышски. Бывало, скажу: «Лёш, ну скажи, как это слово?» Он не хотел. На работе, когда мы сначала начали, когда сюда приехали, здесь почти все русские были. Латыши, которые были, они тоже по-русски говорили.

Там, где я работала – хотите верьте, хотите нет – смена, там русские одни были. А потом меня на разгрузку торфа послали, на разгрузку машин послали, я и торф разгружала, и брикеты разгружала для обжига кирпичей. Я одна. С кем мне разговаривать? С кирпичами? [Смеётся.] А теперь шофера, если приедут, поставили машину, пошли в контору, контора там оформляет документы. Машина пустая. Я жду другую. Вот вся моя работа и все мои латыши. С кем учиться и как учиться. Где? Ни школы латышской... Ничего.

Молодёжи довольно много было

Молодёжи довольно много было. Не было никакого зала, ничего. А вот где у нас сейчас баня была, там был такой, как называют, «пяточок» такой. Там танцевали. Гармонист приезжал, очень красиво играл. Летом играли на улице. Где вот у нас сейчас магазин, там было общежитие. В общежитии, там, по-моему, две латышки жили и четыре русских. Шесть человек. Зимой мы там собирались. Бывало как выходной – девчонки там: «Ну, приходите, приходите!» Но, правда, часов до 12, больше не гуляли. Девчонки были хорошие, молодёжь очень хорошая была. Русские и латыши, все. Там мы собирались.

У меня был латыш – Владимир Балашко. По-моему, он латгалец. Ходили на танцы в сельсовет, где за перекрёстком был сельсовет Туи раньше. Там был клуб, и туда в клуб ходили на танцы. Владимир танцевал очень хорошо. Бывало: «Пойдём на танцы?» – «Ну, пойдём». Ходили пешком. С танцев идём. Идём, шутим, смеёмся. Он уже и к родителям меня свёл, и предложение сделал: «Давай поженимся!» Познакомил с сёстрами, братьями и матерью. Я такая дурочка была, думаю, ай, подождём, что там спешить. Потому что у нас ещё нет ничего. Подождём немножко. Мы зарабатываем, что-нибудь будет – тогда. А здесь подвернулась директоровой жены сестра. Директор завода работал здесь, и его жены сестра – она сидела в тюрьме. За что – не знаю. Когда она освободилась из тюрьмы, здесь жила тоже. Она с ним познакомилась. На 15 лет его старше. Ну что, пришлось расстаться с ним. Жалко было.

Она была, как говорят по-русски, прошла огонь, воду и медные трубы. А я не умела этого сделать. Нигде я не была. Он у меня был первый. Я, может, у него не была первой, не знаю, он старше меня был на 10 лет. Ну, и они уехали куда-то под Ленинград, тоже на кирпичный завод. Он с ней уехал. Сестра его жила здесь, вдруг задружила со мной. Она, бывало, скажет: «Тамара, я же тебя так люблю. Почему он не женился на тебе?» Я ей: «Спроси его, что ты меня спрашиваешь!» Они все меня жалели.

Я его любила очень. Как она появилась, он сам переживал. Он когда в отпуск приезжал, приезжал только один. С семьёй не приезжал, приезжал к сестре, к Виктории. Он с ней поговорит, всё расскажет ей, она – ему, и всё. Она про меня всё знала, всё ему рассказывала – как я живу, какой у меня муж,

и сколько у меня детей. Он всё знал. Тогда она мне рассказывала: «Володя, говорит, живёт плохо с женой. Двое детей. Дети, – говорит, – его ни во что не считают.» Раз он туда переехал, она командует как хочет. Как говорится, она уже такая была, как сказать, раз в тюрьме посидела, потом уже всё, не тот человек. «Пускай едет сюда в Латвию. Что же он там живёт?» – говорю. «Ну, там, мол, дети, детей жалеет. А так живут они плохо. Очень жалеет тебя.» Я говорю: «Жалел бы, не бросил». Вот такие дела.

Виктория рассказывала: «Он каждый шаг твой вспоминал, куда вы с ним ходили, где вы были. И как вы в Тую ходили, танцевали. Всё-всё вспоминал и сидел, плакал». Но я говорю – плакать уже было поздно. Такая судьба.

Я Каширская была, а сейчас – Петрова. Мне было 25 лет. Ну, а мужу... Он младше меня на два с половиной года. Муж жил в «Чапаеве», в колхозе⁴⁹. Они сюда 10 километров, по-моему, ездили на вечеринку к нам. У нас тут весело было. Так и познакомились. Ну, а потом он ушёл в армию. Мне пришлось его ждать.

Они жили за Старой Руссой где-то, я точно не могу сказать, но знаю приблизительно. Когда у них уже стали русские наступать, немцы уходить, их сразу погнали сюда в Латвию. Они войны почти не видели. «Сожгли, – говорит, – нашу деревню, а мы пошли куда кто хочет... И попали сюда, в Латвию». Было немецкое время. Они тогда по хозяевам походили здесь. Потом уже колхоз у них там начался, тогда они стали в колхозе. Он работал пастухом здесь где-то. Прожили мы в браке ровно 55 лет. Не считая четыре года, тех, когда в гражданском браке мы жили. Так 59. Одного года нам не хватило.

Работа очень тяжёлая была

Работа очень тяжёлая была у меня. А всё равно я не могла лечь спать так, чтобы у меня был бардак какой-то. Я любила порядок. Дети у меня в школу ходили, у них недорогая одежда была, простенькая, но она чистая и не рваная.

Бывало, когда света нет уже вечером, ложилась спать где-то в час, во втором. Ну вот, особенно когда стираю. А машины тут не было. Руками. Бывало с этой стороны соседи видели – Тамара уже свет зажгла. Надо,

⁴⁹ Колхоз в Лимбажском районе, посёлок Лиепупе.

говорят, уже скоро вставать. На смену. С 8 часов до 5 вечера. Другой раз я на разгрузке торфа работала, другой раз машина есть, до 6 часов работала. Когда как. Приходила домой, ложилась поздно и вставала рано. В пять часов – самое позднее. А то и полпятого, бывало, встану. Мне нужно было кушать сделать, на работу успеть. В обед, чтобы подогреть, покушать. И опять на работу. Что я за час могу справиться, приготовить!

Я стирала всегда по понедельникам. Потому что в пятницу женщины шли в баню. А в субботу – мужская баня. В воскресенье вечером я замачивала бельё. А утром понедельника я вставала, отстирывала, потом в бачок закладывала и ставила на плиту, и кипятила. Оно закипит, и стояло оно у меня до вечера. В обеде у меня не было время стирать. А вечером я приходила и стирала. Другой раз, детки когда дома, в школу не ходили, попрошу их. Они в магазин сходят. Дети у меня были хорошие, неизбалованные, послушные. Что им скажу, то и принесут. Сын, бывало, придёт в магазин, а дочки что-нибудь там сделают, или кушать на лёгкую руку делают на ужин, посуду помоют, а остальное я всё сама делала. Они когда в школу ходили, я их вообще не заставляла. Я, бывало, отдыхала три часа в сутки и четыре. Это самое большое, если я пять отдохну.

Всё это на моих глазах

Получили квартиру с 1961 года. До этого мы жили в бараке. Получила квартиру, когда у меня уже семья была. Мама с папой сначала ещё жили в бараке, там оставались, а нам дали здесь квартиру, вот. Я с детьми – пять человек: трое детей и мы с мужем. А мама с папой там ещё в бараке оставались.

Всё это на моих глазах выросло. Здесь живет продавщица, Рута такая, вот нам воду проводили этим летом. Там эта башня проржавела и трубы совсем... Ремонт был. И Рута у меня спросила... думала-думала, и у кого же спросить, кто это знает, эту колонку когда делали. Родничок или колонка? Звонят мне: «Скажи, пожалуйста, ты только одна здесь, ты знаешь, кто эту колонку тут делал? Или тут родничок?» – «Нет, здесь не родничок, здесь колонка. Её бурили. Семьдесят метров выкопали. Пробурили. Бур сломался». Семьдесят метров как пробурили, так и всё. А потом её как бы временной сделали. Трубу протянули, там вода бежит и бежит, она никогда не останавливается. Всё время бежит. Вот

уже сколько лет. Лет, наверное, пятьдесят, ой, больше, наверное. И она всё бежит.

Вот эту будку поставили, мотор, и она всё качает. А закрыть её нельзя, потому что один раз они её закрыли, – краном открывать. Она вонючая. И такая противная, что невозможно. Ну, так всё и осталось. Очень часто мы сидели без воды. А теперь они уже решили сделать новую колонку, в другом месте. И вот к каждому дому трубы. А так они все новые трубы подключили. Это новая вода у нас теперь.

Мне было тяжело расставаться

Можете на меня обижаться или нет, а я скажу так – при Советском Союзе была работа. Не надо было куда уезжать. Работа была рядышком. Все деньги, хоть какие-то, но получали. Последнее время стояли в очереди, а так продуктов было много. Это Хрущёва⁵⁰ там – Господи прости ты меня, Господи, Царствие Небесное – его там подговорили, что он из этих лошадей перебросился на кукурузу. Всё понеслось вверх ногами. А так продукты были. Но обижаться было не на что. А когда это всё перевернулось, уже всё пошло по-другому. Деньги по-другому пошли, и продуктов не стало, ничего. Потом уже, когда латы дали, и тоже, нам по-первости давали по пять лат. Это деньги нам были.

Я с 1982 года целый год мучилась глазами. Ненагнувшись работала, как только что-нибудь нагнуться, у меня всё в тумане. Белый туман. Я поехала в Лимбажи к врачу. Она меня сразу отправила в Валмиеру, в больницу. Я там пролежала месяц. Это лечению плохо поддаётся. Мучились-мучились, но сказали, что сейчас пойдёте домой на неделю, отдохнёте, а потом приедете на операцию. С 1982 года до 1995 года всё из больницы не выходила. Глаукома. Когда мне очки выписали, всё, я стала уже ходить с очками. Но ничего, нормально видела. Потом стало хуже, хуже...

Горе за горем. Внучок от младшей дочки погиб в аварии. 17 лет. Потом *ейный* муженёк, молдаван был, повесился. Дети тоже испугались, когда его обнаружили дома. Потом сама дочка заболела. Она умерла. Она тогда после мужа вышла за другого замуж. Латыш – я не могу ничего сказать, 20 лет прожили душа в душу. Сынок родился. Ему сейчас 26 лет. У неё

⁵⁰ Никита Сергеевич Хрущёв (1894–1971) – советский государственный и партийный деятель, первый секретарь Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза (1953–1964), председатель Совета Министров СССР (1958–1964).

от первого мужа двое детей – который внучок погиб в аварии, и дочка. Сейчас она в Германии. Ей 41 год уже. Она этого братика к себе взяла. А зять живёт в Лимбажи, живой.

Летом все дети приезжают, все в отпуске. Всё лето. А внучок вот этой малой дочки, они с подругой прилетели. Ну, и внучку тоже здесь нужно было паспорт получать. Получил паспорт, они же тоже граждане. Но всё равно они считаются двойные граждане. А сын-то у него латыш, второй латыш. Он – гражданин. Подруга у него тоже гражданка. Там не знаю, кто у них латыш – мать или отец. А внучок мой, он в Англии. И они всё лето были там. И меня забирали: «Бабушка, давай поедешь туда, что ты будешь одна. Бабушка, пойдём. Бабушка, поедем». И вот, бабушку тягали. Ну, как они уехали. Мне было тяжело расставаться. Я плакала... Одна. А старшая дочка, ей тоже был отпуск 2 недели, и она тоже взяла эти 2 недели и со мной тут пробыла. «Мам, всё тебе полегче будет». Ну и правда. И вот я представила, думаю, как бы они у меня приехали, побыли и уехали.

Мы православные люди. Сейчас куда я пойду? Нина моя, дочка, она частенько ходит в храм. Она в Риге. Другой раз мне и водички святой принесёт.

Вот такая моя жизнь.

Композиция подготовлена по интервью NMV-4206

Композицию подготовила и интервьюировала Мара Зирните, в Туе, 2014

Расшифровала Светлана Погодина

ВАЛЕНТИНА ЖУКОВА

Родилась в 1936 году в деревне Починки Псковской области, в России. Отец – тракторист, арестован в 1937 году, когда дочери был только год. Пережила немецкую оккупацию, скрывалась у партизан, на самолёте была доставлена в тыл. После войны попала в детский дом в Латвии. Окончила техникум и работала экономистом.

НАС ПЕРЕПРАВИЛИ В ЛАТВИЮ

Было очень много сирени

Я жила в деревне. Сейчас это Псковская область, ну, и деревня, так называемая, Починки. Какой у нас дом был? Хороший был дом, замечательный был сад. Была большая хата такая, хлев, свинюшки были, курочки были. Вот, было очень много сирени, и деревня была вся среди леса. Наша деревня была восемь изб. Значит, летом все пахали и сеяли, зимой пряли, песни пели, на гармошках играли. В нашем доме были вот такие образа, иконы, вот, лавка большая, прядка, и бабушка пряла. И очень много собиралось народу. Устраивали там какие-то танцы.

Потом старшие сёстры, тёти мои, уехали в Ленинград, кто-то поженился, ушёл в другую деревню, и в этом доме мы остались – бабушка, дедушка, мама, я. Отец мой, да, в 1937 году был заключён, значит, забрали его или как... Он был трактористом. И он просто немножко поссорился там с председателем, а тогда это, вы знаете, было очень строго. Его арестовали. Ну, за непослушание, так сказать. И отправили в Себеж. И как-то он это принимал со смехом, и мы там все принимали так, как шутки какие-то. А когда состоялся суд, я его не знаю, я не помню. Я родилась в 1936-м... А когда, значит,

состоялся суд, то мама пришла на этот суд, он уже выходит, руки за спину, и поворачивается, говорит: «10 лет». Вы уже представляете, что моей маме было нелегко, с ребёнком – на 10 лет осуждённый. Также был осуждён ещё мой дядя. За что осуждён, я почему-то у мамы не спросила. Ну, я знаю, что он прислал фотографии, где он был на вольном поселении, очень, значит, плохо одетый был. Это как-то в нашей семье камнем было, такими неприятными воспоминаниями.

Надвигается война

И вдруг, в этот прекрасный день по большаку (так называлась дорога), значит, на мотоциклах, в касках в этих таких, накидках, немцы поехали, в деревню заворачивали. И просили там, *яйки, молоко, matka*, там, туда-сюда... Ну, тогда сами так, по-наглomu лазили везде. И снова уезжали. Тогда это всё было, наверно, несколько дней. А потом тишина, нормально так всё.

Жили, и нормально жили, и жили. Немцы к нам заявились. Какие-то старосты, что-то такое они, значит, в деревнях говорили: как себя вести, как, значит, подчиняться немцам, приветствовать их. Потом стали молодёжь забирать периодически в центр, в гарнизон немецкий, на какие-то работы. А центр был в Себеже. Там и мама работала. И всё так потихонечку года два и было. Сеяли мы, убирали рожь.

Я этого не чувствовала, что придвигается война. Единственное, что мне было страшно, это было страшно уже потом, когда началось противостояние. Партизаны с немцами. Ночью они, партизаны, вначале мародёрничали, я вам хочу сказать, им нечего было есть. И даже мама меня учила хныкать, чтобы отвлечь внимание. А они там соль искали, да спички. А днём – тогда уже немцы. Немцы приходили, искали партизан. И пока это противостояние стояло, нам пришлось идти в лес, иначе бы сожгли все наши избы. Правда, в этом лесу, там партизаны помогали в какой-то мере, рыли землянки... Дедушка старый был уже, бабушка умерла. И нам землянку некому было вырыть. Моя мама такая была, знаете, такая симпатичная женщина, к ней партизан там и прилепился. Он на ней, собственно говоря, и женился. Потом.

Впоследствии я его называла отцом, потому что он у меня был с 7 лет. Он, собственно говоря, нам спас жизнь. Потому что, благодаря ему, мы попали, я попала, за линию фронта. Ну, говорить вам о том, как это

было всё страшно, когда мы жили в лесу, когда немцы нас ловили... Они искали партизан, а нападали на нас, значит, на мирных жителей. Где я была, в этом месте, немцы никогда никого не убивали. Да наоборот даже, партизаны там, знаете, вот как поймают предателей или кого там, вешали. Это тоже ужасно было. Я не хочу рассказывать про эту всю войну там, это, знаете, так давно было.

Начала подходить линия фронта, и немцы начали устраивать такие экспедиции, прямо с собаками. Один раз нас поймали, это было в апреле месяце. Поймали, с собаками, привели на какую-то поляночку там, в лесу. Сами уже, видимо, устали, пока ловили нас. Начали кушать, тогда и начали считать стариков, сколько там детей, ну, и тогда один уехал куда-то. Оказывается, был день рождения Гитлера⁵¹. И немец тогда приехал и сказал по-русски, что, вот, сегодня день рождения Гитлера и, пожалуйста, мы вас всех отпускаем, выйдите все из леса, чтобы в лесу вас никого не было. Даём мы вам на это три недели, если через три недели вы не уйдёте, мы придём сюда и убьём всех как партизан. Ну, мы вынуждены были уйти домой тогда. У нас только хлев остался. В хлеву мы там и сидели. А дом сгорел. Мама моя, там ещё у неё была молодая родственница из Ленинграда, они убежали в лес. Все идём мы по лесу, по тропинке такой. Я смотрю, что-то люди в кусты бегут. И я тоже в кусты. В крапиву эту. А мама там уже бегала, бедная, с ума сходила. Как же так, где же мы. И потом мы все встретились, и вот тут, этот партизан, тот второй мой отец. Он нас привёл куда-то в лес, вот тогда эти лётчики, они ночью зашили нам каждому документик и на самолётах отправили за линию фронта. Только детей. А вы не представляете, какие мы были! Я вам передать не могу! Во-первых, я не помню, что я ела. Мне кажется, я вообще ничего никогда не ела, мы же все были, грубо выражаясь, у меня были такие струпы на голове, такие болячки, а там вши. И худющие! Нас там обмыли, нас там накормили, одели... ну, просто чудо. И потом вот, значит, нас переправили в Латвию. А в Латвии я попала в 8-й детский дом, это было на Югле.

Что менялось после войны

Потом с этого Югловского детского дома я перешла в 5-й детский дом. Я помню гречневую кашу в 8-м детском доме, это, где сейчас общество слепых⁵². Там такой был дом. Знаете, он и сейчас есть. Если я мимо

⁵¹ 20 апреля.

⁵² Здание расположено на ул. Палес, 14, г. Рига.

проезжаю, я всё смотрю. Это был барский дом⁵³! Там такой непростой был дом. И там был такой подвал, и там был свой огород. Ну, своё хозяйство. И мы там работали, мы пололи, убирали, я помню, свёклу. И у нас там были такие очень хорошие воспитатели. Делали нам Новый год, и я знаю, что я там была Снегурочкой. И танцы. Был очень хороший детский дом. Я была в пространстве детского дома, там был рядом лес, на Югле. Там было своё хозяйство, там были свои воспитатели, там была школа, и ездить в город куда-то там, нас возить никто тогда не возил. Только сугубо в своём кругу. Со школы придёшь, горка там, катались там на каких-то железках.

А потом меня к себе забрала мама, потому что вернулся отец – его там ещё на Японскую войну⁵⁴ забирали, и мама родила ребёнка, и она меня к себе забрала. Это был не лучший вариант, лучше я бы была в детдоме, чем я жила у них... Отец устроился на мебельный комбинат, и там же мама работала. Там был рядом авиационный завод, 52-й такой, войсковая часть, они ремонтировали авиационные двигатели.

Что менялось после войны? Ничего не менялось! Тяжело всё очень было, я только могу сказать, что было всё очень тяжело. У меня не было таких изменений, чтобы было так легко. Когда я в школу пошла, после детдома, у нас почему-то в классе, в 20-й школе, за Двиной училась, в нашем классе, было очень много офицерских детей и евреев. И они были так хорошо одеты, просто замечательно были одеты. А я пришла с детдома, у меня не было такой, ну, как детдомовское платьице такое даже примитивное, а на ногах у меня были такие ботинки, как они назывались, такие кирзовые ботинки страшные. Как из детдома девчонка. И они все сидели на первых партах, и всегда такие булочки кушали, а у меня-то ничего не было...

Развлечений не было. Тяжело, какое-то всё выживание, что ли. Нигде я, собственно говоря, и не была. В Ленинграде один раз, в Москве пару раз. Как-то мне всё время было тяжело. Мама больная. А папа, он всё-таки белорус. Белорусы же партизанили всё время, да. И конечно, война его испортила. Маме тяжело, маленький ребёнок, за которым я ухаживала, с которым я возилась, потому что у нас с ним разница 11 лет. Это, значит, я его с собой везде таскала. Какое у меня детство тут было. Единственное, что когда мама уже была старая, всё время говорила: «Валю не бросай!»

⁵³ В действительности комплекс зданий – бывшая усадьба Страздумиужа (*Strazdumiūža / Strasdenhof*).

⁵⁴ Имеется в виду т.н. советско-японская война, военный конфликт между СССР и Монголией, с одной стороны, и Японией и Маньчжоу-го с другой, длившийся с 9 августа по 2 сентября 1945 года.

Он тоже больной, он 1947 года, и у него операция была. Он гражданин, родился здесь. Он имеет фирму, *трудоголик*, он, можно сказать, латыш у меня. И жена у него латышка, и двое детей. А я всё-таки другая. Понимаете, вот, я – русская. И родина для меня родная, когда я приезжаю, это Россия. А здесь мой дом. Вот, в душе своей. Когда мы с ним поедем куда, несколько раз ездили, мне как-то там... комфортно. Среди этих полей, среди вот этого, деревья вот эти, я так всё смотрю по сторонам, думаю, вдруг сейчас кто-то выйдет – мой знакомый, отец мой, что ли. Так вот думала, что выйду на пенсию, тогда уже сюда съезжу и сюда. Не была я нигде. А когда шла перестройка⁵⁵, получилась вообще какая-то ерунда...

Всё сплошная борьба

А в детдоме вы знаете, как там? Если что, так и ударишь там, надо же было выживать. И вообще, по своей натуре я такая боевая девушка. И вот эта Валентина Ивановна Шепнёва написала мне такую характеристику, очень, очень похожа на меня, что очень живая, подвижная девочка, мечтательная натура, но очень невнимательная. Ну, точно это я! И я хорошо танцевала, и хорошо пела. И у нас кружок такой в школе был раньше, какие-то танцы, и она меня поставила с девочкой такой, я её взяла за руку, а она взяла так руку и отёрнула. Я так разозлилась! Как размахнулась, и по лицу ударила! И меня учительница выгнала из класса. И я в школу не хожу. Мать дома не знает, и я и не хожу. Потому что в школе меня не принимают, а как я скажу матери, она меня дома приберёт, вот даже так вот было. Всё сплошная борьба. Даже с детства.

Ну, и я окончила семь классов и пошла работать. Вначале я в 16 лет, что там, пацанка такая, устроили меня в такую техническую библиотеку, я там смотрела, книжечки перебирала, картотеку устраивала и главное, занималась уроками. С книжечками ходила. 12 лет я там пробыла. А потом меня взяли, была такая испытательная станция, и там нужно было строить характеристики на двигатели. Вот, когда двигатели уже проходят, его отремонтировали, нужно было довести его до ума. И вот на каждый двигатель там были всякие параметры, я должна посчитать, правильно ли это или нет. Если он температурит там или ещё что-то такое, значит, тогда они ремонтируют. Серьёзная была работа. Она была круглосуточная, очень было

⁵⁵ Общее название реформ, проводившихся в СССР во второй половине 1980-х годов, направленных на демократизацию общества и «ускорение социально-экономического развития».

тяжело, и день и ночь, и день и ночь, а я не переносила. Я слабая всё-таки после войны такая была. Я думала, пойду я в техникум. Только окончу техникум, и уйду я с этого завода. И я так и сделала. Я поступила в политехнический техникум. Так как у меня была десятилетка, я проучилась только два года, вечерами. А потом уже, тоже по знакомству, я на экономиста училась. Нужно было на завод, а меня устроили в строительство. Строительство, в плановый отдел. Я очень аккуратненько, дисциплинированно всё учила, учила, учила, и стала старшим экономистом. А работала всё время в строительстве, в *дорожнике* работала, и в МВД⁵⁶ Латвийской ССР.

Вот тут, работая в строительстве, и, особенно, вот в эти 15 лет, пока правил Брежнев⁵⁷, тут я пожила. Вот эти 15 лет, я хочу сказать, что было удовольствие – мы везде ездили, и на Кавказ, и на север, на юг, и везде. Ну, везде! Путёвки. Что-то там сделаешь, хочешь отдохнуть, – поезжай. И в санаториях я была, в Балдоне и везде. Вот это я вспоминаю с любовью. И коллективы были хорошие. Опять-таки хочу сказать, что латышей было очень мало. Да, был мастер, какой-нибудь прораб, но мало.

Проработала там 13 лет, всё среди русских. Получила, так сказать, путёвку в жизнь, потому что там я окончила 10 классов в вечерней школе, там я окончила техникум. Училась *чему-нибудь и как-нибудь*⁵⁸. Тогда я, собственно говоря, и замуж вышла. Там же и квартиру нам дали как комсомольцам, ну, ему как комсомольцу, потому что я немножко с пятном в биографии, сами понимаете... Но мы с ним быстро развелись. Потому что, знаете, не приспособлена я ещё была к семейной жизни.

Прислали мне реабилитационный лист

Как только появилась такая возможность отца реабилитировать, я столько писала документов... Я сразу же начала это писать, спросила у мамы, нашла адрес какой-то, чёрт знает какой. Как будто бы он строил Беломорканал⁵⁹. Тогда нужны были молодые мужики, а ему двадцать семь лет, деревенский парень. Боже мой, сколько мне приходило документов, у меня вот пачка такая дома, то он где-то там, то там, то он уехал в Сибирь,

⁵⁶ Министерство внутренних дел.

⁵⁷ Леонид Ильич Брежнев (1906/1907–1982) – советский государственный и партийный деятель, генеральный секретарь ЦК КПСС с 1966 по 1982 год.

⁵⁸ Цитата из романа в стихах «Евгений Онегин» А. С. Пушкина (гл. 1, строфа 5): «Мы все учились понемногу, / Чему-нибудь и как-нибудь ...»

⁵⁹ Беломорско-Балтийский канал, соединяющий Белое море с Онежским озером, имеющий выход в Балтийское море, построен с 1931 по 1933 год силами заключённых ГУЛАГА.

то он ещё где-то. И меня такое забрало зло! Чёрт побери, да что же вы его судили, забирали, вы понимали, что у него же семья дома, у него же дочь, у него же родина своя, у него деревня, куда он там в Сибири? При Горбачёве⁶⁰ тогда только по-серьёзному мне ответили, где он, потому что я очень грубые письма написала. Просто меня возмутило это уже всё, и тогда только нашли, где он там находился. Он находился уже в Коми АССР, там была тюрьма где-то и рядом водохранилище. Водоохранилище залило эту тюрьму, тюрьмы там уже нет, и его могилы там нет. Умер он в 1942 году от подагры, от истощения, от голода. И прислали мне вот этот реабилитационный лист. Я получила, здесь уже, в Риге, справку о смерти. А в комсомол-то меня не взяли, надо же было писать автобиографию. Так что, мне можно было злиться и возмущаться этой властью. Может, я в какой-то мере и возмущалась... У меня всё прошло, я уже старая. Но, конечно, у меня было зло. Что мама никогда ничего не получала. Потому что я знала, тем более, она мне говорила, и мы с ней несколько раз об этом говорили... Ну как же так?! Безграмотный мужик. И, главное, это 58 статья, 10-й пункт, пропаганда. Пропагандист нашелся, безграмотный. Смешно! Да, несправедливо, но что делать? Такая история повторяется всё время. Вот теперь я столько читалась, столько насмотрелась...

На Брежнева мне было наплевать. Над ним смеялись и издевались. На работе, – мы присутствовали что ли, на работе? Ну, я по себе сужу. Придёшь, что-то сделаешь, так. Во всяком случае, чтобы – ох, там поднимать что-то, такого не было. Поэтому ничего и не было. Поэтому дефицит везде и был. Потому что не работали. Старики сидели там, в Кремле, придуривались. Жрали, пили, веселились, как теперь я послушаю, и больше ничего не делали. Даже какой-то прогресс чтобы вперёд сделать, даже несчастных колготок у баб не было, прокладок не было. Не смешно? Смешно! Ну, раз я уж отца своего реабилитировала, уже изменения. Конечно, мы надеялись на лучшее. Если бы мы не надеялись на лучшее, и вот этот вот развал... Ведь мы тоже были рады, я тоже подписала, что я не хочу всё это. Мы тоже хотели хорошей жизни, я тоже хотела бы съездить, предположим, тогда молодая, могла бы съездить – в Югославию, допустим. Я всё мечтала,

⁶⁰ Михаил Сергеевич Горбачёв (1931) – советский и российский государственный, партийный и общественный деятель, последний генеральный секретарь ЦК КПСС (1985–1991), единственный президент СССР (1990–1991).

на Адриатику, или ещё куда-то. Что там уже говорить, конечно, ждали, что будет всё лучше. Может быть, поколение какое-нибудь и будет хорошо жить...

Только сейчас понимаю, что Россия – это одно, а Латвия – другое

Ну что там было! Я нигде, ни в каком *фронте*⁶¹ не была. По той простой причине, что у меня очень болела мама. Я работала, ребёнка нянчила, и... Работала я в Плявниеках в тарном пункте, и к маме надо было приезжать каждый раз, продукты привозить. И она ещё сказала: «Хватит уже! Ты тут набегалась. Теперь ухаживай за мной». Такие её слова были. Ну и мне приходилось, она больной человек уже была – она в 1995 году умерла – и мне просто было некогда. Как-то у меня получилось так в жизни, что мне всё время было некогда.

Ельцин⁶² немножко неправильно себя повёл в отношении всего этого. А злость Латвии на Россию я тоже не понимаю. Я жила на Югле вначале, в кооперативе. Там у нас были одни латыши. Я быстро что-то такое подписала⁶³, именно за Латвию, чтобы мы отдельно жили бы. Чтобы все мы счастливо и хорошо жили. Но почему-то мы счастливо и хорошо не стали жить. Ну, какая я оккупантка? Почему мне всё время в лицо бросать – но сейчас я уже этого не слышу – вот, уезжайте, убирайтесь. Ну что я, виновата, что ли? Жила бы я у себя. А почему вот, в автобусе же едешь, что-то спросила – я уже не помню – «вот, понаехали, убирайтесь». Особенно бабки злые... Молодые нет, не могу сказать, молодые нет. Не хочу кривить душой, но действительно, ни в соцобеспечении, ни в поликлинике, ни в каком учреждении я никогда не слышала обидных слов в свой адрес. Я спрошу «А можно по-русски?», и всё. И, если бы была побольше пенсия, как вот положено, я была бы счастлива. Просто, тяжело, что мало денег, очень мало. А так бы жила. Потому что мне, простому обывателю, политика эта, она не нужна. Ходила на курсы для натурализации, ходила. Но почему-то боялась там писать заявление. Ну, в общем, как-то я не была уверена в

⁶¹ Имеются в виду социально-политические движения Народный фронт Латвии (1988–1993) и Интерфронт (1989–1991).

⁶² Борис Николаевич Ельцин (1931–2007) – советский партийный и российский государственный и политический деятель, первый президент Российской Федерации (1991–1999).

⁶³ Возможно, имеется в виду опрос населения Латвии, состоявшийся 3 марта 1991 года, на котором был задан вопрос «Вы за демократическую и независимую Латвию?»

своих силах. Брат на меня очень ругался. Иди, да ты что, в конце концов! Сам пошёл и сдал, и всё. Но он 1947 года, он с ребятами, с латышами дружил, он играл с ними там на улице в футбол, и он уже болтал. А я никак не выучу. Я же и сейчас прихожу, вот, в клуб, мы там латышским занимаемся. И что-то там у меня корявое такое всё. Приду в магазин, спрошу, что я там хочу, но память у меня провалилась уже куда-то. Так что, к сожалению, нет. И не потому, что там я вредничаю, я не вредничаю, я просто боюсь...

Я только сейчас понимаю, что Россия, это одно, а Латвия – другое. А тогда я этого не понимала, для меня это было всё равно. Мне казалось, что всё это был Советский Союз... Как-то мы с мужем поехали в Тамбовскую область, деревня у него там. А мух! А мух, а всего этого! Боже мой! Такими стаканами гранеными все пьют. Домой, домой, домой. У нас всё-таки культурно было. Всё-таки действительно и чище, и культурнее, и мы, русские в Латвии, отличаемся от русских, которые живут в России. Вот, только мы приезжаем в Россию, все сразу говорят, а вы не российские. У нас уже и поведение другое, и разговор другой, и слова другие. Это факт, это я вам точно говорю. Мы другие. И они нас не очень-то и любят. Мы там чужие. Мы заграничные. И разница-то есть, да! И мы этим гордились. Да вот, мы такие. Я с удовольствием, с гордостью говорю, что я из Риги.

Композиция подготовлена по интервью NMV-4213

Композицию подготовил и интервьюировал Эдмунд Шупулис, в Риге, 2014
Расшифровала Иоланта Шмуксте

МАЙЯ ГОЛУБЕВА

Родители переехали из Латвии в Россию, чтобы получить землю. Родилась в 1938 году в Карачаево-Черкесии, на Северном Кавказе. После войны мать с дочерью вернулись в Латвию и узнали, что двоюродная сестра матери и её тётя были высланы 25 марта 1949 года. Работала учителем в начальной школе, живёт в Виляке. Председатель общества пенсионеров.

Я НЕ ПРИВЫКЛА ЖАЛОВАТЬСЯ

Латвия такой войны не видела

Родилась я в Карачаево-Черкесии. У меня мама латышка, бабушка латышка, уроженки Яунгулбене, но в 1922 году земельки захотелось. Сказали, что там будут давать землю. И все побежали. Но потом границу закрыли наплотно, и все остались. Мама окончила Великолукский педагогический институт, а латышей тогда в России очень признавали, потому что они очень грамотные были. Маминого дядю отправили работать в Пятигорск. Мама там вышла замуж, мой отец был прокурор, а прокурорам раньше не разрешали в одном месте оставаться, и его перебросили в Карачаево-Черкесию, в город Микоян-Шахар, теперь Карачаевск. И там я жила до трёх лет. Потом отца перевели в город Армавир. И там началась война.

Всю войну мне пришлось пережить в путешествиях. Мама ехала в гости к отцу, в Великие Луки. И в Москве всех высаживают, говорят, война началась. А мама молодая, как же так, она же везёт ребёнка показать дедушке, и едем до Великих Лук. В Великих Луках просидели ночь в

подвале, и надо было уходить, потому что уже началась война настоящая. Скрывались от всего этого, приехали в Армавир, там неделю пробыли, и тоже надо было уходить. Запомнилось, как под мостом сидели, а пули под мостом стреляли – ток-ток-ток.

Жили потом в Будённовске⁶⁴, мама работала в школе, она всегда много молодёжью занималась, на олимпиады ездила. Голод пережили там страшный. Мама никогда не ходила просить ничего, наверное, латышская своя гордость была. И заврайоно⁶⁵ её послал работать в начальную школу в 4 километрах от города. Там совхоз, там вино всякое делали. Это уже был 1944 год, уже там немцев не было, но голод был жуткий. Бабушка собирала клевер, сушила этот клевер, молола вместе с отрубями и давала кушать. Спит нам на водичке и на плите. А я делю – это тебе, это тебе, а это мне. Лишнее остаётся – можно мне.

Так прожили до 1946 года. Мы в 1946 году в первый раз приехали в гости к родственникам в Москву, прислали разрешение. Дедушка был директором конно-прокатного пункта, у него ещё две сестры были, тётя Марта и тётя Эмма. И вот мы когда к ним приехали, я была кожа да кости, и они меня отпаивали молоком. И они мне сказали, Латвия такой войны не видела, как ты видела.

В Екабпилс мама получила назначение из министерства. В 1949 году мы сюда приехали. Договорились у двоюродной сестры остановиться под Екабпилсом. Приехали, сели в маленький поезд, а она общительная, разговаривалась, и мы узнаём: мы едем 5-го июня в Латвию, а 25-го марта двоюродную сестру мамину с тётей увозят в Сибирь. Раньше вместо кого-то подставляли и увозили, вот так они попали. Вернулась потом тётя, мамина двоюродная сестра, одна. А тётя её была похоронена, одна-единственная, в Сибири. Они были реабилитированы, по-моему, в 1956 году.

Ну, есть ещё одна двоюродная сестра, к ней тогда едем. А потом так получилось, что ту двоюродную сестру сняли с работы, куда мама пришла в школу работать. У лютеран есть такая *iesvētīšana*⁶⁶, и она была классным руководителем, она отвела детей. Её за это сняли с работы. Вообще, у нас в семье, в роду, я думаю, только у этой маминой двоюродной сестры, у

⁶⁴ Город в Ставропольском крае, Россия.

⁶⁵ Сокращение: заведующий районного отдела образования.

⁶⁶ В переводе с латышского: конфирмация – лютеранский церковный обряд сознательного исповедания веры.

неё такая струнка национализма. Но я её понимаю, потому что она очень трудно оканчивала в ульмановское время институт, работала у родственников летом, а они ей платили за обучение в институте. Так она получила образование литератора. Она была очень хорошим учителем. А за то, что в церковь пошла, а нельзя было, она настолько обижена была. Потом её возвращали в школу, а она отработала всю жизнь в Екабпилсе, на плантациях сахарной свёклы. Не вернулась. Гордая.

И мать рассердилась. Что это такое, она говорит директору, вы же с ней в одном классе учились, не буду у вас работать. И она написала в министерство, её перевели в Мадону. В Мадоне она отработала и вот потом приехала в Виляку, потому что в 15 км от города была русская школа, а я-то по-русски училась. Приехали сюда. И с 1952 года в Виляке она работала в школе начальной, учительницей. И я с 1952 года живу в Виляке.

Откровенно сказать, нашу Виляку предали. У меня тётя работала в министерстве культуры. Я приезжаю, она мне говорит – поздравляю. С чем? У вас район ликвидировали. Сказали, что Виляка никаких ресурсов к существованию этого района не имеет. А Балвский взял два раза. А у них ничего не было, кроме мясокомбината и дырявых улиц. Они ничего не имели. А у нас был льнозавод, молочный комбинат, *Sarkanais rīts*⁶⁷, потом было ПМК⁶⁸, у нас очень много было. И школа на 960 детей была. Больница, хоть небольшая, но с нормальными врачами, и хирургическое отделение. А как нас объединили с Балви, так Балви всё себе, и так осталась Виляка на долгие-долгие времена.

Мы дрались до ужаса

Школа у нас была замечательная, у нас учились параллельные классы, русский и латышский. У нас очень было весело всегда. Пять лучших школ республики, мы всегда среди них были. У нас директор когда он пришёл работать, ему было 24 года, а у нас был страшный коллектив. Латыши и русские, мы дрались до ужаса. Соберёмся, мальцы отдают комсомольские билеты на сохранение, палками дрались, кольями. Учителя тоже так. У нас всегда начинались драки среди учеников, что латышам нравилось, чтобы кто-то на пианино играл и все танцевали, а русским – чтобы радиола. Вечер кончается, и на автобусную остановку идут драться. И слышу как-то,

⁶⁷ Название трикотажной фабрики, филиал которой был в г. Виляке.

⁶⁸ ПМК – подвижная механизированная колонна.

учителя говорят, что директор сказал – кто не может жить в коллективе, пожалуйста, принесите мне в понедельник заявление. Конечно, заявление не принесли, а коллектив понял, что надо жить нормально. Директор и собрание провёл, и комсомольское, и общешкольное. Вот так нас объединили. Хотите работать – работайте. Нет – принесите заявление. И с учениками так. Директор выступил и сказал: «Я тоже учился в школе, и тоже был мальчишкой, и мы дрались, но мы никогда не дрались, как латыши с русским. Мы дрались как Ванька с Янкой».

А я девять классов окончила, и 16-го октября меня отчисляют из школы, назначают работать в школу старшей пионервожатой. У нас забрали старшую пионервожатую в райком⁶⁹ комсомола работать. И директор попросил разрешения, и меня старшей пионервожатой назначили. В школе было 960 детей. Удивляюсь, что меня ребята слушались. Директор школы учителей со мной никогда не посылал куда. Были сборы, физкультурники едут со мной на соревнования – слушались меня. И в походы я с ними ходила. Потом меня перевели в школу-интернат работать. Там я числилась вожатой, работала воспитателем. Я окончила школу пионервожатых, и образование моё приравнивается к учителю начальных классов. Я училась на факультете русского языка и литературы, заочно. Очно у меня не выходило, да и материальная сторона не позволяла, надо было работать и учиться. И потом дочка родилась. Пришлось мне учёбу бросить. Но, откровенно скажу, был бы первый директор, который меня принял на работу, он бы заставил меня окончить. По молодости нужно.

Я когда начинала работать, мне было очень интересно. Как же – я могу на уроки не ходить! Директор приходит в пионерскую комнату – товарищ старшая пионервожатая! У вас какой урок? Скажу, какой урок, он – я посылаю учителей на семинар, чтобы она могла посещать уроки, сдавать экзамены, окончить школу, а она мне тут сидит, развлекается! Марш!

Гуляли свадьбу два дня, а жить было негде

Я хорошо вспоминаю советское время, я очень хорошо вспоминаю. Потому что даже взять такой нюанс – когда я собираю своих, они тоже вспоминают. Раньше мы приходили друг к другу в гости, мы пели, веселились. Сейчас этого нету. Посидят за столом, поговорят, анекдот

⁶⁹ Сокращение: районный комитет.

какой-нибудь расскажут. Очень многие уехали со своего родного места и не хотят возвращаться. Они говорят, а где мы здесь жить будем? На что? Где работать будем? А там было всё. Работой ты был обеспечен. Ты знаешь, что зарплата у тебя есть. Не хочешь на этой работе, уйди на другую. Бесплатная медицина. А на курортах? Я не любила по курортам ездить, а муж мой ездил. И бесплатно в Болгарию съездил. Его на работе отправляли. Пожалуйста, посмотри. Работаешь, передовик – езжай.

Мой муж шофёром работал, жил со мной по соседству. У родственников своих. И на танцы ходили. Приглашал танцевать, домой провожал. Нечаянно мы брали там, где он жил, молоко у этих людей, они корову держали. И я увидела, он пришёл с работы, зима, и такой замёрзший, и они его даже супом не накормили. Сейчас, говорят, мы снимем с плиты, тогда ты себе приготовишь. И я говорю – Толик, пойдём, у нас что-то приготовленное, не готовь тут, пойдём, я тебя накормлю. И с того времени как-то быстро очень мы поженились. Прожили мы без двух месяцев 40 лет.

У меня свадьба была очень простая. Мне уже было 24 года, старая дева. Были свои учителя в школе-интернате, были друзья, которые у меня были по этой школе. Погуляли два дня, жить негде, у мамы – одна комната, ну и пустила меня жить учительница, которая работала, у них две комнаты, вот, в одну нас пустили. Потом дали квартиру, да что там квартира – комната и кухня, сейчас там сарай. А мы жили. А там и райкомовский работник жил до нас, так что все удобства были. А потом получила ещё одну квартиру, когда нас выселили, нашёлся хозяин дома. Но муж прожил только два года в новой квартире, умер.

У меня в 27 дочка родилась. Ещё помогала сиротам, воспитывала сирот. Одна учительница умерла, она девочку взяла в детском доме, пришлось эту девочку взять, потому что её сестра сказала, что надо обратно в детский дом отдавать. Я говорю, вы с ума сошли, ребёнку второй раз в жизни травма. А меня она хорошо знала, у меня семья не возражала. Дали ей образование, техникум она окончила. Воспитывала 11 лет.

Меня мать очень строго воспитывала

Меня мать очень строго воспитывала. Так получилось, что мама одна со мной справлялась с детства. У меня был строгий режим. Без пятнадцати двенадцать, хоть я уже взрослая была, чтобы я была дома. Хоть

какие праздники, молодёжь гуляет в парке, без пятнадцати двенадцать. А если я провинюсь, что-то не так сделаю – в школе вечер – на вечер не идёшь. И возьмёт, мне придумает задания. Надо дрова сложить, надо то. А мальчишки за меня заступались, придут, сложат дрова, всё сделают. Анна Эрнестовна, всё сделано у Майи. Ну, хорошо, отпущу, но без пятнадцати двенадцать чтоб была. А один раз я не без пятнадцати двенадцать, а в двенадцать пришла. Провожает меня парень, в девятом классе была, провожает меня домой, и она уже стоит с розгой. И не стесняясь, при нём, меня хорошенько так по плечам. Он, бедный, даже боялся со мной в кинотеатре рядом сидеть. Я говорю, ты не бойся, это она меня так строго воспитывает, чтобы я выполняла все её наказания. А потом они все знали, что меня очень строго держат. Я не была такого плохого поведения.

У меня таких два раза всего было. Я понимала всё всегда, потому что я видела, что она много работает, устаёт. И я понимала, что надо. Один раз бабушка захотела в церковь пойти, она уже очень плохо видела, и я её повела. Я в церковь не заходила, а её до церкви довела и всё. А она рассказала маме. И она мне мораль прочитала. Мне нельзя было в церковь, я же вожатой работала. Директор школы знал, что я бабушку иногда водила, он никогда не говорил ничего, потому что я внутрь не заходила.

Ещё в шестом классе мне попало. Мы жили на квартире. Там мужчины сарай строили. И по матушке называют это дерево, какое оно красивое. И я прихожу, мне бабушка суп налила, а я мама никогда не слышала в жизни. И она мне даёт суп, а я её называю, какая ты, вкусный суп сварила. Мать приходит с работы, ей бабушка говорит: «Аня, ты что не смотришь? Майя матом начинает ругаться!» Вот так, она мне тоже. Она не воспитывала, она сразу мне розгу даст, и я сразу запомнила, что это плохо.

Взял, и перечеркнул гражданство

В Виляке *Атмода*⁷⁰ тихо проходила. Довольно спокойно. Здесь очень много русских. Сейчас, может быть, заметнее. Но у меня были проблемы с гражданством. На меня же, не знаю, по чьей инициативе, была написана какая-то жалоба, но без подписи, что я не имею право иметь гражданство, потому что я не здесь родилась. Хотя у меня и мать латышка, и

⁷⁰ Буквальный перевод с латышского: пробуждение. Имеется в виду период конца 1980-х годов, для которого характерны процессы демократизации латвийского общества и актуализация идей о восстановлении государственной независимости Латвии.

бабушка латышка, и предки все латыши. У меня было гражданство. И меня вызывают в отдел в этот, эмиграции, или как он называется, даже не знаю, и со мной начинают беседовать, что я не имею права быть гражданкой. Паспорт ваш дайте. Я говорю, как это? А вы не здесь родились. Я говорю, так у меня это нигде не скрывается. У меня все родственники здесь, мать латышка, и бабушка латышка, и дед латыш, все, буквально, чистокровные латыши. Но он мне всё равно, взял паспорт, по-моему, вообще, отобрал у меня паспорт. Я говорю, может, тогда и мать лишите гражданства? А у вас паспорт есть с собой? Есть. Он взял, и ей перечеркнул гражданство.

Но, правда, к 23-му декабря, а это было в ноябре, звонок. Вы могли бы привезти мать получить паспорт? Она незаконно лишена гражданства. Я говорю, у меня матери 85 лет. А когда я приехала, она так плакала. В России, и во время войны, и после войны, ей никто в упрёк не ставил, что она латышка. А тут вдруг на тебе! Ей с извинением прислали. А мне сказали так – если вы хотите получить гражданство, вам надо подать в суд и принять национальность «латышка». А я русская в паспорте. Я ничего не ответила, приехала домой, матери ничего не сказала, ей паспорт привезла. А она говорит, Майя, а тебе? Я говорю, мне так и так сказали. Проходит каких-то недели две, она мне и говорит, Майя, я хочу с тобой поговорить. Я хочу, чтобы ты гражданкой была, потому что у тебя все граждане: отец, и муж, и дочка, и я. А как это ты негражданка? Она на меня так посмотрела и говорит: «Не та мать, что родила, а та мать, что воспитала. А тебя воспитала всё-таки Латвия». Я натурализовалась, но национальность не меняла.

Не знаешь латышского – отправят обратно

Там, где мы жили, там латышей не было. Первый раз меня научила тётя Луция говорить, когда мы приехали в 1946 году. Мама с бабушкой говорили, а бабушка только меня начинает учить латышскому языку, так я – что ты меня цыганскому языку какому-то учишь? А она мне говорит, подожди-подожди, милая. Поедешь с мамой в Латвию, будут на границе проверять знание латышского языка. Маму-то пропустят, а тебя обратно отправят. А мне восемь лет, мне страшно, что меня отправят одну. И вдруг все выбегают к окну, смотрят – граница, граница! А я на третью полку забралась и сижу довольная. Граница, а мать меня ищет. Она привыкла во время войны. Она меня всегда за руку водила, никуда не отпускала одну. И

вот я забралась на третью полку и рукой машу. Она мне, Майя, Майя, а я ей – тише! Тут же язык будут проверять. И она пришла и людям рассказывает – у меня дочка пропала, говорит, язык будут проверять. Все хохотали.

Приехали, к тётке заходим, тёте Луции, её ещё с работы не забрали. А тётя Луция по-русски не умеет, только по-латышски. Она идёт, я в кусты. Но она меня научила читать за месяц, сколько мы здесь жили. Мы идём по Екабпилсу, я говорю, мам, я умею читать, вот это, вот то. И потом, слушать, у детей это, наверное, быстрее. Они мне на день рождения купили куклу. Первую куклу за время военное и послевоенное. Спрятали и ушли с бабушкой на огород. А я пришла, залезла на печку, посмотрела. Они приходят, говорю – а я знаю, какую куклу вы мне на день рождения подарите! Откуда? А я слышала, как вы говорили. И после этого стали со мной говорить, что только держись. Я свободно владела потом уже языком. Поэтому меня и в школу взяли. Школа была на двух языках. И директор мне сразу сказал – Майя, в русском классе говори по-русски, в латышском – по-латышски. А ребята потом ко мне хорошо относились, но надо было всегда что-то взвесить, как это будет правильно. И как-то захожу в класс и замялась. И мальчишки – говорите по-русски, мы все понимаем по-русски. Я говорю, ага, я скажу по-русски, а вы потом пойдёте к директору и скажете. Мальчишки тогда – поднимите руки, кто пойдёт к директору! Они за меня стояли. Но я всегда по-латышски говорила.

У меня были хорошие друзья

Я работала до 1995 года в школе. А из министерства приезжали, сказали, не нацеливайте своих ребят после школы, чтобы они в университет поступали. У вас есть в Даугавпилсе, в Резекне свои институты. У них к Латгалии такое отношение, особое. Я не понимаю, почему. Ну, были у нас и среди учителей такие, рьяные. Которым не нравился русский язык. Я лично не обращала внимания. И у нас учителя, которые работали русские, мы как-то не реагировали.

Но мне пришлось уйти. У нас завуч была, а меня как раз лишили гражданства, и я думаю, что её заслуга была, потому что она каждый день, когда я приходила на работу, меня спрашивала – гражданство *tev būs vai nebūs?*⁷¹ Я говорю, у меня есть гражданство, чего ему не быть. И потом ос-

⁷¹ В переводе с латышского: у тебя будет или нет?

тавила меня на 4 часа только. Когда заведующая Отделом образования узнала, она спрашивает, Майя, а почему вы ко мне не пришли? Вы же могли бы любой другой предмет в латышском классе преподавать. А я говорю, разве вы не знаете, я никогда в жизни не привыкла жаловаться. У меня это не в характере. И на 4 часа, конечно, я не могла. Что это было, 25 латов? И в те времена мне и из квартиры надо было уйти, потому что там хозяин нашёлся. Мать у меня никогда не просила ничего. И тогда тоже. На 49 латов – шесть человек. И как было выжить? Работала. Вот, в школе на 4 часа, мать получала пенсию, мужу платили зарплату табуретками, шкатулками, которые они делали. Вот так жила. Но у меня были очень хорошие друзья, которые знали, как я живу. Я им помогала, когда они попадали в тяжёлые условия.

Вот тоже, думаю, боже мой, ну что мне сегодня готовить? Вдруг мне звонок. Майя, у тебя ведро большое есть? Я говорю, есть. Ты дойди до меня. Думаю, может, что-нибудь надо, ведра нет или как. Соседи. Прихожу, а муж её на охоту ходил. Накладывает мне с охоты. Они оленя убили, лося. Полное ведро, 12 литров, мяса. Вот и разрешились мои проблемы, что готовить. Так приходилось жить.

Композиция подготовлена по интервью NMV-4287

Композицию подготовила, расшифровала и интервьюировала Мария Ассерецкова, в Виляке, 2015

ТАТЬЯНА АМОСОВА

Родилась в 1943 году в Риге, в Латвии. Рижанка в четвёртом поколении. В 1973 году окончила Латвийский государственный университет, специальность – филология. Работала в прессе, в издательствах.

ИСТОРИЯ МОЕЙ СЕМЬИ – ЭТО ИСТОРИЯ ФАБРИКИ КУЗНЕЦОВЫХ

Кузнецовский фарфор – рижская марка

История моей семьи – это история фарфоровой фабрики Кузнецовых, потому что несколько поколений моих предков работали на этой фабрике. Сначала это было в России, а потом, когда в Латвии открыли месторождение очень качественной глины, братья Кузнецовы решили наладить производство и здесь. Тогда это была Стопиньская волость, за пределами Риги. В советское время писали, что тогда чуть ли не по кабакам набирали людей, а было как раз наоборот. Братья Кузнецовы собрали самых квалифицированных людей, хороших мастеров, тех, которые знали все тонкости этого процесса. Сначала, в 1812 году, начали разрабатывать глину и осваивать производство¹. И первые мастера приехали как временные работники. Сначала люди жили во временках, строили цеха для производства посуды. Их семьи остались в подмосковных центрах фарфорового производства – Вербилки, Дулёво. И люди, в общем-то, жили мыслью о том, что они вернуться домой. Правда, тогда вся эта территория была Россия, не было резкого разделения, но всё равно хотели вернуться к семьям.

¹ Очевидно, речь идет о фарфоровом производстве в районе Гжели (Московская область), основанном Яковом Васильевичем Кузнецовым (1761–1816/1823), родоначальником династии российских промышленников Кузнецовых. Рижскую фарфоро-фаянсовую фабрику в 1841 году основал внук Я.В. Кузнецова, Сидор Терентьевич Кузнецов (1806–1864).

Но однажды хозяева привезли сюда и семьи – жён с детишками. Ну, а в девятнадцатом веке семьи были, не то что нынешние – это пять-семь душ детей, и соответственно, возможность отъезда в таком составе стала просто нереальной. И так вышло, что люди остались здесь, и стало развиваться производство. А рижский фарфор, он славился наравне с другими кузнецовскими мануфактурами. И Кузнецов, надо сказать, учёл вкусы западного потребителя. Рижский фарфор, он несколько отличается и по стилю, и по декору, от российского. Был, конечно, Ломоносовский завод², он был официальным поставщиком царского двора, но там совсем другой стиль.

Мой дедушка у Кузнецовых был главным горновым мастером. То, что сейчас, наверное, называется на современном предприятии должностью главного инженера. Мама и старшие тётушки рассказывали мне, что он по цвету дыма из горна мог определить, как шёл обжиг, и то, какие изделия обжигались – тарелки, чашки или что-то другое. И образовался вокруг завода посёлок. Старожилы и до сих пор называют это место Кузнецовка. Улица, которая шла вдоль завода, сейчас это *Slāvu*, а в то время она называлась Кузнецовская. Жаль, теперь этого завода нет, строится очередной торговый центр, хотя в советское время рижский фарфор – это была, в общем-то, гордость Риги. Это была рижская марка.

Вот в этой среде мы сами и воспитывались. Там были и художники. Там были и женщины, которые расписывали посуду. Там действительно нужно было иметь и чувство вкуса, и чувство цвета, художественные данные. Вот так и складывалась эта среда, почти что микромир. И трудно сказать, что хозяева производства были такие прямо эксплуататоры. Это можно не словом, а делом доказать. При фабрике Кузнецовых был детский сад, была библиотека, работал любительский театр. На территории завода была построена часовня, и на средства работников был построен храм. Он действует до сих пор, – храм Иоанна Предтечи³. И сейчас уже большинство тех, кто работал на этой фабрике и тех, кто участвовал в строительстве этого храма, упокоилось на Ивановском кладбище. Если пройти по этому кладбищу, там как на ладони история Латгальского предместья. Храм Иоанна Предтечи никогда не закрывался. Он был на грани закрытия, но всегда действовал. Там идут службы и сейчас. Ещё планировали создание

² Бывший Императорский фарфоровый завод, основан в 1744 году в Санкт-Петербурге, с 1917 года – Государственный фарфоровый завод, с 1925 года присвоено имя М.В. Ломоносова.

³ Здание расположено в Риге, на ул. Каана, 21.

храма рядом с заводом, но началу строительства помешало начало Второй мировой войны. А на территории завода была построена часовня иконы Казанской Божьей матери. Это икона – особая, сугубо чтимая, она считалась покровительницей всех кузнецовских. Поэтому на празднование иконы Казанской Божьей матери, 21 июля, на заводе был большой праздник. К нему, как и к Пасхе, шились новые наряды, готовился праздничный стол, хозяева делали подарки работникам. Один из приделов храма Иоанна Предтечи был освящён в честь иконы Казанской Божьей матери, и после службы шёл крестный ход от храма, Ивановского храма, по улице Московской, к фабрике. А на фабрике, в часовне, служили молебны, потом заходили в дома, освящали дома, служили молебны. Это то, что я знаю по фотографиям, по воспоминаниям тех, кого уже с нами нет.

Бабушки и дедушки

Моя мама – урождённая Баринаова. Прадед погиб трагически, его убили. И остались мой дед, ему было двенадцать, а самой младшей его сестре – семь месяцев. И он от подмастерья дорос до главного горнового мастера. И у него были братья – Василий, Николай, Афанасий, Михаил, они все тоже были на заводе. Николай занимался финансами, Василий был художником, Михаил тоже. Кто-то занимался гончарным производством. Все оказались очень талантливыми, причём разносторонними. Одна семья, и мальчишки, которые выросли без отца, но из всех из них вышел толк. Потом уже к мамину двоюродному брату перешло как бы по наследству финансовое дело. Пока существовал завод, он работал в бухгалтерии. Вот это Бариновы, это рижский фарфор. Сейчас уже все на Ивановском кладбище.

Вторые бабушка и дедушка – Амосовы. Дедушка – тоже местный, учился в Тарту. Там вообще была очень романтическая история. Во время студенческих волнений он был сослан в Псковский край. А в Псковской губернии, в селе Михайловском, служил митрофорный протоиерей⁴, отец Михаил Каменский. И было у него одиннадцать сыновей и единственная дочь, моя будущая бабушка – Мария Михайловна, урождённая Каменская. Выпускница пансиона для девиц духовного звания. Её будущее было предопределено, но, увы, жизнь распорядилась иначе. Появился этот

⁴ В православии – представитель «белого» (женатого) духовенства, старший священник, награжденный за многолетнее служение правом ношения во время богослужения митры (головной убор особой формы).

ссылный студент, и наша поповна сбежала. Со ссылкой студентом. У него были определённые места по пребыванию, поскольку он был не вполне благонадёжным. Там родился мой папа, это их первенец. И с первенцем молодая пара явилась к отцу Михаилу, упали в ноги и просили прощения. Повенчал молодую пару бабушкин брат Андрей, к тому времени тоже священник. Все в ноги кинулись к отцу Михаилу. Он простил, конечно. Ещё у Амосовых в семье родились две девочки, это мои тётушки, Ирина и Людмила. И в 1919 году, как семья Бариновых, так и семья Амосовых, когда начались события в России, все вернулись в Латвию. Ну, Бариновы вернулись вместе с Кузнецовыми, потому что у Кузнецовых это осталось единственное имущество, всё остальное было национализировано⁵. Амосовы вернулись, потому что у дедушки корни северные, но он отсюда, и вернулся сюда тоже, видимо, интуитивно понимая, что он должен защитить свою семью.

По образованию – дедушка закончил медицинский, но по специальности никогда не работал. Семью кормить надо было, он работал бухгалтером и счетоводом. Но самое главное другое. У него был уникальный голос, бас-профундо. И поэтому в нашем Христорождественском соборе⁶ прихожане старшего поколения его ещё помнят. Он пел в соборе, вместе с бабушкой. Уже потом он пел в опере. И вот он всегда говорил – для меня главное собор, потом хор, и потом уже филармония. Наша семейная реликвия – фотография Шаляпина⁷ с дарственной надписью дедушке. Потому что он участвовал в оперных спектаклях здесь, в Риге, когда Шаляпин приезжал сюда на гастроль. У нас есть фотография с собственноручной подписью «Симпатичному Амосову, Фёдор Шаляпин».

Ёлка в подарок и в утешение

В семье Бариновых ёлку ставили под новый год и до Крещения⁸. Новый год встречали довольно сдержанно, потому что это – Рождественский пост. Но пока была жива бабушка, вся семья собиралась за столом. Били часы, наступал новый год, бабушка читала молитву, и все поздравляли друг друга, приступали к трапезе. Нам, детям, разрешалось

⁵ В 1918 году все предприятия «Товарищества производства фарфоровых, фаянсовых и майоликовых изделий М. С. Кузнецова» на территории Советской России были национализированы.

⁶ Рижский кафедральный собор Рождества Христова – православный храм, находится на ул. Бривибас, 23.

⁷ Фёдор Иванович Шаляпин (1873–1938) – русский оперный и камерный певец (бас), актёр и режиссёр. Шаляпин выступал в Риге в 1910, 1921, 1930, 1931 и 1934 году.

⁸ Богоявление, или Крещение Господне, празднуется Православной Церковью 19 января по новому стилю.

остаться за столом. Тут нюанс такой, что ни в доме Бариновых, ни в доме Амосовых никогда не было такого понятия, что дети находятся где-то отдельно, за другим столом. Дети всегда находились вместе со взрослыми. Но тут два момента. Дети элементарно умели себя вести за столом. С другой стороны, за праздничным столом в любой ситуации не возникало разговоров, которые не были бы предназначены для детских ушей.

После нового года начиналась подготовка к рождественским праздникам. Рождество в послевоенные годы – это было сложно. Тушёная капуста, сардельки. Но все собирались, и самое главное – это праздник. Ну, и нарядная ёлка. Ёлку приносил Дед Мороз. И довольно долго он к нам приходил. Правда, потом приносил уже просто ёлку, мы сами наряжали.

Мне было лет пять. Я заболела под новый год, и прихватывала и Рождество⁹. Как порадовать ребёнка? Я теперь знаю, чего это стоило моим родителям. Наряженная ёлочка появилась и оказалась украшена мандаринами и яблоками. А ведь даже в 1970–1980-е годы такие вещи как цитрусовые фрукты *выбрасывали* только зимой. Стояли колоссальные очереди в декабре, их хватало, чтобы можно было поставить на стол, порадовать детей. Во всяком случае, прийти в магазин и купить или килограмм, или несколько мандаринов, такой возможности не было. И вот, на Рождество мне разрешили встать, выйти в столовую. И там меня ждала ёлка, до потолка. Большая. И она была украшена. На ней не было шаров. На ней были только мандарины и яблочки. Тогда здесь был очень популярный сорт *sīpoliņi*¹⁰. Вот точно, у нас в обиходе они всегда были *sīpoliņi*, я даже не знаю, вроде бы по-русски правильное название, ботаническое, ранетки. Но у нас это были только *sīpoliņi*, такие маленькие, крепкие, сочные яблочки. Они были очень жёлтенькие, с красным бочком, их можно было за палочку привязать на ниточку и повесить на ёлку. И вот эта ёлка с яблоками и мандаринами мне была в подарок и в утешение.

Купили как-то новые башмачки. Собирают ребёнка на ёлку. А я заболела. И пока болела, нога выросла, так мне эти башмачки надеть и не довелось. Отдали дочке одной знакомой. Нет, грустно не было. Обидно было, что не попала на ёлку. Росла я болезненным ребёнком, и лечили меня домашними средствами... до сих пор я не люблю кипячёное молоко, потому что поили меня домашним молоком, с содой... а когда туда ещё сало...

⁹ Рождество Христово празднуется Православной Церковью 7 января по новому стилю.

¹⁰ Название сорта яблок. В переводе с латышского – луковки.

ой, страшно. Ну, а потом, в 1950-е годы в обиход пришёл пенициллин. И это был тот период, когда при каждом кашле и чихе детям прописывали инъекции антибиотика. Не думаю, что это очень помогало. Организм выздоравливал тогда, когда ему это было нужно.

Я – единственный ребёнок в семье. Понятно же – 1943 год. Ну, а потом у мамы со здоровьем были проблемы, и ей сказали, что больше нельзя. И так получилось, что мы все – единственные дочери. У мамы три сестры, а мы – единственные дочери. Мы двоюродные, но росли как семья. Никто не делил, кто родной, кто двоюродный, кто троюродный. Это совершенно не имело значения. Для нас, для детей, делалось всё, чтобы мы испытывали радость, и за это я благодарна своим близким. Правда, нас учили духовной радости. Уже тогда старались объяснить, что праздник не только в том, чтобы сесть за стол, съесть необычное, а всё-таки радость в том, что мы все собрались, мы все живы-здоровы, мы все дружны, мы все вместе. Вспоминаются слова бабушки в послевоенные годы. Она говорила: «Я каждый день благодарю Господа за то, мы все остались живы. Что мы никого в этой войне не потеряли».

Три языка – с детства

У меня с детства был стимул к двуязычию. Папа с мамой разговаривали по-латышски. Соседские мальчики – семья латышская. Они со мной говорили по-латышски, это было очень быстро усвоено. А потом родители перешли на немецкий. Потому что, по обычаям довоенных лет, здесь было три языка. Если человек хотел получить хорошую работу, человек, закончивший гимназию, знал три языка. Если это был реальный курс или классическая гимназия, это была ещё плюс латынь или итальянский. И плюс английский. Была у меня любознательность, скорей-скорей освоить, чтобы понимать. Чтобы не было ощущения, когда при тебе говорят, а ты не очень понимаешь.

Сейчас, после смерти мамы, у меня практически ушёл немецкий. А латышский и русский у меня всё время в активе. Я пытаюсь немножко осваивать английский, но не очень получается. В принципе, надо сказать, что я окончила курс русской филологии, но большую часть своей деятельности, карьеры, я была редактором-переводчиком, с латышского на русский, с русского на латышский. Я работала в проектном институте, и всю

документацию, которая шла за пределы Латвии, нужно было переводить, потому что здесь всё издавалось на латышском языке.

В школу я пошла в семь лет, жили мы тогда в Торнякалсе, в Пардаугаве. Класс у нас был небольшой, в послевоенное время детей было немного. Но вот в чём была для меня сложность в школе, такое тяжкое воспоминание. Дело в том, что я, сколько себя помню, где-то с четырёх лет, говорила на двух языках, кроме того, я читала тоже на двух языках. Правда, с письмом было не очень. И у меня не получалась цифра два. Сижу, реву. Слезы капаят на тетрадку. Приходит с работы папа. Что такое? Вот, двойка не получается. Ничего! Вот знаешь, у Ирочки (Ирочка, это моя двоюродная сестра) тоже не получается. Ничего, получится. Вот поколение этих людей, они как-то умели подойти к нам. Поддержать, понять. Нас не баловали, но и жизнь не располагала к баловству. Мы себя не чувствовали центром мира. Но мы чувствовали, что за нами стена. Доверие было. С любым вопросом можно было прийти к папе и к маме. И я, и сёстры, мы знали, что нас выслушают. И не только папа-мама, тётушки, дядюшки. Мы чувствовали, что родители – это действительно опора и защита, что нам всегда помогут. Нет, не заступятся. Если оценка была похуже, то меня могли наказать – не за то, что я получила вместо пятёрки четыре или вместо четвёрки три. А тогда, когда я начинала оправдываться. Искать причины в другом. Нас учили искать причины в первую очередь в себе. И это очень помогает в жизни.

Самым страшным наказанием было, если мама плачет. А мама могла заплакать, если в дневнике была тройка. И это было страшно. Мы жили за Двиной, а бабушка, мамины сёстры и брат остались жить на Кузнецовке. А другие бабушка и дедушка, Амосовы, жили в Старой Риге. И в воскресенье ехали туда и туда. И могло быть ужасно: если я что-то не то принесла в дневнике, мы не едем. Мы не едем на Кузнецовскую. И надо сказать бабушке – а бабушка старая, бабушка расстроится. Это было страшно.

Вместо игрушек – фарфор

Ещё когда я в школу не ходила, меня оставляли у бабушки ночевать. И тогда муж маминой сестры, мой любимый дядюшка, дядя Костя, Константин Афанасьевич Козулицын, ставил меня на табуретку. Там был большой дубовый буфет, и наверху стояли фарфоровые фигурки. Вообще,

он сам всегда приводил в порядок и обихаживал этот фарфор. Но мне он разрешал, давал тряпочку, и для меня это была такая радость, когда я могла брать в руки эти фигурки, я могла их перетирать.

Кукол у меня не было, я играла с этими фигурками. Куклу мне привезли из Москвы наши московские родственники, когда я уже в школу ходила. Ещё одну куклу мне купила мама, так сказать, в утешение. Я болела воспалением лёгких. И она меня оставила одну, поехала на базар за продуктами. А когда вернулась домой, привезла куколку, небольшую, голубоглазую, в голубом платье. И я её назвала Илзите, не Лизочкой, а именно Илзите. Эта кукла у меня была очень долго. Но самое главное для меня были фарфоровые фигурки. Шли годы, когда мамы не стало, тётушка с дядюшкой стали совсем старенькие, я приходила к ним и протирала эти фигурки.

Школа – это был другой мир

Школа – это был другой мир. Это был другой мир, в котором было не так уютно, как дома. Но это было нужно. Приняли в пионеры. Я никогда не была ни звеньевой, ни председателем совета отряда, всё это было не очень интересно. Яркой активности у меня не было. Я не могу сказать, что нас специально заставляли, как некоторые иногда рассказывают, что их заставляли вступать. Была линейка, давали торжественные обещания, повязывали галстуки. Считалось, что если ты пионерка, то это обязывает. Ты должна хорошо учиться, подавать пример. Для меня это не составляло труда, потому что эти принципы были во мне сформированы намного раньше.

Собственно, как я научилась читать. Это мне уже сестра старшая рассказывала. Со старшими, двоюродными, сёстрами у меня разница в десять лет. Сидит, гундит – почитайте, почитайте, почитайте. Они сидят уроки делают, а я под столом ною. Они мне показали буквы, чтобы отвязалась, складывай. У них сохранился их, ещё довоенный, учебник Закона Божьего. И я там разбирала, оттуда что-то читала. Тут был один очень интересный момент. Когда мне показали буквы, я стала читать вслух. Читаю вслух, сестра мне говорит – ну, ты же нам мешаешь, читай про себя! А я говорю – так тут про меня ничего не написано! До слёз. Пока не пришла бабушка: «Что же вы её мучаете? Ну, иди ко мне, ягодка, я тебе расскажу. Про себя – значит, ты должна глазками читать, вслух не говори». Вот так вот я училась читать.

А в школе был казус. В первом классе. Я читаю на двух языках бегло. Урок чтения, я читаю. Мне говорят – как ты читаешь, читай по слогам. А я не понимаю, чего от меня хотят. Влепили мне тройку. Под вечер температура сорок. Тут уже не до ругани. Учительница встретила маму в магазине. Мама говорит – да, действительно, она читает уже давно, на двух языках, она не понимает, что значит читать по складам, она никогда не читала по складам.

Учили добру. Учили справедливости. Могли наказать только за ложь. Если соврёшь – тогда действительно строго. Не поедешь к бабушке, не пойдёшь гулять. Поскольку я рано научилась читать, это было любимое занятие. Значит, будешь читать этот материал, по которому ты принесла тройку, а не будешь читать то, что тебе хочется. Это было очень серьёзное наказание. Но такого, чтобы говорили, что в школе всё не так, что всё – наоборот, такого не было. Хватало мудрости находить такие слова, чему нас учит Святое Писание. Но говорилось это так, что звучало современно, это было доступно и не ставило под сомнение авторитет учителя. Это ведь «не судите, да не судимы будете», но мне говорилось – меньше критики, больше самокритики. У нас был такой порядок – учитель всегда прав. Меня могли наказать только за то, что я говорила, что учитель был неправ, что он ко мне был несправедлив. Первый раз я услышала от своей мамы о том, в каком они были ужасе от уровня знаний моей учительницы, когда мне было лет тридцать. А тогда для семи-, десяти-, двенадцатилетнего ребёнка – учитель всегда прав. Учитель всегда прав, и за что я благодарна – не было этого ощущения, что дома говорится одно, в школе – другое. Я знала потом уже, во взрослом состоянии, несколько семей, где были семейные трагедии от того, что дома говорили одно, в школе учили другому, и вот это вот раздвоение, оно приводило к тому, что человек просто терялся в жизни.

У каждого дорога к храму своя

Меня крестили, меня водили в церковь, меня причащали. Всё стало реже именно для того, чтобы не было раздвоения, когда начались все пионерские дела. Рождество, Пасха – это бабушкины праздники, это было уважение к бабушке. И неукоснительно – все поминальные службы, панихиды. А потом уже повзрослела. И когда умерли родители, тут уже оказалось, что всё это на мне. Меня никогда не принуждали и никогда не отвращали.

Насильно меня в церковь не водили. Но я твёрдо знаю, что у каждого дорога к храму своя. Да, я росла в религиозной семье, я знала, что бабушка и дедушка поют в соборе. Я знала, что другой дедушка был попечителем совета по сооружению храма, в который меня приводили. Для меня это не было секретом. Но так, чтобы меня тянули, стой тут и майся, пока служба закончится – такого не было.

Ещё до школы я с бабушкой ходила в церковь, но тут так – бабушка вставала на колени, надо бабушке помочь подняться с колен. Не знаю, сколько я там помогала или совсем наоборот, но у меня была обязанность, сопровождать бабушку и бабушке помочь. Но что-то отложилось. Бывает, сейчас стоишь на службе, и думаешь – откуда я это знаю? Очень многие вещи приходят из детства.

Теперь, в принципе, это даже стало легче, спокойнее. Если в советское время, особенно в 1950-е годы, это было действительно сложно, то теперь всё это прекрасно. Да, православие – это составная часть моей ментальности, в этом плане тут ничего не изменилось, просто... я никогда ничего не демонстрирую, потому что я считаю, что вера – это дело сугубо интимное, не просто личное, а интимное. Это не то, чем можно кичиться или демонстрировать как какое-то преимущество. Это сугубо интимное дело, это мои отношения с Богом. Не больше, но и не меньше.

В двадцать три года всё начала заново

Это не я решила стать филологом, это филология меня выбрала. И путь к филологии был долгим. Несмотря на то, что у меня в школе были чётко выражены гуманитарные способности, всегда трудно давалась математика, все точные науки, но поскольку училась хорошо, выводили в хорошистку. Это была медвежья услуга.

Так как в детстве я много болела, я всегда хотела стать врачом. И после школы я пошла поступать в медицинский. Но школу я окончила в 1960 году. Это период хрущёвских реформ. Это его реформа о сближении школы с жизнью¹¹. Все поступающие должны были иметь трудовой стаж¹². На мой взгляд, он не только художников гонял и выставки разго-

¹¹ Возможно, имеется в виду закон «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР» (принят 24.12.1958).

¹² Речь идет о новых правилах приема в вузы, утвержденных в 1957 году, когда при поступлении в вуз преимущество предоставлялось лицам, имеющим двухлетний стаж работы на производстве после окончания средней школы.

нял, он ещё и сломал немало судеб. Кто-то поступил, кто-то нет. Пошли работать, так и остались работать, никуда не поступили. Кто поступил, учились, но позже. Люди создавали семьи, вернее, люди вступали в брак, но не всегда получалась семья, потому что работа, учёба. Сейчас это называют демографической ямой. Кто-то остался без образования. Если человек старался учиться, не складывалась семья или семья оказывалась неполной.

Я два года работала в поликлинике, прошла по конкурсу в институт, и всё бы хорошо, но у меня возникли сложности с физикой, с химией, со всеми этими науками. Мне пришлось уйти в академический отпуск, потому что я заболела. Забрала я документы, но всё ещё пыталась идти этим же путём, поступила на биофак в университет. У меня средних оценок не было – у меня были пятёрки по всему и задолженности по зачётам по физике и математике. И тогда был разговор – в принципе, можно поставить зачёт. Но гораздо хуже будет накануне диплома, когда сложная физколлоидная химия, с чем будет не справиться, а время-то упущено. Так что в двадцать три года я всё начала заново, на филологическом факультете. И тогда друг нашей семьи, Вера Михайловна Каверзнева, сказала – вот теперь я за тебя спокойна, теперь ты на своём месте. Не горюй, что ты начинаешь поздно. Жизнь есть жизнь, не всегда всё идёт по гладкой дорожке. Но, по крайней мере, у тебя не возникнет мысли, что ты не на своём месте, не возникнет сожаления, правильный ли путь ты избрала.

Славные январские дни

Я должна сказать трижды *нет* – не была, не состояла, не участвовала. В партии не была, в советской печати не работала и в советской школе тоже не работала. Я работала сначала в исследовательском институте, потом в проектном институте. В газете *Rīgas Balss* переводчиком. Когда начался Народный фронт, всё это пришло и в институт, и тогда началось – научная информация не нужна, переводчик не нужен. С одной частью коллег отношения остались нормальными, с другой – не знаю, откуда это взялось – *вам нельзя здесь говорить по-русски*, вот это всё. Вышло так, что моя коллега показала мне в *Rīgas Balss* объявление, что там ищут переводчика. Я позвонила, мне сказали – приходите. Я съездила в Дом печати, на восьмой этаж, мы поговорили, дали текст, я сразу перевела. Мне сказали, что

позвонят. В институте на тот момент было очень неуютно. С частью своих знакомых и коллег я перестала общаться во время *Атмоды* – откуда-то полезла эта агрессия. И на следующий день я пришла снова в Дом печати и мне сказали, что берут на полную ставку. Потом уже, отработав месяц, я узнала, что там был конкурс. Взяли меня и ещё одного мужчину на полставки, в отдел спорта. И я пошла туда работать в славные январские дни 1991 года¹³. Начало моей карьеры в Доме печати было, когда омоновцы¹⁴ штурмовали Дом печати.

Эти дни мне запомнились чувством солидарности, чувством локтя. Тогда никто никого не делил. Тогда мы все были едины. У нас было тогда чувство общей опасности. Эти чёрные береты. Я шла как раз, несла материал в редакцию, вижу – человека сбили на землю, бьют ногами. Я ещё не поняла, что это. Я вхожу в вестибюль, показываю пропуск. А там редактор стоит. Я говорю, принесла материал. «Ну, заходи.»

Меня попросили перевести на русский язык обращение к Михаилу Горбачёву. А потом газета наша выходила на такой обёрточной бумаге, и там была рубрика «В чрезвычайных условиях», потому что мы уехали из Дома печати. В это время газета всё равно выходила. Это, конечно, были дни солидарности. Может быть, была какая-то романтика, которая теперь испарилась в реалиях... но, всё равно, тогда люди были немножко иначе настроены. Тогда не было этого разделения. Тогда было больше понимания. В *Rīgas Balss* это и потом сохранилось. Было две редакции, но всегда была солидарность. Мы делали одно дело.

Толерантность – она ещё никому не повредила

Настроение тогда было одно. Конечно, у меня было осознание того, что латышский народ имеет право сам решать свою судьбу. Мы за него решать права не имеем. И в какой-то степени, даже сознавая, что часть родных осталась в Москве, я проголосовала за независимость. Просто я не думала, что так быстро улетучится это настроение единения, единства. Тогда не было такого противостояния. И тогда не стоял вопрос, что ты второго сорта. Ну, правда, для меня не стоял вопрос, что я обязана выучить латышский. Меня особо латышскому и не учили. В школе преподавание было

¹³ Речь идет о событиях января 1991 года – т. н. *времени баррикад*.

¹⁴ Бойцы Отряда милиции особого назначения. Дом печати по распоряжению ЦК КП Латвии был взят ОМОНОм 2 января 1991 года.

слабым, это я должна признать. Пятёрки эти мне доставались без труда. Но я читала и писала, и говорила. Сейчас уже, с точки зрения того, как я могу судить о методиках – грамматику неродного языка объяснять по-русски – это методически неправильно. А тут не только латышская грамматика объяснялась по-русски, но и немецкая. То, что я знаю по-немецки, я знаю из дома. А так зубрили все эти склонения, спряжения, и очень мало уделялось времени именно разговорной речи. Сегодняшние методики они, конечно, более предпочтительны. Самое главное, чтобы было желание. С другой стороны, как говорит Святейший Патриарх, невольник – не богомольник, точно так же и в учении – всё, что из-под палки – успеха иметь не будет, когда насильно, когда резко. Может быть, нужно более доброжелательно, приветствовать, когда человек говорит, пусть с акцентом. Помочь, подсказать, а не высмеивать. В общем, толерантность, она ещё никому не повредила.

В современной Латвии я себя чувствую комфортно

У меня детей нет, есть только внучатые племянники. Я была, кстати говоря, замужем за латышом, но брак не сложился. Обе мои двоюродные сестры вышли замуж за латышей. Так что племянники у меня, можно сказать, латыши, я их люблю так же, как и других. Брат был женат на русской женщине. Но я не делаю разницы, я их всех люблю одинаково. Папина сестра младшая, урождённая Амосова, по мужу – Якобсон. Так что мои кузены уже наполовину латыши. И мой двоюродный брат – Ян Якобсон, заслуженный артист России, сейчас живёт в Москве. Он – актёр. Приезжает сюда. Ну, нет никаких проблем у нас на эту тему.

Сейчас я на пенсии. Так сложилась жизнь, что сейчас я должна помочь своему внучатому племяннику, он живёт у меня, на моём попечении. И потом, ещё есть у меня послушание, по благословию преосвященного Александра, митрополита Рижского и всея Латвии, я сотрудничаю в газете «Виноградная лоза». Это моё послушание.

Я себя в современной Латвии ощущаю комфортно. Но люди, не владеющие латышским языком, едва ли чувствуют себя комфортно. Едва ли чувствуют себя комфортно люди, которые не оформили гражданство. Хотя, тут у меня своя позиция – не обязательно брать латвийское гражданство, можно получить российское гражданство или, скажем, украинское гражданство. Мне кажется, это вопрос решаемый.

В моей жизни две подруги. Ирина Семёновна Маркина, со студенческих лет, и с восьмого класса, как сели за одну парту, мы дружим с моей бывшей одноклассницей – Зайга, урождённая Зариня, по мужу Кузнецова. Она приехала к нам в восьмой класс, это был 1957 год, когда стали возвращаться репрессированные. И, кстати, сестру моего папы, среднюю сестру, тоже репрессировали. Их вывезли в 1949 году, они были на Дальнем Востоке. Недавно был разговор, и выяснилось, что и Зарини, и Житковы – они все в одном эшелоне ехали. Так что я считаю, что на бытовом, на семейном уровне, по крайней мере в моём окружении, никакого антагонизма не было. Если человек в силу национальной принадлежности проявлял какую-то агрессию, я просто переставала с этим человеком общаться. Вот и всё.

Композиция подготовлена по интервью NMV– 4278
Композицию подготовила, расшифровала и интервьюировала
Мария Ассерецкова, в Риге, 2014

СЕРГЕЙ ЧУХИН

Родился в 1948 году в Риге, в Латвии. Окончил Ленинградский государственный университет, специальность – философия. Работал в конструкторском бюро, рабочим на заводе, преподавателем Рижского Политехнического института, лектором общества «Знание». С 1993 года по специальности не работает. Занимается подготовкой материалов для интернет-портала russkije.lv.

РЕШЕНИЯ ВО ВСЕХ СЛУЧАЯХ ПРИНИМАЛ Я САМ

Отец перед уходом на работу приносил дрова из подвала

Прежде всего, я помню свою квартиру, где я родился, на улице Иманта Судмаля¹⁵. Прямо перед домом был пустырь, а за ним развалины, на месте которых в конце пятидесятых годов вырос Политехнический институт¹⁶. В конце моей улицы находилась набережная, по которой в те времена бегал трамвай. Надо сказать, что центр Риги довольно сильно пострадал от войны, а в целом Рига и ее жилой фонд не были разрушены так, например, как другие города: Киев, Минск и многие другие, которые были практически стёрты с лица земли.

Помню свою квартиру. Квартира у нас была двухкомнатная, без всяких удобств, не было даже туалета, во второй комнате был кран с холодной водой и мойка – такую квартиру получил отец, когда они с мамой в неё заехали. Это была отдельная квартира. А сам дом, наряду с другими в нашем квартале, в прошлом не были жилыми – здесь были амбары и

¹⁵ Ныне ул. Грециниеку.

¹⁶ Здание Политехнического института (с 1990 года – Рижский технический университет) было построено в 1958 году по проекту архитектора Освальда Тилманиса (1900–1980).

магазины с различными товарами, вверх и вниз на лебёдках спускали и поднимали товары. Рядом ведь крупная река, по которой осуществлялись грузоперевозки. Когда мои родители заехали в этот дом, он уже был приспособлен для жилья, только огромные окна остались от прежних времён.

Я помню, когда папа уходил рано утром на работу, мать его провожала, давала ему кулёк с едой на весь рабочий день. Это были пятидесятые годы, отопление у нас было печное, отец перед уходом на работу приносил дрова из подвала (жили мы на четвёртом этаже), растапливал печь и уходил, а мама дотапливала её и закрывала напоследок выюшку.

Ещё я помню с тех времен, что мама не была местной, родом она из Рязани, отец тоже из России, только родился и жил он до войны на севере – он вологодский мужик, а точнее, из города Кириллова. Здесь находился с давних времён знаменитый Кирилло-Белозёрский монастырь. Мама со своей семьёй переехали в Польшу во время Первой мировой войны, чтобы быть ближе к своему мужу и отцу (теперь это западная Белоруссия – Брестская область).

Женитьба или исключение из партии

Они познакомились в Кёнигсберге, в 1945 году. Ну, наверное, главное в их отношениях: они познакомились на работе. Отец был следователем НКВД¹⁷, а мать – переводчиком в 11-й гвардейской армии. Надо сказать, что после оккупации немцами западных территорий, когда фронт ушёл дальше в Германию, мать попала в 11-ю гвардейскую армию в качестве переводчика с немецкого языка. Отец же был отозван из воинской части, где он воевал, и направлен руководством в качестве следователя. Он прошёл, безусловно, какую-то специальную подготовку. Он был молодым следователем. Но тогда быстро всему учили и, видимо, папа быстро освоил новую специальность. А до войны он получил другую хорошую подготовку: окончил техникум по судовым паровым котлам. Мама моя знала языки – немецкий как русский, польский как русский, английский и французский хуже, они со временем забылись. Когда родители решили оформить свои отношения брачным союзом, возникло препятствие. Поскольку мать была

¹⁷ Народный комиссариат внутренних дел – орган государственной безопасности СССР в 1934–1946 годах.

на оккупированных территориях, она считалась неблагонадёжной, и перед отцом встал вопрос: женитьба на маме или исключение из партии. Папа выбрал первое, они поженились. Кстати, такие случаи были не единичными в то время. Место дальнейшего проживания им определили в Латвии, в Риге, куда они переехали в 1948 году.

Они ведь не выбрали, их действительно определили на место жительства в Ригу, поскольку Рига, с чёрт знает каких времен, славилась как шпионский город. Ну, об этом я узнал позже, когда повзрослел – из рассказов родителей. Вот, вспомнил подтверждение этому: когда мне было лет десять, я уговорил отца сводить меня на фильм «Тайна двух океанов»¹⁸, который шёл в кинотеатре *Айна*¹⁹. Один из эпизодов картины происходил в Риге, где работал немецкий шпион. Роль разведчика исполнил молодой тогда актер Михаил Глузский²⁰. А моя мать в начале пятидесятых годов не работала, поскольку я был ещё грудным ребёнком. Позже ей удалось устроиться на работу в газету «Советская Латвия» простым корректором. В первое время родители жили в гостинице, где-то за ВЭФом²¹. Вскоре отец получил квартиру в центре города. Работал он на Рижском судоремонтном заводе, не простым рабочим, он имел там какую-то инженерно-техническую должность, поскольку получил неоконченное высшее техническое образование. Я смутно помню, что папа водил меня через понтонный мост мыться на завод, в душевую, так как дома у нас не было никаких, даже простейших, удобств: ни туалета, ни душа, было, правда, печное отопление. Так вот, я помню, что из душа на заводе сверху лилась горячая вода, и это произвело на меня неизгладимое впечатление.

Были только развалины

На месте теперешнего РТУ (РПИ)²² были только развалины, где я и другие мальчишки бегали, лазили, прыгали. Кто-то сказал, что в руинах может быть оружие, и пацаны, которые постарше, искали его, знаете, хоть и мальчишки, но есть мужское начало всё же – тяга к

¹⁸ Двухсерийный фантастико-приключенческий фильм киностудии «Грузия-фильм», режиссёра Константины Пипинашвили, снятый в 1955–1956 годах по мотивам одноименного романа Григория Адамова.

¹⁹ Кинотеатр находился в Риге, на ул. Вальню, 19.

²⁰ Михаил Андреевич Глузский (1918–2001) – актёр театра и кино, педагог.

²¹ ВЭФ – (Рижский государственный электротехнический завод «ВЭФ») – от сокращённого названия на латышском языке – VEF (Valsts Elektrotehniskā fabrika). Рижский государственный электротехнический завод «ВЭФ».

²² Сокращение от: Рижский технический университет (ранее – Рижский политехнический институт).

оружию. А за развалинами, на улице, где появилось позже известное кафе «Вей, ветерок»²³, напротив кафе находилось небольшое здание, позже оно было перестроено и там появилось здание, где существовал какое-то время латышский мужской камерный хор. Так вот, на этом месте была керосиновая лавка. В то время почти все, наверное, пользовались керогазом²⁴ для приготовления горячей пищи. Хорошо помню – было большое помещение, очередь с бидонами, с какими-то другими ёмкостями. Важное для жизни место. Электричество дома было. Туалета, как я уже говорил, не было у нас. То есть все «последствия» папа складывал в мешки и выносил куда-то на улицу, в какие-то урны выбрасывал. И так мы прожили семь лет. Вы знаете, рядом у нас были соседи, – на нашей площадке было три квартиры. Напротив нашей была огромная квартира, порядка ста метров, ну, примерно, я сейчас точно не помню, или сто двадцать даже, где позже, через суд, отец отвоевал небольшую комнатку, где жила соседская собака. Так мы обзавелись кухней. И это была кухонька (4,5 квадратных метра), туалет, газовая плита, стол. А между двумя дверями были полки – как холодильник, зимой там холодно было. Вы, наверное, догадались: чтобы попасть на кухню, нужно было выйти из нашей двухкомнатной квартиры на лестничную клетку и открыть ключом кухню. В одной комнате жили папа с мамой, в другой – мы с сестрой.

Если смотреть из нашего окна, церковь Петра была справа. Сама башня Петра, можно сказать многострадальная, сгорела во время последней войны – остался от неё только каменный остов. И на нём, помнится, выросла берёзка, кустики и виднелся мох. Подростки залезали и туда в поисках оружия – находили там, правда, только остовы автоматов и пистолетов.

Когда мостовые были выложены булыжником

Это были времена, когда на нашей улице, и не только, мостовые были выложены булыжником. Так вот, по этому булыжнику гарцевали лошади с телегами, особенно в утренней тишине раздавался этот грохот. Это значило, что по близлежащим магазинам развозили продукты, овощи, молоко и всё такое. А на углу нашей улицы и набережной, где сейчас

²³ Латышское название *Rīt, vējīni!*, кафе находится на ул. Яуниела, 20.

²⁴ Нагревательный прибор, работающий на керосине, появившаяся в конце 1930-х и использовалась вплоть до 1960-х годов; предназначен для приготовления еды, кипячения воды и т.д.

находится поликлиника, были казармы Рижского ракетного училища²⁵. И я тоже помню, как молодых курсантов рано утром выгоняли с голым торсом на улицу, и зимой и летом, они бегали вокруг нашей площади или ходили строем и громко пели песни.

Эти дома строили солдаты, был тогда обычай – в строительные батальоны набирали солдат из среднеазиатских республик в основном. Да, в офицерских домах²⁶ стали жить семьи офицеров, в том числе генералов, офицеры высшего и среднего звена. Полковники, подполковники, генералы, их семьи. Здесь я познакомился с молодёжью из этих домов. Дома эти были выстроены в форме буквы Г, а внутри этого пространства был дворик, очень красивый, его обустроили и озеленили. Помню, мы играли в ножички – очерчивали круг, и первый игрок вбивал в него ножик, очерчивал свой сектор, если попадал. Кто больше нарезал себе секторов, тот и выигрывал. Всего играло от 3 до 5 человек. Если ножик падал, он передавался другому игроку. А ещё была игра «чика». Из свинца отливалась бита, на прочерченную на земле линию ставилась кучка монет. Игроки по очереди выбивали монеты битой. И, если монета переворачивалась, то игрок забирал её себе. По поводу денег иногда были ссоры, а подчас и драки.

Мне и няне тогда повезло

У соседей, у которых мы «отвоевали» квартиру, фамилия была Голандырёвы – муж с женой, у них были уже взрослые дети – сын и дочь. Голандырёв, он в своё время работал в Рижском пароходстве. И, может быть, помните, когда перевернулся и утонул пароход «Маяковский»²⁷ – страшная штука. А в первые годы, когда мама поступила на работу, она нашла для меня няню в нашем же доме. Мама рассказывала мне, что утро в тот день было солнечное, со всего Союза в Ригу приехали лучшие пионеры. Их с родителями должны были отправить в небольшое путешествие по Даугаве. Но, к сожалению, пароход оказался переполненным, и большая часть людей оказалась на одном борту – судно перевернулось прямо у причала, не успев даже отплыть. Те, которые находились внизу, в каютах,

²⁵ Имеется в виду Рижское высшее военно-командное училище ракетных войск, образованное в июле 1958 года.

²⁶ Так называли дома на ул. Калькю, 2 и Грециниеку, 11, построенные по проекту Освальда Тилманиса в 1957 году.

²⁷ Прогулочный пароход «Маяковский» затонул в Риге 13 августа 1950 года; погибли 147 человек, в том числе 48 детей.

погибли все, только часть людей выжила благодаря тому, что оказалась на открытой палубе. Моя няня в то злосчастное утро потащила меня гулять на набережную и хотела тоже покатать меня на пароходе, но билеты больше не продавали. Можно сказать, что мне и няне тогда повезло. Помню, родители мне рассказывали, как всё это происходило, вот один эпизод: на борту был мужчина с собакой – так она спасла его, подгащила к берегу, взяв его за шиворот. Спасённый мужчина сидел на берегу мокрый, обнимал свою спасительницу и целовал её в морду. А соседа нашего Голандырёва посадили на семь лет за то, что он как ответственное лицо неправильно организовал посадку людей на судно, и было продано больше положенного количества билетов. Так что он получил срок за халатность.

Разумеется, я общался со своими сверстниками, но в основном это были русские ребята, а латыши, если и были, то их было очень мало. Например, на углу улиц Судмаля и Кунгу был дом, где жили рабочие со своими семьями, которые строили после войны новый мост. Он получил название Октябрьский, как только был построен²⁸ (ныне Каменный). Теперь в этом, уже перестроенном, доме находится музей²⁹. А тогда этот дом и его обитателей называли «мостопоезд». Жизнь послевоенная была, безусловно, тяжёлой, поэтому здесь были и драки, и пьянки. Со временем, конечно, всё изменилось в лучшую сторону, послевоенное время – не лёгкое время.

Письмо дяде Хрущёву

Родители мне рассказывали, что я писал письмо дяде Хрущёву, чтобы запретили продавать водку, потому что многие пили, а мне это не нравилось. Во все времена пили, но не все и не всегда пьянствовали. Позже я заметил, что в переходные периоды, когда ломается старое мироустройство и возникает новое, не все люди принимают этот «слом эпох». Вспомните девяностые годы у нас в Латвии и в России: пьянство, бандитизм различные религиозные секты и вещатели.

В советское время, где была баня «Радуга»³⁰ – до неё там тоже был пустырь – летом пацаны играли в футбол, а зимой заливался каток

²⁸ Мост был открыт в 1957 году.

²⁹ Речь идет о доме Менцендорфа, построенном в 1695 году, с 1992 года – филиал Музея истории Риги и мореходства. Расположен на ул. Грециниеку, 18.

³⁰ Баня «Varavīksne»; находилась на ул. Марсталу, 17. Здание снесено в 2000 году, на этом месте построен комплекс жилых домов.

и устраивались хоккейные баталии. Неподалёку, в сторону набережной, жила русская семья, с которой у нас сложились очень хорошие, даже по интересам, отношения. И мы с сестрой познакомились с их девочкой, ну, примерно, где-то одного года рождения.

А начинал я учиться на своей улице (Иманта Судмаля) – в 67-й пятилетней школе. Как только я окончил четыре класса – мать потащила меня в другую школу, в 17-ю³¹, я приставал, плакал, ну, знаете, как всякий ребёнок не хотел менять учебное заведение с учителями, к которым привык, и одноклассниками, с которыми сдружился. Помню свою первую учительницу – Ядвигу Иеронимовну. Это была пожилая полька по своему происхождению. Когда мама приходила в школу, она говорила с ней в основном по-польски. А директором школы в то время был такой молодой, элегантный, симпатичный, ну, потом я уже узнал – еврей. Много лет спустя, мы с мамой его встретили в Майори. Он был в кафе, сидел и ел мороженое. Мы подсади к нему. Я заговорил с ним (нас он, конечно, не мог помнить), и он тоже вспомнил свою школу, где он был директором, построения всей школы на пустыре. А ещё я вспомнил, что директор учил своих учеников определённым правилам поведения: если ученик проходит мимо учителя или взрослого вообще, надо было снимать свою синего цвета с белой полосой фуражку и обязательно здороваться. Школьная форма у нас была простая, но строгая. Был, так сказать, свой *dresscode*.

Да, как раз в 67-й школе на нашей улице учился вместе со мной лучший друг Макс, он уехал с родителями в Израиль ещё осенью 1970 года. И ещё один друг – Яша, второй мой хороший приятель – с ним я учился уже в 17-й средней школе – он тоже с семьёй уехал в Землю обетованную. Это было время, когда открылась новая волна разрешений на выезд в Израиль³². Макс приезжал в Ригу в 1996, мы с ним общались почти каждый день. Друзья – всегда друзья. Вначале ему было очень трудно. Он любил фотографию, у него был фотоаппарат свой, здесь, в Риге, он научился этому делу. В конце концов, он окончил какую-то специальную школу по части фотографического искусства в Израиле. Ну, и видимо, где-то в девяностых годах он уже заведовал фотолабораторией, одним словом,

³¹ Школа находилась на ул. Горького, 2 (ныне ул. Валдемара).

³² Очевидно речь идет о разрешениях на выезд, данных после акции 24 еврейских активистов, отказавшихся 24.02.1971 покинуть приёмную председателя Президиума Верховного Совета СССР до тех пор, пока не получат права уехать из СССР в Израиль. С 1969 по 1976 год из СССР выехали около 100 000 евреев.

работал одним из главных фотографов в криминальной полиции Израиля.

В 17-й средней школе у меня появились новые друзья. В первый же урок физкультуры на улице товарищи по классу первым делом проверили меня, как я играю в футбол, и, оказалась, что не так уж и плохо. Так я стал своим в новом классном коллективе. С восьмого класса в школе стали устраивать танцы по праздникам, ну, а дальше появилась первая симпатия. Танцевать я не умел – так девчонки с нашего класса научили. В дальнейшем мы с женой вместе продолжили это дело.

Латышей в округе было очень мало

Говорили по-русски. Латышей в округе было очень мало. Вот из тех знакомых, с которыми я знакомился сам, и знакомились мои родители, то они с кем-то дружили – это были в основном русские и евреи в центре Риги. Ну, были и латыши, но я их практически не помню. А вот в отличие от меня, моя жена в детстве жила в районе стадиона «Даугава», и вот в её дворе (она же тоже в русской семье воспитывалась) жили в основном латышские ребята. Она латышский язык практически и не учила. И когда пришли новые времена, ей не нужно было учить язык специально. Она пошла на экзамен, поболтала, и ей выдали *apliecību* соответствующую, со вторым уровнем.

Да, и когда начали строить офицерские дома справа от моего дома, стройка была обнесена забором, а вдоль него тянулась длинная лавочка. На эту лавочку со всех окрестных домов сходились со всей округи женщины с детьми, бабушки – они болтали о том, о сём, лузгали семечки, сидели и ворковали (как теперь бы сказали, *тусовались*), короче говоря, все называли её просто *завалинка*. Это была, по сути, русская завалинка. Короче говоря, здесь обсуждали свои дела и многое другое, ну, а мы, дети, между ними там болтались, играли как могли. Если это была весна – пускали кораблики по весенним ручейкам.

В детстве (пятидесятые годы) я не помню, что у меня были друзья или даже знакомые латыши. Когда я учился в средней школе, были знакомые и даже одна девушка – но это было только знакомство. В старой Риге в раннем детстве в нашей округе не было латышских детей. Речь латышскую слышал, разумеется, но не более того. Позже – да, позже появились и друзья. В 17-й школе у нас была плохая учительница латышского языка, в

том смысле, что не могла совладать с учениками старших классов. Уроки она проводила хорошо. Но она была слишком добродушной и прощала обидчиков. Короче, если учитель не может совладать с классом, то ученички начинают безобразничать. И пакости устраивали, она плакала, я помню. Учительница латышского, она хорошо говорила по-русски, но была не приспособлена, незащищённость чувствовалась в ней. В то время я учил латышский язык, но недостаточно. И я знал, что мать всё равно за шиворот засадит, и заставит учить. У нас был в старших классах преподаватель по труду – так там было то же самое. Он в войну был лётчиком, летал вместе со знаменитым лётчиком Маресьевым³³ – а на его уроках были такие же безобразия. Стало быть, он тоже не владел классом, хоть и воевал, сражался с противником в воздухе.

Мама занималась более духовными вопросами

Мама занималась более духовными вопросами, она контролировала выполнение нами школьных уроков, ведала, так сказать, образовательным процессом. Я помню до сих пор, как она мне рассказывала о великих исторических личностях: об Александре Македонском, Наполеоне Бонапарте и других. А когда я стал старше – мама занялась моим историческим и философским образованием, речь идёт, конечно, об их основах. Я очень хорошо помню, как она слушала «западные голоса»³⁴. А их «глушили». У нас был маленький немецкий приёмник, радиоприёмник, телевизоров тогда не было. И я помню, что она сквозь треск что-то там выслушивала, и по-немецки, и по-русски, на разных языках. Чаще по-немецки, потому что их меньше глушили, или вообще не глушили. Так и я пришёл к определённым интересам, влез в политику, должен сказать, что мне было очень интересно. Кстати, выбранная мной тема диссертации звучала «Этика и политика в философии Гегеля».

Со временем и я стал слушать *Би-би-си*, а вместе с Анатолием Максимовичем Гольдбергом³⁵, который был на радиостанции главным

³³ Алексей Петрович Маресьев (1916–2001) – лётчик, герой Советского Союза. Из-за тяжёлого ранения перенёс ампутацию обеих ног, однако продолжал полёты с протезами. Стал прототипом героя известного произведения Бориса Полевого «Повесть о настоящем человеке» (1946).

³⁴ Советское идеологическое клише, применявшееся к ряду западных радиостанций (например, «Голос Америки», «Радио Свобода» и др.).

³⁵ Анатолий Максимович Гольдберг (1910, Рига – 1982, Лондон) – обозреватель и руководитель русской службы радиостанции *Би-би-си* (BBC). В 1918 году с родителями уехал в Германию, с 1939 года жил в Великобритании.

политическим обозревателем, постепенно пристрастился не только к политике, но и к Битлз³⁶, которые только стали восходить на свой Олимп.

Еще помню кинотеатр *Daile*³⁷, я упросил отца на поход в кинотеатр, чтобы посмотреть знаменитый американский боевик «Великолепная семёрка»³⁸. Наконец, я уговорил его. Помню, мы пообедали, мать утку испекла вкусную с яблоками, батя выпил за обедом, и мы пошли в кино. И представьте, если у меня в двадцать, двадцать два года спрашивали паспорт на фильм, если он был запрещён «детям до 16 лет», то тогда мне было всего 13 лет. Короче говоря, меня не пускали вместе с отцом, а фильм уже начинался или уже начался. Отец был такой настырный, если что-то не получается, он добивался своего – отец пошёл к директору кинотеатра, сказал: «Сыну уже скоро шестнадцать лет будет, а вы не хотите его пускать! И вообще мы приедем, мне его некуда девать! Мы приехали из другого города». Сначала не пускали ни в какую, и всё же плюнули и пустили! Так посмотрел я «Великолепную семёрку». До сих пор помню, как я своим товарищам по школе рассказывал, потому что другие ещё не видели. Целыми днями рассказывал, как там «пиф-паф», в общем, ковбойский фильм. Это классический ковбойский фильм был.

Работали латыши и русские

В марте 1967 года я устроился в проектный институт – был такой ЦПКБ МА – центральное проектное конструкторское бюро механизации и автоматизации. Так вот, в этом заведении работали и латыши и русские, евреи и люди других национальностей. Начальник нашего отделения, где работал и я, был латыш. Начальник сектора, мой непосредственный начальник, Грузитис был тоже латыш, а сотрудники сектора – русские, евреи. Грузитис был интересный человек, он всегда шёл на компромисс в делах работы или в спорах, которые начинались и долго не утихали. По вопросам политики, конечно. В 1968 году, в августе, как известно, СССР вместе с другими странами Варшавского пакта ввели войска в Чехословакию. Это обстоятельство прямо-таки взорвало наш сектор.

³⁶ Британская рок-группа *The Beatles* (1960–1970).

³⁷ Кинотеатр был открыт в 1936 году и функционировал до 2007 года. С 2013 года в помещениях кинотеатра на ул. Кр. Барона, 31 находится концертный зал «Дайле».

³⁸ Оригинальное название *The Magnificent Seven* (1960) – вестерн американского режиссёра Джона Стерджеса, снятый как адаптация фильма-философской драмы Акиры Куросавы «Семь самураев» (1954). В СССР фильм вышел в прокат в июне 1962 года и имел огульный успех у зрителей.

Люди разделились на два лагеря в своем отношении к этому событию. Два еврея из нашего сектора покинули Латвию и уехали в Израиль. Но Грузитис был начальником, и когда он видел, что споры заходят слишком далеко и мешают работе – он ударял кулаком по столу и все замолкали. Там, кстати, я впервые, будучи чертёжником, усвоил для себя простые вещи, касаемые утепления помещений при строительстве. Ныне я живу в старом доме, постройки 1925 года. Так мне пригодились те знания, которые я получил в том конструкторском бюро – я знаю, где и чем производить утепление своей квартиры и как это сделать.

Помнится моя первая поездка в колхоз от института, где я работал. Меня вызвали в отдел кадров и сказали, что я поеду в колхоз. Но не просто так, а старшим группы – мне было тогда 17 лет. В моей группе оказались взрослые люди – мужчины и женщины, а также и молодёжь, но постарше меня. С колхозным начальством мне пришлось договариваться о том, кто и где будет работать, об условиях быта, пропитания нашей группы, и решать множество мелких вопросов, которые потом неизбежно всплывали. Дяденьки и тётеньки оказались изрядными выпивохами. И мне пришлось с этим бороться. Этот колхоз находился в местечке Стальгене – это недалеко за Елгавой, а рядом была река Лиелупе. Женщин отрядили на прополку полей, а мужчин – на лесозаготовку в лесу. Это было великолепно и интересно. Работа весь день на свежем воздухе пришлась всем по вкусу. Одним словом, я справился с поставленной задачей и даже ездил за зарплатой в институт для моих подопечных. За что по приезде обратно по месту работы получил первую в моей жизни благодарность от институтского начальства.

Уже позже, в девяностых годах, я не знаю, что там было, но Чубайс³⁹ откупил этот институт, поскольку он занимался теплоэнергетическим профилем.

Познакомился с будущей женой на празднике Октябрьской революции

Познакомился я со своей будущей женой на празднике в честь Октябрьской революции 7 ноября, в 1969 году, в квартире у Макса. В числе его гостей оказалась и Наташа. В большинстве русских семей этот

³⁹ Анатолий Борисович Чубайс (род. 1955) – российский политический и хозяйственный деятель, один из идеологов экономических реформ в России 1990-х годов и реформы электроэнергетической системы в 2000-х.

праздник отмечали, ходили друг к другу в гости. Мы собирались, весело проводили время, пили вино, закусывали, играли в настольный новус. Макс был большой специалист в новусе, он и меня научил играть в эту игру. Дело в том, что Макс и Наташа учились в то время в школе киномехаников на Бирзниека-Упиша.

Когда в середине семидесятых годов я был мастером цеха на ВЭФе, то я был обязан идти на парад и привести с собой людей – это одна сторона дела. А когда я был слесарем-сборщиком на том же заводе, то мог участвовать в этом мероприятии или нет. Будучи мастером цеха, я не мог себе этого позволить – под моим руководством ведь было две бригады. Но я ходил, конечно. Не всегда, но в большинстве случаев принимал участие в демонстрациях, потому что там было весело и чувствовали мы себя во время шествия свободно. С собой брали кое-что, «чтобы не замёрзнуть», какие-то закуски, по дороге заходили в подъезд, когда стояли на месте, не прямо на улице.

Однажды на демонстрации, когда наша колонна спустилась с вэфовского моста со стороны ул. Кришьяна Барона, к нам хотел вклиниться подвыпивший мужичок в трусах и майке и с козой на верёвке. А он пьяный, лезет – «Мы тоже хотим!» Его отогнали, но хохот стоял на всю колонну.

Пока работаешь работягой, вступай в партию

Помню свой первый приход на ВЭФ. В 1973 году, после армии, я устроился слесарем-сборщиком в 13-й цех. Когда я был уже на втором курсе университета (неоконченное высшее образование), мне предложили должность мастера в цехе крупной телефонии. Как оказалось, мне было предопределено руководить двумя бригадами рабочих. Одна была женская, вторая – мужская. Надо сказать, что я ничего не знал и ничего не понимал. Случай помог мне: бригадиром там был опытный человек – Патковский Эдвин, латыш. Это был человек, который был достоин уважения во всех смыслах. В течение двух месяцев работы бок о бок с ним и я стал готов к самостоятельной работе.

В женской бригаде меня прозвали Ильичём (Лениным), поскольку был похож на него – у меня была бородка небольшая и высокий лоб. С женской бригадой у меня сложились очень хорошие отношения. Было, так сказать, взаимопонимание. Ушел с ВЭФа потому, что закончил вуз, и надо

было думать о работе по новой профессии.

Да, ещё когда я работал на ВЭФе, мать предупредила меня: пока работаешь работягой, вступай в партию – потом будет поздно. Дело в том, что я заканчивал обучение на философском факультете и не смог бы получить работу преподавателя философии, так как это считалось напрямую связанным с «идеологическим фронтом». В 1975 году я был принят в члены КПСС, будучи ещё слесарем-сборщиком. Я ничего против не имел, надо так надо.

Я чрезвычайно благодарен руководителю проекта *russkije.lv* Татьяне Фейгмане, которая пригласила меня несколько лет назад поучаствовать в этой работе. Ну, например, в одном из архивов я получил для просмотра своё дело о приёме меня в партию, рекомендации и другие бумаги. Не скрою, интересно было поглядеть на всё это через столько лет. Там же можно запросить, например, и архивные дела по части КГБ⁴⁰.

Так вот, в 1978 году я окончил университет в Ленинграде и сам нашёл себе работу напротив моего дома – в Рижском политехническом институте. Зашёл на кафедру философии, это было в середине июля 1978 года. Заведующий кафедрой философии Утинан Франц Антонович⁴¹ был на месте, и я предложил ему свои услуги в качестве преподавателя философии. Он просмотрел мои бумаги и спросил, а Чухина Л.А.⁴² – это ваша мама? Да, сказал я, а он говорит, что такие кадры ему нужны. Так я попал на кафедру марксистско-ленинской философии РПИ. Здесь работал доцент Рутманис Вилнис Карлович⁴³ – так мы с ним и познакомились в тот же день, как я пришёл устраиваться на работу. Вот он был латыш, правда, рождённый в Москве, там выросший и окончивший МГУ, исторический факультет. Он хоть и был отчасти обрусевшим латышом, но корней своих не забывал никогда, и Сталина ненавидел всеми фибрами души. Он, Виля, как я его называл, и стал моим долгим другом латышом. Он скончался в июне 2002 года.

ВРПИ было два потока: русский и латышский. Внутрикафедральные

⁴⁰ Комитет государственной безопасности СССР – орган государственной безопасности (1954–1991).

⁴¹ Францис Утинанс (*Francis Utināns*, род. 1927) – философ, автор книг, статей и научно-методических публикаций.

⁴² Лариса Алексеевна Чухина (1913–2002) – философ, автор книг и статей по проблемам религиозной философии.

⁴³ Вилнис Рутманис (*Vilnis Rutmanis*, 1930–2002) – философ, преподаватель, специалист по эстетике и промышленному дизайну.

дела велись на русском языке, а те дела, которые шли вне кафедры: в институт и в архив – на обоих языках. Латышей было меньше, на некоторые специальности были и недоборы студентов. А на русском потоке был иногда и конкурс по определённой специальности. Однажды я замещал преподавателя по курсу «Этика и эстетика». Наш доцент Таваре, которая вела латышский поток, заболела. Заведующий кафедрой предложил мне прочитать там лекцию. Но я не знаю латышского языка, чтобы читать лекции, сказал я. А он говорит – ничего, прочитаешь на русском, они все понимают. Помню, дело было на Кипсале, вошёл я в аудиторию, а там человек сорок студентов. Первым делом я сказал – *Atvainojiet, lūdzu!*⁴⁴, и дальше: лекция будет прочитана на русском языке. Я, честно говоря, не ожидал, но лекция прошла удачно. На слух я воспринимал латышскую речь, не всё, конечно, особенно когда звучала терминология специального характера.

Режим был уже беззуб

В некоторых районах в Риге, где латыши селились больше, там и чаще звучала латышская речь. Все партийные вышестоящие инстанции, начиная с первого секретаря, были латыши. Так было принято. А вторые секретари были русскими в национальных республиках. Они были как бы подпорками для латышей. В Литве первый секретарь был знаменитый Бразаускас⁴⁵, в Латвии – Восс⁴⁶, ну и другие номенклатурные кадры.

Другое дело, что были словесные стычки в общественном транспорте между всеми: латышами, русскими и прочими. А вот тема евреев, надо сказать откровенно, – некоторые, и русские и латыши, сходились во мнении, что во всех их бедах и жизненных неурядицах виноваты евреи.

А я расскажу сейчас интересную историю: мой друг Рутманис, которого я часто провожал домой в троллейбусе (после праздничных заседаний кафедры), в подвыпившем состоянии вещал на весь транспорт о том, что Сталин был монстром, убийцей ни в чём неповинных людей.

⁴⁴ В переводе с латышского: извините, пожалуйста!

⁴⁵ Альгирдас Бразаускас (*Algirdas Brazauskas*, 1932–2010) – литовский политический деятель, секретарь Центрального Комитета Коммунистической партии Литвы (1977–1987), президент Литовской Республики (1993–1998), премьер-министр Литовской Республики (2001–2006).

⁴⁶ Август Восс (*Augusts Voss*, 1916–1994) – первый секретарь Центрального Комитета Коммунистической партии Латвии (1966–1984), председатель Совета Национальностей Верховного Совета СССР (1984–1989).

Главное, что говорил он на чистом русском языке. И никто не потащил его в концлагерь, даже не сделал ему замечание, некоторые только улыбались. Режим был уже беззуб, можно сказать либерален. А это была вторая половина семидесятых годов.

Кстати, *номенклатура*, по моему разумению, никуда не делась – она всего лишь изменила свою базовую основу и принципы действия, а так, как она была, так и осталась – что в Америке, что в Латвии, что в России.

Да, и ещё хочу сказать, что отношение к русским посетителям в общественных инстанциях в последние годы изменилось: будь то Латвэнерго, домоуправление или иное *klientu apkalpošana*⁴⁷ в лучшую сторону, не то, что было в девяностые и двухтысячные годы. Ну, в связи с тем, что происходит вокруг. Прежде всего, из-за ухудшения жизни в стране. Это обстоятельство как-то выравнивает представителей разных этнических групп в их отношении к нашему мироустройству.

До 1989 года я тоже приветствовал происходящее в стране

Мы с мамой наблюдали по ТВ расстрел из танковых пушек Ельциным собственного парламента, последовавший за этим развал огромной страны. Она была в ужасе и причитала: что теперь будет со всеми нами! Не скрою, до 1989 года я тоже приветствовал происходящее в стране, но быстро смекнул, что происходит на самом деле. Такое вот было моё восприятие.

Это объясняется довольно просто: русская интеллигенция, так долго ожидавшая демократизации страны, не смогла разглядеть, к сожалению, кто пришёл к власти после старых партийных бонз – новые бонзы со своими экономическими и даже семейными интересами! Не поняли того, что устали от партийной опеки не только они (интеллигенция), но и вся страна. Запад! А как же без него – он тут как тут! А самое главное – это то, что не объявился на тот момент сильный и честный лидер, историческая личность, могущая спасти страну. Личность эта появилась, но позже – посаженная на российский престол самой либеральной российской властью, весьма быстро одряхлевшей от упоения властью, так и не сообразивши, кого предложила в лидеры. И это вызывает улыбку.

Так или иначе, но процессы, идущие в стране и в мире, находили своё

⁴⁷ В переводе с латышского: обслуживание клиентов.

отражение в проведении семинаров и чтении лекций с моими студентами. Когда я начинал свою преподавательскую деятельность, отсутствие опыта в этом деле чувствовалось, по крайней мере, на протяжении первого семестра. Но ничего, довольно быстро привык и не боялся больших аудиторий – а ведь поначалу в них сидело по 200–300 человек. Это была хорошая практика, закаляла меня в борьбе с разговорами и шумом в аудитории. Пару раз, когда разрастался шум от такого количества людей, я кулаком ударял по столу и напоминал студентам, что им придётся сдавать зачёты и что у меня хорошая память на лица. Последнее было чистой правдой. Воцарялась тишина в аудитории, правда ненадолго, но и шума сильного уже не было. На кафедру научного коммунизма я попал после того, как ушёл с кафедры философии и поступил на работу в партком РПО ВЭФ⁴⁸ на должность ответственного секретаря общества «Знание»⁴⁹. Эта работа была вынужденной: мне сказали, что со временем я смогу получить квартиру от завода. Но прошло два года, и я понял, что ничего у меня с квартирой не выйдет. Вернулся в РПИ, на кафедре философии вакансий не было. Так я попал на кафедру научного коммунизма, или, как мои студенты называли её, кафедру «ночного коммунизма».

Я был в большой степени настроен оппозиционно

В восьмидесятых годах уже не было того идеологического, партийного зажима, который был ранее, так что на своих занятиях не стеснялся и говорил то, что считал необходимым. Об этом рассказывал своим родителям. Но они, умудрённые опытом страшной войны, оккупации и железного сталинского режима, считали, что я рискую как минимум своей работой и своим положением. Особенно мама. Её можно понять, так как она вложила в меня очень много, что касается моего образования. Тем не менее, это было уже совсем другое время – время накануне гибели страны. Может, я этого и не знал, но было предчувствие. У власти всюю уже работал Горбачёв, его заместитель по идеологии Медведев⁵⁰, а затем и

⁴⁸ В 1974 году завод ВЭФ был переименован в Рижское производственное объединение (РПО) ВЭФ.

⁴⁹ Всесоюзное общество «Знание» – просветительская организация в Советском Союзе, созданная в 1947 году, деятельность которой была направлена на распространение научной и политической информации среди взрослого населения. Отделения общества существовали в каждой союзной республике.

⁵⁰ Вадим Андреевич Медведев (род. 1929) – экономист и партийный деятель, входил в близкое окружение М.С. Горбачёва; секретарь ЦК КПСС (март 1986 – июль 1990), председатель Идеологической комиссии ЦК КПСС (ноябрь 1988 – июль 1990).

Яковлев⁵¹, который прошёл хорошую школу в Канаде, будучи там послом.

Люди простые, без всякого образования или имеющие техническое образование, прекрасно всё видели и понимали, что происходит в их стране. В том-то и дело. Но были и такие, которые хотели приближения конца *совдепа*⁵² – люди, которые уже имели собственность на тот момент, и немалую. И те, которые имели большую склонность к бизнесу. Многие, кстати, из уходивших в небытие партийно-хозяйственных структур, уже были при деле и в деле. Им не хватало только свободы физического передвижения и передвижения капиталов и товаров.

Я не был антисоветчиком, но был в большой степени настроен оппозиционно к тому строю вещей, которые довели тогда над всеми нами. В 1993 году я сам ушел из института. И правильно сделал. Так как через год не осталось ни одной общественной кафедры.

Моя карьера и любимая работа остались в прошлом, когда подул и установился новый ветер. Где я только ни работал после девяносто третьего года, чтобы принести в семью хоть какие-то деньги: мыл машины на набережной, работал в фирме «Хозэтика» – большое предприятие по вывозу мусора, где я познавал азы малярного дела. Затем грузчиком в частном мебельном магазинчике, истопником и подметальщиком улиц. Последние перед пенсией годы поработал в ВЭФ-банке, охранником. Судьба привела меня опять в то же место, где когда-то я работал в парткоме⁵³. Я, однако, не жалею ни на что – решения во всех случаях принимал я сам. И никто, никогда – за меня.

В последние три, четыре года я работаю на сайте *ruskije.lv*, как было уже сказано.

Мама моя давно уж в лучшем из миров. Так что никто не может меня упрекнуть. На сайте статьи короткие – одна-две странички. Меня радует то, что я смог написать на основе архивных данных биографии двух директоров РПО ВЭФ. Более пятидесяти кратких биографий своих сослуживцев по Рижскому политехническому и трех своих учителей 17-й средней школы, в которой я учился. Получается, что я вместе со своими

⁵¹ Александр Николаевич Яковлев (1923–2005) – политический деятель, публицист, один из идеологов реформ середины 1980-х, посол СССР в Канаде (1973–1983).

⁵² Сокращение от: Совет народных депутатов, «совдепия» – пренебрежительное наименование советской власти или СССР.

⁵³ Сокращение от: партийный комитет.

коллегами по сайту вписал их жизни и труды в нашу общую историю. Нашим сайтом пользуются примерно 200 посетителей в месяц. Стало быть, память об этих людях сохранится на какое-то время, они вписаны в историю русского культурного наследия Латвии.

Композиция подготовлена по интервью NMV– 4260

Композицию подготовила и интервьюировала Мара Зирните, в Риге, 2014

Расшифровали Игорь Ковалёв и Светлана Погодина

ИЛЛАРИОН ИВАНОВ

Родился в 1943 году в семье староверов, в деревне Кузьмино Даугавпилсского района, в Латвии. Окончил Латвийскую Сельскохозяйственную академию; аспирантуру Латвийского государственного университета; Рижское Гребеницкое духовное училище.

Председатель правления Старообрядческого общества Латвии; руководитель издательско-просветительского отдела Рижской Гребеницкой старообрядческой общины.

МОЯ РОДОСЛОВНАЯ ИДЁТ ОТ XVIII ВЕКА

В доме вместе жили три поколения

Родился я в сорок третьем году в Латгалии, в Даугавпилском районе, в деревне. Сейчас там много свободного пространства и мало жителей, а в те годы это были деревни, пусть и небольшие. Наша деревня называлась Кузьмино⁵⁴. Она состояла из костяка нескольких домов. Это были остатки старой деревни. Поскольку Латгалия – это бывшая Витебская губерния⁵⁵, то там были деревни русского типа. Мне отец рассказывал, что дома стояли очень близко друг к другу. А вот когда проводилась земельная реформа⁵⁶, где-то в конце двадцатых годов, то происходило расселение на хутора. И вот та большая деревня, она как бы рассыпалась. Но осталась серединная часть, и в одном из этих домов я и родился. Почему я сказал «русская деревня»? Потому что у нас, например, рядом были Гуляны, Смани. В них жили латгальцы. С другой стороны находились ещё деревни: Силкини,

⁵⁴ Находится в Вишской волости Даугавпилсского края; в 2010 году зарегистрировано 8 жителей.

⁵⁵ Латгалия была присоединена к Российской империи в 1772 году после первого раздела Речи Посполитой, административно входила в состав Витебской губернии с 1802 по 1918 год.

⁵⁶ Аграрная реформа в Латвии началась в 1920 году и продолжалась до 1937 года.

Крупенишки, довольно большие деревни. Русские. Ну и, преимущественно, это было старообрядческое население. На небольшом расстоянии от этих деревень были моленные. Храмы старообрядческие: Бондаришки, Королёвщина. И мы относились к бондаришскому приходу. На праздники ходили на службы. Приезжали к нам наставники и в дом: служили молебны, исповедовали, похороны проводились не в моленной, а только в доме усопших.

Мой дед был достаточно зажиточный человек, можно сказать, что в этой небольшой округе, он, может быть, был наиболее состоятельный человек. Хотя в Латгалии в нашей округе крупных землевладельцев не было. Но он был таким середняком. У него была большая семья... дочери, сыновья. Вот я у бабушки спросил – так сколько их у тебя? «То ли девять, то ли одиннадцать», – ответила бабушка. Это позволяло успешно обрабатывать землю. Я в семье младшего сына родился. Какой-то период мы жили по принципу патриархальной семьи. У деда был дом, в котором жил один сын с женой, и второй сын тоже. Два сына с жёнами жили в одном доме с дедом. Семья, сколько там поколений, можно посчитать было. Значит, дед, родители мои, три поколения жили вместе. А мои воспоминания – то ли это легенда, то ли уж, не знаю, воистину. Мне было чуть меньше трёх лет, и мне кажется, что я помню, как родился мой брат. Роды были дома у бабушки, в деревне Янцишки, то есть, у матери моей мамы. Соседки приходили. Ну, в общем-то, тогда на деревне роды принимали и обходились без врача, да и без медсестры.

Родители любили друг друга. Уже впоследствии, построив свою семью, я понимал, что они любили друг друга. Они прожили вместе с сороковых годов, в 1940 году они поженились, в 1992 году умер отец. В 1994 году мама умерла, они всю жизнь прожили вместе. Отец был человек талантливый, энергичный, мастеровой, любил технические новшества, хотя образование имел два класса.

Коллективизация деревни и новые начальники

Конец сороковых годов – это коллективизация деревни. Изначально колхозы были небольшие: вот у нас была деревня, в деревне около двадцати дворов, и это был колхоз. И название он имел по названию нашей деревни – «Кузьмино». Конечно, произошло обобществление

собственности. Дедушка мой был достаточно состоятельный, у него были две лошади, несколько коров. Если у соседей деревенских было по одной лошади, у деда моего было две. Молодые, красивые лошади. Это я помню, даже имена их помню. А, кроме того, у нас были строения, хлев большой, каменный, сарай, рига, было место, где лён сушили. А поскольку у моего деда был большой хлев, сарай, то все эти дедовские постройки приспособили под ферму, конюшню. И туда сводили коров. И дедушка, конечно, очень переживал, потому что у него было образцовое хозяйство. Оно было продумано, скажем, – клевер, лён, вот эта технологическая цепочка выращивания и обработки льна – она вся была продумана. И поэтому было тяжело, и он, наверно, поэтому умер, прежде времени, в 1951 году. В памяти у меня осталось, как сводили лошадей в одну конюшню, переживание деда и такое варварское, жестокое обращение с лошадьми. Вот, в частности, с одной лошадей. Хозяина её не любили, я не знаю, чем это было вызвано, тот период как-то озлобил людей. И такое негативное отношение к крепкому хозяину перенесли на лошадей. Орлик был жеребец, его просто загнали.

Кто-то из соседей стал начальником. Кто-то председателем. Когда на людей свалилась вот такая власть, люди могли себя показать. Мой дед был и по возрасту старше, и по своему состоянию, а теперь ему можно было указывать. У него, значит, можно было забрать лошадей... У меня в детской памяти сохранились страшные картины, когда лошадей от недокормицы, от голода подвешивали на верёвках – они не могли стоять, поэтому их верёвками подвешивали... к слезе сверху. Я был свидетелем того, как такую павшую лошадь, может она ещё была жива – за ноги вытаскивали с конюшни. Это был такой период тяжёлый, это всё было в постройках моего деда, это было сильное переживание.

Не мешайте староверам жить на их земле!

Семья в это время тоже менялась. Сыновья отделились, разделили имущество. Дед свою землю, которая была у него как у одного владельца, поделил между двумя сыновьями. Для одного из моих дядей, который жил с нами, ещё раньше был приготовлен дом, он перешёл жить в этот дом рядом. Но отец мой, как младший, остался с отцом. И дедушка умер вскоре. Наверное, одна из причин была та, что всё конфисковали. А это

был принцип психологии старовера. Я работаю на своей земле. Я содержаю свою землю. И меня не интересует, что там происходит в мире. Не мешайте мне жить. Нужно платить налоги – хорошо, я буду платить налоги. Для армии клевер растили, лён. Это во времена Улманиса⁵⁷. Вообще, у деда была очень отлаженная технология. Технология производства льна, например. Поэтому это был, конечно, слом. Слом того образа жизни, который был до этого. Кстати, среди староверов распространено очень положительное отношение к Карлу Улманису. Они чувствовали, что он хозяин. Это импонировало староверам. Так мне рассказывали родители. Я не знаю, это факт или легенда, но якобы встречался президент где-то со староверами, в каком-то латгальском районе. Наверное, дело было связано с языком, решали, на каком языке говорить. И, якобы, Карл Улманис сказал: «Не можешь говорить на латышском, говори на родном».

Один из принципов жизни у староверов – вера в Бога на первом месте. Что внушалось и образом жизни, и в рассказах о том, что есть Бог, что он всё видит, всё знает. Что бы с тобой ни случилось, что бы тебе ни говорили, даже, может, тебе придётся что-то говорить и выслушивать, но ты знай, что Бог есть. Это в последующие годы тоже прошло красной нитью. И второй принцип – это знания. Учиться надо. Ну, было трудное колхозное время. И отец, конечно, нам внушал, что учиться надо. Учился я хорошо. И он меня подталкивал к учёбе. И, надо сказать, что из всей деревни именно в нашей семье все четверо детей получили высшее образование. А один из нашей семьи, мой родной брат, о котором я говорил, что помню, как он родился, он – доцент, кандидат философских наук, был заведующим кафедрой.

Кроме того, было общественное мнение, представление о той или другой семье. Эта вот семья, значит, порядочная, солидная. Там вот, видите, дед у них был такой, отец, мать. И это уважение распространялось и на детей. И детям нужно было тоже этот имидж хорошей семьи как-то поддерживать. Потому что были разные вокруг. Этот вот хулиган. Так почему он хулиган? Да отец-то у него какой, или дед какой. То есть, был какой-то образ, какое-то представление о той или другой семье. И мы знали, что наша семья такая, не могли ударить лицом в грязь. Это тоже мотивировало к учёбе, и к продвижению в последующем.

⁵⁷ Карлис Улманис (*Kārlis Ulmanis*, 1877–1942) – первый премьер-министр Латвийской Республики (1918–1921), после переворота 15 мая 1934 года установил авторитарный режим и оставался во главе государства до 21 июля 1940 года.

Отец был некоторое время бригадиром. Вот я, кстати, вспоминаю, как Лиго⁵⁸ отмечали. Это был совместный, общий праздник. Поскольку отец был бригадиром, и в бригаде у него были и латгалцы, и старoverы, то все вместе отмечали Лиго. В нашем саду ставили длинные столы, отцу, поскольку он был Иван, ему, значит, венок на голову⁵⁹. Его поздравляли. Это было весьма дружно. Собирались с хуторов, поскольку бригада объединяла несколько деревень. Вообще с соседями были очень хорошие отношения. Одного из соседей звали Игнат Колуж. И отец мой, и дядя, с ним вместе работали в бригаде. Когда он умер, несмотря на то, что католик, старoverы пошли попрощаться с ним, проводить его. Они не участвовали в ритуале религиозном, они пошли попрощаться. И чётко знали, что вот это их праздник, а это вот наш праздник. Они должны праздновать свой, а мы должны свой праздновать. То есть, в этом смысле никаких проблем не было.

Никто не требовал, чтобы я был пионером

В пятидесятом году я пошёл в школу. Школа была в 3 км от дома. Вообще я учился в трёх школах. Начальная была, потом семилетняя, и средняя. И всё это в разных местах. Начальная в Янцишках была школа. Это просто жилой дом. Преподавали жена и муж. Муж был директором школы и одновременно учителем. Жена вела первый и третий классы, а муж – вторые и четвёртые. И вот мы, первые и третьи, сидели в одной комнате. Потому что всего было два помещения. Совмещённые уроки были.

Учительница была в начальной школе – соседка моей бабушки. Она тоже была старoverка. И был такой эпизод – приём в пионеры, пятьдесят третий год. Я даже хотел быть пионером, было какое-то честолюбие детское. Бабушка мне сказала – не позволю. А учительнице тоже заявила – если ты примешь его в пионеры, смотри, я тебе... Накажу! Но не буду приводить дословно, как бабушка выразилась. Поэтому я пионером не был. И как-то никто там и не требовал, только в комсомол я вступил, по-моему, в 10-м классе. А в классах я был старостой. На протяжении всей своей учёбы и в последующем, когда уже учился в высшем учебном заведении, я был старостой группы. В религиозном смысле не было никаких препятствий.

⁵⁸ День летнего солнцестояния, или Янов день (по-латышски *Jāņi*, в славянской традиции Иван Купала), в Латвии отмечается в ночь с 23 на 24 июня.

⁵⁹ Именины Яниса празднуются 24 июня, традиционно имениннику вручают венок из дубовых веток.

Это была деревня, это была Латгалия. Там жили староверы. Там были католики-латгальцы, которые тоже были ревностными верующими, в основном. Власть – это одно, а наша жизнь – это нечто другое. Ну, власть там что-то требует, можно отдать должное. Я был, по-моему, в 9-м классе, год где-то пятьдесят восьмой – пятьдесят девятый. Мне вдруг сообщают, что меня ждут срочно, нужно крестить девочку какого-то нашего близкого знакомого. А для этого нужен крёстный отец. Значит, будешь крёстным отцом. Если испытывали что-то такое, то не в смысле каких-то притеснений, а скорее другое – налоги. Вот за налоги в то время особенно переживали, в памяти осталось, когда брали за каждый куст смородины, и крыжовника... за яблоню, считали всё, и с каждого куста нужно было платить налог.

В семье всё было разумно регламентировано

Дома у каждого было своё место за столом – тут сидел дедушка, тут сидела бабушка, там – отец, мама, я и брат. Когда дедушка уже болел, он не очень активно участвовал в семейных делах. Отец работал в колхозе, потом он окончил курсы механизаторов в Аглоне. Работал на тракторе, тоже всё время стремился учиться. У отца было класса два образования, и он всё время сожалел, говорил: «Вот если бы... не хватает образования». Но он был мастеровой человек. Как говорят – инновации его были, ну то есть, придумки всякие. Технических придумок у него было много.

В пятидесятые годы к нам приезжали духовные наставники. Поскольку у нас был дом достаточно большой, была большая комната, приходили соседи на исповедь к нам в дом. Собиралось человек пятнадцать из деревни. И наставник принимал исповедь. Вначале исповедовал нас, детей. Для нас исповедь была короткой. А потом уже оставались отдельно взрослые. Мужчины отдельно, женщины – отдельно. Наставники оставались у нас на обед, на трапезу. В дедовском доме, уже когда мой отец перенял его, по крайней мере, раз в год собирались родственники. Поскольку у отца были братья и сёстры, все повыходили замуж, родились дети. Поэтому в этом родительском доме, в большой комнате стол стоял, и собиралось человек двенадцать – пятнадцать родственников. Чаще всего это было летом, когда пиво варили. И, как обычно разговоры... Ещё толоки были – *talkas*⁶⁰. Вывозили навоз, прежде всего.

⁶⁰ В переводе с латышского – толока – форма деревенской взаимопомощи для выполнения срочных работ, требующих большого количества работников.

В общем, в семье всё было разумно регламентировано. Родители, папа и мама, идут на работу, бабушка дома с детьми. Дедушки уже не было, а бабушка умерла где-то в шестидесятые годы. В мои школьные годы бабушка была жива, и вот она за нами присматривала. Она любила грибы собирать, брала моего брата, я грибы не собирал, я как старший помогал отцу. То есть, я рано начал работать на сельхозмашинах, с лошадьми. Мне это очень нравилось. Я не знаю, у кого-то любимая собака была, а у меня, вот, лошади. И мне кажется, я находил общий язык с ними. Имена у лошадей были такие странные. Орлик, например. Ещё была такая гнедая лошадь, вроде бы слабая такая лошадка. Но мне кажется, она тянула такие огромные, тяжёлые возы сена, только благодаря тому, что я хорошо к ней относился. И как бы её подбадривал, когда нужно было.

Поскольку мама работала, нужно было позаботиться о том, чтобы корову накормить, ещё овцы были, овец нужно было напоить. Как говорят – «перевязать» на цепи, привести домой. Утром мать давала возможность детям поспать, а вечером обязательно – это была наша обязанность. Были поросята, свиньи – нужно было заготовить, как мы говорили – «хряпу». То есть, ботву, свёклу и прочее. А когда в школу зимой ходил, то у меня очень часто болела голова. Не знаю причины. До сих пор не знаю. Приходил из школы, ложился спать, школа-то была в 3–4–5 км. Приходил – ложился спать. Через часик вставал, мне нужно было принести дрова, затопить печь, наносить воду. Ну, и обязательно садиться за уроки. Родители уже спали, а я ещё готовил уроки. Любил читать. Вот, мать просыпается, скажем, ночью: «Как? Ты ещё не спишь?! А ну быстро ложись спать, утром не проснёшься, в школу надо!» – «Щас, щас, щас...».

В шестидесятые годы начинается крушение, распад, разрушение деревни, того образа жизни. С чем это было связано? Может, колхозы... сама по себе жизнь в колхозе была, конечно, не очень простой. К тому же, молодёжь, мои ровесники или кто были старше, уходили в армию. Уйдя в армию, уже не возвращались в деревню. Я уехал учиться и тоже не вернулся. Кроме того, в Даугавпилсе в это время началось строительство комбината химволокна⁶¹. Химпосёлок⁶² – это целый городок. И, конечно, это тоже оттягивало молодёжь. Уходили работать. В общем, молодёжь всеми

⁶¹ Даугавпилсский завод химического волокна – построен в 1960–1964 годах, функционировал до 1999 года.

⁶² Также Посёлок химиков, Химия – район города Даугавпилса, расположенный недалеко от завода химического волокна, где в 1960-е годы было начато строительство жилых домов для персонала завода.

способами пыталась уйти из деревни. Оставались люди поколения моих родителей, и пока они были живы, сохранялась ещё деревня. Я приезжал, встречался со своими сверстниками. Но это были какие-то встречи на праздники, ещё по какому-то случаю. А когда поколение моих родителей совсем состарилось, и все умерли, перестала существовать деревня.

Мне хотелось учиться

У меня двоюродные братья были старше, учились в сельхозакадемии⁶³. Один к тому времени, к моему окончанию 10-го класса, уже закончил учёбу и работал инженером. А второй брат ещё учился в сельхозакадемии. Мне хотелось учиться. Мне хотелось знать. А вот чем заниматься – я как-то не определился. В деревне труднее, наверное, всё-таки; в городе, может быть, были какие-то кружки. Я бы на чем-то выбор остановил. А поскольку мне хотелось знать, мне сказали, что в сельхозакадемии инженер – это специальность широкого профиля. Ну, широкого, значит – много знаний, и вот я поступил, как и братья, на факультет механизации. Брат с красным дипломом⁶⁴ окончил академию, ему хотелось, чтобы продолжалась традиция. Тогда имело значение, из какой семьи человек, кто у него родственники. То есть, прогнозировали поведение этого молодого человека, опираясь и на родственников, и на историю семьи, опираясь на биографию.

Стал я ходить на лекции, высшая математика, и так мне это показалось непривычным. В школе я как привык – подготовился, тебя вызвали к доске, поставили хорошую оценку, сразу похвалили. А тут – лекции, лекции... семинары практические где-то там далеко впереди, и начинаешь терять уверенность в себе. И я ходил к замдекана и говорил, мол, ну, видно, я не то выбрал. Не нравится, наверное, я всё-таки уйду. И я ходил по техническим училищам Риги, пытался найти там возможность учиться. Училище связи было на улице Маскавас. Оно мне импонировало. Общественное мнение о нём было достаточно положительное, но, к сожалению, там уже был прекращён набор. И я остался. Пришла первая сессия. И первым экзаменом была химия, мой нелюбимый предмет. Я вдруг получаю пятёрку⁶⁵. И как бы сразу обрёл уверенность. Что всё-таки что-то я соображаю. Что что-то я всё-таки могу.

⁶³ Латвийская сельскохозяйственная академия, ныне Латвийский сельскохозяйственный университет.

⁶⁴ Т.е. имел в аттестате только высокие оценки.

⁶⁵ Знания оценивались по пятибалльной системе. Пять – наивысшая оценка.

Это было в студенческие годы. 1960-е, Елгавский клуб железнодорожников. Директором клуба в те годы был актер Лев Брухис⁶⁶, позже он занимал должность директора Театра русской драмы⁶⁷ в Риге. В 1963–64 годах у нас были интереснейшие поездки. Был при клубе такой джаз-банд: саксофон, контрабас... Мы садились в Елгаве в вагон. Нам специально выделили вагон. Но вагон такой деревянный, старых ещё времен. По крайней мере, там были полки, на которых мы спали. И нас везли куда-то на станцию, по дороге в Вентспилс. И вот, на станции и устраивали концерты в зале ожидания. На каких станциях, пожалуй, сейчас не вспомню. Но люди приходили. Вечером мы приходили в вагон, ложились спать и утром оказывались где-то уже на другой станции. Это было летнее время, прекрасная погода. Мы это время проводили на лоне природы. А вечером – опять концерт и так далее. Из Елгавы до Вентспилса, по-моему, мы добирались неделю. Последний концерт, заключительный, у нас был в Вентспилсе. И моей задачей был – конферанс.

Я продолжал учёбу в сельхозакадемии. Перешёл на отделение автомобильного транспорта. Инженер-механик автомобильного транспорта. Получил распределение в Ригу, имел право выбирать из большего количества мест распределения. Такого прямого партийного влияния не было. Конечно, были активисты, которые уже где-то побывали, договорились, что они придут туда работать. И, соответственно, поступала заявка конкретно на них. Такое, наверное, было. Но для основной массы в этом смысле не было политики. Я мог выбрать Ригу или что-то другое. Я знал, что мне в армию надо идти, а жилья не было. Проблема жилья – это было серьёзно. И я уже хотел ехать в Мадону, в любое другое место. Но не в Ригу, потому что в Риге надо квартиру снимать. Родителям было довольно сложно мне помогать. И я, будучи, так сказать, романтически настроен, решил, что поеду куда-нибудь в другое место. Отслужу в армии, а после армии уже вернусь, и тогда буду устраиваться. И вот, на авторемонтный завод меня приняли по распределению инженером-технологом. Ну, а комната, так я даже снял кроватное место. На первом этаже у какой-то бабушки меня селели. У неё была двухкомнатная с проходной комнатой квартира.

⁶⁶ Лев Иосифович Брухис (1925–2007) – актёр, родился в с. Мангейм под Одессой. Арестован в 1941, осуждён на 8 лет исправительно-трудовых лагерей. После освобождения, в 1950-е годы, работал руководителем драмкружка при Клубе железнодорожников в Елгаве. Реабилитирован в 1956 году. В начале 1990-х эмигрировал в Израиль.

⁶⁷ С 2006 года – Рижский русский театр имени Михаила Чехова.

Зарплата 130 рублей, по-моему, или 115 рублей была. Я, кажется, 15 рублей платил бабушке за кроватное место. На заводе меня сразу привлекли к общественной работе. Был заводской радиоузел, я там был редактором, диктором и автором одновременно.

У меня был друг, он был в комитете комсомола сельхозакадемии. Он предложил – пока студенты, вступайте в партию. Нас было три друга, мы хорошо учились, и он нам говорит: «Вступайте в партию!» Один из нас отказался сразу, а со вторым другом мы размышляли так: мы окончим, будем инженерами, надо будет решать какие-то вопросы. Ну, кому легче решить? Члену партии. Ну, мы согласились на вступление. И, будучи студентами-пятикурсниками, стали кандидатами в члены партии. Работая на авторемонтном заводе, я был кандидатом в члены партии. А вот эти мои два товарища, поступив, остались тоже здесь в Риге, получили общежитие, у них оценки были выше, чем у меня. Они оба, по сути дела, заложили в шестидесятые годы основы автомобильной диагностики в Латвии.

От завода я получил комнату в общей квартире. Это был довольно редкий случай, через три месяца я поселился на улице Шампетера в комнате в тринадцать квадратных метров. Отдельно стоящий домик, в котором жили ещё две семьи. Так что я обрёл в Риге жилплощадь, это было, в общем-то, большое достижение. Осенью меня призвали в армию. Отработал где-то девять месяцев на заводе и ушёл в армию. Служил один год. Прошёл курс молодого бойца. Месяца два я служил на улице Слокас, в Риге. А потом в Минске.

Меня военная служба не привлекала

Это был шестьдесят шестой год. Тогда было совсем не так, как ныне. Престиж у армии был. И как в армии не служить? Мужчина настоящий – тот, кто отслужил в армии. Не было у меня попыток как-то там избежать службы. До нас одновременно с учёбой по специальности студенты проходили военную кафедру. После окончания на сборах присваивали даже офицерское звание младшего лейтенанта. А мы вот попали в какой-то переходный период. Поэтому после окончания учёбы меня призвали, там и проходил курс молодого бойца. И я был старше остальных. Мне было 23 года. А ребятам – 18–19 лет, и они приходили с соседних взводов посмотреть, что это за чудо такое здесь: 23 года, служит в армии, инженер. Кстати,

в учебной части, в которой я служил, с высшим образованием были два человека: я и командир части. Остальные офицеры имели среднее специальное. Они военное училище закончили. То есть, был майор, но он не имел высшего военного образования в те годы.

Предлагали мне остаться на службе, предлагали учебное заведение – Военно-политическую академию. Но меня военная служба не привлекала. Кроме того, занимаясь в армии общественной, комсомольской работой – всю свою жизнь я этим никак не занимался, а там мне пришлось – я стал знакомиться с социальной психологией и социологией. Поскольку в коллективах воинских возникали проблемы, проблемы дисциплины, ещё какие-то проблемы такого порядка, мне надо было находить ответы на эти вопросы. Вот я и стал заниматься социологией. Не технологией автомобильного транспорта, не инженерией, а социологией.

После демобилизации, это конец 1967 года, была возможность по закону два месяца отдыхать. Я не выдержал, появилось такое ощущение, что я вообще ничего не умею делать, всё забыл, ничего не знаю. Вернулся в Ригу из деревни. За мной здесь сохранилась комната, в этом смысле проблем не было. В январе 1968 года я пошел в Латвийский университет. Получил информацию, что там создаётся группа социологов.

Плавбаза «Николай Данилов»

Вот, как сейчас помню, это было на бульваре Райниса, в главном здании. Меня встретила Майя Евгеньевна Ашмане⁶⁸, задала мне вопрос – а вы в Риге живёте? Жена у вас есть? Нет, говорю, я не женат и имею жилплощадь в Риге. Дали мне должность старшего лаборанта, где-то 80 рублей, что ли. Потом выяснилось, почему такие вопросы были. Дело в том, что формировалась группа социологов для отправки в Атлантику. Было такое объединение, *Запрыба*⁶⁹ называлось, и тема исследования была: проблемы текучести и сменяемости рыболовческих кадров, кажется, так – точно уже не помню – в Западном бассейне. С выходом в море. И вот я оказался... 23 февраля 1968 года, в день советской армии, в акватории Даугавы в Рижском заливе.

Были мы на плавбазе «Николай Данилов»⁷⁰, это был первый выход

⁶⁸ Майя Ашмане (*Maija Ašmane*, 1930–1998) – латвийский философ и социолог.

⁶⁹ *Запрыба* – Всесоюзное рыбопромышленное объединение западного бассейна.

⁷⁰ «Николай Данилов» – приёмоперерабатывающая плавбаза, год постройки – 1967, Польша, Гданьск.

в Атлантику этого судна. Построено судно было в Польше. Там был целый цех рыбообработки. С 23 февраля по где-то первые числа июня были на плавбазе. Это довольно долго. Мы не заходили ни в какие порты. Это было характерно для таких плавбаз. Экипаж большой, около 200 человек: команда, которая управляла судном и рыбообработчики. Я жил в каюте вместе с рыбмастером. Наслушался всяких историй, конечно, познакомился с этими людьми.

Нас, социологов, было трое – я, Дайна Фишмейстере и Велта Кноспе. Вообще, журналист Велта Кноспе работала в газете *Radomju Jaunatne*⁷¹. И в этот период происходили события в Чехословакии⁷². 1968 год. Велта знала чешский язык, и она перевела, если я не ошибаюсь, Ота Шика⁷³. Он обосновывал происходящее в Чехословакии. Обосновывал необходимость введения элементов рыночных. Это я, вот, помню. Это не было официально, просто машинописный текст. Но это всё было на судне. Кстати, на судне очень интересные люди были, те, кто воистину мореманы были. И по-другому не представляют эту жизнь. Но мотивация разная. Скажем, один был донкерман, с 15 лет в море. Он говорил: «Мне суша не нужна. Ничего интересного».

Мы были не только на плавбазе, но и спускались на маленькие суда. Нас переносили, краном, с плавбазы на маленькое судно. У меня была какая одежда? Бушлат был, кирзовые сапоги, – для тех условий это было самое подходящее. И потом мне уже рыбаки рассказывали – «что это тут за солдата такого сюда отправляете»? Но вообще, очень хотелось, конечно, на берег. Особенно в последнее время. А особенно трудно, когда откладывают сроки – вот, мы завтра или через неделю будем возвращаться. И потом говорят: нет, поступила команда, ещё нужно взять рыбы, а эту рыбу передать куда-то на рефрижератор. Лежишь и думаешь, вот, я сделаю первый шаг на землю...

После моря, после возвращения отчёт готовили. И я, по-моему, в том же году познакомился с книгой Людмилы Пантелеймоновны Буевой, профессора Московского Государственного университета, – «Социальная

⁷¹ В переводе с латышского: *Советская молодежь*.

⁷² Подразумевается ввод войск стран Варшавского договора в Чехословакию 21 августа 1968 года.

⁷³ Ота Шик (*Ota Šik*, 1919–2014) – чехословацкий экономист и политик, вице-премьер ЧССР в 1968 году. В 1960-х годах под его руководством была разработана программа социально-экономических реформ в Чехословакии, направленных на децентрализацию планирования. Речь может идти о книге: *Šik, Ota. Ekonomika, zájmy, politika: (jejich vzájemné vztahy do socialismu)*. Vyd. 1. Praha: Nakladatelství politické literatury, 1962.

среда и личность»⁷⁴. Тут начали предлагать исследовать уже механизмы более конкретные: формирование личности в социальной среде, проблема адаптации личности. И я вот выбрал тему себе – «Адаптация личности в коллективе». Аспирантура – университетская. Написал я первый вариант, работу представил, но не защитил. А тут семья уже, сын. Наверное, я не был таким последовательным. Перспективы роста не видел, наверное. И потом я оказался в Министерстве высшего образования. Там я уже был старшим инспектором. Моя задача заключалась в повышении квалификации преподавателей. Была такая система, каждые 5 лет преподаватель должен был пройти курсы повышения квалификации.

Когда открылась вакансия в Доме политического просвещения, я проработал там большую часть жизни. Тогда была система политического и экономического образования, система партийной учебы. Там работали и с пропагандистами, и с районным звеном, организуя для них лекции с помощью наших преподавателей, разрабатывали методические программы, учебные планы и методические указания. А тематика, она задавалась. Москва, по-моему, присылала программы. Но мы должны были обогатить, насытить местным материалом. Учесть местную специфику.

Вернулся к староверию и здесь себя реализовал

Честно сказать, не могу объяснить, но в свои нынешние годы оцениваю прожитое: реализовал я себя в Гребенщиковской общине⁷⁵. Вернулся к староверию и здесь себя реализовал. Это шло каким-то естественным путем. Распался Советский Союз, не стало коммунистической партии, не стало Дома политического просвещения. Я пытался заниматься Русской общиной Латвии⁷⁶, был одним из её учредителей, присутствовал на учредительном съезде в зале Дома политического просвещения – это ещё 1989 или 1990 год. Я искал себя в новых условиях. Это не было мне далёким. Во-первых, я всё-таки русский, старовер, во-вторых, история, культура... Когда первые книжки о староверах появились, например, Балевица – «Старообрядчество без прикрас»⁷⁷ – я тогда купил эту книжку. Читал, не

⁷⁴ Буюва А.П. *Социальная среда и сознание личности*. Москва: МГУ, 1968.

⁷⁵ Имеется в виду Рижская Гребенщиковская Старообрядческая община (основана в 1760 году) – крупнейшая община староверов беспоповского (поморского) согласия.

⁷⁶ Общественная организация с таким названием возникла в 1991 году, действует по сегодняшний день.

⁷⁷ *Старообрядчество в Латвии без прикрас. 1920–1940*. Сборник документов. Сост. З. Балевиц. – Рига: Латвийское государственное издательство, 1961.

столько, может быть, обращал внимание на все тёмные стороны, которые Балевиц пытался показать, сколько на историю. Вот, это же наше, старове-ры! Вот, знакомые даже, родственники! Или, скажем, книга Завариной⁷⁸. Она тоже у меня появилась, это 1986 год. И я её читал... Это было как-то близко.

А в 1994 году состоялась первая в Латвии международная конфе-ренция по истории староверия. Её организовывал Центр гуманитарных исследований ВЕДИ и Совет Древлеправославной Поморской Церкви на базе Гребенщиковской общины. А ВЕДИ – это было интересно, там мысль была, что исследование истории русской возможно на основе со-трудничества двух Церквей – Древлеправославной и Православной. Поэтому учредительные документы были подписаны Иваном Ивановичем Миролюбовым⁷⁹, в те годы председателем Центрального Совета Древлеправославной Поморской Церкви Латвии, архиепископом Александром и директором Технологического университета Русской об-щины Латвии. И, кроме того, три физических лица – я, Людмила Бутуле и Александр Федотов, – очень интересный человек был такой в моей жизни. Он был консультантом Дома политпроса, доктором экономических наук. Если возьмёте «Русские в Латвии», 1 выпуск, вся статистика – это его.

С Иваном Ивановичем Миролюбовым мы познакомились... в начале 1990-х. Мы довольно быстро нашли общий язык. Он – человек науки, в какой-то степени. И я тяготел к этому, поэтому общий язык нашли. Я был свидетелем событий, которые разворачивались здесь, в Гребенщиковской общине в 1990-е годы.

Отношения общины и государства строились на основе совет-ского законодательства. Иное законодательство и иные отношения ста-ли формироваться в Латвийской Республике, но люди-то остаются те же самые, которые жили в прежних условиях. В это же время появляются в общине люди, которые – староверы, но в силу обстоятельств или условий, не были воцерковлёнными. Настороженное отношение к этим *новым*. И

⁷⁸ Заварина А. А. *Русское население Восточной Латвии во второй половине XIX – начале XX века*. – Рига: Зинатне, 1986.

⁷⁹ Иван Иванович Миролюбов (род. 1956) – в прошлом известный наставник Рижской Гребенщиковской старообрядческой общины (благословлён в 1984 году), основатель, преподаватель и ректор (1985–1995) Рижского старообрядческого духовного училища, председатель Центрального Совета Древлеправославной Поморской Церкви Латвии (1989–1994 и 1997–2001). В 2001 году присоединён к Русской Православной Церкви Московского Патриархата через миропомазание, рукоположен в сан диакона (2005), пресвитера (2007), протоиерея (2015).

конечно, *новые* привнесли какие-то такие моменты, которые были непривычны для старых членов общины. Складывались новые отношения с государством, разворачивалась хозяйственная, благотворительная деятельность общины.

Тогда Совет заседал каждый день. Вопросов было очень много. Это было время планов, время творчества. Время консолидации общины. Освобождение помещений, которые были заняты в советское время жильцами. За иконостасом жили люди. Мы освободили. Но не просто так, чтобы выгнали. Предоставлялись квартиры, жильё. Даже давали возможность выбора. Это вообще удивительно для сегодняшнего дня! Я даже не знаю, как это получалось.

В общине, по сути дела, с самого первого дня начали издательскую деятельность. С самого первого дня, потому что в этом противостоянии шло и информационное противостояние. Нужно было вовремя подать материал. В небольшом количестве экземпляров, набрано плохо, копировали, т.е. качество – не очень высокое. Но зато какая-то сотня экземпляров распространялась, и читали. Потому что люди были не то, что сейчас. Они были или за, или против. И к тому же, с полной отдачей. У нас не было проблем – в моленной уборка или что-то надо было сделать. Бабушки сидели в рядок и говорили: «ну, что надо сделать?» – «Надо поехать в Латгалию». – «Хорошо!» Деньги? Никто о деньгах даже не спрашивал.

Появился ризограф, который был подарен какой-то европейской церковной организацией. Вот на этом ризографе бабушка с внуком печатали. Ещё раньше, в 1990-е годы, я познакомился с Лангером, Николаем Александровичем, он старовер и печатник, всю жизнь этим занимался. Познакомился с ним, когда готовил к изданию учебник «Основы демократии». Узнал, что Лангер старовер, а к этому времени вышел на пенсию. И тогда мы его привлекли сюда. В этом году исполняется 20 лет нашей типографии. Это единственная типография в Древлеправославной Поморской Церкви. Церковная типография.

А как Старообрядческое общество возникло? 1993 год, мы встречались, те, кто хотел возродить, сохранить традиции староверия. Александр Белов в том числе. Его дед был наставником. И где-то у него сохранился устав Старообрядческого общества 1908 года. Принёс он

его нам. Устав мы адаптировали к современным условиям, и в 1994 году учредили Старообрядческое общество Латвии.

Старообрядческое общество выполнило важную роль, на мой взгляд, в том, что латышам как бы говорило о том, что вы же видите, есть русские, староверы, которые граждане в значительной части, а русским говорили – ребята, да что же вы волнуетесь, вот, видите, мы же прожили тут 300 лет, мы же не умерли, не исчезли, мы же сохранили и язык, и культуру, веру. Что вы волнуетесь? Я вспоминаю, что на совете общественных организаций, когда кто-то выступал из лидеров – это было раньше, когда ещё я посещал – говорили «вот, они нас там...» и прочее. Я выходил и говорил, так, мы живём в этой стране, мы хотим в ней жить? Вы же не хотите уезжать. Так что ж вы делаете на *они* и *мы*? Мы! Вот, и давайте таким образом себя вести. И отношение было очень уважительное. И военных, и ветеранов, лично ко мне – тоже. Потому что некому нам угождать. Что мне угождать? Староверы – община.

Не теряя связи с родителями

Я не терял связи с родителями. Они жили до начала 1990-х. Приезжали к ним на праздники – они прекрасно исполнили *Dievs, svēti Latviju!*⁸⁰ Хотя учили это когда-то в школьные годы. Вот, кстати, это тоже создавало какую-то такую спокойную уверенность.

В сороковые годы, ожидание коллективизации настраивало людей на то, что этого не должно быть, не может случиться, что Америка не допустит этого. Вот такие настроения были. В последующем отец как-то это уже считал нормальным и переживал, когда в девяностые годы опять разваливались колхозы. Он переживал, что плохо землю обрабатывают. Он как хозяин не мог этого принять, вся душа его противилась, как же так можно с землёй обращаться? А в восьмидесятые годы в совхозах платили уже неплохие деньги, можно было зарабатывать. Была возможность своё хозяйство вести. А потом, когда опять пошёл этот вот развал, у отца был очередной момент переживания. Я тогда восстанавливал права на дедову землю, он – «сынок, зачем это тебе надо? Что ты будешь с этим делать?». То есть, вот эти переломы, они проходили по душам человеческим.

Мы составили нашу родословную, удалось установить её с начала

⁸⁰ Начальные слова государственного гимна Латвийской Республики. В переводе с латышского: «Боже, благослови Латвию!»

XVIII века... Вообще, здесь русские оставались и после Ливонской войны. Был профессор Андреев Николай Андреевич, он написал свою родословную. Он говорил, что родословная Андреевых идет от воина Андрея, который остался где-то там в Бикерниеках. И с того времени, а это какой – XV век, по-моему, русский элемент, так сказать, здесь присутствует.

Композиция подготовлена по интервью NMV– 4300

Интервьюировали Эдмундс Шупулис и Надежда Пазухина, в Риге, 2014, 2015

Композицию подготовила Надежда Пазухина

Расшифровали Светлана Погодина и Надежда Пазухина

ТАТЬЯНА ЛИЕПИНЯ-АТВАРЕ

Родилась в 1948 году в г. Балтийске Калининградской области, в России. В 1973 году окончила факультет торговли и финансов Латвийского государственного университета. Работала по специальности в различных местах, писательница, член РАО⁸¹.

СТИЛЬ КАК ЕДИНСТВО ЖИЗНИ

Мои бабушки

Я родилась в городе Балтийске, даже помню совершенно конкретно свою медицинскую карточку, где было написано: город *Пиллау*, русскими буквами, потом *Пиллау* перечёркнуто и написано сверху *Балтийск*. То есть, это как раз было в период изменения названия⁸². Я была морально-законным ребёнком сверхсрочника Жуликова Гавриила Акимовича, приехавшего из Воронежской области, и Бегуновой Лии Константиновны. Мои родители как-то странно жили. Жили так, что я всё время – у бабушек. У нас было две бабушки и дедушка. То есть, прабабушка, бабушка, и дедушка. Самой главной в нашей семье была прабабушка Александра Ивановна Тевризова. Она была очень маленькая, но очень шустрая, властная, всюду поспевающая, всё умеющая старушка.

Дедушка был инженером-строителем, а бабушка Зоя, его жена, стала заведующей технической библиотекой этого военизированного офиса, который занимался восстановлением и благоустройством города Балтийска. Мы жили замечательно, то есть, мы каждый день были сыты и каждый день мы были в тепле. Мы жили в трёхкомнатной квартире, и, как

⁸¹ РАО – Российское авторское общество. В 1999 году вышла книга Татьяны Лиепини-Атваре «Такова структура момента».

⁸² Город Пиллау был переименован в Балтийск в 1946 году.

рассказывали знающие люди, это была типичная офицерская квартира – она была предназначена для офицера с денщиком. Была спальня офицера, общая комната – это гостиная, и спальня денщика.

Дедушка и бабушка Зоя нам читали книги каждый день. А дедушка был большой мастер, рисовал картины, он разлиновывал клеточками страницу с картинкой или иллюстрацией из журнала, потом по этим клеточкам делал эскизы. Особенно он любил Левитана⁸³. И таким образом наша большая комната в общем-то имела довольно достойный вид. Я помню даже... к нам пришла какая-то знакомая, откуда-то приехавшая, она встала вот так, руки положила, сказала: «Господи, как у вас красиво!» Потому что в других местах не было даже мебели, в магазинах не было ничего. За мукой мы стояли в очереди, и нам на руках писали химическим карандашом циферки.

Помню, что у нас во дворе были клумбы, перед каждым окном была своя клумба. Жильцы соревновались, у кого клумба будет самая красивая. Это всё воспринималось всерьёз и все как-то очень старались. И мои бабушки тоже, особенно бабушка Шура была в первых рядах. Она вообще была большим борцом за порядок, гоняла мальчишек и очень следила за порядком.

Я с моей двоюродной сестрой Натальей устроили тайный склад продовольствия, на случай, если нас снова завоюют немцы, чтобы нам было чем питаться. А наша бабушка чуть не упала в обморок, когда вынула из-под большой кровати два валенка, а оттуда сыплется, – и конфеты, и сухари, и всё такое прочее. Оказывается, это мы, готовясь к войне, припасли немного продовольствия. Называлось это «секретная башня». Почему башня, под кроватью, но тем не менее. Так мы были пропитаны этим ощущением войны. Мы очень жалели тех, которые погибли в Ленинградской блокаде. Ну, в общем, мы очень страдали и очень хотели совершить подвиг. Но не удавалось.

Умер Сталин, все так плачут. Но наши бабушки не особо были идейными, у нас дедушка был идейный. Дедушка считал, что с древних времён, начиная там с античности, все ждали, когда наконец прекратится капитализм и тогда всё поделят между бедными. Но бабушки были исключительно здравомыслящими и не верили в то, что ограбить всех и поделить между собой, это хорошая идея.

⁸³ Исаак Ильич Левитан (1860–1900) – родившийся на территории современной Литвы русский художник еврейского происхождения, пейзажист, мастер «пейзажа настроения».

Город детства

В те годы Балтийск был самым восстановленным объектом всей Калининградской области. Потому что на тот момент там находилась Пиллауская судоремонтная верфь, которая имела большое стратегическое значение для флота. Там ремонтировались все корабли и была огромная гавань. Мы жили в закрытом, условно закрытом городе Балтийске, где въезд был по пропускам. Но верфь ещё не главная достопримечательность. Главное то, что в Балтийске находился штаб всего Краснознамённого Балтийского флота. Как только перевели штаб флота, но может не в тот день, но началось увядание Балтийска.

На тридцать тысяч населения, была музыкальная школа, самодеятельный театр, были ансамбли – как замечательно эти балтийские моряки плясали «Яблочко»! Третье художественное впечатление в Балтийске – здесь жила жена адмирала А. Г. Головки⁸⁴, Кира Головки-Иванова, которая играла графиню Ростову в оscarоносном фильме⁸⁵. Вообще, была очень красивая женщина благородного вида.

Балтийск переставал быть красивым, парадным. Заросли ухоженные места, и клумбы перестали засаживать цветами. Только наши сажали цветы. Это была жизнь такая, что нередко приезжали, например, какая-то семья и даже не было понятно, останутся они в Балтийске или уедут куда-нибудь, например, в Монголию. Потому, как-то было принято не здороваться, никто ни с кем особо не разговаривал. Только моя бабушка могла куда угодно прийти, и спросить – как вас звать-величать? Люди иногда подолгу сидели на чемоданах, а потом, не распаковав эти чемоданы, они могли уехать куда-то в другую область. Такова была армейская специфика.

В Балтийске был замечательно красивый парк, и по законам того времени, там были все эти скульптуры, которые мы видим в кино того времени. Там была женщина с веслом; там были пионеры с голубями. В принципе, это всё было пафосно отстроено и вся наглядная агитация, которая там была выставлена. Были нарисованы, написаны, на белой ткани какие-то огромные, невероятные портреты Сталина и Ленина. И эти портреты, туго натянутые, так трепетали многозначительно на ветру, и нас с моей

⁸⁴ Арсений Григорьевич Головки (1906–1962) – командующий Северным и Балтийским флотом, адмирал.

⁸⁵ Кира Николаевна Головки (род. 1919) – актриса театра и кино, сыграла роль графини Ростовской в фильме «Война и мир» (1965–1967) режиссёра Сергея Бондарчука. В 1969 году фильм получил премию «Оскар» как лучший фильм на иностранном языке.

двоюродной сестрой Наташей спрашивали: «Девочки, кого вы больше любите – дедушку Ленина или дедушку Сталина?» Это во время праздников и народных гуляний.

Родители получили квартиру, там одна кухня была больше, чем вся квартира у бабушки и дедушки. Папа был сверхсрочником, он ходил в форме, но у него не было звёзд. Мало того, когда он очень захотел получить звёзды, потому что он был хорошим специалистом, то оказалось, что он не окончил среднюю школу. Отец был большой охотник и большой любитель природы. Он был воронежский казак, его предки были из тех, кто когда-то бежали от крепостничества. Вот они сбежали, организовали какое-то поселение, и не суйся к ним. Они вооружены, они вообще великие свободлюбивые мастера-всадники.

Немцы и Германия

Папу туда направили как военного, сперва приехали мама с папой, потом они обосновались вроде немножко, и решили взять меня. В Германии то же самое – кто-то приезжал, кто-то уезжал. Там было такое пространство, где можно было пожить, но не прижиться, там не все смогли прижиться. Приехав в Германию, мы, конечно, обалдели. Чего им было нападать на Россию, когда у них и так всё хорошо? Кстати, очень многие говорили, что, войдя в Германию, были поражены этим. Что всё настолько порядочно и неплохо. Зачем им нужно было нападать на эту бедную Россию? Но, тем не менее, если в России любая мелочь была дефицитом, начиная от тапочек, босоножек, не говоря о таких вещах как пальто, как ткани, всё остальное прочее, то в Германии всего этого было навалом и стоило не так уж и много. Вообще этот перепад уровня жизни был очень серьёзным. Но мой папа решил держаться любимым образом, чтобы только остаться в Германии. Мама со временем без конца всё вышивала, шила – была великая рукодельница, которая иногда подрабатывала тем, что устраивала какие-то курсы вышивания, что-то ей там небольшой стаж шёл. Ну, тут я ещё вернусь к тому, что... вот опять же к стилю. Меня очень поразил стиль немецкого существования, где всё было продумано, где всё было выстроено, отгорожено, и когда даже детское какое-нибудь пальтишко сшито очень продумано.

Я помню, у меня была книга «Детство Горького», и я её без конца

читала за неимением других книг на русском. Все взрослые были очень заняты, внимания мне мало уделяли, и я стала капризничать и болеть. И бабушки были вынуждены забрать меня к себе. Потом на некоторое время я вернулась к родителям, где-то к четвёртому классу. В школе мы очень дружили с немцами, всё время без конца пели какие-то песни. Немцы приходили к нам и показывали свои тетради, где они все очень хорошо пишут по-русски. Но в Германии я совершила подвиг. Один раз, когда мы ещё только приехали, то есть, когда я была совсем маленькая, пошли гулять на пляж. Нашему русскому району был отгорожен целый кусок пляжа. И вот однажды, мы с девчонками пошли купаться на пляж, это было уже ближе к осени. Бегаем там на пляже – вдруг – из дюн появляются мальчишки немецкие, в касках. И с какой-то палкой, изображающей пулемёт. Нападают на нас, и говорят – *Heil Hitler!*⁸⁶ и *Russische Schweine!*⁸⁷. Ну, и я оказалась самая активная, я сорвала каску с головы немца, и этой каской ударила ему по очкам, он был очкарик, белый-белый такой. И этот поступок был мой подвиг, а эта каска был мой трофей – она очень долго украшала подоконник у нас.

Но мне немцы по-человечески более понятны. Вообще, Балтийск отстраивали немцы и *чучмеки*. Чучмеки были малорослые, монголоидные люди непонятной нации, говорившие по-русски, но с ошибками. Немцев моя бабушка Зоя очень хвалила. Потому что аккуратность ей нравилась, и она очень, по-всячески хвалила немцев. Один раз я вышла и сказала, что всё же вам аккуратность, аккуратность – это не самое главное, а главное что-то другое. Одним словом, я поругалась с бабушкой. А потом случилось вот что. По улице... я думаю, что это был Кёнигсберг, шла колонна немецких пленных, которых вели разбирать развалины, разбомбили Кёнигсберг очень сильно. Как мы знаем, у Кёнигсберга была та же судьба, что у Дрездена, его сравнивали с землёй. За исключением некоторых мест. И колонна немцев шла по улице с работы, и ехал пьяный белорус, который с разгону врезался в эту колонну, ну, и передавил, естественно, эту колонну страшным образом. Мой отец рассказывал потом продолжение этой истории: потом этого белоруса судили, но приехали из Белоруссии родственники и рассказали, что в Белоруссии немцы сожгли

⁸⁶ В переводе с немецкого: Да здравствует Гитлер.

⁸⁷ В переводе с немецкого: русские свиньи.

всю его семью. Оправдать его не могли, но приговор был очень мягкий. Он сказал, что, так как у него погибли все близкие, когда немцы там сожгли маму-папу, жену и двоих детей, то после этого слышать немецкой речи он не мог. И, услышав немецкую речь, он это сделал.

Тем не менее, при разговоре о стиле мне всегда вспоминается русская поговорка «простота – хуже воровства». Действительно есть такая простота и такая доверчивость, причём я абсолютно уверена, что эту простоту, эту доверчивость культивировали. Вот эта стилистика умиления наивностью, доходящей до абсурда, и доверчивостью, и всем остальным прочим, теперь я понимаю, это была идеология. Я ещё в Балтийске пришла к такой мысли. Помню, была у нас красивая стенгазета, где была статья «Я отвечаю за всё». Я прочла эту статью, и мне стало дурно. Потому что я твердо знала – отвечать за всё я не способна. И строгость такая от бабушек и призыв к аккуратности меня очень сильно напрягали. А тут ещё и в школе были такие требования – «отвечать надо за всё», что, мол, только тогда мы сможем исправить человечество, потому что задача стояла не просто лишь бы какая, задача стояла – исправить человечество.

Вентспилс

В 1962 году мы – мама, папа и я – приехали в Вентспилс. Мы первым делом приехали в Балтийск, и папа ждал нового назначения. И когда он получил назначение в Вентспилс, то он в общем-то обрадовался. Это совсем недалеко было от Балтийска и, одним словом, было мнение такое из народных разговоров, что Вентспилс, что латыши – это почти немцы. Такое народное мнение было. И мы поехали в Вентспилс. Мне казалось, что счастье меня, наконец, настигло. Я, глупая, так хотела избавиться от опеки бабушек. Кроме того, для меня важно – стиль как единство. Надо сказать, что меня ещё в Балтийске настигла волна народной зависти. А в Латвии мой немецкий стиль не так раздражал. Моя мама была великой рукодельницей, ну и все вещи на мне были из Германии. И тут я помню, что меня обвинили в низкопоклонстве перед границей, это в Балтийске. Учителя вроде как это спустили на тормозах, но вредные девчонки всячески выказывали неприязнь.

Итак, в 1962 году мы приезжаем в Вентспилс. У родителей были деньги на мебель, были полные чемоданы какого-то барахла, посуда была,

то есть, мы вроде в финансовом плане укрепились. Мама была очень довольна. Мне в Латвии сразу понравилось. Я хотела бы найти какие-то точные слова к этому ощущению. У меня было ощущение в Балтийске, насчёт воинской доблести... и вот же опять же стиль. Стиль, который преследовал нас с витрин магазинов, довольно жутких, с одеждой для людей, и всё такое прочее. В Латвии, мне так показалось, народ какой-то взрослый, серьёзный. А в Балтийске все как будто играют в какую-то такую не совсем серьёзную игру.

Я думаю, нас специально шлифовали этим культом наивности, открытости – это делалось специально. Потому что то великое единство и те большие идеалы – они никак не прорастали. Это было страшное ощущение, когда ставится невероятная задача, а ты вроде как подписался – да, я сделаю, я – пионер Советского Союза, жизнь положу, чтобы исправить человечество. И вдруг в какой-то момент ты видишь, что ты пообещал неисполнимое.

А вот всё-таки, в Латвии, в школе в Латвии, например, моментально я услышала то, что мне и представить было бы страшно. Когда дети в школе рассказывают анекдот про Ленина и Сталина, и вообще какая-то внутренняя свобода. И вот опять же стиль поведения, стиль общения – совершенно иной, чем в Балтийске. Хотя в Балтийске тоже были милые люди, было несколько таких учителей, которые отдавали всю душу и которые, может быть, в какой-то момент меня там чуть защитили от завистливых девочек. Но зависть – это было довольно-таки тяжело, тяжёлое время. Помню, в Балтийске, мне дедушка выписывал журнал «Юность», я получала этот журнал ещё когда жила в Балтийске. И вообще, это был очень редкий случай, когда вот такие бедные бабушка с дедушкой тратили деньги на то, что бы выписать мне литературный журнал.

Приехав в Вентспилс, я очень быстро подружилась. Помню одноклассника Чистякова Борю, который сейчас в Германии. И он тоже тяготел к европейской культуре. В его рисунках явно проглядывала склонность к абстракционизму. В нашем классе образовалось творческое объединение «Крылатый осёл», у нас был и театр, я играла в театре, была активной участницей КВНа⁸⁸, выдумывала всякие истории.

⁸⁸ «Клуб весёлых и находчивых» – КВН-движение приобрело популярность в 1960-е годы благодаря одноимённой телевизионной передаче (1961–1971). В школах, вузах, на предприятиях создавались команды, соревновавшиеся в юмористических ответах и импровизациях на заданные темы. Передача была возобновлена в 1986 году.

Пусть у нас КВН очень неплохой и, кстати, и КВН, и традиции Вентспилса живы до сих пор.

Ясно знаю, что непростой период

Мы все понимаем, что бесплатное образование, бесплатная медицина и билет на трамвай за 3 копейки – всё это очень хорошо. Но нам стилистически было неприемлемо вот это вот существование! Латвия, ну вообще Прибалтика, образовала некую удивительную буферную зону между цветущим социализмом и холодным Западом. Почему именно «Сталкер»⁸⁹ был запрещён в свое время? Потому что именно в «Сталкере» был предсказан абсолютный образ абсурдного несбыточного общества. Кстати, русский «Сталкер» (а есть и американский фильм) снимался в развалинах Калининграда, старого Кёнигсберга...

В ситуации, которая сложилась в Латвии в конце 1980-х – начале 1990-х годов, во-первых, на меня огромное влияние оказала Ингрида Штрумфа⁹⁰. На меня большое влияние оказала Лаймдота Селе⁹¹. Хотя теперь я понимаю, что у меня произошёл облом мировоззренческий. Я очень поздно стала взрослым человеком – где-то после 50. Вот бывают такие, у русских это нередко бывает. Но, одним словом, я была за свободу. За независимость. Хотя, конечно, сейчас могу сказать с полной откровенностью, сейчас среди русских очень популярен упрёк – обещали одно, получили другое, хотели как лучше, получилось как всегда.

Это структурирование национальной буржуазии вблизи, когда ты рассматриваешь, оно не такое симпатичное. Я невольно видела некую подкладку этого становления национальной буржуазии. Хотя я считаю, что становление национальной буржуазии для любой национальной идеи абсолютно неизбежно. Я считаю, латыши не хуже других, они такие же, как другие.

С возрастом я начала понимать, что в этом суть структуры жизни. Я просто ощущаю, что каждый за себя. И только так возможно держаться этому обществу. Чтoб каждый был за себя.

Я прекрасно понимаю ситуацию: у девушки, которую учу латышскому языку, я спросила – а если бы не был латышский язык государственным,

⁸⁹ Фильм-притча, снятый в 1979 году режиссёром Андреем Тарковским (1932–1986) по мотивам повести братьев А. Н. и Б. Н. Стругацких «Пикник на обочине» (1972).

⁹⁰ Ингрида Штрумфа (*Ingrīda Strumfa*) – историк, многолетний хранитель фондов Вентспилсского музея, депутат Вентспилсской городской думы.

⁹¹ Лаймдота Селе (*Laimdota Sēle*) – писатель, работала журналистом в газете «Вентас Балсс» (Вентспилс).

вы бы его учили? Конечно нет, она ответила. Ну вот, девчонке лучше бы было в парикмахерскую сходить!

Французы, они как датчане, у них что-то хорошо получается, что-то – нет. Я уже не говорю о русских, которые вообще – пример другого абсурда. И Дмитрий Быков⁹² считает, что таким образом, именно в безумии, решаются многие человеческие проблемы, доходя до какого-то края.

Но когда я вижу человека и вижу его желание задеть, желание надсмеяться, унижить каким-то образом, и если я начну каким-то образом серьёзно на это сердиться, то я проиграю. Это всегда. Это общее правило. Это не какой-то особый закон латышско-русский.

Я приведу совершенно конкретные примеры. Один мой знакомый по школе, он оказался *тайным* евреем, что меня удивило, но, тем не менее, он вдруг стал носить кипу⁹³. По выходным. Вот он – страшно обиженный. И вплоть до того, что его внук, который безусловно говорит по-латышски (а его внук – наполовину латыш, потому что его дочка вышла замуж за латыша), и этот внук его подходит к своему отцу и говорит: «Пап, я тебя всё равно люблю, хоть ты и латыш». В том-то и дело, что это почти смешно. Однако этот самый внук, выйдя из школы, никогда дома не говорит по-латышски. Только по-русски. Они в общем-то абсолютно нормальные люди. Но вот вопрос – как бы они поступили, к примеру, в ситуации, подобной крымской?

И потом, это не столь уж и важно. Ну, просто-напросто я считаю, что обеспокоенность латышей имеет под собой почву. Не знаю, чем это всё закончится. Поживём – увидим. Думаю, что все имеют основания беспокоиться за свою судьбу. Я, например, вообще считаю, что русским очень сильно надо было бы беспокоиться за свою культуру, и многие это реально сознают.

В 2001 году активисты Русского общества⁹⁴ создали читательский клуб «Лабиринт». Мы собираемся раз в месяц, обсуждаем новые книги, отмечаем юбилеи русских и других классиков. Тем для обсуждения хватает. Мы установили дружеские отношения с Вентспилским международным домом писателей и переводчиков, и это позволяет познакомиться со многими интересными личностями.

⁹² Дмитрий Львович Быков (род. 1969) – русский писатель и поэт, публицист, журналист, критик, преподаватель литературы, радио- и телеведущий.

⁹³ Кипа – традиционный еврейский мужской головной убор, символизирует смирение пред Всевышним, представляет собой маленькую круглую шапочку, прикрывающую макушку.

⁹⁴ Русское общество в Латвии – общественная организация, основанная в 1996 году.

Мы являемся подразделением Вентспилсского русского общества⁹⁵. Мы получаем билеты на спектакли именитых российских театров, получивших приз фестиваля «Золотая маска»⁹⁶. На посиделках нашего клуба, я шучу, мы имеем право говорить обо всём, кроме политики и разжигания межнациональной розни, и пропаганды сексуальных извращений. Есть вещи, которых мы не касаемся. Читательский клуб принимает участие во многих мероприятиях русской культурной жизни города.

В 1999 году мы с мужем Петером как русско-латышская семья написали проект и получили финансирование для проведения народного гуляния – Масленицы⁹⁷. Праздник всем очень понравился, прижился в городе, и теперь в Вентспилсе уже другие переняли эстафету и после Масленицы стали гулять Святки⁹⁸. И белорусское общество, и другие национальные меньшинства восстанавливают свои традиции. Я ношу крестик и в трудные моменты читаю «Отче наш», на старославянском, вообще-то, я православная. Умеренно православная.

Я стараюсь помнить мудрость – дай мне душевный покой принять то, что я не могу изменить, силу и мужество менять, что возможно, и мудрость отличить одно от другого.

Итак, если говорить ту старую мысль, которую я начинала о стиле, ну, как говорят французы: стиль – это человек, но стиль – это и единство выразительных средств. Вот видите как всё сложно...

Композиция подготовлена по интервью NМV– 4281

Композицию подготовила и интервьюировала Дагмара Бейтнере-Ле Галла, в Вентспилсе, 2015

Расшифровала Светлана Погодина

⁹⁵ Общественная организация, учреждённая в 2011 году в Вентспилсе как правопреемник Вентспилсского отделения Русского общества в Латвии.

⁹⁶ Российская профессиональная театральная премия, учреждена Союзом театральных деятелей России в 1994 году.

⁹⁷ В православной традиции празднуется в течение недели перед Великим Постом, однако корни праздника – в языческой культуре восточных славян (начало нового природного цикла: встреча зимы с весной).

⁹⁸ В православной традиции – время от Рождества до Крещения, в славянской народной традиции – комплекс зимнего календарного периода, связанный с «поворотом зимы на лето», представлением о присутствии душ умерших среди живых в этот период, гаданиями о будущем.

ЕЛЕНА МАТЪЯКУБОВА

Родилась в 1957 году в Риге. Окончила Историко-философский факультет Латвийского государственного университета, по специальности – историк. Педагог, главный специалист по вопросам образования национальных меньшинств Департамента образования, культуры и спорта Рижской думы.

ПОНЯТИЕ ВЕРЫ – ВЫШЕ, ЧЕМ ВЛАСТЬ И ЧЕМ СИЛА

Общинная семья

Я появилась в этот мир в далёком 1957 году, в семье прекрасной пары. Мой отец, Большаков Василий Логвинович, очень яркий человек, активная личность, из династии староверов. Жили мы на Югле в частном секторе. До сих пор на Югле есть небольшой участок, где стоят такие старые дома. Что интересно, наша улица Бакужу практически вся состояла из домов, которые принадлежали социально значимым людям. Это был профессор медицины, это был очень известный скульптор, на участке которого было много камней. Напротив нас жил авиационный строитель. У нас был частный дом, и сыновья, дети бабушки и дедушки, выстроили такие как бы пристройки, и поэтому у нас, уже к моменту моего рождения, была дружная, очень общинная семья. То есть, дедушка и бабушка имели уже такой большой дом, а их трое, четверо сыновей жили в своих пристройках как бы при них. Вот такое пространство. Плюс большой участок земли, около восьми соток. Что интересно, когда я родилась, у бабушки ещё была корова, бабушка с дедушкой держали лис. Когда я родилась, на этой территории были поля, это были луга, это были коровы и курочки, гуси. И в мою бытность Югла начинает застраиваться хрущёвскими домами.

Мама моя родом из России, из Орловской области, из Орла. Папа привёз её из России, когда служил в лагерях. Мамин отец был репрессирован, и они оказались в Вятских лагерях, был такой Вятлаг¹. Там она выросла и потом училась в Первом Пермском, тогда он назывался Молотовским, мединституте. Выучилась блестяще, с красным дипломом, но на пути её жизни встретился папа. Они познакомились, и папа рискнул привезти маму сюда.

Папа всю жизнь мечтал отделиться от родителей и построить свой собственный дом. Мама была человеком, который воспитан в таких классических традициях – верно служить работе. Она – преданный врач, всю себя посвятила медицине Латвии. Латвия стала в полном смысле для неё родиной, потому что она себя здесь очень комфортно ощущала. Несмотря на то, что, когда папа её сюда вёз, её предупреждали, что это, в общем-то, заграница, что это другая страна. Так что, такое предупреждение в пятидесятые годы ходило. И родители папы тоже – зачем он привёз из России какую-то чужую девушку? Всё-таки у староверов принято брать жён и мужей из единоверцев. Но вот папе приглянулась мама, и он её сюда привёз.

Первые годы моей жизни связаны с очень комфортным состоянием и с очень широкими родственными связями. У нас был большой сад, я росла вместе со своими двоюродными братьями и сёстрами. Во дворе, на больших праздниках мы были все вместе. Родом мои дедушка и бабушка из-под Резекне, из Малты, все наши родственники из Латгалии приезжали к нам. На Троицу дедушка и бабушка ездили в Резекне, и я в Резекне была, и в Даугавпилсе, но чаще в Резекне и под Резекне, на кладбище, где обычно на Троицу поминают всех своих предков. Так что всю свою родню в детстве я знала очень хорошо. На все свадьбы и на похороны собиралась огромная община – у бабушки было пять сестёр, у дедушки – четыре брата.

Дедушка

Папина фамилия – Большаков, он по дедушке Большаков, но я застала и прадедушку – вот этого старейшего основателя династии я видела. Я помню, что дедушка родился ещё в 1898 году, а его отец дожил

¹ Вятский исправительно-трудовой лагерь, К-231.

до девяноста четырёх лет. Дед у меня был чудный, истинный дед. Его перипетии жизненные были уникальные. Меня в детстве это не очень трогало, но когда я занялась исследованием своей судьбы, истории, некоторые моменты меня удивляли.

Я знаю, к моменту Первой мировой войны и революции он вынужден был из Латвии выехать в Петроград². И предположительно там он и устроился на какой-то завод, откуда его призвали в армию. Мне, к сожалению, не довелось это с дедом обсуждать, но те документы, которые остались, свидетельствовали о том, что он был латышским красным стрелком. При том, что он, Логвин Иванович Большаков, истинно русский человек, он был латышским стрелком. Жаль, что мне не удалось в детстве поговорить с ним, но я помню, что к нему приходили пионеры, брали интервью, он был пенсионер союзного значения, за свои успехи революционные.

Но он быстро разочаровался в большевиках, любимая присказка деда, которую я никак понять не могла: «Продали большевики Россию...» Вместе с бабушкой в двадцать втором или в двадцать первом году они вернулись в Латвию.

Дедушка собирал яблоки в нашем саду и шёл к остановке шестого трамвая, которую тоже выстроили при нас, сидел там на табуретке и продавал. Я, в школе воспитанная на таких советских традициях, очень стеснялась, что дед занимается какой-то торговлей. Потом, помудрев, и даже в таком юношеском возрасте, я поняла, что дед получает удовольствие от работы. В силу возраста, ничего уже не мог делать, но вот это он делал. И зарабатывал минимально. Но вот эта жилка – всё время что-то делать, приносить и зарабатывать – она у него была.

Папа, работая в автобусном парке, работая на такси – его страсть была машины – собрал своими руками восемь машин. Первая машина была у нас BMW, немецкая, и папа даже снимался в кино в роли шофёра у какого-то немецкого офицера, кажется, фильм «Щит и меч»³ это был. Мы потом ходили и смотрели на машину, за рулём которой сидит папа. Это была наша машина с открывающимся верхом, и я очень гордилась, когда папа приезжал за мной в школу на такой машине. Потом у нас были

² Санкт-Петербург – название Петроград с 18 (31) августа 1914 года по 26 января 1924 года.

³ Советский четырёхсерийный художественный фильм, снятый в 1968 году по одноимённому роману Вадима Кожевникова режиссёром Владимиром Басовым.

«Волга», «Победа», все советские марки, при том, что мы никогда не жили богато. Мама работала, но она очень стеснялась папы, из-за того, что он занимается каким-то предпринимательством. Единственное, что она поддержала, это то, что папа очень хотел получить участок земли, что было очень трудно в советское время. Но в семидесятые годы ему удалось, с кем-то поговорив, кого-то «поблагодарив», получить землю в Марупе⁴.

Принудительные работы и вольное поселение

Мой дедушка по маминой линии был дважды репрессирован. Мама росла практически без отца. В первый раз у него отобрали поместье в тридцати километрах от Орла. Там был знаменитый дом Богдановых, поместье Богдановых. Мамина девичья фамилия была Богданова. В 1929 году, мама родилась, а дедушку выслали на рытьё Беломорканала. Дедушка был очень высокого роста, очень статный, я считаю, что я на него похожа. Образованный, блестяще закончил гимназию. Он 1901 года рождения, и, вероятно, учился бы дальше, не случись этих перипетий в России. И в 1929 году он был в первый раз репрессирован и выслан на принудительные работы. За ударный труд, а это было время, когда репрессии ещё были не столь суровыми, он вернулся. В 1934 году они с бабушкой по маминой линии уехали от греха подальше на Украину. В Орловской области, где их многие знали, у них остался очень интересный дом на берегу реки Орлик. Вот я, когда увидела этот дом, только потом представила дворянские дома, с флюгером, с большим двором, когда читала Чехова. Дом не забрали, а вот всё хозяйство было национализировано. Мама потом вспоминала с грустью, что такое произошло.

Мама пошла в первый класс уже на Украине, когда дедушка вернулся, но в 1937 году его во второй раз выслали, десять лет без права переписки, в Кировскую область, в Вятлаг. И потом дедушка в 1944–1945 году вызвал всю семью из разрушенной Орловской области к себе на вольное поселение. В центральную часть России они уже возвращаться не захотели. Так мама оказалась в районе Севера и Урала, и потом поступила в Медицинский институт. Поэтому её дальнейшая судьба была совершенно другая – классическая русская дама-интеллигентка.

⁴ Населённый пункт на границе с городом Рига (*Mārups*).

Староверческая мини-община

Мама говорила, что, когда приехала, она хотела изучать латышский язык, но все документы необходимо было писать на русском языке. Поэтому язык, в том объёме, как она хотела бы сегодня знать, ей не было необходимости осваивать. Но ощущение себя в Риге, как в своём городе, было. Она пешком ходила от Юглы до *Вэфовского моста*⁵, наизусть знала всё это пространство. Она Ригу воспринимала как свой город, который она в первую очередь прошла, протопала. Очень часто к маме за помощью обращались соседи – латыши. Вот эта интеллигенция, мне кажется, никогда не имела никаких конфликтов. При том, что было понятно, что наша улица, семьи латышей, которые жили здесь, были очень критично настроены к советской власти. Они мало общались с кем-то, многие из них получали посылки из-за границы. Я тогда не понимала, но об этом говорили шёпотом. Мама им помогала доставать какие-то лекарства. Соседи к ней обращались, зная, что мама работала в министерстве. И мама у меня кристально чистая, никаких денег, ничего дополнительного. И единственное, что осталось в памяти – когда её не было, из уголовного дома семья латышей принесла очень интересный кошелёк импортный, сказали, что им прислали из Канады, только попросили об этом не говорить, и вот так маму поблагодарили за то, что она помогала устроить в больницу кого-то из родственников этой семьи. То есть, отношения были очень человеческие, очень доброжелательные. Главное же общение в этой староверческой мини-общине было закрытым, все дискуссии – политические, экономические, духовные – обсуждались внутри. Мама вынуждена была и подстраивалась под этот образ жизни.

Я крещена была в Гребенщиковской общине, при том, что мама не очень хотела это афишировать. Наверное, испуг после репрессий дедушки привёл к тому, что она очень осторожно и очень закрыто себя вела. Она нигде не указывала, ни в каких анкетах, что она была на оккупированной территории, она очень боялась, что это помешает. Она никогда не вступала в партию, потому что считала, что её наследие, её история семьи не даёт ей права, что это будет нечестно. Ей несколько раз предлагали вступить, она отказалась.

⁵ Имеется в виду Воздушный мост (*Gaisa tilts*) – старейший виадук в Риге (1906) на пересечении ул. Бривибас с железнодорожными путями.

Ретро-буржуазная эlegantность

Тётя Мария – жена старшего папиного брата – была тоже из Латгалии, конкретно, из Резекне. Эта была очень известная семья Морозовых. Они были военными в латвийской армии, и в Гребенщиковской общине тоже были известны как меценаты, когда переехали в Ригу. И тётя Мария у нас вызывала такие нотки ироничные, потому что она была для того времени, для русского человека в Латвии, достаточно образованной, она окончила школу, сколько там, шесть или семь классов, и в Риге она была гувернанткой у детей из богатых семей. Она знала этикет, она всегда ходила в шляпках, всегда какие-то шёлковые, шифоновые платица, платочки использовала.

Моя мама жила очень скромно и очень демократично, и когда видела старшую невестку, которая вела совершенно другой образ жизни, характерный для местных женщин Латвии, независимо от национальности, это казалось чем-то ретро-буржуазным, чем-то другим, совершенно из другой жизни. А тётя Мария была точно так же независимой и сохраняла эlegantность женскую, моду, и считала это совершенно нормальным. В советское время стремились всё унифицировать, и понятие моды поддерживалось уже потом, когда жизнь как-то наладилась.

И все смеялись над бабушкой моей, то есть, над свекровью, за то, что она не могла даже в магазин, за хлебом, за молоком выйти, то есть, буквально, до следующей улицы дойти, не подкрасив губы, не надев платочек шёлковый с люрексом. Бабушке в ту пору было пятьдесят-шестьдесят, и молодые невестки иронизировали – куда это собралась Терентьевна? А бабушка у меня Елена Терентьевна, и я в честь неё названа Еленой. И, наверное, это качество – подкрашивать губы, куда бы я ни выходила, мне на генном уровне передалось.

У бабушки была большая семья, они были в Саласпилсе⁶, и там потеряли двух детей. У бабушки было шестеро детей, а выжили после войны только четверо. А папа мой был даже угнан в Германию, у меня есть очень интересная фотография, когда он в сорок пятом году возвращается в Латвию, уже в Советский Союз, из Германии, в костюме с чужого плеча, явно больше его на два размера, с каким-то чемоданом.

Когда папа уходил из жизни, это были уже годы, когда Латвия восстанавливала свою независимость, и папа всё время хотел написать канцлеру

⁶ Имеется в виду нацистский лагерь, существовавший рядом с городом Саласпилс с 1942 по 1944 год.

Германии, Гельмуту Колю⁷, за то, что они были в Германии, за то, что они были высланы, получить какую-то компенсацию. И папа, уже смертельно больной, мне говорил – Лен, я напишу Колю, получим деньги, и у нас будет свой заводик в Слоке, у нас будет свой бизнес. Вот так косвенно я знаю, что папа был в Саласпилсе и позже был выслан в Германию на работу. Но эту тему в советское время мы, конечно, не поднимали. Это открылось уже в последние годы жизни папы, в период независимости.

Maize, это же хлеб!

Моя первая детская подруга была Кармен, девочка из соседнего дома. Я вспоминаю своё первое открытие, в полном смысле этого слова, в шесть лет. У нас было очень ответственное задание: нас посылали в магазин за хлебом, надо было перейти через дорогу и вернуться. И вот мы с Кармен всё время туда ходили. И вот она говорит: «*Mums maizi vajadzētu*»⁸. Я отвечаю: «Да, нам хлеб нужен тоже». – «*Nopirksim rupjmaizi*»⁹. – «Да, и чёрный хлеб, и белый хлеб». И это всё было в шесть лет. И потом я ей говорю: «Зачем ты говоришь *maize*¹⁰, это же хлеб!» Она говорит: «*Nē, tā ir maize!*»¹¹ Я говорю: «Нет, подожди, это хлеб, надо всем говорить *хлеб*».

И я помню, что, наверное, неделю мучилась, как же её убедить, что это – хлеб. И через неделю, на вторую неделю, у меня произошло открытие – я вдруг поняла, что язык – это символ. Как здорово, что я дошла до этого в шесть лет!

Я очень комфортно чувствовала себя среди латышей. Потом мы переехали в Пардаугаву, мама получила квартиру от министерства. В пятый класс я уже пошла в школу за Двиной. Но в нашем доме опять-таки доминировали латыши. Это был двухэтажный дом старого типа. У нас были соседки-латышки, мы с ними очень дружили. Ко мне латыши всегда очень хорошо относятся, я не знаю, почему. Когда мы переехали, раньше сахара, хлеба кусочек не просили, друг другу в дверь не стучали, но, когда мы переехали, это стало нормой, и к нам ходили, и у нас просили.

Понимаете, к счастью, мне очень повезло. Я в этнической принадлежности никогда не разбиралась и не акцентировала. У меня

⁷ Гельмут Коль (*Helmut Kohl*, род. 1930) – немецкий политик, федеральный канцлер Федеративной Республики Германии (1982–1998).

⁸ В переводе с латышского: «Нам бы хлеба нужно».

⁹ В переводе с латышского: «Купим чёрного хлеба».

¹⁰ В переводе с латышского – хлеб.

¹¹ В переводе с латышского: «Нет, это хлеб!»

актуальности этой темы не было. Может быть, в этом какая-то уязвимость была тоже. Я абсолютно не разбиралась в евреях. Для меня всегда было странно, что про евреев рассказывают какие-то анекдоты. Я по внешности никогда не могла определить, кто есть кто. Мне говорят – разве ты не видишь? И я думаю, что это началось с детства, когда мы очень дружили с Кармен. Все игры были вместе, при том, что родители очень закрытые, все дома эти частные были очень закрытые, и сиделок на скамейке, сплетен между соседями не было, это было нехарактерно.

В четвёртом классе я попала в санаторий, в Инчукалнсе, и там тоже было доминирование латышских ребят. Но я как-то естественно вхожу в коллектив. Да и бытовой язык, элементарный, у меня был. Я правильный литературный язык не знала по окончании школы. А вот обыденное такое общение у меня было.

Дух противоречия

Я поступала к нам в Латвийский университет, на исторический факультет. Я шла на историю, мне было интересно, очень интересно. Правда, мне в школе дали рекомендацию, у меня хорошие математические способности, у меня была пятёрка, и по алгебре, и по геометрии, в основном мальчишки были лучшие, и я конкурировала с мальчишками по математике, а вот русский язык мне давался тяжелее. Потому что такой латгальский прононс и неправильность русского языка в нашей семье была. Так смешно, когда сейчас я слышу, как кто-то копирует латгальский язык или разговор русских из Латгалии, я слышу голос бабушки и дедушки, неправильные окончания –*ить*. И русский язык, грамотный, требовал от меня определённых усилий и изучения. Я русский язык учила по правилам, и до сих пор все удивляются, но у меня аналитический склад ума, и все языки я изучаю не на слух, а систематизирую. То есть, всё то, что многие не понимают в школе, я выучила с радостью, с азартом. Мне надо было доказать, что я это тоже могу. Поэтому, по окончании школы я получила рекомендацию стать учителем русского языка и литературы, потому что я очень осознанно шла к этому, а учитель математики, директор школы, сказал мне, что лучше поступать на математический факультет.

Но, вероятно, это дух противоречия, не делать то, что тебе говорят, сработал... Внешне я «правильная девочка», но внутри я очень не люблю

«правильных» людей, и мне кажется, что это неискренне, я очень часто боюсь игры. И поэтому я пошла на историю, хотя к истории часто относились как к политическому факультету, и что обидно, я об этом не знала, когда поступала. Оказалось, что у нас исторического факультета, дневного отделения на русском языке никогда не было. Только вечернее. Для латышей, вероятно, чтобы готовить кадры, было дневное, и кто готов был учиться на латышском, переходил на латышское дневное отделение.

Школа на рабочей окраине

Обучаясь в университете, я очень рано попала на работу в школу, с семьдесят девятого года. У меня уже были дети, я родила сыночка, и меня куда-то не взяли, кроме как в Шампетерскую школу¹². А Шампетерская школа – это школа смешанная, русско-латышская, даже больше латышская. Потому что это такой старый район Риги, где частный латышский сектор доминирует. И я попала в такую школу, где было два потока, латышский и русский, но директор была латышка. В конечном отношении эта школа была больше латышской, и коллектив был больше латышским. Я благодарна судьбе за то, что это было моё первое место работы, где я работала пять лет, и где я освоила латышский профессиональный язык. Это был семьдесят девятый год, до перестройки, до всех этих изменений было ещё очень далеко, это были застойные брежневские времена, а я познакомилась с латышской поэзией. Я просто влюбилась в Арию Элксне¹³, у нас в школе проходили поэтические вечера, у нас были новогодние праздники в латышских традициях.

Я взяла очень трудную миссию, это был район рабочий, там было около пяти предприятий, и это были дети из рабочих окраин и из не очень интеллигентных семей, работа была очень трудная. Она требовала максимальной заботы о детях, чтобы вытащить их из этой среды. А там было ещё очень много цыганских детей. Район Золитуде¹⁴ в то время только начинал застраиваться, очень много домов цыганских там было. И этим детям надо было помочь, потому что они, как правило, на уровне пятого-шестого класса бросали школу. Я искренне верила, что можно построить что-то счастливое для всех, независимо от национальности. И благодаря

¹² Шампетерская билингвальная средняя школа по причине малого количества учеников была закрыта в 2012 году, русский поток присоединён к Рижской средней школе №53.

¹³ Ария Элксне (*Arija Elksne*, 1928–1984) – латышская поэтесса и переводчик.

¹⁴ Район Риги, расположенный на левом берегу Даугавы, у западной границы Риги.

этому своему первому опыту я до сих пор сторонница смешанных школ, где на каждом потоке образование идёт на своём языке. Работая с этими детьми из сложных семей, из очень сложных семей, где дети видели самые разные сцены из жизни родителей, где дети видели любовников... Одна девочка у меня была, которая забеременела от отчима; там были такие жизненные коллизии, такие истории, самые трудные; надо было помочь этим детям. Им обязательно было получать образование на родном языке, чтобы я могла им объяснить и интеллектуально их развивать, просвещать. И это показало мне пример естественной, природной интеграции, потому что все наши ребята дружили. Не было драк между ребятами разных потоков. Могли подраться за девочку, были драки, но не по этническому принципу.

Атмода

Когда началась *Атмода* и Народный фронт, я совершенно искренне поверила. Я же пошла, в этот Народный фронт вступила! Вначале я приняла идеи Горбачёва о том, что можно перестроить социализм, с человеческим лицом, а потом я увидела, что всё это не происходит, тормозится. Когда началась *Атмода* и подъём каких-то национальных настроений, я работала уже в русской школе, где учился мой сын, это была большая русская школа в центре Агенскалнса¹⁵, 26-я. Многим коллегам, которые были из русских военных семей, я пыталась объяснить, в чём справедливость требований латышей, как они пострадали. Многие же вообще скрывали момент репрессий, что я хорошо знала по судьбе моего дедушки, русского, что от репрессий пострадали не только латыши. Я была одной из тех, кто пытался объяснить, почему надо знать язык. Я-то уже пришла с языком, благодаря своему первому рабочему месту. Я как раз очень активно выступала за присвоение латышскому языку статуса государственного, так как я считала, что это справедливо. И среди части русского населения я получила, в общем-то, негативное отношение, как защитница, перешедшая на сторону латышей. Но я ни на какую сторону не переходила, я просто исповедовала свои принципы.

Атмоду я приняла как возможность восстановить определённую справедливость, отдать дань и поддержать людей, которые пострадали. Но меня очень испугала та агрессивность, которая проявилась через какое-то время.

¹⁵ Район Риги, расположенный на левом берегу Даугавы. один из старейших районов Задвинья.

Я – истинная латвийка. Бывая в России, я никогда не чувствую своей русскости. Я отличаюсь, и это говорят все. Я вспоминаю одну свою коллегу, которая уехала из Лиелварде, тоже учитель истории, она мне говорила – давай переедем в Петербург. Я была у неё в гостях в Петербурге, и я честно признаюсь – мне в трамвае не хватало латышского языка. Для меня комфортность – именно та пропорциональность, которая у нас здесь. Я захожу в трамвай, я слышу латышский язык, я его понимаю, его мелодия мне нравится. Мне понятны люди, их поведение, их культура, их традиции. Это наша общая культура, я часть этой культуры. Поэтому смотреть на Латвию как на объект я не могу. Я внутри Латвии, я часть Латвии. У меня брал интервью один немецкий журналист, спрашивал о моей интеграции, и я изобразила свой образ как символ *инь-ян*, где две половины, белая и чёрная, но в каждой половине есть... плюс, это деление не пополам, я не могу себя разделить – вот эта часть моя русская, а эта – латышская, латвийская. То есть, это такая изгибающаяся линия, и, что интересно, в каждой части, будь это русская или латышская, есть кусочек другой части... Мне кажется, это очень точно передаёт ощущение моей идентичности.

Понятие веры – выше, чем власть и чем сила

Я очень тяжело переживала распад Советского Союза в том плане, что я верила: можно достичь какого-то светлого будущего. Когда я стала анализировать Советский Союз даже не столько как структуру, а как идею – в чём была ошибка этой идеи, вроде бы, все национальные республики были представлены, были квоты и так далее, всё было правильно. И проанализировав, я увидела, что было очень много несправедливостей, двойных стандартов, и всё это привело к распаду мощного, сильного государства. Оно изнутри прогнило, ложь была. И когда я сегодня вижу, что люди ничему не научились и используют исключительно советские методы, деление людей по сорту, первого, второго, третьего сорта, на избранность какой-то группы... Государство, на мой взгляд, можно создавать только с людьми и ради людей, а не как какую-то идеальную абстрактную модель. И когда пытаются прикрываться, что всё это в интересах государства, при этом обижая, оскорбляя, задевая людей, мне кажется, это нечестно, несправедливо и трагично для государства.

Всё-таки я не очень религиозная дама, я испорчена советской

действительностью и, наверное, советским образованием. При этом я всё время анализирую своё поведение, соотношу: правильно я делаю, неправильно, в чём я ошибаюсь. Рефлексия – это постоянное моё состояние. И я в своём поведении вижу протест, и это связано, в том числе, и с осмыслением изменения государственного положения, с анализом исторического процесса, но тут, наверное, говорит моё историческое образование. И в то же время я всегда чувствую староверов. Они по складу ума, по каким-то принципам выделяются. Вероятно, традиции в семье, вероятно, пусть даже редкое перекрещивание на каких-то проповедях, службах, это даёт. И главное, как я считаю, чем сильны староверы, и в чём моя гордость за староверие – это группа, где понятие веры выше, чем власть и чем сила. Это люди, которые не ломаются и не подчиняются государству, представляющему собой силу, а остаются при своих принципах и вере. Так оформилась эта группа – уйти, отказаться от места, от родины, но сохранить веру. И вот этот подход – что ни власть, никто мне не может указать, как делать правильно, если моя совесть с этим не согласна. И это такое мерило, такой камертон, с которым я соотношу все свои действия.

Композиция подготовлена по интервью NMV-4257
Композицию подготовила, расшифровала и интервьюировала
Мария Ассерецкова, в Риге, 2014

ЯРОСЛАВ КОЗЛОВ

Родился в 1959 году в Пыталовском районе (ранее Абренский уезд, входивший в состав Латвийской Республики). Позднее семья переселилась на жительство в Виляку. Окончил Латвийскую сельскохозяйственную академию, вернулся работать главным агрономом колхоза. Ныне занимается предпринимательской деятельностью в Виляке.

Я НА ЭТОЙ ЗЕМЛЕ ЖИВУ, РАБОТАЮ

Наша семья – латвийские русские

Наша семья, они местные, латвийские русские. Они родились в Абрене, тогда, в двадцатые годы, ещё здесь, в Латвии. Я родился уже в Пыталовском районе, уже в Советском Союзе, в России. Там же, в России, я три класса окончил, и мы переехали на новое место жительства, в Виляку. И пошёл в школу, в русский класс.

После окончания школы – армия. После армии – Сельскохозяйственная академия. В 1985 окончил академию, по распределению попал в Балвский совхоз-техникум, отработал там фактически полтора года заместителем директора по производству, и пригласили меня работать главным агрономом в местный совхоз здесь, в Вецуми, в 6 километрах от Виляки. Живу в Виляке. С женой мы тоже познакомились на курсе академии, она белоруска.

Мои родители были очень строгими, за что я им благодарен. Они меня с детства приучили, если дал слово, ты его выполняй. Всегда будь честным по отношению к другим. Если нужно сказать правду, скажи в лицо, чтобы человек это знал. Нельзя сказать, что мы жили богато. Отец

работал и мать работала. Оба были в своё время репрессированы, сосланы в Сибирь. Брат у меня ещё есть. И в детские садики мы не ходили. Чего-то лишнего нам в своё время родители не могли позволить купить. У меня в детстве даже велосипеда не было, могу сказать сразу. Жили так, как большинство людей, которые здесь жили и работали. Ничего лишнего, но в чём-то тот минимум, который нужно было, его хватало.

Родителей выслали

Отец матери, отсюда, из Носова, прямо сразу за границей. Он работал на железной дороге и считался небедным человеком. И после войны, в 1946 году, семью матери выселили в Красноярск, в Сибирь. А выселили, просто... как у нас часто бывает. Так как мамин отец работал на железной дороге, считалось, что всё было. И местные, так называемые активисты (есть по-русски такое выражение – голытьба, которые сами ничего не имеют, только кричат, работать не хотят) включили семью в списки как кулаков, богатых. И выселили. Там у нас железная дорога идёт, Рига – Пыталово. Поставили среди полей эшелон и в течение двух часов собрали всех людей. Кто-то случайно предупредил кого-то, те убежали в болота и через два часа вышли. Больше их никто не выселял. А те, кто не был предупреждён – пришлось покинуть родные места. Дом национализировали, увезли в Остров¹⁶, поставили клуб. Почему я знаю, потому что, когда началась пора сертификатов¹⁷, мы подали в архив, нам пришли данные, и мы тогда получили 2000 латов. Восстановили мы земельные наделы полностью, *ипашумы*¹⁸ эти все, *мантоюмс*¹⁹ восстановили.

Мамина сестра там осталась, познакомилась, вышла замуж. Мать приехала сюда, на родину. Выселены они были на вольное поселение, пилили лес. Вручную. Женщины каждый день, при 40 градусах мороза, и пилили ручной пилой эти деревья, потом вручную подкатывали к железной дороге.

У отца немного другая ситуация была. Он из деревни Надеждино. Отец его погиб ещё в Первую мировую войну. И когда возвращались

¹⁶ Город Остров находится в Псковской области (РФ).

¹⁷ Имеется в виду процесс приватизации, начавшийся в Латвии в 1990-х годах. Приватизационные сертификаты давали право на приобретение в собственность квартиры, дома или земельного участка. По условиям реституции была предусмотрена компенсация за национализированное в советское время недвижимое имущество.

¹⁸ От латышского *īpašums* – собственность.

¹⁹ От латышского *mantojums* – наследство.

солдаты по домам, прибился к моей бабушке один солдат. И от этого вот отец родился, и братья отца родились. Хватало разных фокусов во время войны. И ходили бандиты, ставили уже моего деда к сосне, вешали петлю – баба, носи. Или повесим. То же самое делали партизаны, которые голодали. А почему отца выселили после войны. Просто отец сразу после войны поступил в военное училище в Ленинград. И через какое-то время, первый курс окончили они, вышел приказ – будущие офицеры, которые были под немецкой оккупацией, неблагонадёжны. Отец это скрыл. Потому что ну, сколько ему было... в 1926 году родился, сколько там, 1944–45 год. А он скрыл. И потом его посадили, в Инту²⁰, шахта Инта, там он 9 лет отработал. Когда сюда приехал потом, с матерью познакомились. В 1946 году их выслали, вот, где-то в 1956 году они познакомились.

Мать работала всю жизнь на заводе, на Вилякском. Отец работал на этом самом месте, он работал кладовщиком.

Когда Советский Союз ликвидировался, они получили статус репрессированных, там какие-то были социальные блага, ну это так, чуть-чуть. Билет бесплатный. Потому что там в своё время это было признано ошибкой, и всех начали выпускать. Раньше шахтёры, которые работали в шахтах, им достаточно было 10 лет отработать, чтобы уйти на пенсию. Отцу буквально года не хватало.

Обслуживали космические площадки

Я – январский, меня весной в армию взяли. То есть, школу окончили мы весной, до осени я поступал в Политехнический институт, туда я не прошёл, балла не хватило, что делать? На шее у родителей не будешь сидеть, надо работать было. И пошёл работать в мелиорацию, просто разнорабочим. До весны работал разнорабочим, тогда уже в армию, по графику. И там как раз была встреча, к нам в бригаду на практику прислали одну женщину, которая училась в Сельскохозяйственной академии, на факультете мелиорации. И она начала очень красочно рассказывать про академию, какие там факультеты, как что. И вот после этого я довольно этим заинтересовался. Сходил в армию и поступил потом в эту академию.

²⁰ Город Инта расположен на северо-востоке Республики Коми, на месте угольных месторождений. Промышленное освоение Интинского месторождения началось в 1940 году силами заключённых ГУЛАГа (Интинского и Минерального исправительно-трудовых лагерей).

В армии я служил в инженерных войсках. Строили мы. Вначале была в Москве так называемая учебная часть, это год мы в Москве служили, в учебке²¹. А потом нас отправили в Казахстан, на Байконур²², все эти космические старты, космические площадки обслуживали. Я считаю, что для меня это была нормальная школа жизни. У нас, может быть, от того, что мы не успели почувствовать дедовщину²³, потому что мы в Москве учились на командира взвода. Мы были практически одногодки. У нас не было старослужащих, которые свои дикие образы показывают. Потом, когда мы приехали в Казахстан, там тоже формировалась новая часть, и мы были старшими, кроме нас были молодые ещё. И мы не почувствовали там какого-то негативного влияния. Общение – и казахи, и узбеки, и латыши, и литовцы – очень много национальностей там было, и никаких проблем фактически не было.

И стал я работать главным агрономом

Мне запомнилось то, что у нас на курсе была одна русская группа, а латышских групп было четыре или пять. У нас 16 человек группа. Но она самая впечатляющая, самая умная группа была, фактически из группы четыре красных диплома вышло. И у остальных оценки в итоге получались не меньше 4,5. Очень дружная группа. Но только 4 человека остались работать по специальности. Ну, 5 человек. Двое – я и жена здесь работаем, оба агрономы. Одна женщина работает в Риге, в семенной инспекции. И ещё муж и жена работают тоже в связанной с семенами фирме. Все остальные – кто в сервисах, кто книги продаёт. С чистым сельским хозяйством больше никто не связан.

И стал я работать главным агрономом, а потом пришли другие времена. Особенно это касалось Латгалии, тут поразрывали все колхозы, совхозы до нуля. Ну, одну бригаду мы приватизировали и на базе этой бригады создали своё предприятие под названием SIA *Ķīra*, в нём работают 50 человек, которые занимаются чистым сельским хозяйством, потому что по специальности я чистый агроном. Эта сфера производства мне

²¹ Разг.: учебная армейская часть, где солдат-новобранцев обучают воинской специальности или готовят к должности младшего командира.

²² Космодром, расположенный на территории Казахстана, первый запуск ракеты был произведен в 1957 году.

²³ Неуставные взаимоотношения в армии, основанные на неофициальной иерархии, в которой более высокую ступень занимают старослужащие («деды»). Проявляется в виде дискриминации и оскорбительно-дееспотичного обращения с новичками срочной службы.

родственная, так что никаких проблем не возникает, всё знакомо. Начали мы со 100 гектаров земли, теперь обрабатываем практически 2000 гектаров земли, включая 300 гектаров леса.

Наступили другие времена

Когда был путч, в 1991 году²⁴, я тогда работал в Вецуми, главным агрономом, а директором совхоза тогда был Шлякота Волдемар²⁵, знаменитая персона и депутат Верховного Совета СССР, и брат его, Казимир Шлякота²⁶, депутат Верховного Совета Латвии, которые приняли Декларацию о независимости Латвии. Мне посчастливилось поработать с такими людьми. И он сказал – панику делать не будем, подчиняться мы ГКЧП не будем, займём игнорирующую позицию.

Потом наступили немного другие времена. У каждого человека своя позиция была. Я тогда был депутатом района. И в один прекрасный момент всем депутатам нужно было высказать свою позицию, оставаться в Советском Союзе или не оставаться, получать помощь или стопроцентную независимость. Могу сказать, что моё мнение до сих пор не поменялось. Я был в Балвском районе среди 4 человек, которые проголосовали против независимости. Почему? Своё государство – это хорошо. Но уже были налажены связи. Что в данном случае хорошего, что у моих дедушки-бабушки за границей остались могилки, родственники? Не могу поехать, когда хочу. Надо визу, надо всё это, неудобства. Они тоже не могут. Если это делать – я не против того, чтобы Латвия была самостоятельным государством. Хотя в данный момент о самостоятельности говорить очень трудно.

Участвую тоже в общественной жизни, теперь являюсь *novada*²⁷ депутатом. В предыдущие годы ещё, когда не было реорганизации системы самоуправлений, заместителем мэра города Виляки был, депутатом. Участвуем в разных экспериментальных площадках по обмену опытом.

²⁴ Имеются в виду политические события 19–21 августа 1991 года в СССР, когда был сформирован Государственный комитет по чрезвычайному положению (ГКЧП), пытавшийся совершить государственный переворот.

²⁵ Волдемар Шлякота (*Voldemārs Šļakota*, род. 1949) – директор совхоза «Вецуми» (1973–1990), активный участник Народного фронта, народный депутат СССР (1989).

²⁶ Казимир Шлякота (*Kazimīrs Šļakota*, род. 1947) – депутат Верховного Совета Латвийской Республики (1990), был министром леса в правительстве Ивара Годманиса (1990–1993), Валдиса Биркавса (1993–1994) и Мариса Гайлиса (1994–1995).

²⁷ В переводе с латышского *novads* – край (административное деление).

Один год был крупным сельскохозяйственным налогоплательщиком по латгальскому региону.

Оставалось очень много брошенных сельскохозяйственных земель

После всех застойных времён, после всей этой разрухи, тут оставалось очень много брошенных сельскохозяйственных земель. Мы в них очень интенсивно вкладываем денежки свои кровные, заработанные, и приводим всё в порядок. Каждый год 35–40 гектаров вводим в сельскохозяйственный оборот. Участвуем в модернизации, то есть, во всех европейских структурных фондах. Освоено у нас было где-то полтора миллиона латов. За свой счёт проводим мелиорацию. Высаживаем каждый год по двадцать гектаров леса, в тех зонах, что не годны для сельского хозяйства. Стараемся сельское хозяйство вести чуть немного по-другому, чем крутые крестьяне из Земгалии и из нашего тут округа. В чём это заключается? В том, что мы стараемся применять те же самые минеральные удобрения, те же самые химикаты в консенсусе с природой, то есть, чисто по минимуму. То есть, похвастаться большими урожаями мы не можем, 35–40 центнеров, тем не менее, какое-то моральное удовлетворение у нас есть от того, что у нас и букашка, и червячок есть в земле, – живая природа.

Кроме этого, у нас в своё время было хобби, мы у одного старинного *īrašnieka*²⁸ откупили *īrašums*²⁹. Там в советское время были теплицы, потом было всё заброшено, но мы привели в порядок это и высадили хороший сад. Тот *īrašums* характерен тем, что его история и вообще история того места начинается ещё со времён Екатерины Второй. Там он батрачил, получил вольную, остался работать там садоводом, и с тех времён его поколение дошло до наших дней, и мы это место используем по назначению, как оно раньше было, садом.

У нас каждый говорит, на каком языке хочет

Я учился здесь с четвёртого класса. Я сам русский. До 7-го класса меня фактически не учили латышскому языку. Потому что в школе уже с третьего класса учат, а у меня не получалось. Я считаю, что это было

²⁸ В переводе с латышского – собственник, владелец.

²⁹ В переводе с латышского – собственность.

упущение со стороны учителей, со стороны школы. И только с 7-го класса учительница Вейна начала меня в 7-м классе учить по 1-му классу. А в 8-м классе я уже пытался что-то учить по 8-му классу. И от того, что большая такая разница, я фактически после 10-го класса даже ничего и не знал. Я не мог со сверстниками разговаривать.

В детстве никаких национальных прений не было. В школе русские классы, латышские классы, никаких проблем не было. Сейчас я считаю, что маленько дискомфорт. Я считаю, что если человек живёт в Латвии, обязательно должен знать латышский язык, это не обсуждается. Но не надо забывать и родной язык. В школе всё планируют – латышский язык обучения, латышский язык обучения. А когда тогда учить, где учить русский язык? Только на бытовом уровне остаётся учить русский язык? Вот, дочка в третьем классе, с первого класса всё только на латышском языке. Вот такой перекос, может быть, в национальной политике. Однако это не мешает на бытовом уровне общаться. Каждый говорит на своём языке, и все понижают, на каком языке он говорит. Вот это самое главное.

У нас на фирме даже 10%, наверное, русскоязычные, остальные латыши. Никаких трений по национальному вопросу у нас нет, у нас каждый говорит, на каком языке хочет говорить. Такое правило.

Приучение детей к труду

Учился в школе, не скажу, что плохо, и не скажу, что хорошо. За десятый класс одна тройка была, остальные четвёрки. Зато академию окончил с красным дипломом. Так что, когда хочется учиться, когда хорошие преподаватели, человек может достичь многого.

В школе тогда чуть другая была система, чем сейчас. Там не было ни школьных дискотек, ничего. Ходили, когда вечера в школе были, но это единственное. Жизнь была совсем не такая как сейчас, разные проекты и за границу. Была совершенно другая жизнь. Сравнить нас и сравнить этих детей, эти дети намного более продвинутые, и *датор*³⁰ знают, и буквально всё они знают. И разные кружки, и разные мероприятия, и разные занятия тематические.

У нас было... в поход куда сходишь, в колхозе поработаешь на уборке урожая. Хотя я считаю, что именно приучения детей к труду, может быть,

³⁰ От латышского *dators* – компьютер.

этого и не хватает современным школам. Потому что это совсем другое дело, люди где-то работают, где-то убирают. И там совершенно другая обстановка, не школьная. Там показываются лидерские качества человека, что он в какой-то части лучше ведёт. Или походы, экскурсии, там совершенно человек раскрепощается и ребёнка видно с другой стороны, не какой он в школе. И это очень важно, этого современной школе, может быть, не хватает

Пионером был, комсомольцем был, коммунистом не был. Предлагали, но не был. В пионерах практически ничем не занимался. В комсомоле мы были *надшефные*³¹ для младших классов. Устраивали им какие-то походы, чтения. Походы к заслуженным людям, хорошим работникам на пенсии. Как-то помогали им, младших берём, идём и помогаем – что-то поднести, что-то убрать. Походы и просто на природу куда-то. В Ленинград³², помню, была экскурсия. Но это было очень ограничено, не так как сейчас, когда и стажировку где-то за границей проходят, в семьях живут, что довольно-таки похвально, чтобы язык подучить. Поэтому не секрет, что большинство этих школьников к нам в Латгалию не возвращаются. В лучшем случае в Риге остаются, в Латвии, в худшем – уезжают за границу, потому что считают, что там лучше, что там можно больше заработать, карьеру сделать или ещё что-то. Хотя здесь специалиста в Латгалии получить очень тяжело. Потому что не каждое предприятие может платить большие деньги, 2000 евро хорошему специалисту.

Мы за сезон 10–15 детей принимаем к себе на работу. Раньше было и по проектам, эти проекты тоже чуть маленько не додуманные. И дети тоже современные умные стали. Проект от биржи, центра занятости, они работают, и по проекту я должен был минимум платить. Ребёнок это очень хорошо усвоил. И он приходит на работу и ничего не делает. Хотя своих 7 часов он болтается. И заставить очень сложно. И всё равно платишь минимум. Мы от этого проекта полностью отказались. Сейчас мы берём детей, которые хотят на работу идти и которые работают от выработки. Это намного проще, намного выгоднее для нас, да и ребёнок приучается к труду, и своих 450–500 *евриков*³³ он зарабатывает.

³¹ Разг., по аналогии с антонимом «подшефные». Те, кто взял на себя шефство над кем-то. В лексике советского периода – это общественная деятельность по оказанию систематической (хозяйственной, культурной, просветительной и т.п.) помощи.

³² Санкт-Петербург – название Ленинград с 26 января 1924 года по 6 сентября 1991 года.

³³ Разг., евро.

В сельском хозяйстве не может быть безработицы

А в 1990-е годы наступила так называемая приватизация, или *прихватизация* в большей степени. Когда людям рассчитали паи, никто им нормально ничего не разъяснил, люди начали на свои паи хватать, коров хватать, трактора хватать, – всё. Это одна часть людей. И по всей Латгалии таких людей было 90%. Вот, думали, я возьму кусок земли, где *mantojums*, где купую, где ещё что-то сделаю. И буду работать, и буду жить, и буду всё делать. Остальные 10% – я отношу себя к ним – так как были знания, мы попробовали убедить часть людей, чтобы они нам дали свои паи, мы бы с ними рассчитались потом, чтобы сохранить часть земли. Как в Земгалии, посмотрите, все крупные хозяйства они сохранили, я уже не говорю про Литву, когда они полностью всё сохранили. Свинарники, коровники, вдруг, ни с того ни с сего, стали никому не нужны, они стали разваливаться. А это деньги! То же самое сушилки. Самый ценный товар – это трактор. Взять. Остальное так, брали, лишь бы взять. А там, между прочим, всё сохранили. Поэтому литовцы, в Земгалии, они живут много лучше нас.

Поэтому получили свободу без какой-либо ответственности, поработали, продали всё и стали безработными! Хотя только вдуматься – в сельском хозяйстве существует безработица! Какая безработица может быть в сельском хозяйстве?! И 90% людей, год за годом, в течение этих лет, остались вне оборота. Налоги никто не платил, хотя можно было зарегистрировать самозанятость и платить. Никто этого не делал. И сейчас получается как раз выходить на пенсию, и что? И голый пшик! У меня стаж в сельском хозяйстве 35 лет. Мы пошли по другому пути, мы создали бригаду, вначале немножко *денюжек* было, потом побольше, и так мы начали развиваться, начали работать. Мы создали три бригады в совхозе. Ну, а наши люди... когда стоит вопрос, как прибыль разделить – у нас всё уходило на дальнейшее развитие, нанять больше людей, технику закупить. У других фирм – надо себе забрать всю эту прибыль. Дозабирались до тех пор, что никаких оборотных средств не стало, тоже ликвидировались.

Как снизить безработицу в Латвии? В наших местах, в наших краях, это было бы довольно просто сделать. Дайте мне специалиста-технолога по переработке овощей, ягод, в том числе лесных ягод. Грамотного технолога, который знает, как организовать производство. Пусть центр

занятости найдёт мне этого специалиста. Я готов ему 1000 евро платить. Вторую половину пусть платит центр занятости. Речь идёт про три-четыре года. К этому производству мы бы добавили своих людей. И этот специалист обучил бы нашего мастера. И через три-четыре года он был бы не нужен уже, этот специалист. Работали бы свои люди, свои специалисты, плюс люди, которых на неквалифицированный рабочий труд можно было бы нанять. И всё, 10 – 15 человек при работе. И постепенно начало это реализовываться. В бывшей Межвидской школе организовали швейное производство, там примерно по такому пути и пошли. Через министерство и центр занятости собрали безработных, половину платит биржа, и они набрали на это производство, 50 человек работают. Это очень много для Латгалии.

Мы могли бы взять, организовать на законных основаниях сбор лесных ягод. Мы бы организовали транспорт, людей, которые собирают, – хватает местных. Они бы сдавали нам всю продукцию. А то каждый человек сам, на велосипеде. И всё сдаётся иностранцам. Как будто у нас местного, своего нет ничего.

Много земли ушло иностранцам

Жена у меня католичка, я – православный, дочка – тоже православная. У нас в Виляке есть три храма – католический, православный и лютеранский. И никаких нет проблем.

Меня ещё в детстве крестили. Я не скажу, что это была тайна. Я помню, что в Пыталове, родители покрестили, никакой проблемы не было. Не скажу, что я религиозный фанатик какой-то. Я чту, уважаю религиозную веру людей. И у нас в фирме религиозные праздники, будь то православный, будь то католический, считается выходным днём. В церковь хожу, не скажу, что часто. Может быть, надо почаще, но по большим праздникам – Рождество, Пасха. Я начал лет двадцать назад, может быть. Пересилил, как говорится, себя, потому что это так просто не даётся.

Я считаю, что жизнь удалась. Не совершил я больших ошибок, имею своё имя, честное имя. Больше, практически, и не надо. Провалов не было. Единственное, жалею, что когда началась вся эта приватизация, может быть, надо было бы действовать энергичнее как-то. Тогда кто знал, как что

повернётся, будут эти времена, структурные фонды, Европа будет доплачивать. Надо было отстаивать позицию, чтобы хотя бы в нашем *pagasts*³⁴ землю не скупали иностранцы. Была такая возможность, но не сыграла дальновидность. Возможность была не давать, свои бы брали. А своим не надо, брали – земельные книги не делали, теперь это всё надо отдавать, заросло бурьяном, заросла вся земля. И под шумок очень много ушло земли иностранцам. Здесь у нас некоторая земля стоит, зарастает, штрафные санкции они там платят. Максимум, что они делают, это траву скашивают. Никакого производства нет. Те, к кому леса попали, выпиливают их безжалостным образом, этого нельзя было допускать.

Я считаю, что позитивное развитие у нас есть, нельзя сказать, что нет. С точки зрения того, как привлечь, оставить молодёжь, у нас не было сделано ничего, потому что и в школах как-то... каждый занимается якобы своим узким делом. Директор школы ученика выпустил, выкинул, и его больше не волнует, куда он дальше пойдёт. У нас была идея с другими предприятиями, что, если мне нужен специалист узкий, я буду платить стипендию, но ты ко мне придёшь. Вот этой работы не ведётся. Свободен – свободен, на этом закончилась его работа. Но эта стратегия – неправильная, если мы хотим это место развить. С точки зрения привлекательности – место чистое, место красивое, хорошие, добрые люди. Но из-за нашей бедности многое не сделано. Практически ничего не выделяется на ремонт жилищного фонда, только платите, платите, платите. А там уже двери внутренние разваливаются. Это уже плохо. Людей столько, сколько есть. Поддерживается это место, возможно, благодаря тому, что здесь *robežsardze*³⁵ есть. Специалисты покупают дома, ремонтируют их. Смертность выше рождаемости, молодые семьи не остаются по той причине, что, во-первых, нет хорошей, достойной работы, во-вторых, нет жилья, куда опуститься. Третий аспект, что касается внешнего вида, строительства, это развивается, что-то делается, всё меньше и меньше заброшенных мест остаётся.

Очень много людей, которые не находили себя здесь, уезжали за границу, и сейчас на летний период они едут погостить. Но я, как говорил, истинный патриот Латвии и никогда я не поеду, пускай там миллионы

³⁴ От латышского *pagasts* – волость.

³⁵ В переводе с латышского *robežsardze* – пограничная служба.

обещают. Я на этой земле живу, работаю. Здесь совершенно другой воздух, здесь совершенно другие люди, и я считаю, что если есть нормальный подход, нормальная государственная политика, то здесь всего можно добиться. Вот такой мой подход.

Композиция подготовлена по интервью NMV-4284
Композицию подготовила и интервьюировала Мария Ассерецкова,
в Виляке, 2015

АННА СТРОЙ

Родилась в 1965 году в Риге. Родители переехали в Латвию из Симферополя и Житомира. В 1987 году окончила Московский государственный университет по специальности русский язык и литература; в 1990 году окончила Ленинградский государственный университет по специальности практическая психология.

Работала в русской редакции газеты «Диена» главным редактором (1999), до 2009 года – в обществе Dialogi.lv.

Награды: Награда общественного единства Фонда интеграции общества; Именная награда Маврика Вульфсона Союза журналистов Латвии.

ЦЕННОСТИ – ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ

По распределению в Ригу

История моей семьи здесь начинается в 1960 году, когда мои родители, на тот момент молодая супружеская пара, только что окончившая Киевский политехнический институт, были направлены в Ригу по так называемому распределению. Они были оба не против поехать в Ригу, никогда раньше здесь не были, ничего о Латвии серьёзно не знали, но этот момент был для них очень ярким, важным, потому что они оба получили очень хорошее распределение. Уже тогда о Риге была слава, что это такой западный форпост Советского Союза. Я не могу сказать, говорили ли о ней как о более свободомыслящем городе, это будет позже, в мою уже юность, но им предложили, им очень понравилось. Когда я говорю о том, что я дочь промышленных мигрантов, это, конечно, правда, но я немножко лукавлю, это не чернорабочие люди, а то, что в советское время называлось

ИТР – инженерно-технические работники, оба с высшим образованием, оба с высоким уровнем культуры и очень мотивированные. Оба получили очень хорошие должности, я думаю, это что-то вроде заместителя начальника отдела. Отец работал на «Альфе»³⁶, а мама попала на ВЭФ, а потом она долгое время работала в научном отделении, отпочковавшемся от ВЭФа, НИ Связи. А папа работал на «Альфе» вплоть до закрытия этого завода. Для них важно было приносить пользу, работать, быть полезными. Это была «эпоха физиков», а не «лириков»³⁷, и они оба, при ярко выраженной гуманитарной жилке, становятся инженерами, потому что это ассоциировалось с серьёзной профессией на пользу государству.

И они мне рассказывали, что у них было такое чувство, что они попали немножко не в ту страну. Особенно на бытовом уровне. Я спрашивала у родителей, интересовались ли они тем, что Латвия стала советской республикой только в сороковом году. Они отвечали, что об этом было не принято говорить, и латыши сами не говорили на эту тему с теми, кого потом назовут *cittautieši*³⁸, что особо не задумывались, что и как, а просто видели, что красиво, чисто, вкусно, оба попробовали те блюда, которые раньше никогда в жизни не пробовали, – а у них обоих было очень голодное военное детство, так что их всё это изобилие очень радовало. Так что не то чтобы было чувство, что что-то не то, скорее, выше, лучше, чуть развитее, это, наверное, было. И где-то до начала девяностых они оба говорили об этом в приподнятых тонах.

Фон семейной истории

Как только Латвия стала независимой, и началось это, я бы сказала, заигрывание с национальными меньшинствами, отец вспомнил, что он украинец. И об этом тоже хочется сказать. При том, что это никогда не скрывалось в нашей семье, и для нас Украина – это всегда был бабушкин дом, куда мы ездили на каникулы летом, я не ощущаю себя украинкой нисколько. Надо отметить, что мой отец всегда уважительно относился к своим корням. То есть, когда мы приезжали в Украину, он всегда говорил

³⁶ Рижский завод полупроводниковых приборов «Альфа» основан в 1959 году, производство существовало до 2004 года.

³⁷ Аллюзия на известную дискуссию о «пользе» физиков и лириков в советской печати после публикации стихотворения Бориса Слуцкого (1919–1986) «Физики и лирики» (1959), в котором были строки: «Что-то физики в почёте, что-то лирики в загоне / Дело не в сухом расчёте, дело в мировом законе».

³⁸ В переводе с латышского – люди иной национальности, иностранцы.

по-украински. У него очень хороший литературный язык. И вот этот его родной язык, который он всю жизнь сохранял, его спас, если так можно выразиться, потому что он устроился работать на Украинское государственное радио. До сих пор там работает, несмотря на свои семьдесят шесть лет, очень там востребован, и, что самое интересное, его там часто ставят в пример другим корреспондентам, работающим за рубежом: вот, посмотрите, какой у пана Володимира хороший украинский язык. Живёт он здесь, он взял латвийское гражданство, у него связь с Латвией очень крепкая.

Опять же, когда я приезжала в Украину, я ничего не знала о таких вещах как Голодомор³⁹, это никак не афишировалось в семье, у бабушки. Это уже не было моей идентичностью, но, условно говоря, для меня это было таким сундуком с приданным, наследством, откуда я могу почувствовать идущую энергетику рода. И, правда, очень часто украинцы о своей родине говорят «ненька Украина», как бы «магушка Украина»... Я Украину воспринимаю, наверное, очень по-родственному. Я очень многое не принимаю из того, что там сейчас происходит, но вот это ощущение бабушкиного дома, теплоты, двоюродных сестёр, братьев, гостей, застолий. Я всё это помню и очень ценю.

Справедливости ради надо сказать, что с мамой произошла гораздо менее позитивная история, потому что у неё отец был немец. Не немецкий немец, не балтийский немец, он был немцем Таврической губернии, это юг России. И там была драматическая ситуация. Дело в том, что он погиб при невыясненных обстоятельствах в 1939 году. Совершил самоубийство. Его жена была беременна третьим ребёнком, совсем уже, что называется, на сносях. Моей маме было три года, её старшему брату где-то пять или шесть. И никто до сих пор не знает, почему он это сделал, но в семье существует стойкая версия: он знал, что его будут арестовывать. Он работал в каком-то госучреждении бухгалтером, у него были какие-то связи, но так это или не так, сейчас точно этого сказать никто не может, потому что всю мамину семью по той линии, наверное, это был уже 1941 год, отправили в Казахстан, в ссылку. Это, как я потом

³⁹ Массовый голод, охвативший в 1932–1933 годах территорию Украины и повлекший миллионные человеческие жертвы. В Украине получил наименование «Голодомор», под которым подразумевается, что голод был вызван сознательными действиями советского руководства.

узнала, называлось «ограничение в правах»⁴⁰. Официально им не было предъявлено никакого обвинения, это было такое же изгнание, как было у чеченцев, крымских татар, крымских греков.

И у мамы эта история сохранилась в ярких воспоминаниях и в довольно неудобном для советского человека отчестве Генриховна. Эта травма детства сейчас для неё стала только острее. Она никогда не была антисоветчицей, как мы говорим сейчас, имея в виду диссидентство. Она как-то это чувствовала через себя, через свою историю. В её жизни всегда было пятно, которого надо было как-то стыдиться, или, по крайней мере, знать, что этот скелет всегда может быть вытащен из шкафа. Она никогда мне не говорила, что реально ей приходилось делать что-то против своих убеждений. Оба моих родителя, надо отметить, всегда жили в согласии со своей совестью. Они никогда не были прозападными людьми, но и ничего выражено просоветского тоже не чувствовалось. Того, что называлось бы патриотическим воспитанием, что мы советские люди. Этого не было.

Но я это всё, повторяю, узнала очень поздно. Я слышала, что дедушка совершил самоубийство, это я знала ещё в детстве, но без развёртывания. Знала то, что он, вроде бы, был немец, но опять же – это не то, чтобы скрывали, но это и не было предметом явной памяти.

А про украинскую бабушку я такую историю расскажу. Вон у меня висит икона – она не представляет никакой художественной ценности, она из таких дешёвых народных икон. Но. Это был год, наверное, 1995-й, я приехала к бабушке в Киев, и даже не настраиваясь ни на какой серьёзный разговор, просто поинтересовалась: «Слушай, – говорю, – бабушка, у нас не сохранилось, что, иконы никакой?» Странно, думаю, деревенские люди, могли что-то хранить, реликвии семейные, начало меня это интересовать. А бабушка моя была довольно суровая женщина, всегда очень держащая себя в руках, скорее строгая, не похожая на такой классический образец душевной хохлушки, а скорее даже с дистанцией. И тут она начала плакать. У неё слёзы полились. Она ничего не говорила. Она в свои семьдесят пять вскарабкалась на стул. Было ощущение, что она ждала эту минуту всю жизнь. Она полезла на какую-то далёкую антресоль, достала эту икону и сказала – вот. И что самое интересное, она же сама могла бы и

⁴⁰ В СССР лица, признанные «социально опасными» и «социально чуждыми элементами», подвергались арестам и высылке.

не вспомнить, она никогда об этом не говорила ни с кем, но она хранила, переезжала с квартиры на квартиру, возила её за собой, но даже в 1994 – 1995 году она её не вывесила никуда, хотя имела на это полное право. И я, честно говоря, так была смущена, может, я тоже плакала, я даже не помню конца разговора. Вот эта икона, это очень дешёвый латунный сплав, в ней нет никакой ценности, и у меня нет никакой другой, с ней связанной, истории, но она у меня дома.

Так что вот это такой фон семейной истории, о котором мы сейчас понимаем, что, наверное, не так всё было хорошо и радужно. Но при этом у них не было такого ощущения озлобленности. И когда при этом я спрашивала – мама и папа, ну как вы себя ощущали? И у обоих одинаковые слова – понимаешь, мы всё время чувствовали, что государство о нас заботится. Это может быть звучит странно сейчас, но это действительно было так. Что меня всегда поражает, мне кажется, у нынешних людей такого нет, у родителей всегда был очень широкий круг интересов. То есть, действительно, когда сейчас ругаются «совок», там, «ватники», это не о моих родителях. Это люди, которых всегда интересовала наука. Дома были научные журналы. Всегда, в любом городе, мы ходили в музеи и на концерты. Это было то, что называется словом «интеллигенция», хотя, повторяюсь, у них не было того багажа, когда говорят, «из поколения в поколение передаётся».

Янтарные бусы

А ещё, возвращаясь к родительскому восприятию Латвии, с детства я помню такой эпизод. У нас, у одной знакомой, была бабушка-латышка, очень-очень старенькая женщина, по-моему, её звали Ольга Фрицевна, и у этой семьи был дом где-то под Тервете. И они время от времени всей дружной заводской компанией ездили в этот дом.

И вот моя мама рассказывала, что то, что она в первый раз увидела, её поразило до глубины души. Это был бедный крестьянский дом, может быть, учительский, может быть, это была какая-то сельская интеллигенция, я не знаю, но это не были помещики. Это был какой-то хутор. И вот когда эта бабушка принимала гостей, она вышла к столу в длинном платье, с янтарными бусами. И вот мама говорит, что это её настолько поразило! У неё-то мама никогда не выходила к столу в платье и бусах, это было как

из какого-то фильма. Я эту историю держу в памяти, потому что всё-таки были возможности им, вот этим *новопришельцам*, назовём их мигрантами, так или иначе, условно говоря, спросить – а что это за бусы? А что с вашим домом? Но это не ставилось никогда на повестку дня. Всё, что мы стали узнавать о Латвии, мы стали узнавать из газеты «Атмода»⁴¹, 1989, 1990 год. До того мы Латвию слабо себе представляли. Для нас латыши были красные стрелки и актёры-красавцы, вроде Иварса Калныньша⁴² и Вии Артмане⁴³.

Западный фронт

Но, вот теперь я уже к своему восприятию Риги перехожу. Для меня таким переходным моментом, формирующим мою балтийскую идентичность, был момент, когда мы переехали из Юглы в центр. И тут действительно эта среда, сами эти дома, сам этот центр!.. Одно дело, когда ты приезжаешь на экскурсию, а другое, когда ты там живёшь. И мы стали в это вживаться. И уже тогда началось моё увлечение Францией, и мне начало казаться, боже мой, это же действительно маленький Париж.

И вот тогда началось это ощущение, что нет, мы другие. Когда я приезжала к своим родственникам в Симферополь или в Киев, уже казалось, что нет, что-то там есть, другое. И я любила поспорить со своими родственниками и знакомыми за пределами Латвии, что мы не такие, мы другие, мы Европа, у нас всё так классно. Это был западный фронт СССР.

Моя юность приходится на конец 1970-х – начало 1980-х, это как раз то время, когда вышел фильм Подниекса «Легко ли быть молодым?»⁴⁴. Потрясение. Это было, с одной стороны, как бы про нас, хотя среди моих ближайших знакомых не было ребят, которые воевали в Афгане, не было наркоманов (кстати, было бы интересно пересмотреть этот фильм сейчас, я давно его не видела), но это был совершенно другой киноязык. Началось такое... та же «Машина времени»⁴⁵, тот же «Аквариум»⁴⁶, *Битлз*, ох, ах,

⁴¹ Газета Народного фронта Латвии «Атмода» (*Atmoda*) начала выходить на латышском языке в декабре 1988 года тиражом в 200 000 экземпляров, спустя неделю газета стала издаваться и на русском языке (тираж 100 000 экземпляров) как оригинальное, не переводное издание; позднее русская версия была переименована в «Балтийское время». Издавалась до 1992 года.

⁴² Ивар Калныньш (*Ivars Kalniņš*, род. 1948) – латышский актёр театра и кино.

⁴³ Вия Артмане (*Vija Artmane*, 1929–2008) – латышская актриса театра и кино.

⁴⁴ Юрис Подниекс (*Juris Podnieks*, 1950–1992) – латвийский режиссёр, сценарист, оператор. Фильм снят в 1986 году.

⁴⁵ Российская рок-группа, основанная в 1969 году.

⁴⁶ Российская рок-группа, основанная в 1972 году.

как может быть такая музыка на фоне *Песняров*⁴⁷ и чего-то ещё! То есть у меня тогда открывалась, как я говорю, «западная чакра». Но это в основном шло через искусство. Мне кажется, роль наших эстетических воззрений в формировании нашей личности недооценена. Мы зачастую приходим к политическим убеждениям через искусство: что нам нравится, что не нравится, что делает нас лучше, что нас поднимает, что нет. Какие были *Mākslas dienas*⁴⁸, это не передать! Это было очень полноценно в художественном отношении, вернисажи, картины, это было современно, это было профессионально, это были огромные дискуссии, зачастую только на латышском. Да, по любому требованию могли переключиться на русский, но у меня не было ощущения, что латышская культура здесь гнобилась и зажималась. Другое дело, что я мало знала (и сейчас мало знаю, наверное), были писатели, которых не печатали и так далее. И когда сейчас мне говорят, что вот, при СССР была дружба народов, я говорю – была, но это говорим мы как представители русского народа. С точки зрения, например, моих еврейских одноклассников, дружба народов выглядела по-другому. С точки зрения латышских детей, у которых бабушки и дедушки были в Сибири, всё тоже выглядело по-другому. Но если я говорю о себе, то да, у нас была очень сильная прививка того, что называется интернационализмом, сейчас слово немодное. Но тогда это действительно было так.

Детство, которое не мешало мне думать

Я посчитала пару лет назад своих одноклассников, мне бы и в голову не пришло делать это в советское время. Нас в классе было тридцать три человека, я посчитала, что у нас с русскими фамилиями, я не знаю даже по национальности, все ли они были русскими, но с русскими фамилиями, была примерно треть. Была треть евреев, и треть с какими-то непонятными фамилиями, в том числе моя, украинская. У нас один раз была драка в классе, между мальчиком-евреем и мальчиком-русским. И хотя драка была из-за девочки, они оба были влюблены в одну девочку, драка приняла серьёзный оборот, потому что парень-еврей умудрился выхватить свой перочинный ножик. Он не сильно совсем поранил того,

⁴⁷ «Песняры» – Белорусский эстрадный ансамбль, созданный в 1969 году, в Минске.

⁴⁸ Имеются в виду Дни искусства (*Mākslas dienas*), с 1959 года ежегодно проводились в начале апреля, включали в себя выставки, концерты, дни открытых дверей в мастерских художников; с наибольшим масштабом проходили во второй половине 1970-х – первой половине 1980-х годов.

но тут же это был дикий шок, милиция, стали разбираться: поножовщина. И, как рассказывал этот парень, Симка его звали, что тот, значит, его обозвал «жидовская морда», и он не сдержался. И я тогда сказала, что да, он мог не сдержаться. И меня начали спрашивать, откуда ты знаешь, ты же не еврейка. Но я могу себе представить, что это такое – быть евреем! Мы могли позволить себе обсуждать, что такое антисемитизм, в классе, с учительницей. И часто мы совершали поступки, не очень заботясь о том, что будет дальше.

То есть, у меня детство было такое, что оно не мешало мне думать. Конечно, сейчас я бы с удовольствием прочитала книги, которые раньше не читала, меня особенно интересует история Восточной Европы после Первой мировой войны, и что было после, но, в общем, наверное, человек мог как-то в то время самоопределяться, может быть, коридор был более узким, чем сейчас, но он был.

В школе у меня было безумное неприятие официоза. А официоза, конечно, хватало. Хотя сейчас, приходя в школу к дочкам, думаю – господи, подобное мы уже переживали. Может быть, и нет других путей, как воспитывать детей, надо, чтобы висели портреты лидеров, Ленина или кого-то другого... Но мне и сейчас этот школьный официоз не по душе.

В подростковый период то, что меня очень мучило в школе – это ощущение, что ты вообще живёшь не в нормальной среде. Какая-то в ней есть искусственность. Например, меня интересовала история. Ты читаешь о каком-то периоде, там есть всё: борьба, противодействие, случай, А потом – какая-то лагуна, и все идёт только по схеме: производительные силы и производственные отношения, Великая Октябрьская революция (она всегда подавалась в одном ракурсе), что-то могло где-то мелькать, но ты всё время понимал, что какая-то часть информации от тебя скрыта. Поэтому такой шок, положительный или не знаю ещё какой, произвела гласность⁴⁹. Современному человеку уже не понять, а для нас гласность – это было потрясение, это было как ощущение: ты сидишь в душной комнате, и тебе открывают окно! И вопрос не в том, хорошая ли там погода, может быть, там плохая погода, ты не знаешь, но это свежий воздух! Ты можешь судить, ты можешь рассуждать.

⁴⁹ Одно из трех ключевых направлений реформ (гласность – перестройка – ускорение), проводимых Михаилом Горбачёвым во второй половине 1980-х годов в СССР – существенное ослабление цензуры, снятие информационных барьеров, критика хозяйственной системы.

И я очень хорошо помню свои ощущения ещё из детства, это был десятый класс, нас согнали с уроков и включили нам по телевизору открытие двадцать пятого съезда КПСС⁵⁰. И тут конечно! Ужас! Брежнев был ужасным лидером. Это было ощущение ужасного стыда, потому что это больной, ветхий человек. Я не знаю, каким он был молодым, сейчас его роль оценивается и положительно некоторыми историками, но видеть перед собой этого запинаящегося, с этими ужасными бровями, в одном и том же костюме, в орденах везде – и думать, неужели это лучший? Правитель же должен быть лучшим, мы же в демократии якобы живём, сами выбираем, нам же его не бог послал. И вот это – мой лидер! Это меня очень угнетало. У меня никогда не было ощущения, что это когда-нибудь закончится, было чувство, что ты будешь жить в этом всегда.

Национальный кадр

Я приехала в Москву в 1982 году, поступила от Латвии национальным кадром в Московский государственный университет. Очень интересная история, потому что, ну какой я национальный кадр? То есть, экзамены мы сдавали здесь, но места уже были зарезервированы, и тот из рижан, кто выигрывал, ехал. Мы получали очень серьёзную фору. Потому что поступить в МГУ без репетиторов было бы нереально. Я сдала экзамены и поехала на свой факультет.

Параллельно со мной сдавала экзамены на другой факультет, но тоже в МГУ, одна латышка, но вместо неё прошла моя подруга, у которой были лучше результаты, с хорошим отрывом. И её родителей вызвали в какую-то структуру министерства образования и сказали – да, у вашей девочки лучше результат, но мы хотим послать туда латышку. Надо, чтобы поехала латышка. 1982 год. И они говорят, ну, хорошо, ну, святое дело, латышка. А наша? Мы вам найдём другое место. Чем хотела бы заниматься ваша девочка? И ей предложили на выбор, откуда ни возьмись, взялось несколько закрытых мест, которых не было на конкурсе, и сказали – выбирайте, она поедет, ничего больше сдавать не надо, мы просто переписываем документы и отправляем её в другой вуз. А латышке оставьте это место. Это мне та девочка рассказала, и я склонна ей верить.

⁵⁰ XXV съезд Коммунистической партии Советского Союза проходил в Москве с 24 февраля по 5 марта 1976 года.

Мы поступили в университет в сентябре. Москва меня ужаснула, потому что я человек маленьких горизонтов и объёмов. И когда я увидела весь этот мегаполис... Москва была ужасно унылая. Если сейчас в ней есть стиль, тогда были большие серые улицы, огромные серые буквы «Слава КПСС!» чуть ли не на каждом доме. Жратвы не было никакой. Мы поступили в восемьдесят втором году, я на первом курсе ела только пельмени и пирожные, потому что другой еды купить было невозможно. И просилась домой, говорила, заберите меня, не хочу здесь учиться. И когда моя сестра, которая была одним из инициаторов, что в Риге нечему учиться, надо учиться в Москве, спросила меня – ну что тебе там так не нравится? Я очень хорошо помню свой спонтанный ответ, чуть ли не в слезах: «Там же вывески все одинаковые!» Рига была яркая, во всеми своими фестивалями, уже начинал проклёвываться Эйзенштейн⁵¹, менее официозные имена, тот же Мандельштам⁵², у которого, как известно, дед был из Риги, какие-то инсталляции. И очень большую роль в моей идентичности играло и восхищение – как у вас здорово, какие у вас магазины, какие у вас кафе, какие у вас пляжи, как у вас всего много! Люди, приезжая в Латвию, просто ахали.

Попав в Москву, я столкнулась с тем, что москвичи – очень закрытые люди. Нас, кто жил в общежитии, можно сказать, игнорировали. То есть, для москвичей провинциалы – это было ниже плинтуса. Это было очень выражено. Между «московскими» и «общежитскими» практически не было контактов. Единственной, кого принимали за человека, была я. Потому что я же была не из Калуги, не из Казани, я же была из Риги. И в какой-то момент, где-то уже на третьем курсе ко мне стояла очередь, кто приедет в гости на каникулах, потому что все хотели поехать в Ригу, это было дико востребовано.

Жить не в трагедии, а в фарсе

И умер Брежнев. И ещё всё это продолжается, ещё до Горбачёва года два, но вдруг ты начинаешь думать – боже, а ведь это всё может закончиться! А кем мы будем, а как мы будем? Какие-то публикации пошли,

⁵¹ Речь идет о Михаиле Осиповиче Эйзенштейне (1867–1920), отце режиссёра Сергея Эйзенштейна – инженере, авторе архитектурных проектов рижских зданий в стиле декоративного модерна.

⁵² Осип (Иосиф) Эмильевич Мандельштам (1891–1938) – поэт, прозаик, переводчик и литературный критик. В книге «Шум времени» (1923) О. Мандельштам описывает воспоминания о поездке к своим рижским дедушке и бабушке.

у нас у всех начало просто сносить крышу. Вдруг стало ощущение... не то чтобы всё можно, ещё массу всего нельзя, но уже не страшно. Перестаёшь бояться. Уже ощущение, что ты живёшь не в трагедии, а в фарсе. И вот началось, вот эти шутки, причём шутили все. Москвичи относились к этому очень настороженно. Никогда у нас в Риге не было шпиономании. Я думаю, стукачества хватало и в Риге, но в ежедневной жизни мы никогда с этим не сталкивались. В Москве, всегда, если мы рассказывали анекдот про похороны Брежнева, три человека говорили: «Вы что!»

Моя комсомольская юность – это действительно набор историй, просто комичных. Такая история – второй курс, Советский Союз ещё всюю, это 1983 год. Я впервые попадаю в Венгрию, и не просто так, я – одна из лучших студенток, и нас направляют в венгерский лагерь нести *разумное-доброе-вечное*⁵³ венгерским товарищам. Как мы проводим там время, это отдельная история, например, вспоминается, как меня девочки-десятиклассницы спрашивают, если вы такие хорошие, почему у нас стоят ваши танки, а мне нечего ответить.

А потом, что интересно, возвращаемся мы из этого маленького города в Будапешт на электричке. Нас четыре девочки, и ещё во втором вагоне несколько едут. И, значит, к нам подкатывает компания молодых венгерских солдатиков, которые тоже откуда-то едут, в форме: «А, девчонки, вы откуда? О, Москва, «Катюша», «Широка страна моя родная», мир, дружба!» В поезде был буфет, мальчишки принесли нам пива, мы выпили венгерского пива, в тамбуре они нам показали пару движений чардаша, всё, максимум приличий. Мы приехали в Москву, прошёл месяц. Меня вызывают в комитет комсомола МГУ. И говорят – пиши объяснительную за аморальное поведение. Какое аморальное поведение, где? В поезде. Ты распивала спиртные напитки с военнослужащими венгерской армии. Четыре девочки там были. Четыре девчонки с одного факультета. Ну, значит, кто-то из этих четырёх написал донос. А у меня в минуты опасности адреналин наоборот подскакивает, и я говорю – а ваш осведомитель вам сказал, что мы пели с военнослужащими венгерской армии? Мы с ними пели «Катюшу» и «Широка страна моя родная», мы их учили интернационализму, и так у себя и запишите! И тут у этого

⁵³ Аллюзия на крылатую фразу «Сейте разумное, доброе, вечное...» из известного стихотворения Н. А. Некрасова «Сеятелям» (1876).

чиновника отвисает челюсть, потому что он понимает всю игру. Ладно, говорит, чёрт с тобой, он даже не заставил меня ничего подписывать, но он мне сказал историческую фразу, которую я обожаю, и вспоминаю теперь всю свою жизнь. Он сказал: «Ну, теперь ты у меня, Строй, за границу хрен поедешь!» И я вышла из комитета комсомола. И каждый раз, когда я оказываюсь в каком-нибудь аэропорту свободной страны, я вспоминаю эту историю.

При этом я была такая смелая, что когда закончила университет, это был 1987 год, и мне пришло письмо о том, что я не снялась с комсомольского учёта, что не доплатила какие-то членские взносы, я ответила, что считаю членство в этой организации неприемлемым для себя, и из неё выхожу, оставьте себе мой комсомольский билет на память. То есть, умы уже были на дрожжах, мы уже были смелые. Думаю, что моя мама такого себе всё-таки не позволила бы в 1950-х или 1960-х. Мы уже это делали.

И видя всё это в Москве, я всё время говорила – нет, я из Риги. Нет, я рижанка. Нет, я более западная. И когда приезжали в Ригу, все тоже говорили – да, вы другие.

Рижская идентичность

Одно время меня очень мучил этот вопрос, а как называть себя. Мне нравится слово «латвиец», я, безусловно, считаю себя латвийкой. У меня даже выходило одно интервью, в «Диене», я тоже говорила там о себе немножко, и это было даже в заголовок вынесено – «По национальности я рижанка». Мне очень важна эта принадлежность к Риге, к Латвии, может, меньше.

Я, наверное, так и не стала патриотом Латвии. Это цинично звучит, но мне это не очень интересно. Эта история и культура, она, как сказать, не в обиду, но там мало того, с чем я могла бы идентифицироваться, что меня могло бы интересовать как-то интеллектуально. Ну, так получилось. Выбор маленький. То, что есть, оно меня не так глубоко задевает. Наверное, если бы я была молодым парнем и латышом, я бы увлеклась тогда, в ранние 1990-е, я говорю сейчас гипотетически, идеей легионера, который противостоит красным ордам. Но в моей внутренней конституции у меня нет

резонанса с латышской культурой. С рижской – есть. Но это Эйзенштейн, это Аркадий Райкин⁵⁴, это жена Булгакова, Елена Сергеевна⁵⁵, которая была, как известно, из Риги, Вера Мухина⁵⁶. То есть, это пласт такой местной русской культуры. Я одно время даже как-то комплексовала, когда была «рупором интеграции», а теперь к этому отношусь очень спокойно.

Если уже политическую оценку давать, то мне кажется, что вот эта ставка на культурную интеграцию, она очень опасная, она неправильная. И есть ли в этом смысл? Ну не любит человек *дайны*⁵⁷ – ну оставьте его вы в покое. Ну как можно возводить это в ранг лояльности?

Я, кстати, много об этом говорила на конференциях по интеграции, я же была редактором русской «Диены» один год. И иногда пыталась это латышам объяснить, верила тогда, что об этом надо сказать, что люди, может, не знают, что местные русские чувствуют, как я, условно говоря, не знаю страдания *тримды*⁵⁸ или беженцев, или сибирских высланных, может, и вы чего-то не знаете, давайте я вам скажу. Но я убеждалась, что это никого не интересует. Ты можешь говорить, писать, в скрижалях высечь – нет. Сейчас я уже чётко понимаю, что у нас нет общих ценностей. На этот момент. Но когда мне надо где-то написать в каких-то официальных документах по-английски или по-французски национальность, *nationalité*, я спокойно пишу *Lettonie*⁵⁹, и меня это не мучает. Да, в данном случае у меня всё чётко, никаких колебаний, моя ли это страна. Да, Латвия – моя страна в том плане, что я здесь родилась, я здесь живу.

Для меня русская культура, конечно, – это язык. Я бы воспринимала всё, наверное, по-другому, если бы была билингом, хотя, может быть, этим людям и труднее, это как выбор, кого ты больше любишь, маму или папу. Но в данном случае у меня нет латышского языка, у меня его нет в ближайшем окружении. Я на нём говорю, и максимум, как я могу к нему отнестись – инструментально. Как современному

⁵⁴ Аркадий Исаакович Райкин (1911, Рига – 1987, Москва) – актёр театра, эстрады и кино, конференсье, театральный режиссёр и юморист. Предки по материнской линии были потомственными рижанами. В пятилетнем возрасте вместе с родителями покинул Ригу.

⁵⁵ Елена Сергеевна Булгакова, урождённая Нюренберг (1893, Рига – 1970, Москва) – с 1932 года жена писателя и драматурга Михаила Афанасьевича Булгакова, хранительница его литературного наследия.

⁵⁶ Вера Игнатьевна Мухина (1889, Рига – 1953, Москва) – скульптор-монументалист, автор известного монумента «Рабочий и колхозница» (1937). Родилась в семье состоятельного рижского купца Игната Мухина.

⁵⁷ Жанр латышских народных песен (*dainas*).

⁵⁸ Речь идет об эмигрировавших из Латвии в конце Второй мировой войны латышях в изгнании (*trimdas latvieši*).

⁵⁹ В переводе с французского – Латвия.

молодому человеку надо знать английский. Вот мне говорят – *Mūsu vērtība ir mūsu valoda*⁶⁰ Но это *jūsu vērtība*⁶¹! Но почему вы тогда хотите, чтобы она была моей? Не могу я к другому языку отнестись лучше, чем к своему родному.

Готовилась посвятить жизнь русско-латышским языковым связям

Я настолько с позитивом воспринимала перестройку, смену Брежнева, когда ощущала это нервом! Я вернулась в 1987 году в Ригу и сразу родила дочку, и два года пробыла в декрете. И вот 1989 год, надо искать работу, выходить в жизнь, а работы уже нет! 1989 год, ещё Союз есть, я пришла в министерство образования, говорю, вы же меня в Москву посылали, может, я вам пригожусь? Я же специально пошла на современный русский язык, изучала компаративистику, то есть, условно говоря, готовилась посвятить жизнь русско-латышским языковым связям. 1989 год, и уже в министерствах понимают, что уже в русском языке особой потребности нет.

Получилось так, что приезжаешь – а страна другая, люди другие, флаги, песни; всё это выплеснулось. И надо сказать, что я всему этому скорее симпатизировала, но не могла изображать, что я – такая же. Может быть, будь я латышкой, я бы голосовала за *тевземцев*⁶² потому что я способна понять этот национальный угар, восторг, радикализм. Но это не я, я не могу его изобразить. По карьерным соображениям я этого делать не буду, по некарьерным – тем более, это не моё. Мне всё время хотелось видеть мультикультурную, ну, пусть не Латвию, Ригу. Ну, Рига совсем другая, чем Латвия. Мы это видим, тут другие замесы всех культурных принадлежностей.

Но для меня, конечно, шоком был закон о гражданстве. Потому что ты можешь принять всё, ты можешь принять различные трактовки истории, но вот ограничение в правах – это было что-то невероятное. И очень долго же не могли решить этот вопрос.

Я помню, что более жёсткий, чем он есть сейчас, вариант закона

⁶⁰ В переводе с латышского: наша ценность – это наш язык.

⁶¹ В переводе с латышского: ваша ценность.

⁶² От латышского – *tēvzemeši* – члены национально-консервативной партии *Tēvzemei un brīvībai* [Отечеству и свободе] (1993–1997).

о гражданстве приняли на Лиго, потом Улманис⁶³ его пересмотрел, и окончательно он вступил в силу где-то в октябре, это был 1994 год⁶⁴. Я работала тогда, как ни странно, в *Lauku Avīze*⁶⁵. Я специально пошла туда, чтобы узнать, что латыши думают, я не знала их как народ. И у нас были хорошие отношения в рекламном бюро, у нас компания образовалась, два русских, два латыша. Иду на работу, день перед Лиго, и передают, что закон принят⁶⁶ И думаю ... – что же вы не вступились за нас, ну, почему никто из вас не скажет... вы боитесь? Вы принимаете от меня деньги – я работала там, в рекламном агентстве, не журналистом – но в гражданском понимании я для вас никто! Негражданин – это же придумать надо такое. И вот я помню, иду я, такая злая, у меня ощущение личного предательства. А мой коллега-латыш стол накрыл и меня букетом Яновым встречает. И мне как-то тогда понятно стало, что с людьми здесь можно выстроить отношения, а вот с государством этим – трудно будет.

Я понимаю идею восстановить государственный континуитет, красивая идея, я, в общем, идеалистка, всё это красиво звучит. И я помню обещания умеренных политиков – русским подождать: вот, мы выберем первый Сейм. Всё будет хорошо, но дайте его выбрать потомкам граждан, чтобы восстановить эту связь времён, прерванную советской оккупацией. И я думала, ну, правда, давайте дадим... А сегодня какой Сейм? До сих пор сколько людей его не выбирают.

Натурализовалась без внутреннего протеста

Натурализовалась я без внутреннего протеста. Я не за порядок натурализации как таковой. Если бы я выбирала, я бы его не выбрала, (я за нулевой вариант), но я принимаю этот порядок. Потому что я понимаю, что 1940 год был нарушением всего порядка, даже если мы спорим, как это называть – аннексия, оккупация, но уж одно из двух это точно было. То есть, конечно, это было нарушение международного права, конечно, это было обрубание всей латышской государственности. В этом у меня нет сомнений.

⁶³ Речь идет о Гунтисе Улманисе (*Guntis Ulmanis*, род. 1939) – первом латвийском президенте после восстановления независимости Латвии (1993–1999).

⁶⁴ Закон о гражданстве был принят Сеймом 22 июля 1994 года.

⁶⁵ Газета *Lauku Avīze* («Сельская газета») – ежедневная газета на латышском языке национально-консервативной направленности, выходит с 1988 года. В настоящее время выходит под названием *Latvijas Avīze* («Латвийская газета»).

⁶⁶ Речь идет о первом варианте закона, принятом в июне 1994 года, но возвращённом латвийским президентом в парламент на повторное рассмотрение.

А потом меня в русскую «Диену» пригласили. Я там целый год вела рубрику «Гражданство», у меня всегда был анонс на первой полосе, и потом почти полоса внутри. Идея там как раз была такая – говорить с самыми разными людьми: кто может, но не хочет, кто хочет, но не может натурализоваться, что люди чувствуют, как они относятся к этой ситуации, что для них получение этого гражданства. И, конечно, большинство людей, даже те, кто говорили, что обиделись, всё равно отвечали: я принадлежу Латвии, я же отсюда. Как раз обида потому и была, что не всё равно, если бы было всё равно, плюнул бы на ваше гражданство и уехал отсюда. Как сейчас, между прочим, многие делают – да вы мне ещё приплатите, чтобы я ваше гражданство взял! А тогда этого не было.

Ревизия чувств

Периодически, на четвёртое мая⁶⁷ я задаю себе один вопрос: хорошо, я голосовала за независимость Латвии на референдуме. Тогда у меня не было даже вопросов. Потому что тогда у меня не стоял выбор, да или нет. Конечно, да. И вот я себя спрашиваю – я же имею право на ревизию своих чувств – я себя спрашиваю, голосовала бы я за независимость? И ещё буквально года два назад – да, несмотря ни на что. То есть, сначала я говорила – да, голосую без вариантов. Потом – я бы подумала, но проголосовала бы за. Потом – несмотря на, за. А сейчас я прихожу к выводу – а может, я бы сказала – нет. А почему я должна стать лузером? А у меня такое ощущение. Можно спросить, ну, почему лузером, карьера же была? Да, классная карьера. Когда я была редактором русской «Диены», так чтобы не соврать, у меня, наверное, в месяц было по два обеда во всяких посольствах. Потом я уже смеялась, говорила, знаете, я сама зарабатываю, больше не буду ходить на бесплатные обеды к послам, мне это перестало быть интересным.

А сейчас – какая моя позиция ко всяким переменам? Всем своим русскоязычным коллегам я говорила так: «Задайте себе вопрос и ответьте на него перед собой – все эти перемены, они расширяют ваше жизненное пространство или его сужают?» Очень прагматичная философия. У каждого лично становится больше возможностей или меньше? И мне часто кажется, у меня всё-таки стало меньше возможностей, а не больше. Это я не к тому, что надо там возвращаться в тоталитарный строй, в эти все убожества. Но

⁶⁷ День восстановления независимости Латвийской Республики («Декларация о восстановлении независимости Латвийской Республики» была принята 4 мая 1990 года).

то, что сегодня я говорю совершенно осознанно, – это не то, что меня обида гложет. Я неплохо живу, но у меня совершенно чёткое ощущение, что будь я латышкой, я бы была, ну, если не где-нибудь в Сейме или послом, то рядом. Я не говорю, что меня нарочно зажимают, но всё же, русский – это родной язык. Я не могу говорить на латышском языке так, как говорю на русском. Я же мыслю на языке. Я должна писать на своём языке.

Я была публичным человеком, агитировала за эту самую интеграцию. И сейчас я не хочу вставать в позу кающейся Магдалины, бить себя в грудь, говорить, что была не права, что встала на этот путь, или государство у нас плохое, латыши плохие. Конечно, в журналистику можно приходить с другими темами, но многие как раз хотят эту тему, предлагают, пиши про это. (А я не могу больше и не хочу.) На латышском я не хочу писать, я не чувствую слово. Это не даёт мне чувство профессионализма.

Чем дальше, тем трагичнее я это воспринимаю. Мне говорят – ну что ты, на бытовом же уровне всё нормально. А почему вы низводите мою жизнь до бытового уровня? В магазине я говорю по-латышски. Если я говорю с латышом, я говорю по-латышски, для меня это нормально. Почему вы сами не считаете двуязычие нормальным?

Мне всегда казалось, что всё уляжется, всё будет нормально. Реально же, всю жизнь вместе жили, латыши и русские. А сегодня латыши русский уже забыли, русские латышский ещё не выучили. Как же будем понимать друг друга?

Мне говорят – у нас должны быть общие ценности. Ценности – эмоциональный компонент. Один философ сказал: «О ценностях не спорят. Ценности выкладывают». Никогда не родится истина в споре там, где нет общих ценностей. Поэтому так бесплодна наша общественная дискуссия об интеграции. Уважая человека или группу людей, следует понимать, что для них дорого, что больно, и уважать то, что дорого им, и не наступать на больную мозоль. Не ругайте чужие ценности, больше говорите в позитивном ключе о своих. И в какой-то момент они и другому станут ближе.

Композиция подготовлена по интервью NMV– 4242

Композицию подготовила и интервьюировала Мария Ассерецкова в Риге, 2015
Расшифровала Иоланта Шмуксте

ВЛАДИСЛАВ БОРОВКОВ

Родился в 1974 году в Риге. Родословная семьи связана как с Латвией, так и с Россией. Отца привезли в Ригу в пятилетнем возрасте из разрушенной войной Псковской области. Вырос в Болдерае, где проживало много семей военных. Изучал электронику в Рижском техникуме радиоэлектронного приборостроения⁶⁸, работает на деревообрабатывающем предприятии. Окончил Балтийскую международную академию (Рига) со степенью бакалавра в сфере управления культурой, специализация – руководство проектами в культуре. В семье растут двое сыновей.

РАЙОН У НАС БЫЛ ТАКОЙ

Могу рассказать свою историю

Я всё помню хорошо. Могу рассказать свою историю. Моя сестра очень ею интересуется, я в меньшей степени. Если говорить о нашей семье, так получилось, что отец попал в Ригу в свои пять лет. Его семья приехала из России, из Псковской области, это Невельский район, в восьми километрах от границы с Белоруссией. И Латвия рядом, всё рядом там. Границы сходятся в деревне. В войну дед мой погиб. Сестра нашла его могилу. Недавно выяснилось, что он не воевал в регулярной армии советской, не пошёл. Прятался в лесах. То есть, он жил там, в лесах. Он не был и партизаном, потому что, когда территорию освободили официальные части Красной армии, его призвали. И сразу через недели две-три он погиб при каком-то наступлении. Сестре стало известно, что есть в Псковской области могила, нашли поисковики не так давно. То есть, его призвали в армию, но насильственно. Он сам не хотел воевать. До 1944 года он просто

⁶⁸ Название с 1985 по 1992 год, ныне – Рижский технический колледж.

жил на оккупированной немцами территории, но жил он рядом со своей семьёй. Семья – четверо детей, три дочери и мой отец, который был младшим ребёнком. Отец родился в 1944-м. Он своего отца и не видел, насколько мне известно. А когда закончилась война, дед погиб, сгорел дом в деревне, есть было нечего... Выбор такой стоял – уезжать в Питер или в Ригу. Им помогли родственники перебраться в Ригу. Бабушка работала на *Lignums* – сейчас это *Latvijas finieris*. Жили они в бараках каких-то в Болдерае. То есть, он с пяти лет, как приехал, жил в Болдерае. Там закончил 33-ю школу, ну и всю жизнь прожил в Латвии. Если о маме говорить – она родилась в Риге, до трёх лет жила в Сигулде. Потом, когда моя бабушка (мамина мама) развелась с мужем, они уехали в Себеж. Бабушка родом из Себежа. Когда маму в Себеж привезли, она по-русски вообще не могла говорить. Знала только латышские слова, потому что жила в Сигулде. А потом, когда окончила школу в семнадцать лет, вернулась в Ригу учиться, работать. А семья её – мать, бабушка (прабабушка моя) и два брата уехали в Украину. Там много родственников в Мариуполе, на Азовском море.

По линии отца, опять же есть смутное подозрение, что якобы можно претендовать на гражданство Латвии. На основе того, что существует рассказ, не знаю, насколько он достоверный, что якобы мой дед по линии отца был достаточно зажиточный. То есть, у него были свои лошади, были батраки и его раскулачивали. И он жену искал грамотную, чтобы она могла читать, писать. Ему нужно было для ведения хозяйства. И вроде бы жену привезли из Резекне. И говорят, что она была не православная, что её перекрещивали. Такое семейное предание есть. Но дело в том, что эта церковь и архив во время войны сгорели.

Отец работал в сфере торговли как мастер по холодильному оборудованию, промышленным установкам. Он обслуживал большие морозильные камеры. Мама работала в детском саду. Окончила техникум педагогический как воспитатель детского сада, она буквально недавно вышла на пенсию. Она окончила, в соответствии с требованием латвийских властей, ускоренные курсы, получила бакалавра на преподавателя⁶⁹. Детский сад был у меня напротив дома, где мама до сих пор живёт, и видно из окна, где она работала.

⁶⁹ Речь идет о требованиях к уровню образования педагогов дошкольных учебных заведений: степень бакалавра в области педагогики.

Мы были всегда вместе

У меня большая часть жизни проходит в Даугавгриве. Район тогда был совсем.. ощущение было такое, что там все свои. Все друг друга знают. Можно сказать – большая деревня, замкнутый мир, такая атмосфера доброжелательности и дружеской поддержки, как община. Вообще было очень много военных семей – у меня-то семья не военная – в силу исторических обстоятельств были военные базы. Когда я родился, такой сверхсекретности уже не было, говорили, что раньше была. Там не все были военные, если говорить о моём окружении с детского сада. Так получилось, что группа детского сада, у меня есть фотография, где уже выпуск, ну, последние годы, там отсчитали где-то человек 18–20, группа, которая отучилась вместе всю школу. До сих пор с частью людей, что на той фотографии, мы по-прежнему друзья. Многие до сих пор живут в Болдерае, в Даугавгриве. И мы до сих пор общаемся и поддерживаем связь. Остались друзья с детского сада через всю школу.

Если брать всех, то большинство, конечно, уехало, потому что было много военных. Это не были просто солдаты, это офицеры были, подполковники, капитаны второго ранга, майоры. Особенность была только в том, что, мне кажется, у детей был определённый уровень воспитания. Не было такого, как я сейчас вижу – дети, которыми никто не занимается, не интересуются зачастую. Просто уровень образования был высокий и в семье, и это сказывалось на детях. К тому же нас учили очень строго, нас «разрывали», потому что сильный класс был, все хотели от нас больше получить и больше вложить знаний. Одни учителя говорили: «Вы должны усиленно физику изучать!», другие говорили: «Вы должны лучше изучать русский и литературу!», коллоквиумы устраивали постоянно, на олимпиады приглашали людей. Шесть или семь ребят окончили школу с золотой и с серебряной медалью. Класс был сильным. И район у нас был такой, я помню из детства. Новый год праздновали во дворе, с баянами. Просто люди выходили из домов своих, песни пели. Вокруг ёлки (там росла во дворе, или выносили, я уже не помню), я помню, что такие были в том числе. Толпа народа... И если погода была хорошая, там есть такая улица *Slimnīcas*, но она в простонародье называлась *Бетонка* (потому что была сделана из бетона, не асфальт был, бетонный завод был рядом), если хорошая погода

была, это был *Бродвей*, как называли. Просто весь район выходил туда, и гуляли. Общались друг с другом и гуляли. Выходишь, – всё, людское море. Дорога прямая, но её нельзя было просмотреть, и не потому, что машины, а людьми занята, которые туда-сюда гуляют.

Да мы там, в районе, всё своё детство проводили. Мы никуда не ездили. Ну, как не ездили – только с классом куда-то. Нас возили в Таллинн, это всё было внутри этого коллектива. Даже в школе, по крайней мере, наш класс, был самодостаточный. Те, кто параллельно с нами учился, как потом оказалось, считали даже что он создан для какой-то показухи: «А вот у вас такой показательный класс, мы думали это всё не по-настоящему. И всегда смеялись над вами. А оказывается время прошло, а вы до сих пор встречаетесь». И когда люди попадали из других, параллельных классов, просто попадали в круг общения – были в каком-то шоке, я помню. «Как это так? Три года прошло, а вы до сих пор встречаетесь!» Они не верили! «Да, а что тут такого?» – «Ой, а мы думали, что у вас там... никого не найти давно». Вот у нас такой дружный класс был. И это воспоминание из детства, этой атмосферы некой дружелюбности и вообще тепла. И в семье, и в классе, и в садике. Мы везде были всегда вместе.

Тысяча книг – личная библиотека

Литературные вечера были у нас, читали стихи, заставляли нас... У меня по литературе были слабые оценки. Но настолько я сам любил читать! Я, правда, читал не школьную программу. Отец, может, это какая-то «болезнь», сам любил читать. Была история, были фильмы тогда по советскому времени. Книжная эта вся «мафия» – в общем, когда какие-то подписки⁷⁰ устраивали около Ледового дворца⁷¹. Билеты раздавали, и на эти билеты разыгрывалась лотерея. Если ты выигрывал, ты мог купить какую-то подписку изданий популярного автора. Мой отец участвовал, и стоял днями и ночами перед розыгрышами лотереи. И он каким-то образом был там высоко. Там была тысяча человек, а он входил в первую сотню по этим спискам. Там ночами не стоял, но в этих лотереях участвовал, почти всегда выигрывал что-то. У меня, у мамы до сих пор в той квартире, где я прожил всю жизнь, больше тысячи книг – личная библиотека. Отец-то что-то

⁷⁰ Очевидно, речь идет о неофициальном способе получения дефицитных книг, который существовал наряду с официальной подпиской на книги, изданные малым тиражом.

⁷¹ Имеется в виду Рижский Дворец спорта, находившийся на ул. К. Барона, 75. Здание снесено в 2008 году.

доставал, связи свои имел. Отец работал в торговле. Для нас слово «дефицит»... скажем так, мы не знали, что это такое. Мясо он любое доставал. Всё в советское время было, только почему-то оно до магазинов не доходило. Не знаю, как-то мы не чувствовали, что чего-то не хватает. Да, конечно, мы не каждый день ели конфеты, но по праздникам «Серенаду», бананы на новый год отец привозил периодически. В принципе, не изобилие, мы не могли себе позволить всё, что хочешь. *Лаймовские* конфеты⁷² тогда были дефицитом: «Серенада», «Белочка», какой-то там «Мишка». На какие-то большие праздники всегда было.

Была своя территория конфликтов

Помню, снимали фильм «Берег»⁷³. В советское время, военный. И кто-то там из отцов военных говорит: «Ну, пойдём, пацаны, я вас проведу!» И повёл нас в воинскую часть, там снимали этот фильм и мы смотрели эти съёмки. Нас потом он завёл в арсенал, где реквизит съёмочный был и оружие. Я помню, как там эти автоматы реальные, немецкие «Шмайсеры», ПППШ, винтовки – детям было весело – держали в руках. Ну, вот это наверно так хорошо помню. Я помню, как эти съёмки проходили.

У нас в районе был судораздел, завод судоремонтный⁷⁴, и туда привозили всякие старые корабли на разделку. Как раньше считалось – закрытый объект, попасть нельзя. Перелезали через заборы. Я помню, лазили по металлолому. Можно было залезть внутрь, в корпус. Дети лазили, находили интересные вещи – гильзы, коробки от стреляных пулёмётных лент. Такое всякое было.

Конечно, Болдерая с Усть-Двинском – это разные районы, в общем. Там, на местном уровне. Если ты с Болдераи – это одно, если ты с Даугавгривы, Усть-Двинска, это другое. Тогда, по крайней мере, это был Усть-Двинск, никто Даугавгривой не называл. Сейчас это, наверно, стёрлось, но тогда это было чётко всё. Если говорить о нас... была своя территория конфликтов. Там был такой матросский клуб, где проходили дискотеки в то время. Вот это была территория, где выясняли отношения. Там ситуация была такая – если это местные, то выясняют свои отношения,

⁷² Конфеты рижской фабрики «Лайма».

⁷³ Двухсерийный художественный фильм, снятый Александром Аловым и Владимиром Наумовым по одноименному роману Юрия Бондарева в 1984 году при участии телевидения ФРГ.

⁷⁴ Завод располагался в Риге, на ул. Флотес.

а если какие другие, с других районов, я не знаю – Ильгюциемс, или ещё откуда-то ребята, то уже местные были вместе. То есть, болдерайские и с Усть-Двинска против других районов. Там и военные были. Там, кстати, мои родители познакомились. Мама просто случайно туда приехала, и там они познакомились в Балтийском клубе. Балтийский матросский клуб. БМК – сокращение.

Помню, что на Лиго несколько раз такое было, что собирались родители с какими-то друзьями, знакомыми большими компаниями. Там были латышские семьи. Но мне это казалось как скорее исключение. В принципе, общение было в русскоязычной среде всё. В садике – да, были несколько человек. Но это, наверно, родителей был выбор? А в школе нет, только на русском языке. У меня так получилось, что латышский язык не преподавался вообще до шестого класса школы. Потом два года, в шестом и седьмом классе преподавался и опять не преподавался. Учительница ушла в декрет, и другого учителя не нашли. Я ушёл со школы практически без знания латышского языка вообще, на тот момент.

Все были немного ошарашены

Я помню ГКЧП⁷⁵, потому что к нам за один день все родственники приехали. Я до сих пор это помню. Просто за один день все, кто жил в Риге, а тогда все, в принципе, жили в Риге. Двоюродные. Получилось, что отец – самый младший в семье, получается, что я – самый младший из всех моих двоюродных братьев. Те-то уже были старше, у них были уже свои семьи. Я тогда ещё в школе учился, а они приезжали, у них были семьи, дети. И так как-то практически получилось, что они все за один день к нам приехали. Было разное обсуждение, приезжали, все своё мнение высказывали. И все были немного ошарашены. Помню, танки стояли возле моста. Мы собрались с друзьями, ходили, смотрели.

Когда это всё началось, в принципе, школа заканчивалась, и стало ясно, что они, одноклассники, потомственно будут военными. Тогда это всё оформилось окончательно, когда это всё началось. Многие не хотели уезжать. Точнее – практически все не хотели уезжать. Потому, что они жили здесь уже много лет, им, в принципе, нравилось всё. Думаю, и всё устраивало, когда даже начались эти первые годы независимости, им даже

⁷⁵ Государственный комитет по чрезвычайному положению – самопровозглашенный орган власти в СССР, существовавший с 18 по 21 августа 1991 года.

экономически было выгодней. Сейчас точно не помню, но им было выгодней, потому что здесь считалось как за границей – многие ушли на пенсию, а им платили так, как если бы они за границей жили. Им больше платили. Тогда выезжать было некуда, а тут квартиры были, всё приходилось бросать. Для них это была трагедия определённая. Получилось так, что когда учились, мы не думали. В детстве, в юности не заглядываешь вперёд. Казалось, что так и будет всё время, ну, или какой-то продолжительный срок. А потом оказалось, что этими процессами, которые начались, друзей моих стало растягивать во все стороны. Этот круг общения, он начал разрываться, потому что люди поужезжали. Поужезжали семьи. Если ещё первые годы, ещё около двух лет они здесь жили, после провозглашения независимости, то пока этот процесс шёл, стало понятно, что уедут отсюда. Стало понятно, что наш класс, наше общение уже проблемно видится из-за того, что это началось.

Обсуждение было, конечно. Политическая независимость, да. Отец был за. Я прекрасно помню, когда при Горбунове⁷⁶ голосовали, но я ещё не голосовал. Но моя семья, все были за независимость. Отец и мама. Зачем нам это всё? Будем жить в независимой Латвии, будет здорово. У всех так было. На референдуме⁷⁷ так было, все голосовали за независимость. Была часть родственников, которая была против, не хотели этого. Но отец, я точно помню, он говорил: «Нет, я за независимость». Ну, когда голосовали за выход из Советского Союза, этот референдум, голосовали все жители. Потом уже, наверно, спустя какое-то время разочарование пришло, ввиду того, когда приватизация началась... Это отец мой, он был такой настырный. Была история целая, я помню. Он жил с пяти лет здесь, в Латвии. Приватизационные купоны-сертификаты⁷⁸ давали в зависимости от количества прожитых лет в Латвии. И он пришёл туда, ему говорят: «Мы посмотрели документы, вы служили в советской армии». Ну, естественно, его призвали. Он говорит: «Ну, меня в Риге призвали». – «Нет, мы не засчитаем все годы, что вы жили до этого. То есть, с момента, когда демобилизовались, приехали обратно». Вот эти все купоны аннулировали. Он

⁷⁶ Анатолий Горбунов (*Anatolijs Gorbunovs*, род. 1942) – латвийский политический деятель, последний руководитель Латвийской ССР (1988–1990) и председатель Верховного совета Латвии (1989–1993).

⁷⁷ Имеется в виду опрос населения Латвии, проведённый 3 марта 1991 года.

⁷⁸ Речь идёт о приватизационных сертификатах, выдававшихся государством в качестве единовременного платёжного средства за приватизированную государственную или муниципальную собственность; выдача сертификатов началась в 1992 году.

сказал, нет, я с этим не согласен. Он нашёл все свои аттестаты, начиная с первого класса (у него хранились с 33-й школы), и принёс туда. «Вот, – говорит, – все мои аттестаты. Вот на основании этих документов я докажу, что я с пяти лет». Ну, а как? У него не было свидетельства о рождении, потому что оно сгорело в войну. Какая-то справка только была. Ругался, чего-то доказывал, дошёл до какого-то начальника, и ему засчитали на основании аттестатов. Маме, по-моему, что в Латвии родилась, тоже не засчитали, хотя тоже было свидетельство о рождении. Но поскольку она уехала, и не могла подтвердить, что проживала, не засчитали. С момента какого-то ей засчитали, но позже. Вот такие моменты.

Заводы уже начали закрывать

Восьмой класс я окончил, потом пошёл в Рижский техникум радиоэлектронного приборостроения, сейчас называется по-другому – Рижский технический колледж, РТК. В принципе, это родители «толкнули». Когда я с восьмого класса уходил, у меня не было никакого, скажем так, видения, куда мне пойти. Мне кажется, человек в таком возрасте ещё плохо понимает, чего он хочет, куда он хочет, и так далее. Родители сказали: «Иди туда, там радиоэлектронная промышленность». Тогда же ещё работали ВЭФ, Радиотехника Попова⁷⁹, «Альфа» была. И когда мы поступили, конкурс был немаленьким, но я прошёл. Математика у меня была хорошо, на пятёрку сдал. Русский был у меня похуже, написал на четвёрку. Девять баллов – это был проходной. Кто не сдавал, тот не проходил. Причём прошли только те, кто сдал математику на пятёрку. Я думал на компьютеры идти, но как-то... Тогда это начиналось только. Тогда почему-то считалось, что это класс для секретарш, для девушек. И у нас, на самом деле, был очень высокий конкурс, но там восемьдесят процентов девчонки на этом факультете. Параллельно учились. На факультет радиоаппаратостроения пошёл. Три года отучился, на четвёртом мы ещё работали на *Ganību dambis*. Там завод⁸⁰, и он делал ещё какие-то военные российские заказы. Но это уже один из последних.

Тогда эта промышленность уже начала разваливаться. Если первые

⁷⁹ Рижский Радиозавод им. А.С. Попова, бывшее акционерное общество «VEF Radiotehnika RRR» (Сокращение от латышского Rigas Radio Rūpnīca), основанное в 1927 году, современное название АО VEF Radiotehnika RRR.

⁸⁰ Завод находился в Риге, на ул. Ганибу дамбис, 24а.

пару лет мы учились, нам говорили: «Вот, у вас тут перспективы». А было тогда ясно, когда окончили, что уже будет трудно что-либо найти. По простой причине, что заводы уже тогда начали закрывать, или уже дышали на ладан, и было ясно, что вряд ли они выживут. Тогда уже и начались, ну, не знаю, как сейчас называют – «лихие девяностые годы».

А потом, когда отучился, – по специальности работал. Никуда больше не пошёл. Да меня и интересовали, в принципе, гуманитарные науки по своей сути. Так, работал в разных фирмах. Там, в своём районе. Потом перешёл на промышленное предприятие – *Bolderāja* тогда называлось, деревообрабатывающий комбинат. Посмотрели диплом, взяли оператором.

Учился для себя

Пока оператором работал, я учился. Пошёл учиться спустя десять лет, наверное, после окончания техникума. В Балтийский русский институт⁸¹, на культурологию. Управление проектами в сфере культуры. Степень бакалавра получил заочно. Продолжал работать там, а потом так получилось, что были там перестановки. Подал на повышение, на соискание, так сказать. На кандидата поставили. Сейчас работаю мастером в производственной смене, на этом же предприятии. Как мастер отвечаю за производство продукции в трёх цехах. Производство круглосуточное и непрерывное. Работаем двадцать четыре часа в сутки, никаких остановок на праздники нет. То есть, Новый год, Рождество – в любые праздники работаем.

Учился для себя. Учиться было здорово. Не то что здорово, а очень здорово. Я бы сравнил это со школой. Техникум, почему-то... Я не говорю, что там плохо было, просто он светлых воспоминаний меньше оставил, чем Балтийский институт. Потому что люди, преподавательский состав, это... не знаю. Сколько мы смогли впитать, столько они дали. Так и здесь. Во-первых, что нравилось – очень небольшое количество людей. Заочный факультет, и была маленькая группа. Соответственно, почти индивидуальный подход в общении. Когда ты спокойно можешь подойти, узнать, поговорить. И тебе никогда не откажут. Ты видишь, как люди себя отдают этой работе, и ты не можешь относиться как-то плохо, подвести их, что ли. А.В. Гаврилин там был у нас – источниковедение, я ещё до сих пор помню.

⁸¹ С 2006 года переименован в Балтийскую международную академию.

Интересный. Это такая духовность людей, мне кажется. Ирина Семёновна, Татьяна Макаровна, Надежда Пазухина. Такой костяк. Эти люди большой след в моей жизни оставили. Неким ориентиром мне служат. Служением своему делу. Преданности этой безответной. Они для меня столько дали, для меня очень ценное время, знания. Вообще переоценить невозможно. Мне и до сих пор хочется чем-то заниматься помимо своей работы, потому что моя работа, в принципе, не даёт мне творческого самовыражения. То есть, это производство, довольно серьёзная дисциплина. Тем более, у нас на производстве вообще авторитарный способ правления, несмотря на то, что западная корпорация. А может это местная особенность, не знаю.

Ощущаю себя в некой эмиграции

Кардинально менять место жительства не хочется. Я всю жизнь прожил в Латвии, в Риге, люблю этот город. С трудом себя представляю в другой обстановке. Ну, а вообще весь этот мир внутри меня настолько глубоко, что с трудом представляю куда-то переехать. Частью ощущаю себя, если не государства, то места обитания.

Чувствую некую вину, что я хорошо не знаю латышский язык, потому что я свободно на нём не говорю и не пишу. Так в силу ряда обстоятельств получилось. Потому что я знаю, что жить Латвии и не знать латышского языка – это очень плохо. Но я его как бы знаю, я его понимаю, но одна из причин, что я очень мало участвую в социальной, культурной, общественной жизни... Наверно из-за того, я дальше не пошёл, хотя мне давали в магистратуру идти, что я плохо знаю латышский язык. Писать на латышском я вообще не могу, могу, конечно, но... Только с помощью современных текстовых редакторов. У меня грамотность слабая, именно орфографически. А иностранные языки мне вообще даются с трудом. А грамматика – это моё слабое место.

Язык общения, что, в принципе, и сейчас по своим детям вижу – только русский язык. От садика – школа. Преподавание есть, мы бьёмся, воюем с ними, так можно сказать, за этот латышский язык. Я не знаю, почему, может, это из социума впитывается? Это очень трудно. Несмотря на то, что мы в семье говорим, что латышский язык надо учить. Но как-то сын уже говорит, что не очень он хочет. Ему не объяснить, что это очень важно. Он говорит, что «я лучше английский буду учить». Откуда он это берёт?

В семье этого никогда не было. Может, просто из окружения? Но вообще иногда проскакивает: «Вообще, зачем мне этот латышский нужен?» Мы говорим ему: «Ты живёшь в Латвии». Но он как-то себя наполовину ассоциирует с Россией. Может, потому, что мы смотрим эти телевизионные программы? Очень много информации от России идёт. Наверно, и я в некоторой степени ощущаю себя в некой эмиграции, белой, наверно. В силу каких-то обстоятельств мы здесь оказались. Мысленно мы русские, но живём здесь. Но как бы и в Россию не хочу возвращаться, и терять национальную идентичность в то же время не хочется.

В общем, это всё, наверно, накладывает отпечаток, книги прочитанные. Литература от «Повести временных лет»⁸² до Пушкина, и Карамзин⁸³. Культурный слой набрал в тот период, когда очень много читал. Для меня это важно. Я горжусь этой историей, наверно. Как часть большого русского народа. Для меня важно, что я русский, что у меня такая история, культура. И я не хочу куда-то там ассимилироваться или терять это сознание. Я русский мир воспринимаю шире, не как современную Россию. А как Россию «вглубь». История, в целом культура России. Это не то, что сейчас, не только, что сейчас творится.

Композиция подготовлена по интервью NMV-4383

Композицию подготовил и интервьюировал Эдмундс Шупулис, в Риге, 2016

Расшифровал Игорь Ковалёв

⁸² «Повесть временных лет» – наиболее ранний из сохранившихся древнерусских летописных сводов начала XII века.

⁸³ Николай Михайлович Карамзин (1766–1826) – русский историк и литератор, автор 12-томной «Истории государства Российского» (1803–1826).

ЮЛИЯ ТРЕЙКАЛЕ

Родилась в 1985 году в городе Среднеуральске (Россия). Мастер спорта по лыжам. Переехала в Латвию после замужества. В 2007 году окончила Уральский педагогический университет (Екатеринбург), в 2015 году – Балтийскую международную академию (Рига) со степенью бакалавра в сфере туристического и гостиничного менеджмента. Работает в сфере туризма, живет в Саласпилсе.

Я ОКАЗАЛАСЬ В ЛАТВИИ БЛАГОДАРЯ МУЖУ

Вся жизнь на лыжах

Родилась я в России, в небольшом городке Среднеуральске. Если сравнивать с Саласпилсом – то примерно в таком же. Он тоже находится недалеко от крупного города, Екатеринбурга. Екатеринбург считается столицей Урала, и мы рядом жили в маленьком городке, Среднеуральске. Родители у меня обычные, папа учитель, тренер-преподаватель. Он раньше работал в обычной школе, а теперь в спортивной, тренером по лыжной подготовке. Он и сейчас работает. Мама у меня была химик-лаборант, у нас там подстанция, СУГРЭС⁸⁴ называется, водяная. Также у меня есть старшие сестра и брат. Сестра старше на восемь лет, брат – на семь.

Поскольку у нас папа тренер, то все дети были спортсменами, и я не исключение. Всё детство я провела на спортивных сборах. Мама умерла, когда мне было два года, и я, как дочь тренера, всюду с ним ездила, потому что не с кем было меня оставить. И поскольку все катаются на лыжах, то и я каталась. И всю свою сознательную жизнь я занималась спортом. Закончила я заниматься в 2008 году, мастером спорта. Вся жизнь на лыжах.

⁸⁴ Сокращение от: Среднеуральская государственная районная электростанция.

Все мои яркие впечатления связаны со спортивной деятельностью, какие-то сборы, какие-то выезды. Окончила школу, поступила в педагогический институт. Получила специальность тренер-преподаватель. Окончила институт в 2007, ещё год побегала, потом перешла на тренерскую деятельность. И начала передавать опыт новому поколению. У меня были маленькие детишки, школьники, когда они подрастали, в двенадцать-тринадцать лет переходили к папе.

Среднеуральск – небольшой город, он находится рядом с озером, озеро называется Исеть. Очень живописное место, лес есть рядом, озеро красивое, пляж. Маленький провинциальный городок. Там не сказать, что жизнь кипит, но он развитый. Школы там есть, садики. Там есть и частный сектор, и многоэтажные дома. Жили мы в квартире, у нас был довольно зелёный двор. Я всё детство гуляла. Это сейчас детей нельзя на улицу выпустить, а мы всё свободное время были на улице, какие-то у нас были игры с друзьями. До центра двадцать минут езды на автобусе. За какими-то большими покупками надо было ехать в Екатеринбург. У нас там только продовольственные магазины и всё.

Недалеко от города лагерь располагался. Мы там тренировались. Там лес большой, красивый и озеро Исеть. Очень красиво и зимой, и летом. Ну, зимой, соответственно, снега было много. Всё это красивое, белое, пушистое, блестит, переливается.

По Сибири мы особо не путешествовали, но ездили на сборы на Алтай. Это почти рядом с Сибирью. Это рядом с Новосибирском, туда, вверх, там есть Горно-Алтайск⁸⁵. Туда мы ездили на высоту тренироваться. Там тоже очень красиво. Там такой перешеек, он находится, по-моему, на высоте 1500 метров над уровнем моря. Там очень красивая природа, кедр растёт, в основном, берёз и кустиков там нет. А в саму Сибирь не ездили. В самой Сибири, кроме дальних городов, Ханты-Мансийска, жизнь не очень развитая. Там маленькие поселения, а так – леса, дикая природа и всё.

Заканчивала тренировку и бежала в школу

Первое сентября как-то я особо не помню. Я помню, как меня ходили записывать в школу перед первым сентября. Мы пришли, я осталась одна в коридоре, папа пошёл заполнять документы, и зазвенел звонок. Вот это

⁸⁵ Город на юге Западной Сибири, столица и единственный город Республики Алтай.

для меня осталось яркое. Я так испугалась этого звонка, он был звонкий, громкий, я убежала на улицу и там ждала. А так, школа... Нет таких ярких школьных впечатлений. Может, потому что я тренировалась. Если я училась в первую смену, то у меня были тренировки с трёх часов. Если я училась во вторую смену, к часу, то в восемь утра у меня была тренировка до двенадцати, до часу. Две школы находились рядом, между ними дом. Я заканчивала тренировку, переодевалась, кушала и бежала сразу в школу, на уроки. А среднюю школу я оканчивала в папиной школе, потому что у нас учителя поувольнялись, и было плохое образование. Поэтому я перешла туда.

Я в обычной школе не была активная – погулять пойти после школы, такого не было. Если поучился – идёшь домой, делаешь уроки, потом на тренировку. Сказать, что я была в школе изгоем – нет. Всё равно есть в классах такое, что с этими мы общаемся, а эти недостойны нас, по группам делились. Я была между всеми – общалась и с «крутыми» и с «некрутыми» – не было такого разделения. Практически со всеми общалась. Близкой дружбы не было, близкая дружба была с теми, с кем тренировалась. Потому что большую часть времени в году ты проводишь с ними. Либо это тренировки, полностью зиму с ними, четыре раза в неделю, а летом ты уезжаешь на сборы, всё лето с ними живёшь. А когда постарше стали, то лучшая подруга у меня, – мы с ней на сборах познакомились. Сейчас тоже общаемся, но меньше, поскольку живём в разных странах, расстояние всё равно своё даёт. Но стараемся переписываться по скайпу, по социальным сетям.

Нет такого вкуса как в детстве

До моего рождения моя семья жила рядом с озером, на улице Исецкой. Общежитие, что ли. Отдельная комната у них была, там жили. А когда я родилась, дали квартиру трёхкомнатную, где я прожила всю жизнь.

Из родственников в живых я застала только бабушек, дедушки у нас умерли. И не рассказывали мне каких-то семейных легенд, историй. Единственное, что есть какие-то семейные традиции, допустим, когда у бабушки день рождения, мы все собирались у неё. Все родственники, родственники маминых братьев и сестёр, все громкие, звонкие. Она нас объединяла. К бабушке после тренировки придёшь, она обычно что-

то вкусенькое сделает. Пирожки, либо вафельные трубочки, либо из песочного теста орешки. Придётся к ней, она тебя чаем напоит, накормит. Такие остались воспоминания от бабушки. Как она курицу с картошкой жарила. Вкус получался такой – вроде сейчас делаешь всё то же самое, а вкуса того, какой был в детстве, нет.

У нас верующая семья была, но не сильно. Традиции ходить по воскресеньям в церковь не было. Все крещёные, но без фанатизма. Может, вера не прививалась. Не знаю, с чем это связано. У сестры свекровь – религиозный человек, она одно время работала в церкви. Вот она как-то пыталась детей сестры приучать к этому, но без фанатизма. То есть, она верит, все эти службы стоит, но нас не заставляет это делать. Она за нас пойдёт, помолится, ей от этого спокойнее. Нет у нас сильной религиозности. Да, Библию знаем, но чтобы читать молитвы – нет. Не знаю, к сожалению, не к сожалению. У каждого своя вера, каждый посвоему приходит. Кто-то в этом находит, может быть, утешение или спасение. У нас как-то так.

Дома были тушёнка, сгущёнка и печенье

В девяностые годы я была уже большая, но такого, что тяжело, что у нас было нечего кушать – такого не было. Друзья у нас есть, они рассказывали – перебивались, у них родители получали деньги, они разделяли чётко – это туда, это сюда, ещё огород их спасал. Ребёнку купить *мороженку* – это мы не можем. У нас такого не было. Не знаю, может папа это не показывал. Хоть он один тянул нас с сестрой. Брат в это время уже учился в Питере. У нас дома всегда были тушёнка, сгущёнка и печенье. Не знаю, почему, но всегда были. Какие-то, может, социальные пайки выдавали. Всегда эта тушёнка у меня с детства. Шкаф – и она там стоит. То есть, какие-то там вкусности тоже папа покупал. Если папа приходил домой с мороженым, значит, зарплату получил.

Сейчас дети в школу приходят, формы нет, и видна разница, у кого деньги есть, у кого нет. У нас, хотя формы не было, дети были... добрее, что ли. Не было такого, что я крутой, хожу в джинсах, у тебя этого нет. Сестра у меня шить умеет, она мне шила какие-то юбочки, сарафанчики. Всегда было что поесть, было что носить. Нормально было. Как-то я не ощутила этого дефицита. Пустых полок не помню, может, они были, может, не были.

Очередь за хлебом – это было. Там у нас отдельный был магазин, хлебный. Придёшь – хлеб ещё не привезли, и очередь стоит длинная, в магазине, и ещё на улице хвост тянется. Купишь этот кирпичик, прямоугольный хлеб, он тёплый, пока до дома дойдёшь, всю горбушку съешь. Невозможно было – он вкусный, тёплый. Придёшь – папа на тебя наругается, что весь хлеб обглодала. Отправит ещё. Пойдёшь опять, хлеб уже не тёплый, уже целый принесёшь.

Будущий муж был для меня как инопланетянин

Я оказалась в Латвии благодаря будущему мужу. Он был в командировке в России. У нас его компания строила турбину газовую. Муж сестры с ним пересекался по работе. Они в Сургуте ещё работали, потом перекинули Адама, Адам – это мой муж, в Екатеринбург, и он там работал на объекте. И посиделки у нас всякие были. Муж сестры на меня: «Почему у тебя нет молодого человека? Вроде нормальная, спортсменка». Я говорю: «Ну, нет и нет, достали! У вас есть на работе хорошие мужики? Вот возьмите, познакомьте!» И он так загорелся этой идеей. Вначале там всё не получалось, а потом звонит: «В субботу мы тебя сватаем». Звоню сестре, она мне говорит – сходим в кафе, поедим пирожные, выпьем кофе. Замуж же никто не зовёт, пообщаетесь. Вот мы познакомились, встретились. Но такого впечатления, что любовь с первого взгляда, не было. Ну, молодой человек, ну, *здрасьте!* Вечером разъехались по домам.

Потом он взял у Серёжи (мужа сестры) телефон, через день позвонил или написал – давай встретимся ещё раз. Ну, давай. Пойдём куда-нибудь. Встретились, сходили, раз, потом два, три. И как-то завязалось общение. Такой любви сразу не было. С моей стороны, не знаю, как с его, было любопытство. Потому что, во-первых, было интересно, что другой человек, а во-вторых – акцент, иностранец. Сейчас я не слышу у него акцента, а раньше был. Это, скажем так, человек другого уровня, что ли. Потому что до этого, если я общалась со своими спортсменами, то это мои одноклассники, и развитие у нас одинаковое, одинаковые взгляды на какие-то моменты. А тут получается, человек старше меня и с другим мировоззрением, с другими взглядами, поведением, манерами. Он на меня смотрел не как на спортсменку, коллегу, а как на молодую девушку, к которой он проявлял интерес. Ухаживание, то же открытие дверей,

подавание руки, такие моменты. И было интересно узнать, какой он. Как инопланетянин. Совсем другой. Раз он из другой страны, ментальность у него совсем другая. Хотя у него мама русская, папа латыш, но он сам латыш. Было очень интересно.

Не хочешь ли ты поучиться в Риге?

И вот как-то завязалось, потом он уехал в Латвию, вернулся. Наше общение потихоньку перерастало во что-то большее. Мы познакомились на Рождество, прообщались до лета, и в мае он сказал, что уезжает, у него заканчивается проект, и его отправляют домой. Командировка заканчивается. Ну ладно, заканчивается, буду вспоминать эти лучшие моменты своей жизни. Он такую фразу произнёс – не хочешь ли ты поучиться в Риге? Думаю – что мне учиться в Риге? Что я там забыла? Я вроде уже окончила, зачем мне там учиться? Он мне – ну, я хочу с тобой дальше общаться. Ты будешь учиться, и мы будем общаться. То есть, ни слова – я тебя люблю, никаких таких намёков, ничего не было. Поехали ко мне жить – нет, поехали учиться. Ну, он сказал – взвесь, терять тебе тут нечего. Это была правда, терять мне там было нечего. Работа у меня тренерская, в любой момент можно было к ней вернуться. Родителей оставлять – ну так что, вылетать из гнезда когда-то надо. С сестрой поговорила – и ещё понять не могу, люблю я его или нет. Мне интересно с ним, я хочу продолжать общение. Она говорит – ну тогда что, влюб тебе никто не даст, вернуться в любом случае сможешь, примем. А лучше попробовать, чем потом сидеть и думать – может, зря я не поехала. Ладно, давай поедем. Папу я перед фактом поставила, что есть такой молодой человек, он меня к себе позвал, и я к нему уезжаю. Папа сильно переживал, это я уже потом осознала, когда была эта эйфория, не думала об этом.

Получается, Адам уехал в июне, и я к нему приехала в июле, посмотреть, как, что, познакомиться с мамой, подать документы. Мама его приняла меня хорошо, доброжелательно. Съездили в институт, подали документы. По Латвии он меня повозил, попутешествовали. А потом я уехала, потому что оформлять документы надо было через Москву. И в сентябре я приехала со всеми вещами, с чемоданами, и начала жить в Латвии. Это было в 2011 году. С тех пор я здесь живу.

Тяжело привыкнуть обращаться к взрослым людям по имени

Университет для меня выбирал Адам, потому что он в этом лучше разбирается. Выбор был особо невелик, на тот момент на русском языке было мало. Выбор пал на Балтийскую международную академию. Когда я поступала, программ было три – бухгалтерский учёт, пиар, туризм и гостиничный бизнес. Я выбрала туризм.

С однокурсниками отношения сложились хорошо, но университет здесь отличается от российского. Во-первых, было тяжело привыкнуть к тому, что к взрослым людям обращаешься по имени. Эта трудность у меня возникла ещё когда я познакомилась с мамой Адама. То есть, в России к взрослым людям принято обращаться по имени и отчеству – Александр Иванович, Людмила Фёдоровна. Вот я приехала, мы познакомились, я спрашиваю – а как мне её называть? Ну, называй Людмила Петровна. Она сразу сказала – никаких Людмил Петровн. Она работала в своё время в школе. Говорит, никаких «тётя Люда» тоже не надо, называй Людмила, и всё. И мне так было тяжело это переступить. Ну, понятно, что я её называю Людмила, на вы. Но было так трудно себя пересилить. И в институте было сложно. Инесе – взрослая женщина, а ты её – Инесе. Поначала было тяжело.

А с однокурсниками – кто со школы пришёл, они там более-менее компоновались. Но было тяжело в том плане, что у нас очень большая с ними возрастная разница. Они пришли после школы, им по девятнадцать лет, а мне было двадцать шесть. И вот эта яма возрастная очень чувствовалась. Может, когда я первое образование получала, мне было тоже трудно учиться. А тут было легко, и материал я схватывала, и спрашивали не так строго как в российском университете.

Полгода я отучилась. Потом я поехала домой, на праздники, надо было мне съездить. Тянуло. И после каникул мне так не хотелось идти учиться. Сокурсники меня так раздражают, вот этой своей, может, не литературное слово, тупостью, медлительностью. Меня трясло просто. А потом я к ним привыкла, как-то полегче стало.

Свадьба у нас проходила скромно

Свадьба у нас проходила скромно. Во-первых, изначально мы не планировали делать свадьбу. Мы планировали расписаться и уехать

отдыхать на Кипр. На Кипр мы билеты купили, пошли подавать заявление. А нам сказали – надо ждать месяц, даже два. Там мест не было, и у нас получалась дата на август. На Кипр мы всё-таки съездили, потом думали – делать, не делать. Мама Адама вроде бы настаивала, чтобы мы друзей пригласили, потому что плохо зажать свадьбу, они вроде намекают, что хотят на нашей свадьбе погулять. Если друзей звать – тогда надо и моих родственников, хотя бы папу, сестру, чтобы самые близкие приехали. Если друзья придут – тогда хочется и платье свадебное. Расписывались в ЗАГСе, в Саласпилсе, потом мы шли в Ботанический сад, у нас там красивая была фотосессия, и потом заказывали банкет. Никакого тамады не было, Адам у меня такие мероприятия не любит. Были Адама друзья, три пары семейные, мои родственники приезжали, папа, тётя моя и сестра с детьми. У Адама брат младший, он приезжал, и мама. Нас там было пятнадцать человек. Платье было, как полагается, всё. Тихо было, спокойно. На второй день мы дома были, доедали то, что осталось с банкета. Потом ездили в Юрмалу, тепло было в том году. Скромненько, без всяких таких пышностей, без салютов, без фейерверков. Как хотели, так и сделали.

Первый месяц я тут жила, эйфория, новое место, прикольно. В Ригу страшно было ездить, потому что ничего не знаешь. Муж работает тут, на ТЭЦ. Едешь одна – первый раз в электричке едешь, остановки считаешь, на какой выйти. Сейчас это, конечно, прошло. Потом нужно было сесть на троллейбус, доехать до центра, пересесть. Тяжко было. Второй месяц тоже ничего прошёл, а на третий месяц я начала уже скучать по дому. По папе, по племянникам, по сестре, по подругам. Были даже периоды, эмоции нахлынут, пока идёшь домой с электрички. Поскулишь, повоешь, потом всё нормально. Говорю Адаму, мне надо съездить. Ладно, ездай. Я после нового года поехала, приехала домой. И увидела, что они живут своей жизнью. Плынут по реке. Я из неё вышла, а они остались. Были такие моменты, когда я приехала, ой, Юля, *ля-ля, чмоки-чмоки*, а потом это прошло. Они жили своей жизнью, что я есть, что меня нет. И это было очень хорошо, ведь я поняла, что жизнь не остановилась, что они там не рыдают, не скучают, они продолжают жить. И когда я приехала в Ригу, Людмила меня встретила, и мы поехали в Саласпилс, у меня появилось чувство, что я дома. И эта поездка была

очень важная – она дала мне почувствовать, что Саласпилс, Рига – это мой дом. И больше такой тоски не было, как первые месяцы.

Я писала диплом и знакомилась с Латвией

В этом году я университет окончила. Диплом писала, как ни странно, о Латвии. Первая курсовая у меня была в целом о Латвии, какой тут туристический потенциал. Вторая – о нематериальном наследии, какие есть перспективы. Третья тоже с нематериальным наследием связана, но уже в связи с образовательными программами, как можно использовать музейные программы для образования, и потом был у меня крафт-туризм как средство популяризации нематериального наследия. Ну, это ремесленный туризм в переводе. Как-то так повелось, не знаю, почему. Но мне было интересно. Я знакомилась с Латвией, знакомилась с её историей, брала интервью у сотрудников музея Даугавы, Этнографического музея. Сравнивала с другими, с эстонскими музеями. Нематериальное наследие – это устные традиции, это песни, сказания. То, что нельзя передать вещественно, оно неосвязаемо. То, что должно передаваться при помощи человека или сопутствующего материала. Те же самые танцы, латышские дайны, тот же самый кисло-сладкий хлеб, процесс его выпекания. Ремесленные мастерские в глубинках пользуются популярностью, мне было интересно поехать, поговорить, пообщаться.

Так-то мне с детьми нравится работать, может, и работала бы тренером. Но учитывая, какие зимы в Латвии, тут особо не разгуляешься. Я выбрала туризм, потому что не люблю статичную работу, мне нужно постоянное движение, обновление. Я не могу делать что-то одно долгое время. Месяц-два – и нужно что-то менять. Туризм в этом плане более интересен, потому что можно не только продавать туры, а заниматься чем-то, создавать что-то, разные виды деятельности можно захватить.

Тренерскую или учительскую деятельность в Латвии будет сложно продолжать, мне кажется, потому что, во-первых, нужно получить языковую высшую категорию С, а, во-вторых, мне кажется, будет сложно подтвердить российский диплом.

В Риге в транспорте я сажусь у окна

Мне нравится наш Саласпилс. Своей миниатюрностью, тихостью. Тут спокойно. Мне кажется, это идеальное место, чтобы создавать семью,

растить детей. Транспортное сообщение хорошее. Сел на автобус, в машину, через тридцать минут ты в центре Риги.

Рига показалась мне очень интересной, очень красивой, необычной. Четыре года я живу, сколько раз я езжу, столько раз восхищаюсь. В транспорте сажусь у окна, и архитектура просто завораживает. Не обязательно Старый город, по Тербатас, по Бривибас едешь – очень красиво. Первый год я вообще старалась ходить пешком, больше гулять. В Старый город я ходила. В институте потом договариваемся – встречаемся там-то. Все такие – а где это? Я говорю – это вот там. И все – о, ты в Старом городе уже лучше ориентируешься, чем мы. Ну конечно, мне делать-то нечего, я хожу, гуляю, запоминаю.

Рига очень хорошая. Каких-то языковых проблем тоже не было. Кто-то рассказывает, что им нахамили, ещё что-то... за те годы, что я здесь живу, ни разу мне не нахамили, ни разу не было такого, что со мной отказывались говорить по-русски. Латвийский язык я учу, сейчас могу на нём какие-то простые вещи объяснить, до этого, первый год, не было такого, никогда не было проблем. Даже если в магазине девочка плохо понимает по-русски, мы с ней пытаемся на пальцах объясниться. В департаментах тоже. Но я просто приходила и говорила – я не говорю по-латышски, я приезжая, я учу язык. И без проблем со мной говорили по-русски.

Когда я собиралась в Латвию, мне говорили – да куда ты едешь?

Я когда собиралась ехать в Латвию, мне тоже знакомые говорили – да куда ты едешь, да там русских ненавидят, да чуть ли не кирпичами кидают. Куда ты собралась, там вообще национализм полный. Я им говорю – слушайте, ну у нас двадцать первый век, какой национализм? Может быть в девяностых, я не исключаю. Но сейчас уже двадцать лет прошло. Приехала. Ну, что, как? Ну, знаете, в меня никто камнем не кинул.

Потом мне тоже родственники говорили – если будешь рожать, рожай ребёнка в России. Вдруг ты с мужем будешь разводиться, чтобы он у тебя ребёнка не отсудил. Так он будет гражданином России, ты будешь на него иметь права. Я говорю – почему вы так решили, что Адам так будет делать? Даже если не сойдётся у нас, Адам не такой, он воспитанный. Нет, посмотрят по телевизору этих историй, где за иностранца вышла,

где-нибудь ещё в Скандинавии, а потом детей не могут отсудить.

Не знаю, мне нравится в Латвии. Я в Россию ездила, прожила тут буквально год, приезжаешь – и разница чувствуется. Менталитетная. В глаза бросается. Особенно в Москве – этот бешеный ритм, ни у кого ничего не спросишь, все кидаются. Сюда приехала – более расслабленно, жизнь идёт, всё хорошо.

О семье мужа в основном Людмила, его мама, рассказывала, как они жили. Если сравнить с моей жизнью, они жили тяжелее намного. Пытались и свой бизнес заводить, они в этом доме держали магазинчик один период времени, чтобы на жизнь хватало, и чтобы мальчиков поддержать. В школе они учились в русской, и там их ущемляли, представителями латышской нации их называли, но маме они это не озвучивали, то есть, мама об этом узнала только, когда дети уже окончили институт. Почему вы мне ничего не сказали? Мама, зная твой характер, ты бы пошла разбираться, было бы только хуже. Так что тяжело им пришлось.

Военные события их затронули, потому что, по рассказам, опять-таки, свекрови, у её свёкра мама жила на хуторе, у них было двое детей, и в послевоенные годы было тяжело, потому что она одна была, двоих детей растила. Что вырастили в огороде, то и ели. И плюс ещё приходили партизаны, и надо было и тех, и тех кормить. То есть, и детей накормить, и тех, кто приходили. Просили у тебя хлебушка, надо было дать. Потому что, если не дашь – неизвестно, чем это кончится. Могли и дом поджечь. И вот у неё свёкр, уже будучи взрослым, не ел тушёную капусту, грибы. Он это не переваривал, до такой степени наелся этим.

И по рассказам моей свекрови, её свекровь была такая женщина, волевая. С характером. С другой стороны, не будь у неё такого характера, она бы не выжила. И его друзья даже боялись к ним ходить, потому что она была такая строгая. Допустим, когда Адам был маленький, она с ним разговаривала по-латышски, а с Людмилой она почему-то начала по-русски разговаривать, хотя лучше бы по-латышски, она бы тогда язык лучше знала. Ну, вот Адам в два года, учитывая, что бабушка с ним говорила на латышском, а родители на русском, начал говорить на двух языках. Он понимал, что с бабушкой надо говорить на латышском, с мамой на русском. Так что языковых проблем у него, слава богу, не было. А так, до

двухтысячных годов тяжело было жить. Потом мальчики стали работать, стало полегче. Адам уехал, работать. Сейчас, слава богу, живём хорошо.

Как это, у вас нет курантов?

Мы 9 мая не отмечаем, мы и в России его не отмечали. То есть, живя в России, да, там выходной день, мы ездили на парад в Екатеринбург. И в соседний городок – там военная техника, музей военный очень хороший. Мы туда ездили, потому что у сестры маленькие дети, им интересно посмотреть, там машины старые. Тем более, 9 мая детям разрешается поползть по всем этим танкам, залезть наверх. А такого... прямо фанатизма нет. Праздник, дополнительный выходной. Целенаправленных торжеств нет. Вспоминаем. У родственника дед – он ветеран войны, вот, ходили, поздравляли его. Бабушку с дедушкой. Вот как-то так, скромненько.

То же самое, новогодние праздники. Да, в России длинные новогодние праздники. Но в Латвии рождественские праздники тоже длинные. Мы празднуем новый год. Рождество мы не отмечаем. Да, это выходной, да, мы накрываем стол, поднимаем бокал, выпили и всё. Но в моём понимании, праздновать Рождество – это когда люди верующие, идут в церковь, стоят службы – так отмечают Рождество люди. А когда ты дома просто накрыл стол – ты просто встретил праздник.

То есть, сейчас в Латвии мы встречаем католическое Рождество 24-го. Но у нас просто праздничный ужин. Вкусненькое приготовим. В первый год Людмила по латышской традиции – девять блюд должно быть. Мы наготовили девять блюд. Сели, нас три человека. Потом мы эти блюда до нового года ели. Потом я говорю – на новый год не готовим, горячее – и всё. И закуски, чтобы в двенадцать часов выпить. И у них в семье принято на праздники подавать сначала горячее, а потом уже холодные закуски ешь. У нас в семье наоборот – сначала холодными закусками наедаешься, а потом уже горячее, а оно не лезет.

Когда мы обедаем, мы всегда едим в столовой. И всегда приборами, то есть, вилок и ножом. Дома, я в России жила, ела только вилок, как обычно. Холодный суп для меня был открытием. В России в основном делают окрошку на квасе, а тут весь квас сладкий, на нём не приготовишь. Попробовала ещё чёрный горох⁸⁶, национальное блюдо.

⁸⁶ Имеется в виду серый горох (*pelēkie zirņi*).

В первый год было странно – в России куранты же в двенадцать часов бьют. А тут – где куранты? Какие куранты? У нас нет курантов. Я говорю, как нет? Давайте, я буду курантами, в двенадцать часов – я «бом, бом». Вот эта традиция. Российское телевидение есть, я говорю – пойдёте в десять часов смотреть новый год российский, хоть куранты будут. Вот этого не хватает – всё детство привыкла, куранты были, а тут нет.

Почему *suns* мужского рода?

Мы по-русски общаемся. Но я мужа пытаюсь заставить, чтобы он со мной говорил по-латышски. Язык сам по себе не сложный, но проблема в его изучении есть. В первый год я приехала, записалась на курсы. Пришла, вроде бы всё ничего. Нулевая группа. Из двенадцати человек, как у меня – только знание алфавита – два человека. Все остальные – якобы мы ничего не знаем, но они живут уже давно в Латвии, то есть, у них какой-то словарный запас есть, у них хромает грамматика. И не было какой-то чёткой методики, у неё как-то всё галопом. Рода не могла понять. Почему *suns*⁸⁷ мужского рода? Собака же женского! А эта мне – *suns* – мужской род. Я сказала, я не буду ходить на эти курсы, я не понимаю, и эти скачки – не знаю, какие-то странные.

Потом у Людмилы знакомая директор школы, мы через неё к репетитору – учитель латышского языка, Санита, я к ней пришла. И с ней мне понравилось – она мне всё разъясняет. Почему *suns* мужского рода. Оказывается, что окончание *-s* – это мужской род. И мы с ней пошли. Во-вторых, она мне начала давать читать. Детские рассказы, сказки, «Маленький принц» на латышском языке, «Винни-Пух», рассказы на латышском. Она со мной разговаривает. Сначала на русском, а потом уже – *es nesaprotu, runā latviski*⁸⁸. Что делать, приходится! Вот с ней мы до рождения ребёнка три года общались. Сдвиг есть. Пока с ней занимаюсь, летом сама себя заставить не могу, потом прихожу – чувствуется, что не занималась. С Адамом тоже – он спокойно может общаться на двух, на трёх языках. Он на работе с одним говорит по-латышски, с другим по-русски, с третьим по-английски. Я его спрашиваю, почему ты со мной не можешь по-латышски общаться? Говори с мамой по-латышски, между собой. Она говорит, но у неё грамматика хромает. С ребёнком, я сказала,

⁸⁷ В переводе с латышского – собака.

⁸⁸ В переводе с латышского: «Я не понимаю, говори по-латышски!»

только по-латышски разговаривай! И Маркус маленький, а понимает. Я говорю, перехожу на латышский – он на меня смотрит, бровки хмурит, понимает, что что-то не то.

А язык, проблема в том, что в другую страну приезжаешь – ты попал в эту среду, все говорят на этом языке. Ты за год его выучишь. А тут – в глубинку надо ехать, на хутор, чтобы язык выучить. А в Риге невозможно – везде русская речь. Даже если ты пытаешься по-латышски, они всё равно переходят на русский. Даже я в кафе пришла, что-то я не понимаю. Я говорю – говорите, пожалуйста, по-латышски, я учу язык, мне надо. Он – хорошо.

Друзья тоже – зачем тебе учить язык? Что значит, зачем? Я приехала в чужую страну, конечно, я буду учить язык. Учи английский! А если я собираюсь жить, допустим, в Латвии, дети пойдут в латышскую школу, какие-то государственные департаменты, даже подавая документы в школу, я не смогу заполнить, потому что я не знаю латышский язык. Ну что это такое? Во-вторых, когда не знаю язык, я себя чувствую ущербной. Я не понимаю. Да, мне не надо высшую категорию, но хотя бы разговорный, обычный язык мне хочется знать.

И что, ты с ребёнком будешь на двух языках говорить? Да, если я к тому времени выучу, буду говорить на двух языках. Зато у него не будет проблем. Говорят, в садик пойдёт – выучит. Когда он в садик пойдёт, у него и так стресс будет, а если там ещё с ним на незнакомом языке будут говорить, у него двойной стресс будет, он вообще туда ходить не захочет.

Буду пока гражданином России

Многое в отношениях зависит от того, какая семья. Потому что, когда я была в больнице, там была бабулечка, медсестра. И вот она с моей свекровью познакомилась, спрашивает – это вы по-русски говорите? Как хорошо, вам повезло. У меня вот дочка вышла за латыша, и у них дома запрещено говорить по-русски. Ну, у нас по-другому чуть-чуть. Людмила приехала из России жить в своё время, и получилось такое смешение культур. Папа у них латыш, но всё более лояльно, что ли.

В других семьях, где чисто латышская семья – родители отдельно живут. Мне кажется, у нас ближе к российской семье. У нас вот есть знакомые – молодые бабушки – не хотят сидеть с детьми. А у нас Людмила

меня просто спасала, сидела с Маркушей, пока я писала диплом. Каждая семья по-разному, мне повезло, у меня хорошая. И свекровь хорошая, понимающая.

Я оставила российское гражданство, это было наше обоюдное решение, мы пришли к выводу, что пока смысла нет менять гражданство, потому что в Россию я всё равно буду ездить, а так надо визу. Ребёнок у нас гражданин Латвии, мы это сразу решили. А так – не знаю. Буду пока гражданином России.

Композиция подготовлена по интервью NMV–4279

Композицию подготовила и интервьюировала Мария Ассерецкова,
в Саласпилсе, 2015

Послесловие

Книга прочитана, мы узнали пятнадцать историй жизни, обращённых к нам напрямую, без посредников. Все они свидетельствуют о том, что исторические, культурные, политические события XX века сформировали в Латвии многообразие этнического опыта. Практически ни одну семью нельзя считать этнически однородной – среди своих предков каждый может найти представителей разных народов. И всё же человеку свойственно чувствовать себя частью этнической группы, с которой его связывает язык общения, культура, общее прошлое. Объединяющим началом книги является русский язык, на котором проходили интервью. В них отчётливо проявляется как высказанное, так и не высказанное в словах отношение к русскому языку: с одной стороны, это связующая нить с русской культурой, личной биографией, а с другой – особенности местных диалектов и следы влияния латышской среды.

У русской общины в Латвии – длительная история, укоренённая в культурном и лингвистическом пространстве Латвии. Однако в силу исторических событий и противоречивой политики памяти в обществе сложились неоднозначные взаимоотношения. Понять причины этого и преодолеть линию раздела можно, лишь услышав друг друга. Насыщенные деталями личные истории жизни, повествующие об истории семьи, жизненном пути человека и его жизни на склоне лет, позволяют лучше понять, почему у кого-то мировоззрение – одно, у другого – иное, почему человек поступает так, а не иначе, как формируется его система взглядов и ценностей, самосознание и способность к действию.

Публикацией этих интервью мы стремились показать, насколько разнолика община русских, и какой отпечаток в её социальной памяти

оставила эпоха, исторические события и их интерпретация. Опыт латвийских русских свидетельствует о семье (или о её потере), о переезде в Латвию – иногда с осознанием того, что это другая страна, иногда нет. Этот опыт был разным – часть рассказчиков попали в Латвию по стечению обстоятельств или вынужденно: во время войны, по распределению после окончания вуза, вследствие административного изменения границ Латвии; кого-то в сюда привели семейные узы, другие здесь родились. Подробный рассказ о семье, о детстве и молодости помогает читателю понять, как повлияли события эпохи на поступки человека. Вторая мировая война и репрессии коснулись почти каждой семьи, – пострадал или кто-то из родных, или сам рассказчик остался сиротой. И если память о нацистском насилии нашла более отчётливое выражение, основанное на собственных переживаниях и их подробном изложении, то репрессии советского времени остаются в глубине воспоминаний. Так продолжает действовать негласное правило молчания, ранее вызванное страхом репрессий, ныне – сложностью выразить пережитое в словах. О жизни в советской Латвии в основном рассказывается без упоминаний о событиях, вызывавших беспокойство – возможно, это тоже связано с привычкой чётко разделять сферу частной и публичной жизни. Нередко читателю открывается мир переживаний и сомнений, которые охватывают человека, оказавшегося в ситуации неопределённости. Однако каждому из рассказчиков, в целом, удалось благополучно устроиться на новом месте жительства – начать или продолжить учёбу, найти работу, создать семью.

Восстановление государственной независимости Латвии, с одной стороны, было связано с надеждами на будущее и чувством солидарности, с другой – с обеспокоенностью потерять свою идентичность. В самом начале свобода казалась многообещающей, как об этом говорит Анна Строй, сравнивая ее с открытым окном, через которое ты чувствуешь *свежий воздух. Ты можешь судить, ты можешь рассуждать*. Однако впоследствии лишь немногие смогли доказать свою способность к активным действиям, например, организовав успешно работающее предприятие. Некоторым пришлось смириться с утратой своего прежнего социального статуса, возникло ощущение потери стабильности, появилась проблема получения гражданства, изучения другого языка общения. Утешение зачастую ищется

в возвращении к своим семейным корням, вере. Социальная отчуждённость просматривается и в мироощущении молодых. В какой-то мере это компенсируется чувством принадлежности к своему месту жительства, району, Риге. Воспоминания Анны Груздевой о том, как по пути на работу она любовалась камнями мостовой, *покрытыми росой, тишиной*, наиболее поэтично отражают эмоциональную связь с городом – с пространством, которое позволяет осознать себя *латвийцем*, делая возможным найти срединный путь, соединяющий русскую, латышскую и западную культуру.

Истории жизни помогают более чутко вникнуть в человеческую жизнь, способны изменить восприятие самого себя и своего места в обществе – как у самого рассказчика, так и у его слушателя, а в данном случае – читателя. Составители книги надеются, что здесь найдутся точки соприкосновения для всех, в том числе, для латышей, ромов, белорусов, украинцев, евреев, – для всех нас – детей одного времени, живущих в Латвии.

Иева Гарда-Розенберга

Visi esam sava laikmeta bērni
krievu dzīvesstāsti Latvijā

UDK 821.161.1-94(474.3)+ 929(=161.1) (474.3)
Po984

**Visi esam sava laikmeta bērni:
krievu dzīvesstāsti Latvijā**

Grāmata sagatavota Latvijas Zinātnes padomes pētījumu projektā Nr. 370/2012 *Etniskās un naratīvās dažādības dzīvesstāstu konstrukcijās Latvijā*; rekomendēta publicēšanai ar LU Filozofijas un socioloģijas institūta Zinātniskās padomes 2016. gada 4. aprīļa sēdes lēmumu.

Sastādītājas: Māra Zirnīte, Marija Assereckova

Zinātniskās redaktors: *Dr. art.* Nadežda Pazuhina, *Dr. philol.* Ieva Garda-Rozenberga
Zinātniskais konsultants: *Dr. hist.* Kaspars Zellis

Literārās redaktors: Viktorija Kollegova, Indra Orleja
Vāka un maketa dizains: Zbigņevs Beinarovičs

Fotogrāfiju autore: Māra Brašmane

VALSTS
KULTŪRKAPITĀLA FONDS

Grāmata izdota ar Valsts kultūrkapitāla fonda atbalstu

© LU Filozofijas un socioloģijas institūts, 2016

© Latvijas Mutvārdu vēstures pētnieku asociācija *Dzīvesstāsts*, 2016

ISBN 978-9984-9599-9-3

SATURS

Ievads	5
Biogrāfiskās intervijas – acumirkīgi iespaidi un sekojošas pārdomas	9
<i>Jekaterina Daņiļceva</i> . Mani mācīja – nekad nepadoties	19
<i>Anna Gruzdeva</i> . Esmu iekļāvusies šajā pilsētā	29
<i>Boriss Lobkovs</i> . Visi esam sava laika bērni	34
<i>Tamāra Petrova</i> . Tāda ir mana dzīve	46
<i>Valentīna Žukova</i> . Mūs nosūtīja uz Latviju	59
<i>Maija Golubeva</i> . Neesmu radusi sūdzēties	68
<i>Tatjana Amosova</i> . Manas ģimenes vēsture – tā ir Kuzņecova fabrikas vēsture	79
<i>Sergejs Čuhins</i> . Visos gadījumos lēmumus pieņēmu pats	92
<i>Ilarions Ivanovs</i> . Mana dzimta sakņojas 18. gadsimtā	108
<i>Tatjana Liepiņa-Atvare</i> . Stils kā dzīves vienotība	123
<i>Jelena Matjakubova</i> . Ticība ir vairāk nekā spēks un vara	135
<i>Jaroslavs Kozlovs</i> . Šajā zemē es dzīvoju un strādāju	144
<i>Anna Stroja</i> . Vērtībām ir emocionāls raksturs	154
<i>Vladislavs Borovkovs</i> . Tāds bija mūsu rajons	168
<i>Jūlija Treikale</i> . Latvijā nokļuvu, pateicoties vīram	178
Pēcvārds	191
We all are the children of our time: Russian life stories in Latvia	193

Kompozīcijas veidoja:

Marija Assereckova
Dagmāra Beitnere-Le Galla
Nadežda Pazuhina
Edmunds Šūpulis
Kaspars Zellis
Māra Zirnīte

Audio ierakstus transkribēja:

Marija Assereckova
Igoris Kovaļovs
Nadežda Pazuhina
Svetlana Pogodina
Jolanta Šmukste

Tulkoja:

Dagmāra Beitnere-Le Galla
Baiba Burtniece
Gunta Darbiņa
Nadežda Pazuhina
Maruta Pranka
Zoja Sīle

Ievads

Laikmetā, kad individuālajai atmiņai ir tik daudz tehnisko palīgīdzekļu, kuri neatkarīgi no mūsu gribas saglabā jebkuras *pēdas*, jautājums, ko mēs vēlētos atcerēties un ko – aizmirst, tiek uzdots arvien biežāk. Cilvēka atmiņas īpatnība – ne tikai saglabāt, paturēt, bet arī aizmirst, izstumt – interesejusi pētniekus, domātājus un arī vienkāršus cilvēkus jau izsenis.¹ Bet tieši pēdējās desmitgadēs interese par atmiņām, dzīvesstāstiem, aculiecinieku liecībām ir iezīmējusies kā noturīga tendence ne tikai publicistikā, literatūrā, bet arī sociālajās un humanitārajās zinātnēs. Sabiedrība, nereti ar mediju palīdzību, pievēršas atmiņām kā liecībām, kuras ļauj mūsdienu cilvēkam izjust pagātnes klātbūtni bez neitralizējošas laika distances, iztēloties pagātnes smaržu, garšu, bet reizēm arī sāpes un zaudējumu rūgtumu. Tomēr atmiņai ir vēl kāda svarīga īpašība – tā mainās, un tā ir cieši saistīta ar jūtām, emocionālo attieksmi pret to, kas tiek paturēts atmiņā. Individuālā atmiņa ir sociāli determinēta, to ietekmē gan dažādu sociālo grupu atmiņa, gan arī vēsturnieku pētījumi, skolā iemācītais, māksla, literatūra un kino.²

Kopš 90. gadiem akadēmiskajās diskusijās vēsturnieki, sociologi un antropologi uzsver, ka atmiņa nav iedomājama kā krātuve, kurā hronoloģiskā secībā glabājas iespaidi par notikumiem, cilvēkiem, viņu biogrāfiskie dati utt. Drīzāk atmiņa ir līdzīga mehānismam, kas svārstās starp iegaušanās un aizmīršanu, reaģē uz spilgtām emocijām, ļaujot saglabāt vai izsaukt

¹ Šīs problēmas iztirzājums filozofiskajā dimensijā: Ricœur, Paul. *La mémoire, l'histoire, l'oubli*. Paris: Le Seuil, 2000. Tulk. angļu valodā: Ricœur, Paul. *Memory, history, forgetting*. Chicago: Chicago University Press, 2004.

² Plašāk par individuālās un sociālās atmiņas mijiedarbību sk.: Halbwachs, Maurice. *Les cadres sociaux de la mémoire*. Paris, 1925. Esposito, Elena. *Soziales Vergessen. Formen und Medien des Gedächtnisses der Gesellschaft*. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2002. Vēstures pētījumos "mākslīgi" iekonservētās pagātnes un "dzīvās" sociālās atmiņas pretnostatījuma tematizācija: Nora, Pierre. *Malaise dans l'identité historique // Nora, Pierre, Chandernagor, Françoise. Liberté pour l'histoire*. Paris: CNRS Edition, 2008, pp. 9–24. Копосов, Николай Е. *Память строгого режима: История и политика в России*. Москва: Новое Литературное Обозрение, 2011, с. 29–77.

no atmiņas pagātnes tēlus, pateicoties nejaušai asociācijai, jautājumam vai pazīstamam žestam.³ Atmiņas saturu veido ne tikai apzinātais, bet arī neapzinātais, tāpēc bieži vien, stāstot par savu dzīvi, cilvēks projicē pagātnē savas šīsdienas pārdomas, izjūtas vai bailes. Pati cilvēka izvēle par kaut ko stāstīt, bet citu noklusēt ne vienmēr ir racionāli izskaidrojama. Reizēm tas var būt šķietami spontāns lēmums, kas tomēr balstās vispārpieņemtās kultūras praksēs, kuras cilvēks pats sev neizskaidro vārdos, vienkārši tā ir pieņemts rīkoties, izteikties vai, tieši pretēji, – par to ir pieņemts klusēt. Spriegums starp “redzamo” un “neredzamo”, vārdos artikulēto un pauzēs noslēpto savā ziņā izaicina ikvienu, kurš mēģina ieklausīties dzīvesstāstā.

Atsevišķa cilvēka pieredze un tās iesakņošanās kultūrsociālajā vidē spilgti atspoguļojas dzīvesstāstos. Atceroties savu bērnību, tuviniekus, nozīmīgus notikumus un dzīves pavērsiena punktus, stāstītājs iekļauj stāstā viņam svarīgos faktus, priekšmetu un apstākļu detalizētus aprakstus. Līdztekus stāstījumā atklājas stāstītāja domāšanas veids, valodas izteiksme, saskarsmes modeļi, – tas viss pastāv kā kultūras prakšu kopums, par kuru ikdienas dzīves gaitās reti tiek domāts, tomēr tas veido indivīda piederību noteiktam laikmetam un kultūras telpai. “Visi esam sava laikmeta bērni” – grāmatas nosaukumam izvēlētie dzīvesstāsta autora Borisa Lobkova (*Борис Лобков*) vārdi uzsver šo pieredzi: lai cik atšķirīgi būtu katra stāstītāja dzīves ceļi, stāstot un domājot par pieredzēto, tiek meklētas references ar to ilgstamību, kuru strukturē sociāli politisko procesu ritmi un laiks.

Grāmatā iekļautas piecpadsmit dzīvesstāstu kompozīcijas, kas tapušas, veicot pētījumu “Etniskā un naratīvā dažādība dzīvesstāstu konstrukcijās Latvijā” laikā no 2013. līdz 2015. gadam. Interviju ierakstīšanā tika iesaistīta pētnieku grupa, tās sastāvā līdzās pieredzes bagātiem intervētājiem, kuri vairāk nekā divdesmit gadu piedalās mutvārdu vēstures pētījumos Latvijas Universitātes Filozofijas un socioloģijas institūtā: Māra Zirnite, Dagmāra Beitnere-Le Galla, darbojas Edmunds Šūpulis, Kaspars Zellis, Nadežda Pazuhina. Visvairāk interviju un kompozīciju šai izlasei sagatavojusi Marija Assereckova, kurai tā bija pirmā saskare ar intervēšanas praksi. Tālāk grāmatā viņa dalās pārdomās par šo pieredzi.

Grāmatā ir apkopotas krievu valodā sniegto dzīvesstāstu

³ Detalizētāk sk.: Нора, Пьер. Проблематика мест памяти / *Франция-память* / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюи-меж, М. Винок. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1999, с. 17–50.

kompozīcijas ar tulkojumu latviešu valodā. Tās veidotas, pielāgojot skaņu ierakstu un interviju rakstisko atšifrējumu lasāma teksta uztverei, pēc iespējas tuvu stāstījumam, respektējot sarunā skartās tēmas, akcentus un uzskatus. Lasītāja ērtībai kompozīcijas veidotas kā vienlaidu teksts, bez precizējošiem jautājumiem, ar kuriem intervētājs virzījis sarunu. To vietā teksts sadalīts ar apakšvirsrakstiem, izmantojot pašu stāstītāju vārdus. Tādā veidā lasītājam ļaurs izsekot sarunas tematiskajai virzībai. Arī runai raksturīgās teikuma konstrukcijas ir tikai nedaudz pielāgotas rakstītā teksta formālajām prasībām, pēc iespējas saglabājot runas manieri, atsevišķas izteiksmes īpatnības, savdabīgo vārdu un formu lietojumu.

Protams, mutvārdu stāstījuma rakstisks izklāsts vienmēr rada pastarpinājumu: stāstītāja intonācijas, izrunu un pauzes, ko var dzirdēt ierakstā, nerunājot par sejas izteiksmi, ķermeņa valodu un atmosfēru, kuru piedzīvo dalībnieki sarunas brīdī, tikpat kā nav iespējams atveidot grafiski.

Grāmatas sastādītāji piedāvā lasītājam dzīvesstāstu kompozīcijas, kuras ievada stāstītāju atmiņu, emociju, pārdzīvojumu un viedokļu pasaulē. Šīs izlases mērķis ir sniegt arī nelielu ieskatu Latvijas Mutvārdu vēstures krājuma daudzskaitlīgajā dzīvesstāstu interviju klāstā un ļaut lasītājam pietuvināties unikālajai pieredzei, kura var palīdzēt izprast viedokļu, attieksmju un vērtējumu daudzveidību mūsu sabiedrībā.

Dzīvesstāstu kompozīcijas paver iespēju ieklausīties cilvēku balsīs, kas stāsta par piedzīvoto, balstoties gan uz izpratni par pavērsiena punktiem paša dzīvē, gan arī atbildot uz sarunas biedra, intervētāja, jautājumiem, kā notikumi, kuri ietekmēja visu sabiedrību, skāra arī stāstītāja dzīves gaitu. Atlasīto dzīvesstāstu autorus vieno ne tikai krievu valoda kā dzimtā vai ikdienā lietojamā valoda, bet arī viņu ciešā saikne ar dzīvesvietu Latvijā. Katram stāstītājam ir sava neatkārtojama pieredze un skatījums, bet reizē katrs no viņiem pieder noteiktai paaudzei. Nosacīti šajā krājumā ir pārstāvētas trīs paaudzes: pirmskara paaudze, Otrā pasaules kara laikā un pēc kara dzimušie un paaudze, kas uzauga pagājušā gadsimta sešdesmitajos un astoņdesmitajos gados.

Pirmskara paaudzes pārstāvji sniedz iespēju ne tikai izsekot 20. gadsimta vēstures likločiem tā, kā tie saglabājušies atmiņā, bet stāstos sadzirdēt arī attieksmi, pārdomas par sevi un savu dzīvi ilgākā laikposmā. Pēc kara

dzimušo stāstos izteiksmīgāk skan emocionālie vērtējumi par neseno pagātni, mēģinājumi formulēt sev un citiem, ko nozīmē piedzīvot laikmeta lūzumu, vilšanos ideālos, un censties atrast jaunus orientierus situācijā, kurā atbildība par tiem jāuzņemas pašam. Dzīvesstāstu kompozīcijas atspoguļo atšķirīgas kultūrsociālās, profesionālās un dzīves pieredzes. Lasītājs var pasēkot, kas no vēsturiskā fona kļūst par daļu no biogrāfijas, personiskās pieredzes, cik lielā mērā cilvēks jūtas iesaistīts notikumos un kā reaģē uz tiem. Neatkarīgi no stāstītāju vecuma katrā kompozīcijā ir iespējams ieraudzīt vietas, kas iezīmē atmiņas topogrāfiju gan tieši (ģeogrāfiskie punkti fiziskajā telpā), gan metaforiski (kultūrainava, kurā iezīmējas atmiņai svarīgi tēli).

Mutvārdu vēstures liecības satur unikālu informāciju par cilvēka pieredzi, kas šādā formā neatspoguļojas citos vēstures avotos. Tomēr nav pamata uzskatīt, ka mutvārdu vēstures avoti būtu subjektīvāki par dokumentārajiem vai vizuālajiem vēstures avotiem: katrs vēstures avotu veids sniedz ieskatu kādā noteiktā pagātnes dzīves šķautnē. Savienojot šos fragmentus, ir iespējams iegūt pilnīgāku sabiedrības kultūrsociālās pieredzes ainu.

Grāmatā ietvertās kompozīcijas, lietojot Aleidas Asmanes (*Aleida Assmann*) terminu, ir mēģinājums piedāvāt dialogisko atminēšanās⁴ praksi, kas, balstoties individuālajās atmiņās, palīdz saskatīt gan to, kas mūs atšķir, gan to, kas vieno, atpazīt līdzīgas un labāk saprast pretējas pozīcijas. Lasot šos stāstus, mums ir iespēja sadzirdēt to, par ko publiskajā telpā nereti klusē, notvert mājienu, kuri domāti tikai *savējiem*, un arī to, kas adresēts plašākai auditorijai. Ļaujot stāstītāju balsīm skanēt arī latviskā tulkojumā, ceram, ka būs labāk saprotama arī tā pieredze, kura valodu atšķirības dēļ Latvijas kultūrsociālajā ainavā bieži paliek nepamanīta.

Esam pateicīgi visiem stāstītājiem, sarunas biedriem un brīvprātīgajiem palīgiem, kuri snieguši savu ieguldījumu, – lai grāmatā lasītājs atrod savus līdzcilvēkus, kuru atmiņas, pārdomas, šaubas un cerības var rast atbalsi katra personiskajā pieredzē.

Nadežda Pazuhina

⁴ Vācu valodā – *das dialogische Erinnern*. Sk., piemēram, Assmann, Aleida. *Auf dem Weg zu einer europäischen Gedächtniskultur?* Wiener Vorlesungen im Rathaus. Band 161. Wien: Picus Verlag, 2012, s. 54–61.

Biogrāfiskās intervijas – acumirkliģi iespaidi un sekojošas pārdomas

Vēsture kļūst aizraujoša, kad cilvēks tajā atpazīst sevi un savu pieredzi. Sociālo zinātņu attīstība piedāvā pētniekiem arvien jaunas tēmas. Cilvēka ikdienas pieredze izrādījusies ne mazāk svarīga kā laikmeta politiskās pārmaiņas. Mutvārdu vēsture ir viens no mūsdienu socioloģijas, sociālās un kultūras antropoloģijas virzieniem – starpdisciplināra metode, kas ļauj izzināt, kādu vietu vēsturē cilvēki ierāda paši sev. Mutvārdu vēsture nav ne informācijas avots par konkrētiem notikumiem, ne alternatīva “lielajiem” vēstures naratīviem. Mutvārdu vēsture ļauj izzināt, kā cilvēks aplūko savu dzīvi gan attiecībā pret politiskiem notikumiem, ievērojamiem ekonomiskiem un sociālās kultūras procesiem, kā savus priekšstatus par tiem iekļauj personīgajā dzīvesstāstā.

Individuālā cilvēka dzīve pētniekus sāka interesēt samērā nesen, vēl jo vairāk, ja ar to saprot nevis vēsturiski “nozīmīgu” personu, politiķu, slavenu kultūras darbinieku, bet vienkāršo iedzīvotāju dzīves jebkurā valstī. Cilvēks savas dzīves laikā saskaras ar dažādām sabiedrības struktūrām, piedalās sabiedrības dzīvē un ar savu darbību ietekmē vēsturi un kultūru, kas jau izsenis ir zinātniskās pētniecības priekšmets. Tāpēc interese par cilvēku personīgajām vēsturēm ir likumsakarīga, – ieklausoties biogrāfiskajās intervijās, iespējams saprast tās attiecības, kas saistījušas privāto ar sabiedrības dzīvi, ieraudzīt, kāda ir cilvēka attieksme pret savu dzīvi un kā par to tiek stāstīts.

Mutvārdu intervijas ir vērtīgs avots socioloģijas un antropoloģijas pētījumos, kas aplūko sociālo un kultūras prakšu daudzveidību konkrēta cilvēka dzīves pieredzē. Atšķirībā no rakstītām atmiņām sarunā tiešāk

izpaužas emocionālā pieredze, tāpat arī indivīda un noteiktas sociālas grupas tradicionālie priekšstati un uzskati. Vēl jo vairāk – dzīvesstāsta žanrs dod iespēju par sevi izstāstīt tiem, kuri dažādu iemeslu dēļ netiktu sadzirdēti.

Latvijas krievu dzīvesstāsti dod iespēju paskatīties uz Latvijas sabiedrību no cita skatpunkta. Lai gan profesionālie pētnieki pēdējo divdesmit gadu laikā bieži pievērsuši uzmanību Latvijā dzīvojošo krievu vēsturei, kultūrai un pašreizējai situācijai,¹ šajā grāmatā pirmo reizi dota iespēja pašiem cilvēkiem pastāstīt par sevi to, kas šķītis nepieciešams.

Potenciālo autoru meklējumi, interviju ieskaņošana un iegūto stāstu apstrāde ir ilgstošs process. Aptuveni 50 krievu valodā ierakstītās intervijas jau glabājās Latvijas mutvārdu vēstures pētnieku dzīvesstāstu krājumā. Šajā grāmatā publicētās intervijas ierakstītas pēdējo triju gadu laikā. Tās tika atlasītas no lielāka materiālu klāsta. Ierakstu ģeogrāfija aptver gan lauku ciematumus, gan lielās un mazās pilsētas no visiem Latvijas novadiem – ziemeļos Vidzemē (Tūja), dienvidos Zemgalē (Jelgava), austrumos Latgalē (Viļaka) un rietumos Kurzemē (Ventspils), kā arī no Salaspils un Rīgas. Daļa autoru ir Latvijas pamatiedzīvotāji, daļa – pārcēlušies šeit uz dzīvi dažādos laikos. Mēs nemeklējam interesantu vai neparastu pieredzi, bet piedāvājam dalīties ikdienas notikumos, pastāstīt par savu likteni, uzskatiem, par to, kā katrs izjūt savu dzīvi Latvijā.

Saskaņot tikšanos ar autoriem palīdzēja sabiedriskās organizācijas, piemēram, intervija ar Jekaterīnu Daņiļcevu notika ar Jelgavas pilsētas domes Sabiedrības integrācijas pārvaldes starpniecību, intervija ar Valentīnu Žukovu tika ierakstīta Rīgas sociālā dienesta dienas centrā. Vairākums cilvēku, kas tika uzrunāti, uzreiz piekrita intervijai. Daļu ieteica draugi un paziņas, savukārt tie – citus. Tā veidojās ķēdīte, kas saista atsevišķus šī krājuma

¹ Sk., piemēram, *Русские в Латвии: история и современность*. Отв. ред. И. И. Иванов. Науч. ред. Б. Ф. Инфантьев. Рига: ЛАД, 1992; *Староверие Латвии*. Отв. ред.-сост. И. И. Иванов. Рига: Старообрядческое общество Латвии, 2005; Ковальчук, Светлана Н. «Взыскую Истину...» Из истории русской религиозной, философской и общественно-политической мысли в Латвии: Ю. Ф. Самарин, Е. В. Чешихин, К. Ф. Жаков, А. В. Вейдеман. (Середина XIX в. – середина XX в.). Рига: Институт философии и социологии Латвийского университета, 1998; Фейгмане, Татьяна. *Русские в довоенной Латвии. На пути к интеграции*. Рига: Балтийский Русский институт, 2000; Podmazovs, Arnolds. *Vec ticība Latvijā*. Rīga: LU Filozofijas un socioloģijas institūts, 2001; Apine, Ilga, Volkovs, Vladislavs. *Latvijas krievu identitāte: vēsturisks un socioloģisks apcerējums*. Rīga: LU Filozofijas un socioloģijas institūts, 2007; Cheskin, Ammon. History, collective memories, and national identities: how Latvia's Russian-speakers are learning to remember. *Nationalities Papers*. 2012, 40 (4), pp. 561–584; *Ethnicity. Towards the Politics of Recognition in Latvia. 1991–2012*. Ed. by V. Volkovs, D. Hanovs, I. Runce. Rīga: Zinātne, 2013; *Latvijas vec ticībnieki: identitātes saglabāšanas vēsturiskā pieredze*. Sast. I. Ivanovs, N. Pazuhina, I. Runce. Rīga: LU Filozofijas un socioloģijas institūts, 2014; Cheskin, Ammon. *Russian-Speakers in Post-Soviet Latvia: discursive identity strategies*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2016.

autorus – viens iepazīstinājis ar otru, bet tas atkal ar trešo. Piemēram, Anna Stroja rekomendēja vērsties pie Jeļenas Matjakubovas, savukārt viņa ie-teica iegriezties Latvijas Krievu kultūras biedrībā, kur tikāties ar Annu Gruzdevu.

Sarunas ar Annu Gruzdevu konteksts ir daudzējādā ziņā interesants. Kad intervētāja ieradās Latvijas Krievu kultūras biedrībā, cilvēks, ar kuru bija paredzēta intervija, no savas līdzdalības atteicās, iepazīstinot ar Annu, kurai piedāvājums piedalīties intervijā nāca negaidīti. Tas gan netraucēja viņu uzreiz atsaukties. Lai arī šī intervija krājumā ir viena no išākajām, tā rāda, ka biogrāfiskā intervija var būt ne tikai iepriekš pārdomāta un sagatavota, bet arī spontāna mirkļa reakcija. Stāstījumu sekmēja pieredze atmiņu rakstīšanā, jo viņas atmiņas par Rīgas periodu dzīvē bija publicētas jau agrāk (*Грыздыса*, 2012).

Tomēr lielākā daļa tikšanos bija iepriekš sarunātas, un gan autoram, gan intervētājam bija iespēja tām sagatavoties. Dažas intervijas tika ierakstītas pie stāstītājiem mājās, daļa – pētnieku darba telpās, bet dažas tikšanās notika autoru izvēlētās vietās – sabiedriskajās organizācijās vai darbavietās.

Lielāka uzmanība pētījumā pievērsta vecākās un vidējās paaudzes pārstāvjiem, tādēļ dzīvesstāsti pārsvarā atspoguļo pagājušā gadsimta otro pusi. Kā redzams lielākajā daļā stāstījumu, Otrais pasaules karš stipri ietekmējis gan autoru, gan viņu vecāku dzīves gājumu, gan ģimeņu dzīvesvietas. Četras intervijas – Jekaterinas Daņiļcevas, Valentīnas Žukovas, Tamāras Petrovas un Borisa Lobkova atmiņas ietver dzīvi tieši kara laikā. Ikvienam stāstītājam tika lūgts raksturot savu dzīvi lielo sociāli ekonomisko pārmaiņu laikā – astoņdesmito gadu beigās un deviņdesmito gadu sākumā. Viens no pētījuma mērķiem bija vēlme saprast, kā cilvēks orientējas jaunajā sociālajā realitātē un kā tā kļūst par indivīda dzīves daļu. Tomēr nedrīkst aizmirst par dzīvesstāsta žanra īpatnībām, kuras uzsvēris itāliešu mutvārdu vēstures pētnieks Alessandro Portelli, ka mutvārdu avoti mums pasaka nevis to, ko cilvēks ir darījis, bet gan to, kā viņš ir sapratis to, ko darījis, kam ticējis un ko joprojām domā, ka ir darījis (*Portelli*, 1991, 50).

Tēmas, par kurām autors runā, notikumi, par kuriem tiek stāstīts intervētājam, ir ne tikai personīgās izvēles rezultāts. To nosaka arī attiecības starp sarunu biedriem intervijā, starp autora pārstāvēto grupu un plašāku

sabiedrību. Dzīvesstāsts līdzinās dialogam – tas tiek rakstīts vai stāstīts attiecībā pret reālo vai potenciālo auditoriju (*Bula, 2002, 8*), tāpēc īpaša nozīme ir intervētāja personībai, kā arī intervējamās grupas sociālajai pozīcijai. Lai gan mutvārdu vēstures subjekts ir autors, savu stāstu viņš nodod ar intervētāja starpniecību, tātad – pētniekam var būt liela ietekme uz sarunas rezultātu. Kā priekšrocība vērtējams tas, ka intervētājām Nadeždai Pazuhinai un Marijai Assereckovai krievu valoda ir dzimtā. Katrs intervētājs izmanto savu dzīves, kultūras un profesionālo pieredzi, lai gan attiecībās ar stāstītāju būtiskākā loma ir personīgajām īpašībām, prasmei gan klausīties, gan klusēt. Dzīvesstāsti ir personiski un subjektīvi un no pētnieka prasa ētiski atbildīgu pieeju, tos analizējot un publicējot. Tieši tāpēc mutvārdu vēstures metodē būtiskākais ir empātija un takts. Autoru atlases princips, pieeja intervijai, savstarpēja uzticēšanās tieši ietekmē stāstu. Tas labi parādās abās Dagmāras Beitneres-Le Gallas intervijās ar viņai pazīstamiem cilvēkiem Tatjanu Liepiņu-Atvari un Borisu Lobkovu.

Autoru izvēlē noteicošā loma bija atsaucībai dalīties atmiņās ne tikai ar intervētāju, bet arī ar plašāku auditoriju. Pēc sarunas ieraksta autors varēja lemt par brīvu pieeju atmiņu stāstam vai arī noteikt ierobežojumus. Grāmatā iekļautas tikai to cilvēku intervijas, no kuriem saņemta atļauja atmiņu publikācijai.

Viens no svarīgākajiem uzdevumiem, ar kuriem saskaras intervētājs: kā ievadīt sarunu ar pilnīgi svešu cilvēku tā, lai stāstītājs justos ērti un būtu gatavs atklātībai. Intervētājam uzmanīgi jāseko, kā izskan autora balss un kā veidojas abu sarunas biedru attiecības intervijas laikā. Mutvārdu vēstures pētnieki intervijās var izmantot divas pieejas – mutvārdu vēstures vai dzīvesstāsta pieeju. Ja intervētājs izmanto mutvārdu vēstures metodi, tas nozīmē strukturētu interviju ar mērķi noskaidrot konkrētu dzīves pieredzi. Mutvārdu vēstures avoti, ko iegūst tādā veidā, bieži vien ir konkrētāki, bet arī mazāk izteiksmīgi un emocionāli. Šajos gadījumos autoram grūti veidot vienlaidus stāstījumu, jo pārtrauc intervētāja jautājumi. Šāda metode ir laba pētījumos, kuriem ir noteikts mērķis – izpētīt cilvēku dzīvi noteiktā laika posmā un noskaidrot konkrētu pieredzi. Dzīvesstāsta metode, tieši pretēji, rosina autoru stāstīt par to, kas pašam šķiet svarīgs un ko viņš vai viņa vēlas pavēstīt klausītājam.

Intervija visbiežāk sākas ar lūgumu dalīties savās pirmajās bērnības atmiņās. Ideālā gadījumā atbilde uz šo jautājumu pāraug plašās atmiņās par bērnību, ģimeni, vecākiem un draugiem. Autors sāk stāstīt, kā veidojusies viņa turpmākā dzīve, bet intervētājam atliek precizēt detaļas un uzdot papildjautājumus. Tomēr pētnieki atzīst, ka tādai intervijai ir maz kopīga ar praksi (Edwards, 2014). Ja autora stāstījums bieži apraujas, palīgā nāk jautājumu un atbilžu metode. Dzīvesstāsti, kas publicēti šajā grāmatā, ir abu pieeju rezultāts. Vairums gadījumos stāstītāji gribēja dzirdēt intervētāja jautājumus vai zināt sarunas ievirzi. Iesaistoties dialogā, autora stāsts kļūst brīvāks, atraisītāks. Kā atzīmējusi Baiba Bela-Krūmiņa, “dzīvesstāsts, kāds tas tiek stāstīts intervijā, gandrīz nekad nav stāstīts iepriekš” (Bela-Krūmiņa, 2002, 34). Nereti autors pirmo reizi saskaras ar uzdevumu pastāstīt savu dzīvesstāstu, kas, protams, ietekmē pašu stāstīšanas veidu – šaubas par kādu atmiņu svarīgumu, pārstāstījums, izlaidums –, tas viss raksturīgs jebkurai intervijai un ir labi dzirdams audioierakstos. Lūgums pastāstīt dzīvesstāstu kā secīgu vēstījumu, nevis atsevišķu epizožu virknējumu var likties dīvains arī tāpēc, ka tā nav ikdienišķa, pierasta pašreprezentācija. Cilvēki visu savu dzīvesstāstu pastāvīgi atmiņā neglabā.

Gatavojoties intervijai, iepazīšanās laikā ar autoriem nācās saskarties ar izbrīnu un neizpratni par to, ka kādu var interesēt personīgās dzīves detaļas. Tomēr jāatzīmē, ka Latvijas krievu iedzīvotājiem zinātniskas institūcijas un Latvijas Universitātes autoritāte bija pietiekama, lai piekristu sadarbībai.

Lai gan mūsdienā Latvijas sabiedrībā nav konkrētu atmiņu aizlieguma, kultūras un politiskā vide akcentē vienas un slāpē citas tēmas, veido pieprasījumu pēc noteiktas nozīmes atmiņām (*Dzīvesstāsts un pašapziņa*, 2012, 46). Kur tādā gadījumā ir vieta dzīvesstāstiem, kuri neatbilst “oficiālajai” atmiņai? Mutvārdu vēsture sniedz balsstiesības iepriekš “klusējušām” grupām, tomēr ne vienmēr šo grupu pārstāvji ir gatavi atklāti stāstīt par sevi, nepārkāpjot pieņemtās atklātības robežas.

Emocionāli neitrālas attiecības intervijas laikā ir gandrīz neiespējam. Intervijās parādās divas tendences – vai nu intervētājs gribot negribot ieņem vadošo lomu, vai arī autors novērtē klausītāju un uzņemas iniciatīvu. Intervijām ar Annu Gruzdevu, Jūliju Treikali, Jaroslavu Kozlovu, Maiju Golubevu vairāk raksturīgs jautājumu un atbilžu stils, autors

gaidīja no intervētājas sarunas pavedienu un labprāt tam pakārtoja stāstījumu. Turpretim Tatjana Amosova, Jeļena Matjakubova patstāvīgi virza stāstījumu, tāpēc autora balss šajos dzīvesstāstos skan spilgtāk. Stāstītājas interesējās arī par intervētāju, un vairāki jautājumi bija adresēti viņai. Citu vidū izceļas intervija ar Annu Stroju, kura ir pazīstama ar intervētāju, turklāt viņa labi pārzin dzīvesstāsta žanru un pati mērķtiecīgi virza savu stāstījumu.

Atšķirīgi risinājās intervija ar Jekaterinu Daņiļcevu. Viņa bija iepriekš gatavojusies un atnāca uz tikšanos, paņēmusi līdzī rokdarbu paraugus, avižu izgriezumus, kuros bijis minēts viņas vārds. Tajā pašā reizē ansambļa *Slavjanočka* dziedātāji sumināja viņu, atzīmējot desmit gadu ilgo kopā dziedāšanu. Intervētājam izdevās ne tikai dzirdēt autores dzīvesstāstu, bet arī savām acīm redzēt apkārtējo cieņas pilno attieksmi.

Tomēr ne vienmēr savstarpēja uzticēšanās starp intervētāju un stāstītāju intervijas laikā garantē rezultātu. Zīmīgs ir gadījums, kad autors pāris dienas pēc intervijas ne tikai liedza publicēt atmiņas, bet arī negribēja, lai tās saglabātos krājumā. Viņš paskaidroja, ka baidās, lai intervija vēlāk netiek vērsta pret viņu. Kaut gan intervētāja viņam piedāvāja izmantot iespēju palikt anonīmam un atteikties no publikācijas, kompromisu panākt neizdevās.

Latvijas krievu iedzīvotāju stāsti nav noslēgts grupas portrets. Lasītāja vērtējumam nodoti dažāda vecuma, sociālā stāvokļa un profesiju cilvēku stāsti par dzīvi. Tas ir mēģinājums paplašināt priekšstatu par to, kā pasauli redz cilvēki mums līdzās, kā veidojušies viņu likteņi, ar ko saistītas viņu cerības un vilšanās. Visbeidzot, tā ir pētnieku piedāvātā iespēja – pavērt atklātībai daļu no mūsu kopējās sociālās atmiņas.

Marija Assereckova
Tulkojusi Maruta Pranka

Literatūra

Bela-Krūmiņa, Baiba. Dzīvesstāsti mutvārdu vēstures skatījumā. No: *Cilvēks. Dzīve. Stāstījums*: rakstu krājums. Sastādītāja un redaktore Agita Lūse. Rīga: Latvijas Antropologu biedrība, Latvijas Universitātes Literatūras, folkloras un mākslas institūts, 2002, 30.–36. lpp.

Bula, Dace. Ievadam. No: *Cilvēks. Dzīve. Stāstījums*: rakstu krājums. Sastādītāja un redaktore Agita Lūse. Rīga: Latvijas Antropologu biedrība, Latvijas Universitātes Literatūras, folkloras un mākslas institūts, 2002, 7.–9. lpp.

Dzīvesstāsts un pašarpziņa: mutvārdu vēsture Latvijā. Zinātniskā redaktore Ieva Garda-Rozenberga. Rīga: LU Filozofijas un socioloģijas institūts, Latvijas Mutvārdu vēstures pētnieku asociācija “Dzīvesstāsts”, 2012.

Edwards, Delith. ‘I’d rather you ask me because I don’t really know, you know’: The Dilemma of (Auto)Biographical Interviewing in Biographical Research. In: *SAGE Research Methods Cases*, 2014. Pieejams: <http://dx.doi.org/10.4135/978144627305013500014>

Plummer, Ken. *Documents of Life: An Invitation to a Critical Humanism*. 2nd ed. SAGE Publications Ltd, 2001.

Portelli, Alessandro. *The Death of Luigi Trastulli, and Other Stories: Form and Meaning in Oral History*. Albany, NY: State University of New York Press, 1991.

Thompson, Paul. *The Voice of the Past: Oral History*. 3rd ed. Oxford: Oxford University Press, 2000.

Груздева, Анна. Верхом на времени. В: *Рижский альманах: проза, поэзия, документы, размышления*. Рига: Rīdzene-1, 2012, с. 97–116.

JEKATERINA DAŅIĻCEVA

Dzimusi 1934. gadā Vitebskas apgabalā, Baltkrievijā. Nacistu okupācijas laikā zaudē vecākus, no bērnunama Baltkrievijā viņu pārsūta uz Rīgu. 1952. gadā pabeidz amatniecības skolu Rīgā, iegūst virpotājas specialitāti. Strādājusi mašīnbūves rūpnīcās Jelgavā. Pensijas gados dzied Jelgavas krievu biedrības "Istok" (Izteka) korī "Slavjanočka". Strādā rokdarbus, darina rotas, lai piepelnītos pie pensijas.

MANI MĀCĪJA – NEKAD NEPADOTIES

Savu māju pazinu pēc apdegušās ievas

Mans liktenis ir ļoti smags. Pati esmu no bērnunama, no Baltkrievijas. Bija tāda sādža Timohi Vitebskas apgabalā. Kad sākās karš, man bija septiņi gadi. Mēs bijām mātei seši bērni, liela ģimene. Kad sākās karš un sādžā ienāca vācieši, visus dzina ārā no mājām. Bērni sāka kliegt: "Vācieši nāk!" Mēs izskrējām no mājas tādi, kā stāvējām. Vecākais brālis, viņam bija ap divdesmit gadu, saka mātei baltkrievu valodā: "Ieskriešu mājā, paņemšu maizi, būs ceļam." Un tā viņš arī neatgriezās, sadega mājā. Vācieši visu dedzināja. Tēvs un vecaistēvs gāja bojā pirmajās dienās, mēs ar māti nonācām koncentrācijās nometnē Baltkrievijā.

Nezinu, vai barakas bija speciāli celtas vai saglabājušās no agrākiem laikiem. Izskatījās tieši tādas, kā redzamas filmās. Betona lāvas, tur visus sadzina iekšā un apsargāja ar suņiem. Tikko paiesi malā, vai nu nošaus, vai suņus uzrīdīs.

Kad ienāca padomju karavīri un mūs atbrīvoja, naktī bija bumbvedēju uzlidojums, daudz cilvēku gāja bojā. Barakas spridzināja, ieskrēja

karavīri un lika glābties, jo vācieši var atgriezties. Izklidām, kur nu kurais. Māte bija kopā ar mums, viņa gribēja iet atpakaļ uz dzimteni. Mēs gājām, meklējām ceļu, jo nezinājām, kur atrodamies. Mājās nokļuvu es viena pati. Un savu māju pazinu tikai pēc apdegušās ievas zem loga, nekas nebija pāri palicis.

Bezpajumtnieku komūna

Man bija mazs brālītis, aptuveni trīs gadus vecs. Un es ar brālīti izgāju visu karu. Kad māte nomira, es paņēmu savu brālīti Viktoru un gāju. Mēs ilgi gājām, izsalkuši un nosaluši, un pievienojāmies bezpajumtnieku komūnai. Varbūt esat redzējuši filmās tādas bandas, es arī tādā biju.

Reizēm baisi un kauns atcerēties. Mēs klaiņojām, līdz mūs aplenca. Mēs taču bijām bezpajumtnieki – bez matiem, apauguši ar augoņiem. Ļoti daudz bija tādu bērnu. Dzīvojām zemnīcās, gulējām uz dēļiem, apakšā ūdens, odi. Staigājām ubagodami. Mums bija tāda kā aukle, kas pieskatīja mazos bērnus, tur es atstāju Viktoru. Lielie staigājām diedelēdami. Vienu dienu, divas, pēc tam atgriezāmies ar tarbām, salikām visu kaudzē un ēdām, kamēr pietika, tad gājām atkal.

Un reiz naktī zemnīcās mūs aplenca. Mēs taču visiem bijām apnikuši, jo aptirījām dārzus. Bankas neaplaupījām, bet dārzi no mums cieta. Kolhoza priekšsēdētājs lika visus aizturēt, iedeva trīs zirgus ar lieliem ratiem, iedeva ēdienu un lika pavadoņiem visus aizvest. Pavadoņi nedrīkstēja atgriezties, kamēr nebijām izvietoti. Mūs veda un veda, jo pēc kara visas vietas bija aizņemtas. Aizveda līdz Vitebskai, tur mūs, kādus trīsdesmit bērnus, nodeva sadales punktā, es paliku ar brālīti. Viņš bija ļoti slims, viņu aizsūtīja uz slimnīcu operācijai. Piecu gadu vecumā viņam bija sirds operācija. Kad Viktors atgriezās no slimnīcas, mūs nosūtīja uz bērnunamu.

Dzīve bērnunamā

Bērnunamā vispirms nokļuvām izolatorā, kamēr ieguvām cilvēcis-ku izskatu. Mēs ar Viktoru bijām vienā bērnunamā, divdesmit kilometrus no Vitebskas, tas bija speciāls bērnunams karā cietušajiem. Tur pabeidzu skolu, mums bija ļoti laba direktore, dažreiz pat mātes tādas nav, kā viņa mums bija. Kad gāju prom no bērnunama, direktore man uzdāvināja lielu savu fotogrāfiju.

Bērnunamā nodarbojāties ar visu ko – dziedājām, dejojām, dzejoļus skaitījām, iestudējām izrādes. Mēs šuvām, izšuvām, mums bija diegi un dažādi materiāli. Braucām uzstāties, kur mūs aicināja. Pie mums arī brauca ciemos. Mēs lasījām ogas, sēnes, riekstus, gatavojām skābenes ziemei. Gājām pulciņos pa divdesmit cilvēkiem, vispār tur bija ap simts bērnu. Vasarās izbraucām laukos, dzīvojām teltīs. Ar mums kopā bija audzinātāji, medmāsa, ārsts, pavārs, viss, kā pienākas. Viena audzinātāja gribēja mani pieņemt par meitu. Bet man jau bija vienpadsmit, divpadsmit gadu, un es negribēju – teicu, ka vairs nevienu par mammu nesaukšu.

Īsi pirms izlaiduma bērnunamā, kad mēs jau skaitījāmies pieauguši, bija kāds gadījums. Guļamistabā gulējām katra savā gultā. Ārpusē koridorā dežurēja nakts aukle, jo mums bija ne tikai meitenes, bet arī zēni. Un, lūk, kādu vakaru jau aizejam gulēt, bet blakus skolas pagalmā deju vakars, skan akordeons. Visi dejo, skola nav tālu. Mēs, piecas meitenes, nolēmām iet uz dejām. Atvērām logu, palodzes nav augstas, apgērbāmies, basām kājām izkāpām ārā un – uz dejām prom. Direktore Antoņina Sergejevna dzīvoja netālu – ezera krastā. Viņa bieži vakaros nāca pārbaudīt nakts aukles, vai tās neguļ. Arī toreiz viņa gāja garām deju placim, bet neko neteica.

Dejas beidzās, gājām mājās. Rītos mums bija līnija. Pacēla karogu, katrai grupai deva uzdevumu – vieni iet ravēt dārzu, citi slaukt govīs, ganīt zosis, izvest ārā zirgus. Mums bija sava saimniecība. Arī tajā rītā pamodāmies, pacēlām karogu, nodziedājām dziesmu. Pēc tam paziņojums. Antoņina Sergejevna nosauc piecus uzvārdus un izsauc mūs priekšā. Mēs visas bijām no vienas istabas un viena pulciņa. “Vai zināt, ko šīs meičas nostrādāja? Eju garām, skatos – deju laukumā pazib pazīstami stāvi. Basām kājām dzenā putekļus. Viņas aizgājušas uz dejām!” Un mēs saņēmām uzdevumu – ravēt nātres un ērkšķogas. Tas bija sods. Kamēr tur dzīvoju, tikai vienreiz tiku sodīta.

“Tagad jūsu mājas un dzimtene ir tur...”

1950. gadā es pabeidzu skolu, no Rīgas atbrauca cilvēki un mūs, piecas meitenes, paņēma līdzī uz arodskolu. Paņēma tieši meitenes, jo gribēja parliecināties, vai meitenes var izmācīt par virpotājām.

Kad mūs veda prom no bērnunama, braucām ar vilcienu caur Dvinsku – tagadējo Daugavpili. Iebraucām naktī un dzirdam – nerunā

krieviski. Pavadošā audzinātāja gulēja, un mēs visas aizbēgām no vilciena. Domājām, ka mūs ved pie vāciešiem. Nu, ilgi mēs nebēguļojām. Nākamajā stacijā audzinātāja pamodās un sāka mūs meklēt. Tad mūs nogādāja atpakaļ. Otrreiz mūs aizveda tieši uz Rīgu. Tur visi uzraksti svešā valodā, arī skolā nerunā krieviski. Un atkal saprotam, ka esam nokļuvušas pie vāciešiem! Noskaidrojām, cik maksā biļete līdz bērnunamam, pārdevām visas bērnu nama lietas, mums bija skaisti formas tērpi. Par iegūto naudu aizbraucām atpakaļ uz bērnunamu. Mūs sagaidīja Antoņina Sergejevna: “Meitenes, no kurienes?” – “Kāpēc jūs mūs atkal sūtījāt pie vāciešiem?” – “Kādi vācieši, tur taču ir krieivi!” Un tad viņa teica: “Mīlās meitenes, šeit bija vienas jūsu mājas un dzimtene, bet tagad jūsu mājas un dzimtene ir tur.” Viņa paskaidroja, kas tur dzīvo. Un, lūk, kopš 1950. gada dzīvoju otrajā dzimtenē.

Tēraudu pazīst pēc skaņas

Arodskola atradās Kurbada ielā 2a. Pirmā arodskola¹. Mācījos tur divus gadus. Man bija sešpadsmit gadu, kad sāku, bet, kad beidzu skolu, astoņpadsmit. Izmācījos par virpotāju, ieguvu piekto, augstāko, kategoriju.

Atceros savus skolotājus. Mūs apmācīja divi vecīši, mēs viņus saucām par Zaru un Geraniusu. Viņi bija ļoti prasīgi, ļoti labi vecie meistari! Mēs apgūvām gan teoriju, gan praksi. Pirmo pusgadu mācījāmies tikai par metāliem. Pašlaik varbūt es neatceros, bet toreiz – katram metālam bija sava marka, sarkans, zaļš, pelēks, pēc tām noteica – tas ir tērauds-3, tērauds-45 vai tērauds-5. Un, ja iedeva strādāt ar metālu bez markas, mūs iemācīja pazīt tēraudu pēc skaņas un dzirksteles. Ļoti labi iemācīja.

Mana fotogrāfija bija uz goda plāksnes, un mani, kad es jau strādāju, bieži aicināja dalīties pieredzē ar jaunajām arodskolniecēm, kas arī nāca no bērnunamiem. Es labi mācījos, jo bērnunamā mūs ļoti labi audzināja. Tur es beidzu piecas klases, izglītība man nav liela, skaitās vidējā, jo mācījos vēl divus gadus. Taču uzskatu, ka zinu ne mazāk kā tie, kas tagad beiguši divpadsmit klases.

Mēs, visas piecas bērnunama meitenes, turējāmies kopā. Tagad gan esam pašķīrušās un nezinām, kur nu kurā. Agrāk satikāmies, bērni bija kopā pionieru nometnēs. Bet tagad... cita mirusi, cita aizbraukusi. Nav sakaru. Es no visām līdz astoņdesmit esmu nodzīvojusi.

¹ Bijusī Rīgas Valsts arodskola.

“Nekad neuzticieties puisiem...”

Tikšanās parasti sarunājām Rīgā pie kanāla. Kādreiz sarunā tikšanos, bet neatnāc. Pie *Laimas* pulksteņa tikāmies. Ej garām, bet viņš gaida, skatās pulkstenī.

Citreiz tramvajā norunājām. Kopmītne bija Maskavas ielā, uz skolu Kurbada ielā braucām ar tramvaju. Pie mums skolas lielajā zālē rīkoja dejas. Nāca arī no citām skolām. Ne visus laida iekšā, puisi kāvās, kad nāca no citām skolām un pievērsa uzmanību mūsu meitenēm. Pie mums nāca no 5. dzelzceļnieku arodskolas. Viņiem bija tikai zēni, nav ar ko dejot. Bērnunama audzinātājas man uz skolu reizēm atsūtīja paciņas, kādu blūzīti, uz dejām taču vajadzēja ko skaistu.

Ar zēniem draudzējāmieš, viņi mūs pavadīja uz mājām, bet nekas nopietns nebija. Jo bērnunama direktore mums mācīja: “Nekad neuzticieties puisiem! Piemānīs, kur tad liksities?” Bija viena skolotāja, kolhoza priekšsēdētāja meita, viņa bija neprecēta ar bērnu. Tas bija liels kauns toreiz, četrdesmitajos un piecdesmitajos gados. Audzinātāji mums deva padomus un savu dzīves pieredzi stāstīja. Tā ka dzīve mani gan mācīja, gan sita.

Gāju uz teātri, koncertiem, skolas laikā neizlaidām nevienu izrādi. Arī latviešu teātri. Mums bija *komsorgs*² latvietis, kurš tulkoja. Pati iespaidīgākā izrāde, ko atceros, bija *Uguns un nakts*. Mums deva brīvbiļetes, sasēdāmies aplītī, un *komsorgs* tulkoja. Kur tik bija kāds teātris, mēs klāt! Arī dziesmu dienām³ arodskolā gatavojāmieš. Ak, kā mūs dresēja! Bija interesanti.

Visur gribēju būt klāt

Kad pabeidzu arodskolu, no Jelgavas mašīnbūves rūpnīcas pienāca pieprasījums pēc virpotājiem, un mūs, piecas meitenes, nosūtīja uz turieni. Nokļuvām Jelgavā, tur es strādāju, apprecējos, vēlāk pēc dekrēta atvaļinājuma nonācu citā rūpnīcā – Jelgavas lauksaimniecības mašīnu rūpnīcā, kur nostrādāju trīsdesmit divus gadus, kopējais darba stāžs man ir četrdesmit divi gadi.

Rūpnīcā strādāja arī sievietes – virpotājas, frēzētājas, urbējas, diezgan smags darbs, bet mēs tikām galā. Dzelžus vajadzēja pacelt, atvest, nolikt uz darbgalda, grūts darbs, bet patīkams, interesants. Katru reizi

² No krievu *комсорг* – komjauniešu organizators.

³ Iespējams, ir domāti Dziesmu svētki. 1950. gadā notika Padomju Latvijas II Dziesmu svētki (XI Vispārējie Dziesmu svētki), tajos piedalījās Latvijas arodskolu apvienotais koris ar dziesmām krievu valodā.

jauni uzdevumi. Piemēram, izvirpot simts zīmuļus. Izvirpoji, nodevi, saņēmi algu. Kontrolieris izraksta norīkojumu, mēneša beigās saskaita. Gadījās arī brāķis, reizēm nepaveicās. Ja materiāls palicis, taisi no jauna. Bet man nekad neatvilka no algas, tādu sīkumu – 20–30 kapeikas – piedeva.

Kā es tik nestaipīju tos smagos dzelžus! Piekrauj pilnu ķerru, kādreiz tā apgāžas, bet gribas vairāk nopelnīt, lai varētu iet uz dejām. Dzīve bija grūta. Bet es strādāju un labi nopelnīju. Kaut gan darbs bija ar metāliem, rokas man joprojām mīkstas, man nekad nebija raupjas rokas. Tagad nagus esmu apgriezusi, bet toreiz nagi man bija gari.

Alga bija pēc izpeļņas. Es biju pieradusi pārāk taupīt, kā mūs mācīja bērnumā. Tērēju ēšanai, bet krāju apģērbam, negribējās staigāt bērnuma šinelī. Pirmo nopirku rudens mēteli. Pakāpeniski sakrāju korpēm. Pamazām iemācījos apieties ar naudu.

Tagad gan nav pieņemts par to runāt, biju PSKP⁴ biedre trīsdesmit vienu gadu. Biju partijas sekretāre, arodbiedrības priekšniece. Man bija daudz skolnieku, apmācīju gan virpotājus, gan urbējus. Vienmēr biju uz goda plāksnes.

Piedalījos pašdarbībā, dzīvokļu komisijā darbojos. Visur gribēju būt klāt. Tā mūs mācīja bērnumā: “Nekad nepadodieties, nevienam nepakļaujieties, esiet vienmēr priekšgalā un nevienu neklausiet!” Es ļoti ilgi neteicu, ka esmu no bērnuma, jo valdīja uzskats, ka tie, no bērnuma, nav vērā ņemami.

Pirmais skolnieks

Ar vīru iepazinos, kad strādāju mašīnbūves rūpnīcā. Es tikko biju beigusi skolu, bet viņš atnāca no armijas. Man uzdeva apmācīt viņu amatā. Izmācīju par virpotāju, vēlāk apprecējāmies. Viņu sauca Sergejs Semjonovičs Daņiļcevs, tā es kļuvu Daņiļceva. Tas bija 1953. gadā. Viņš bija vecāks, dzimis 1928. gadā Kirgīzijā, bet krievs. Viņš bija no pārvietotajiem. Viņa vectēvu nosūtīja uz turieni cīnīties pret basmačiem⁵, atjaunot padomju varu. Pēc armijas Sergejs atbrauca šurp, jo te dzīvoja viņa brālis. Brālis pasauca, un viņš atbrauca strādāt rūpnīcā, tā mēs iepazīnāmies. Tas bija mans pirmais skolnieks. Kirgīzijā viņam neviena vairs nebija, tēvs gājīs bojā. Tur

⁴ Padomju Savienības komunistiskā partija.

⁵ Vidusāzijas vietējo iedzīvotāju partizānu reliģiski politiskā kustība, kas sākās ar pretošanos mobilizācijai cara armijā Pirmā pasaules kara laikā un turpinājās kā cīņa pret padomju varu pēc lielnieku apvērsuma 1917. gadā.

ir liels pieminēklis, un viņš tur ir ierakstīts – kritis karā.

Tādu kāzu mums nebija, vienkārši vakariņas. Es – no kopmītnes, viņš – tikko no armijas. Īpašas kleitas man nebija, pat gredzenus nevarējām nopirkt. Mēs tikko bijām sagājuši kopā, un mums nekā nebija. Aizgāju uz komisijas veikalu un nopirku skaistu gaišzilu kleitu ar baltiem izšūtiem gulbjiem.

Apprecējāmie un dzīvojam pie viņa brāļa. Gaisotne tur bija ne visai... viņi negribēja mani. Viņam pirms tam bija cita meitene – ar vecākiem, ar dzīvokli, bet es – no kopmītnes. Bet viņš vienalga: “Abi esam bāreņi, tātad mums jābūt kopā!”

Iegūt savu dzīvokli, protams, bija grūti. Cik mēs nestaigājām gan uz pasu galdu, gan citur. Pat nācās rakstīt iesniegumu, ka šķiramies, ja nedod dzīvokli. Mūs tur pamācīja, lai rakstot, pamatojoties uz to, ka jaunie speciālisti tikko sākuši dzīvi, bet dzīvokļa nav.

Rūpnīcā stāvējām rindā⁶ no 1953. līdz 1961. gadam. Mēs ilgi mocījāmies, līdz tikām pie sava dzīvokļa Hruščova laika mājā⁷. Labs dzīvoklis, jau piecdesmit gadus tajā dzīvojam. No visas mājas divdesmit dzīvokļiem tikai mēs divi esam palikuši no pirmienākušiem. Man no darba līdz mājai bija 1281 solis. Vairākas reizes speciāli skaitīju, lai zinātu, cik soļu nostaigāju katru dienu. Darbs bija trīs maiņas, vajadzēja strādāt no vieniem nakti līdz astoņiem rītā.

Dzīve iemācīja pretoties

Dzīvē gāja visādi. Nodzīvojām ar vīru četrdesmit gadus. Visādi gāja – gan strīdējāmies, gan kāvāmies, gan šķīrāmies. Kāvāmies! Es daudziju viņu, viņš – mani. Nu un, nav kur iet! Kopīgi bērni, kopīgs dzīvoklis. Tā arī dzīvojām. Mēs nespriedām, cik mums būs bērnu. Pēc trīs mēnešiem paliku stāvokli, bet nākamā – meita – pēc pieciem gadiem. Nolēmām, ka pietiek ar diviem.

Plēsāmies galvenokārt bērnu dēļ. Te viņš netaisni kādu nosoda, es aizstāvu, tad viņš man uzbrūk, es viņam pretī. Man dzīve iemācīja pretoties. Bērnu pārsvarā audzināju es, jo vīrs aizgāja strādāt milicijā. Viņam nepatika rūpnīcā.

⁶ Tā sarunvalodā sauca dzīvokļu uzskaiti darbvietās, kas deva iespēju dzīvojamās platības trūkuma gadījumā (dažādos laikposmos vidēji ne vairāk par 6 m² vienai personai) pretendēt uz valsts piešķiramo atsevišķo dzīvokli.

⁷ Kieģeļu vai paneļu trīs līdz piecu stāvu mājas ar nelielas platības vienistabas, divistabu un trīsstabu dzīvokļiem; to masveida celtniecība sākās 50. gadu otrajā pusē, lai atrisinātu dzīvokļu trūkuma problēmu.

Mācīju bērnus tā, lai būtu taisnīgi. Vakaros lasījām grāmatas, apspriedāmies. Kad meita nomira, nācās audzināt divus mazbērnus. Meita bija kareivīga, mazmeita arī, mans raksturs. Kad meita mācījās sestajā klasē, kāda māte atveda savu dēlu ar zilumu zem acs. “Skatieties, ko jūsu meita izdarīja!” Es saku: “Pareizi. Lai nerausta aiz bizēm!” Skolotāja raksta viņai piezīmi, es uzstāju, lai raksta arī zēnam. Tikām skaidrībā.

Man ar bērniem nebija tik grūti kā ar mazbērniem. Naudas maz, tikai pensija. Tik grūti, vienam vajag, otram vajag. Mani paglābj, ja izdodas ko pārdot, ko noadīt, citādi nezinātu, kā izdzīvot. Lūdzu sociālo pabalstu, bet man pensija par diviem eiro pārsniedz noteikto, tā ka neko nesaņemu.

Tagad mani mazbērni mācās. Reiz mazmeita televizorā ierauga un prasa: “Kas tas tāds?” Es saku: “Ļeņins⁸.” – “Bet kas viņš tāds?” Viņa pat nezina, kas tie ir. Viņa taču mācās latviešu skolā. Nezina ne Gorkiju⁹, ne Čehovu¹⁰, ne Gogoli¹¹... Es stāstu gan par Ļeņinu, gan Staļinu¹² un par karu. Mazmeita prasa: “Vecmāmiņ, vai tiešām ar tevi tā notika?” – “Jā,” saku. Arī dēlam un meitai stāstīju. Reizēm kino rāda bezpajumtniekus, saku: “Skatieties, kāda es biju!” Bet viņi... pat grūti pateikt, ko viņi par to domā. Es saku: “Lūk, izdzīvoju. Bet jūs vispār neko neredzat un nezināt, kas notika kādreiz. Izaugsiet, un jums nebūs nekā, ko pastāstīt saviem bērniem. Pabeidzi skolu, pabeidzi tehnikumu, un viss. Reiz bijī ekskursijā. Jums nav par ko stāstīt!”

Deviņdesmitie. Jāpierod

Grūti bija, jo uzreiz pārtrūka visi sakari, tur nedrīkst, te nedrīkst, vēstules rakstīt nedrīkst. Es taču sarakstījos ar vīra māsām, viņa radniekiem. Aizsūtīju telegrammu, ka Sergejs miris, lai atbrauc uz bērēm. Neatbrauca. Vēlāk, pēc vairākiem mēnešiem, atnāca vēstule. Raksta, ka neatbrauca uz bērēm, jo domājuši, ka pie mums ir karš un Sergejs nogalināts. Deviņdesmit pirmajā! Viņi runājuši, ka te, pie mums, ir karš, kaut gan nekā tāda nebija. Bet gaisotne bija smaga.

⁸ Vladimirs Uljanovs (Ļeņins, 1870–1924) – Krievijas revolucionārs, lielinieku (komunistu) partijas līderis, pirmais Padomju valdības vadītājs.

⁹ Aleksejs Peškovs (pseidonims – Maksims Gorkijs, 1868–1936) – krievu rakstnieks, prozaīķis, dramaturgs.

¹⁰ Antons Čehovs (1860–1904) – krievu rakstnieks, prozaīķis, dramaturgs.

¹¹ Nikolajs Gogolis (1809–1852) – krievu prozaīķis, dramaturgs, dzejnieks, kritiķis, publicists.

¹² Josifs Džugašvili (Staļins, 1878/1879–1953) – Krievijas revolucionārs, no 1922. līdz 1953. gadam bija komunistiskās partijas Centrālās komitejas ģenerālsekretārs.

Es latviski kaut ko saprotu. Ja nesaprotu, lūdzu pateikt krieviski. Veikalā visu saprotu, bet par politiku – ne visu. Kā esmu pieradusi krieviski runāt, tā arī runāju.

Bērnunamā mācījos baltkrievu valodā. Kad ierados arodskolā, mani daudzi nesaprata, jo es runāju baltkrievu valodā. Nu, nekas, tagad tikai reizēm kāds baltkrievu vārds izsprūk. Arodskolā piecdesmitajos gados nebija latviešu programmas, viss bija krieviski. Arodskolā bija latviešu puisi, viņi mums samācīja tādus vārdus, ka no veikala nokļuvām milicijā. Mēs taču nesapratām. Varbūt tāpēc latviešu valodu nemācījos. Tas palicis prātā. Varu runāt, pat eksāmenu noliku¹³, un tūlīt no galvas ārā.

Tik daudz nācies pārdzīvot. Pie visa jāpierod. Bet agrāk nebija kā tagad. Tad bija brīvība, ne tā kā tagad. Kaut gan mani neviens neapvaino un nav apvainojis. Es pierodu. Dažreiz domāju – nu kādēļ tas viss? Tas par jauno laiku, par deviņdesmitajiem. It kā jau viss bija norimis, tagad atkal – krievus nevajag, un tā tālāk. Dažreiz ļoti smagi un sāpīgi – ko esmu izdarījusi sliktu tāpēc, ka krieviete?

Pēdējos desmit gadus mans lielākais prieks ir mēģinājumi, otrdienās un piektdienās gatavojamies, pēc tam uzstāšanās, tērpi, viss mums ir. Tagad *Siltais nams*¹⁴ palicis. Visas sievietes sapulcējas, vīriešu gandrīz nav. Nu, tā ir tāda... satikšanās. Mēs pulcējamies reizi mēnesī, apsveicam dzimšanas dienās, padziedam, dzejoļus skaitām, klājam galdus. Mums šeit ir liksmi. Cik sevi atceros, vienmēr ar kaut ko nodarbojos – adu, šuju, divus gadus mācījos šūšanas kursus.

Viens mans mazdēls Kirjuša jau trešo gadu Anglijā, izmācījās manā specialitātē. Tikai es ar rokām virpoju, bet viņš elektroniski. Uzdod pavēli, un detaļa izvirpojas. Viņš ir Anglijā, bet mācījās šeit, Amatu skolā. Ar Angliju ir ļoti apmierināts. Latvijā nav tāda darba viņa specialitātē. Viņi izmācījās astoņpadsmit cilvēku, un neviens nestrādā, nav virpotājiem darba. Mašīnbūves rūpnīcā ir dažas vakances, bet tur nelaiž, saka, ka jaunieši salauž visu tehniku. Kaut gan skola rūpnīcai nopirka iekārtas par savu naudu. Viņš aizgāja tur strādāt, par diviem darba mēnešiem samaksāja 10 latus. Dzīvo nu! Tāpēc arī caur pazīšanos sameklēja darbu Anglijā. Sākumā bija divi izmēģinājuma mēneši, tagad pēc gada iemācījies un pilnveidojis

¹³ Ir domāts valsts valodas pārbaudes eksāmens.

¹⁴ Jelgavas pensionāru kluba nosaukums.

savu profesionālo prasmi, viņam būs augstākā kategorija. “Tu, vecmāmiņ, ar rokām strādāji, es tikai pogas spiežu!” Es domāju, ka viņš neatgriezīsies.

Tulkojusi Baiba Burtneiece

Intervija NMV-4243

Kompozīciju veidoja un intervēja Marija Assereckova un Māra Zirņīte,
Jelgavā, 2014

ANNA GRUZDEVA

Dzimusi 1935. gadā Krasnojarskas apgabalā, Krievijā. 1959. gadā beigusi Krasnojarskas Pedagoģisko universitāti, ieguvusi vēsturnieces un filoloģes specialitāti. Apprecējās un pārcēlās uz Latviju. Drīz pēc tam kļuva atraitne un palika vīra dzīvesvietā. Strādājusi par skolotāju.

ESMU IEKĻĀVUSIES ŠAJĀ PILSĒTĀ

Latvijā nokļuvi nejausi

Esmu dzimusi un augusi Krasnojarskā. 1956. gada beigās pavisam negaidīti iepazinās ar savu nākamo vīru Juriju Gruzdevu. Viņš atbrauca uz Krasnojarsku pēc Ļeņingradas institūta. Pēc sadales te viņam vajadzēja nostrādāt trīs gadus. 1960. gadā, kad viņš jau strādāja trešo gadu, saņēmām vēstuli no Rīgas, no viņa tēva. Rīgā sešdesmitajos gados bija sākusies dzīvokļu platību pārskatīšana un samazināšana. Tā kā Gruzdeviem bija liels dzīvoklis, vīra tēvs lūdza, lai dēls ar sievu, tas ir, ar mani, un mūsu dēlu steidzami brauc uz Rīgu.

Vecāki, tēvs un māte, bija karaklausībai pakļauti ārsti un kara laikā nonāca Latvijā. Tēvs, Gruzdevs Serafims Vasiļjevičs, bija medicīnas dienesta apakšpulkvedis, māte – Marija Sergejevna – majore. 1944. gadā viņi palika dzīvot Rīgā, Suvorova ielā¹⁵. Te vīra vecāki dzīvoja un strādāja. Dzīves pēdējā laikā, piecdesmitajos – sešdesmitajos gados, Gruzdevs Serafims Vasiļjevičs bija galvenais ārsts Ķemeru sanatorijā, māte – ārste sanatorijā Dzintaros. Viņu vecākā meita, kas beigusi Latvijas Universitāti¹⁶ un aspirantūru, strādāja par katedras vadītāju Liepājas Pedagoģiskajā institūtā.

¹⁵ Tagad A. Čaka iela.

¹⁶ Tolaik – Latvijas Valsts universitāte.

Tā viņu dēls Jurijs Gruzdevs atveda mani šurp, bet pats atgriezās, lai kārtotu atbrīvošanos no darba. Viņam vēl obligāti vajadzēja nostrādāt 12 dienas. Pēdējā darba dienā rūpnīcā notika avārija, un viņš gāja bojā. Es paliku šeit. Tā es nejauši biju nokļuvusi Latvijā.

Drīz vien atradu darbu. 1960. gada augusta beigās, pēc bērēm Sibīrijā, es atgriezos un septembrī jau strādāju skolā. Man šķita, ka spēšu ātri iemācīties latviešu valodu. Kāpēc? Tāpēc, ka uzreiz skolā man neatradās darbs specialitātē un es strādāju pagarinātās dienas grupā, kur vajadzēja pārbaudīt mājas darbus. Tā es saskāros ar latviešu valodu. Bērni sākumskolā nosprieda, ka es to protu. Man arī likās, ka ātri iemācīšos. Diemžēl apstākļi iegrozījās tā, ka latviešu valoda man nebija vajadzīga darbam, jo es pēc tam sāku strādāt vidusskolā par krievu valodas un literatūras skolotāju. Vēlāk, deviņdesmit trešajā – deviņdesmit ceturtajā gadā, nokārtoju latviešu valodas eksāmenu, lai iegūtu trešo kategoriju¹⁷ (tā toreiz bija augstākā). Manā atmiņā tomēr šī valoda nesaglabājās, kaut gan vārdu krājums bija ļoti liels.

Visu šo laiku man nebija problēmu attiecībās ar cilvēkiem. Mani nemaz neuztrauca, kādas tautības cilvēks ar mani sarunājas. Un šī attieksme ir gandrīz saglabājusies. Kādēļ es saku – gandrīz? Lūk, man ir darba biedrene latvietē. Ļoti, ļoti labs cilvēks. Taču, kā lai to pasaka, viņai piemīt īpašība kā daudziem latviešiem – saukt krievus par okupantiem, un viss. Labāk tam nepievērst uzmanību, jo viņa ir krietns cilvēks. Kādu laiku viņa strādāja latviešu skolā, pēc tam atgriezās pie mums – krievu skolā. Vispār es par to neraizējos. Tomēr man liekas, ka pasaulē vajadzētu dzīvot bez kādas politikas, dzīvo un normāli strādā.

Man sāka iepatīkties ielas, vienkārši ielas

Lai labāk iepazītu pilsētu, kurā dzīvoju, 1971. vai 1972. gadā es iestājos ekskursiju vadītājuursos. Vienpadsmit gadu jau esmu nodzīvojuši Rīgā, protams, biju iedzīvojusies darbavietas kolektīvā, veidojās pirmās iepazīšanās. Taču laikam vēl nebiju pieradusi un arī par to sev nejautāju, esmu vai neesmu pieradusi. Bet kaut kas man sāka patīkt. Piemēram, šāds gadījums. Eju ap astoņiem no rīta uz darbu. Suvorova un Engelsa ielas stūrī gāja 3. tramvajs¹⁸. Tas brauca uz Keramikas fabrikas pusi. Šajā ielas stūrī bija

¹⁷ Ir domāts valsts valodas prasmiņu līmenis, par ko tika izdota Valsts valodas prasmes apliecība, kas ļāva strādāt likumā noteiktajās profesijās.

¹⁸ Tagad A. Čaka un Stabu ielas stūris. Līdz 1965. gadam tur kursēja 3. tramvajs.

piena veikals, kas strādāja no astoņiem. Astoņi vēl nebija, bet, lūk, uz trotuāra pie veikala noliktas pudeles – piens, kefirs, krējums un citi piena produkti. Nav ne sarga, ne mašīnas. Neviens nepievērš uzmanību, un neviens arī neko neņem. Tas man ļoti patika.

Sāku ielūkoties. Vēlāk man iepatikās ielas, vienkārši ielas. Kādas? Kad naktī bijis vēss un mitrs, no rīta ietve un bruģakmeņi mirdz rasā. Sibīrijā nekā tāda man nebija. Un tā es gāju uz darbu un priecājos par šiem rasas klātajiem akmeņiem, par klusumu. Vēlāk devos iepazīt Vecrīgu. Mācību grāmatās bija gotiskās arhitektūras attēli, un nu es tos redzu savām acīm. Tas mani sajūsmināja. Tā es iestājos ekskursiju vadītājuursos un tos pabeidzu.

Pirmajos mēnešos baidījos no ekskursijām. Un tomēr gāju. Ekskursija ilga trīs stundas, gan ar autobusu, gan kājām pa Vecrīgu. Ar kādu prieku es sāku strādāt! Es stāstu un it kā pati sev atklāju ko jaunu, bet tas pāriet uz klausītājiem, un visi bija apmierināti. Man labāk patika vadīt ekskursijas, ejot kājām, nevis braucot autobusā. Autobusu ekskursijās vajadzēja rādīt ne tikai mūsdienu pilsētu, bet arī kapsētas. Un kapsētas man ne visai patik viena iemesla dēļ – es biju sentimentāla, man grūti savaldīt emocijas. Lai tik ļoti neuztrauktos, skatījāmos skaistus – galvenokārt dzejnieku – pieminekļus. Toties Vecrīgā varējām apskatīt arhitektūru, mazās ieliņas. Un vislielākā bauda bija Doma baznīcā, jo man vajadzēja stāstīt gan par ērģelēm, gan epitāfijām un apbedījumiem. Es daudz lasīju par Doma vēsturi, par Doma ērģelēm un par ērģelēm vispār. Nebija tik vienkārši nokārtot eksāmenu par Doma baznīcas vēsturi.

Es tik ļoti pieradu pie šīs pilsētas, ka, dzirdot kādu sakām: ja nepatīk mūsu Latvija, brauc uz savu dzimteni (par laimi, man neviens neko tādu nav teicis), aizdomājos: ja man tā pateiktu, – uz kuriem gan es brauktu? No turienes aizbraucu, man nebija dzīvokļa, jo es tikko biju beigusi institūtu, pēc gada ierados šeit. Taču galvenais nav dzīvoklis. Arī radnieku man tur vairs nav. Bet svarīgākais ir kas cits – esmu tā iesakņojusies šajā dzīvē, šajā pilsētā, ka nevaru iedomāties aizbraukt dzīvot kur citur.

Padomju Savienības sabrukumu es uztvēru normāli

Padomju Savienības sabrukumu uztvēru normāli. Kāpēc? Tāpēc, ka 1991. gadā daudzi to uzskatīja par normu. Bija ļoti daudz ierobežojumu un aizliegumu. Arī man. Tagad var, ko vien vēlies, rakstīt, runāt,

apspriest – paldies Dievam! Tātad neatkarīgā Latvija, Padomju Savienības sabrukums, tātad nebūs vairs šo slepeno iestāžu, – šķiet, tas bija visu vienkāršo iedzīvotāju prātos. Manuprāt, ļoti daudzi to uztvēra dabiski. Jo bijuši Padomju Savienība jau arī kļuva citāda. Deviņdesmitie gadi bija briesmīgi visur – gan šeit, gan Krievijā.

Manu paziņu lokā PSRS sabrukumu uztvēra bez problēmām. Varbūt dažiem tas bija sāpīgi, bet ne man un mani draugiem.

2010. gadā es beidzu strādāt. Neteikšu, ka mūsdienu skolēni īpaši atšķiras no tiem, kas bija padomju laikā. Man pat šķiet, ka neatšķiras. Vienīgie, kas atšķiras, ir tie, kas dzimuši astoņdesmitajos gados, – viņi nezina vēsturi. Un vispār vēsturi slikti zina. Lūk, literatūras stunda. Skaidroju Čehova biogrāfiju. Viņš dodas uz Sahalīnu. Kur ir Sahalīna? Bērni nezina. Žēl, ka man nebija kartes, es uz tāfeles uzzīmēju PSRS karti un rādīju, kā viņš brauca. Divdesmit pirmā gadsimta skolēni jau sliktāk zina šo vēsturi. Piemēram, stāstu par septiņdesmito gadu dzeju, un reti kurš ir dzirdējis par Visocki¹⁹. Labi, deviņpadsmitais gadsimts ir skolas programmā, bet mūsdienu, septiņdesmito gadu, dzejnieku nav. Vajadzētu paskaidrot, kādēļ dzejnieki par to raksta, kāda dzīve bija PSRS laikā, kāda ideoloģiskā nostāja, vai par visu varēja rakstīt. Kādēļ dzejniekus vajāja. Lūk, to divdesmit pirmajā gadsimtā, kad PSRS vairs nebija, vajadzētu kaut kā paskaidrot. Padomju laikā skolēni tomēr par to dzirdēja no vecākiem, pa radio, bet pēcpadomju laikā vajadzētu stundās skaidrot.

Mans draugs runcis

Reiz bija šāds gadījums. Ir deviņdesmito gadu beigas vai, iespējams, jau šī gadsimta sākums, kad stundas laikā pie durvīm klauvē direktora sekretāre un māj ar roku. Es saku: “Tūlīt nākšu!” Bet skolēni man jautā: “Vai jūs zināt, uz kurieni jūs sauc?” Saku: “Nē.” – “Šodien ir atnācis pārstāvis, viņš ir direktora kabinetā un izsauc visus skolotājus, noskaidro, kā viņi prot latviešu valodu.” Skolēni to stāsta un smejas. Kāpēc? Jo viņi zina, ka es neprotu runāt latviski. Un domā: “Ko nu darīsiet?”

Taču man bija ļoti liels vārdu krājums. Es lasīju grāmatas jau agrāk, astoņdesmitajos gados, pati mācījos latviešu valodu, bet gramatiku nezināju. Un tā nu es gāju uz pārbaudi. Vispirms man lika uzrakstīt klases

¹⁹ Vladimirs Visockis (1938–1980) – krievu aktieris, dzejnieks, dziesmu autors un izpildītājs.

raksturojumu. Darbā atrada ļoti daudz pareizrakstības kļūdu. Man nāca smieklī, jo pārbaudītājs laboja ar sarkanu zīmuli. Es smejos un saku, ka pie mums skolēni katru diktātu tā raksta – ar kļūdām. Vēlāk man uzdeva daudz jautājumu. Es uz tiem visiem gari un plaši atbildēju. Viņš smējās, direktore smējās, bet direktore labi runāja latviski. Ilgi apspriedās.

Aiz durvīm stāvēja līdzjutēji. Un, kad es beidzot iznācu, viņi teica: “Paldies Dievam, vismaz uzjautrinājāties. Citādi vienu skolotāju šodien jau ar divdesmit pieciem latiem sodīja, citu vēl ar desmit vai piecpadsmit. Mēs arī smējāties.” – “Par ko?” – “Jūs visu saprotami runājāt, taču visi lietvārdi bija nominatīvā.”

Ja es būtu mācījusi citu priekšmetu – ģeogrāfiju vai fizikultūru, es, protams, runātu latviski, tad tas nebūtu aizvainojoši. Mani aizvainoja, ka man nebija iespēju latviešu valodu izmantot stundās, jo pasniedzu krievu valodu un literatūru.

Kad pirmoreiz gāju likt eksāmenu par trešo kategoriju Kirova rajonā, kas toreiz bija Centra rajons, komisijas priekšsēdētājs bija vīrietis. Nu, es tur kaut ko rakstīju, kaut ko atbildēju. Un viņš man teica: “Jums būs jāatnāk vēlreiz! Vajag latviski ne tikai runāt, bet arī domāt!” Es toreiz nospriedu: “Tas nu ir par traku, jāpadzīvo vēl, lai domātu tā, nevis dzimtajā valodā.” Biju ļoti neapmierināta un vairs uz to rajonu negāju. Aizgāju uz citu rajonu un tur nokārtoju. Bija normāli. Mani pat uzslavēja, jo es labi aprakstīju drauga portretu. Bet nenosaucu, kas viņš ir. Beigās pierakstīju *Mans draugs runcis*. Viņi tā smējās, jo iepriekš domāja, ka es rakstu par kādu jaunu cilvēku. Pasmējās un nomierinājās, vairāk jautājumu nebija. Teica: “Paldies, nokārtots!”

Taču pārbaude stundu laikā, kad skolēni to visu redz un kāds jau ir saņēmis sodu, – tas rada spriedzi. Nu kaut kā citādi vajadzēja darīt, ja griebeja pārbaudīt. Nezinu. Bet ne tā. Tas bija rupji. Nē, neviens nepieklājīgi neuzvedās, bet tas izskatījās tā parupji un pazemojoši.

Tulkojusi Baiba Burtneiece

Intervija NMV-4258

Kompozīciju veidoja, atšifrēja un intervēja Marija Assereckova, Rīgā, 2014

BORISS LOBKOVŠ

Dzimis 1931. gadā Smoļenskas apgabala Sičovkas pilsētā, Krievijā. Agri zaudējis vecākus. Mācījies Odesas jūras flotes inženieru institūtā, norīkots darbā uz Nahodkas pilsētu Piejūras novadā, pēc tam uz Ventspils ostu.

VISI ESAM SAVA LAIKA BĒRNI

Bērni ir paši nevainīgākie kara upuri

Es piedzimu mazā pilsētiņā Smoļenskas apgabalā, rajona centrā, kura saucas – Sičovka. Tur pagāja mana agrā bērnība. Tēvs – Vasilijs Mihailovičs – pēc izglītības militārpersona, Pirmā pasaules kara dalībnieks, virsnieks – štāba kapteinis. Pilsoņu karā nepiedalījās, pēc tam pārkvalificējās par agronomu, par ko arī strādāja līdz pat 1941. gadam. Māte – Jeļizaveta Fjodorovna – mājsaimniece un šuvēja, viņa bija no vienkāršas ģimenes. Mans vectēvs, mātes tēvs, bija kurpnieks. Viņam piederēja darbnīca Pēterburgā, Petrogradas pusē. Pēc tam notika nelaime – darbnīca nodega, un viņš aizgāja strādāt uz rūpnīcu *Metālists*. Bija 1905. gada notikumu, kā tagad saka, revolucionārā dumpja, dalībnieks. Un tur viņš guva traumu. Īsāk sakot, viņam noņēma roku, un viņš apdrošināšanas kompensācijas rezultātā saņēma mājiņu pie Sanktpēterburgas un strādāja par dežurantu-pārmijnieku. Un tur mans vectēvs, pildot darba pienākumus, aizgāja bojā. Ģimene liela – pamatā meitenes. Viens zēns un... vienpadsmit meitenes. Iztikai visi pelnīja ar šūšanu.

Bet mana māte bija pati jaunākā ģimenē un sieviešu bataljona²⁰ sastāvā bija iesaistīta tā laika notikumos, par kuriem nesen uzņemta fil-

²⁰ Domāts 1917. gada vasarā Krievijas pagaidu valdības izveidotais *sieviešu nāves bataljons*. Bataljons tika izveidots propagandas nolūkos, lai celtu armijas kaujas sparu.

ma²¹. Bataljons, kurš karoja krievu–vācu frontē, tika gandrīz iznīcināts. Bataljona komandieris – arī sieviete – karoja Kolčaka armijas sastāvā, un tur, Krasnojarskā, viņu nošāva boļševiki²². Māte ar tēvu satikās netālu no Sanktpēterburgas, Kolpino, tur bija izmitināta armijas daļa, kurā tēvs dienēja. Un no represijām, kurās virsniekus gandrīz pilnībā iznīcināja, viņš ar māti bēga uz Dorogobužas pilsētu Smoļenskas apkaimē, un tur viņi sāka pilnīgi jaunu dzīvi. Tur piedzima divas vecākās māsas un jūsu padevīgais kalps. Tēvs strādāja par agronomu un pamazām krāja naudu mājokļa celtniecībai. Un par vietu viņš izvēlējās šo rajona centru Sičovku, kur arī uzcēla māju. Tur, neizbūvētajā mājā, arī pagāja mana agrā bērnība.

Kad man bija desmit gadu, sākās karš, un visi šie notikumi ieguva pavisam citu ievirzi – tēvs vecuma dēļ iesaukumam vairs neatbilda, un mēs nokļuvām okupācijā. Pēc vācu daļu pārrāvuma pie Vjazmas, kad tanki no Jelņas izrāvās uz Maskavu²³, mēs centāmies aiziet no uzbrūkošajām vācu daļām. Bet vācu tanki tika mums priekšā, un mēs atgriezāmies savā mājā, savā pilsētiņā, kur bija jau pavisam cita vara.

Man bija divas vecākas māsas, vienai bija divpadsmit, otrai četrpadsmit gadu. Un notika nežēlīgas kaujas tālāk un tuvāk no Maskavas. Tad neviens negribēja piekāpties pat par sprīdi, bet cieta civiliedzīvotāji, pirmām kārtām – bērni. Kopš tiem laikiem manā zemapziņā izveidojās dziļa pārlicība, ka bērni ir paši nevainīgākie kara upuri. Tāpēc, ka visu redz, visu saprot, viņi cieš kopā ar visiem, bet viņi nav spējīgi savā vecumā kaut kā ietekmēt notiekošo. Un tāpēc viņi cieš vairāk par visiem.

Blakus frontes līnijai, mēs – okupētajā teritorijā, nav kur palikt, katru nakti bombardēšana. Naktis garas, tumšas, padomju armijai noteikts uzdevums – novārdzināt pretinieka spēkus. Bet kā šī novārdzināšana notiek? Vienkārši bombardē, satumst, un lido bumbvedēji – atlidoja, pariņķoja virs pilsētas, virs tiltiem, kuriem bija stratēģiska nozīme, nometa bumbas un aizlidoja, un nākamajā naktī lido jau atkal. Un tā līdz pašai rītausmai. Bet kur lai paliek iedzīvotāji? Vācieši priekšējā līnijā, viņiem arī vajag atvilkt

²¹ Domāta režisora Dmitrija Meshijeva (*Дмитрий Месхиев*) filma *Bataljons (Батальон)* (2015).

²² Marija Bočkarjova (*Мария Бочкарёва*) (1889–1920), pirmā sieviete virsniece Krievijas armijā, 1917. gadā kļuva par pirmā sieviešu bataljona komandieri. 1920. gadā padomju valdība par kontrevolucionāro darbību M. Bočkarjovai piesprieda nāves sodu.

²³ Domāta t. s. operācija *Taifūns* (1941. gada 2.–13. oktobris), kuras gaitā Vērmahta karaspēks pārrāva frontes līniju un pietuvojās Možaiskas Maskavas aizsardzības līnijai. Sarkanā armija zaudēja 380 tūkstošus karavīru, gūstā nonāca 600 tūkstoši. Padomju historiogrāfija to dēvēja par Vjazmas operāciju.

elpu. Viņi nāk uz mājām, izdzen vietējos vai arī iekausta viņus kaut kur pa stūriem. Bet bumbas krīt, trāpa mājā un nogalina. Gan vāciešus, gan savējos. Tāda, lūk, gaļasmašīna. Bet pa dienu artilērija šauj, mīnmetēji, ribina tālšāvēju artilērija. Vāci bliež uz padomju spēkiem, padomju armija – uz mums. Un tā dienu no dienas, mēnesi pēc mēneša. Pienāk rītausma, no sagrautajām mājām izvelk liķus, ved uz brāļu kapiem, un pajūgi ar izkropļotajiem liķiem manā atmiņā, manā zemapziņā palikuši kā pati spilgtākā bērnības atmiņa.

Uz pavasara pusi vāciešiem vajadzēja dzīvojamo fondu, vajadzēja kaut kā to atbrīvot – daļa iedzīvotāju bija kaut kur jāliek. Sasēdināja ešelonos, salādēja lopu vagonos un aizveda uz Rietumiem. Veda cauri Baltkrievijai, cauri Polijai, un ģimeni – divas māsas, mani un māti – aizveda uz Vāciju. Kaut kur Diseldorfas rajonā ir pilsētiņa Oberhauzena²⁴, kur bija koncentrācijas nometne ar visiem tās atribūtiem. Visapkārt pa perimetru dzeloņstieples, barakas, starp torņiem skraida aitu suņi, uzraugi ar *šmeiseriem*²⁵ – viss, kā nākas. Tur jau pirms mums bija pilns ar iemītniekiem.

Blakus bija kaut kāda ķīmijas rūpnīca. Vecākās māsas gāja uz to ķīmijas rūpnīcu strādāt. Es slaistījos pa nometni. Bet naktīs – angļu–amerikāņu aviācijas bombardēšanas. Viņiem pavisam cita cilvēku iznīcināšanas metode – viņi lido uzreiz daudzi kopā, piecpadsmit – divdesmit bumbvedēji, uzgāž savu kravu objektam un visi kopā aizlido. Un līdz rītam ir miers. Grūti pateikt, kā labāk.

Kā mums izdevās izkļūt no koncentrācijas nometnes? Šo noslēpumu māte aiznesa līdzī kapā. Un tomēr vienā jaukā vai arī ne tik jaukā dienā mums iedeva atbilstošu dokumentu un aizsūtīja uz staciju. Un mēs atgriezāmies savā dzimtajā Sičovkā, ko Sarkanā armija vēl nebija atbrīvojusi. Tur nekas nebija mainījies, tikai vairāk izpostītu ēku, vairāk brāļu kapu un vācu kapu. Tēvs mūs aizveda uz ārpilsētas sādžu, divdesmit kilometrus no pilsētas. Tur māte nomira no izsitumu tīfa. Viņa bija sirds slimniece, bet sirds slimnieki šo slimību slikti pārcieš. Ar tīfu pārslimoja visi, tad okupētajā teritorijā plosījās epidēmija. Es pirmais ģimenē saslimu ar tīfu, kaut kā pārcietu. Meitenes arī pārslimoja. Slimība kaut kādā mērā mūs trīs arī izglāba, jo

²⁴ No 1939. gada līdz 1945. gadam Oberhauzenā atradās vairākas piespiedu darba nometnes (*Zwangsarbeiterlager*).

²⁵ Vācu brunotajos spēkos lietotā mašīnpistole MP – 38/40, kuru padomju karavīri kļūdaini sauca par *šmeiseri* (vācu mašīnpistole MP–28) tādēļ, ka uz magazīnas bija patenta zīme *Patent Schmeisser*.

aizejot vācieši iedzīvotājus raidīja ārā no mājām un dzina pa ceļu nezin kur. Kad vācietis ar karabini ienāca būdā, kur slēpāmies, mēs, visi trīs, gulējām uz krāsns, visi ar kailām, noskūtām galvām – ar tīfu slimos noskuva, lai inficētās utis neizplatītos un vieglāk ar slimību cīnīties. Viena no māsām viņam uzkliedza: “Tifs!” Viņš metās uz durvīm, un neviens mūs vairs neaiztika. 1943. gada 8. martā pēc Staļingradas kaujām šo apvidu atbrīvoja. Tā mēs atkal nokļuvām padomju teritorijā.

Ar Kaina zīmi

Aizkļuvām līdz mājām, tur, mūsu pussabrukušajā namiņā, jau dzīvo citi cilvēki, bet bija palikuši pārtikas krājumi... Tēvs nodarbojās ar biškopību, bites vēl dzīvas, sakņu krājumi nav apēsti, bet tēvu arestēja. Par ko viņu arestēja, es nezinu vēl joprojām... Viņš bija cara armijas virsnieks, Brusilova pārrāvuma²⁶ dalībnieks, bet šie virsnieki Savienībā vienmēr ir bijuši nemīlami, pret viņiem izturējās ar aizdomām. Viņš bija cara armijas virsnieks. Štāba kapteinis. Starp citu, ar to ir saistīti savdabīgi apstākļi – kad mans dēls mācījās Ļeņingradas topogrāfijas mācību iestādē un bija jau trešajā kursā, viņu izsauca pie speciālās daļas priekšnieka – *osobista*²⁷ – un jautāja: “Lobkov, kāpēc tu anketā neesi ierakstījis, ka tavs tēvs bija okupācija?” Dēls atbil: “Bet tēvam taču bija deviņi gadi un viņš bija bērns, kāda tam nozīme?” – “Nu, labi, tad atbildi uz jautājumu – kāpēc tu neierakstīji anketā, ka tavs vectēvs bijis štāba kapteinis cara armijā?” – “Es to nezināju, jo par šīm tēmām neviens nekad ģimenē nerunāja. Zināju tikai, ka karojis Pilsoņu karā, ka piedalījies Brusilova pārrāvumā, bet, kāda viņam armijas pakāpe, man nebija priekšstata.” Bet tur visu par mums zināja. Turklāt zināja pamatīgi, pat to, ko mēs paši par sevi nezinājām. Visu savu dzīvi, īpaši jaunībā, man savu uzvedību vajadzēja koriģēt, ievērojot statusu *tautas ienaidnieka dēls*.

Tēvam kaut ko tādu *piešuva*, par ko es un māsas uz visu mūžu ieguvām Kaina zīmi – *tautas ienaidnieka bērni*, 58. pants²⁸. Tēvs nomira 1954. gadā, pēc tam viņu amnestēja, reabilitēja un iekļāva staļinisma nevainīgo upuru piemiņas grāmatā. Pēc tam jau detaļas vairs nevienu neinteresēja, bet

²⁶ Brusilova pārrāvums (Брусиловский прорыв [Луцкий прорыв]) – Pirmā pasaules kara laikā (1916. gada 22. maijs – 7. septembris) Krievijas armijas Dienvidrietumu frontes uzbrukuma operācija, ko komandēja ģenerālis Aleksejs Brusilovs.

²⁷ PSRS Valsts drošības komitejas kara pretizlūkošanas apakšnodaļas speciālās daļas darbinieks.

²⁸ Tā ikdienā dēvēja 1922. gada KPFSR Kriminālkodeksa 58-1, 58-1a-1 r, 58-2–58-14 pantu 1926. gada un vēlākajās redakcijās, kuri noteica atbildības pakāpi par *kontrrevolucionāru darbību*.

zīme palika. Palika ierakstīts, ka jūsu pazemīgais kalps – tautas ienaidnieka dēls, ar tēva 58. pantu. Un no Kaina zīmes man neizdevās atbrīvoties, tā galu galā ietekmēja visu manu biogrāfiju. Uz kartiņām mums pienācās 300 gramu maizes, tik un tik sāls, bet visu pārējo mums vajadzēja sagādāt pašiem. Uz bērnunamu mēs negājām, tā, lūk, trijātā sanācām un nolēmām, ka mēs dzīvosim autonomā režīmā, bet uz bērnunamu neiesim.

Mūsu mājā līdzās mūsu ģimenei dzīvoja vēl trīs ģimenes, kurās kopā bija septiņi skolēni. Visa informācija tad pienāca no *melnā šķīvja* – reproduktora. Tas viss tagad jau ir muzejos, senatnes eksponāts. Bet tad visa informācija pienāca pa melno šķīvi, *Sovinformbiroja*²⁹ ziņas, dažādas reportāžas, viss, ko varas orgāni uzskatīja par vajadzīgu aizvadīt līdz iedzīvotāju zināšanai.

Mēs bijām dažādu klašu skolēni, es – viens no mazākajiem. Bet skolas metodika tad prasīja, lai skolnieks var atstāstīt izlasītu tekstu. Un visās mācību stundās, izņemot rakstīšanu, aritmētiku un ģometriju, notika teksta lasīšana un atstāstīšana. Tā kā pārējie visi, izņemot mani, bija vecāko klašu skolēni, man bija iespēja klausīties, un tādējādi, pārejot no klases uz klasi, es gandrīz jau zināju nākamās klases programmu, kaut arī okupācijas dēļ divus gadus nemācījos. Pēc atbrīvošanas skolu atjaunoja, tādus kā es iesaistīja par strādniekiem; tie, kuri bija vecāki, formēja brigādes, lai aizvāktu liķus no kauju laukiem. Šāds liktenis man gāja secen, man bija vienpadsmit gadu, bet tie, kuriem palika divpadsmit – četrpadsmit, tie nodarbojās ar Sarkanās armijas karavīru un virsnieku meklēšanu, atpazīšanu un apglabāšanu.

Mums palīdzēja izdzīvot reliģiskā atribūtika

Mani audzināja padomju skola... Un kopā ar citiem slimīgi un mokoši pārdzīvoju Staļina nāvi, personības kulta atmaskošanu un visus ar to saistītos notikumus – visi mēs esam sava laika bērni. Runā, ka mani kristījuši drīz pēc manas piedzimšanas, bet es to, protams, neatceros. Ja arī kristīja, tad pareizticībā. Bet pēc pārliecības es esmu ateists. Tomēr esmu augstākā mērā tolerants pret ticību. Un vecāku attieksme pret reliģiju bija atšķirīga. Tēvs bija ļoti dievbijīgs, viņam tādām pienācās būt saistībā ar savu sākotnējā dienesta raksturu, jo cara armija karoja par *Ticību, Caru un Tēvzemi*. Ja viņš bija komandējumos, tad vienmēr virs galvas karājās svētbildīte un

²⁹ Padomju informācijas birojs – informācijas un propagandas dienests PSRS (1941–1961).

lampiņa dega. Es bieži viņu redzēju lūdzamies un pārkrustāties. Bet, kas attiecas uz māti, viņa uzskatīja – ja būtu Dievs, viņš nepieļautu, ka cilvēki tā cieš. Viņai tam bija savs pamatojums, jo viņa personīgi izgāja Pirmā pasaules kara fronti. Un tomēr – reliģiskā atribūtika palīdzēja mums izdzīvot. 1943. gadā, kad reliģija vairs nebija aizliegta un visi ticīgie sāka iet uz baznīcām un lūgties, bija liels pieprasījums pēc ikonām. Mēs pārdevām visus savus reliģiskos atribūtus, un arī Bībeli pārdevām. Nu, Dievs nesodīja. Tas apliecina to, ka viņa arī nav, citādi būtu sodījis mūs. Bet varbūt arī sodīja, jo palikām bez vecākiem...

Saņēmu uzaicinājumu no Latvijas Jūras kuģniecības

Pēc astotās klases aizgāju uz mūsu pilsētā atvērto celtniecības kaļķu ražošanas rūpnīcu – kaut kā bija jādzīvo. Pēc astotās klases piecpadsmit gados aizgāju uz šo rūpnīcu un tur strādāju kopā ar vakardienas frontiniekiem kā līdzīgs ar līdzīgiem gandrīz līdz desmitās klases eksāmenu kārtošana. Eksāmenus nokārtoju kopā ar savu klasi, ar visiem puisiem, ar kuriem kopā mācījos. Un šī darba laikā manā dzīvē notika krasas pārmaiņas. Nekāda jēdzīga apģērba nebija, bet strādāt vajadzēja sniegā, ziemā, salā, sasalumā. Apsaldēju kājas, aizgāju pie ārstiem, atklāja slimību, kura jāārstē ar radikālām metodēm. Rūpnīca piederēja Transporta celtniecības ministrijai, un no šīs ministrijas man iedeva ceļazīmi uz Eipatoriju. Kājas ārstēt. 1950. gada vasarā uz turieni arī aizbraucu. Brīvbiļete un bezmaksas ceļazīme kā balva par manu darbu un par *dalību kolektīva sabiedriskajā dzīvē* – es biju komjaunatnes organizācijas sekretārs. Braucu cauri Maskavai, gāja vilciens Maskava–Eipatorija, un kaut kur Sarabuzas³⁰ stacijā iet atzars uz Eipatoriju un virzās gar jūru. Es stāvu pie vagona loga un acumirkli nesaprotu, kas ir tas, kas paveras manā priekšā. Uzreiz neapjēdzu, ka tā ir jūra. Melnā jūra, bija tāds skaists saulriets. Atstāja iespaidu. Un tad es nolēmu – lai kas arī ar mani nenotiktu, es dzīvošu un strādāšu pie jūras.

Pēc tam vēl daļu no piecdesmitā un piecdesmit pirmā gada nostrādāju rūpnīcā, kopā ar klasesbiedriem nokārtoju desmitās klases eksāmenus un aizbraucu uz Odesu. Iepriekš noskaidroju – tur ir Odesas Jūras flotes inženieru institūts³¹. Un iestājos Hidrotehnikas fakultātē, turklāt eksāmenus nokārtoju labāk nekā savā dzimtajā skolā. Un tur pagāja manas studentu

³⁰ Mūsdienu stacijas Ostrjakovo (ukr. val. *Острякове*) vēsturiskais nosaukums, tā ir Krimas dzelzceļa mezgla stacija.

³¹ Tagad – Odesas Valsts jūras universitāte (*Одеський Государственный морской университет*).

dzīves pieci gadi. Nebija viegli, vispirms jau materiālā ziņā – stipendija neliela, mēs tā laika naudā pirmajā kursā saņēmām 294 rubļus, piektajā kursā ap 400 rubļu. Strādāju, pelnīju, nekad ar pliku stipendiju vien neiztiku. Strādāju gan par krāvēju ostā, gan miltu rūpnīcā, gan konservu rūpnīcā, gan par skatuves strādnieku Odesas opereteātrī – kur tikai nestrādāju. Tas deva kaut kādas iespējas, lai nodrošinātu savu eksistenci. Strādāju arī zinātniski pētnieciskajā sektorā – tur bija celtniecības darbi, un par sardzes matrozi vaļu medību flotilē, kas atradās remontā.

Saņēmu nosūtījumu uz Primorskas novada Nahodkas pilsētas trestu *Daļmorgidrostroi* meistara amatā, uz turieni arī devos. Trestā es nostrādāju divus gadus, pēc tam notika štatu samazināšana. Kursabiedri, kuri strādāja ostā, pazina mani, kontakti bija labi, un mani aicināja uz Nahodkas tirdzniecības ostas tehnisko daļu, kur es arī nostrādāju vairāk nekā astoņus gadus. Pēdējos trīs gadus jau kā tehniskās daļas priekšnieks. Tās ir funkcijas, ko uztic cilvēkiem ar pietiekami plašām zināšanām un spējām komunicēt ar citiem. Jāzina gan tehnika, gan dzelzceļš un hidrotehnika. Jāspēj noformulēt vajadzīgās prasības, jāprot veidot kontaktus ar dienestiem.

Kopumā es nostrādāju tur vairāk nekā desmit gadus. Saņēmu uzaicinājumu doties uz Latvijas Jūras kuģniecību. Tur jau brieda notikumi saistībā ar Baltijas republiku jūras ostu rekonstrukciju. Es piekritu un nokļuvu Liepājas ostā. Un drīz pienāca valdības rīkojums par ostas nodošanu kara resoram. Kādu atlaida, kādu pārcēla uz citām ostām, dažam paveicās vairāk, dažam – mazāk. Man piedāvāja pieticīgāku amatu, bet ar dzīvokli Ventspils jūras tirdzniecības ostā. Lūk, kur jūsu padevīgais kalps uzturas līdz šai dienai. 1991. gadā es noformēju pensiju, bet joprojām no darba praktiski nesmu aizgājis.

Privātajā dzīvē

Kad braucu prom no Maskavas, uz Kazaņas stacijas perona es satiku meiteni, kura raudāja, jo bija šķirusies no draugiem. Pēc tam izrādījās, ka esam vienā vagonā un vienā kupejā, tātad – *tet-a-tet*. Es uz augšējā plaukta, viņa uz apakšējā. Viņa jau gadu bija nostrādājusi un pēc atpūtas brauca uz Ļesozavodskas pilsētiņu, Ļeņingradas institūta absolvente, studējusi angļu valodu. Apmēram gadu sarakstījāmies, pēc tam es aizbraucu pie viņas uz Ļesozavodsku – sešpadsmit stundu brauciens, Tālo Austrumu mērogā tas

nav nekāds attālums. Aizbraucu pie viņas ciemos. 1957. gada jūnijā viņai bija izlaiduma balle. Pēc tam aizvedu viņu uz Nahodku. Kopš tā laika – jau piecdesmit septiņus gadus – mēs esam kopā. Divi dēli, abi piedzima Nahodkā. Viss ir normāli. Tā, lūk, privātajā dzīvē.

Vecākais dēls šeit, ostā, strādā, augstāko izglītību neieguva, bet strādā par maiņas priekšnieku graudu terminālā. Kur tie skābbarības torņi stāv, blakus graudu termināls, kura celtniecībā es piedalījos, bet dēls tagad te strādā. Viņa ceļš pa karjeras kāpnēm: strādāja transporta flotes apkalpošanā – gan par dokeru, gan par dokeru brigadieru, par stividoru – tas ir, iekraušanas un izkraušanas procesa organizatoru. Kad pabeidza celt graudu terminālu, viņu tur aicināja darbā par maiņas priekšnieku.

Jaunākais dēls pabeidza Ļeņingradas Kara topogrāfisko augstskolu, saņēma norikojumu uz Tālajiem Austrumiem. Jā, kur piedzima, tur arī nokļuva. Tikai mēs dzīvojām Nahodkā, bet viņš Sučanā, tagadējā Partizanskā³². Tur bija dislocēta kara daļa. Nu, un viņš tur trīspadsmit gadus ņēmās. Arī Afganistānā bija. Afganistānā viņš darbojās pusgadu, gatavoja karaspēka izvešanu. Ģenerāļa Gromova³³ uzdevumā gatavoja topogrāfiskos materiālus padomju armijas izvešanai no Afganistānas³⁴. Pat ordeni par to saņēma, pareizāk – nesaņēma, bet rokās paturēja apbalvojuma lapu, kuru pēc tam aizsūtīja *augstāk*, tur tā arī pazuda. Pēc tam viņu nosūtīja uz Sterļitamaku³⁵, uz kādu dīvainu kara daļu, bet līdz tam viņš vēl strādāja pie Krievijas–Ķīnas robežas demarkācijas, posmā no Usūri upes deltas līdz Korejai. Tur viņš nostrādāja četrus gadus. Viņi gatavoja materiālus Krievijas–Ķīnas robežas galīgajai saskaņošanai.

Viņš aizgāja no armijas, jo nebija vairs spēka paciest – atlika vai nu nodzerties, vai pakārties, tāpēc, ka armija jau bija marasma stāvoklī. Viņš iesniedza ziņojumu par atkāpšanos no amata, atkāpšanās tika pieņemta, viņš aizgāja, būdams majors. Nu, iedeva arī pensiju, kaut kādu niecīgu, bet ne dzīvokli, ne darbu – neko. Un, re, viņš ņēma un ar ģimeni aizbrauca uz Izraēlu. Kāpēc viņu tur pieņēma? Tas ir atsevišķs jautājums. Mana sieva ir

³² Partizanska – Primorskas novada pilsēta Krievijā.

³³ Boriss Gromovs (dzimis 1943.) – ģenerālpulkvedis, 40. Padomju armijas komandieris (1987–1989), bija atbildīgs par padomju karaspēka izvešanu no Afganistānas.

³⁴ Kara konflikta izbeigšana Afganistānas teritorijā (Afganistānas karš: 1979.–1989. gadā). Padomju karaspēka izvešana no Afganistānas tika pabeigta 1989. gada 15. februārī. PSRS VDK robežapsardzes karaspēks Afganistānas teritorijā uzdevumus pildīja līdz 1989. gada aprīlim.

³⁵ Sterļitamaka – iedzīvotāju skaita ziņā otrā lielākā pilsēta Baškortostānas Republikā (KF).

ebreji, bet pie viņiem tur, Izraēlas emigrantu resoros, vērtē pēc mātes tautības. Māte – ebreji, tātad tu esi ebrejs. Tā, lūk, ar bērniem. Sieva pensijā, jau astoņpadsmit gadi, kā viņa aizgāja pensijā.

Piedalījos visu iekraušanas kompleksu būvēšanā

Nestrādāju vadošos, bet štata amatos, kur aicināja pēc vajadzības. Darba stāžs man ir no 1967. gada, un te visu zinu. Zinu, kas esmu un ko spēju, un, ko nespēju, arī zinu. Esmu piedalījies būvniecībā un faktiski visu iekraušanas kompleksu tehniskajā ekspluatācijā, kas te notika pēcpadomju periodā. Darbuņēmumu organizācijas un pasūtītāji mani aicināja kā tehnisko uzraugu, kā konsultantu, kā darbu vadītāju, tā ka līdz šim esmu pieprasīts. Lūk, burtiski pirms mēneša es beidzu savu darbu kā konsultants ogļu terminālā. Tur ogļu pārvadāšanai ir slēgta tehnoloģija, tādēļ šis termināls rentabli atšķiras no cita termināla, kur ogles pārkrauj atvērtā veidā, ar greiferiem³⁶.

Mūsu stingrajai Ventpils domei pret šādu tehnoloģiju nav nekādu iebildumu. Bet citi par tādu lietu dabū pamatīgi ciest – pastāvīgi draud slēgt, te pagarina licenci, te nepagarina, kaut kādā veidā ierobežo viņus. Ekoloģiskās organizācijas vienojas, bet ar grūtībām. Tādas, lūk, bezgalīgas sadursmes.

Es neskaitos patreizējās pilsētas varas pretinieks, tas ir, Lemberga kunga un viņa aprindu, lai gan personīgas simpātijas pret viņu man nav. Bet es viņam uzceltu pieminekli vēl dzīves laikā kaut vai par to, ka viņš uzcēla pilsētai jaunu polikliniku, viņš spēja piesaistīt, un tas nav viegli, no Eiropas fondu papildu naudu. Turklāt to izdarīja gudrāk nekā viņa kolēģi, kuri darbojas analogiskos amatos citās Latvijas pilsētās. Tur to visu vajag asprātīgi noformēt un parādīt, ka tas ir nepieciešams, tad to naudu piešķir. Ar brīvostas vai pilsētas valdes lietišķu līdzdalību atkarībā no objekta nozīmības. Viņš spēja šo naudu piesaistīt, un šeit daudzas ielas ir no jauna labiekārtotas tieši uz šo fondu rēķina. Turklāt tās labiekārtotas kompleksi, ne tā, kā to dara parasti – ūdensvadu pārlika, siltumtrasi aizmirsa, par kabeļiem neatcerējās, bet pēc gada siltumtrase sasprāga, kabelis izgāja no ierindas, un tikko uzlikto asfaltu lauž, lai atjaunotu blakus komunikācijas. Tā ir ļoti plaši izplatīta prakse. Mūsējie tā nedara. Par katru ielu ir izstrādāts projekts – aha, tur tādi

³⁶ Greifers – krānā iekārta kravu satveroša ierīce, kas ļauj pilnībā mehanizēt iekraušanu, tiek izmantots darbam ostā.

tīkli ieguldīti, tie jānomaina – mainām! Pārsegumi nolietojušies – mainām! Visu darām vienlaikus un kompleksi. Un es neesmu redzējis tādu gadījumu, kur vakar remontētu, bet rīt izrakņātu. Mūsu gadījumā tas ir izslēgts. Nu, te arī redzama *Lemberga roka!* Viņš ir savācis un izveidojis tādu komandu, kura spējīga plašāk domāt un jautājumus risināt kompleksi.

Ja Dievs dos, tad velns neraus!³⁷

Bet! Ir daži jautājumi, kuros, ja ieskatās dziļāk, skaidri pamanāmi populisma elementi, ka tie ir pilsētas tēla un vienlaikus Lemberga tēla spodrināšana. Pie tādiem jautājumiem es, būdams speciālists hidrotehniķis, piešķaitu aizsargbūvju rekonstrukciju, tāpēc, ka tās ir ostas inženierijas pamats. Kanāls, dienvīdu un ziemeļu moli, viļņu aizsargsiena, krasta stiprinājumi un piestātnes – tas viss ir inženierkompleksa pamats. Tur daudz kas ir izdarīts, bet daudz kas arī nolaists. Lūk, jo īpaši aizsardzības struktūru atjaunošana. Tie ir objekti, kas pakļauti spēcīgam viļņu noslogojumam. Ik gadu. Un zem šīs viļņu slodzes iedarbības tie sabrūk. Un, dabiski, prasa atjaunošanu.

Reāls apdraudējums rodas no transporta kuģiem, kuri atrodas apstrādē. Bet tie ir autocisternas, tankkuģi, kurus piekrauj ar naftu, benzīnu un citām indīgām, sprādzienbīstamām un uzliesmojošām kravām. Un tādi precedenti ostas praksē bijuši, kad tur nogrima zemessmēlētājs Ņiva-4, tas bija kādā 1968. gadā. Tas apgāzās un nogrima būvbedrē, ko pats sev bija izracis. Var domāt, ka no tādām lietām vajadzētu izdarīt kādu secinājumu. Pat ne tuvu! Tiesa, šogad, kā ziņo prese, atkal uz Eiropas fondu rēķina kaut kādi darbi ir saistībā ar viļņlauzi. Un tas pēc divdesmit viena gada, kopš pastāv Ventspils brīvosta! Jā, dažāda ranga krējuma nosmēlēji bijuši visos režīmos... padomju varas laikā viņi arī bija. Varbūt kaut kā viss sanāks. *Ja Dievs dos, tad velns neraus!* Bet var arī nesanākt, ko tad?

Mēs pieņēmām pārmaiņas

Pārmaiņas... Par to arī es gatavojos runāt. Pārmaiņas mēs, tieši ostnieki, pieņēmām. Es strādāju un dzīvoju starp ostniekiem, nu, un visi pieņēma, kā ir. Pasludināja Latvijas neatkarību – nu, pasludināja. Solīja visiem pilsonību, kad balsojām, arī krievvalodīgajiem – mēs to uztvērām kā pašsaprotamu, ka būsīm jaunās neatkarīgās valsts pilsoņi. Apmānīja mūs šajā jautājumā? Jā, apmānīja, saprotiet!

³⁷ Бог не выдаст, свинья не съест! Krievu sakāmvārds, latv. tulk.: *Ja Dievs dos, tad velns neraus! Gan jau paveiksies!*

Es esmu pilsonis. Kad aizgāju pensijā, bija jautājums par pensijas nodrošinājumu. Līdz tam pensiju te maksāja, te nemaksāja strādniekiem, te maksāja pusi, visu laiku tas mainījās. Bet man taču bija desmit gadu darba stāžs Tālajos Austrumos. Darba grāmatīnā viss, kā pienākas... Valodu mēs iemācījāmies kursus, es uz otro kategoriju nokārtoju kopā ar visiem.

Es brīvi lasu, arī avīzi *Ventas Balss* latviešu valodā, lasu izkārtnes, bet brīvi runāt man diemžēl neizdodas. Laikam tāpēc, ka gadi, bet, otrkārt – nav ar ko sarunāties, vide tomēr krievvalodīga. Turklāt mani latviešu draugi krieviski runā tikpat labi kā es. Un kāpēc man viņi jāmoka ar savu latviešu valodu? Mēs sazināties krieviski. Bet, kas attiecas uz mājām – dabiski, saprotiet...

Latviju kā citu valsti neizjutu

Pirmajos gados, šeit atbraucis, Latviju kā citu valsti kaut kā neizjutu. Daudz svešas valodas, bet osta – tas ir Vissavienības ministrijas, jūras flotes ministrijas uzņēmums. Sarakste un atskaitīšanās vienīgi krievu valodā. Bet, kad mums lika mācīties latviešu valodu, sāka organizēt pulciņus, es apmeklēju tos pulciņus un nokārtoju, kā jau visi, otro kategoriju, un atbilstoša *apliecība*³⁸ ir. Bet, kad es pretendēju uz pilsonību, tāpēc, ka desmit darba stāža gadi ir pazaudēti, kā pilsonis saņemtu lielāku pensiju, es nolēmu iesniegt pieteikumu un gāju uz atbilstošu komisiju. Man kā pensionāram uzdeva vienkāršus jautājumiņus, es uz tiem veiksmīgi atbildēju un saņēmu attiecīgu apliecību, ar ko aizgāju uz pasu daļu, un tur man pārformēja jaunu pilsoņa pasi. Pajautāja – vai negribu būt latvietis. Es saku – kāds es latvietis! Es esmu krievs, piedzimu kā krievs un nomiršu. Vienīgi tajā ziņā ir nepatīkami, ka autobusu pieturās mēdz izlīmēt lapiņas *Koferis – stacija – Krievija! Krievu cūkas, lasieties!* un tamlīdzīgas lietas. *Pacietojāties – vācieties prom!* Krievu valodā, latviešu valodā, te uz vienas pieturas, te uz otras pieturas salīmēts. Tas, protams, ir nepatīkami. Turklāt es jau te esmu ar nagiem un zobiem ieaudzis, ka ne atraut. Un tādu ir daudz.

Saka, nojauksim visu, kas te padomju gados ir uzcelts! Un tādi aicinājumi skan, īpaši no Saeimas tribīnes. Un, ja tā abstrakti iedomājas, kas te palīks! Vieni lielveikali palīks. Nekā cita nav. Re, visi šie dzīvojamie masīvi ja hipotētiski tiktu nojaukti tāpēc, ka celti padomju laikā... Tādi spriedumi

³⁸ Tekstā lietots latviešu val. vārds, kas krievu val. nozīmē *удостоверение*.

ir bijuši. Ir nācies lasīt! Vēl nepatīkamāk ir, ja iznāk tāda veida grāmatīņa vai avīzē lasi publikāciju – kas, ko un kad šeit ir uzcēlis. Nepatīkami ir katram šīs celtniecības dalībniekam. Tas, kas notiek tagad, nav nekas vairāk kā tā procesa, no 1945. līdz 1990. gadam, turpinājums. Viņi domā, it kā tā visa nebūtu bijis.

Kāds gadu griezumā ir *sausais atlikums*? Pirmais: draudzīga un pietiekami laimīga ģimene. Otrs: bijušo darba kolēģu cieņa un piederības sajūta ostai. Trešais: sabeigta veselība. Šā gada sākumā noformēju II grupas invaliditāti. Ceturtais: neizteikts pārmetums Ventspils brīvostas administrācijai, kura nav spējusi izcelt galveno sarežģītajā, savstarpēji saistītajā ostas iekārtu rekonstrukcijas un inženierijas kompleksa tehniskās ekspluatācijas problēmu kopumā.

Tulkojusi Gunta Darbiņa

Intervija NMV-4241

Intervēja Dagmāra Beitnere-Le Galla, Ventspilī, 2014

Kompozīciju veidojis Kaspars Zellis

TAMĀRA PETROVA

Dzimusi 1927. gadā Tambovas apgabalā, Hrapovas ciemā. Ģimēni piespiedu kārtā izveda uz Vāciju. Pārcēlās uz Latviju, kad, atgriezusies Krievijā, dzimto vietu atrada nopostītu. Intervija notika 2014. gadā Tūjā, kur nodzīvojuši lielāko daļu mūža, apprecējusies, izaudzinājusi bērnus, 35 gadus nostrādājusi Tūjas ķieģeļu rūpnīcā.

TĀDA IR MANA DZĪVE

Mūs savāca vācieši

Esmu no Tambovas apgabala. Pie mums tur toreiz bija lieli ciemi. Daži brauca prom, kā tagad, uz ārzemēm, citi – uz pilsētām. Mūsu ciemā palika sešas mājas, bija trīsdesmit – palika sešas. Pienāca tāds rīkojums – mazās sādziņas jāpārceļ uz lielo ciematu, lai nebūtu viensētu. Kam bija koka māja, to varēja pārceļt. Bet mums bija ķieģeļu māja. Kā to var pārceļt? Bet teritorija jāatbrīvo. Ciema padome tā pavēlējusi.

Paps strādāja par ciema padomes priekšsēdētāju. Viņu negribēja no kolhoza atlaist, bet viņš saka: “Dodiet tad man mitekli! Jūs mani dzenat prom, dodiet tad man citu māju!” Viņu ilgi nelaida prom. Pēc tam tomēr atlaida. Viņa māsa dzīvoja Ļeņingradā, un viņš aizbrauca uz Ļeņingradu meklēt darbu. Tas bija 1940. gada sākumā. Mēs aizbraucām turp. To es labi atceros, man bija jau deviņi vai desmit gadi. Kad mēs aizbraucām uz Ļeņingradu, stacija Tosna, tā bija 50 kilometru no Ļeņingradas. Paps sev atrada darbu trīs kilometrus no šīs stacijas. Tur dzelzceļa strādnieki skaitījās militārajā dienestā. Viņi dežurēja uz ceļa, skatījās, lai nebūtu nekādu avāriju. Paps – izglītots cilvēks – strādāja par celtniecības darbu vadītāju. Bet

mamma nevienu ziemu nebija skolā gājusi, ne lasīt, ne rakstīt neprata. Kad bija jāparakstās, viņa lika krustiņus.

Es jums nevaru pateikt, kā mūs audzināja. Paps atnesa naudu. Mēs vēl nestrādājām. Viņš atnesa mammai un teica: “Nu, ņem. Rikojies pati ar savu naudu!” Tātad *savu*, ne *viņa*. Mēs reizēm smējāmieš: “Bet kur ir tava nauda?” – “Man savas naudas nav. Es to tikai nopelnu.” Un tā viņš atdeva viņai visu naudu. Un viņa saimniekoja. Rikojās ar savu naudu. Viņa bija neizglītota, bet visu izskaitļoja. Es reizēm sacīju: “Mamm, kā tu to visu...?” – “Bet ko man tā jūsu skola? Es bez skolas visu zinu.” Tādi bija viņas vārdi, lai viņai debesu valstība.

No mūsu ciema skola bija tuvu – pusotru kilometru. Taču es skolā gāju tikai... pat nepilnus divus gadus. Mamma teica, ka govš jādzen, jo gana nebija. Kā mamma teica, tā arī darījām. Lūk, tā es divus gadus tur pagāju. Vai nu gāju, vai negāju, bet, kad pārbraucām uz Ļeņingradas pievārti, kur Tosnas stacija, tur es paguvu tikai vienu gadu pamācīties, jo sākās karš. Un viss. Bet kara laikā – kur iesi? Nekur. Tā es vairs nevarēju. Tur bija jāstrādā, bija bads. Viss, bads, aukstums. Karš.

Mūsu paps bija kalpotājs, militārais, vai kā tas tur skaitījās. Viņam visas tās ziņas tika nodotas – kur tie vācieši, ienaidnieki, fašisti, kā viņus dēvēja, kur viņi atrodas. Kad viņš visu to uzzināja, viņš teica: “Jābūvē ierakumi, citādi aiziesim bojā.” Viņš sāka veidot ierakumus. Mēs, bērni, palīdzējām. Tad bija vasara. Pa diviem mēnešiem ierakumus uztaisīja. Netālu bija mežs. Paps nomaskēja, it kā tur būtu krūmi. Kad mūs paņēma gūstā, mēs bijām tajos ierakumos. Mūs vācieši savāca. Bombardēja Ļeņingradu. Mājiņa bija visa sasista kā siets. Porhova³⁹ – no turienes mūs izsūtīja, aizdzina uz no-metnēm Lietuvā. Bet no Lietuvas uz Vāciju. Tad no Vācijas uz šejieni. Tāds bija tas ceļš.

Vai nu tu paliksi dzīvs, vai ne

Nu ko, dzīvojām. Un bombardēja... Bet no mums aptuveni 400 metru attālumā bija dzelzceļa tilts. Tad vēl tilts bija vesels, transports gāja turp un atpakaļ. Kad tiltu sabombardēja, tad jau viss, iestājās klusums. Nekas nekur vairs nebrauca. Kaujas šeit pastiprinājās. Pēc tam, kad vācieši sāka atkāpties, tad arī mūs dzina prom. Kā mūs dzina? Mēs gājām kājām, kā bēgļi. Jā, es labi

³⁹ Porhova (Krievija) – pilsēta, atrodas Pleskavas apgabalā.

to visu atceros. Kad mūs dzina, laikam pusotru mēnesi vai ilgāk, atdzina mūs uz Rostovas apgabalu. Bijām Rostovā. Pēc tam pārdzina uz Porhovas rajonu. Porhova un Uzas ciems – tur mēs dzīvojām. Tas ir, mēs dzīvojām līdz 1943. gadam. 1943. gada februārī mūs atkal... gandrīz nodedzināja.

Ciems nebija liels, bet tur bija partizāni. Nāca partizāni. Viņi cilvēkus neaplaupīja, viņi lūdza paēst. Visiem bija lopi: govīs, cūkas, vistas, – viss. Tur karš gandrīz nebija redzēts. Partizāni nāca un prasīja kaut ko ēdamu. Nu, viņiem neviens neatteica, kam kas bija, to arī deva. Vācieši to uzzināja. Viņi atbrauca uz mūsu ciemu, visus ļaudis savāca divās mājās. Tās divas mājas bija lielas, divstāvu, kantoris tur atradās vai vēl kaut kas. Kad partizāni nāca uz ciemu, vācieši visu pameta un devās sist partizānus. Partizāni gāja tālāk, tādēļ mēs palikām dzīvi.

Viens vācietis palika, viņš diezgan labi runāja krieviski. Viņš bija austrietis. Nemeloju, es jau esmu vecs cilvēks! Viņš izņēma no kabatas fotogrāfiju un pulksteni. Ģimene – sieva un divi bērni. Saka: “Palūkojieties, kādi man bērni! Es uz jums skatos – man jūsu ļoti žēl. Kāds jums ar to sakars? Man viss vienalga – varbūt šodien dzīvošu, bet varbūt ne. Ejiet, ejiet, kur jums vajag, kur kāds vēl dzīvo!” Viņš teica, ka viņam pavēlēts ciemu nodedzināt. Tā mēs palikām dzīvi.

Nu, tad mūs ne dedzināja, neko. Paldies dievam! Nodzīvojām kādu mēnesi, tad mūs aizdzina uz Porhovu, tā pilsētiņa bija kilometrus 15 no Uzas. Mūs tur ielika nometnē. Sēdējām nometnē. Ēst deva reizi diennaktī. Nu, laikam gramus 200 katram maizi, bet varbūt arī mazāk. Un glāzi, ne glāzi, bet tādu baltu metāla krūzi, kur tēja vai kas bija. Nu, vienkārši tāds duļķains ūdens. Tas uz visu diennakti. Bet, ja izej... Tur bija norobežots ar dzeloņdrāti. Vēl tur bija samazgas. Samazgas iznes. Lūk, ja ej tajās samazgās parakņāties, kaut ko meklēt, – vācieši varēja ieraudzīt. Nu, un labāk bija neiet, – vai nu paliksi dzīvs, vai ne.

Iesēdināja preču vilcienā un aizveda

Nometnē bija daudz ļaužu – pustūkstotis. Liela nometne. Sākās slimība – kašķis. Tā slimība nāca ar tādām čūlām, tās niez, pēc tam augoņi uz ādas pa visu ķermeni. Vācieši baidījās no tās slimības, un tad viņi sāka visus cilvēkus šķirot: slimos – uz vienu pusi, veselos – uz otru. Atšķīra

mūs, veselos, un aizdzina uz staciju. Kur vedīs, kā vedīs, – mēs nezinājām. Iesēdināja preču vilcienā, ešelonā un veda prom. Bet slimos, es nezinu, kur tos – ārstēja vai nošāva, nevaru neko par to pateikt. Saku tikai to, ko zinu.

Atdzina mūs uz Lietuvu. Bet nezinām, kā Lietuvā palikām dzīvi. Laikam tāds liktenis. Mēs bijām vilciena priekšgalā, bet aizmugurē to vilcienu sabombardēja. Pusi ešelona sabombardēja, puse aizbrauca. Tas tā arī brauca, neapstājās nekur. Visi vaimanāt vaimanāja, bet ko darīt? Paldies dievam, ka dzīvi palikuši. Lietuvā mēs nodzīvojām četrus mēnešus. Saimniekiem pavēlēja mūs pieņemt. Tos, kam bija mazas ģimenes – trīs, četri cilvēki, tos ātri paņēma, bet mēs bijām septiņi cilvēki, vēl brālis bija. Jā, – tēvs, māte un pieci bērni. Vecākais brālis bija padomju armijā.

Mūs paņēma saimnieks, bet saimniece nebija apmierināta. Labi, ka vispār mūs pieņēma. Mums bija neliela istabiņa. Arī par to bijām priecīgi. Tumša, ne logu, nekā. Strādājām – cūkas, zirgus barojām, tīrījām, kopām govīs. Saimniecība bija liela. Strādājām tikai par to, ka mūs pabaro, un tikai. Bet bijām apmierināti. Saimnieks labi runāja krieviski, bet dēls ar meitu un sieva – nerunāja. Viņi – lietuviski. Pa četriem mēnešiem runāt nerunāju, bet saprast visu jau sapratu. Es centos iemācīties lietuviski runāt.

Nodzīvojām četrus mēnešus, un tad mūs atkal visus sapulcināja stacijā. Atkal dzina. Kurp? Nezinām. Uz Vāciju. Civilie iedzīvotāji no ciema padomes teica, lai visus krievus savāc stacijā, bet, kur vedīs, nezinot. Tā teica kaut kāds viņu priekšsēdētājs. Mūsu bija daudz, varbūt 300 cilvēku. Daudz bija, ļoti daudz. Pēc tam mūs atdzina uz Vāciju. Švarcenberga – tāda pilsēta, kur bija nometne. Lūk, tur uz to nometni mūs aizsūtīja. No turienes gājām meža darbos. Pie mums nāca vācu priekšnieks. Tolaik māju sadalīja ar starpsienām, lai ģimenes būtu atsevišķi. Tā bija ļoti liela divstāvu dzīvojamā māja. Ar dzeloņdrātīm apjozta, un priekšā milzīga atslēga. Kur mēs aiziesim? Dzīvojām tur līdz galam, kamēr beidzās karš.

Brālis sākumā strādāja pie saimnieka. Un saimnieks ļoti labs gadījās. Protams, viņu tagad nav. Lai viņiem, kā saka, debesu valstība un vieglas smiltis, kaut arī viņi vācieši. Viņu dēļ mēs palikām dzīvi. Strādājām mēs pie viņiem. Viņi mūs nekad nepalaida atpakaļ uz nometni, mājās, ja nebija kaut ko līdzīgu iedevuši. Vienmēr viņi produktus deva. “Tikai pasakiet, papam un mammai kartupeļus iedosim. Vediet kartupeļus, vediet turp visu.” To es

saku – ir visādi cilvēki, arī vācieši – i labi, i slikti.

Pārējie palika mežā strādāt. Māsa Ļuba, visvecākā māsa, pēc tam Borja, es, Mina un Šura. Mamma un paps arī bija. Mammu sauca Malaņja Semjonovna, papu – Mihails Dmitrijevičs. Mūsu uzvārds bija Kaškirski.

Saimniekiem bija dēls un meita. Viņi dzīvoja visi kopā pie vecākiem. Viņi dzīvoja ļoti labi. Viņiem bija veikals, sava ceptuve. Saimnieka māte ar dēlu dzīvoja augšstāvā, bet šie lejā dzīvoja. Viena meita, bet dēls... Viņu paņēma armijā. Viņš aizgāja bojā. Saimniece atnāk, raud – dēlu nogalinājuši. Bet, kad mēs braucām prom, mēs paši muļķi bijām. Pats saimnieks teica: “Ja jums tur viss nodedzināts, kur jūs brauksiet? Mums dēla nav. Palieciet šeit, Borja pie mums nāks. Tamāra nāks, viņa būs Magdalēnai māsa.” Viņi ļoti, ļoti gribēja. Bet paps ar mammu – nē, viņi gribēja uz dzimteni. Bet ko mums dzimtene deva? Kur mēs dzimtenē? Kur tad mēs nokļuvām dzimtenē? Latvijā.

Kad karš beidzās

Karš beidzās. Tādi salūti bija, kad karš beidzās, to šausmīgi teikt. Visi bija priecīgi, ka karš beidzies, – gan vācieši, gan visi... Un tur atbrauca krievi. Krievu armija tieši bija Berlīnē. To mūsējie, krievi, ieņēma. Tur laikam ilgi kaujas bija. Pēc tam, kad jau karš beidzās, Berlīnē krievi uzvarēja. Tad tur gan krievu zaldāti un visi tie, kā saka, majori, apakšpulkveži, visa priekšniecība sabrauca. Bet saimnieki, pie kuriem mēs strādājām, viņi jautāja: “Bet krievi ja atnāks, jautās, kā mēs pret jums izturējamies, ko jūs teiksiet?” – “Bet kā mēs teiksim par jums sliktu? Ja jūs mūs ēdinājāt, dzirdinājāt?” Mūsu priekšnieks, kas ar mums mežā strādāja, ļoti labs bija. Viņš kaut arī slikti runāja krieviski, kaut kad – vāciski, kaut kad – krieviski, mēs tāpat. Ar saimniekiem sākumā ar rokām sarunājāmies. Bet vēlāk es jau vāciski iemācijos. Nu, varbūt arī nepareizi, bet viņi mani vienalga saprata. Ja bija labi, tad: “*Gut, Tamara, gut!*”⁴⁰

Mēs arī viņu klātbūtnē teicām, – sēdēja saimnieki un krievi. Tulks jautāja, mēs tulkojām. Un, lūk, mēs, krievi, to visu teicām, bet viņi visu to pierakstīja. Visu rakstīja. Un mēs stāstījām, kā viņi pret mums izturējās, ka mums palīdzēja. Nu viņš teica uz to saimnieku: “Labi, ka jūs pret krievu cilvēkiem tā izturējāties, nebaidieties, dzīvojiet, jums krievi neko sliktu

⁴⁰ “Labi, Tamāra, labi!” Vācu val.

nedaris!” Tikai mēs bijām muļķi, ka aizbraucām. Pusotru gadu nodzīvojām. 1945. gadā devāmies prom.

Taču kurp devāmies? Nevaru pateikt, kam tēvs rakstīja iesniegumu, ka viņš grib ar visu ģimeni uz Krieviju. Viņi atsūtīja to atļauju. Lūdzu, brauc, kurp gribi! Nu, un braucām. Bet braucām – kaut kur jau aizbrauksim. Braucām ar vilcienu. Stacijā stāvi nedēļu vai arī vairāk. Ceļi visi bija sabombardēti. Visur bija sagrauts. Mēs trīs mēnešus braucām līdz Porhovai. Porhovā atbraucām rudenī, vasarā bijām izbraukuši. Nu, ziemu pārlaidām. Tur, ciemā, tikai divas mājas – viss ciems nodedzināts. Bet divas mājas tur bija uzceltas. Manas māsas vīra māsa mūs pieņēma uz ziemu, viņai liela ģimene, vīrs miris. Bet kur mēs tur, šaurībā? Paps aizbrauca uz Pleskavu, viņu savervēja uz sagādes darbiem. Tur mēs strādājām. Kur dzīvot nebija. Sak’, pagaidiet, pagaidiet... Dzīvojām arī zemnīcās. Tā līdz rudenim nodzīvojām.

Tad atbrauca divi vīrieši, kas vervēja darbam Latvijā. Līdz tam te, rūpnīcās, bija strādājuši karagūstekņi. Kad viņus atbrīvoja, nebija vairs, kas strādā. Tā mēs te nokļuvām. Šeit bija palikuši cilvēku divdesmit. Nu, lūk, tie, kuri šeit dzīvoja. Tā sakot, latvieši. Rūpnīcai to bija par maz. Vienā maiņā strādāja 16 cilvēku.

Nokļuvu Latvijā deviņpadsmit gadu vecumā

Es nokļuvu Latvijā, man tieši bija 19 gadu. Es nezināju neko par Latviju. Tēvs varbūt zināja. Nezināju es neko – kur ved, kā ved? Ar visu ģimeni atbraucām: paps, mamma, divi brāļi un trīs māsas. Brālis, kurš bija armijā bijis, atbrauca šurp un mūs atrada. Kad viņš gāja armijā, tieši no tās Uzas... Lai gan viņš neaizgāja armijā, bet pie partizāniem. Kad karš beidzās, viņš aizsūtīja vēstuli uz Uzu. Tur vēstuli saņēma, bet mēs jau bijām Latvijā. Neviens nezināja, kurp mēs esam aizbraukuši. Nu, viņi tikai izlasījuši: “Ahā, Nikolajs – dzīvs.” Viņš palika vēl dienestā. Gadu vai pusotru, kaut kā tā viņš nodienēja vēl. Kuriņu salās, tur viņš dienēja. Nu, bet pēc tam, kad viņš atgriezās Uzā, viņam pateica, kur esam. Viņš mūs atrada un atbrauca te, uz Latviju. Bet viņš Latvijā maz nodzīvoja, pēc tam aizbrauca uz Sočiem. Tur viņa sievasmāsa, viņa tur bija ieprecējusies Sočos. Šeit bija zaldāti, un viens zaldāts māsu apprecēja un aizveda sev līdzi.

Mēs te nokļuvām 1946. gadā. Kā atbraucām, tas bija laikam novembrī, beigās vai sākumā, uzreiz mūs aizdzina uz mežu malkas sagādē. Ja gribi

strādāt – iemācīsies. Iemācījos. Pēc tam domāju, ko tad es apdarināšu, ko es ņemšu. Nu, bet pēc tam pamazām sāku zāģēt, vācu zarus. “Nu, nekas, dod, es pazāģēšu! Dod, es pazāģēšu! Bet tu uzpīpē!” Ja vīrietis, tad pīpē, stāv: “Re, re, labi sanāk!”

Maizīti ņēmām līdzī uz mežu. Reizēm ugunskurs deg, es tak zarus dedzinu, kaaarsti! Bet pēc tam visi sapulcējamies pusdienot. Kam nu kas līdzī. Bet visvairāk maizīte. Nu, ar kaut ko, nezinu, speķi, ja pie saimnieka nopelnīts, bet ja ne, tad tāpat.

Sākumā bija ļoti grūti. Arī nebija nekā laba. Kas bija? Kartupeļi. Un reizēm brīvdienās gāju pie saimniekiem. Kad jau iepazīnāties, viņi aicināja kartupeļus ravēt vai arī pavasarī palīgā stādīt. Kā no skolas atnākam, pastrādājam, palīdzam. Mums naudu nevajadzēja, mums vajadzēja produktus, bet produkti viņiem šitiek: kartupeļi, gaļa, kādi tur putraini, zirņi, vai arī, nu, ko gribi, to arī ņem. Viņi deva. Produkti, kad gājām pie saimniekiem strādāt, tad jau mums bija, bet, kad rūpnīcā strādājām, – mums deva pārtiku. Par to arī strādājām. Maizi deva strādniekiem 600 gramu, bet nestrādājošiem – 400. Tā mēs sākumā dzīvojām.

No aprīļa mēs sākām strādāt rūpnīcā. Seši vīrieši raka mālus, uz vagonetes divi cilvēki. Lūk, viņi pieved uz riņķa, aplis tāds, apgāž vagoneti. Tā estakāde apmēram 50 metru gara, bet varbūt arī vairāk.

Mēs, sievietes, formējām ķieģeļus. Pieņemsim, šī ir forma. Bet no šejienes tā brusa. Nu, un tāds rāmis šeit, tam rānim trīs stīgas, drātis novilkta. Mēs stāvam, tāds rāmis, ar drātīm, un ar labo roku to pacel, bet šeit, pie galda, no kurienes nāk ķieģeļi, tur skrituļi, un pa tiem skrituļiem iet brusa, kura kustas turpu šurpu. Kad to aizstum līdz atdurei, lai tālāk tā neietu, sāc griezt. No tās puses stāv cilvēks, noņem, es, piemēram, stāvu un griežu. Bija norma – izgatavot 25 tūkstošus ķieģeļu. Caurules bija piecas sešas tādēļ, ka māli bija jāpārdzen pa caurulēm.

Tā mēs strādājām visu laiku stāvot. Astoņas stundas uz kājām. Pēc tam, kad beidzas maiņa, novāc savu darba vietu, pie darba stājas otrā maiņa. Pusstunda pusdienas. Gājām mājās. Bet pēc tam jau ierīkoja ēdnīcu.

Rūpnīcu uzbūvēja 1936. gadā. Te jau formēja produkciju. Bija podniecības cehs. Dažādus traukus izgatavoja – no alus krūzēm līdz kausiņiem. Podus taisīja. Nekādas tehnikas nebija, tas bija roku darbs. Pēc tam veidoja

ķieģeļus. Tas bija, kad es jau šeit nokļuvu. Vēlāk, pēc kādiem diviem trim gadiem, mēs sākām izgatavot 50 mm caurules meliorācijai. Mēs tās saucām par mucīņām. Ķieģeļus žāvēja vasarā. Sākumā mēs ražojām tikai sezonas laikā – no aprīļa līdz oktobrim. Gaismas nebija, nekā nebija. Gaisma bija tikai tad, kad strādājām rūpnīcā. Formējām, visu darījām. Piemēram, divas maiņas strādāja, 16 stundas, 17 stundas viņi deva gaisu. Kad atnākam mājās, kādu stundu deg, un viss – dziest, jo to gaisu ražoja ar lokomotīvi.

Ziemā braucām mežā, gādājām malku, bet no aprīļa šeit tika atklāta sezona. Paši kurinājām krāsni. Vasarā žāvējām laukā, bet ziemā nav, kur žāvēt. Pēc tam sagatavojām to mitro ķieģeli, lai varētu apdedzināt, lai nestāv pa tukšo. Visu gadu strādājām. Tā mēs dzīvojām.

Ļoti gribēju latviski iemācīties

Nu, tur, vasarnīcā, man ir kaimiņš. Viņi kopā ar sievu atnāk. Apciemot, varbūt kaut kā palīdzēt. Mēs – krievi, viņi – latvieši. Mums vasarnīcas bija blakus. Mans vīrs arī vasarnīcā, viņš tur visu laiku – raka, kaut ko darīja. Un viņi sadraudzējās. Viņiem bija mašīna un viss. Mums nekā nebija. Viņš reizēm sauca vīru tēva vārdā: “Petrovič, ko tev atvest?” Viņi vienmēr apspriedās par kaut kādiem darbiem. Divatā. Tā viņi sadraudzējās. Gan krievi, gan latvieši, gan vācieši – katrā nācijā ir visādi ļaudis: i labie, i sliktie.

Mans vīrs, viņš arī celtniecības darbus prata, strādāja par metinātāju, lūk, viņam bija laba specialitāte, viņš visu prata. Tikai, lūk... iedzeršana... Viņš nostrādāja 40 gadus rūpnīcā. Es nostrādāju 35 gadus, vēl piecus sēdēju mājās ar bērniem. Bērņus nebija kur atstāt. Mazi, kur es viņus likšu?

Jūs zināt, es jums teikšu, latviešu valodu es ļoti gribēju... To es no sirds atzīstu. Bet man nebija, ar ko mācīties. Mans vīrs labi runāja latviski. Reizēm saku: “Ļoša, nu pasaki, kā tas vārds?” Viņš negribēja teikt. Pie mums darbā, kad mēs sākām, kad uz šejieni atbraucām, šeit gandrīz visi bija krievi. Latvieši, kuri bija, viņi arī krieviski runāja.

Kur es strādāju – ticiet vai ne – maiņā visi bija krievi. Pēc tam mani uz kūdras izkraušanu aizsūtīja, mašīnu izkraušanai aizsūtīja, es gan kūdru izkrāvu, gan briketes ķieģeļu apdedzināšanai. Es viena. Ar ko man sarunāties? Ar ķieģeļiem? [Smejas.] Šoferi, kad atbrauc, novieto mašīnu, iet uz kantori, kantoris noformē dokumentus. Mašīna tukša. Es gaidu citu. Lūk, viss mans

darbs, visi mani latvieši. Ar ko mācīties un kā mācīties? Kur? Ne latviešu skolas... Nekā.

Jauniešu te diezgan daudz bija

Jauniešu te bija diezgan daudz. Taču nebija zāles dejošanai. Tur, kur mums pašlaik pirts, tur bija tāds, kā saka, *ielāpiņš*. Tur dejojām. Bieži atbrauca ermoņiku spēlētājs, kas ļoti skaisti spēlēja. Vasarā spēlēja uz ielas. Šeit, kur mums tagad veikals, tur bija kopmītne. Kopmītnē, šķiet, dzīvoja divas latvietes un četras krievietes. Seši cilvēki. Ziemā mēs tur pulcējāmies. Kā brīvdiena, meičas aicina: “Nu, atnāciet, atnāciet!” Tiesa gan, līdz divpadsmitiem, ilgāk neballējāmies. Meitenes bija labas, jaunatne bija ļoti laba. Krievi, latvieši, mēs visi tur pulcējāmies.

Manējais bija latvietis – Vladimirs Balaško. Manuprāt, viņš bija latgalietis. Gājām uz dejām ciema padomē. Tur, aiz krustojuma, agrāk bija Tūjas ciema padome. Tur bija klubs, gājām uz klubu dejot. Vladimirs ļoti labi dejoja. Notika tā: “Iesim uz dejām?” – “Nu, iesim!” Gājām kājām. Nākam no dejām, smejamies, jokojam. Viņš mani jau bija aizvedis pie vecākiem, bildinājis: “Precēsimies!” Iepazīstināja ar māsām, brāļiem un māti. Es tāda mulķīte biju, domāju, ai, pagaidīsim, ko tur steigties. Tādēļ, ka mums nekā nebija. Drusku pagaidīsim. Mēs sapelnīsim kaut ko, kad būs – tad. Bet te gadījās direktora sievas māsa. Rūpnīcas direktors šeit strādāja, un viņa sievai māsa – viņa bija sēdējusi cietumā. Par ko – nezinu. Kad viņu atbrīvoja, apmetās te dzīvot. Iepazinās ar viņu. 15 gadus vecāka. Nu, ko, nācās mums šķirties. Bija žēl.

Viņa, kā krieviski saka, gājusi caur uguni un ūdeni. Bet es to nepratu darīt. Nekur es nebiju bijusi. Viņš man bija pirmais. Es varbūt viņam nebiju pirmā, nezinu, viņš bija desmit gadu vecāks par mani. Nu, un viņi aizbrauca kaut kur uz Ļeņingradas pievārti, arī uz ķieģeļu rūpnīcu. Viņa māsa dzīvoja šeit, pēkšņi sāka ar mani draudzēties. Reizēm viņa teica: “Tamāra, es tevi tā milu. Kāpēc viņš neapprecēja tevi?” Es viņai: “Jautā viņam, ko tu man prasi?” Visi mani žēloja.

Es viņu ļoti mīlēju. Kad viņš parādījās, viņš pats pārdzīvoja. Atvaļinājumā viņš brauca viens pats. Ar ģimeni nebrauca. Brauca pie māsas Viktorijas. Viņš ar viņu runājās, visu izstāstīja. Arī viņa par mani zināja visu un viņam izstāstīja – kā es dzīvoju, kāds mans vīrs, cik man bērnu. Viņš visu

zināja. Tad viņa man stāstīja: “Volodja stāsta, ka dzīvo slikti ar sievu. Divi bērni, bet bērni viņu netur ne par ko.” Tā kā viņš uz turieni pārcēlies, viņai visa vara, viņa komandē. Tāda viņa jau bija, ja cietumā sēdējusi, pēc tam jau cilvēks ir mainījies. “Lai brauc šurp uz Latviju. Ko viņš tur dzīvo?” es saku. “Nu tur, sak’, bērni, bērnu žēl. Bet dzīvo slikti. Viņam arī tevis ļoti žēl.” Es saku: “Ja būtu žēlojis, nepamestu.” Tādas tās lietas.

Viktorija stāstīja: “Viņš katru tavu soli atcerējās, kur jūs ar viņu gājāt, kur bijāt. Un kā jūs uz Tūju gājāt, dancojāt. Visu atcerējās, sēdēja, raudāja.” Bet es teicu, ka raudāt par vēlu. Tāds liktenis.

Es biju Kaširska, tagad – Petrova. Man bija 25 gadi. Bet vīram... Viņš bija divarpus gadu jaunāks par mani. Dzīvoja kolhozā *Čapajevs*⁴¹. Viņš šurp brauca, manuprāt, 10 km pie mums uz ballītēm. Mums te gāja jautri. Tā iepazināmies. Man nācās viņu gaidīt no armijas.

Viņi bija dzīvojuši kaut kur pie Staraja Rusas, es īsti nezinu, tikai aptuveni. Kad tur krievi sāka uzbrukt, bet vācieši atkāpties, viņus dzina uzreiz uz Latviju. Viņi karu gandrīz nebija redzējuši. “Mūsu ciemu nodedzināja,” viņš teica, “bet mēs gājām, kur nu kurš vēlējās... Un nokļuvām šeit, Latvijā.” Bija vācu laiks. Viņi tad staigāja pa saimniekiem. Vēlāk, kad sākās kolhozs, iestājās tajā. Viņš te kaut kur strādāja par ganu.

Mēs nodzīvojām reģistrējušies 55 gadus. Neskaitot četrus gadus, kad bijām civilaullībā. Tā 59 gadus. Viens gads pietrūka.

Darbs bija ļoti smags

Darbs man bija ļoti smags. Bet es vienalga nevarēju aiziet gulēt, ja man bija nekārtība. Es milēju kārtību. Bērni gāja skolā, viņiem apģērbs nebija dārgs, vienkāršs, bet vienmēr tīrs un nesaplēsts.

Reizēm, kad vakarā vairs nebija gaismas, gāju gulēt vienos, pusdivos. Nu, īpaši, kad mazgāju. Mašīnas jau nebija. Ar rokām. Reizumis kaimiņi no šīs puses redzēja – Tamāra jau gaismu iedegusi. Drīz jāceļas uz maiņu. No rītā astoņiem līdz pieciem vakarā. Citreiz, kad kūdras izkraušanā strādāju, ja ir mašīna, tad līdz sešiem. Kā kuro reizi. Nācu mājās, likos gulēt vēlu, cēlos agri. Piecos – vēlākais. Reizēm puspiecos. Man bija jāpagatavo ēst, jāpagūst uz darbu. Lai pusdienlaikā atliktu tikai uzsildīt un paēst. Un atkal uz darbu. Ko tad pa stundu var paspēt pagatavot!

⁴¹Kolhozs Limbažu rajona Liepupes ciemā.

Veļu mazgāju pirmdienās. Tādēļ, ka piektdienās sievietes iet uz pirti. Sestdienās vīriešu pirts. Svētdienas vakarā es veļu iemērcu. Bet pirmdienas rītos es cēlos, pamazgāju, pēc tam liku katlā un uz plīts vārīties. Kad uzvārās, stāvēja man līdz vakaram. Pusdienlaikā nebija vaļas mazgāt. Bet vakarā atnācu un mazgāju. Reizēm, kad bērniņi mājās, negāja uz skolu, palūdzu viņiem. Viņi man gāja uz veikalu. Bērni man bija labi, neizlutināti, paklausīgi. Ko teicu, to atnesa. Dēls aiziet uz veikalu, meitenes kaut ko pagatavo uz ātru roku vakariņām, nomazgā traukus, bet pārējo es pati visu darīju. Kad viņi gāja skolā, es viņiem vairs neliku darīt. Es parasti varēju atpūsties trīs četras stundas diennaktī. Lielākais piecas.

Viss manā acu priekšā izaudzis

Dzīvokli saņēmām 1961. gadā. Līdz tam dzīvojām barakā. Dzīvokli saņēmu, kad man jau bija ģimene. Paps ar mammu vēl palika dzīvot barakā, bet mums iedeva dzīvokli šeit. Mēs ar bērniem – pieci cilvēki: trīs bērni un mēs ar vīru.

Viss te manā acu priekšā izaudzis. Te dzīvo pārdevēja. Ruta tāda. Lūk, mums ūdeni ievilka šovasar. Tur tas tornis bija pavisam sarūsējis, un arī caurules. Sāka remontēt. Un Ruta man jautāja... domāja, domāja, kam pajautāt, kas to varētu zināt. Kad to urbumu taisīja, avots vai urbums bijis? Zvana man: “Saki, lūdzu, tikai tu vari pateikt, tu zini, kurš to te taisīja? Varbūt tas ir avots?” – “Nē, te nav avota, te ir urbums. Te urba. 70 metrus izraka. Urbis salūza. Pēc tam uztaisīja it kā pagaidām. Ievilka cauruli, ūdens tur tek un tek, nekad neapstājas. Jau cik gadu tek. Gadus piecdesmit jau. Un tik tek.”

Lūk, šo būdu uzlika, motoru, un tas tik sūknē. Bet aizvērt nevar, tādēļ, ja vienreiz aizver, tad atvērt var tikai ar krānu. Ūdens kļuva pretīgi smirdīgs. Tā arī viss palika. Bieži sēdējām bez ūdens. Beidzot nolēma izveidot jaunu urbumu, citā vietā. Lūk, pie katras mājas pievadīja caurules, un tās jau pieslēgtas. Tā ka tagad mums ir jauns ūdens.

Man bija smagi šķirties

Varat uz mani apvainoties vai ne, bet es teikšu tā – Padomju Savienības laikā bija darbs. Nevajadzēja nekur braukt. Darbs bija blakus. Naudu vismaz kaut kādu saņēmām. Pēdējā laikā stāvējām rindās, bet tā produktu bija

daudz. Tas Hruščovs⁴² tur – Dievs, apžēlojies, Dievs, Debesu tēvs – viņu tur pierunāja, lai no tiem zirgiem pārmetas uz kukurūzu. Viss aizgāja ačgārni. Bet tā produkti bija. Un nebija, uz ko apvainoties. Bet, kad tas viss pārgrozījās, aizgāja viss citādi. Cita nauda radās, nebija vairs produktu, nekā. Vēlāk, kad iedeva latas, mums sākumā deva pa pieci lati. Tāda nauda mums bija.

Es no 1982. gada mocijos ar acīm. Strādāju nesaliekusies, kā saliecos, man viss miglā. Baltā miglā. Es nostrādāju līdz augustam, man no 1. augusta bija atvaļinājums. Pēc tam gribēju atsākt strādāt. Nedēļu pastrādāju, un man vienalga vēl sliktāk. Aizbraucu Limbažos pie ārsta. Viņa mani uzreiz aizsūtīja uz Valmieras slimnīcu. Nogulēju tur mēnesi. Tas slikti padodas ārstēšanai, mocījās, mocījās, pēc tam lika atgriezties mājās un pēc mēneša uz operāciju. No 1982. gada līdz 1995. gadam bieži dzīvoju pa slimnīcām. Glaukoma. Man izrakstīja acenes, sāku ar tām staigāt. Nekas, normāli redzēju. Pēc tam kļuva sliktāk un sliktāk.

Bēda pēc bēdas. Jaunākās meitas dēliņš aizgāja bojā avārijā. Pēc tam viņas vīriņš, bija moldāvs, pakārās. Bērni izbijās, kad ieraudzīja viņu mājās. Meita pēc tam izgāja pie cita. Latvietis – nevaru nekā sliktā teikt, 20 gadu nodzīvoja satīcīgi. Dēliņš piedzima. Viņam tagad 26 gadi. Pēc tam meita saslima. Viņa nomira. Viņai no pirmā vīra divi bērni – tas mazdēls, kurš gāja bojā avārijā, un meita. Viņa tagad Vācijā. Viņai jau 41 gads. Viņa to brālīti paņēma pie sevis. Bet znots dzīvo Limbažos, dzīvs.

Vasarā visi bērni atbrauc, visi atvaļinājumā. Bet tas jaunākās meitas mazdēliņš atlidoja ar draudzeni. Nu, viņam šeit vajadzēja saņemt pasi. Saņēma pasi, viņi taču arī ir pilsoņi. Bet tomēr viņi skaitās dubultpilsoņi. Viņa dēls ir latvietis, otrs arī latvietis. Viņš – pilsonis. Draudzene viņam arī pilsone. Tai, es nezinu, kas viņai latvietis – māte vai tēvs. Bet mans mazdēliņš ir Anglijā. Un viņi visu vasaru bija tur. Un mani gribēja ņemt līdzi: “Vecmāmiņ, brauksim turp, kā tu te paliksi viena. Vecmāmiņ, brauksim, brauksim!” Un, lūk, vecmāmiņu vilka. Nu, viņi aizbrauca. Bija smagi šķirties. Es raudāju... Viena. Bet vecākā meita, viņai arī bija divu nedēļu atvaļinājums. Viņa paņēma tās divas nedēļas un bija kopā ar mani. “Mammu, tev tomēr būs vieglāk.” Nu, tiesa. Un es iedomājos, kā viņi atbrauktu, padzīvotu un aizbrauktu.

⁴² Nikita Hruščovs (1894–1971) – Padomju Savienības Komunistiskās partijas Centrālās komitejas pirmais sekretārs (1953–1964), PSRS Ministru Padomes priekšsēdētājs (1958–1964).

Mēs esam pareizticīgie. Kur es tagad baznīcā iešu? Mana meita Ņina,
viņa Rīgā bieži aiziet. Reizēm man atved svētīto ūdentīņu.

Lūk, tāda ir mana dzīve.

Tulkojusi Zoja Sīle

Intervija NMV-4206

Kompozīciju veidoja un intervēja Māra Zirņīte, Tūjā, 2014

VALENTĪNA ŽUKOVA

Dzimusi 1936. gadā Pleskavas apgabalā, Krievijā. Tēvs – traktorists, apcietināts 1937. gadā, kad meita bija tikko gadu veca. Piedzīvojusi vācu okupāciju, slēpusies pie partizāniem, ar lidmašīnu nogādāta frontes aizmugurē. Pēc kara nonākusi bērnunamā Latvijā. Pabeigusi tehnikumu, strādājusi par ekonomisti.

MŪS NOSŪTĪJA UZ LATVIJU

Bija ļoti daudz ceriņu

Es dzīvoju laukos. Tagad tas ir Pleskavas apgabals, nu, un arī sādža, tā saucamā Počinki. Kāda bija mūsu māja? Māja bija laba, dārzs bija brīnišķīgs. Māja bija tāda liela, bija kūts, cūciņas bija, vistiņas bija. Bija ļoti daudz ceriņu, un sādža bija meža vidū. Mūsu sādžā bija astoņas zemnieku mājas. Tātad vasarā visi ara un sēja, ziemā vērpa, dziesmas dziedāja, uz akordeona spēlēja. Mūsu mājā bija tādas svētbildes, ikonas, tad tāds liels sols, vērpjmais ratiņš, un vecāmāte vērpa. Un ļoti daudz cilvēku sanāca. Rikoja kaut kādas dejas.

Pēc tam vecākās māsas un manas tantes aizbrauca uz Ļeņingradu, kāds apprecējās, aizgāja uz citu sādžu, un šajā mājā palikām mēs – vecāmāte, vecaistēvs, mamma un es. Mans tēvs 1937. gadā tika ieslodzīts, saņemts ciet, vai kā tur... Viņš bija traktorists. Viņš vienkārši mazliet sastrīdējās ar priekšsēdētāju, bet tad, jūs jau zināt, bija ļoti stingri. Viņu arestēja. Nu, par nepaklausību, tā teikt. Un nosūtīja uz Sebežu. Un viņš to kaut kā uzņēma kā joku, un mēs arī to uztvērām kā tādu joku. Bet tad notika tiesa. Es jau viņu nepazīstu, neatceros, jo piedzimu 1936. gadā. Un, kad notika tiesa, mamma atnāca uz to tiesu. Viņš iznāk, jau rokas uz muguras, pagriežas un saka:

“10 gadi!” Jūs varat iedomāties, ka manai mātei nebija viegli – ar bērnu, un vīrs uz 10 gadiem notiesātais. Notiesāts bija arī mans onkulis. Par ko notiesāja? Nezinu, kāpēc – mammai nepajautāju. Bet es zinu, ka viņš atsūtīja fotogrāfijas – viņš bija brīvi noņemti, tā ļoti slikti ģērbies. Kā smags akmens mūsu ģimenei bija šis nepatīkamās atmiņas.

Tuvojās karš

Un pēkšņi vienā jaukā dienā pa lielceļu ar motocikliem, ķiverēs un apmetņos, iebrauca vācieši un iegriezās sādžā. Un pieprasīja olas, ķēves pienu, šo to... Bet tad arī paši nekaunīgi visur ložņāja. Un atkal aizbrauca. Toreiz tas viss laikam bija kādas dažas dienas. Pēc tam klusums, un viss.

Dzīvojām, normāli dzīvojām un dzīvojām. Vācieši ieviesās pie mums. Kaut kādi ciema vecākie, kaut ko viņi sādžās stāstīja: kā uzvesties, kā pakļauties vāciešiem, kā viņus godāt. Pēc tam sāka periodiski jauniešus savākt uz centru, uz vācu garnizonu, uz kaut kādiem darbiem. Centrs bija Sebežā, un tur arī mamma strādāja. Un tā viss klusitiņām gadus divus arī bija. Mēs sējām, ievācām rudzus.

Es nejutu, ka tuvojas karš. Vienīgais, kad man kļuva baisi, jau vēlāk, kad sākās pretdarbība. Partizāniem pret vāciešiem. Sākumā naktis partizāni marodierēja, man jums jāsaka – viņiem nebija ko ēst. Pat māte mani mācīja, lai es čikstu. Viņi meklēja sāli, sērskociņus. Bet pa dienu – tad jau vācieši. Vācieši atnāca un meklēja partizānus. Un, kamēr bija šāda konfrontācija, mums nācās iet uz mežu, citādi būtu nodedzinātas visas mūsu mājas. Tiesa, mežā, tur kaut kādā mērā palīdzēja partizāni, raka zemnīcas... Vectēvs bija jau vecs, vecāmāte – mirusi. Mums nebija, kas izrok zemnīcu. Mana māte, zināt, bija simpātiska sieviete, un viņai tur viens partizāns pielīmējās. Un viņa, patiesību sakot, ar to apprecējās. Vēlāk.

Tā es viņu sauca par tēvu, jo viņš man bija no septiņu gadu vecuma. Viņš, patiesību sakot, izglāba mums dzīvību. Tāpēc, ka, pateicoties viņam, mēs nokļuvām, es nokļuvu aiz frontes līnijas. Vai stāstīt jums par to, cik tas bija baisi, kad mēs dzīvojām mežā, kad vācieši mūs tvarstīja? Viņi meklēja partizānus, bet uzbruka mums, tātad mierīgajiem iedzīvotājiem. Tur, kur es biju, tajā vietā vācieši nekad nevienu nenogalināja. Pat pretēji – partizāni pakāra kādu nodevēju vai kaut ko tur. Tas arī šausmīgi bija. Es negribu stāstīt par to visu karu, zināt, tik sen tas bijis.

Sāka tuvoties frontes līnija, un vācieši ņēmās rīkot tādas ekspedīcijas ar suņiem. Vienu reizi mūs noķēra, tas bija aprīlī. Noķēra ar suņiem, atveda uz kaut kādu klajumiņu mežā. Paši, redzams, noguruši, kamēr mūs ķēra. Sāka ēst, tad arī sāka skaitīt večus, cik tur ir bērnu, bet tad viens kaut kur aizbrauca. Izrādās, bija Hitlera dzimšanas diena⁴³. Un tad viņš atbrauca un krieviski teica, ka, lūk, šodien ir Hitlera dzimšanas diena, un, lūdzu, mēs jūs visus atlaižam, ejiet visi ārā no meža, lai neviena no jums mežā nebūtu. Mēs dodam jums trīs nedēļas, ja pēc trim nedēļām jūs nebūsit aizgājuši, mēs atnāksim un visus nogalināsim kā partizānus. Nu, tad mums vajadzēja iet mājās. Mums tikai kūts bija palikusi. Un tur, kūtī, mēs arī sēdējām. Bet māja nodega. Mana māte, un vēl tur bija viņas jaunā radniece no Ļeņingradas, viņas aizbēga uz mežu. Mēs visi ejam pa mežu, pa tādu taciņu. Es skatos – cilvēki nezin kāpēc uz krūmiem bēg. Es arī krūmos. Nātrēs. Bet māte jau tur skraidīja, nabadzīte, juka prātā. Kā tad tā, kur mēs esam?! Bet pēc tam mēs visi satikāmies, un tur arī tas partizāns, tas mans otrais tēvs. Viņš mūs aizveda kaut kur mežā, katram iešuva dokumentiņu apģērbā un tad naktī ar lidmašīnām nosūtīja mūs aiz frontes līnijas. Tikai bērnus. Jūs nevarat iedomāties, kādi mēs bijām! To grūti jums izstāstīt! Pirmām kārtām es neatceros, ko es ēdu. Man šķiet, ka es vispār nekad neko neēdu. Mēs visi bijām, rupji izsakoties, man bija tādas kreveles galvā, tādi pušumi, un tur utis. Un cik vāji! Mūs tur nomazgāja, paēdināja, apģērba... nu vienkārši brīnum! Un tā tad pēc tam mūs pārsūtīja uz Latviju. Bet Latvijā es nokļuvu 8. bērnumā, tas bija Juglā.

Kas mainījās pēc kara

Pēc tam no tā Juglas bērnuma es pārgāju uz 5. bērnumu. Es atceros griķu putru 8. bērnumā, kur tagad ir *Neredzīgo biedrība*⁴⁴. Tur bija tāda māja. Zināt, tā ir arī tagad. Ja es braucu garām, vienmēr skatos. Tā bija kungu māja⁴⁵. Tā tur nebija parasta māja. Un tur bija tāds pagrabs un bija savs sakņu dārzs. Nu, sava saimniecība. Un mēs tur strādājām, es atceros, mēs ravējām, novācām bietes. Un mums bija ļoti labi audzinātāji. Uztaisīja mums Jauno gadu, un atminos, ka es tur biju Sniegbaltīte. Un dejojām. Bija ļoti labs bērnumams. Es klaiņoju pa visu bērnuma apkārtni, tur

⁴³ 20. aprīlī.

⁴⁴ Ēka atrodas Rīgā, Pāles ielā 14.

⁴⁵ Ēku komplekss ir bijusi Strazdumuiža (*Strasdenhof*).

blakus bija mežs Juglā. Tur bija sava saimniecība, tur bija savi audzinātāji, tur bija skola, bet uz pilsētu mūs nekur neviens tolaik neveda. Turēja stingri savā tuvumā. No skolas atnāc, tur kalniņš, vizinājāmie uz kaut kādiem dzelžiem.

Pēc tam mani pie sevis paņēma māte, jo, kad atgriezās tēvs, viņu vēl uz japāņu karu⁴⁶ savāca, bet māte dzemdēja bērniņu, un viņa mani paņēma pie sevis. Tas nebija labākais variants, labāk es būtu bijusi bērnumā, nekā dzīvojuši pie viņiem... Tēvs iekārtojās mēbeļu kombinātā, tur arī māte strādāja. Blakus tur bija aviācijas rūpnīca, tāda 52. armijas daļa, viņi remontēja aviācijas dzinējus.

Kas mainījās pēc kara? Nekas nemainījās! Ļoti smagi bija, varu pateikt tikai to, ka viss bija ļoti smagi. Man nekas nebija mainījies, lai kļūtu vieglāk. Kad es pēc bērnuma gāju uz skolu, mūsu klasē, t. i., 20. skolā, Pārdaugavā mācījos, mūsu klasē nezin kāpēc bija ļoti daudz ebreju un virsnieku bērnu. Un viņi bija tik labi ģērbusies, vienkārši lieliski ģērbusies. Es nācu no bērnuma, man nebija nekā tāda, bija bērnuma kleita, tāda primitīva, bet kājās man bija tādi zābaki, kā viņus sauca, tādi šausmīgi kirzas zābaki. Kā jau bērnuma meitene. Un viņi visi sēdēja pirmajos solos un vienmēr ēda tādas bulciņas, bet man nebija nekā...

Izklaizu nebija. Tāda smaga izdzīvošana, vai kā. Es nekur, patiesību sakot, nebiju bijusi. Vienu reizi Ļeņingradā, pāris reižu Maskavā. Man visu laiku kaut kā bija smagi. Māte slima. Bet tēvs, viņš tomēr baltkrievs. Baltkrievi visu laiku bija partizānos, jā. Un viņš, protams, arī, karš viņu sabojāja. Mātei smagi, mazs bērns, kuru kopu es, ar kuru es noņēmos, jo mums starpība vienpadsmit gadi. Tas nozīmē, ka es viņu visur stiepu sev līdzī. Kāda man tur bērniņa bija! Vienīgais, kad māte jau bija veca, visu laiku teica: "Vaļu nepamet!" Un viņš vienmēr kaut kā tagad mani sargā. Bet viņš arī ir slimis, viņš ir 1947. gadā dzimis, viņam bija operācija. Viņš ir pilsonis, viņš piedzima te, viņam ir firma, darbholiķis. Viņš man, var teikt, ir latvietis. Un sieva viņam ir latviete, un divi bērni. Bet es tomēr esmu citāda. Saprotniet, es esmu – krieviete. Un dzimtene man ir sava, tā ir Krievija. Bet te ir manas mājas. Manā dvēselē. Kad mēs ar viņu aizbraucam uz turieni, vairākas reizes esam braukuši, man tur ir kaut kā... viegli. Starp tiem laukiem, starp kokiem.

⁴⁶ Ir domāts t. s. padomju–japāņu karš, militārais konflikts starp PSRS un Mongoliju, no vienas puses, un Japānu un Mandžūriju, no otras puses, kas turpinājās no 1945. gada 9. augusta līdz 2. septembrim.

Tur, es visu laiku skatos apkārt un domāju: pēkšņi kāds iznāks – mans pa-ziņa, mans tēvs varbūt. Tā, lūk, prātoju – aiziešu pensijā, tad pārbraukšu uz turieni. Neesmu taču nekur bijusi. Bet, kad sākās tā *perestrojka*⁴⁷, tad vispār notika vienas vienīgas muļķības...

Nemitīga cīņa

Vai jūs zināt, kā ir bērnamā? Ja kas, arī iebelzīsi kādam, jo vajadzēja taču izdzīvot. Vispār pēc dabas esmu tāda kaujinieciska meitene. Un, lūk, tā Valentīna Ivanovna Šepņeva uzrakstīja man tādu raksturojumu, ļoti, ļoti atbilstošu man, ka esmu ļoti dzīva, kustīga meitene, sapņainas dabas, bet ļoti neuzmanīga. Nu, tieši tā kā es! Un es labi deju un labi dziedāju. Un mums skolā agrāk bija tāds pulciņš, kaut kādas dejas, un viņa mani nolika pārī ar kaut kādu meiteni. Es paņēmu viņu aiz rokas, bet viņa manu roku atgrūda. Kā es sadusmojos! Kā atvēzējos un pa seju iesitu! Un skolotāja mani izdzina no klases. Un es uz skolu vairs neeju. Māte mājās nezina, bet es neeju. Tāpēc, ka skolā mani nepieņem, bet, ja es pateikšu mātei, viņa mani mājās iekautīs, pat tā tas bija. Viss nemitīga cīņa. Pat kopš bērnības.

Nu, pabeidzu es septiņas klases un aizgāju strādāt. Sākumā es savos sešpadsmit gados, kas tur, tāda pusaudze, mani iekārtoja tādā tehniskajā bibliotēkā, es tur skatījos grāmatīņas, šķiroju, kārtāju, bet galvenais – gatavoju stundas. Ar grāmatīņām staigāju. Divpadsmit gadus tur sabiju. Bet pēc tam mani paņēma uz – bija tāda izmēģinājumu stacija – un tur vajadzēja gatavot dzinējiem raksturojumus. Kad dzinēji jau iziet no ierindas, tos ved remontā un vajag visus sašķirot – tur bija visādi parametri. Ar katru dzinēju kaut ko darija, man vajadzēja saskatīt, vai tas ir pareizi vai ne. Ja tas uzkarst vai vēl kaut kas tāds, tad jālabo. Darbs bija nopietns. Tas bija diennakts darbs, ļoti smagi, diena un nakts, diena un nakts, es nevarēju izturēt. Es tomēr biju pēc kara tāda novājējusi. Es domāju – iešu uz tehnikumu. Tikko pabeigšu tehnikumu, iešu prom no rūpnīcas. Un tā arī izdarīju. Es iestājos politehnikumā. Tā kā man bija vidusskola, tad nomācījos tikai divus gadus pa vakariem. Bet pēc tam ar pazišanos es izmācījos par ekonomisti. Vajadzēja iet uz rūpnīcu, bet mani iekārtoja celtniecībā. Celtniecība, plānu daļa. Es visu ļoti kārtīgi, apzinīgi mācījos, mācījos, mācījos un kļuvu par vecāko ekonomistu. Un

⁴⁷ Vispārējs jēdziens, ar kuru apzīmē 80. gadu otrajā pusē PSRS veiktās reformas, kas bija vērstas uz sabiedrības demokratizāciju un valsts *sociāli ekonomiskās attīstības paātrinājumu*.

strādāju es visu laiku celtniecībā, *ceļniekos* strādāju, Latvijas PSR Iekšlietu ministrijā strādāju.

Tad, lūk, kad strādāju celtniecībā, bet īpaši tajos piecpadsmīt gados, kad valdija Brežņevs⁴⁸, tad es padzīvoju. Lūk, tajos piecpadsmīt gados, es gribu teikt, bija prieks – mēs visur braukājām – gan uz Kaukāzu, gan uz ziemeļiem, gan dienvidiem. Nu visur! Ceļazīmes. Kaut ko esi padarījis, gribi atpūsties – brauc. Arī sanatorijās biju, Baldonē un visur. Lūk, to es atceros ar labpatiku. Un kolektīvi bija labi. Tomēr gribu teikt, ka latviešu bija maz. Varbūt bija kāds meistars, kāds būvdarbu vadītājs, bet maz.

Nostrādāju tur 13 gadus, visus starp krieviem. Ieguvu, tā teikt, ceļazīmi dzīvei tāpēc, ka tur es pabeidzu 10 klases vakarskolā, tur pabeidzu tehnikumu. Mācījās *чему-нибудь и как-нибудь*⁴⁹. Tad es arī apprecējos. Mums kā komjauniešiem dzīvokli iedeva, nu, viņam kā komjaunietim, tāpēc, ka manā biogrāfijā mazliet bija traips, paši saprotat... Bet mēs drīz izšķīrāmies. Tāpēc, ka es, zināt, vēl nebiju piemērota ģimenes dzīvei.

Atsūtīja man izziņu par tēva rehabilitāciju

Kā tikko parādījās kāda iespēja tēvu rehabilitēt, es tik daudz papīru rakstīju. Es uzreiz sāku rakstīt, prasīju mātei, atradu kaut kādu adresi, velns viņu zina, kādu. It kā viņš būvēja *Belomorkanal*⁵⁰. Toreiz vajadzēja jaunus vīriešus, un viņam 27 gadi, lauku puisis. Ak dievs, cik man vajadzēja dokumentu. Mājās man ir tāda kaudze, tad viņš kaut kur tur, tad tur, tad viņš aizbraucis uz Sibīriju, tad vēl kaut kur. Un man uznāca tādas dusmas! Velns parāvis, kad jūs viņu tiesājāt, savācāt, jūs taču sapratāt, ka viņam mājās ir ģimene, ka viņam ir meita, ka viņam ir sava dzimtene, sava sādža. Ko viņš tur Sibīrijā? Tikai Gorbačova⁵¹ laikā man atbildēja nopietni, kur viņš ir bijis, jo es rakstīju ļoti asas vēstules. Tas viss vienkārši radīja manī sašutumu, un tikai tad atrada, kur viņš bijis. Pēdējā vieta, kur viņš atradies, bijusi Komi Autonomajā PSR, kaut kādā cietumā pie ūdenskrātuves. Ūdenskrātuve appludināja šo cietumu. Cietuma vairs nav, un viņa kapa nav. Nomira viņš

⁴⁸ Leonīds Brežņevs (1906/1907–1982) – Padomju Savienības Komunistiskās partijas Centrālās komitejas ģenerālsekretārs (1966–1982).

⁴⁹ Burtisks tulkojums no krievu val.: “Mēs visi apguvām pa druskai kaut ko nebūt un kā nebūt.” Precīzs citāts no Aleksandra Puškina romāna dzejā *Jevgēņijs Ņeņins*.

⁵⁰ Baltās–Baltijas jūras kanāls savieno Balto jūru ar Ņeņas ezeru, ir izeja pie Baltijas jūras, to būvēja Gulaga ieslodzītie no 1931. līdz 1933. gadam.

⁵¹ Mihails Gorbačovs (1931) – pēdējais Padomju Savienības Komunistiskās partijas Centrālās komitejas ģenerālsekretārs (1985–1991), vienīgais PSRS prezidents (1990–1991).

1942. gadā no podagras, no vārguma, no bada. Un atsūtīja man izziņu par rehabilitāciju. Šeit, Rīgā, es saņēmu jau izziņu par tēva nāvi.

Bet komjaunatnē mani neuzņēma, vajadzēja taču rakstīt biogrāfiju. Tā ka es varēju dusmoties un dumpoties pret šo varu. Varbūt es arī kaut kādā mērā dumpojos... Tagad viss ir pāri, esmu jau veca. Bet, protams, manī bija naidis. Ka mamma nekad neko nesaņēma. Tāpēc, ka es zināju, turklāt viņa man stāstīja, un mēs ar viņu vairākkārt par to runājām... Nu, kā tad tā?! Neizglītots zemnieks. Bet galvenais, tas 58. panta 10. punkts – propaganda. Propagandists atradies, analfabēts! Smieklīgi! Jā, netaisnīgi, bet ko darīt? Visos laikos atkārtojas tāda vēsture. Tagad esmu tik daudz salasījusies, tik daudz saskatījusies...

Par Brežņevu man nospļauties. Par viņu smējās un ņirgājās. Darbā – vai tad mēs vispār strādājām? Spriežu pēc sevis. Atnāc, kaut ko izdari, nu tā. Katrā ziņā tā, lai – oh! – tur kaut ko censties, tā nebija. Tāpēc arī nekā nebija. Tāpēc arī deficīts bija visur. Tāpēc, ka nestrādāja. Večuki sēdēja tur Kremli, ākstījās. Rija, dzēra, liksmojās, kā tagad dzirdu, vairāk neko citu nedarīja. Par kaut kādu progresu nav ko runāt, pat to nelaimīgo zeļbikšu sievišķiem nebija, ieliktnīšu nebija. Vai nav smieklīgi? Smieklīgi!

Nu, ja reiz es savu tēvu rehabilitēju, tad jau ir izmaiņas. Protams, mēs cerējām uz ko labāku. Ja mēs nebūtu cerējuši uz ko labāku, un tad šis sabrukums... Mēs taču arī bijām priecīgi, es arī parakstīju, ka negribu visu šo. Mēs arī gribējām labu dzīvi, es arī gribētu aizbraukt, pieņemsim, kad biju vēl jauna, varēju aizbraukt uz Dienvidslāviju. Es visu laiku sapņoju – uz Adrijas jūru vai vēl kaut kur. Ko tur runāt, protams, gaidījām, ka viss būs labāk. Varbūt kāda paaudze arī dzīvos labāk...

Tagad saprotu, ka Krievija – tas ir viens, bet Latvija – kas cits

Nu, kas tad tur bija! Es nekur nekādā *frontē*⁵² neesmu bijusi. Tā vienkāršā iemesla dēļ, ka mana māte ļoti slimoja. Es strādāju, auklēju bērnu. Strādāju es Pļavnieku taras punktā, un pie mātes vajadzēja katru reizi braukt, produktus aizvest. Un viņa vēl teica: “Tagad pietiek! Diezgan esi izskraidījusies, tagad aprūpē mani!” Tādi bija viņas vārdi. Nu, man arī nācās to darīt, viņa bija slims cilvēks. 1995. gadā viņa nomira, un vienkārši nebija laika priekš sevis. Kaut kā man dzīvē iznāca tā, ka man vienmēr nebija laika.

⁵² Ir domātas sociālpolitiskās kustības Latvijas Tautas fronte (1988–1993) un Interfronte (1989–1991).

Jeļcins⁵³ mazliet nepareizi izdarīja to visu. Tomēr Latvijas naidu pret Krieviju es arī nesaprotu. Sākumā es dzīvoju Juglā, kooperatīvā mājā. Tur mums bija tikai latvieši. Es ātri kaut ko tādu parakstīju⁵⁴, tieši par Latviju, lai mēs tā kā dzīvotu atsevišķi. Lai mēs visi dzīvotu laimīgi un labi. Bet mēs nezin kāpēc nesākām dzīvot laimīgi un labi. Nu, kāda es esmu okupante? Kāpēc tas visu laiku ir jāmet acīs? Tagad jau es vairs to nedzirdu: “Brauciet prom, vācieties prom!” Nu, vai tad es vainīga? Būtu es dzīvojusi savās mājās. Kāpēc, autobusā braucot, kad kaut ko paprasīju – jau neatceros, ko, “Sabraukuši te, vācieties prom!” Īpaši ļaunas ir sievas. Jaunie nē, nevaru teikt, jaunie – nē. Negribu liekuļot, bet patiešām ne sociālajā aprūpē, ne poliklīnikā, ne arī kādā iestādē nekad neesmu dzirdējusi apvainojošus vārdus. Es pajautāju, vai var krieviski, un viss. Un, ja pensija būtu lielāka, tā, kā pieklātos, es būtu laimīga. Vienkārši ir grūti, ja maz naudas, ļoti maz. Tā arī dzīvotu. Tāpēc, ka man, vienkāršam iedzīvotājam, tā politika nav vajadzīga. Gāju uz naturalizācijas kursiem, gāju. Nezin kāpēc baidījās rakstīt iesniegumu. Nu, vispār kaut kā nebiju par saviem spēkiem pārliecināta. Brālis mani ļoti lamāja: “Ej taču, ko tu, galu galā!” Pats aizgāja un nokārtoja, un viss. Bet viņš dzimis 1947. gadā, viņš ar puisiem, ar latviešiem draudzējās, viņš ar viņiem tur, uz ielas, spēlēja futbolu, sarunājās. Bet es nekādi neiemācīšos. Tagad eju uz klubu, mēs tur ar latviešu valodu nodarbojamies. Bet man viss iznāk tā neveikli. Aizeju uz veikalu, pajautāju, ko es tur gribu, atmiņa man jau kaut kur zūd. Tā ka diemžēl, nē. Un nevis tāpēc, ka esmu kaitniece; es nekaitēju, es vienkārši baidos...

Es tikai tagad saprotu, ka Krievija – tas ir viens, bet Latvija – kas cits. Toreiz es to nesapratu, man tas bija vienalga. Man šķita, ka viss bija Padomju Savienība. Kaut kā mēs ar vīru aizbraucām uz Tambovas apgabalu, tur ir viņa lauki. Un mušu! Un mušu, un tā visa! Ak dievs! No tādām *graņonkām*⁵⁵ visi dzer. Mājās, mājās, mājās! Mums tomēr viss ir kulturāli. Patiešām gan tīrāk, gan kulturālāk, un mēs, Latvijas krievi, atšķiramies no krieviem, kuri dzīvo Krievijā. Un, kā mēs tikai aizbraucam uz Krieviju, visi tūlīt saka: “Bet jūs neesat no Krievijas!” Mums uzvedība ir citāda, sarunāšanās atšķirīga,

⁵³ Boriss Jeļcins (1931–2007) – Krievijas Federācijas pirmais prezidents (1991–1999).

⁵⁴ Iespējams, ir domāta 1991. gada 3. marta Latvijas iedzīvotāju aptauja, kurā tika uzdots jautājums: “Vai jūs esat par demokrātisku un neatkarīgu Latviju?”

⁵⁵ 200 ml tīlpuma slīpētas, bieza stikla glāzes ar skaldnēm. No krievu val.

citi vārdi. Tur mēs esam svešie. Mēs esam ārzemnieki. Un atšķirība ir, jā! Un mēs ar to lepojamies. Lūk, mēs tādi esam. Es ar patiku, ar lepnumu saku, ka es esmu no Rīgas.

Tulkojusi Gunta Darbiņa

Intervija NMV-4213

Kompozīciju veidoja un intervēja Edmunds Šūpulis, Rīgā, 2014

MAIJA GOLUBEVA

Vecāki izceļojuši no Latvijas uz Krieviju, lai iegūtu zemi. Dzimusi 1938. gadā Čerkesijā, Ziemeļkaukāzā. Pēc kara, kad māte ar meitu atgriezās Latvijā, uzzināja, ka mātes māšica un tante 1949. gada 25. martā izsūtītas. Strādājusi par sākumskolas skolotāju un dzīvo Viļakā. Pensionāru biedrības priekšsēdētāja.

NEESMU RADUSI SŪDZĒTIES

Latvija tādu karu nav redzējusi

Esmu dzimusi Karačas-Čerkesijas apgabalā. Māte latviete, vecmāmiņa arī latviete, dzimusi Jaungulbenē, bet 1922. gadā zemi sagribējās. Uzzināja, ka Krievijā dod zemi, un skrēja uz turieni. Vēlāk robežu slēdza un visi palika. Pabeidza Veļikije Luki Pedagoģisko institūtu. Latviešus toreiz Krievija atzina, jo viņi bija izglītoti. Mātes tēvoci nosūtīja darbā uz Pjatigorsku. Māte tur apprecējās, mans tēvs bija prokurors. Agrāk prokuroriem neļāva ilgi palikt vienā vietā, un viņu pārcēla uz pilsētu Mikojanu Šaharu⁵⁶, Karačas-Čerkesijas apgabalā. Tur es dzīvoju līdz trim gadiem, pēc tam tēvu pārcēla uz Armaviru, un tad sākās karš.

Visu kara laiku man nācās daudz ceļot. Māte brauca ciemos pie sava tēva uz Veļikije Luki, bet Maskavā visus izsēdina no vilciena, jo sācies karš. Māte taču ved bērnu vectēvam parādīt, braucām uz Veļikije Luki, tur nakti nosēdējām pagrabā, vēlāk vajadzēja doties prom, jo sākās īsts karš. Aizbēgām no visa tā un atgriezāmies Armavirā, pēc nedēļas atkal vajadzēja bēgt tālāk. Atceros, kā sēdējam zem tilta, bet virs tilta spindzēja lodes.

⁵⁶ Tagad – Karačajevska.

Pēc tam dzīvojām Budjonovskā⁵⁷, mamma strādāja skolā, viņa daudz nodarbojās ar jauniešiem, brauca uz olimpiādēm. Tur pārcietām briesmīgu badu. Mamma nekad nevienam neko nelūdza, laikam izpaudās latvietes lepnums. Viņu nosūtīja strādāt uz sākumskolu četrus kilometrus no pilsētas. Tur bija vīnkopības sovhozs. Tas bija 1944. gads, vāciešu vairs nebija, bet bads bija šausmīgs. Vecmāmiņa salasīja āboliņu, izkaltēja, samala kopā ar klijām, sajauca ar ūdeni un cepa plāceņus. Un es dalīju: “Tas tev, tas tev, bet tas man!” Kas paliek pāri, arī man.

Tur nodzīvojām līdz 1946. gadam, tad mēs pirmo reizi aizbraucām pie radiem uz Maskavu, un mums atsūtīja atļauju braukt uz Latviju. Vecaistēvs bija zirgu nomas punkta direktors, viņam bija divas māsas – Martas tante un Emmas tante. Kad mēs pie viņiem atbraucām, man bija kauli un āda, viņas mani dzirdīja ar pienu un teica, ka Latvijā tāda kara nebija, kādu es piedzīvoju.

Jēkabpilī mamma saņēma ministrijas norīkojumu. 1949. gadā atbraucām uz šejieni. Bija sarunāts apmesties pie māsīcas netālu no Jēkabpils. Braucām 5. jūlijā, bet jau vilcienā uzzinām, ka mammas māsīca un tante 25. martā izsūtītas uz Sibīriju. Bijis tā, ka viņas aizvestas citu vietā. Vēlāk atgriezās mammas māsīca viena pati, tante apglabāta Sibīrijā. Viņas reabilitēja laikam 1956. gadā, un māsīca te paspēja nodzīvot astoņus gadus.

Ir vēl viena māsīca, pie kuras tad braucām. Iznāca tā, ka viņu atbrīvoja no darba, kad mamma atnāca strādāt uz skolu. Māsīca bija klases audzinātāja un bija aizvedusi bērnus baznīcā uz iesvētībām, ir tāda luterāņu tradīcija. Man šķiet, ka mūsu dzimtā tikai viņai ir izteikta tāda nacionāla izpausme. Bet es viņu saprotu, jo viņa Ulmaņlaikos ar lielām grūtībām beidza institūtu, vasarās strādāja pie radiniekiem, radi apmaksāja viņas izglītību. Viņa ieguva literatūras skolotājas specialitāti, bija ļoti laba skolotāja. Viņu ļoti aizvainoja tas, ka tika atbrīvota no darba skolā. Vēlāk ļāva atgriezties skolā, bet viņa visu mūžu nostrādāja Jēkabpils biešu laukos. Neatgriezās, bija lepna.

Arī mana māte sadusmojās un teica, ka nestrādās tajā skolā. Aizrakstīja uz ministriju, un viņu pārcēla uz Madonu, pēc kāda laika atbrauca atpakaļ uz Viļaku tāpēc, ka 15 kilometrus no pilsētas bija krievu skola un es tajā mācījos. No 1952. gada viņa strādāja Viļakā par pamatskolas skolotāju. Un arī es kopš 1952. gada dzīvoju Viļakā.

⁵⁷ Pilsēta Stavropoles novadā (KF).

Atklāti runājot, mūsu Viļaku nodeva. Mana tante strādāja Kultūras ministrijā un apsveica mani. Ar ko? Likvidēts Viļakas rajons, jo nav pietiekamu resursu pastāvēšanai. Balviem ir. Bet viņiem nav nekā, izņemot gaļas kombinātu un greizas ielas. Bet mums bija linu rūpnīca, piena kombināts, *Sarkanais Rīts*⁵⁸, PMK⁵⁹, te daudz kas bija. Skolā mācījās 960 bērni. Slimnīca, kaut neliela, bet ar normāliem ārstiem, pat ķirurģiskā nodaļa. Kolīdz mūs apvienoja ar Balviem, Balvi vilka visu priekš sevis, un Viļaka tāda, kā bijusi, palika uz ilgiem gadiem.

Mēs neprātīgi kāvāmies

Skola mums bija lieliska, darbojās paralēlās krievu un latviešu klases. Gāja jautri. Vienmēr skaitījāmies starp piecām labākajām skolām republikā. Pie mums atnāca jauns direktors, viņam bija 24 gadi. Kolektīvs bija briesmīgs. Latvieši un krievi kāvās neprātīgi. Sanākam, puīši atdod komjauniešu biedru kartes glabāšanai un iet kauties ar nūjām, ar mietiem. Arī skolotāji. Kautiņi vienmēr izcēlās starp skolniekiem, jo latviešiem patika dejot, kad spēlē klavieres, bet krieviem – pie radiolas. Sarīkojums beidzas, un visi iet uz autobusa pieturu kauties. Reiz skolotāji sarunājās, ka direktors teicis, kas negrib dzīvot tādā kolektīvā, lai pirmdien atnes atlūgumu. Atlūgumu neviens neatnesa, kolektīvs saprata, ka jādzīvo normāli. Tā arī mūs apvienoja. Gribat strādāt – strādājiet, ja ne – ejiet prom! Ar skolniekiem tāpat. Direktors sasauca skolas sapulci un teica: “Es arī mācījos skolā, mēs kāvāmies, bet nevis kā latvietis ar krievu, bet kā Janka ar Vaņku.”

Pabeidzu devīto klasi, 16. oktobrī mani atskaita no skolas un iecel par skolas vecāko pionieru vadītāju, jo iepriekšējo vadītāju pārcēla uz rajona komiteju. Direktors lūdza atļauju, un mani iecēla par vecāko pionieru vadītāju. Skolā bija 960 bērnu. Brīnos, ka viņi mani klausīja. Direktors nekad nesūtīja man līdz skolotājus, kad braucām uz nometnēm vai ar sportistiem uz sacensībām. Gājām pārgājienos, viņi mani klausīja. Pēc tam mani pārcēla uz internātskolu par audzinātāju. Biju beigusi pionieru vadītāju skolu, šī izglītība bija kā sākumskolas skolotājai. Neklātienē mācījos Krievu valodas un literatūras fakultātē. Klātienē nesanāca, līdzekļu trūka, vajadzēja strādāt un mācīties. Vēlāk piedzima meitiņa, nācās mācības pamest. Taču, atklāti

⁵⁸ Ir domāta trikotāžas fabrika *Sarkanais Rīts* Viļakas filiāle.

⁵⁹ Pārvietojamā mehanizētā kolonna.

runājot, ja būtu bijis skolas pirmais direktors, viņš piespiestu mani pabeigt. Jaunībā jāvar!

Kad sāku strādāt, bija interesanti. Kā tad – es varu neiet uz stundām! Direktors atnāk uz pionieru istabu un jautā: “Biedrene vecākā pionieru vadītāja, kāda jums ir stunda?” Pasaku, kāda stunda, bet viņš: “Es sūtu skolo-tājus uz semināriem, lai viņa varētu apmeklēt stundas, nokārtot eksāmenus, bet viņa, lūk, sēž te un izklaidējas. Marš, uz stundu!”

Kāzas svinējām divas dienas, taču kur dzīvot nebija

Es labi atceros padomju laikus, ļoti labi atceros. Kad sanākam savējie, viņi arī atceras. Agrāk mēs gājām viens pie otra ciemos, dziedājām, liksmo-jāmies. Tagad tā nav. Pasēž pie galda, parunā, izstāsta kādu anekdoti. Daudzi pametuši dzimtās vietas un negrib atgriezties. Viņi saka: “Kur mēs te dzīvo-sim? Par kādiem līdzekļiem? Kur strādāsim?” Bet tur bija viss. Nodrošināts darbs. Zini, ka tev ir alga. Nepatīk šis darbs, ej uz citu. Bezmaksas medi-cīna. Un kūrorti! Man nepatika braukt uz kūrortiem, bet vīrs brauca. Un uz Bulgāriju par velti aizbrauca. Viņu no darbavietas aizsūtīja. Ja esi labs darbinieks – brauc!

Mans vīrs bija šoferis. Dzīvoja man kaimiņos pie saviem radiem. Gājām uz dejām, aicināja dejot, pavadīja mājās. Mēs pie viņa radiem pir-kām pienu, viņiem bija govs. Un es ieraudzīju, ka viņš ziemā atnāk no darba nosalis, bet viņi pat zupu viņam nepiedāvā. Saka: “Tūlīt noņemsim no plīts, tad tu varēsi sev gatavot!” Es teicu: “Toļik, nāc līdz, man kaut kas ir izvārīts, es tevi pabarošu! Nemaz nesāc te vārit!” Kopš tā brīža mēs drīz vien apprecējāmies. Nodzīvojām kopā gandrīz 40 gadus, divu mēnešu pietrūka.

Kāzas mums bija ļoti vienkāršas. Man jau bija 24 gadi, vecmeita. Atnāca skolotāji no internātskolas, draugi. Svinējām divas dienas, bet dzīvot nav kur. Mammai bija tikai viena istaba. Mani pieņēma pazīstama skolotāja, viņai bija divas istabas, ielaida mūs vienā. Pēc tam piešķīra dzīvokli, kas nu tas par dzīvokli – virtuve un istaba, tagad tur ir šķūnis. Bet mēs dzīvojām. Pirms tam tur bija dzīvojis rajona komitejas darbinieks, tā ka bija visas ērtī-bas. Vēlāk mūs izlika, kad uzradās mājas saimnieks, bet iedeva citu dzīvokli. Vīrs jaunajā dzīvoklī pabija tikai divus gadus, nomira.

Divdesmit septiņu gadu vecumā man piedzima meita. Vēl palīdzēju bāreni izaudzināt. Kāda skolotāja nomira, palika meitiņa, kas paņemta no bērnunama. Vajadzēja viņu pieņemt. Skolotājas māsa gribēja viņu atdot atpakaļ bērnunamā. Es teicu, ka nedrīkst otrreiz traumēt bērnu. Mani viņa labi pazina, mana ģimene neiebilda. Palīdzējām izglītoties, viņa beidza tehnikumu. Audzināju vienpadsmit gadus.

Māte mani stingri audzināja

Māte mani ļoti stingri audzināja. Tā sanāca, ka māte jau no bērnības viena ar mani tika galā. Man bija stingrs dienas režīms. Bez piecpadsmit minūtēm divpadsmitos jābūt mājās, pat tad, kad jau biju pieaugusi. Vienalga, kādi svētki, jaunieši pastaigājas parkā, bet man bez piecpadsmit divpadsmitos. Un, ja kaut ko nepareizi izdarīju, nelaida uz skolas sarīkojumu. Izdomā man visādus darbus, malku sakrāmēt vai ko citu. Zēni mani aizstāvēja, atnāca, sakrāmēja malku un saka mātei, ka viss izdarīts. “Nu, labi, laidīšu, bet lai būtu bez piecpadsmit divpadsmitos!” Vienreiz neatnācu bez piecpadsmit divpadsmitos, atnācu divpadsmitos, tas bija devītajā klasē. Puišis mani pavada, bet viņa jau stāv ar žagaru un, nekaunoties no puiša, sadod man. Nabaga puišis vēlāk baidījās kinoteātrī man blakus sēdēt. Es teicu, lai nebaidās, viņa mani tik stingri audzina, lai es pildītu viņas norādījumus. Visi zināja, cik stingri mani audzināja. Es jau nemaz slikti neuzvedos.

Bija divi tādi gadījumi. Es vienmēr visu sapratu, jo redzēju, ka māte daudz strādā un ir nogurusi. Un es sapratu, ko vajag. Reiz vecmāmiņa gribēja aiziet uz baznīcu, viņai jau bija ļoti slihta redze, un es viņu aizvedu. Baznīcā iekšā negāju, pavadīju līdz baznīcai, un viss. Bet viņa izstāstīja mātei, un māte sāka man lasīt morāli, ka es nedrīkstot iet uz baznīcu, jo esmu pionieru vadītāja. Skolas direktors zināja, ka es reizēm pavadīju vecmāmiņu, bet nekad neko neteica, jo es taču iekšā negāju.

Vēl bija gadījums sestajā klasē. Mēs atradāmies dzīvoklī, pagalmā vīri cēla šķūni un *mātes vārdos* nosauca kādu koku, cik tas skaists. Es atnācu pie vecmāmiņas, viņa man ielēja zupu, un es nosaucu zupu tajā vārdā, jo nesapratu tā nozīmi. Māte atnāk no darba, un vecmāmiņa viņai pārmet, ka es runājot *tādos vārdos*. Mani, kā vienmēr, neaudzināja, bet uzreiz nopēra ar žagariem, un es uz visiem laikiem sapratu, ka tas ir slikti.

Ņēma un izsvītroja pilsonību

Viļakā Atmoda⁶⁰ norisinājās klusi un mierīgi. Te ir ļoti daudz krievu. Man bija lielas problēmas ar pilsonību. Par mani nez no kurienes bija uzrakstīta sūdzība bez paraksta, ka man nav tiesību uz pilsonību, jo neesmu šeit dzimusi. Kaut gan mana māte bija latviete, vecāmāte latviete un visi senči latvieši. Man bija pilsonība. Un tagad mani izsauc uz emigrācijas vai kādu tur nodaļu un saka, ka man nav tiesību būt pilsonei, jo neesmu šeit dzimusi. Lai iedodu pasi. Es saku, ka nekad neesmu slēpusi, ka piedzimu citur, bet man visi radinieki ir latvieši, gan māte, gan vecaistēvs un vecāmāte, tīrasiņu latvieši. Bet priekšnieks vienalga paņēma un atņēma man pasi. Es saku: “Varbūt tad arī mātei atņemsiet pilsonību?” Un viņš: “Vai jums ir līdzī mātes pase?” – “Ir!” Tā viņš ņēma un izsvītroja pilsonību arī mātei.

Tiesa, 23. decembrī bija telefona zvans, kas aicināja atvest māti saņemt pasi, jo viņai nelikumīgi atņemta pilsonība. Es atbildēju, ka mātei ir 85 gadi. Viņa raudāja, kad es stāstīju. Krievijā gan kara laikā, gan pēc kara neviens viņai nepārmeta, ka latviete, un te pēkšņi! Viņai atvainojās. Bet man teica: ja gribu iegūt pilsonību, jāvēršas tiesā un jāpieņem tautība *latviete*. Pasē esmu krieviete. Es neko neatbildēju, atbraucu mājās, atvedu mātei pasi un stāstu, ko man lika darīt. Pēc pāris nedēļām māte man saka: “Maija, gribu ar tevi parunāt! Gribu, lai tu būtu pilsone, jo pilsoņi ir gan tēvs, gan vīrs, gan meita un es. Kā tad tu būsi nepilsonē?” Viņa teica: “Māte ir nevis tā, kas dzemdēja, bet tā, kas uzaudzina. Un tevi uzaudzina Latvija.” Es naturalizējos, bet tautību nemainīju.

Nezini latviešu valodu, nosūtīs atpakaļ!

Tur, kur mēs dzīvojam, latviešu nebija. Pirmoreiz runāt latviski mani mācīja Lūcijas tante, kad atbraucām 1946. gadā. Mamma ar vecmāmiņu runāja latviski, bet, kad vecmāmiņa gribēja mani mācīt, es teicu, ka nemācīšos tādu čigānu valodu. Viņa man saka: “Pagaidi tik, mīļā, kad brauksi ar mammu uz Latviju, uz robežas pārbaudīs latviešu valodu! Mammu ielaidīs, bet tevi atsūtīs atpakaļ.” Man bija astoņi gadi un ļoti bail, ka mani vienu sūtīs atpakaļ. Vilcienā visi uzreiz pieskrēja pie loga un sauca, ka robeža klāt. Es uzkāpu uz trešā plaukta un noslēpos. Māte mani meklēja, viņa bija pieradusi

⁶⁰1980. gadu beigās, kad Latvijas sabiedrībā notika demokratizācijas procesi un aktualizējās idejas par Latvijas valsts neatkarības atjaunošanu.

kara laikā mani turēt pie rokas un vienu nekur nelaist: “Maija, Maija, kur tu esi?” Bet es viņai: “Klusāk, tūlīt valodu pārbaudīs!” Mamma mani ieraudzīja un stāstīja visiem, ka es baidos no valodas pārbaudes. Visi smējās.

Atbraucām pie Lūcijas tantes, bet viņa krieviski neprot runāt, tikai latviski. Viņa nāk, es bēgu krūmos. Bet mēneša laikā, kamēr te dzīvojām, viņa man iemācīja lasīt latviski. Mēs ar mammu staigājām pa Jēkabpili, un es rādu, ko māku izlasīt. Bērniem laikam tas ir vieglāk. Dzimšanas dienā man nopirka lelli, pirmo lelli kara un pēckara laikā. Noslēpa no manis un paši aizgāja uz dārzu. Bet es uzkāpu uz krāsns un paskatījos. Kad visi atnāca mājās, es teicu, ka zinu, kādu lelli man dāvinās dzimšanas dienā. “Kā zinu? Dzirdēju taču jūs runājam.” Pēc tam visi sāka ar mani runāt latviski. Un es jau drīz brīvi runāju. Tādēļ vēlāk mani pieņēma strādāt skolā, kur bija divas valodas. Direktors man uzreiz piekodināja, lai krievu klasē runāju krieviski, bet latviešu – latviski. Bērni pret mani labi izturējās, bet vienmēr bija jāpiedomā, kā ir pareizi. Reiz iegāju klasē un saminstinājos. Zēni saka, lai runāju krieviski, viņi sapratīs. Bet es saku, ka viņi pēc tam mani nosūdzēs direktoram. Tad viņi uzreiz: “Lai paceļ roku, kas sūdzēs direktoram!” Viņi bija manā pusē, bet es vienmēr runāju latviski.

Man bija labi draugi

Es strādāju skolā līdz 1995. gadam. Atbrauca no ministrijas un teica, lai neiesakām bērniem iet mācīties uz universitāti. Mums Daugavpili un Rēzeknē esot pašiem savi institūti. Viņiem pret Latgali tāda īpaša attieksme. Es nesapratu, kāpēc. Bija starp skolotājiem arī tādi, kam nepatika krievu valoda. Es nepievērsu tam uzmanību, arī pārējie krievu skolotāji nereaģēja. Bet no skolas man nācās aiziet. Man tieši toreiz atņēma pilsonību, un mācību daļas vadītāja man katru dienu prasīja, vai man būs pilsonība vai ne. Es saku, ka man jau ir pilsonība. Tad man atstāja tikai četras stundas. Kad to uzzināja rajona Izglītības nodaļa, viņi man jautāja, kāpēc es neko neteicu. Es taču varētu jebkuru citu priekšmetu pasniegt latviešu valodā. Es atbildēju, ka neesmu radusi sūdzēties, tas nav manā dabā. Bet par četrām stundām maksāja 25 latus. Toreiz man vajadzēja atstāt dzīvokli, jo uzradās saimnieks. Māte man nekad neko neprasīja un toreiz arī ne. Sešiem cilvēkiem – 49 lati. Kā varēja izdzīvot? Strādāju. Skolā četras stundas, mātei pensija, vīram algu maksāja ķeblišos un lādītēs, kuras viņi gatavoja. Tā arī dzīvojām. Bet man

bija ļoti labi draugi, kas zināja, kā es dzīvoju. Es arī viņiem palīdzēju, kad viņiem bija grūtības.

Reiz domāju, ko man šodien gatavot? Pēkšņi zvans: “Maija, vai tev ir liels spainis?” Saku, ka ir. Sauc mani pie sevis. Domāju, ka kaimiņiem vajag spaini. Atnācu, izrādās, ka kaimiņienes vīrs bijis medībās un nošāvis alni. Ielika man pilnu spaini gaļas, 12 litrus. Lūk, atrisinājās manas problēmas, ko gatavot. Tā nācās dzīvot.

Tulkojusi Baiba Burtneiece

Intervija NMV-4287

Kompozīciju veidoja un intervēja Marija Assereckova, Viļākā, 2015

TATJANA AMOSOVA

Dzimusi 1943. gadā Rīgā, Latvijā. Rīdziniece ceturtajā paaudzē. 1973. gadā beigusi Latvijas Valsts universitāti, specialitāte – filoloģe. Strādājusi presē un izdevniecībās.

MANAS ĢIMENES VĒSTURE – TĀ IR KUZŅECOVA FABRIKAS VĒSTURE

Kuzņecova porcelāns – Rīgas zīmols

Manas ģimenes vēsture – tā ir Kuzņecova porcelāna fabrikas vēsture, jo mani priekšteči vairākās paaudzēs ir strādājuši šajā fabrikā. Sākotnēji tas bija Krievijā, bet vēlāk, kad Latvijā atklāja ļoti kvalitatīva māla atradnes, brāļi Kuzņecovi šeit nolēma atvērt ražotni. Toreiz tas bija Stopiņu pagasts, aiz Rīgas robežas. Padomju laikā rakstīja, ka tolaik gandrīz vai pa krogiem meklējuši darbiniekus, bet bija taču pilnīgi pretēji. Brāļi Kuzņecovi sapulcināja viskvalificētākos cilvēkus, labus meistarus, – tos, kas zināja visus šī procesa smalkumus. 1812. gadā sāka apstrādāt mālu un apgūt ražošanu. Un pirmie meistari atbrauca kā strādnieki uz noteiktu laiku¹. Sākumā cilvēki dzīvoja pagaidu mājīnās, cēla cehus trauku ražošanai. Viņu ģimenes bija palikušas Piemaskavas porcelāna ražošanas centros – Verbilkos, Duļevā. Nu, un cilvēki dzīvoja ar domu, ka viņi atgriezīsies mājās. Taisnība gan, ka toreiz visa šī teritorija bija Krievija, nebija tāda krasa dalījuma, bet visi tik un tā gribēja atgriezties mājās.

Bet reiz saimnieki atveda šurp arī ģimenes – sievas ar bērniņiem. Nu,

¹ Visticamāk, ir domāta porcelāna fabrika Gželas tuvumā (Maskavas apgabalā), kuru dibināja Jakovs Kuzņecovs (1761–1816/1823), Krievijas rūpnieku Kuzņecovu dinastijas pamatlicējs. Rīgas porcelāna un fajansa izstrādājumu fabriku 1841. gadā dibināja viņa mazdēls Sidors Kuzņecovs (1806–1864).

deviņpadsmitajā gadsimtā ģimenes nebija tādas kā tagad – tur bija piecas līdz septiņas galviņas, un aizbraukt projām kļuva vienkārši nereāli. Tā nu iznāca, ka cilvēki palika šeit, un ražošana sāka attīstīties. Bet Rīgas porcelāns, tas kļuva slavens līdz ar citām Kuzņecova manufaktūrām. Un jāsaka, ka Kuzņecovs bija ņēmis vērā Rietumu patērētāju gaumi. Rīgas porcelāns, tas nedaudz atšķiras no krievu gan stila, gan dekora ziņā. Darbojās, protams, Lomonosova rūpnīca², kas bija galvenā piegādātāja cara galmam, bet tur bija pavisam cits stils.

Mans vectēvs pie Kuzņecoviem bija galvenais cepļa meistars. Tas, kas tagad laikam mūsdienu uzņēmumos ir galvenais inženieris. Mamma un viņas vecākās māsas stāstīja man, ka pēc dūmu krāsas no cepļa viņš varējis noteikt, kā notiek apdedzināšanas process un to, kādi izstrādājumi tiek apdedzināti – šķīvji, krūzes vai kas cits.

Apkārt rūpnīcai izveidojās ciemats. Vecie iedzīvotāji joprojām to sauc par Kuzņecovku. Iela gar rūpnīcu, tagad tā ir Slāvu, bet tolaik to sauca par Kuzņecova ielu. Žēl, tagad šīs rūpnīcas nav, tiek celts kārtējais tirdzniecības centrs, kaut gan padomju laikā Rīgas porcelāns – tas vispār bija Rīgas lepnums. Tas bija Rīgas zīmols. Lūk, tādā vidē mēs tikām audzināti. Tur bija arī mākslinieki, arī sievietes, kas apgleznoja porcelānu. Tur tiešām vajadzēja būt mākslinieciski apdāvinātam. Tā veidojās šī vide, gandrīz mikro pasaule. Un nevar teikt, ka saimnieki būtu bijuši ekspluatatori. To var ne ar vārdiem, bet ar darbiem pierādīt. Pie Kuzņecova fabrikas bija bērnodārzs, bija bibliotēka, pašdarbības teātris darbojās. Rūpnīcas teritorijā tika uzcelta kapela, bet par strādnieku līdzekļiem – dievnams. Tas darbojas līdz pat šai dienai – tā ir Rīgas Svētā Jāņa Priekšteča baznīca³. Un tagad lielākā daļa no tiem, kas strādāja šajā fabrikā un piedalījās šī dievnama celtniecībā, dus mierā Ivana kapos. Ja pastaigājas pa šiem kapiem, tad kā uz delnas tur ir Latgales priekšpilsētas vēsture. Svētā Jāņa Priekšteča dievnams nekad nav ticis aizvērts. Tas ir bijis uz aizvēšanas robežas, bet joprojām darbojas. Dievkalpojumi tur notiek arī tagad. Bet rūpnīcas teritorijā tika uzcelta kapela ļoti godātajai Kazaņas Dievmātes ikonai.

² Bijusi Imperatora porcelāna rūpnīca, dibināta 1744. gadā Sanktpēterburgā, kopš 1917. gada Valsts porcelāna rūpnīca, kopš 1925. gada nosaukta Mihaila Lomonosova vārdā.

³ Baznīca atrodas Rīgā, Kalna ielā 21.

Vecmāmiņas un vectētiņi

Mana māte ir dzimusi Barinova. Vecvectēvs gāja traģiski bojā, viņu noslepkavoja. Mans vectēvs palika, viņam bija divpadsmit gadi, bet viņa jaunākajai mātai – septiņi mēneši. Un viņš no meistara palīga izauga līdz cepļa galvenajam meistaram. Viņam bija brāļi – Vasilijš, Nikolajš, Afanasijš, Mihailš, viņi visi arī strādāja rūpnīcā. Nikolajš nodarbojās ar finansēm, Vasilijš un Mihailš bija mākslinieki. Kāds nodarbojās ar podniecību. Visi izrādījās ļoti talantīgi, turklāt daudzpusīgi. Viena ģimene, puikas, kas izauguši bez tēva, bet no visiem iznāca lietaskoki. Pēc tam mātes brālēns tā kā mantojumā pārņēma finanšu lietas. Kamēr vien rūpnīca pastāvēja, viņš grāmatvedībā strādāja. Lūk, tādi ir Barinovi, tāds ir Rīgas porcelāns. Tagad gan visi Ivana kapsētā.

Otrā vecmāmiņa un vectētiņš – Amosovi. Vectētiņš arī ir vietējais, mācījās Tartu. Tur vispār bija tāds ļoti romantisks stāsts. Studentu nemieru laikā viņu izsūtīja uz Pleskavas novadu. Bet Pleskavas guberņā, Mihailovskas ciemā kalpoja vecākais priesteris tēvs Mihailš Kamenskis. Un viņam bija vienpadsmit dēlu un vienīgā meita, mana nākamā vecmāmiņa Marija Mihailovna, dzimusi Kamenska. Jaunavu garīgā semināra absolvente. Viņai nākotne jau bija noteikta, bet diemžēl dzīve iegrozījās citādi. Uzradās šis izsūtītais students, un mūsu popiene aizbēga. Ar izsūtīto studentu! Uzturēšanās vietas viņam bija noteiktas, jo viņš nebija pilnīgi uzticams. Tur piedzima mans tēvs, viņš bija pirmdzimtais. Un ar pirmdzimto jaunais pāris ieradās pie tēva Mihaila, krita viņa priekšā uz ceļiem un lūdza piedošanu. Jauno pāri salaulāja vecmāmiņas brālis Andrejs, kas tajā laikā arī jau bija mācītājs. Visi metās ceļos tēva Mihaila priekšā. Viņš, protams, piedeva. Vēl Amosovu ģimenē piedzima divas meitenes: manas tantes Irina un Ludmila. Un deviņpadsmitajā gadā kā Barinovu, tā Amosovu ģimene, kad Krievijā risinājās vēsturiskie notikumi, visi atgriezās Latvijā. Barinovi atgriezās kopā ar Kuzņecoviem, jo Kuzņecoviem šis bija palicis vienīgais īpašums, viss pārējais ticis nacionalizēts⁴. Amosovi atgriezās tāpēc, ka vectētiņam ir ziemeļu saknes, viņš ir no šejienes, un viņš acimredzot saprata, ka viņam jāaizstāv sava ģimene.

Vectētiņš ir beidzis medicīnisko institūtu, bet specialitātē nekad nav

⁴ 1918. gadā visas Kuzņecoviem piederošās fabrikas Padomju Krievijas teritorijā tika nacionalizētas.

strādājis. Ģimeni vajadzēja pabarot, tāpēc viņš strādāja par grāmatvedi un rēķinvedi. Bet galvenais ir cits. Viņam bija unikāla balss – bass *profundo*. Un tāpēc mūsu Kristus Piedzimšanas pareizticīgo katedrālē vecākie draudzes locekļi viņu vēl atceras. Katedrālē viņš dziedāja kopā ar vecmāmiņu. Tikai pēc tam viņš dziedāja operā. Viņš vienmēr teica: “Man galvenais ir katedrāle, pēc tam koris un filharmonija.”

Mūsu ģimenes relikvija – Šaļapina⁵ fotogrāfija ar uzrakstītu veltījumu vectēvam. Tāpēc, ka viņš piedalījās operas izrādēs Rīgā, kad Šaļapins ieradās uz viesizrādēm. Mums ir fotogrāfija ar Šaļapina parakstu: “Simpātiskajam Amosovam, Fjodors Šaļapins.”

Egle kā dāvana un mierinājums

Barinovu ģimene egli lika, tuvojoties Jaunajam gadam, un turēja līdz Kunga Kristīšanas svētkiem⁶. Jauno gadu sagaidīja diezgan atturīgi, jo tas ir Ziemassvētku⁷ gavēņa laiks. Bet, kamēr dzīva bija vecmāmiņa, visa ģimene pulcējās pie galda. Sita pulkstenis, iestājās jaunais gads, vecmāmiņa lasīja lūgšanu, visi cits citu apsveica, sēdās pie galda baudīt mielastu. Mums, bērniem, atļāva palikt pie galda. Tē ir tāda nianse, ka gan Barinovu, gan Amosovu mājās nekad nebija tā, ka bērni ir kaut kur atsevišķi, pie kāda cita galda. Bērni vienmēr bija kopā ar pieaugušajiem. Un te nu ir divas nianšes. Bērni prata uzvesties pie galda. Turklāt pie svētku galda nebija sarunu, kas nebūtu domātas bērnu ausīm.

Pēc Jaunā gada sākās gatavošanās Ziemassvētkiem. Ziemassvētki pēckara gados – tas bija sarežģīti. Sautēti kāposti, sardeles. Bet visi sapulcējās, un tas arī ir svarīgākais – tie ir svētki. Un izpušķota eglīte. Egli nesa Salatēvs. Un diezgan ilgi viņš nāca pie mums. Tiesa gan, pēc tam nesa vienkāršu egli, mēs paši to pušķojām.

Man bija kādi pieci gadi. Pirms Jaunā gada es saslimu un noslimoju līdz pat Ziemassvētkiem. Kā bērnu iepriecināt? Tagad es zinu, ko maniem vecākiem tas maksāja. Parādījās sapušķota egle, un tā bija izrotāta ar mandarīniem un āboliem. Bet pat septiņdesmitajos – astoņdesmitajos gados

⁵ Fjodors Šaļapins (1873–1938) – krievu operdziedātājs un kamerdziedātājs (bass), aktieris un režisors. Rīgu ar viesizrādēm apmeklēja 1910., 1921., 1930., 1931. un 1934. gadā.

⁶ Dieva Parādīšanās (Kunga Epifānija) jeb Kunga Kristīšana (krievu val.: *Богоявление / Крещение Господне*) – kristiešu svētki, kuri veltīti Kristus kristīšanai Jordānas upes ūdeņos. Pareizticīgo Baznīcā pēc “jaunā stila” tiek svinēti 19. janvārī.

⁷ Ziemassvētkus jeb Kristus Piedzimšanas svētkus krievu pareizticīgo Baznīcā pēc “jaunā stila” svin 7. janvārī.

tādas lietas kā citrusaugļus *izmeta* tikai ziemā. Decembrī stāvēja šausmīgas rindas; tos izķēra, lai varētu likt galdā, iepriecināt bērnus. Katrā gadījumā atnākt uz veikalu un nopirkt kilogramu vai dažus mandarīnus – tas nebija iespējams. Un, lūk, Ziemassvētkos man atļāva celties un iznākt viesistabā. Un tur mani gaidīja egle, līdz griestiem. Liela! Un tā bija izrotāta. Tajā nebija rotājumu bumbiņu. Tajā bija tikai mandarīni un āboliši. Toreiz šeit ļoti populāra bija šķirne *sīpoliņi*. Tiešām, mums parasti bija *sīpoliņi*, es pat nezinu krieviski pareizo botānisko nosaukumu. Mums tie bija tikai *sīpoliņi*, tādi maziņi, stingri, sulīgi āboliši. Tie bija ļoti dzelteni, ar sarkanu sāniņu, tos varēja aiz kātiņa iekārt diedziņā un pakārt eglē. Un, lūk, šī egle ar āboliem un mandarīniem bija man dāvana mierinājumam.

Reiz man nopirka jaunus zābaciņus. Gatavoja uz eglīti. Bet es saslimu. Un, kamēr slimoju, kāja izauga, tā arī tos zābaciņus nesanāca uzvilkt. Atdeva vienas paziņas meitiņai. Nē, nebija skumji. Protams, bija bēdīgi, ka uz eglīti netiku. Es biju slimīgs bērns, un mani ārstēja ar mājas līdzekļiem... līdz šim man nepatīk vārīts piens, jo dzirdēja mani ar lauku pienu un sodu... bet, kad tur vēl speķi... ai, briesmīgi! Nu, bet pēc tam, piecdesmitajos gados, apritē ienāca penicilīns. Tas bija periods, kad pie katra klepus un šķaudiena bērniem tika parakstītas antibiotiku injekcijas. Nedomāju gan, ka tas daudz ko līdzēja. Organisms izveseļojās tad, kad tam vajadzēja.

Es – ģimenē vienīgais bērns. Tas saprotams – četrdesmit trešais gads. Pēc tam mammai ar veselību bija problēmas, un viņai pateica, ka vairāk [dzemdēt] nedrīkst. Un tā sanāca, ka mēs visas esam vienīgās meitas. Mammai ir trīs māsas, bet mēs – vienīgās meitas. Mēs esam māsīcas, bet augām kā viena ģimene. Nevienš nedalīja, kas īstā, kas māsīca. Tam pilnīgi nebija nozīmes. Priekš mums, bērniem, tika darīts viss, lai mums būtu prieks, un par to es saviem tuviniekiem esmu pateicīga. Tiesa gan, mums mācīja garīgo prieku. Jau toreiz centās izskaidrot, ka svētki ir ne tikai tajā, lai apsēstos pie galda, apēstu kaut ko neierastu, bet gan prieks ir tajā, ka mēs visi sapulcējamies, mēs visi esam sveiki un veseli, draudzīgi, mēs esam kopā. Atceros vecmāmiņas vārdus pēckara gados. Viņa teica: “Es katru dienu pateicos Dievam, tam Kungam, par to, ka mēs visi esam palikuši dzīvi un ka nevienu šajā karā neesam zaudējuši.”

Trīs valodas – no bērnības

Man no bērnības bija stimuls uz divvalodību. Paps ar mammu sarunājās latviski. Kaimiņu puikas – latviešu ģimene. Viņi ar mani runāja latviski, tas ļoti ātri tika apgūts. Bet pēc tam vecāki pārgāja uz vācu valodu. Tāpēc, ka pēc pirmskara tradīcijām šeit bija trīs valodas. Ja cilvēks gribēja dabūt labu darbu, cilvēks, kas bija beidzis ģimnāziju, zināja trīs valodas. Ja tā bija reālģimnāzija jeb klasiskā ģimnāzija, tad vēl klāt nāca latīņu vai itāliešu valoda. Un plus angļu valoda. Man bija zinātkāre ātrāk apgūt, lai saprastu. Lai nebūtu sajūtas, ka tavā klātbūtnē runā, bet tu nesaproti.

Skolā es sāku iet septiņu gadu vecumā, dzīvojām mēs toreiz Torņakalnā, Pārdaugavā. Klase mums bija neliela, pēckara gados nebija daudz bērnu. Bet, redz, kas man sagādāja grūtības skolā, tādas smagas atmiņas. Lieta tāda, ka es, cik vien sevi atceros, kaut kur no četrus gadu vecuma, runāju divās valodās, turklāt es arī lasīju divās valodās. Taisnība, ar rakstīšanu gan man bija tā ne visai. Man nepadevās cipars *divi*. Sēžu, raudu. Asaras birst burtnīcā. Atnāk paps no darba. “Kas par lietu?” – “Nu tā, divnieks nesanāk.” – “Nekas! Redz, Iročkai (Iročka ir mana māsiņa) arī nesanāk. Nekas, sanāks!” Tāda bija šo cilvēku paaudze, viņi kaut kā spēja mums tuvoties. Atbalstīt, saprast. Mūs nelutināja, arī dzīve nedeļa iespējas lutināšanai. Mēs sevi neizjutām kā pasaules centru. Bet mēs jutām, ka aiz mums ir siena. Bija uzticēšanās. Ar jebkuru jautājumu varēja iet pie papa, pie mamma. Gan es, gan māsa, mēs zinājām, ka mūs uzklausīs. Un ne tikai paps, mamma, arī tantes, tēvoči. Mēs jutām, ka vecāki – tas tiešām ir balsts un aizsardzība, ka mums vienmēr palīdzēs. Nē, nevis tas, ka attaisnos. Ja atzīme bija sliktāka, tad mani varēja sodīt – ne par to, ka piecnieka vietā dabūju četri vai četriņieka vietā trīs. Bet tad, kad es sāku taisnoties. Meklēt cēloņus citur. Mūs mācīja meklēt cēloņus vispirms sevī. Un tas ļoti palīdz dzīvē.

Pats lielākais sods bija, ja mamma raudāja. Un mamma varēja sākt raudāt, ja dienasgrāmatā bija trijnieks. Un tas bija briesmīgi. Mēs dzīvojām pāri Daugavai, bet vecmāmiņa, mamma māsa un brālis palika dzīvot Kuzņecovkā. Bet cita vecmāmiņa ar vectēvu, Amosovi, dzīvoja Vecrīgā. Un svētdienās braucām tur un tur. Un varēja būt briesmīgi: ja es sliktu atzīmi atnesu dienasgrāmatā, mēs nebraucām. Mēs nebraucām uz Kuzņecovku. Un tas jāpasaka vecmāmiņai, bet vecmāmiņa ir veca, vecmāmiņa uztrauksies. Tas bija briesmīgi.

Rotaļlietu vietā – porcelāns

Vēl tad, kad es negāju skolā, mani atstāja nakšņot pie vecmāmiņas. Un tad mamma māsa vīrs, mans miļlais tēvocis Kostja, Konstantīns Afanasjevičs Kozuļicins, uzcēla mani uz taburetes. Tur bija liela ozolkoka bufete, uz tās augšpusē stāvēja porcelāna figūriņas. Vispār jau viņš pats sakārtoja un aprūpēja šo porcelānu. Bet man viņš atļāva, iedeva lupatiņu, un man tas bija tāds prieks, ka es varēju ņemt rokās šīs figūriņas, es varēju tās noslaucīt.

Man nebija lelles, es spēlējos ar šīm figūriņām. Lelli man atveda no Maskavas mūsu Maskavas radi, kad es jau gāju skolā. Vēl vienu lelli man nopirka mamma, tā sakot, mierinājumam. Es slimoju ar plaušu karsoni. Un viņa mani atstāja vienu, aizbrauca uz tirgu pēc produktiem. Bet, kad atgriezās mājās, atveda lelli, nelielu, zilacainu, gaiši zilā kleitiņā. Un es viņu nosaucu par Ilzīti, ne Liziņa, bet tieši Ilzīte. Šī lelle man bija ļoti ilgi. Bet pašas svarīgākās man bija porcelāna figūriņas. Gāja gadi. Kad mamma vairs nebija, tantīte un tēvocītis bija kļuvuši pavisam veci, es nācu pie viņiem un slaucīju šīs figūriņas.

Skola – tā bija cita pasaule

Skola – tā bija cita pasaule. Tā bija cita pasaule... tur nebija tik mājiģi kā mājās. Bet tas bija vajadzīgs. Uzņēma pionieros. Es nekad nebiju ne posmvede, ne pulciņa padomes priekšsēdētāja, bet tas viss bija ļoti interesanti. Es nebiju izteikti aktīva. Es nevaru teikt, ka mūs īpaši piespieda, kā daži reizēm stāsta – viņus spieduši iestāties. Stājāmies līnijā, devām svinīgos solījumus, uzsēja kaklautus. Skaitījās: ja esi pioniere, tas uzliek pienākumus. Tev labi jāmacās, jārāda piemērs. Man tas nesagādāja grūtības, jo šie principi mani bija noformējušies jau daudz agrāk. Mācīja labu. Mācīja taisnīgumu. Sodīt varēja tikai par meliem. Ja samelosi – tad tiešām stingri: nebrauksi pie vecmāmiņas, neiesi pastaigāties.

Kā tieši es iemācījos lasīt, to man vecākā māsa izstāstīja. Ar vecākajām māsicām man ir desmit gadu starpība. Sēžu, dīcu: “Palasiet, palasiet, palasiet!” Viņas sēž un macās, bet es zem galda činkstu. Viņas man parādīja burtus, lai atsienos, salieku. Mums vēl ir saglabājusies pirmskara mācību grāmata par Dieva likumu. Un es tur arī skatījos, no turienes kaut ko

lasīju. Bija viens tāds ļoti interesants notikums. Kad man parādīja burtus, es sāku lasīt balsī. Lasu skaļi, māsa man saka: “Nu, tu taču mums traucē, lasi par sevi!” Bet es saku: “Šeit taču par mani nekas nav rakstīts!” Līdz asarām. Kamēr atnāca vecmāmiņa: “Ko jūs viņu mokāt, nu, nāc pie manis, odziņ, es tev pastāstīšu! Pie sevis lasīt – tas nozīmē tikai ar actiņām lasīt, skaļi nerunāt.” Lūk, tā es mācījos lasīt.

Bet skolā bija tāds starpgadījums. Pirmajā klasē. Es lasu tekoši divās valodās. Lasīšanas stunda, es lasu. Man saka: “Tu tā lasi, pa zilbēm!” Bet es nesaprotu, ko no manis grib. Iesmērēja man trijnieku. Vakarā man četrdesmit temperatūra. Skolotāja satika mammu veikalā. Mamma saka: “Jā, tiešām, viņa jau sen lasa, divās valodās, viņa nesaprot, ko nozīmē lasīt pa zilbēm, viņa nekad nav lasījusi pa zilbēm.”

Tā kā es agri iemācījos lasīt, tā bija mana iemīļotā nodarbošanās. Tātad lasīsi šo materiālu, par kuru atnesi mājās trijnieku, bet nelasīsi to, ko tev gribas. Tas bija ļoti nopietns sods. Bet, lai teiktu, ka skolā viss ir ne tā, ka viss – otrādi, nē, tā nebija. Pietika gudrības atrast tādus vārdus, kurus mums māca Svētie Raksti. Tas tika teikts tā, ka skanēja mūsdienīgi, tas bija saprotami un nelika apšaubīt skolotāja autoritāti. “Netiesājiet, un jūs netiksiet tiesāti”, bet man teica – mazāk kritikas, vairāk paškritikas. Mums bija tāda kārtība – skolotājam vienmēr taisnība. Mani varēja sodīt tikai par to, ka es teicu, ka skolotājam nav taisnība, ka skolotājs pret mani bijis netaisns. Pirmo reizi no savas mammas es dzirdēju to, kādās šausmās viņi bijuši par manas skolotājas zināšanām tad, kad man bija ap trīsdesmit. Bet toreiz septiņus, desmit, divpadsmit gadus vecam bērnam – skolotājam vienmēr ir taisnība. Skolotājam vienmēr ir taisnība, un par to es esmu pateicīga – nebija sajūtas, ka mājās tiek runāts viens, bet skolā cits. Pēc tam jau, kad biju pieaugusi, pazinu dažas ģimenes, kur traģēdijas bija tāpēc, ka mājās runāja vienu, bet skolā mācīja citu. Un, lūk, šī dalīšana noveda pie tā, ka cilvēks vienkārši apmaldījās dzīvē.

Katram savs ceļš uz dievnamu

Mani kristīja, mani veda uz baznīcu, pie dievgalda. Tas viss notika aizvien retāk tieši tādēļ, lai nebūtu šī dalīšanās, kad sākās visas tās pionieru lietas. Ziemassvētki, Lieldienas – tie bija vecmāmiņas svētki, tā bija cieņa pret vecmāmiņu. Un neizbēgami visi piemiņas dievkalpojumi, aizlūgumi.

Bet tad jau es pieaugu. Kad nomira mani vecāki, tad izrādījās, ka tas viss gulstas uz mani. Mani nekad nespieda un nekad nerādīja pret to riebumu. Ar varu mani uz baznīcu neveda. Bet es skaidri zinu, ka ceļš uz dievnamu ir katram savs. Jā, es augu reliģiozā ģimenē, es zināju, ka vecmāmiņa un vectēvs dzied katedrālē. Es zināju, ka otrs vectēvs bija aizbildnis celtniecības padomē tajā dievnamā, uz kuru mani veda. Tas man nebija noslēpums. Bet tā, lai mani ar varu tur vilktu, stāvi tur un cieties, kamēr dievkalpojums beidzas, – tā tas nebija.

Vēl līdz skolai ar vecmāmiņu gājām uz baznīcu, bet tur, kā vecmāmiņa nometas ceļos, jāpalīdz viņai piecelties. Nezinu, cik es tur palīdzēju vai pavisam pretēji, bet man bija pienākums vecmāmiņu pavadīt un viņai palīdzēt. Nu, kaut kas tā nosēdās atmiņā. Gadās, ka tagad stāvu dievkalpojumā un domāju, no kurienes es to zinu. Ļoti daudzas lietas nāk no bērnības.

Tagad principā tas kļuvis daudz vieglāk, mierīgāk. Ja padomju laikā, īpaši piecdesmitajos gados, tas bija tiešām sarežģīti, tad tagad tas viss ir brīnišķīgi. Jā, pareizticība – tā ir būtiska manas mentalitātes sastāvdaļa, tajā ziņā nekas nav mainījies, vienkārši... es nekad neko nedemonstrēju, jo es uzskatu, ka ticība – tā ir ļoti intīma lieta, ne vienkārši personīga, bet intīma. Tas nav, ar ko var dižoties vai demonstrēt kā kaut kādu priekšrocību. Tā ir ļoti intīma lieta, tās ir manas attiecības ar Dievu. Ne vairāk, ne mazāk.

Divdesmit trijos gados visu sāku no jauna

Ne jau es izvēlējos kļūt par filologu, filoloģija mani izvēlējās. Un ceļš uz filoloģiju bija ilgs. Lai gan man skolā bija izteiktas humanitārās spējas, matemātika vienmēr padevās grūti, arī visas precīzās zinātnes, bet, tā kā es mācījos labi, izvirzīja mani par labo skolnieci. Bet tas bija lāča pakalpojums.

Tā kā es bērnībā daudz slimāju, es vienmēr biju gribējusi kļūt par ārsti. Un pēc skolas gāju iestāties medicīniskajā institūtā. Bet skolu es pabeidzu sešdesmitajā gadā. Tas bija Hruščova reformu laiks. Tā bija reforma par skolas un dzīves tuvināšanu⁸. Visiem, kas stājās, vajadzēja darba stāžu⁹. Pēc

⁸ Iespējams, ir domāts likums "Par saiknes stiprināšanu starp skolu un dzīvi un par tautas izglītības sistēmas tālāku attīstību PSRS" (24.12.1958.).

⁹ Runa ir par 1957. gada noteikumiem, kuri paredzēja, ka, iestājoties augstskolā, priekšrocības ir tām personām, kurām pēc vidusskolas absolvēšanas ir divu gadu darba stāžs.

manām domām, Hruščovs ne tikai māksliniekus dzenāja un izstādes izdzenāja, viņš arī daudzus likteņus salauza. Kāds iestājās, kāds – ne. Aizgāja strādāt, tā arī palika strādāt, nekur neiestājās. Kāds iestājās, bet vēlāk. Cilvēki veidoja ģimenes, pareizāk – cilvēki apprecējās, bet ne vienmēr izdevās ģimene, jo bija darbs, mācības. Tagad to sauc par demogrāfisko bedri. Kāds palika bez izglītības. Ja cilvēks centās mācīties, neveidojās ģimene vai arī tā izrādījās nepilna ģimene.

Es divus gadus strādāju poliklīnikā, aizgāju uz institūtu, un viss bija labi, bet man radās grūtības ar fiziku, ķīmiju un visām šīm zinātnēm. Man nācās aiziet akadēmiskajā atvaļinājumā, jo es saslimu. Izņēmu dokumentus, bet joprojām mēģināju iet to pašu ceļu, iestājos universitātes Bioloģijas fakultātē. Man nebija vidējās atzīmes – man visur bija piecnieki un parādi ieskaitēs fizikā un matemātikā. Un tad bija saruna – principā man varētu iedot ieskaiti. Bet daudz sliktāk būs pirms diploma, kad būs sarežģītā fizikālā un koloidālā ķīmija, ar kuru nevarēs tikt galā, bet laiks būs pazaudēts. Tā es divdesmit trijos gados visu sāku no jauna Filoloģijas fakultātē. Tad mūsu ģimenes draugs Vera Mihailovna Kaverzņeva teica: “Lūk, tagad es par tevi esmu mierīga, tagad tu esi savā vietā! Neskumsti, ka tu sāc vēlu. Dzīve ir dzīve, un ne vienmēr tā iet pa gludu taciņu. Bet galvenais, ka tev nerodas doma, ka neesi savā vietā, nerodas nožēla par nepareizi izvēlētu ceļu.”

Zīmīgās janvāra dienas

Man trīs reizes jāsaka *nē* – nebiju, nebiju dalībniece, nepiedalījos. Partijā nebiju, padomju presē nestrādāju, padomju skolā arī nestrādāju. Sākumā strādāju pētnieciskajā institūtā, pēc tam projektēšanas institūtā. *Rīgas Balsī* par tulkotāju. Kad sākās Tautas fronte, tas viss atnāca uz institūtu, un pēc tam sākās – zinātniskā informācija nav vajadzīga, tulkotājs nav vajadzīgs. Ar vienu daļu attiecības saglabājās normālas, bet ar citiem – nezinu, no kurienes tas radās: “Jūs nedrīkstat šeit runāt krieviski!” Lūk, tas arī viss. Sanāca tā, ka kolēģi man parādīja sludinājumu *Rīgas Balsī*, ka tur meklē tulkotāju. Es piezvanīju, man pateica: “Nāciet!” Es aizbraucu uz Preses namu, uz otro stāvu, mēs parunājām, iedeva man tekstu, es uzreiz pārtulkoju. Man teica, ka piezvanīs. Institūtā tobrīd bija ļoti neomulīgi. Ar daļu no saviem paziņām un kolēģiem Atmodas laikā es pārtraucu sakarus – no

kaut kurienes izlīda šī agresija. Nākamajā dienā es atnācu uz Preses namu un man pateica, ka ņem mani uz pilnu slodzi. Pēc tam jau, nostrādājot mēnesi, es uzzināju, ka tur bijis konkurss starp desmit cilvēkiem. Paņēma mani un vēl vienu vīrieti uz pusslodzi sporta nodaļā. Un es aizgāju strādāt tur deviņdesmit pirmā gada zīmīgajās dienās¹⁰. Manas karjeras sākums Preses namā bija, kad omonieši¹¹ ieņēma Preses namu.

Man šīs dienas palikušas atmiņā ar solidaritātes izjūtām, ar pleca sajūtu. Toreiz neviens neko nedalīja. Toreiz mēs visi bijām vienoti. Mums toreiz bija kopīga draudu sajūta. Tās bija melnās beretes. Reiz es eju, nesu materiālus uz redakciju, redzu – cilvēku nogāzuši zemē, spārda kājām. Es toreiz nesapratu, kas tas ir. Ienāku es vestibilā, parādu caurlaidi. Bet tur stāv redaktors. Es saku: “Atnesu materiālu.” – “Nu, ienāc!”

Man palūdza pārtulkot krievu valodā uzrunu Mihailam Gorbačovam. Bet pēc tam mūsu avīze iznāca uz tāda ietinamā papīra, un tur bija rubrika “Ārkārtas apstākļos”. Tāpēc, ka mēs aizbraucām no Preses nama. Tajā laikā avīze tik un tā iznāca. Tās, protams, bija solidaritātes dienas. Varbūt bija kaut kāda romantika, kas tagad ir izgaisusi reālijās... bet, vienalga, cilvēki bija mazliet citādi noskaņoti. Toreiz nebija šīs dalīšanās. Toreiz bija vairāk izpratnes. *Rīgas Balsī* tas arī pēc tam saglabājās. Bija divas redakcijas, bet vienmēr pastāvēja solidaritāte. Mēs darījām vienu darbu.

Tolerance – tā nekad nevienam nav traucējusi

Noskaņojums toreiz bija viens. Protams, man bija apziņa, ka latviešu tautai ir tiesības pašai izlemt savu likteni. Mums nav tiesību lemt tās vietā. Un kaut kādā mērā, pat apzinoties, ka daļa tuvinieku palikusi Maskavā, es nobalsoju par neatkarību. Vienkārši es nedomāju, ka tik strauji aizlidos šīs vienības, vienotības noskaņojums. Tad nebija tāda pretnostatījuma. Tiesa, man nebija tāda jautājuma, ka jāiemācās latviešu valoda. Man jau īpaši latviski arī nemācīja. Skolā bija zems pasniegšanas līmenis. Tie piecnieki man nāca bez darba. Bet es lasīju un rakstīju, un runāju. Tagad jau, no tā skatpunkta, cik es varu spriest par metodiku – nacionālās valodas gramatiku skaidrot krieviski – tas ir nepareizi. Bet te ne tikai latviešu, bet arī vācu gramatika tika izskaidrota krieviski. To, ko es vāciski protu, tas nāk no mājām. Bet tā

¹⁰ Ir domāti 1991. gada janvāra notikumi – t. s. barikāžu laiks.

¹¹ Saisinājums no nosaukuma krievu val. *ОМОХ* – Iekšlietu pārvaldes īpašo uzdevumu milicijas vienība. Preses namu omonieši pēc LKP CK rīkojuma ieņēma 1991. gada 2. janvārī.

nu zubrījās visus šos locījumus, deklinācijas, un ļoti maz laika tika veltīts sarunvalodai. Tagadējās metodikas, protams, ir vairāk atzīstamas. Pats galvenais, lai būtu vēlēšanās. No otras puses, kā saka vissvētākais Patriarhs, – nebrīvē esošais nav dievlūdžējs, tāpat ir arī ar mācīšanu – visam, kas ar pātagas palīdzību apgūts, tam nevar būt panākumu, kad ar varu, kad ar asumiem. Iespējams, ka vajag vairāk ar labvēlību, pretimnākoši, kad cilvēks runā, kaut vai ar akcentu. Palīdzēt, pateikt priekšā, nevis izsmiet. Vispār tolerance nevienam nekad nav traucējusi.

Mūsdienu Latvijā es jūtos komfortabli

Man bērnu nav, ir tikai mazie krustbērni. Starp citu, biju precējusies ar latvieti, bet laulība neizdevās. Abas manas māšīcas apprecējās ar latviešiem. Tā ka mani krustbērni, var teikt, ir latvieši, un es viņus milu tāpat kā citus. Brālis bija precējies ar krievu sievieti. Bet es viņus nešķiroju. Visus vienlīdz milu. Tēva jaunākā māsa, dzimusi Amosova, vīra uzvārdā Jakobsone. Tā ka mani brālēni pa pusei ir latvieši. Un mans brālēns – Jans Jakobsons, Krievijas Nopelniem bagātais mākslinieks, dzīvo tagad Maskavā. Viņš ir aktieris. Brauc šurp. Nu, nav mums nekādu problēmu šajā jautājumā.

Tagad esmu pensijā. Tā dzīve izveidojusies, ka man tagad jāpalīdz savam māšas mazbērnam, viņš dzīvo pie manis, manā aizbildniecībā. Un vēl ar Rīgas un visas Latvijas Metropolīta Aleksandra svētību es līdzdarbojos avīzē *Виноградная лоза*. Tā ir mana kalpošana.

Es mūsdienu Latvijā jūtos ērti. Bet cilvēki, kas nezina latviešu valodu, diez vai jūtas ērti. Diez vai jūtas ērti cilvēki, kas nav noformējuši pilsonību. Lai gan šeit man ir sava nostāja – nav noteikti jāņem Latvijas pilsonība, var paņemt Krievijas vai, teiksim, Ukrainas pilsonību. Man liekas, tas ir risināms jautājums.

Man dzīvē ir divas draudzenes. Irina Semjonovna Markina no studiju gadiem. Un no astotās klases, kā vienā solā apsēdāmieš, mēs draudzējamies ar manu bijušo klases biedreni Zaigu, dzimušu Zariņu, vīra uzvārdā Kuzņecovu. Viņa atbrauca pie mums astotajā klasē, tas bija piecdesmit septītais gads, kad sāka atgriezties represētie. Turklāt mana tēva māsu, vidējo māsu, arī represēja. Viņus izveda četrdesmit devītajā gadā, viņi bija Tālajos Austrumos. Nesen bija saruna un noskaidrojās, ka Zariņi un Žitkovi visi vienā ešelonā braukuši. Tā ka es uzskatu, ka sadzīvīskā, ģimenes līmenī

vismaz manā apkārtņē nekāda antagonisma nav bijis. Ja cilvēks savas nacionālās piederības dēļ ir izrādījis kādu agresiju, es vienkārši ar šo cilvēku beidzu komunicēt. Tas arī viss.

Tulkojusi Maruta Pranka

Intervija NMV-4278

Kompozīciju veidoja un intervēja Marija Assereckova, Rīgā, 2014

SERGEJS ČUHINS

Dzimis 1948. gadā Rīgā, Latvijā. Beidzis Ļeņingradas Valsts universitāti, filozofs. Bijis strādnieks rūpnīcā, pasniedzējs augstskolā, lektors Zinību biedrībā. Kopš 1993. gada savā specialitātē vairs nestrādā. Darbojas interneta vietnē russkije.lv.

VISOS GADĪJUMOS LĒMUMUS PIENĒMU ES PATS

Tēvs pirms došanās uz darbu atnesa malku no pagraba

Visupirms es atceros savu dzīvokli, kur piedzimu, Imanta Sudmaļa ielā¹². Tieši mājas priekšā bija ar nezālēm aizaudzis klajums, aiz tā drupas, kuru vietā piecdesmito gadu beigās izauga Politehniskais institūts¹³. Manas ielas galā atradās krastmala, kur tajos laikos gāja tramvajs. Jāsaka, Rīgas centrs diezgan stipri cieta karā, bet kopumā Rīga un tās dzīvojamais fonds netika tā iznīcināts kā citās pilsētās, piemēram, Kijevā un Minskā, kuras praktiski tika noslaucītas no zemes virsas.

Atceros savu dzīvokli. Dzīvoklis bija divistabu, bez jebkādām ērtībām, nebija pat tualetes, otrā istabā bija aukstā ūdens krāns un izlietne – tādu dzīvokli dabūja tēvs, kad viņi ar mammu tajā ievācās. Tas bija atsevišķs dzīvoklis. Bet pati māja, tāpat kā citas šajā kvartālā, iepriekš nebija apdzīvojama – te bijušas noliktavas un dažādi preču veikali. Preces pacēla uz augšu un nolaida uz leju ar vinču. Blakus taču liela upe, pa kuru pārvadāja kravas. Kad mani vecāki ievācās šajā mājā, tā jau bija piemērota dzīvošanai, no iepriekšējiem laikiem palikuši tikai milzīgie logi.

¹² Tagad Grēcinieku iela.

¹³ Politehniskā institūta (kopš 1990. gada – Rīgas Tehniskā universitāte) ēka uzbūvēta 1958. gadā pēc arhitekta Osvalda Tilmaņa (1900–1980) projekta.

Es atceros, kad tēvs agri no rīta gāja uz darbu, māte viņu pavadīja un līdzīva kuli ar ēdienu visai darba dienai. Tie bija piecdesmitie gadi, mums bija krāsns apkure, un tēvs pirms došanās uz darbu atnesa malku no pagraba (mēs dzīvojām ceturtnajā stāvā), iekūra krāsni un aizgāja, bet mamma to izkurināja un pēcāk aizvēra aizbīdni.

Mamma nebija vietējā, cēlusies no Rjazaņas, tēvs arī no Krievijas, tikai dzimis un līdz karam dzīvojis ziemeļos – zemnieks no Vologdas, precīzāk – no Kirilovas pilsētas, kur no seniem laikiem atradies slavenais Kirilo-Belozerskas klosteris. Pirmā pasaules kara laikā viņa mamma ar ģimeni pārbrauca uz Poliju, lai būtu tuvāk savam vīram un tēvam. Tagad tā ir rietumu Baltkrievija – Brestas apgabals.

Precības vai izslēgšana no partijas

Viņi iepazinās Kēnigsbergā 1945. gadā. Laikam galvenais viņu attiecībās: viņi iepazinās darbā. Tēvs bija Iekšlietu Tautas komisariāta (NKVD)¹⁴ izmeklētājs, bet māte bija 11. gvardes armijas tulks. Jāsaka, ka pēc vācu okupācijas rietumu teritorijās, kad fronte virzījās tālāk uz Vāciju, māte nonāca 11. gvardes armijā kā vācu valodas tulks. Tēvs bija atsaukts no armijas daļas, kur viņš karoja, un no vadības tika nozīmēts par izmeklētāju. Viņš, bez šaubām, izgāja kādu speciālu sagatavošanu. Viņš bija jauns izmeklētājs, tomēr ātri visu iemācījās un acīmredzot ātri apguva jauno specialitāti. Bet līdz karam viņš pabeidza tehnikumu, iegūdam zināšanas par kuģu apkures katliem. Mana māte zināja valodas – vācu un poļu valodu tikpat labi kā krievu. Angļu un franču sliktāk, tās ar laiku piemirsās. Kad vecāki nolēma savas attiecības noformēt ar laulības savienību, radās šķērslis – tā kā māte bija bijusi okupētajās teritorijās, viņa skaitījās neuzticama, un tēvs nonāca izvēles priekšā: vai nu precēt mammu, vai palikt partijā. Tēvs izvēlējās pirmo, viņi apprecējās. Starp citu, tolaik tādi gadījumi nebija retums. Kā nākamo dzīvesvietu viņiem nozīmēja Latviju, Rīgu, kur viņi ieradās 1948. gadā.

Viņi taču neizvēlējās, viņus tiešām nosūtīja dzīvot uz Rīgu, jo Rīga, velns viņu zina, no kādiem laikiem, skaitījās spiegu pilsēta. Nu, bet par to es uzzināju vēlāk, kad pieaugu, – no vecāku stāstiem. Lūk, atcerējos

¹⁴ Iekšlietu Tautas komisariāts (NKVD), krieviski: НКВД – Народный комиссариат внутренних дел, padomju drošības iestāde (1934–1946).

apstiprinājumu tam: kad man bija 10 gadi, es pierunāju tēvu aizvest mani uz filmu *Divu okeānu noslēpums*¹⁵, ko rādīja kinoteātrī *Aina*¹⁶. Viena no filmas epizodēm notika Rīgā, kur strādāja vācu spiegs. Izlūka lomā bija tad vēl jaunais aktieris Mihails Gluzskis¹⁷.

Bet mana māte piecdesmito gadu sākumā nestrādāja, jo es biju vēl mazs. Vēlāk viņai izdevās iekārtoties darbā laikrakstā *Sovetskaja Latvija* par vienkāršu korektori. Iesākumā vecāki dzīvoja viesnīcā, kaut kur aiz VEF¹⁸. Drīz tēvs dabūja dzīvokli pilsētas centrā. Viņš strādāja Rīgas kuģu remontu rūpnīcā, bet ne par vienkāršu strādnieku, viņam bija kaut kāds inženiertehniskais amats, jo viņš bija ieguvis nepabeigtu augstāko tehnisko izglītību. Es miglaini atceros, ka papus veda mani pāri Pontonu tiltam uz rūpnīcu mazgāties, uz dušu, jo mums mājās nebija nekādu, pat elementārāko, ērtību: ne tualetes, ne dušas, bija krāsns apkure. Tā, lūk, es atceros, kā rūpnīcā no dušas lija karsts ūdens, un tas uz mani atstāja neizdzēšamu iespaidu.

Bija tikai drupas

Tagadējās Rīgas Tehniskās universitātes (tolaik – Rīgas Politehniskā institūta) vietā bija drupas, kur es un citi puikas skrējām, ložņājām, lēkājām. Kāds pateica, ka drupās varētu būt ieroči, un vecākie puikas tos meklēja. Zināt, kaut arī puīseli, tomēr vīrieši, kam tieksme pēc ieroča. Bet aiz drupām, uz ielas, kur vēlāk parādījās pazīstamā kafejnīca *Pūt, vējiņi!*¹⁹, pretim kafejnīcai atradās neliela celtne, vēlāk tā tika pārbūvēta, un tur parādījās māja, kurā kādu laiku mēģināja latviešu vīru kamerkoris. Tad, lūk, šajā vietā bija petrolejas tirgotava. Tolaik, šķiet, gandrīz visi lietoja pīmusus²⁰ siltā ēdiena pagatavošanai. Labi atceros – plaša telpa, rinda ar kannām vai kādiem citiem traukiem. Dzīvei svarīga vieta. Elektrība mājā bija. Tualetes, kā jau es teicu, mums nebija. Visu “iznākumu” tēvs salika maisā un iznesa kaut kur uz ielas, izmeta kaut kādās urnās. Un tā mēs nodzīvojām septiņus gadus. Zināt, mums blakus dzīvoja kaimiņi – mūsu kāpņu telpā bija trīs dzīvokļi.

¹⁵ *Тайна двух океанов* (kinostudija *Gruzija-film*), divsēriju fantastikas filma, kuru 1955.–1956. gadā uzņēma režisors Konstantins Pipinašvili pēc Grigorija Adamova romāna motīviem.

¹⁶ Kinoteātris atradās Rīgā, Vaļņu ielā 19.

¹⁷ Mihails Gluzskis (*Михаил Андреевич Глузский*, 1918–2001) – kino un teātra aktieris, pedagogs.

¹⁸ Valsts Elektrotehniskā fabrika, kas atradās Rīgā, Brīvības gatvē (tolaik Leņina ielā) 214.

¹⁹ Atrodas Rīgā, Jaunielā 20.

²⁰ Krievu valodā autors lietoja vārdu *кепогас* – primusa veids, ko Padomju Savienībā izmantoja no 1930. līdz 1960. gadiem ēdiena pagatavošanai un ūdens uzsildīšanai.

Pretim mūsu dzīvoklim bija milzīgs dzīvoklis, simts kvadrātmetru apjomā, es tagad tieši neatceros, varbūt pat simts divdesmit. Vēlāk ar tiesas palīdzību tēvs tur izcīnīja nelielu istabiņu, kurā dzīvoja kaimiņu suns. Tā mēs tikām pie virtuves. Un tā nu mums bija virtuvīte (4,5 kvadrātmetri), tualete, gāzes plīts, galds. Bet starp divām durvīm bija plaukti – kā ledusskapis, ziemā tur bija auksts. Jūs droši vien nopratāt: lai nokļūtu virtuvē, bija no mūsu divista-bu dzīvokļa jāiznāk kāpņu telpā un ar atslēgu jāatslēdz virtuve. Vienā istabā dzīvoja papus ar mammu, otrā – mēs ar māsu.

Ja skatās pa mūsu logu, tad Pētera baznīca bija labajā pusē. Pats Pētera tornis, var teikt, bija daudz cietis, pēdējā kara laikā nodedzis – palicis tikai tā akmens karkass. Uz tā, atceros, izauga bērziņš, krūmiņi un bija redzama sūna. Pusaudži uzlida arī tur, lai meklētu ieročus, bet patiesībā atrada tikai automātu un pistoļu paliekas.

Kad ielas klāja bruģis no laukakmeņiem

Tie bija laiki, kad mūsu ielu un citas klāja bruģis no laukakmeņiem. Tad, lūk, pa šo bruģi drasēja zirgi ar ratiem, rīta klusumā šī dārdoņa sevišķi labi bija dzirdama. Tas nozīmēja, ka uz tuvumā esošajiem veikaliem izvadā-ja produktus: dārzeņus, pienu un visu kaut ko. Bet uz mūsu ielas stūra un krastmalā, kur tagad atrodas poliklīnika, bija Rīgas raķešu skolas²¹ kazar-mas. Es atceros, kā jaunos kursantus izdzina agri no rīta uz ielas un viņi līdz vidum kaili gan ziemu, gan vasaru skrēja apkārt mūsu laukumam vai soļoja ierindā un skaļi dziedāja dziesmas.

Šīs mājas būvēja zaldāti, un tolaik bija ierasts – celtniecības batal-jonos zaldātus ņēma lielākoties no Vidusāzijas republikām. Jā, virsnieku mājās²² sāka dzīvot augstākā un vidējā posma virsnieki. Pulkveži, apakš-pulkveži, ģenerāļi, viņu ģimenes. Te es iepazinos ar jauniešiem no šīm mā-jām. Šīs mājas celtas burta *I* formā, bet iekšpusē bija skaists pagalmiņš, to iekārtoja un apzaļumoja. Atceros, mēs spēlējām *uz nazīšiem* – apvilcām apli, pirmais spēlētājs sviešus iedūra tajā nazīti un apvilka savu sektoru, ja trāpīja. Kurš vairāk sektoru izgriezta, tas arī uzvarēja. Kopā spēlēja no trīs līdz pieciem cilvēkiem. Ja nazītis neiedūrās, to nodeva citam spēlētājam. Vēl spēlējām *uz naudu*. No svina izlēja *pentaku*, uz zemē novilkta linija

²¹ Rīgas augstākā komandējošā sastāva raķešu karaspēka karaskola tika izveidota 1958. gadā.

²² Tā sauca dzīvojamās mājas Kaļķu ielā 2 un Grēcinieku ielā 11, kuras tika uzbūvētas 1957. gadā pēc Osvalda Tilmaņa projekta.

noлика kaudzīti monētu. Spēlētāji pēc kārtas ar *pentaku* sita pa monētām. Ja monēta apmetās, tad spēlētājs to paņēma sev. Naudas dēļ dažkārt bija arī strīdi un pat kautiņi.

Toreiz man un auklei paveicās

Kaimiņiem, no kuriem mēs “atkarojām” istabu, uzvārds bija Golandirjovi – vīrs un sieva, viņiem bija divi pieauguši bērni – dēls un meita. Golandirjovs visu savu dzīvi strādāja Rīgas kuģniecībā. Un varbūt atceries, ka apgāzās un nogrima kuģis *Majakovskis*²³ – šausmīga lieta. Pirmajos gados, kad mamma sāka strādāt, mūsu mājā viņa atrada man aukli. Mamma stāstīja man, ka tās dienas rīts bijis saulains, no visas Savienības uz Rīgu atbraukuši labākie pionieri. Viņus kopā ar vecākiem vajadzēja sūtīt nelielā ceļojumā pa Daugavu. Bet, par nožēlu, kuģis izrādījās pārpildīts, un liela daļa cilvēku atradās uz viena borta – kuģis apgāzās tieši pietātnē, pat nepaguvis atiet no krasta. Tie, kuri atradās apakšā – kajītēs, visi aizgāja bojā, tikai kāda daļa cilvēku izdzīvoja, pateicoties tam, ka atradās uz atklāta klāja. Mana aukle tajā liktenīgajā rītā aizveda mani pastaigāties uz krastmalu (man tad vēl nebija četri gadi) un gribēja arī mani pavizināt ar kuģi, bet biļetes jau vairs nepārdeva. Var teikt, ka man un auklei toreiz paveicās. Atceros, vecāki stāstīja, kā tas viss notika. Lūk, viena epizode: uz klāja bija vīrietis ar suni – tas suns viņu izglāba, saķerot aiz apkakles, un aizvilka uz krastu. Izglābtais vīrietis sēdēja krastā slapjš, apkampis savu glābēju, un skūpstīja viņa purnu. Bet mūsu kaimiņu Golandirjovu iesēdināja uz septiņiem gadiem par to, ka viņš kā atbildīgā persona nepareizi organizējis cilvēku iekāpšanu kuģī un bija pārdotas vairāk biļetes, nekā noteikts. Tā ka viņš dabūja gadus par nolaidību.

Saprotams, es sagājos ar saviem vienaudžiem. Tomēr lielākoties tie bija krievu puīši, bet latvieši, ja arī bija, tad ļoti maz. Piemēram, uz Sudmaļa un Kungu ielas stūra atradās māja, kurā ar ģimenēm dzīvoja strādnieki, kuri pēc kara cēla jauno tiltu. Kā tikko to pabeidza²⁴, tas ieguva nosaukumu Oktobra (tagad Akmens) tilts. Tagad tajā jau pārbūvētajā mājā atrodas muzejs²⁵. Bet tad šo māju un tās iemītniekus sauca *mostopo-*

²³ Traģēdija notika Rīgā, 1950. gada 13. augustā, 147 cilvēki gāja bojā, to skaitā bija 48 bērni.

²⁴ Tilts tika atklāts 1957. gadā.

²⁵ Runa ir par 1695. gadā uzbūvēto Mencendorfa namu, kurā kopš 1992. gada atrodas Rīgas vēstures un kuģniecības muzeja filiāle. Atrodas Grēcinieku ielā 18.

jezd (vilcientilts). Pēckara dzīve izvērtās smaga, tāpēc te bija gan kautiņi, gan dzeršana. Ar laiku, protams, viss mainījās uz labo pusi, bet pēckara laiks nebija viegls.

Vēstule onkulim Hruščovam

Vecāki man pastāstīja, ka esmu rakstījis vēstuli onkulim Hruščovam, lai aizliedz pārdot šņabi, jo daudzi dzēra un man tas nepatika. Visos laikos ir dzēruši, bet ne visi un ne vienmēr pļēģuroja. Vēlāk es ievēroju, ka pārejas periodos, kad tiek laužta vecā pasaules kārtība un rodas jauna, ne visi cilvēki pieņem šo *laikmeta lūzumu*. Atceraties deviņdesmitos gadus pie mums Latvijā un Krievijā? Dzeršana, bandītisms, dažādas reliģiskas sekas un pareģotāji.

Tur, kur padomju laikā atradās pirts *Varavīksne*²⁶, – līdz tam tur bija neapbūvēta vieta – vasarās pusaudži spēlēja futbolu, bet ziemās tika uzlieta slidotava un rīkotas hokeja batālijas. Netālu, krastmalas virzienā dzīvoja krievu ģimene, ar kuru mums izveidojās ļoti labas attiecības, radās pat kopīgas intereses. Un mēs ar māsu iepazināmies ar viņu meitu, ar kuru bijām apmēram viena vecuma.

Bet mācīties es sāku savā Imanta Sudmaļa ielā – 67. piecgadīgajā skolā. Kā tikko pabeidzu ceturto klasi, māte *aizstiepa* mani uz citu skolu – septiņpadsmito. Es raudāju, kā jebkurš bērns, negribēju mainīt mācību iestādi un skolotājus, pie kuriem biju pieradis, un klasesbiedrus, ar kuriem biju sadraudzējies. Atceros savu pirmo skolotāju – Jadvigu Jeronimovnu. Viņa bija pusmūža sieviete, poliete pēc izcelšanās. Kad mamma atnāca uz skolu, abas runāja lielākoties poliski. Bet skolas direktors tai laikā bija tāds jauns, elegants, simpātisks, kā vēlāk uzzināju – ebrejs. Pēc daudziem gadiem mēs ar mammu viņu satikām Majoros. Viņš sēdēja kafejnīcā un ēda saldējumu. Mēs apsēdāmies pie viņa. Es uzsāku sarunu (mūs viņš, protams, nevarēja atcerēties), un viņš arī atminējās savu skolu, kur bija direktors, savas skolas celtniecību tukšā vietā. Savukārt es atcerējos, ka direktors mums mācīja uzvedības noteikumus: ja skolnieks iet garām skolotājam vai vispār pieaugušam, jānoņem sava naģene – zilas krāsas ar baltu svītru – un obligāti jāsvaicina. Skolas forma mums bija vienkārša, bet korekta. Bija, tā teikt, savs *dreskods*.

²⁶ Atradās Mārstaļu ielā 17. 2000. gadā ēku nojauc, tās vietā uzbūvēts dzīvojamo ēku komplekss.

Tieši 67. skolā kopā ar mani mācījās mans labākais draugs Makss, viņš ar vecākiem vēl 1970. gada rudenī aizbrauca uz Izraēlu. Un vēl viens draugs Jaša, ar viņu es mācījos jau 17. vidusskolā – viņš arī ar ģimeni aizbrauca uz *apsolīto zemi*. Tas bija laiks, kad uz Izraēlu sākās jauns izbraukšanas vilnis²⁷. Makss atbrauca uz Rīgu 1996. gadā, mēs ar viņu tikāmies gandrīz katru dienu. Draugi vienmēr ir draugi. No sākuma viņam gāja ļoti grūti. Viņam patika fotografēt un bija savs fotoaparāts, un šeit, Rīgā, viņš iemācījās to lietu. Galu galā viņš Izraēlā pabeidza kaut kādu speciālu foto mākslas skolu. Un acīmredzot ap deviņdesmitajiem gadiem viņš jau vadīja fotolaboratoriju, vārdu sakot, strādāja Izraēlas kriminālajā policijā par vienu no galvenajiem fotogrāfiem.

Septiņpadsmitajā vidusskolā man radās jauni draugi. Klasesbiedri pirmajā fizikultūras stundā skolas sētā pirmām kārtām pārbaudīja, kā es protu spēlēt futbolu, un izrādījās, ka nemaz tik slikti. Tā es jaunajā klases kolektīvā kļuvi par savējo. Sākot ar astoto klasi, skolā pa svētkiem sāka rīkot dejas, nu un tad radās pirmās simpātijas. Dejoj es nepratu, tad nu mūsu klases meitenes iemācīja. Tālāk šo lietu turpināju kopā ar sievu.

Apkārtnē bija ļoti maz latviešu

Runāja krieviski. Apkārtnē bija ļoti maz latviešu. Ar tiem paziņām, ar kuriem tikos es, tikās arī mani vecāki, tā viņi ar kādiem draudzējās – lielākoties tie bija krievi un ebreji Rīgas centrā. Nu, bija arī latvieši, bet es viņus gandrīz nemaz neatceros. Bet mana sieva atšķirībā no manis bērībā dzīvoja *Daugavas* stadiona rajonā, un, lūk, viņas pagalmā (viņu arī audzināja krievu ģimene) lielākoties bija latviešu bērni. Latviešu valodu būtībā viņa skolā nemācījās. Un, kad atnāca jaunie laiki, viņai nevajadzēja valodu speciāli mācīties. Viņa aizgāja uz eksāmenu, papļāpāja, un viņai izdeva apliecību, kas apliecina valodas prasmes otro līmeni.

Jā, kad sāka celt virsnieku mājas pa labi no manas mājas, jaunbūvi apjoza ar sētu, gar kuru stiepās garš sols. Uz šī sola no visas apkārtnes mājām sasēdās sievietes ar bērniem, vecāsmātes – viņas pļāpāja par šo un to, grauza saulespuķu sēklas, sēdēja un dūdoja (kā tagad teiktu, *tusēja*), isāk

²⁷ Laikposmā no 1969. līdz 1976. gadam no Padomju Savienības izbrauca ap 100 000 ebreju. Šos notikumus ietekmēja 24 ebreju aktivistu atteikšanās pamest PSRS Augstākās Padomes Prezidija priekšsēdētāja uzgaidāmo telpu 1971. gada 24. februārī, līdz tika saņemta atļauja izbraukt uz Izraēlu.

sakot, visi to sauca – *zavaļinka*²⁸. Pēc būtības tā bija krievu zavaļinka. Īsāk sakot, te apsprieda savas lietas un daudz ko citu, bet mēs, bērni, maisījāmieš tur starp viņām, spēlējāmieš, kā pratām. Ja bija pavasaris – laidām kuģišus pavasara strautiņos.

Es neatceros, ka bērnībā (piecdesmitajos gados) man draugi vai paziņas būtu bijuši latvieši. Kad mācijos vidusskolā, paziņas bija un pat viena meitene, bet tā bija tikai pazišanās. Agrā bērnībā Vecrīgā mūsu apkārtnē nebija latviešu bērnu. Latviešu valodu, protams, dzirdēju, bet ne vairāk. Vēlāk, vēlāk, jā, parādījās arī draugi. 17. skolā mums latviešu valodas skolotāja bija slikta tādā nozīmē, ka neprata tikt galā ar vecāko klašu skolēniem. Stundas viņa vadīja labi, bet viņa bija pārāk labsirdīga un piedeva pāridarītājiem. Īsāk sakot, ja skolotājs nevar tikt galā ar klasi, tad skolēni sāk ālēties. Un rīkot cūcības. Atceros, ka viņa raudāja. Latviešu valodas skolotāja, viņa labi runāja krieviski, bet bija nepiemērota, viņā bija jūtama neaizsargātība. Tajā laikā es mācijos latviešu valodu, bet nepietiekami. Un es zināju, ka māte vienalga aiz krāgas nosēdinās un piespiedīs mācīties. Vecākajās klasēs mums bija darbmācības skolotājs – tur bija tas pats. Karā viņš bija lidotājs, lidojis kopā ar pazīstamo lidotāju Maresjevu²⁹, bet viņa stundās bija tāda pati nejdzība. Tā ka arī viņš netika galā ar klasi, lai gan bija karojis, cīnījies gaisā ar ienaidnieku.

Māte noņēmās ar manu vēstures un filozofijas izglītību

Māte nodarbojās ar garīgākiem jautājumiem: viņa kontrolēja, kā mēs gatavojam skolas stundas, pārzināja, tā teikt, izglītošanas procesu. Līdz šim brīdim es atceros, kā viņa man stāstīja par dižajām vēstures personībām: par Maķedonijas Aleksandru, Napoleonu Bonapartu un citiem. Bet, kad es kļuva vecāks, māte noņēmās ar manu vēstures un filozofijas izglītību, runa, protams, ir par to pamatiem. Es ļoti labi atceros, kā viņa klausījās *rietumu balsis*³⁰, bet tās slāpēja. Mums bija maziņš vācu uztvērējs, radiouztvērējs, televizoru tad nebija. Un es atceros, kā viņa cauri sprakšķiem kaut ko saklausīja gan vāciski, gan krieviski, dažādās valodās. Biežāk vāciski, jo šo valodu mazāk slāpēja vai vispār neslāpēja. Tā arī man radās noteiktas

²⁸ Zems uzbērums vai paaugstināta apmale gar mājas ārsienu.

²⁹ Aleksejs Maresjevs (*Алексей Петрович Маресьев*, 1916–2001) – lidotājs, Padomju Savienības varonis. Viņš tika smagi ievainots karā, pārcieta abu kāju amputāciju, vēlāk turpināja lidojumus, jo kājām tika izgatavotas protēzes. Kļuva par Borisa Poļevoja pazīstamā stāsta *Stāsts par istu cilvēku* (1946) varoņa prototipu.

³⁰ Padomju ideoloģiskā klišeja, ar kuru apzīmēja Rietumu radiostacijas.

intereses, ielīdu politikā, jāsaka, ka man bija ļoti interesanti. Starp citu, manis izvēlētā disertācijas tēma bija “Ētika un politika Hēgeļa filozofijā”.

Ar laiku es sāku klausīties BBC, bet kopā ar Anatoliju Maksimoviču Goldbergu³¹, kurš radiostacijā bija galvenais politiskais komentētājs, pamazām aizrāvos ne tikai ar politiku, bet arī ar *Bitliem*³², kuri tikko sāka pacelties savā Olimpā.

Vēl atceros kinoteātri *Daile*³³. Izlūdzos tēvam gājienu uz kinoteātri, lai paskatītos slaveno amerikāņu grāvēju *Lieliskais septiņnieks*³⁴. Beidzot es viņu pierunāju. Atceros, mēs paēdām pusdienas, māte izcepa garšīgu pīli ar āboliem, tētis iedzēra pie pusdienām, un mēs gājām uz kino. Un iedomājieties, ja man divdesmit, divdesmit divos gados prasīja pasi uz filmu, kad tā bija aizliegta – “bērniem līdz 16 gadiem”, tad toreiz man bija tikai 13 gadu. Īsāk sakot, mani neielaida kopā ar tēvu, bet filma jau sākās vai jau bija sākusies. Tēvs bija tik uzstājīgs – ja kaut kas neizdevās, viņš panāca savu. Viņš aizgāja pie kinoteātra direktora un teica: “Dēlam drīz būs sešpadsmit gadu, bet jūs negribat viņu ielaist! Un vispār mēs esam ieobraucēji un man nav kur viņu likt! Mēs atbraucām no citas pilsētas.” No sākuma neparko nelaida, bet tomēr nospļāvās un ielaida. Tā es noskatījos *Lielisko septiņnieku*. Līdz šim brīdim atceros, kā es skolā saviem biedriem stāstīju, kā tur *pif-paf*, vispār kovboju filma. Tā bija klasiska kovboju filma.

Strādāja latvieši un krievi

1967. gada martā es iekārtojos projektēšanas institūtā – bija tāds Centrālais mehanizācijas un automatizācijas projektu konstruktoru birojs. Tad, lūk, šajā iestādē strādāja gan latvieši, gan krievi, ebreji un citu tautību cilvēki. Mūsu nodaļas, kurā strādāju arī es, priekšnieks bija latvietis. Sektora priekšnieks, man netiešais priekšnieks Gruzītis, arī bija latvietis, bet sektora darbinieki – krievi, ebreji. Gruzītis bija interesants cilvēks, darba lietās vai strīdos, kuri sākās un ilgi neapklusā, viņš vienmēr pielāva kompromisu. Par politikas jautājumiem, protams. 1968. gada augustā, kā zināms, PSRS

³¹ Anatoljs Goldbergs (1910., Rīga – 1982., Londona) – radiostācijas BBC krievu dienesta komentētājs un vadītājs. 1918. gadā ar vecākiem aizbrauca uz Vāciju, no 1939. gada dzīvoja Lielbritānijā.

³² Lielbritānijas rokgrupa *The Beatles* (1960–1970).

³³ Tika atklāts 1936. gadā un funkcionēja līdz 2007. gadam. Kopš 2013. gada kinoteātra telpās K. Barona ielā 31 atrodas koncertzāle *Daile*.

³⁴ Oriģinālnosaukums *The Magnificent Seven* (1960) – amerikāņu režisora Džona Sterdžesa vesterns, Akiras Kurosavas filmas – filozofiskās drāmas *Septiņi samuraji* (1954) adaptācija. Padomju Savienībā nonāca kinoteātros 1962. gada jūnijā un guva plašu popularitāti.

kopā ar citām Varšavas pakta valstīm ievada Čehoslovākijā karaspēku. Šis apstāklis burtiski uzspīdzināja mūsu sektoru. Cilvēki attieksmē pret šo notikumu sadalījās divās nometnēs. Divi ebreji no mūsu sektora pameta Latviju un aizbrauca uz Izraēlu. Bet Gruzītis bija priekšnieks, un, kad viņš redzēja, ka strīdi aiziet pārāk tālu un traucē darbam, viņš uzsita ar dūri pa galdu, un visi apklusā. Tur, starp citu, es, būdams rasētājs, apguvu vienkāršas lietas celtniecībā saistībā ar telpu siltināšanu. Tagad es dzīvoju vecā mājā, kas būvēta 1925. gadā. Tādējādi man noderēja zināšanas, ko ieguvu tajā konstruktoru birojā, – es zinu, kur un ar ko veikt sava dzīvokļa siltināšanu un kā to izdarīt.

Atmiņā palicis mans pirmais brauciens no institūta, kur strādāju, uz kolhozu. Mani izsauca uz kadru daļu un teica, ka es braukšu uz kolhozu. Nevis tā vienkārši, bet kā grupas vecākais – man tad bija 17 gadi. Manā grupā izrādījās pieaugušie – vīrieši un sievietes, arī jaunieši, bet vecāki par mani. Ar kolhoza vadību man nācās norunāt, kas un kur strādās, par sadzīves apstākļiem, par mūsu grupas ēdināšanu, nācās izlemt daudzus sīkus jautājumus, kuri vēlāk neizbēgami *uzpeldēja*. Onkuliši un tantiņas izrādījās pamatīgi iemetēji. Un man nācās cīnīties ar to. Tas kolhozs atradās Staļģenē – tas ir netālu no Jelgavas, blakus Lielupei. Sievietes norikoja lauku ravēšanā, bet vīriešus mežā – mežizstrādē. Tas bija lieliski un interesanti. Darbs augu dienu svaigā gaisā visiem patika. Vārdu sakot, es tiku galā ar uzticētajiem pienākumiem un pat braucu uz institūtu pēc savu padoto algas. Atgriezies darbavietā, par to no institūta vadības saņēmu savā dzīvē pirmo pateicību.

Jau vēlāk, deviņdesmitajos gados, es nezinu, kas tur bija, bet Čubajs³⁵ atpirka šo institūtu, jo viņš darbojās siltumenerģijas jomā.

Ar nākamo sievu iepazīnos Oktobra svētkos

Ar savu nākamo sievu iepazīnos Oktobra svētkos 1969. gada 7. novembrī drauga Maksa dzīvoklī. Viņa viesu vidū bija arī Nataša. Vairums krievu ģimeņu atzīmēja šos svētkus, gāja cits pie cita ciemos. Mēs sapulcējāmies, jautri pavadījām laiku, dzērām vīnu, uzkodām, spēlējām novusu. Makss bija liels novusa speciālists, arī mani viņš iemācīja to spēlēt.

³⁵ Anatolijs Čubajs (Анатолий Борисович Чубайс, dzimis 1955.) – Krievijas politiķis, 90. gados bija viens no ekonomikas reformu ideologiem, 2000. gadā un turpmāk piedalījās elektroenerģētikas sistēmas reformēšanā Krievijā.

Lieta tāda, ka Makss un Nataša tajā laikā mācījās kinomehāniķu skolā Birznieka-Upīša ielā.

Kad septiņdesmito gadu vidū es biju VEF ceha meistars, manos pienākumos ietilpa iet parādē un līdzī vest arī savus cilvēkus – tā ir viena lietas puse. Bet, kad es tajā pašā rūpnīcā biju atslēdznieks-montētājs, tad šādā pasākumā varēju piedalīties vai nepiedalīties. Kā ceha meistars es to nevarēju atļauties – manā vadībā taču bija divas brigādes. Un es, protams, gāju. Ne vienmēr, bet vairumā gadījumu piedalījos demonstrācijās, jo tur bija jautri un mēs šī gājiena laikā jutāmies brīvi. Šo to ņēmām līdzī, *lai nenosaltu*, kaut kādas uzkodas; pa ceļam, kad stāvējām uz vietas, iegājām kāpņu telpā, ne jau tieši uz ielas...

Reiz demonstrācijā, kad mūsu kolonna virzījās pa VEF tiltu, no Krišjāņa Barona ielas puses pie mums gribēja iespieties viens iedzēris vīrelis sportenēs, maikā un ar kazu saitē. Viņš piedzēries, lien virsū: “Mēs arī gribam!” Viņu aizdzina, bet visa kolonna skaļi smējās.

Kamēr esi strādnieks, stājies partijā

Atceros savu pirmo ierašanos VEF(ā). 1973. gadā pēc armijas iekārtojos 13. cehā par atslēdznieku-montētāju. Kad es jau biju universitātes otrajā kursā (nepabeigta augstākā izglītība), man piedāvāja meistara amatu lielās telefonijas cehā. Kā izrādījās, man bija noteikts vadīt divas strādnieku brigādes. Viena bija sieviešu, otra – vīriešu. Jāatzīstas, ka es neko nezināju un neko nesapratu. Palīdzēja gadījums: brigadieris tur bija pieredzējis cilvēks – Edvīns Patkovskis, latvietis. Tas bija cieņas vērts cilvēks visās nozīmēs. Divu mēnešu laikā, strādājot ar viņu cieši blakus, es biju gatavs patstāvīgam darbam.

Sieviešu brigādē mani iesauca par Iljiču (Iļeņinu), jo biju viņam līdzīgs – man bija neliela bārdiņa un augsta piere. Ar sieviešu brigādī man izveidojās ļoti labas attiecības. Bija, kā teikt, saprašanās. Aizgāju no VEF(a) tāpēc, ka pabeidzu augstskolu un vajadzēja domāt par darbu jaunajā profesijā.

Jā, kamēr vēl strādāju VEF(ā), māte brīdināja mani: kamēr esi strādnieks, stājies partijā – pēc tam būs par vēlu. Lieta tāda, ka es beigtu mācības Filozofijas fakultātē un nevarētu dabūt filozofijas pasniedzēja darbu, jo tas skaitījās tieši saistīts ar *ideoloģisko fronti*. 1975. gadā vēl kā

atslēdznieku-montētāju mani uzņēma PSKP biedru rindās. Man nebija nekādu iebildumu – ja tas ir nepieciešams, lai būtu.

Esmu ārkārtīgi pateicīgs projekta *russkije.lv* vadītājam Tatjanai Feigmanei, kura pirms dažiem gadiem uzaicināja mani piedalīties šajā darbā. Piemēram, vienā no arhīviem es dabūju caurskatīt lietu par manu uzņemšanu partijā, rekomendācijas un citus dokumentus. Neslēpšu, bija interesanti uz to visu paskatīties pēc šiem gadiem. Tur arī var pieprasīt, piemēram, VDK³⁶ arhīva lietas.

Tā, lūk, 1978. gadā es pabeidzu Ļeņingradas universitāti un pats atradu sev darbu iepretim savai mājai – Rīgas Politehniskajā institūtā. Bija 1978. gada jūlija vidus, kad iegāju filozofijas katedrā. Filozofijas katedras vadītājs Francis Antonovičs Utināns³⁷ bija uz vietas, un es viņam piedāvāju sevi kā filozofijas pasniedzēju. Viņš paskatījās manos dokumentos un pajautāja: “Vai L. A. Čuhina³⁸ ir jūsu māte?” Atbildēju, ka jā. Un viņš teica, ka tādi kadri viņam ir vajadzīgi. Tā es nokļuvu Rīgas Politehniskā institūta marksisma-ļeņinisma filozofijas katedrā. Te strādāja docents Vilnis Karlovičs Rutmanis³⁹ – ar viņu iepazinās dienā, kad biju atnācis, lai iekārtotos darbā. Lūk, viņš bija latvietis, patiesībā gan dzimis Maskavā, tur uzaudzis un beidzis Maskavas Valsts universitātes Vēstures fakultāti. Lai arī viņš bija daļēji pārkrievojies latvietis, tomēr savas saknes nekad neaizmirsā un Staļinu ienīda ar katru dvēseles stīgu. Viļa, kā es viņu sauca, tad arī kļuva par manu ilggadējo draugu latvieti. Viņš nomira 2002. gada jūnijā.

Rīgas Politehniskajā institūtā bija divas plūsmas: krievu un latviešu. Katedras iekšējās lietas tika kārtotas krievu valodā, bet tās lietas, kas gāja ārpus katedras – uz institūtu un arhīvu – abās valodās. Latviešu bija mazāk, un kādās specialitātēs studentu trūka. Bet krievu plūsmā noteiktās specialitātēs dažkārt bija konkurss. Vienreiz es aizvietoju pasniedzēju “Ētikas un estētikas” kursā. Mūsu docente Tavāre, kura lekcijas vadīja latviešu plūsmā, saslima. Katedras vadītājs piedāvāja man nolasīt lekciju. Bet es atteicu, ka nezinu latviešu valodu tā, lai lasītu lekciju. Bet viņš saka:

³⁶ Valsts drošības komiteja (VDK) – PSRS valsts drošības dienests (1954–1991).

³⁷ Francis Utināns (dzim. 1927. gadā) – filozofs, grāmatu, rakstu un zinātniski metodisko publikāciju autors.

³⁸ Larisa Čuhina (Лариса Алексеевна Чухина, 1913–2002) – filozofe, grāmatu un rakstu autore reliģijas filozofijas jomā.

³⁹ Vilnis Rutmanis (1930–2002) – filozofs, docētājs, speciālists estētikas un industriālā dizaina jomā.

“Nekas, nolasīsi krieviski, viņi visi saprot!” Atceros, tas notika Ķīpsalā, es iegāju auditorijā, bet tur ap 40 studentu. Vispirms es teicu: “Atvainojiet, lūdzu!” Pēc tam: “Lekcija notiks krievu valodā.” Es, atklāti sakot, negaidīju, bet lekcija noritēja veiksmīgi. Ar dzirdi es latviešu valodu uztvēru, bet ne visu, protams, īpaši specifiska rakstura terminoloģiju.

Režīms jau bija bezzobains

Dažos Rīgas rajonos, kur latvieši vairāk apmetušies, latviešu valoda skanēja biežāk. Partijas visās augstākstāvošajās instancēs, sākot ar pirmo sekretāru, bija latvieši. Tā bija pieņemts. Bet otrie sekretāri nacionālajās republikās bija krievi. Viņi bija tā kā atbalsts latviešiem. Lietuvā pirmais sekretārs bija pazīstamais Brazausks⁴⁰, Latvijā – Voss⁴¹, nu un citi nomenklatūras kadri.

Cita lieta, ka starp visiem bija mutiskas sadursmes sabiedriskajā transportā: starp latviešiem, krieviem un citiem. Bet, lūk, jautājumā par ebrejiem, jāsaka atklāti, zināmam daudzumam krievu un latviešu viedokļi saskanēja – visās viņu likstās un dzīves jucekļos vainīgi ebreji.

Un tagad es pastāstīšu interesantu gadījumu: mans draugs Rutmanis, kuru es bieži pēc katedras svētku sēdēm pavadīju mājās, būdams iedzēris, braucot trolejbusā, klāstīja visiem pasažieriem, ka Staļins bijis monstros un nevainīgu cilvēku slepkava. Galvenais, ka viņš runāja tirā krievu valodā. Un neviens nestiepa viņu uz koncentrācijas nometni, pat neaizrādīja viņam, daži tikai smaidīja. Režīms jau bija bezzobains, var teikt, liberāls. Bet tā bija septiņdesmito gadu otrā puse.

Starp citu, *nomenklatūra*, pēc manas saprašanas, nekur nav zudusi – tā ir tikai mainījusi savus pamata un darbības principus, bet citādi, kā bija, tā palika – vai Amerikā, vai Latvijā, vai Krievijā.

Jā, un vēl gribu teikt, ka pēdējos gados uz labo pusi ir mainījusies attieksme pret krievu apmeklētājiem sabiedriskās iestādēs: vai tas ir Latvenergo, vai namu pārvalde, klientu apkalpošana vairs nav tāda kā deviņdesmitajos un divtūkstošajos gados. Nu, saistībā ar to, kas notiek

⁴⁰ Algirds Brazauskas (*Algirdas Mykolas Brazauskas*, 1932–2010) – Lietuvas politiķis, Lietuvas PSR Komunistiskās partijas Centrālās komitejas sekretārs (1977–1987), Lietuvas Republikas prezidents (1993–1998), Lietuvas Republikas premjerministrs (2001–2006).

⁴¹ Augusts Voss (1916–1994) – politiķis, Latvijas PSR Komunistiskās partijas Centrālās komitejas pirmais sekretārs (1966–1984), PSRS Augstākās padomes Tautību padomes priekšsēdētājs (1984–1989).

apkārt. Pirmkārt, jau saistībā ar dzīves līmeņa pazemināšanos. Šis fakts kaut kā vieno dažādu etnisko grupu pārstāvjus attieksmē pret mūsu pasaules kārtību.

Līdz 1989. gadam arī es atzinīgi vērtēju valsti notiekošo

Televīzijā mēs ar māti vērojām, kā Jeļcins ar tanku lielgabaliem apšauda savu parlamentu, kam sekoja milzīgas valsts sabrukums. Viņa bija šausmās un vaimanāja: “Kas tagad ar mums visiem notiks?” Neslēpšu, līdz 1989. gadam es arī atzinīgi vērtēju valsti notiekošo, bet ātri apjēdzu, kas patiesībā notiek. Tāda, lūk, bija mana uztvere.

To var izskaidrot diezgan vienkārši: krievu inteliģence, tik ilgi gaidījusi valsts demokratizāciju, par nožēlu, nespēja saskatīt, kas nāca pie varas pēc vecajiem partijas *bonzām* – jauni *bonzas* ar savām un pat savu ģimeņu interesēm! Nesaprata to, ka no partijas aizbildniecības bija noguruši ne tikai viņi (inteliģence), bet visa valsts. Rietumi! Kā tad bez tiem! Bet pats galvenais – tajā brīdī neparādījās stiprs un godīgs līderis, vēsturiska personība, kas varētu glābt valsti. Personība jau parādījās, bet vēlāk – Krievijas tronī to iesēdināja pati liberālākā Krievijas vara, kura varas baudas dēļ visai ātri kļuva nespējīga un tā arī nesaprata, ko ir piedāvājusi par līderi. Tas raisa smaidu.

Tā vai citādi, bet valstī un pasaulē notiekošie procesi atspoguļojās semināros, ko vadīju, un lekcijās, ko lasīju saviem studentiem. Kad es sāku savu pasniedzēja darbu, vismaz pirmā semestra laikā bija jūtams pieredzes trūkums šajā jomā. Bet nekas, samērā ātri pieradu un nebaidijos no lielām auditorijām – sākumā taču tajās sēdēja ap 200–300 cilvēku. Tā bija laba prakse, norūdīja mani cīņai ar sarunām un troksni auditorijā. Dažas reizes, kad no tāda cilvēku daudzuma pieauga troksnis, es uzsitu ar dūri pa galdu un atgādināju studentiem, ka viņiem nāksies kārtot ieskaites un ka es labi atceros sejas. Tā bija tīra patiesība. Auditorijā valdīja klusums, patiesībā ne ilgi, bet arī stipra trokšņa vairs nebija.

Zinātniskā komunisma katedrā es nonācu pēc tam, kad biju aizgājis no filozofijas katedras un iestājies darbā Rīgas ražošanas apvienības VEF partijas organizācijā par biedrības *Zinātne*⁴² atbildīgo sekretāru. Šis bija

⁴² Vissavienības biedrība *Zinātne* – 1947. gadā dibinātā izglītības organizācija Padomju Savienībā, kuras darbība tika vērsta uz zinātniskās un politiskās informācijas izplatīšanu pieaugušajiem. Biedrības nodaļas pastāvēja katrā padomju republikā.

piespiedu darbs – man teica, ka ar laiku es no rūpnīcas varēšu saņemt dzīvokli. Bet pagāja divi gadi, un es sapratu, ka ar dzīvokli nekas man nesanāks. Atgriezies Rīgas Politehniskajā institūtā, bet filozofijas katedrā vakancu nebija. Tā es nonācu zinātniskā komunisma katedrā jeb, kā to sauca mani studenti, *nakts komunisma*⁴³ katedrā.

Lielā mērā es biju opozicionāri noskaņots

Astoņdesmitajos gados jau vairs nebija tāda ideoloģiskā un partijas spiediena kā agrāk, tāpēc savās nodarbībās nekautrējos runāt to, ko uzskatīju par nepieciešamu. Par to pastāstīju saviem vecākiem. Viņi, gudrību ieguvuši šausmīgā kara pieredzē, okupācijā un Staļina dzelzs režīmā, uzskatīja, ka es riskēju vismaz ar savu darbu un stāvokli. Īpaši māte. Viņu var saprast, jo viņa manī ieguldīja ļoti daudz saistībā ar manu izglītību. Tomēr tas bija jau pavisam cits laiks – valsts sabrukuma priekšvakars. Varbūt es to nezināju, bet bija priekšnojauta. Pie varas jau pilnā mērā bija Gorbačovs, viņa vietnieks ideoloģijā – Medvedevs⁴⁴, bet pēc tam arī Jakovļevs⁴⁵, kurš izgāja labu skolu, būdams vēstnieks Kanādā.

Vienkāršie cilvēki bez izglītības vai ar tehnisku izglītību – visi lieliski redzēja un saprata, kas viņu valstī notiek. Tur tā lieta. Bet bija arī tādi, kuri gribēja tuvināt *sovdepa*⁴⁶ galu – tie bija cilvēki, kuriem jau tobrīd bija prāvs privātīpašums. Un tie, kuriem bija liela tieksme pēc biznesa. Daudzi, starp citu, no nebūtībā aizgājušajām partijas saimnieciskajām struktūrām jau bija uzņēmējdarbībā. Viņiem trūka tikai fiziskas pārvietošanās, kapitāla un preču pārvietošanās brīvības.

Manī nebija pretpadomju noskaņojuma, tomēr lielā mērā biju opozicionāri noskaņots pret tādu lietu kārtību, kas mūs visus nomāca. 1993. gadā es pats aizgāju no institūta. Un pareizi izdarīju. Pēc gada nebija vairs nevienas sabiedrisko zinātņu katedras.

Mana karjera un iemīļotais darbs palika pagātnē pēc tam, kad uzpūta

⁴³ Krievu valodā kalambūrs par katedras nosaukumu acimredzot balstās uz abu vārdu tuvu skanējumu: *naučnij* – zinātniskais un *nočnoj* – nakts. (Red. pieb.)

⁴⁴ Vadims Medvedevs (*Вадим Андреевич Медведев*, dzimis 1929.) – ekonomists un politiķis, viens no Mihaila Gorbačova tuvākajiem līdzgaitniekiem, Padomju Savienības Komunistiskās partijas Centrālās komitejas sekretārs (1986. gada marts – 1990. gada jūlijs), PSKP CK Ideoloģijas komisijas priekšsēdētājs (1988. gada novembris – 1990. gada jūlijs).

⁴⁵ Aleksandrs Jakovļevs (*Александр Николаевич Яковлев*, 1923–2005) – politiķis, publicists, viens no 1980. gadu vidus reformu ideologiem Padomju Savienībā, PSRS vēstnieks Kanādā (1973–1983).

⁴⁶ No: Tautas deputātu padome (krievu val. *Совет народных депутатов, совдеп*) – *sovdepija* – padomju varas un PSRS apzīmējums žargonā.

un nostabilizējās jaunais vājš. Kur tikai neesmu strādājis pēc deviņdesmit trešā gada, lai ģimenei atnestu vismaz kaut cik naudas: krastmalā mazgāju mašīnas, strādāju firmā *Hoetika* – lielā atkritumu izvešanas uzņēmumā, kur izzināju krāsotāja darba ābeci. Pēc tam par krāvēju privātā mēbeļu veikaliņā, par kurinātāju, ielu slaucītāju. Pēdējos gadus pirms pensijas strādāju VEF bankā par apsargu. Liktenis atkal mani atveda uz to vietu, kur kādreiz es strādāju partijas komitejā. Tomēr es nesūdzos – visos gadījumos lēmumus pieņemu pats. Un neviens un nekad – manā vietā.

Pēdējos trīs četrus gadus es strādāju interneta vietnē *russskije.lv*. Mana māte jau sen ir labākā pasaulē. Tā ka neviens nevar man pārmest. Portālā raksti ir īsi – viena divas lappuses. Mani priecē, ka, balstoties uz arhīvu datiem, varēju uzrakstīt divu VEF direktoru biogrāfijas. Tāpat savu vairāk nekā piecdesmit Rīgas Politehniskā institūta kolēģu īsas biogrāfijas un 17. vidusskolas, kurā mācījos, triju skolotāju biogrāfijas. Iznāk, ka es kopā ar saviem interneta vietnes kolēģiem ierakstīju viņu dzīves un darbus mūsu kopējā vēsturē. Mūsu interneta vietni mēnesī lieto ap 200 apmeklētāju. Tā šo cilvēku piemiņa saglabāsies kādu laiku, viņi ir ierakstīti krievu kultūras mantojuma vēsturē Latvijā.

Tulkojusi Gunta Darbiņa

Intervija NMV-4260

Kompozīciju veidoja un intervēja Māra Zirņīte, Rīgā, 2014

ILLARIONS IVANOVŠ

Dzimis 1943. gadā vecticībnieku ģimenē Daugavpils rajonā, Kuzmino sādžā, Latvijā. Izglītību ieguvis Latvijas Lauksaimniecības akadēmijā, Latvijas Valsts universitātes aspirantūrā, Rīgas Grebenščikova Garīgajā skolā. Latvijas Vecticībnieku biedrības valdes priekšsēdētājs; Rīgas Grebenščikova draudzes izdevniecības un izglītības nodaļas vadītājs.

MANA DZIMTA SAKŅOJAS 18. GADSIMTĀ

Dzīvojām kopā trīs paaudzes

Es piedzimu četrdesmit trešajā gadā Latgalē, Daugavpils rajonā, lauku sādžā. Tagad tur daudz brīvu platību un maz iedzīvotāju, bet tajos gados tur bija sādžas, kaut arī nelielas. Mūsu sādža saucās Kuzmino⁴⁷. To veidoja nedaudzas mājas. Tās bija vecās sādžas paliekas. Tā kā Latgale ir bijusī Vitebskas guberņa⁴⁸, tad tur bija krievu tipa sādžas. Tēvs man stāstīja, ka mājas atradās ļoti tuvu cita citai. Bet, kad divdesmito gadu beigās notika agrārā reforma⁴⁹, visus izvietoja pa viensētām. Un tas lielais ciemats it kā izšķīda.

Bet palika tā vidusdaļa, un es piedzimu vienā no šīm mājām. Kāpēc es teicu *krievu sādža*? Tāpēc, ka mums blakus bija, piemēram, Guļāni, Smani – tajos dzīvoja latgaļi. No otras puses – bija vēl ciemi: Silkini, Krupeniški, diezgan lielas krievu sādžas. Nu, iedzīvotāji lielākoties bija vecticībnieki. Netālu no šiem ciemiem bija lūgšanu nami – vecticībnieku svētnīcas: Bondariški, Koroļovščina. Mēs piederējām pie Bondarišku draudzes.

⁴⁷ Kuzmino, skrajciems, Višķu pagastā, Daugavpils novadā, 2010. gadā reģistrēti 8 iedzīvotāji.

⁴⁸ Latgale tika pievienota Krievijas impērijai 1772. gadā pēc Zēčpospolitas pirmās dalīšanas. Administratīvi iekļāvās Vitebskas guberņas sastāvā no 1802. līdz 1918. gadam.

⁴⁹ Agrārā reforma Latvijā norisinājās no 1920. līdz 1937. gadam.

Svētkos gājām uz dievkalpojumiem. Garīgie tēvi brauca pie mums arī uz mājām: kalpoja aizlūgumos, pieņēma grēksūdzes, bēres nenotika lūgšanu namā, tikai aizgājēju mājās.

Mans vectēvs bija diezgan pārticis cilvēks, var teikt, ka tuvējā apkārtnē viņš bija diezgan turīgs cilvēks. Lai gan mūsu apvidū Latgalē nebija lielu zemes īpašnieku. Bet viņš bija tāds vidējais zemnieks. Viņam bija liela ģimene... meitas, dēli. Tad, lūk, es vecmāmiņai jautāju: “Cik tev viņu bija?” – “Vai nu deviņi, vai vienpadsmit,” viņa atbildēja. Tas ļāva veiksmīgi apstrādāt zemi. Es piedzimu jaunākā dēla ģimenē. Kādu laiku mēs dzīvojām pēc patriarhālas ģimenes principa. Vectēvam bija māja, kurā dzīvoja viens dēls ar sievu un arī otrs dēls. Divi dēli ar sievietēm dzīvoja kopā ar vectēvu vienā mājā. Var saskaitīt, cik tur paaudžu ģimenē. Tātad vectēvs, mani vecāki – trīs paaudzes dzīvoja kopā. Un manas atmiņas – nezinu, vai tā ir leģenda vai tik tiešām patiesība – man bija nedaudz mazāk par trim gadiem, un man šķiet, es atceros, kā piedzima mans brālis. Dzemdības bija vecmāmiņas mājā, Jancišku sādžā, pie manas mātes. Atnāca kaimiņienes. Vispār tad laukos dzemdības pieņēma un iztika bez ārsta un arī bez medmāsas.

Vecāki milēja viens otru. Es to sapratu vēlāk, kad biju izveidojis savu ģimeni. Viņi dzīvoja kopā kopš četrdesmitajiem gadiem, četrdesmitajā gadā viņi apprecējās. Deviņdesmit otrajā gadā nomira tēvs, bet māte nomira deviņdesmit ceturtajā, visu savu dzīvi viņi bija kopā. Tēvs bija talantīgs, enerģisks cilvēks, amatnieks, milēja tehniskus jaunievedumus, kaut arī izglītība bija tikai divas klases.

Sādžas kolektivizācija un jaunie priekšnieki

Četrdesmito gadu beigās – tā ir sādžu kolektivizācija. No sākuma kolhozi bija nelieli: lūk, mums bija sādža, un sādžā apmēram divdesmit viensētas. Tas arī bija kolhozs, un nosaukumu tas ieguva saskaņā ar mūsu sādžas nosaukumu – *Kuzmino*. Protams, notika īpašuma sabiedriskošana. Mans vekaistēvs bija diezgan turīgs, viņam bija divi zirgi, vairākas govīs. Ja sādžas kaimiņiem bija pa vienam zirgam, manam vectēvam bija divi. Jauni un skaisti zirgi. To es atceros, pat viņu vārdus atceros. Turklāt mums bija dažādas ēkas – liela akmens kūts, šķūnis, rija, bija vieta, kur žāvēt linus. Tā kā manam vectēvam bija liela kūts, šķūnis, tad visas vectēva ēkas piemēroja fermai, zirgu stallim. Un tur saveda govīs. Un vectēvs, protams, ļoti pārdzīvoja,

jo viņam bija paraugsaimniecība. Tā bija pārdomāta, teiksim, āboliņš, lini – lūk, šī linu audzēšanas un pārstrādes ķēdīte – tā visa bija pārdomāta. Tāpēc bija smagi, un viņš laikam tāpēc priekšlaicīgi nomira 1951. gadā. Man palicis atmiņā, kā zirgus saveda vienā stallī, vectēva pārdzīvojums un barbariskā, cietsirdīgā apiešanās ar zirgiem. Precīzāk, ar vienu zirgu. Zirga saimnieku nemilēja, es nezinu, kāda iemesla dēļ, bet tas laiks cilvēkus kaut kā padarīja niknus. Un šādu negatīvu attieksmi pret turīgu saimnieku pavērsa pret zirgu. Orļiks bija ērzelis, un viņu vienkārši nodzina.

Kāds no kaimiņiem kļuva par priekšnieku. Kāds kļuva par priekšsēdētāju. Kad cilvēkiem uzgāzās šāda vara, viņi varēja sevi parādīt. Manam vectēvam bija gan cienījamāki gadi, gan stāvoklis, bet tagad viņam varēja norādīt. Viņam varēja atņemt zirgus. Manā bērna atmiņā saglabājušās šausmīgas ainas, kad zirgus barības trūkuma dēļ, bada dēļ iekāra virvēs, jo viņi nespēja stāvēt, tāpēc viņus iekāra virvēs, kas piesietas pie sijas. Es biju liecinieks, kā tādu kritušu zirgu, varbūt tas vēl bija dzīvs, aiz kājām izvilka no staļļa. Tas bija tik smags laiks, un tas viss notika vectēva ēkās, tas bija ļoti spēcīgs pārdzīvojums.

Netraucējiet vecticībniekiem dzīvot uz viņu zemes!

Tajā laikā mainījās arī ģimene. Dēli atdalījās, sadalīja īpašumu. Vectēvs savu zemi, kura viņam bija kā vienam īpašniekam, sadalīja diviem dēliem. Viens no maniņiem tēvočiem, kas kādreiz dzīvoja kopā ar mums, jau agrāk bija sarūpējis māju, viņš tad arī pārbrauca dzīvot blakus uz šo māju. Bet mans tēvs kā jaunākais palika ar savu tēvu. Un vectētiņš agri nomira. Viens no iemesliem droši vien bija, ka visu konfiscēja. Bet tas bija vecticībnieka psiholoģijas princips – es strādāju uz savas zemes, es gādāju par savu zemi, un mani neinteresē, kas tur, pasaulē, notiek. Netraucējiet dzīvot! Jāmaksā nodokļi – labi, es maksāšu nodokļus.

Armijai audzēja gan āboliņu, gan linus. Tas bija Ulmaņa⁵⁰ laikos. Vispār vectēvam bija ļoti sakārtota tehnoloģija. Piemēram, linu audzēšana un apstrāde. Šim mērķim viņam bija īpaši piemērotas ēkas. Tāpēc tas, protams, bija lūzums. Tāda dzīvesveida, kādu viņš bija dzīvojis līdz šim, iznīcināšana. Starp citu, vecticībnieku vidē ir izplatīta ļoti pozitīva attieksme pret

⁵⁰ Kārlis Ulmanis (1877–1942) – Latvijas Republikas pirmais Ministru prezidents (1918–1921), pēc 1934. gada 15. maija valsts apvērsuma nodibināja autoritāro režīmu un pildīja Valsts prezidenta amatu līdz 1940. gada 21. jūlijam.

Kārli Ulmani. Viņi jūta, ka Ulmanis ir saimnieks, un tas vecticībniekiem patika. Tā man stāstīja vecāki. Nezinu, vai tas ir fakts vai leģenda, bet prezidents ir it kā ticis ar vecticībniekiem kaut kur Latgalē. Laikam lieta bija saistībā ar valodu, lēma, kādā valodā runāt. Un it kā Kārlis Ulmanis teica: “Ja nevari runāt latviešu valodā, runā dzimtajā!” Tas, protams, Latgales vecticībniekiem imponēja.

Viens no vecticībnieku dzīves principiem – pirmajā vietā ticība Dievam. Tas tika iemācīts gan ar dzīvesveidu, gan ar stāstiem par to, ka Dievs ir, ka viņš visu redz, visu zina. Lai kas ar tevi notiktu, lai ko tev stāstītu, bet tu zini, ka Dievs ir. Turpmākajiem gadiem tas vijās cauri kā sarkans pavediens. Un otrs princips – tās ir zināšanas. Ir jāmācās. Nu, bija grūtie kolhozu laiki. Tēvs, protams, mums stāstīja, ka mācīties vajag. Es mācījos labi. Un viņš mani skubināja mācīties. Jāuzsver, ka visā sādžā tieši mūsu ģimenē visi četri bērni ieguva augstāko izglītību. Un mans brālis, par kuru stāstīju, ka atceros, kā viņš piedzima, viņš ir docents, filozofijas zinātņu kandidāts, bija katedras vadītājs.

Turklāt par ģimeni noteicošais bija sabiedrības viedoklis. Šī ģimene, teiksim, ir kārtīga, solīda. Redziet, vectēvs viņiem bijis tāds un tēvs, un māte. Cieņa izplatījās arī uz bērniem. Un bērniem vajadzēja šo labās ģimenes tēlu kaut kā uzturēt. Tāpēc, ka apkārtnē bija dažādi. Lūk, tas ir hulīgāns. Kāpēc viņš ir tāds? Jā, kāds tad ir viņa tēvs vai vecaistēvs!? Bija kaut kāds tēls vai priekšstats par to vai citu ģimeni. Un, ja mēs zinājām, kāda ir mūsu ģimene, tad mēs nevarējām to apkaunot. Tas arī motivēja mācīties un virzīties tālāk.

Tēvs kādu laiku bija brigadieris. Starp citu, es atceros, kā Ligo atzīmējām. Tie bija kopēji, vispārēji svētki. Tā kā tēvs bija brigadieris, bet viņa brigādē bija gan latgaļi, gan vecticībnieki, tad visi kopā svinēja Ligo. Mūsu dārzā ierikoja garus galdus, un tēvam, tā kā viņš bija Ivans, galvā bija vainags. Viņu apsveica. Un tas bija visai draudzīgi. Sapulcējās cilvēki no viensētām, jo brigāde apvienoja vairākas sādžas. Vispār ar kaimiņiem bija ļoti labas attiecības. Vienu no kaimiņiem sauca Ignāts Kolužs. Mans tēvs un onkulis strādāja ar viņu vienā brigādē. Kad Kolužs nomira, neraugoties uz to, ka viņš bija katolis, vecticībnieki gāja atvadīties un izvadīja viņu. Viņi nepiedalījās reliģiskajā rituālā, viņi gāja atvadīties. Un zināja precīzi, kuri ir

viņu svētki un kuri mūsu. Viņiem jāsvin savi svētki, bet mums – savi. Šajā ziņā nekādu problēmu nebija.

Neviens neprasīja, lai es būtu pionieris

Piecdesmitajā gadā es sāku iet skolā. Skola atradās trīs kilometrus no mājām. Vispār es mācījos trijās skolās. Bija sākumskola, pēc tam septiņgadīgā un vidusskola. Sākumskola bija Janciškos. Tā bija parasta dzīvojamā māja. Pasniedza vīrs un sieva. Vīrs vienlaikus bija skolas direktors un skolotājs. Sieva vadīja pirmo un trešo klasi, bet vīrs – otro un ceturto. Un, lūk, mēs, pirmie un trešie, sēdējām vienā istabā. Tāpēc, ka kopā bija divas telpas. Bija arī kopīgās stundas.

Sākumskolas skolotāja bija manas vecmāmiņas kaimiņiene. Viņa arī bija vecticībniece. Un bija tāda epizode – uzņemšana pionieros, piecdesmit trešais gads. Es arī gribēju būt pionieros, bija kaut kāda bērna godkāre. Vecmāmiņa man teica: “Neļaušu!” Arī skolotājai paziņoja: “Ja tu uzņemsi viņu pionieros, skaties, es tevi... sodīšu!” Nu, burtiski vārds vārdā neatkārtotā, kā vecmāmiņa izteicās. Tāpēc pionieris es nebiju. Un neviens arī nepieprasīja; komjaunatnē es iestājos, manuprāt, tikai 10. klasē. Bet klasēs es biju vecākais. Visu skolas laiku un turpmāk, kad jau mācījos augstākajā mācību iestādē, es biju grupas vecākais. No reliģiskā viedokļa nebija nekādu šķēršļu. Tie bija lauki, tā bija Latgale. Tur dzīvoja vecticībnieki. Tur dzīvoja katoli, latgaļi, kuri bija dedzīgi ticīgie. Vara – tas ir viens, bet mūsu dzīve – tas ir kaut kas cits. Nu, ja vara tur kaut ko pieprasa, var izrādīt cieņu. Manuprāt, es biju 9. klasē, piecdesmit astotais, piecdesmit devītais gads. Man pēkšņi paziņo, ka mani steidzami gaida, jo vajag kristīt kāda mūsu laba paziņas meitenīti. Bet tam vajadzīgs krusttēvs. Tātad būsi krusttēvs. Un es biju krusttēvs, piecdesmit astotajā – piecdesmit devītajā gadā. Ja arī izjutām kaut kādu spiedienu, tad nevis kā ierobežošanu, bet gan citādi – kā nodokļus. Par nodokļiem tajā laikā īpaši pārdzīvojām. Palicis atmiņā, ka par katru jāņogu un ērkšķogu krūmu, par ābelēm vajadzēja maksāt nodokli.

Ģimenē viss bija saprātīgi reglamentēts

Mājās katram bija sava vieta pie galda – te sēdēja vectēvs, tur sēdēja vecmāte, tur – tēvs, māte, es un brālis. Kad vectēvs jau slimoja, viņš ne pārāk aktīvi piedalījās ģimenes lietās. Tēvs strādāja kolhozā, pēc tam viņš

Aglonā pabeidza mehanizatoru kursus. Strādāja uz traktora, visu laiku centās arī mācīties. Tēva izglītība bija divas klases, viņš vienmēr nožēloja, teica: “Ja varētu... trūkst izglītības.” Bet viņš bija meistarotājs, radošs cilvēks. Tehnisku ideju viņam bija daudz.

Piecdesmitajos gados pie mums brauca garīgie tēvi. Tā kā mums bija pietiekami liela māja, bija liela istaba, uz grēksūdzi kaimiņi nāca uz mūsu māju. No sādžas sapulcējās kādi piecpadsmit cilvēki. Un garīgais tēvs pieņēma grēksūdzi. Vispirms mēs, bērni. Mūsu grēksūdze bija īsa. Pēc tam atsevišķi palika pieaugušie. Vīrieši atsevišķi, sievietes – atsevišķi. Garīgie tēvi palika pie mums uz pusdienām. Vectēva mājās, kad tēvs jau to bija pārņēmis, vismaz reizi gadā sapulcējās radnieki. Tēvam bija brāļi un māšas, visi precējušies, piedzimuši bērni. Tāpēc vecāku mājā, lielajā istabā stāvēja galds un sapulcējās radnieki – divpadsmit, piecpadsmit cilvēki. Visbiežāk tas bija vasarā, kad brūvēja alu. Un, kā parasti, sarunas. Vēl bija talkas – izveda kūtsmēslus.

Vispār ģimenē viss bija saprātīgi reglamentēts. Vecāki, papus un mamma, iet uz darbu, vecāmāte – mājās ar bērniem. Vectēva jau vairs nebija, bet vecāmāte nomira sešdesmitajos gados. Manā skolas laikā vecāmāte bija dzīva un viņa mūs pieskatīja. Viņai patika lasīt sēnes, ņēma līdzī manu brāli, es sēnes nelasīju, es, kā jau vecākais, palīdzēju tēvam, tas ir, es agri sāku strādāt uz lauksaimniecības mašīnām, ar zirgiem. Man tas ļoti patika. Es nezinu, kam mīļš bija suns, bet man, lūk, zirgi. Un man šķiet, es ar viņiem atradu kopēju valodu. Zirgu vārdi bija tādi divaini. Orļiks, piemēram. Vēl bija tāda bēra ķēve, it kā tāds vājš zirdziņš. Bet man šķiet, ka viņa vilka tik milzīgus, smagus siena vezumus, pateicoties tikai tam, ka es pret viņu labi izturējos un viņu uzmundrināju, ja tas bija vajadzīgs.

Tā kā māte strādāja, vajadzēja arī parūpēties, lai govi pabarotu. Turklāt bija arī aitas, tās vajadzēja padzirdīt. Kā saka, “pārķēdēt”, atvest mājās. No rīta māte bērniem deva iespēju pagulēt, bet vakaros obligāti tas bija mūsu pienākums. Bija sivēni, cūkas, vajadzēja sagatavot, kā mēs teicām, *hrjapa*, tas ir, kāpostu lapas, lakstus, bietes un pārējo. Bet, kad es ziemā gāju uz skolu, man bieži sāpēja galva. Es nezinu, kāpēc, līdz šim brīdim nezinu. Atnācu no skolas, likos gulēt, skola bija trīs vai piecus kilometrus tālu. Pēc stundiņas piecēlos, man bija jāienes malka, jāiekurina krāsns, jāsanas ūdens.

Un obligāti jāsēžas pie mācībām. Vecāki jau gulēja, bet es vēl gatavoju stundas. Patika lasīt. Re, māte atmostas naktī: “Kā? Tu vēl neguli? Nu, aši liecies gulēt, no rīta nepiecelies, uz skolu taču jāiet!” – “Tūliņ, tūliņ, tūliņ...”

Sešdesmitajos sākās sādžu sabrukums, arī tāda dzīvesveida sairšana. Ar ko tas bija saistīts? Varbūt kolhozi... Pati par sevi dzīve kolhozā, protams, nebija vienkārša. Turklāt jaunatne, mani vienaudži un tie, kas bija vecāki, aizgāja armijā. Pēc tam jau vairs laukos neatgriezās. Es aizbraucu mācīties un arī neatgriezos. Turklāt Daugavpilī tajā laikā sākās ķīmiskās šķiedras rūpnīcas⁵¹ celtniecība. Ķīmiķu ciemats⁵² – tā ir vesela pilsēta. Un, protams, tas arī pievilka jaunatni. Aizgāja strādāt. Vispār jaunatne visādiem veidiem centās aiziet no laukiem. Palika manu vecāku paaudzes cilvēki, un, kamēr viņi bija dzīvi, sādža vēl saglabājās. Es atbraucu, satikos ar saviem vienaudžiem. Tās bija tādas tikšanās svētkos vai vēl kādos gadījumos. Kad manu vecāku paaudze pavisam novecoja un visi nomira, sādža beidza pastāvēt.

Man gribējās mācīties

Mani brālēni bija vecāki un mācījās Lauksaimniecības akadēmijā. Viens no viņiem tajā laikā, kad es beidzu 10. klasi, jau beidza studijas un strādāja par inženieri. Bet otrs brālēns vēl mācījās Lauksaimniecības akadēmijā. Man gribējās mācīties. Man gribējās zināt. Bet, ar ko nodarboties, es vēl nebiju izlēmis. Laukos laikam tomēr ir grūtāk, jo pilsētā vismaz visādi pulciņi. Tad es kaut ko izvēlētos. Man teica, ka Lauksaimniecības akadēmijas inženieris – tā ir plaša profila specialitāte. Nu, ja plaša, tas nozīmē – daudz zināšanu. Un es iestājos, tāpat kā brālēni, Mehanizācijas fakultātē. Brālēns beidza akadēmiju ar sarkano diplomu⁵³, viņam gribējās, lai tradīcija turpinās. Tad bija svarīgi, no kādas ģimenes cilvēks ir nācis, kāda ir viņa dzimta. Tas nozīmē, ka jauna cilvēka uzvedību prognozēja, vadoties no viņa radiniekiem, no ģimenes vēstures, – balstoties biogrāfijā.

Sāku apmeklēt lekcijas – augstākā matemātika – tas man šķita neierasti. Skolā biju ieradis tā – sagatavojos, tevi izsauc pie tāfeles, ieliek labu atzīmi un uzreiz paslavē. Bet te – lekcijas, lekcijas... praktiski semināri ir kaut kur tālu uz priekšu, un sāk zust pārliecība par sevi. Un es gāju pie dekāna

⁵¹ Daugavpils Ķīmiskās šķiedras rūpnīca tika uzcelta no 1960. līdz 1964. gadam un funkcionēja līdz 1999. gadam.

⁵² Arī Ķīmija – Daugavpils rajons, netālu no ķīmiskās šķiedras rūpnīcas, kur 60. gados sāka celt dzīvojamās mājas rūpnīcas strādniekiem.

⁵³ Absolvēja augstskolu tikai ar teicamām atzīmēm atestātā.

vietnieka un teicu: “Nu, ko, izskatās, ka esmu nepareizi izvēlējies. Nepatīk, laikam iešu prom.” Un es staigāju pa Rīgas tehniskajām skolām, centos tur atrast iespēju mācīties. Sakaru tehnikums bija Maskavas ielā. Tas man imponēja. Sabiedrības viedoklis par to bija pietiekami pozitīvs, bet diemžēl tur jau bija beigusies uzņemšana. Un es paliku. Pienāca pirmā sesija. Un pirmais eksāmens bija ķīmijā. Tas nav mans mīļākais priekšmets. Un pēkšņi es saņemu piecnieku. Un uzreiz it kā guvu pārliecību. Kaut ko es tomēr sajēdzu. Kaut ko tomēr varu.

Tie bija studiju gadi. Sešdesmitie gadi, Jelgavas dzelzceļnieku klubs. Kluba direktors tajā laikā bija aktieris Ļevs Bruhis⁵⁴, vēlāk viņš ieņēma Rīgas Krievu drāmas teātra⁵⁵ direktora amatu. 1963. un 1964. gadā mums bija ļoti interesanti braucieni. Klubā bija tāda *jazz band* (džeza grupa): saksofons, kontrabass... Mēs Jelgavā iesēdāmies vilcienā. Mums speciālu vagonu piešķīra. Bet vagonš tāds koka, vēl no vecajiem laikiem. Vismaz tur bija plaukti, uz kuriem mēs gulējām. Un mēs apstājāmies stacijās pa ceļam uz Ventspili. Un tad staciju uzgaidāmajās zālēs mēs sniedzām koncertus. Kas tās par stacijām, diemžēl vairs neatceros. Bet cilvēki nāca. Vakarā mēs atgriezāmies vagonā, likāmies gulēt un no rīta atradāmies jau kādā citā stacijā. Mūs parasti novirzīja kaut kur uz rezerves ceļa, lai netraucētu. Tā bija vasara, brīnišķīgs laiks. Mēs šo laiku pavadījām pie dabas krūts. Bet vakarā – atkal koncerts, un tā tālāk. No Jelgavas līdz Ventspilij mēs, manuprāt, braucām nedēļu. Pēdējais, noslēguma koncerts mums bija Ventspilī. Un es biju – konferansjē.

Es turpināju mācības Lauksaimniecības akadēmijā. Pārgāju uz auto-transporta nodaļu. Autotransporta inženieris-mehāniķis. Man bija tiesības izvēlēties no daudzām sadales vietām, un es dabūju Rīgu.

Tādas tiešas partijas ietekmes nebija. Protams, bija aktīvisti, kuri jau kaut kur pabija, sarunāja, ka viņi tur ies strādāt. Un attiecīgi pienāca pieprasījums konkrēti par viņiem. Tā laikam bija. Bet attiecībā uz pamatmasu šādā nozīmē politikas nebija. Es varēju izvēlēties Rīgu vai kaut ko citu. Es zināju, ka man būs jāiet armijā, bet mājokļa nebija. Mājokļa problēma – tā bija nopietna. Kur dzīvot? Un es jau gribēju braukt uz Madonu vai jebkuru

⁵⁴ Ļevs Bruhis (Лев Иосифович Брухис, 1925–2007) – aktieris, dzimis Mangeimā, netālu no Odesas. Arestēts 1941. gadā, notiesāts uz 8 gadiem pāraudzināšanas darba nometnēs. Pēc atbrīvošanas 50. gados strādāja par drāmas pulciņa vadītāju Jelgavas dzelzceļnieku klubā. Reabilitēts 1956. gadā. 90. gadu sākumā emigrēja uz Izraēlu.

⁵⁵ Kopš 2006. gada – Mihaila Čehova Rīgas Krievu teātris.

citū vietu. Bet ne uz Rīgu, jo Rīgā dzīvoklis jāirē. Vecākiem bija grūti man kaut ko palīdzēt. Un es, būdams, tā teikt, romantiski noskaņots, nolēmu, ka braukšu uz citu vietu. Nodienēšu armijā, bet pēc armijas atgriezišos un tad arī iekārtošos. Man teica: “Beidz!” Mani vecākie brālēni: “Neāksties!” Un, lūk, autoremontu rūpnīcā mani pēc sadales pieņēma par inženieri tehnologu. Bet istaba... Es pat noirēju gultasvietu. Mani iemitināja pirmajā stāvā pie kaut kādas večiņas. Viņai bija caurstaigājams divistabu dzīvoklis, un viņa tur iekārtoja gultasvietu.

Alga bija 130 rubļi, man šķiet, vai arī 115 rubļi. Man šķiet, ka 15 rubļus es maksāju večiņai par gultasvietu. Rūpnīcā mani tūdaļ iesaistīja sabiedriskajā darbā. Tur bija rūpnīcas radiomezģls, un es biju redaktors, diktors un autors vienlaikus.

Man bija draugs no Lauksaimniecības akadēmijas komjaunatnes komitejas. Viņš piedāvāja: “Kamēr esat studenti, stājieties partijā!” Mēs bijām trīs draugi, mēs labi mācījāmies, un viņš saka: “Stājieties partijā!” Viens no mums atteicās tūlīt, bet mēs ar otru draugu gudrojām tā: mēs pabeigsim, būsime inženieri, vajadzēs lemt dažādus jautājumus. Tātad, kam vieglāk lemt? Partijas biedram. Nu, mēs piekritām iestāties. Piektajā kursā kļuvām par partijas biedru kandidātiem. Strādājot autoremontu rūpnīcā, es arī biju partijas biedra kandidāts. Bet mani divi draugi iestājās, palika arī Rīgā, dabūja kopmītņi, un viņiem atzīmes bija augstākas nekā man. Viņi abi būtībā sešdesmitajos gados ielika pamatus automobiļu diagnostikai Latvijā.

No rūpnīcas es saņēmu istabu kopējā dzīvoklī. Tas bija diezgan rets gadījums – pēc trīs mēnešiem es apmetos 32 kvadrātmetru istabā Šampētera ielā. Tā bija atsevišķa mājiņa, kurā dzīvoja vēl divas ģimenes. Tad nu es ieguvu Rīgā dzīvojamo platību, kas vispār bija liels sasniegums. Rudenī mani iesauca armijā. Nostrādāju rūpnīcā kādus deviņus mēnešus un aizgāju armijā. Dienēju vienu gadu. Izgāju jaunā kareivja kursu. Mēnesi dienēju Rīgā, Slokas ielā, pēc tam Minskā.

Militārais dienests mani nesaistīja

Sešdesmit sestais gads. Bija ne tā, kā tagad. Armijai bija prestižs. Un kā tad armijā var nedienēt? Īsts vīrietis ir tas, kurš dienējis armijā. Es nemēģināju kaut kā izvairīties no dienesta. Pirms mums studenti vienlaikus ar mācībām specialitātē izgāja arī militāro katedru. Pēc mācību beigām *šboros*

(armijas mācību nometne) piešķīra pat jaunākā leitnanta pakāpi. Bet mēs iegādājāmies tādā kā pārejas periodā. Tādējādi pēc mācību beigām mani iesauca, un tur tad arī izgāju jaunā kareivja kursu. Es biju vecāks par citiem. Man bija 23 gadi. Bet puišiem 18–19 gadi, un viņi nāca no blakus armijas vadiem paskatīties, kas tas par tādu brīnumu ir šeit: 23 gadi, dienē armijā, inženieris. Starp citu, mācību daļā, kurā dienēju, ar augstāko izglītību bija divi cilvēki: es un daļas komandieris. Pārējiem virsniekiem bija vidējā speciālā. Viņi bija beiguši militāro skolu – majori, kam nebija augstākās militārās izglītības.

Man piedāvāja palikt virsdienestā, piedāvāja mācību iestādi – militāri politisko akadēmiju. Bet mani militārais dienests nevilināja. Turklāt armijā iesaistījos sabiedriskajā un komjaunatnes darbā – pirms tam ar to nenodarbojos, bet nu nācās. Tādēļ iepazinot ar sociālo psiholoģiju un socioloģiju. Tā kā militārajos kolektīvos radās dažādas problēmas ar disciplīnu un tam līdzīgas, tad man vajadzēja rast atbildes uz šiem jautājumiem. Un es sāku nodarboties nevis ar autotransporta tehnoloģijām, nevis ar inženierzinātņi, bet ar socioloģiju.

Pēc demobilizācijas, tas bija 1967. gada beigās, saskaņā ar likumu radās iespēja divus mēnešus atpūsties. Es neizturēju, radās sajūta, ka es vispār neko neprotu, esmu visu aizmirsis, neko nezinu. No laukiem atgriezās Rīgā. Te vēl bija saglabājusies mana istaba, tādā ziņā problēmu nebija. 1968. gada janvārī es izgāju uz Latvijas Valsts universitāti. Bija informācija, ka tur veidojas sociologu grupa.

Peldošā bāze *Nikolajs Daņilovs*

Atceros kā tagad, tas bija Raiņa bulvārī, galvenajā ēkā. Otrais stāvs, un tur koridors – mazā zāle, pretī durvis, tālāk rektorāts. Tad, lūk, aiz šīm durvīm iekārtojās izveidotā sociologu grupa. Mani sagaidīja Maija Jevgeņevna Ašmane⁵⁶ un pajautāja: “Vai jūs Rīgā dzīvojat? Sieva jums ir?” – “Nē,” saku, “esmu neprecējies, un man ir dzīvojamā platība Rīgā.” Iedeva man vecākā laboranta amatu, kādi 80 rubļi, šķiet. Vēlāk noskaidrojās, kāpēc bija tādi jautājumi. Lieta tāda, ka formējās sociologu grupa sūtīšanai uz Atlantiju. Bija tāda apvienība, saucās *Zapriba*⁵⁷, un pētījuma tēma bija: zvejniecības kadru

⁵⁶ Maija Ašmane (1930–1998) – Latvijas filozofe un socioloģe.

⁵⁷ Saisinājums no krievu val.: *Запроба – Западная рыба* [Rietumu zivis] – Rietumu baseina vissavienības zivju ražošanas apvienība.

mainības problēmas – šķiet, ka tā, precīzi vairs neatceros – Rietumu baseinā. Ar iziešanu jūrā. Un, lūk, es nokļuvu 1968. gada 23. februārī, Padomju armijas dienā, Daugavas akvatorijā Rīgas līcī.

Mēs atradāmies uz peldošās bāzes *Nikolajs Daņilovs*⁵⁸, tas bija šī kuģa pirmais reiss Atlantijā. Kuģis būvēts Polijā. Tur bija vesels zivju apstrādes cehs. No 23. februāra līdz jūnija pirmajiem datumiem atradāmies uz peldošās bāzes. Tas ir diezgan ilgi. Mēs negājām ostās. Tas bija raksturīgi tādām peldošām bāzēm. Ekipāža liela, ap 200 cilvēku: komanda, kura vadīja kuģi, un zivju apstrādātāji. Es kajītē dzīvoju kopā ar zivju meistarū. Saklausījos visādus stāstus, protams, iepazīnos ar šiem ļaudīm.

Mēs bijām trijātā – es, Daina Fišmeistere un Velta Knospe, žurnāliste Velta Knospe strādāja *Padomju Jaunatnē*. Šajā laikā bija Čehoslovākijas notikumi⁵⁹. 1968. gads. Tā kā Velta zināja čehu valodu, viņa pārtulkoja, ja nemaldos, Otu Šiku⁶⁰. Viņš pamatoja Čehoslovākijā notiekošo. Pamatoja vajadzību ieviest tirgus elementus. To, lūk, es atceros. Tas nebija oficiāli, vienkārši rakstāmmašīnas teksts. Tas viss notika uz kuģa. Starp citu, uz kuģa bija ļoti interesanti cilvēki, tādi, kuri bija patiesi *jūrasmāni*. Viņi citādāk šo dzīvi nevarēja iedomāties. Bet motivācija atšķirīga. Teiksim, bija viens ostas strādnieks – 15 gadus jūrā. Viņš stāstīja: “Sauszeme man nav vajadzīga. Nekā interesanta!”

Mēs bijām ne tikai uz peldošās bāzes, bet nolaidāmies arī uz maziem kuģiem. Mūs pārcēla ar celtni no peldbāzes uz maziem kuģiem. Kāds bija mans apģērbs? Bija jūrnieku pusmētelis, kirzas zābaki – tiem apstākļiem tas bija vispiemērotākais. Pēc tam man zvejnieki stāstīja: “Kas tas par zaldātu, ko sūtāt šurp?” Vispār, protams, ļoti gribējās krastā. Īpaši pēdējās dienās. Grūti, ja atliek termiņu – mēs rīt vai pēc nedēļas atgriezsimies. Bet pēc tam saka: “Nē, pienākusi komanda, vēl vajag zvejot, bet esošās zivis nodot refrīžeratoram.” Guli un domā, kā es speršu pirmo soli uz zemes...

Pēc jūras, pēc atgriešanās sagatavojām atskaiti. Un es, manuprāt, tajā gadā iepazīnos ar Ludmilas Panteļeimovnas Bujevas, Maskavas Valsts

⁵⁸ *Nikolajs Daņilovs* – zivju pieņemšanas un pārstrādes peldošā bāze, uzcelta 1967. gadā Polijā, Gdaņskā.

⁵⁹ Tā parasti apzīmēja Varšavas pakta valstu karaspēku ieviešanu Čehoslovākijā 1968. gada 21. augustā.

⁶⁰ Ota Šiks (*Ota Šik*, 1919–2014) – Čehoslovākijas ekonomists un politiķis, Čehoslovākijas vicepremjers 1968. gadā. 1960. gados viņa vadībā tika izstrādāta sociāli ekonomisko reformu programma, kas bija vērstā uz plānošanas decentralizāciju. Acimredzot runa ir par grāmatu: Šik, Ota. *Ekonomika, zájmy, politika: (jejich vzájemné vztahy do socialismu)*. Vyd. 1. Praha: Nakladatelství politické literatury, 1962.

universitātes profesores, grāmatu *Sociālā vide un personība*⁶¹. Tad sāka piedāvāt pētīt jau vairāk konkrētus mehānismus: personības veidošanās sociālajā vidē, personības adaptācijas problēma. Un es izvēlējos savu tēmu – *Personības adaptācija kolektīvā*. Aspirantūra – universitātē. Uzrakstīju pirmo variantu, darbu iesniedzu, bet neaizstāvēju. Un te jau ģimene, dēls. Laikam nebiju tik konsekvents. Droši vien neredzēju izaugsmes perspektīvu. Pēc tam es nokļuvu Izglītības ministrijā. Tur es biju vecākais inspektors. Mani pienākumi bija saistīti ar pasniedzēju kvalifikācijas paaugstināšanu. Sistēma bija tāda – katrus piecus gadus pasniedzējam vajadzēja iziet kvalifikācijas paaugstināšanas kursus.

Kad radās vakance Politiskās izglītības namā, nostrādāju tur lielu daļu savas dzīves. Toreiz bija politiskās un ekonomiskās izglītības sistēma un partijas izglītības sistēma. Strādājām ar rajona līmeņa propagandistiem, mūsu pasniedzēji lasīja viņiem lekcijas, tika izstrādātas metodiskās programmas, mācību plāni. Tematiku noteica Maskava, man šķiet, ka mums sūtīja programmas. Bet mums vajadzēja to apgādāt ar vietējiem materiāliem, ņemt vērā vietējo specifiku, pielāgot vietējiem apstākļiem.

Atgriezies pie vecticībniekiem un te sevi realizēju

Godīgi sakot, nevaru izskaidrot, bet tagad vērtēju savu dzīvi tā, ka esmu realizējis sevi Grebenščikova draudzē⁶². Atgriezies vecticībā un te sevi realizēju. Tas notika kaut kā dabiski. Sabruka Padomju Savienība, nebija vairs komunistiskās partijas, nebija vairs Politiskās izglītības nama. Es centos darboties Krievu kopienā Latvijā⁶³, biju viens no tās dibinātājiem, piedalījos dibināšanas kongresā Politiskās izglītības nama zālē vēl 1989. vai 1990. gadā. Es meklēju sevi jaunajos apstākļos. Tas man nebija svešs. Pirmkārt, es tomēr esmu krievs, vecticībnieks, otrkārt, vēsture, kultūra... Kad parādījās pirmās grāmatas par vecticībniekiem, piemēram, Balevica *Vecticība bez izskaistinājuma*⁶⁴, es toreiz nopirku šo grāmatu. Lasīju un varbūt nevis pievērsu uzmanību tumšajām pusēm, kuras Balevics centās parādīt, bet gan koncentrējos uz vēsturi. Lūk, tā taču ir mūsu, vecticībnieku,

⁶¹ Буева Л. П. *Социальная среда и сознание личности*. Москва: МГУ, 1968.

⁶² Ir domāta Rīgas Grebenščikova vecticībnieku draudze (dibināta 1760. gadā) – bezpriesteru (Pomor) vecticībnieku virziena lielākā draudze.

⁶³ Sabiedriskā organizācija ar šādu nosaukumu tika dibināta 1991. gadā un darbojas arī mūsdienās.

⁶⁴ *Старобрядчество в Латвии без прикрас. 1920–1940. Сборник документов*. Сост. З. Балевиц. Рига: Латвийское государственное издательство, 1961.

vēsture. Lūk, pat mani paziņas, radinieki no vecticībniekiem! Vai arī, teiksim, Zavarinas grāmata⁶⁵. Tas bija 1986. gads. Tas bija kaut kā ļoti tuvi.

Bet 1994. gadā Latvijā notika pirmā starptautiskā vecticības vēsturei veltītā konference. To organizēja Humanitāro pētījumu centrs un Vecticībnieku Pomoras baznīcas padome ar Grebenščikova draudzes atbalstu. Humanitāro pētījumu centrā radās doma, ka krievu vēstures pētniecība ir iespējama uz divu Baznīcu sadarbības pamata – senpareizticības [vecticībnieku] un pareizticības. Dibināšanas dokumentus tāpēc bija parakstījuši Ivans Ivanovičs Miroļubovs⁶⁶, toreizējais Latvijas Vecticībnieku Pomoras Baznīcas Centrālās padomes priekšsēdētājs, arhibīskaps Aleksandrs un Latvijas Krievu kopienas Tehnoloģiskās universitātes direktors. Arī trīs fiziskas personas – es, Ludmila Butule un Aleksandrs Fedotovs, bija tāds ļoti interesants cilvēks manā dzīvē. Viņš bija Politizglītības nama konsultants, ekonomikas zinātņu doktors. Ja paņemsiet *Russkie v Latvii* [*Krievi Latvijā*], 1. laidieni, visa statistika ir viņa darbs.

Ar Ivanu Ivanoviču [Miroļubovu] mēs iepazīnāmies 1990. gada sākumā. Mēs diezgan ātri atradām kopīgu valodu. Viņš – kaut kādā mērā zinātnes cilvēks. Arī es uz to tiecos, tāpēc atradām kopīgu valodu. Es biju liecinieks notikumiem, kuri attīstījās šeit, Grebeņščikova kopienā, deviņdesmitajos gados.

Kopienas attiecības ar valsti balstījās uz padomju likumdošanu. Cita likumdošana un citas attiecības sāka veidoties Latvijas Republikā, bet cilvēki jau paliek tie paši, kuri dzīvoja iepriekšējos apstākļos. Tajā pašā laikā draudzē parādījās ļaudis, kuri bija vecticībnieki, bet apstākļu vai nosacījumu iespaidā nebija [praktizējošie] baznīcēni. Pret šiem *jaunajiem* bija piesardzīga attieksme. Un, protams, *jaunie* ienesa kaut kādas niansas, kas nebija pierastas vecajiem draudzes locekļiem. Veidojās jaunas attiecības ar valsti, norisinājās draudzes saimnieciskā darbība, labdarība.

Tad padome sanāca katru dienu. Jautājumu bija ļoti daudz. Tas bija plānu un radošuma laiks. Kopienas konsolidēšanās laiks. Notika telpu

⁶⁵ Заварина А. А. Русское население Восточной Латвии во второй половине XIX – начале XX века. Рига: Зинатне, 1986.

⁶⁶ Ivans Miroļubovs (*Иван Иванович Миролюбов*, dzimis 1956. gadā) – kādreizējais Rīgas Grebeņščikova draudzes garīgais tēvs (iesvētīts 1984. gadā), Rīgas Vecticībnieku garīgās skolas dibinātājs, pasniedzējs un rektors (1985–1995), Latvijas Vecticībnieku Pomoras Baznīcas Centrālās padomes priekšsēdētājs (1989–1994 un 1997–2001). 2001. gadā pievienojās Maskavas Patriarhāta Krievu Pareizticīgo Baznīcai, iesvētīts par diakonu (2005), par priesteri (2007), par virspriesteri (2015).

atbrīvošana no iedzīvotājiem, kuri tur iemitināti padomju laikā. Aiz ikonostasa dzīvoja cilvēki. Mēs telpu atbrīvojām. Ne jau vienkārši izdzinām. Piedāvājām dzīvokļus, mājvietas. Pat ļāvām izvēlēties. No mūsdienu viedokļa raugoties, tas ir diezgan pārsteidzoši. Es pat nezinu, kā tas mums izdevās.

Būtībā no pirmās dienas draudze sāka izdevējdarbību, jo pretestība izpaudās arī informatīvi. Reaģēt vajadzēja savlaicīgi. Neliels eksemplāru skaits, slikts salikums, kopēts, tālab kvalitāte – ne īpaši augsta. Bet kādu simtu eksemplāru izplatījām, un tos lasīja. Tāpēc, ka cilvēki bija citādi nekā tagad. Viņi bija vai nu par, vai pret. Ar pilnu atdevi. Mums nebija problēmu – lūgšanu nams jāuzkopj vai kaut kas cits jādara. Vecīņas, rindiņā sēžot, taujāja: “Nu, ko vajag izdarīt?” – “Vajag braukt uz Latgali!” – “Labi!” Nauda? Par naudu neviens pat nejautāja.

Parādījās rizogrāfs⁶⁷, ko bija uzdāvinājis kāda Eiropas baznīcas organizācija. Tad uz šī rizogrāfa drukāja vecmāmiņa ar mazdēlu. Vēl agrāk, deviņdesmitajos gados, es iepazinos ar Nikolaju Aleksandroviču Langeru, vecticībnieku un iespiedēju, kurš visu dzīvi ar to nodarbojās. Iepazinos ar viņu, kad gatavoju izdošanai mācību grāmatu *Demokrātijas pamati*. Uzzināju, ka viņš ir vecticībnieks un izdevējs, kas tajā laikā aizgājis pensijā. Un tad mēs viņu iesaistījām. Šajā gadā mūsu tipogrāfijai paliek 20 gadu. Tā ir vienīgā Vecticībnieku Pomoras Baznīcas tipogrāfija. Baznīcas tipogrāfija.

Kā izveidojās Vecticībnieku biedrība⁶⁸? 1993. gads, mēs satikāmies, tie, kuri vēlējās saglabāt vecticības tradīcijas, arī Aleksandrs Belovs. Viņa vectēvs bija garīgais tēvs. Un viņam bija saglabājušies 1908. gada Vecticībnieku biedrības statūti. Viņš tos atnesa mums. Statūtus mēs pielāgojām aktuālai situācijai un 1994. gadā nodibinājām Latvijas Vecticībnieku biedrību.

Vecticībnieku biedrība, pēc manām domām, veica svarīgu lomu. Tā latviešiem it kā teica: jūs taču redzat, te dzīvo krievi, vecticībnieki, kuru nozīmīga daļa ir pilsoņi, bet krieviem teica: ko jūs uztraucaties, lūk, mēs te esam dzīvojuši 300 gadu, neesam nomiruši, izzuduši, esam taču saglabājuši gan valodu, gan kultūru, gan ticību. Ko jūs uztraucaties? Atceros, kā sabiedrisko organizāciju padomē, kad vēl to apmeklēju, kāds no līderiem uzstājās: “Kad viņi mūs te...” Es izgāju un teicu: “Mēs dzīvojam šajā zemē, mēs gribam

⁶⁷ Augsta līmeņa digitālā kopēšanas sistēma.

⁶⁸ Latvijas Vecticībnieku biedrība dibināta 1908. gadā, 1994. gadā pierēģistrētā biedrība ir uzskatāma par vēsturiskās biedrības mantinieci.

šeit dzīvot. Jūs taču negribat braukt projām? Kā gan var dalīt – viņi un mēs? Mēs! Tad tādā garā arī jāuzvedas.” Un attieksme bija ļoti godbijīga. Arī no militāristiem un veterāniem, arī pret mani personīgi. Tāpēc, ka nav nevienam jāiztop. Kāpēc gan lai es kādam iztaptu? Vecticībnieki – tā ir kopiena.

Nezaudēju saikni ar vecākiem

Es nezaudēju saikni ar vecākiem. Viņi nodzīvoja līdz deviņdesmito gadu sākumam. Braucām pie viņiem svētkos – viņi lieliski prata *Dievs, svētī Latviju!*. Kaut arī viņi bija to mācījušies skolas gados. Lūk, starp citu, arī tas radīja mierīgu pārliedību.

Četrdesmitajos gados, kolektivizācijas gaidās, cilvēki bija noskaņoti, ka tā nenotiks, ka tas nevar notikt, ka Amerika to nepieļaus... Tāds noskaņojums bija. Vēlāk tēvs kolhozus jau uzskatīja par normālu sistēmu un pārdzīvoja, ka deviņdesmitajos tie sabruka. Viņš pārdzīvoja, ka zemi slikti apstrādā. Viņš kā saimnieks nevarēja to pieņemt, viss viņā pretojās tam, kā tā var apieties ar zemi. Bet astoņdesmitajos gados sovhozi jau maksāja ne mazu naudu, varēja nopelnīt. Bija iespēja turēt savu saimniecību. Bet pēc tam, kad sākās sabrukums, tēvs to smagi pārdzīvoja. Es tad atjaunoju tiesības uz vectēva zemi, bet viņš teica: “Dēliņ, kam tev to vajag? Ko tu ar to darīsi?” Tā šīs pārmaiņas atbalsojās cilvēku dvēselēs.

Mēs izveidojām savu dzimtas ciltskoku no 18. gadsimta sākuma... Vispār šeit krievi palika pēc Livonijas kara. Profesors Nikolajs Andrejevičs Andrejevs aprakstīja savu dzimtu. Viņš secināja, ka Andrejevu dzimta sākas no kareivja Andreja, kurš nonācis Latvijā kaut kur Biķerniekos. Un no tā laika, kas ir ap 15. gadsimtu, krievu elements ir klātesošs.

Tulkojusi Gunta Darbiņa

Intervija NMV-4300

Intervēja Edmunds Šūpulis un Nadežda Pazuhina, Rīgā, 2014, 2015

Kompozīciju veidoja Nadežda Pazuhina

TATJANA LIEPIŅA-ATVARE

Dzimusi 1948. gadā Baltijskā, Kaļiņingradas apgabalā, Krievijā. 1973. gadā beigusi Latvijas Valsts universitātes Finanšu un tirdzniecības fakultāti. Strādājusi dažādos amatos savā specialitātē. Rakstniece, Krievijas Autoru apvienības⁶⁹ biedre.

STILS KĀ DZĪVES VIENOTĪBA

Manas vecmāmiņas

Es piedzimu Baltijskas pilsētā, pat skaidri atceros savu medicīnas kartiņu, uz kuras bija rakstīts krievu burtiem *Пиллау* (Pillau – Austrumvācijas senākais pilsētas nosaukums vācu valodā), tad *Пиллау* pārsvītrots un pa virsu uzrakstīts – *Балтийск*. Tas bija tolaik, kad mainījās nosaukumi⁷⁰. Es biju laulībā – no Voronežas apgabala atbraukušā virsdienestnieka Gavriļa Akimoviča Žuļikova un Lijas Konstantinovnas Begunovas – dzimis likumīgs bērns. Mani vecāki kaut kā divaini dzīvoja, jo visu laiku pavadīju pie vecmāmiņām. Mums bija divas vecmāmiņas. Viena bija vecvecmāmiņa, vecmāmiņa un vectētiņš. Pati galvenā mūsu ģimenē bija vecvecmāmiņa Aleksandra Ivanovna Tevrizova. Viņa bija neliela auguma, ļoti dzīvelīga un valdonīga – vienmēr visu paguva un bija visus darbus protoša veciņa.

Vectētiņš bija inženieris-celtnieks, bet vecmāmiņa Zoja, viņa sieva, bija tehniskās bibliotēkas vadītāja šajā militarizētajā iestādē, kura nodarbojās ar Baltijskas atjaunošanu un labiekārtošanu. Mēs dzīvojām

⁶⁹ KAA – Krievijas Autoru apvienība. 1999. gadā Tatjanai Liepiņai iznāca grāmata *Такова структура момента* [Tāda ir momenta struktūra].

⁷⁰ Pilsētas nosaukums tika oficiāli mainīts 1946. gadā.

lieliski – katru dienu bijām paēduši un siltumā. Dzīvojam trīsistabu dzīvoklī, un, kā stāstīja zinoši cilvēki, tas bija domāts virsniekam un viņa dienestniekam. Tur bija virsnieka guļamtelpa, kopējā viesistaba un apakšnieka guļamistaba.

Vectētiņš un vecmāmiņa Zoja mums katru dienu lasīja grāmatas. Un vectētiņš bija liels meistars – viņš zīmēja gleznas – savilka līnijas lapā, pārcēla no kāda zīmējuma vai žurnāla ilustrācijas un veidoja savas etīdes gleznai. Viņš īpaši mīlēja Levitānu⁷¹. Un tādā veidā mūsu dzīvokļa lielā istaba ieguva lielisku izskatu. Atceros, ka reiz pie mums viesojās kāda paziņa, un, ienākot istabā, viņa salika rokas kā lūgšanā un teica: “Ak dievs, cik pie jums ir skaisti!” Jo daudzviet cilvēkiem nebija pat mēbeļu, jo arī veikalos taču nekā nebija. Pēc miltiem mēs stāvējām garās rindās, un uz mūsu rokām ar ķīmisko zīmuli rakstīja kārtas numurus. Atceros, ka zem katra loga bija puķu dobe un kā katra dzīvokļa iemītnieki sacentās, kuram būs skaistākā puķu dobe. To visu uztvēra ļoti nopietni, un visi ļoti centās. Un manas vecmāmiņas arī, īpaši vecmāmiņa Šura, viņa bija viena no pirmajām, kura visu uzmanīja un vispār bija liela cīnītāja – dzenāja puīšēļus un ļoti rūpējās par tīrību.

Kopā ar māsīcu Natāliju bijām ierīkojušas pārtikas noliktavu gadījumā, ja vācieši mūs atkal iekaro, tad lai mums būtu, ko ēst. Mūsu vecmāmiņa gandrīz noģība, kad no gultas apakšas izvilka divus ziemas velteņus, no kuriem izbira konfektes, sausiņi un daudzas citas lietas. Izrādījās, ka tā mēs gatavojāmies karam un izveidojām sev nelielu pārtikas krātuvi, kuru nosaucām par slepeno torni. Neviens nevar pateikt, kāpēc tornis zem gultas, bet tādu mēs tur uzveidojām. Tā mēs bērnībā jau bijām pārņemtas ar kara noskaņojumu. Mēs ļoti skumām par tiem, kuri bija miruši Ļeņingradas blokādes laikā. Mēs ļoti pārdzīvojām un gribējām paveikt kādu varoņdarbu. Bet tas mums neizdevās.

Nomira Staļins, un visi tā raud. Bet mūsu vecmāmiņas nebija īpaši idejiskas, vectētiņš gan bija idejisks. Viņš uzskatīja, ka no seniem laikiem, jau no antīkās pasaules, visi gaidīja kapitālisma beigas, kad visu varēs sadalīt nabagajiem. Bet vecmāmiņas bija neparasti skaidri domājošas un neticēja, ka var aplaupīt citus, pēc tam salaupīto sadalīt savā starpā, viņas neticēja, ka tā ir laba doma.

⁷¹ Izaks Levitāns (1860–1900) – mūsdienu Lietuvas teritorijā dzimis ebreju izcelsmes Krievijas gleznotājs, ainalists, noskaņojuma ainavu meistars.

Bērnības pilsēta

Tolaik Baltijska bija vislabāk atjaunotā pilsēta visā Kaļiņingradas apgabalā, jo tieši tad tur atradās Pillau kuģu remontu rūpnīca, kurai bija liela stratēģiska nozīme flotei. Tur remontēja visus kuģus un bija liela osta. Mēs dzīvojām slēgtā, protams, nosacīti slēgtā, Baltijskas pilsētā, kurā varēja iebraukt tikai ar speciālu caurlaidi. Taču kuģu remontu rūpnīca nebija galvenā ievēribas cienīgā vieta. Galvenais bija tomēr apstākļi, ka tur atradās Sarkankarogotās Baltijas kara flotes štābs. Un, kolīdz štābu pārcēla uz citu vietu, tā pilsēta sāka kaut ko zaudēt, un, protams, ka ne vienā dienā, bet Baltijska pamazām sāka bālēt.

Toreiz tur bija 30 tūkstoši iedzīvotāju, mūzikas skola, pašdarbības teātris, neskaitāmi ansambļi – cik lieliski Baltijas jūrnieki dejoja *Jabločko!* Un trešais māksliniecisks iespaids par Baltijsku – te dzīvoja admirāļa Arsenija Golovko⁷² sieva – Kira Golovko-Ivanova. Viņa tēloja grāfieni Rostovu tajā *oskarotajā* filmā⁷³. Viņa bija ļoti skaista un cēla izskata sieviete.

Un tā Baltijska pārstāja būt skaistā parādes pilsēta. Aizauga iekoptās vietas, un puķu dobes pārstāja audzēt un kopt. Tikai mūsu vecmāmiņas nepārtrauca ziedu stādīšanu un kopšanu.

Tā bija tāda dzīve pilsētā – vieni atbrauca, piemēram, kāda ģimene, un nekad nevarēja zināt, vai paliks Baltijskā vai arī aizbrauks, teiksim, uz Mongoliju. Tāpēc bija pieņemts nesveicināties, neviens ar citiem īpaši necentās sarunāties vai veidot draudzību. Tikai mana vecmāmiņa, ejot darīšanās, satiktiem cilvēkiem apjautājās: “Kā jūs sauc, kā jūs godāt?” Nereti cilvēki dzīvoja it kā uz koferiem, un dažreiz, pat neizpakojojot tos, viņi jau devās uz kādu citu apgabalu. Tāda bija armijas cilvēku dzīves specifika.

Baltijskā bija brīnišķīgi skaists parks, un pēc tā laika likumiem tur bija visas tās skulptūras, kuras redzamas tā laika filmās. Tur bija sieviete ar airiem rokās; pionieri ar baložiem. Tas viss bija tik sakāpinātā patosā veidots, līdzīgi kā uzskatāmā aģitācija, kura arī bija izstādīta šajā parkā. Tur bija uz balta audekla uzgleznoti lieli Staļina un Ļeņina portreti. Portreti bija cieši uzvilkti uz rāmja, taču tie vienalga lielā vējā daudznozīmīgi drebēja.

⁷² Arsenijs Golovko (*Арсений Григорьевич Головкин*, 1906–1962) – Ziemeļu un Baltijas flotes komandieris, admiralis.

⁷³ Kira Golovko (*Кира Николаевна Головкина*, dzimusi 1919.) – teātra un kino aktrise, tēloja grāfieni Rostovu Sergeja Bondarčuka filmā *Karš un miers* (1965–1967). 1969. gadā filma tika apbalvota ar *Oskaru* kā labākā filma svešvalodā.

Un pie šiem portretiem sveši cilvēki kādā svētku laikā iedrošinājās mums ar māsīcu pajautāt: “Meitenes, kuru jūs mīlat vairāk – vectētiņu Ļeņinu vai vectētiņu Staļinu?”

Kad mani vecāki saņēma dzīvokli, tur viena pati virtuve bija lielāka nekā viss vecmāmiņu un vectētiņa dzīvoklis. Tēvs bija palicis virsdienestā, viņš parasti staigāja formā, bet bez atšķirības zīmēm. Tēvs bija labs speciālists, un tad, kad viņš vēlējās iegūt militārās atšķirības zīmes uz saviem uzplečiem, izrādījās, ka viņš nebija beidzis vidusskolu. Tēvs bija labs mediķis un liels dabas mīļotājs. Viņš taču bija Voronežas kazaks, viņa senči bija no tiem, kuri bēga no dzimtbūšanas uz valsts malienēm. Šie pārbēdzēji senatnē izveidoja apmetnes, kurās svešiniekiem bija bīstami parādīties. Viņi bija bruņoti, labi jātnieki un vispār lieli brīvības cienītāji.

Vācieši un Vācija

Tēvu tur nosūtīja kā armijnieku, vispirms aizbrauca tēvs ar māti, tur iekārtojās un tad nolēma paņemt arī mani. Vācijā bija līdzīga situācija – cilvēki atbrauca un ilgi nepalika, aizbrauca citur. Tā bija vieta, kur varēja padzīvot, bet ne iedzīvoties – tur ne katrs spēja iedzīvoties. Protams, atbraucot Vācijā, mēs visi apjukām. Kāpēc viņiem vajadzēja uzbrukt Krievijai, jo viņiem taču tāpat viss bija labi? Starp citu, par to runāja jau kara beigu periodā, kad armija ienāca Vācijas teritorijā, cik tur viss bija kārtīgi un dzīvei neslikti iekārtots. Kāpēc viņiem vajadzēja uzbrukt nabaga Krievijai?

Un tomēr Krievijā katrs sikums bija deficīts, sākot ar čibiņām, vasaras kurpītēm, nemaz nerunājot par tādām lietām kā mēteļi un audumi. Vācijā tā visa bija pārpilnībā un arī cenas nebija tik augstas. Vispār mūsu dzīves līmeņa izmaiņas, nokļūstot Vācijā, bija ievērojamas. Mans tēvs nolēma katrā ziņā palikt un noturēties Vācijā. Mamma sāka arvien vairāk izšūt un šūt – bija liela rokdarbniece, kura pat reiz piepelnījās ar izšūšanas kuršiem, lai iegūtu darba stāžu.

Šajā vietā atkal gribu atgriezties pie stila jautājuma. Mani ļoti pārsteidza vācu dzīves stils, jo tajā viss bija izdomāts, tajā viss bija veidots un samērojami plānots, ka pat bērna mētelītis bija uzšūts ļoti pārdomāti.

Atceros, ka man bija grāmata *Gorkija bērnība* un es nemitīgi lasīju to arvien no jauna, jo tur nebija citu grāmatu krievu valodā. Visi pieaugušie bija aizņemti savos darbos un man pievērsa maz uzmanību. Es sāku kļūt

arvien kaprīzāka, līdz saslimu, un vecmāmiņas bija spiestas mani ņemt pie sevis. Pēc tam uz kādu laiku es atkal atgriezos pie saviem vecākiem, šķiet, kad jau biju 4. klasē. Skolā mēs ļoti draudzējāmies ar vāciešiem, visu laiku dziedājām kopā kaut kādas dziesmas. Vācieši nāca pie mums uz skolu un rādīja savas burtnīcas, ka viņi visi labi raksta krievu valodā.

Un Vācijā es paveicu varoņdarbu. Kad bijām tikko atbraukuši Vācijā, es biju vēl pavisam maziņa, mēs ar bērniem gājām uz pludmali. Mūsu krievu rajonam tur bija iemērīts viens pludmales posms. Ar meitenēm gājām peldēt, tas bija jau vairāk uz rudens pusi, skraidījām pa pludmali, kad pēkšņi no kāpām iznāca vācu zēni ar ķiverēm galvās, rokās tādas kā nūjas, kas atgādina ieročus. Viņi uzbruka mums, saucot – *Heil Hitler!*⁷⁴ un *Russische Schweine!*⁷⁵. Es biju visdrosmīgākā, norāvu vienam to ķiveri no galvas un iesitu pa brillēm. Viņam bija brilles, tāds gaišiem matiem. Un šī rīcība bija mans varoņdarbs, bet ķivere kļuva par manu trofeju – tā ilgi vēl rotāja mūsu loga palodzi.

Bet vācieši tomēr cilvēciski ir vairāk saprotami. Vispār jau arī Baltijsku atjaunoja vācieši un *čučkeki*⁷⁶. Čučmeki bija maza auguma, mongoloīdi cilvēki ar nesaprotamu nacionalitāti, viņi runāja krieviski, bet ar kļūdām. Vecmāmiņa Zoja vāciešus vienmēr slavēja, jo viņai patika precizitāte, tāpēc viņa visādi slavēja vāciešus. Vienreiz es iznācu, lai pateiktu, ka precizitāte tomēr nav pati galvenā, ka galvenais ir kaut kas cits. Vārdu sakot, es sastrīdējos ar vecmāmiņu. Bet pēc tam notika, lūk, kas.

Kēnigsbergā pa ielu soļoja vācu karagūstekņu kolonna, viņus veda kara postījumu sakopšanai, jo pilsēta kara laikā tika stipri bombardēta. Tai bija tāds pats liktenis kā Drēzdenei, kuru gandrīz noslaucīja no zemes virsas. Vācu karavīru kolonna pēc darba soļoja pa ielu, un tajā apzināti ar ieskriešanos ietriecās kāds iereibis smagās automašīnas šoferis un pamatīgi sašķaidīja šo karavīru kolonnu. Man tēvs stāstīja šī notikuma tālāko vēsturi. Šoferis bija no Baltkrievijas, un viņu par to tiesāja. Uz tiesu atbrauca viņa radnieki un stāstīja, ka Baltkrievijā kara laikā vācieši sadedzināja visu viņa ģimeni. Attaisnot viņu nevarēja, bet spriedums nebija īpaši bargs. Viņš tiesā teica, ka tika iznīcināti visi viņa radnieki, ka vācieši sadedzināja viņa vecākus, sievu

⁷⁴ No vācu val. *Heil Hitler* – Lai dzīvo Hitleri!

⁷⁵ No vācu val. *Russische Schweine* – krievu cūkas.

⁷⁶ Krievijā, Baltkrievijā un Ukrainā sarunvalodā izplatīts vārds, ar ko apzīmē aziātiskas izcelsmes cilvēkus. Vārdam ir nievājoša pieskaņa.

un bērnus, tādēļ pēc visa tā viņš nespēj dzirdēt vācu valodu. Un tāpēc tajā reizē, izdzirdot vācu valodu uz ielas, viņš tā rikojās.

Un tomēr, runājot par stilu, vienmēr prātā ir krievu sakāmvārds “Vienkāršība – sliktāka par zādzību”. Patiesi, ir tāda vienkāršība un tāda uzticēšanās, un esmu pilnīgi pārliecināta, ka šo vienkāršību un tādu uzticēšanos speciāli kultivēja. Tādu aizkustinājuma stilistiku, naivitāti līdz absurdam un uzticēšanos, tāpat kā visam citam, šodien es to saprotu – tā bija daļa no ideoloģijas.

Vēl dzīvojot Baltijskā, es nonācu pie tādas domas. Atceros, mums bija tāda skaista sienas avīze, kurā bija raksts *Es atbildu par visu*. Es izlasīju šo rakstu, un man kļuva slikti. Tāpēc, ka es apzinājos pavisam noteikti, ka atbildēt par visu es neesmu spējīga. Mani pietiekami nospriegoja vecmāmiņu stingrība un prasība pēc precizitātes, un te vēl arī skola ar prasību – *būt atbildīgai par visu* un ka tikai tā mēs spēsim izlabot cilvēci. Jo mums bija dots uzdevums, un ne jau kaut kāds, bet izlabot visu cilvēci.

Ventspils

1962. gadā mēs – mamma, tēvs un es – atbraucām uz Ventspili. Vispirms mēs pārcēlāmies uz Baltijsku, kur tēvs gaidīja jaunu norikojumu. Kad viņš saņēma jauno norikojumu uz Ventspili, viņš nopriecājās, jo tā bija salīdzinoši netālu no Baltijskas. Vārdu sakot, no sadzīviskām sarunām sapratām, ka Ventspils un latvieši – ka tie ir gandrīz vācieši. Tāds viedoklis bija tā laika sabiedrībā. Un tā mēs devāmies uz Ventspili. Man šķita, ka laime beidzot ir mani sasniegusi. Es vēlējos izbēgt no vecmāmiņu stingrās aprūpes. Un man bija svarīgs stils – kā vienotība.

Man jāatzīst, ka Baltijskā mani vajāja klases biedreņu skaudība, bet Latvijā mans vāciskais stils apgērbā nevienu netracināja. Mana mamma bija liela rokdarbniece, un man mugurā bija viss no Vācijas. Baltijskā mani apvainoja par klanišanos ārzemju mantu priekšā. Skolotāji kaut kā bremzēja šo nepatiku pret mani, bet nejaukās klases biedrenes visādi izrādīja savu nepatiku.

Un tā 1962. gadā mēs ieobraucām Ventspili. Vecākiem bija nauda mēbelēm, koferos bija līdzī visādas mantas, trauki, un finansiāli mēs bijām nodrošināti. Mamma bija ļoti apmierināta. Un arī man Latvijā uzreiz iepatikās. Gribu atrast kādus precīzākus vārdus šai sajūtai. Baltijskā man bija sajūta

par šo militarizēto izcilību, bet, atkal par stilu runājot. Stils, kas bija redzams veikalu skatlogos – ar apgērbiem un citām lietām, bija diezgan briesmīgs. Latvijā man cilvēki šķita pieauguši un nopietni, bet Baltijskā visi it kā spēlēja kaut kādu ne visai nopietnu spēli.

Es domāju, ka mūs speciāli pieveidoja pie tāda naivisma kulta ar atklātību – un to darija speciāli. Tāpēc, ka lielā vienotība un tie lielie ideāli – tie nekādi neiesakņojās sabiedrības apziņā. Tā bija baisa sajūta, ka tiek izvirzīts neiespējams uzdevums un tu esi it kā parakstījies – jā, es to paveikšu, es esmu Padomju Savienības pionieris, es atdošu dzīvību, lai izlabotu cilvēci. Un tad vienā brīdī tu redzi, ka esi apsoliļis neizpildāmu lietu.

Un, lūk, Latvijā, Latvijas skolā, piemēram, es uzreiz izdzirdēju kaut ko tādu, ko pat iedomāties bija bailīgi. Skolēni skolā stāstīja anekdotes par Ļeņinu un Staļinu, un vispār te bija lielāka iekšēja brīvība. Un atkal uzvedības stils, savstarpējo attiecību stils – pavisam cits, nekā tas bija Baltijskā. Protams, Baltijskā bija jauki cilvēki, bija vairāki skolotāji, kuri atdeva visu savu dvēseli skolēniem un kuri mani aizstāvēja pret agresīvām skolas biedrenēm. Bet skaudība tolaik bija briesmīga lieta.

Atceros, kad vēl dzīvoju Baltijskā, vectētiņš man abonēja žurnālu *Jaunība*, un tas bija tik rets gadījums, kad tik trūcīgi dzīvojošie vecmāmiņa un vectētiņš tērēja naudu, lai es lasītu literatūras žurnālu.

Kad atbraucām uz Ventspili, es ātri iedraudzējos. Atceros klasesbiedru Čistjakovu Borju, kurš tagad dzīvo Vācijā. Viņš arī jūta lielu interesi par Eiropas kultūru, viņa zīmējumos bija jūtama interese par abstrakcionismu. Mūsu klasē izveidojās radošā apvienība *Spārnotais ēzelis*, mums bija teātris, es arī tur spēlēju, biju aktīva *Jautro un asprātīgo klubā*⁷⁷, izgudroju visādus stāstus. Mūsu *Jautro un asprātīgo klubs* bija nesliktis, un, starp citu, tā tradīcijas Ventspili ir dzīvas joprojām.

Skaidri zinu, ka tas nav vienkāršs laiks

Mēs visi zinām, ka bezmaksas izglītība, bezmaksas medicīna un tramvaja biļete par trīs kapeikām, ka tas ir labi. Bet mums stilistiski nebija pieņemama šāda eksistence! Latvija un visa Baltija izveidoja tādu dīvainu

⁷⁷ *Jautro un asprātīgo klubs* (saisinājums no krievu valodas – KVN: КВН – Клуб весёлых и находчивых) – attīstījās kā klubu kustība 60. gados, pateicoties populārajai televīzijas spēlei ar tādu pašu nosaukumu (1961–1971). Skolās, augstskolās un uzņēmumos veidojās komandas, kuras sacentās ar humoristiskām atbildēm un improvizācijām par uzdoto tēmu. Televīzijas spēle tika atjaunota 1986. gadā.

bufera zonu – starp ziedošo sociālismu un aukstajiem Rietumiem. Kāpēc tieši filma *Stalkers*⁷⁸ bija aizliegta tajā laikā? Tāpēc, ka tieši *Stalkerā* bija parēģots neiespējamās sabiedrības absurda tēls. Starp citu, krievu *Stalkeru* (ir arī amerikāņu filma) uzņēma Kaļiņingradā, vecās Kēnigsbergas drupās.

Situācijā, kāda izveidojās Latvijā 90. gadu sākumā, 80. gadu beigās, pirmkārt, uz mani lielu iespaidu radīja Ingrīda Štrumfa⁷⁹. Lielu iespaidu uz mani atstāja arī Laimdota Sēle⁸⁰. Lai gan tagad saprotu, ka mani notika pasaules redzējuma lūzums. Es ļoti vēlu kļuvi pieaudzis cilvēks. Es kļuvi pieaugusi tikai 50 gadu vecumā. Tā gadās, un pie krieviem tas nereti notiek. Vārdu sakot, es biju par brīvību. Par neatkarību. Kaut gan tagad varu pateikt pilnīgi atklāti, tagad krievu vidē ir ļoti populārs pārmetums – solīja vienu, bet saņēmām citu, gribēja, kā labāk, bet iznāca, kā vienmēr.

Jaunās nacionālās buržuāzijas strukturēšanos es redzēju tuvplānā, un, kad ieskaties, tas nav tik simpātisks process. Es nejauši redzēju nacionālās buržuāzijas veidošanās aizkulises. Kaut gan uzskatu, ka jebkuras nacionālas buržuāzijas veidošanās ir nepieciešama un neizbēgama katrai nacionālai idejai. Domāju, ka latvieši nav sliktāki par citiem – francūžiem vai dāņiem; kaut kas viņiem izdodas, kaut kas ne. Es nemaz nerunāju par krieviem, kuri vispār ir cita absurda piemērs. Dmitrijs Bikovs⁸¹, piemēram, domā, ka tikai tādā neprātā tiek risinātas daudzas cilvēciskas problēmas, kad lietas nonāk līdz kādai galējai robežai.

Ar gadiem esmu sākusi saprast, kāda ir dzīves struktūras jēga. Es jūtu, ka katrs ir pats par sevi. Un tikai tā ir iespējama sabiedrība, lai katrs būtu par sevi. Es lieliski saprotu situāciju: es vienai meitenei mācu latviešu valodu, un es viņai pajautāju – ja latviešu valoda nebūtu valsts valoda, vai viņa to mācītos? “Protams, ka nē,” viņa atbildēja. Nu, redziet, meitenei būtu bijis labāk aiziet uz frizētavu!

Bet, saprotiet, kad es redzu cilvēku, un, ja viņā ir tikai viena vēlēšanās – aizskart, pasmieties, pazemot kaut kādā veidā, un, ja es tāpēc sāksu

⁷⁸ 1979. gadā režisora Andreja Tarkovska (1932–1986) uzņemtā filma – līdzība pēc brāļu Arkādija un Borisa Strugacku stāsta *Pikniks ceļmalā* (1972).

⁷⁹ Ingrīda Štrumfa – vēsturniece, ilggadēja Ventspils muzeja krājuma galvenā glabātāja, Ventspils pilsētas Domes deputāte.

⁸⁰ Laimdota Sēle – rakstniece, strādāja kā žurnāliste Ventspils pilsētas laikrakstā *Ventas Balss*.

⁸¹ Dmitrijs Bikovs (Дмитрий Львович Быков, dzimis 1967.) – krievu rakstnieks un dzejnieks, publicists, žurnālists, kritiķis, literatūras pasniedzējs, radio un televīzijas raidījumu vadītājs.

nopietni par to dusmoties, tad es esmu zaudējusi. Tas tā ir vienmēr. Tas ir vispārējs likums. Tas nav kaut kāds īpašais latviešu-krievu likums.

Es pastāstīšu konkrētu piemēru. Kāds skolas laika paziņa izrādījās slepenais ebrejs, tas mani pārsteidza, jo viņš pēkšņi sāka nēsāt kipu⁸², bet tikai brīvdienās. Lūk, viņš ir ļoti apvainots. Un pat līdz tādai pakāpei, ka viņa mazdēls, kurš lieliski runā latviešu valodā (un viņa mazdēls ir pa pusei latvietis, jo viņa meita apprecējās ar latvieti), lūk, šis mazdēls pieiet pie sava tēva un saka: “Tēt, es tevi vienalga mīlu, kaut arī tu esi latvietis.” Tur jau tā lieta, ka tas ir smieklīgi. Un šis mazdēls, izejot no skolas, nekad mājās nerunā latviski, tikai krieviski. Bet viņi vispār ir normāli cilvēki. Bet ja te iznāk tāda situācija kā Krimā... Kā šie cilvēki rīkosies?

Un vispār tas nav tik svarīgi. Tikai gribu pateikt, ka latviešu rūpēm par drošību ir savs pamats. Nezinu, kā tas viss beigsies. Dzīvosim – redzēsim. Domāju, ka mums visiem jārūpējas par mūsu likteņiem. Es, piemēram, uzskatu, ka krieviem ļoti vajag rūpēties par savu kultūru, un daudzi to reāli saprot.

2001. gadā Krievu biedrības⁸³ aktivisti izveidojām lasītāju klubu *Labirints*. Mēs pulcējamies reizi mēnesī, apspriežam jaunākās grāmatas, atzīmējam krievu un citu klasiķu jubilejas. Tēmu diskusijām mums pietiek. Mēs veidojam draudzīgas attiecības ar Ventspils Starptautisko Rakstnieku un tulkotāju māju, tas dod iespēju iepazīties ar daudziem interesantiem cilvēkiem.

Mūsu lasītāju klubs ir Ventspils Krievu biedrības nodaļa⁸⁴. Mēs varam iegūt teātra apmeklējuma biļetes, kad šeit viesojas slaveni Krievijas teātri, kuri apbalvoti festivālā *Zelta maska*⁸⁵. Es mēdzu jokot, ka mūsu lasītāju kluba sanāksmēs mums ir tiesības runāt par visām tēmām, izņemot politiku un starpnacionālā naida kurināšanu, un arī seksuālo noviržu propagandu. Ir jautājumi, par kuriem mēs nediskutējam. Mūsu kluba biedri aktīvi piedalās pilsētas krievu kultūras dzīves pasākumos.

Mēs esam krievu-latviešu ģimene, ar manu vīru Pēteri 1999. gadā uzrakstījām projektu, lai iegūtu finansējumu folkloras pasākumam:

⁸² Kipa – tradicionāla ebreju vīriešu galvassega, maza, apaļa cepurīte, kas simbolizē lēnprātību un dievbijību.

⁸³ Krievu biedrība Latvijā (*Русское общество в Латвии*) – nevalstiskā organizācija, kura tika dibināta 1996. gadā.

⁸⁴ Nevalstiskā organizācija Ventspili, kura tika dibināta 2011. gadā kā Krievu biedrības Latvijā Ventspils nodaļas tiesību mantiniece.

⁸⁵ Krievijas profesionālā teātra prēmija, kuru dibināja Krievijas teātra darbinieku savienība 1994. gadā.

*Masļeņicai*⁸⁶. Svētki visiem ļoti iepatikās, un tie iedzīvojās pilsētā. Un tagad Ventspilī jau ir pārņemta stafete, un pēc Masļeņicas veidosim *Svjatkus*⁸⁷. Arī baltkrievu biedrība un citas nacionālo minoritāšu biedrības tiecas atjaunot savas tradīcijas. Un, zini, man ir krustiņš, un dzīves grūtos brīžos es skaitu tēvreizi vecslāvu valodā, jo esmu taču pareizticīgā. Bet mēreni pareizticīga.

Es cenšos atcerēties to gudrību – dod man dvēseles mieru pieņem to, ko nevaru izmainīt, spēku un vīrišķību izmainīt, ko varu, un gudrību atšķirt vienu no otra. Un tā, ja runājam par domu, ar kuru sāku, par stilu, kā saka francūži: stils – tas ir cilvēks, bet stils ir arī izteiksmes veida vienotība. Lūk, redzat, cik viss ir sarežģīti!

Tulkojusi Dagmāra Beitnere-Le Galla

Intervija NMV-4281

Kompozīciju veidoja un intervēja Dagmāra Beitnere-Le Galla, Ventspilī, 2016

⁸⁶ Masļeņica (*Масленица*) – svētki, kas pareizticīgo tradīcijā tiek svinēti nedēļas garumā pirms Lielā gavēņa, tomēr šie svētki sākņojas tradicionālajā slāvu kultūrā (jauna dabas cikla sākums: ziemas tikšanās ar pavasari). Latviešu gadskārtu kalendārā ekvivalents ir meteņi.

⁸⁷ *Svjatki* (burt. svētās dienas, no krievu val. *святки*) – pareizticīgo tradīcijā tas ir laiks no Kristus dzimšanas līdz Dieva Parādīšanās svētkiem, slāvu tradīcijā – gadskārtu svētki, kuri ir saistīti ar ziemas pavērsienu uz vasaru, mirušo dvēseļu klātbūtni uz zemes šajā laikā, kas tiek uzskatīts par pamatu pareģojumiem un zīlēšanai.

JELENA MATJAKUBOVA

Dzimusi 1957. gadā, Rīgā. Beigusi Latvijas Valsts universitātes Vēstures un filozofijas fakultāti, ieguvusi vēsturnieces specialitāti. Pedagoģe, galvenā speciāliste mazākumtautību izglītības jautājumos Rīgas Domes izglītības, jaunatnes un sporta departamentā.

TICĪBA IR VAIRĀK NEKĀ SPĒKS UN VARA

Ģimenes kopība

Nācu pasaulē tālajā 1957. gadā jaukā ģimenē. Mans tēvs, Boļšakovs Vasilis Logvinovičs, ir ļoti spilgta personība, aktīvs cilvēks, nācis no vecticībnieku dinastijas. Mēs dzīvojām privātmājā Juglā. Vēl tagad Juglā ir tāda vieta, kur saglabājusies vecā apbūve. Interesanti, ka mūsu Bākūžu ielā bija daudz māju, kuras piederēja ievērojamiem cilvēkiem. Te bija medicīnas profesors, kāds ļoti pazīstams skulptors, viņa zemes gabalā bija daudz akmeņu. Mums pretī dzīvoja aviācijas konstruktors. Mums bija privātmāja, vecmāmiņas un vectēva bērni bija uzcēluši piebūves, un manas dzimšanas laikā bijām liela, draudzīga ģimene. Vecvecāki dzīvoja lielajā mājā, bet viņu bērni – piebūvēs, turpat līdzās. Un zemes gabals bija liels, apmēram 800 kvadrātmētru. Kad es piedzimu, vecmāmiņai vēl bija govys, viņi audzēja arī lapsas. Tur bija lauki un pļavas, govys, vistas, zosis. Manā laikā Juglu sāka apbūvēt ar Hruščova tipveida mājām.

Mana mamma dzimusi Krievijā, Orlā. Tēvs atveda viņu no Krievijas, kad dienēja noietnēs. Viņas tēvs bija represēts Vjatskas labošanas darbu noietnē. Tur viņa uzauga, vēlāk mācījās Permā, tolaik Molotova medicīnas institūtā. Mācījās izcili, beidza ar sarkano diplomu. Tad viņas dzīves ceļā

ienāca mans tēvs. Viņi iepazīnās, un tēvs riskēja mammu atvest uz Latviju.

Tēvs visu mūžu sapņoja atdalīties no vecākiem un uzcelt savu māju. Māte bija audzināta klasiskās tradīcijās – uzticīgi kalpot darbam. Viņa savu mūžu veltīja Latvijas medicīnai. Latvija kļuva viņai tuva, jo te piedzima viņas meita un viņa te jutās komfortabli. Neraugoties uz to, ka, šurp braucot, viņu brīdināja, ka te ir ārzemes un cita valsts. Tādi brīdinājumi pastāvēja vēl piecdesmitajos gados. Tēva vecāki arī bija neapmierināti – kādēļ viņš atvedis svešu meiteni no Krievijas. Vecticībniekiem tomēr bija pieņemts precēties ar savas ticības piederīgajiem. Taču tētim mamma iepatikās un viņš atveda viņu šurp.

Pirmie manas dzīves gadi palikuši ļoti gaišā atmiņā, jutos ērti liela radu pulka vidū. Mums bija milzīgs dārzs, augu kopā ar brālēniem un māsiņām. Svētkus svinējām visi kopā pagalmā. Mani vecvecāki bija no Maltas, netālu no Rēzeknes, Latgales radi svētkos brauca pie mums. Vasarsvētkos vectēvs un vecmāte brauca uz Rēzekni, es arī tur esmu bijusi, arī uz Daugavpili. Biežāk braucām uz Rēzekni, kur Vasarsvētkos kapos atceras visus senčus. Jau bērnībā es labi zināju savu dzimtu. Kāzās un bērēs sapulcējās liels pulks, vecmāmiņai bija piecas māsas, vectēvam – četri brāļi.

Vectēvs

Tēva uzvārds Boļšakovs nāk no vectēva. Bet es vēl satīku vecvec-tēvu – šo vecāko dinastijas pamatlicēju. Atceros, ka vectēvs bija dzimis 1898. gadā, bet viņa tēvs nodzīvoja līdz deviņdesmit četriem gadiem. Vectēvs bija brīnišķīgs, īsts vectēvs. Viņam bija unikāls dzīves gājums. Bērnībā tas mani maz interesēja, bet, kad sāku nodarboties ar dzimtas vēstures izpēti, dažas lietas mani pārsteidza.

Zināju, ka Pirmā pasaules kara laikā viņš bija spiests emigrēt no Latvijas uz Petrogradu¹. Tur viņš strādāja kādā rūpnīcā un tika iesaukts armijā. Viņa dokumentos atradu liecības, ka viņš bijis latviešu sarkanais strēlnieks, neraugoties uz to, ka bija īsts krievu cilvēks. Jā, viņš bijis latviešu strēlnieks. Žēl, ka bērnībā neiznāca par to parunāt. Atceros, ka pie viņa nāca pionieri vākt atmiņas, viņš bija Vissavienības nozīmes pensionārs par saviem nopelniem revolūcijā. Taču drīz viņš boļševikos vilās, viņam bija tāds teiciens, kuru toreiz nevarēju saprast: “Boļševiki pārdeva Krieviju...”

¹ Sanktpēterburgas oficiālais nosaukums no 1914. gada 18. (31.) augusta līdz 1924. gada 26. janvārim.

Divdesmito gadu sākumā kopā ar vecmāmiņu viņi atgriezās Latvijā.

Vectēvs vāca mūsu dārzā ābolus un gāja uz sestā tramvaja galapunktu, to vēl manā laikā izbūvēja, tur sēdēja uz ķebliša un tirgojās. Es, skolā audzināta padomju garā, kaunējos, ka mans vectēvs tur tirgojas. Vēlāk, kļūstot gudrāka, sapratu, ka viņš guva baudu no darba. Vecumā jau vairs nevar darīt visu, bet to viņš varēja. Un drusku piepelņijās. Tāds bija viņa ieradums – visu laiku kaut ko darīt, pelnīt, sagādāt.

Tēva kaislība bija mašīnas. Strādājot autobusu parkā, braucot par taksometra šoferi. Viņš savām rokām saremontēja astoņas mašīnas. Pirmā bija vācu BMW, un tēvs pat piedalījās filmā *Šķēps un vairogs*² kā vācu virsnieka šoferis. Mēs tad gājām skatīties filmu, kur mašīnā mūsu tētis. Mašīnai bija nolaižams jumts, un es ļoti lepojos, kad tētis atbrauca man pretī uz skolu. Pēc tam mums bija *Volga, Pobeda*, visas padomju markas, lai gan mēs nekad nedzīvojām pārticīgi. Mamma strādāja, bet kaunējās par tēva rūpalu. Vienīgi viņa atbalstīja tēva vēlmi iegūt zemes gabalu, kas padomju laikā bija sarežģīti. Tomēr septiņdesmitajos gados viņam izdevās, ar kādu sarunājot vai kādam “pateicoties”, iegūt zemi Mārupē.

Piespiedu darbi un izsūtījums

Vectēvs no mātes puses bija divreiz represēts. Mamma uzauga faktiski bez tēva. Pirmoreiz viņam atņēma muižiņu trīsdesmit kilometrus no Orlas. Tur bija slavenais Bogdanovu nams, Bogdanovu muiža. Mamma meitas uzvārds bija Bogdanova. Kad viņa 1929. gadā piedzima, vectēvu aizsūtīja rakt Belomorkanālu. Viņš bija ļoti stalts un garš, es esmu viņam līdzīga. Bija guvis labu izglītību, izcili beidzis ģimnāziju. Dzimis 1901. gadā, droši vien būtu turpinājis mācīties, bet Krievijā sākās juku laiki. Un 1929. gadā viņu pirmoreiz represēja un aizsūtīja spaidu darbos. Tajā laikā vēl nebija tik stingri, un par labu darbu viņu atbrīvoja. 1934. gadā viņš ar vecmāmiņu aizbrauca uz Ukrainu, tālāk no grēka. Orlas apgabalā, kur visi viņus pazina, palika ļoti interesanta māja upes krastā. Kad es ieraudzīju šo māju – ar vējrādi un lielu pagalmu, man likās, ka tā ir kā no Čehova stāstiem. Māju neatņēma, bet saimniecību nacionalizēja. Māte ar skumjām atcerējās, kas notika.

² Oriģināls nosaukums *Щит и меч* – režisora Vladimira Basova 1968. gadā uzņemta četru sēriju mākslas filma, Vadima Koževņikova romāna ekranizējums.

Mamma Ukrainā sāka iet pirmajā klasē, kad vectēvs atgriezās. Bet 1937. gadā viņu izsūtīja otrreiz uz Vjatlagu Kirovas apgabālā uz desmit gadiem bez tiesībām sarakstīties. Un vēlāk, pēc kara, no kara izpostītā Orlas apgabala vectēvs izsauca ģimeni pie sevis. Centrālajā Krievijā viņi vairs negribēja atgriezties. Tā mamma nokļuva Urālu ziemeļos, vēlāk iestājās Medicīnas institūtā un palika vienmēr klasiskā, inteligentā krievu dāma.

Vecticībnieku minikopienu

Mamma stāstīja, ka, atbraucot uz Latviju, viņa gribējusi mācīties latviešu valodu, taču visus dokumentus nācies rakstīt krievu valodā. Tādēļ nebija nepieciešams apgūt valodu tādā līmenī, kādu viņa būtu šodien gribējusi. Bet Rīgu viņa izjuta kā savu pilsētu. Māte gāja kājām no Juglas līdz VEF tiltam³, labi pazina šo rajonu un jutās kā savējā. Kaimiņi, latvieši, bieži vērsās pie mātes pēc palīdzības. Man šķiet, ka šai intelīģencei nebija nekādu savstarpēju konfliktu. Turklāt latviešu ģimenes mūsu ielā bija kritiski noskaņotas pret padomju varu. Daudzi no viņiem saņēma paciņas no ārzemēm. Es toreiz nesapratu, kādēļ par to tikai sačukstējās. Māte reizēm palīdzēja kaimiņiem dabūt kādas deficīta zāles, kaimiņi zināja, ka viņa strādā ministrijā. Taču viņa nekad neņēma naudu vai citas pateicības. Vienīgi man palicis atmiņā, ka reiz latviešu ģimene atnesa skaistu maciņu no Kanādas kā pateicību par kāda radnieka iekārtošanu slimnīcā. Tātad attiecības bija ļoti cilvēciskas, ļoti laipnas. Taču galvenokārt visas politiskās, ekonomiskās, garīgās problēmas tika apspriestas mazās vecticībnieku kopienas iekšienē. Māte bija spiesta pakļauties šim dzīvesveidam.

Mani kristīja Grebenščikova draudzē, turklāt māte negribēja to atklāt. Laikam pēc vectēva represēšanas viņa bija ļoti piesardzīga un noslēgta. Nekādās anketās neuzrādīja, ka atradusies okupētajās teritorijās, domāja, ka tas traucēs. Nekad nestājās partijā, jo uzskatīja, ka viņas ģimenes pagātne neļauj to darīt, ka tas nebūs godīgi. Viņai vairākas reizes piedāvāja stāties partijā, bet viņa atteicās.

Buržuāziskā retro elegance

Marijas tante, tēva vecākā brāļa sieva, arī bija no Latgales, no Rēzeknes. Viņa nāca no pazīstamas ģimenes – Morozoviem, no kuras kara-

³ Ir domāts Gaisa tilts pāri dzelzceļa līnijām Brīvības ielā – vecākais viadukts Rīgā (1906).

vīri dienējuši Latvijas armijā, arī bija ievērojami ziedotāji Grebenščikova draudzē, kad ieradās Rīgā. Marijas tanti uztvērām ar nelielu ironiju, jo viņa ļoti atšķīrās no tā laika krievu cilvēkiem Latvijā. Viņa bija diezgan izglītota, strādājusi par guvernanti bagātās ģimenēs, labi zināja etiķeti, vienmēr nēsāja cepures, valkāja zīda un šifona kleitas, smalkus lakatiņus.

Mana mamma dzīvoja ļoti pieticīgi un demokrātiski. Raugoties uz vecāko vedeklu, kura krasi atšķīrās no vietējām sievietēm, neatkarīgi no viņu tautības, tas likās kā no citas dzīves, kaut kas retro buržuāzisks. Bet Marijas tante saglabāja savu neatkarību un sievišķīgo eleganci un uzskatīja to par pareizu. Padomju vara centās visus vienādot, modes jēdziens izpaudās vēlāk, kad dzīve nokārtojās.

Visi smējās par vecmāmiņu, kas nevarēja aiziet blakus ielā uz veikalu pēc maizes vai piena ar nekrāsotām lūpām un bez zīda lakatiņa. Vedeklas ironiski vaicāja: “Kur gan Terentjevna (Jeļena Terentjevna – tā sauca vecmāmiņu; man dots vārds par godu viņai) tā dosies?” Šķiet, ka vēlme vienmēr krāsot lūpas, lai kurp es dotos, man ģenētiski mantota no viņas.

Vecmāmiņai bija liela ģimene, viņai bija seši bērni, pēc kara palika tikai četri. Viņi bijuši Salaspils nometnē⁴, un divi gāja bojā. Manu tēvu aizsūtīja uz Vāciju. Saglabājusies interesanta fotogrāfija, kurā redzams, kā viņš četrdesmit piektajā gadā atgriezās Latvijā (toreiz jau Padomju Savienībā) svešā uzvalkā, kas daudz par lielu, ar čemodānu rokā.

Kad Latvija atguva neatkarību, tēvs slimoja un visu laiku gribēja rakstīt vēstuli Vācijas kancleram Kolam⁵ par to, ka bijis izsūtīts uz Vāciju, un saņemt kādu kompensāciju. Jau uz nāvi slimš viņš man stāstīja, ka aizrakstīs Kolam un mums būs sava rūpnīca Slokā, savs bizness. Tā es netieši uzzināju par Salaspili, par tēva izsūtījumu uz Vāciju. Padomju laikā par to ģimenē nemēdzām runāt. Tas atklājās tēva dzīves pēdējos gados, neatkarības laikā.

Maize – tas taču ir хлеб!

Mana pirmā bērnības draudzene bija Karmena, meitene no kaimiņmājas. Sešu gadu vecumā es izdarīju savu pirmo lielo atklājumu. Mums bija svarīgs pienākums atnest maizi no veikala pāri ielai. Mēs vienmēr gā-

⁴ Nacistu soda nometne pie Salaspils (1942–1944).

⁵ Helmūts Kols (*Helmut Kohl*, dzim. 1930.) – Vācijas politiķis, no 1982. līdz 1998. gadam Vācijas Federatīvās Republikas kanclers.

jām kopā. Un viņa saka: “Mums vajadzētu maizi.” Es atbildu: “Да, нам хлеб нужен тоже.”⁶ – “Nopirksim rupjmaizi.” Vēlāk es viņai saku: “Kāpēc tu saki “maize”, tas taču ir “хлеб”?” Viņa saka: “Nē, tā ir maize!” Tikai pēc nedēļas es atklāju, ka valoda ir simbols. Vareni, ka es to aptvēru jau sešu gadu vecumā!

Starp latviešiem es jutos ērti. Vēlāk mēs pārcelāmies uz Pārdaugavu, māte saņēma dzīvokli. Piektajā klasē es jau gāju Pārdaugavas skolā. Mūsu mājā pārsvarā dzīvoja latvieši. Tā bija divstāvu māja, mums bija latviešu kaimiņienes, mēs bijām ļoti draudzīgi. Latvieši vienmēr nez kāpēc pret mani labi izturējušies. Agrāk mēs nekad neklaudevām pie kaimiņu durvīm un negājām aizņemties maizi vai cukuru, bet šeit visi tā darīja – pie mums nāca un palūdza.

Man, par laimi, ir paveicies. Es nekad neesmu izpratusi un uzsvērusi etnisko piederību. Šī tēma nebija aktuāla. Var jau būt, ka tā savā ziņā bija paš aizsardzība. Es nešķiroju ebrejus, man vienmēr likās divaini, ka par viņiem stāsta anekdotes. Arī pēc izskata es nepratu noteikt, kas ir kas. Man vaicā: “Vai tad neredzi?” Es domāju, tas sākās bērībā, kad draudzējos ar Karmenu. Visas rotaļas mums bija kopīgas, kaut gan privātmājās dzīvoja savrup, nebija sēdešanas uz soliņa pie mājas, tenkas un kaimiņu aprunāšanas.

Ceturtajā klasē es nokļuvu Inčukalna sanatorijā, tur arī bija vairāk latviešu bērnu, bet es labi iekļāvos kolektīvā. Man bija elementāras valodas zināšanas. Taču arī pēc skolas beigšanas pareizu literāro valodu nepratu.

Pretrunu gars

Iestājos pie mums Latvijas Universitātes Vēstures fakultātē. Mani interesēja vēsture. Tiesa, skola man deva rekomendāciju – biju spējīga matemātikā, ar teicamām atzīmēm gan algebrā, gan ģeometrijā. Es skolā konkurēju ar zēniem matemātikā, bet krievu valoda man nepadevās. Mūsu ģimenē bija izteikta latgaļu valodas ietekme. Kad tagad dzirdu, kā atdarina Latgales krievu izrunu, atceros savas vecmāmiņas un vectēva kļūdaino valodu. Pareiza krievu valoda ne mazums pūļu prasīja. Man ir analītisks prāts, valodas mācos nevis no dzirdes, bet sistematizējot. To, ko daudzi iemācās jau skolā, es ar prieku apguvu vēlāk. Man vajadzēja sev pierādīt, ka arī es varu. Pēc skolas beigšanas mani rekomendēja mācīties par krievu valodas

⁶ Tulkojumā no krievu valodas: “Mums arī vajag maizi!”

un literatūras skolotāju, jo apzinīgi uz to gāju. Kaut gan skolas direktors, matemātikas skolotājs, ieteica man studēt matemātiku.

Droši vien tas ir pretrunu gars – nedarīt to, ko tev iesaka. Ārēji es esmu pareizā meitene, bet iekšēji man ļoti nepatīk pareizie cilvēki, man viņi šķiet neīsti. Tā es aizgāju uz Vēstures fakultāti, kaut gan to bieži uzskatīja par politisku fakultāti. Skumji, ka iestājoties es to nezināju. Izrādījās, ka Vēstures fakultātē nebija dienas nodaļas krievu plūsmai. Tikai vakara nodaļa. Latviešiem bija dienas nodaļa, un, kurš bija gatavs mācīties latviešu valodā, varēja pāriet.

Skola strādnieku rajonā

Mācoties universitātē, es agri – jau 1979. gadā – aizgāju strādāt uz skolu. Man jau bija piedzimis dēls, un mani pieņēma tikai skolā Šampēterī⁷. Tā bija jauktā – latviešu-krievu – skola, vairāk gan latviešu. Jo tas ir tāds sens Rīgas rajons, kur pārsvarā ir latviešu privātmājas. Arī skolotāji vairāk bija latvieši, un direktore bija latviete. Bija divas plūsmas, bet vairāk bija latviešu. Esmu pateicīga liktenim par savu pirmo darbavietu, kur nostrādāju piecus gadus un apguvu latviešu profesionālo valodu. Tas bija 1979. gads, vēl tālu līdz pārbūvei, tie bija stagnācijas gadi, kad es iepazinās ar latviešu dzeju. Vienkārši iemīlējos Ārijas Elksnes⁸ dzejā, mums bija dzejas vakari, Jaungada balles.

Biju uzņēmusies grūtu misiju, tas bija strādnieku rajons, kādi pieci rūpniecības uzņēmumi. Bērni nāca no strādnieku ģimenēm, no ne sevišķi inteliģentām ģimenēm, un darbs bija grūts. Lai dabūtu bērnus ārā no šīs vides, nācās veltīt viņiem maksimālas rūpes. Tur bija arī daudz čigānu bērnu. Šiem bērniem vajadzēja palīdzēt, jo viņi mēdza pēc piektās sestās klases pamest skolu. Es cieši ticēju, ka iespējams būvēt laimīgu dzīvi neatkarīgi no tautības. Pateicoties savai pirmajai pieredzei, es joprojām esmu jaukto skolu piekritēja, kur katra plūsma mācās savā valodā. Strādāju ar bērniem no ne-labvēlīgām ģimenēm, kuri bija piedzīvojuši dažādas scēnas savu vecāku dzīvē, kuri bija redzējuši mīļākos, un viena meitene manā klasē pat bija kļuvusi grūta no sava audzītēja, – vajadzēja viņiem palīdzēt. Viņiem vajadzēja gūt

⁷ Šampētera bilingvālā vidusskola nelielā skolēnu skaita dēļ tika slēgta 2012. gadā, un krievu plūsmu pievienoja Rīgas 53. vidusskolai.

⁸ Ārija Elksne (1928–1984) – latviešu dzejniece un tulkotāja.

izglītību savā dzimtajā valodā, lai es varu viņiem sniegt intelektuālu atbalstu. Tā man likās dabīga integrācija, jo mūsu skolēni bija draudzīgi. Nebija kautiņu starp dažādām plūsmām, meitenes varēja saplēsties, bet ne etniskās piederības dēļ.

Atmoda

Kad sākās Atmoda un Tautas fronte, es tai noticēju no sirds. Es taču iestājos Tautas frontē! Sākuma es noticēju Gorbačova idejai, ka var izveidot sociālismu ar cilvēcisku seju, bet pēc tam redzēju, ka tas nenotiek, bremzējas. Kad Atmodas laikā uzcīnījās nacionālais noskaņojums, es jau strādāju krievu skolā, kur mācījās arī mans dēls. Tā bija liela krievu skola Āgenskalnā. Es centos kolēģiem no krievu armijnieku ģimenēm paskaidrot, kā latvieši ir cietuši, cik taisnīgas ir viņu prasības. Daudzi ilgu laiku bija klusējuši par represijām, to es labi zināju no sava vectēva dzīves. Cietuši bija ne tikai latvieši. Es biju viena no pirmajiem, kas mēģināja ieskaidrot, kāpēc jāprot latviešu valoda. Man jau šī valoda bija, pateicoties pirmajai darbavietai. Es aktīvi iestājos par valsts valodas statusa piešķiršanu latviešu valodai, jo uzskatīju, ka tas ir taisnīgi. No krievu iedzīvotājiem saņēmu nosodošu attieksmi kā latviešu puses aizstāve. Es nenostājos nevienā pusē, es tikai paudu savus principus.

Atmodu es uztvēru kā iespēju atjaunot taisnīgumu, atbalstīt cilvēkus, kuri cietuši. Bet mani izbiedēja agresivitāte, kas parādījās pēc kāda laika. Esmu patiesa *latvijiete*⁹. Krievijā es nekad nejūtu savu krieviskumu. Es atšķiros, un to saka visi. Atceros kādu kolēģi, arī vēstures skolotāju, kura pārcēlās no Lielvārdes uz Sanktpēterburgu. Kad aizbraucu pie viņas ciemos, atzišos – man tramvajā pietrūka latviešu valodas. Man komforts nozīmē tieši tās proporcijas, kas ir šeit. Iekāpju tramvajā, dzirdu latviešu valodu, es saprotu, man patīk tās melodija. Man ir saprotami cilvēki, viņu kultūra, tradīcijas. Tā ir mūsu kopīgā kultūra, esmu daļa no tās. Esmu Latvijā iekšā. Mani intervēja kāds vācu žurnālists, vaicāja par manu integrāciju, un es iedomājos sevi kā iņ un jan simbolu, kur ir divas puses – baltā un melnā, bet katrai pusei ir savs pluss, to nevar sadalīt. Es nevaru sevi sadalīt uz pusēm: te latviešu, te krievu daļa. Tā ir izliekta līnija, bet katrā daļā ir kaut kas no otras. Man šķiet, ka tas izsaka manu identitātes izjūtu.

⁹ Pēc analogijas ar krievu *латвийка*.

Ticība ir vairāk nekā spēks un vara

Es smagi pārdzīvoju Padomju Savienības sabrukumu, jo ticēju, ka iespējama gaišā nākotne. Kad sāku analizēt Padomju Savienību ne tik daudz kā struktūru, bet ideju, gribēju saprast, kur bija kļūda. It kā visas nacionālas republikas bija pārstāvētas, bija ierobežojumi, bet viss bija pareizi. Un tad es ieraudzīju, ka bija daudz netaisnību, dubultstandartu, un tas noveda pie lielas, stipras valsts sabrukuma. Bija daudz melu, tā sabruka no iekšpuses. Un, kad es šodien skatos, ka cilvēki neko nav iemācījušies un lieto tās pašas padomju metodes, daļa cilvēkus grupās pēc piederības vienai, otrai, trešai šķirai... Valsts jāsauglabā tikai ar cilvēkiem un cilvēku dēļ, nevis kā kādu ideālu, abstraktu modeli. Un, kad cilvēkus aizskar, apvaino, slēpjoties aiz valsts interesēm, man šķiet, tas ir negodīgi, netaisni un valstij traģiski.

Esmu ne pārāk reliģioza, esmu samaitāta ar padomju izglītību. Bet es visu laiku analizēju savu uzvedību: ko daru pareizi, kur kļūdos. Apcere ir mana būtība. Savā uzvedībā saskatu protestu, un tas ir saistīts ar pārmaiņām valstī, ar vēsturiskā procesa analīzi, tā izpaužas mana vēsturnieces izglītība. Tajā pašā laikā es vienmēr sabiedrībā izjūtu vecticībniekus. Viņi izceļas ar savu domāšanas veidu, ar saviem principiem. To, iespējams, rada ģimenes tradīcijas, dievkalpojumu norises. Un galvenais, ar ko stipri vecticībnieki un par ko esmu lepna, tā ir sapratne, ka ticība ir vairāk nekā spēks un vara. Šie cilvēki nepakļaujas valstij, kas pārstāv spēku, nemaina savu ticību un principus. Tā veidojusies šī grupa, kas gatava doties prom, atteikties no dzimtenes, lai saglabātu ticību. Un ne valsts, neviens man nevar norādīt, kā ir pareizi, ja tas nesaskan ar manu sirdsapziņu. Un tas ir mans vērtību mērs.

Tulkojusi Baiba Burtneiece

Intervija NMV-4243

Kompozīciju veidoja un intervēja Marija Assereckova, Rīgā, 2014

JAROSLAVS KOZLOVS

Dzimis 1959. gadā Pitalovas rajonā, agrāk Latvijai piederošajā Abrenes apriņķī. Vēlāk ģimene pārceļas uz dzīvi Viļakā. Beidzis Latvijas Lauksaimniecības akadēmiju, atgriežas strādāt par kolhoza galveno agronomu. Tagad ir uzņēmējs Viļakā.

ŠAJĀ ZEMĒ ES DZĪVOJU UN STRĀDĀJU

Mūsu ģimene – Latvijas krievi

Mūsu ģimene ir vietējie, Latvijas krievi. Vecāki piedzima Abrenē, toreiz, divdesmitajos gados, tas bija vēl Latvijā. Nu, un es piedzimu jau Pitalovas rajonā, jau Padomju Savienībā. Turpat beidzu trīs klases, un mēs pārbraucām uz jaunu dzīvesvietu, uz Viļaku. Sāku iet skolā krievu klasē.

Pēc skolas beigšanas – armija. Pēc armijas – Lauksaimniecības akadēmija. 1985. gadā akadēmiju pabeidzu, pēc sadales nonācu Balvu sovhoztehnikumā par direktora vietnieku. Faktiski tur nostrādāju pusotru gadu, un mani uzaicināja par galveno agronomu vietējā sovhozā šeit, Vecumos, sešus kilometrus no Viļakas. Dzīvoju Viļakā. Arī ar sievu iepazināmies akadēmijas kursā, viņa ir baltkrieviete.

Mani vecāki bija ļoti stingri. Par to es viņiem esmu pateicīgs. Viņi mani kopš bērnības ieradināja: “Ja esi devis vārdu, tev tas jāpilda! Vienmēr esi godīgs pret citiem! Ja vajag teikt patiesību, saki tieši acīs, lai cilvēks to zina!” Kāpēc es saku, ka bija stingri? Nevar teikt, ka mēs bagāti dzīvojām. Tēvs strādāja, un māte strādāja. Abi savulaik bija represēti, izsūtīti uz Sibīriju. Man vēl ir arī brālis. Un bērnudārzā mēs negājām. Tolaik kaut ko lieku mums vecāki nevarēja atļauties nopirkt. Uzreiz varu teikt – bērnībā

man pat velosipēda nebija. Jutāties kā vairums cilvēku, kuri šeit dzīvoja un strādāja. Nekā lieka, bet ar to minimumu, kas bija, ar to pietika.

Vecākus izsūtīja

Mātes tēvs ir no šejienes, no Nosovas, tieši aiz robežas. Viņš strādāja uz dzelzceļa un neskaitījās trūcīgs cilvēks. Un pēc kara, 1946. gadā, mātes ģimeni izsūtīja uz Krasnojarsku, uz Sibīriju. Izsūtīja tā vienkārši... kā pie mums bieži notiek. Tā kā mammas tēvs strādāja uz dzelzceļa, skaitījās, ka viņš pelnījis. Un vietējie tā saucamie aktīvistu (ir tāds krievu izteiciens *золотыба*¹⁰), kuriem pašiem nekā nav un kuri tikai kliedz, bet strādāt negrib, ielika ģimeni bagāto jeb kulaku sarakstā. Un izsūtīja. Tur mums garām iet dzelzceļš Rīga–Pitalova. Nolika lauka vidū ešelonu un divu stundu laikā savāca vajadzīgo cilvēku skaitu. Ja kādu iepriekš brīdināja, tas aizbēga uz purvu un pēc divām stundām iznāca ārā. Vairs neviens viņu nemeklēja. Bet tiem, kuri nebija brīdināti, nācās pamest dzimtās vietas. Māju nacionalizēja, karkasu aizveda uz Ostrovu¹¹ un tajā ierīkoja klubu. Kā es to zinu? Kad sākas sertifikātu laiks¹², mēs vērsāmies arhīvā, ieguvām datus un tad saņēmām 2000 latu. Atjaunojām zemesgabalus pilnībā, visus tos īpašumus, mantojumu atjaunojām.

Un mātes māsa tur palika, iepazīnās, apprecējās. Māte atbrauca šurp, uz dzimteni. Bet kā izsūtītā, kā brīvi nometinātā, zāgēja mežu. Ar rokām. Sievietes katru dienu 40 grādu salā ar rokas zāģi zāgēja kokus, pēc tam ar rokām vēla uz dzelzceļu.

Tēvam bija mazliet citāda situācija. Viņš ir no Nadeždino ciema. Viņa tēvs gāja bojā vēl Pirmajā pasaules karā. Un, kad zaldāti atgriezās mājās, piesitās manai vecmāmiņai viens zaldāts. No viņa tad arī tēvs piedzima un tēva brāļi piedzima. Pietika visādu fokusu kara laikā. Ieklīda bandīti, pielika jau manu vectēvu pie priedes, uzkāra cilpu: “Vecā, nes nu šurp... Citādi pakārsim!” To pašu darīja arī partizāni, kuri cieta badu.

Bet kāpēc tēvu izsūtīja pēc kara? Vienkārši tūlīt pēc kara tēvs iestājās kara skolā Ļeņingradā. Un pēc kāda laika viņi beidza pirmo kursu, un pēc tam iznāca pavēle: “Nākamie oficiēri, kuri bijuši zem vācu okupācijas,

¹⁰ Latviešu val. burtiski – plikadidas. *Tulk. piezīme.*

¹¹ Ostrovas pilsēta atrodas Pleskavas apgabalā.

¹² Ir domāts privatizācijas process, kas Latvijā sākās 1990. gados. Par privatizācijas sertifikātiem varēja iegādāties savā īpašumā dzīvokli, māju vai zemes gabalu. Restitūcijas noteikumi paredzēja kompensāciju par padomju laikā nacionalizēto nekustamo īpašumu.

nav uzticami.” Tēvs to slēpa. Tāpēc, ka, nu, cik tad viņam bija... dzimis 1926. gadā, cik tur, 1944.–1945. gads. Un viņš slēpa. Pēc tam tomēr viņu iesēdināja, nosūtīja uz Intu¹³. Tur viņš deviņus gadus nostrādāja šahtā. Kad pēc tam šurp atbrauca, iepazīnās ar māti. 1946. gadā viņus izsūtīja, ap 1956. gadu viņi iepazīnās.

Māte visu mūžu nostrādāja rūpnīcā Viļakā. Tēvs strādāja tajā pašā vietā, viņš strādāja par noliktavas pārzini.

Kad Padomju Savienība likvidējās, viņi ieguva represēto statusu, tur bija kaut kādi sociālie labumi, nu tas tā, mazlietiņ. Brīvbiļete. Tāpēc, ka tur savā laikā tā tika atzīta kā kļūda, un visus sāka atbrīvot. Agrāk ogļračiem, kuri strādāja šahtās, viņiem pietika 10 gadus nostrādāt, lai aizietu pensijā. Tēvam pietrūka burtiski gads.

Apkalpojām kosmiskos laukumus

Esmu janvārī dzimis, armijā mani paņēma pavasarī. Tas ir, skolu mēs beidzām pavasarī, līdz rudenim es stājos Politehniskajā institūtā, neizturēju, balles pietrūka. Ko darīt? Vecākiem uz kakla nesēdēsi, bija jāstrādā. Aizgāju uz meliorāciju, vienkārši par nekvalificētu strādnieku. Līdz pavasarim strādāju. Uz mūsu brigādi praksē atsūtīja vienu sievieti, kura mācījās Lauksaimniecības akadēmijā, Meliorācijas fakultātē. Un viņa ļoti pārliecinoši stāstīja par akadēmiju, kādas tur fakultātes, kādas mācības. Un, lūk, es par to ieinteresējos. Beidzu dienestu armijā un pēc tam iestājos tajā akadēmijā.

Armijā dienēju inženieru daļā. Mēs būvējām. Iesākumā bija tā saucamā mācību daļa Maskavā, šo gadu tad arī Maskavā dienējām speciālajā armijas daļā – *učebkā*¹⁴. Bet pēc tam mūs aizsūtīja uz Kazahstānu, uz Baikonuru¹⁵, un visus tos kosmiskos startus, kosmiskos laukumus apkalpojām. Es uzskatu, ka man tā bija normāla dzīves skola. Mēs varbūt tāpēc nepaguvām izjust to *dedovščinu*¹⁶, ka Maskavā mācījāmies par vada komandieriem. Būtībā mēs bijām vienaudži. Mums nebija veterānu, kuri demonstrē savu mežonību. Kad atbraucām uz Kazahstānu, arī tur formējās jauna daļa,

¹³ Inta – pilsēta Krievijā, atrodas Komi Republikas ziemeļaustrumu daļā, ogļu noguldījumu rajonā. Ogļu raktuvju rūpnieciskā attīstība sākās 1940. gadā, izmantojot Gulaga (Intas un Minerālņija piespiedu darba nometņu) ieslodzīto darbu.

¹⁴ Sarunval.: mācību armijas daļa, kur jaunieškie apguva armijas specialitāti.

¹⁵ Kosmodroms Kazahstānas teritorijā, funkcionē kopš 1957. gada.

¹⁶ Ārpus dienesta reglamenta attiecības, kas balstās neoficiālā hierarhijā, kurā augstāko pakāpi ieņem dienestā ilgāk esošie karavīri. Izpaužas kā jaunieškie diskriminācija un ekspluatācija, fiziskā un psiholoģiskā varmācība.

un mēs izrādījāmie vecākie, jo bez mums bija arī jaunāki. Neizjutām kaut kādu negatīvu ietekmi. Kazahi, uzbeki, latvieši un lietuvieši – ļoti daudz tautību tur bija, un faktiski nekādu saskarsmes problēmu nebija.

Sāku strādāt par galveno agronomu

Man palicis atmiņā, ka mums kursā bija viena krievu grupa, bet latviešu grupas bija četras vai piecas. Mūsu grupā bija 16 cilvēku. Bet tā bija pati ietekmīgākā, pati gudrākā grupa, četri mācības beidza ar sarkanajiem diplomiem. Arī pārējiem atzīmes rezultātā bija ne zemākas par 4 un 5. Ļoti draudzīga grupa. Bet specialitātē strādāt palika tikai četri cilvēki. Nu, pieci cilvēki. Divi – es un sieva – šeit strādājam, abi agronomi. Viena sieviete strādā Rīgā, sēklu inspekcijā. Vēl arī vīrs un sieva strādā ar sēklām saistītā firmā. Visi pārējie – kāds servisos, kāds grāmatas pārdod. Tīri ar lauksaimniecību neviens vairs nav saistīts.

Un es sāku strādāt par galveno agronomu, bet pēc tam nāca citi laiki. Tas skāra īpaši Latgali, te iznīcināja visus kolhozus, sovhozus līdz nullei. Nu, mēs vienu brigādi privatizējām un uz šīs brigādes bāzes izveidojām savu uzņēmumu ar nosaukumu SIA *Ķira*. Tajā strādā 50 cilvēki, kuri nodarbojas tikai ar lauksaimniecību. Tāpēc, ka es pēc specialitātes esmu *tīrs* agronoms. Šī ražošanas joma man ir tuva, tā ka nekādas problēmas nerodas, viss pazīstams. Sākām mēs ar 100 hektāriem zemes, tagad apstrādājam praktiski 2000 hektāru, ieskaitot 300 hektāru meža.

Pienāca citi laiki

Puča laikā¹⁷, 1991. gadā, es strādāju Vecumos par galveno agronomu, bet sovhoza direktors tad bija Voldemārs Šļakota¹⁸, pazīstama persona, PSRS Augstākās Padomes deputāts, un viņa brālis Kazimirs Šļakota¹⁹, Latvijas Augstākās Padomes deputāts, kuri pieņēma Latvijas Neatkarības deklarāciju. Man palaimējās strādāt ar tādiem cilvēkiem. Un viņš teica: “Necelsim paniku, Valsts ārkārtas stāvokļa komitejai (ГКЧП) mēs nepaķlausimies, ieturēsim ignorējošu pozīciju!”

¹⁷ Ir domāts t. s. augusta pučs – politiskie notikumi Padomju Savienībā 1991. gadā laikā no 19. līdz 21. augustam, kad tika izveidota Valsts Ārkārtas stāvokļa komiteja (krievu val.: Государственный комитет по чрезвычайному положению (ГКЧП)), kura mēģināja veikt valsts apvērsumu.

¹⁸ Voldemārs Šļakota (dzim. 1949.) – padomju saimniecības *Vecumi* direktors (1973–1990), aktīvs Tautas frontes dalībnieks, PSRS tautas deputāts (1989).

¹⁹ Kazimirs Šļakota (dzim. 1947.) – LR Augstākās Padomes deputāts (1990), valsts meža ministrs Ivra Godmaņa (1990–1993), Valda Birkava (1993–1994) un Māra Gaiļa (1994–1995) valdībās.

Pēc tam sākās nedaudz citi laiki. Katram cilvēkam bija sava pozīcija. Es tad biju rajona deputāts. Un vienā jaukā brīdī visiem deputātiem vajadzēja izteikt savu pozīciju – palikt Padomju Savienībā vai nepalikt, saņemt palīdzību, par vai pret simtprocentīgu neatkarību. Varu teikt, ka mans uzskats līdz šim nav mainījies. Es biju Balvu rajonā viens no četriem cilvēkiem, kuri nobalsoja pret neatkarību. Kāpēc? Sava valsts – tas ir labi, bet bija jau izveidojušies sakari. Kas konkrētajā gadījumā labs, ja mana vectētiņa un vecmāmiņas kapi palika aiz robežas, tāpat radnieki? Nevaru aizbraukt, kad gribu. Vajag vīzu, rodas neērtības. Viņi arī nevar. Principā jau neesmu pret, ka Latvija būtu patstāvīga valsts. Kaut gan šajā brīdī par patstāvību ļoti grūti runāt.

Piedalos arī sabiedriskajā dzīvē, tagad esmu novada deputāts. Iepriekšējos gados, pirms pašvaldību sistēmas reorganizācijas, biju Viļakas pilsētas mēra vietnieks, deputāts. Piedalāmiens dažādos eksperimentālos projektos un pieredzes apmaiņā. Vienu gadu biju nozīmīgs Latgales reģiona lauksaimniecības nodokļu maksātājs.

Ļoti daudz pamestu lauksaimniecības zemju

Pēc stagnācijas laika, pēc visa tā sabrukuma te ir ļoti daudz pamestu lauksaimniecības zemju, mēs tajās intensīvi ieguldām savu grūti nopelnīto naudiņu un savedam tās kārtībā. Katru gadu 35–40 hektārus mēs iekļaujam lauksaimniecībā. Piedalāmiens modernizācijā, tas ir, visos Eiropas struktūrfondos. Apgūti mums bija aptuveni pusotra miljona latu. Uz sava rēķina veicam arī meliorāciju. Katru gadu iestādām ap 20 hektāru meža tajās zonās, kas nav derīgas lauksaimnieciskai ražošanai. Laukus cenšamies apsaimniekot nedaudz citādi nekā *biezie* zemnieki Zemgalē un mūsu apkaimē. Kā tas izpaužas? Tādējādi, ka mēs cenšamies izmantot to pašu minerālmēslojumu, to pašu ķīmiju saskaņā ar dabu, tas ir, tikai minimāli. Proti, ar lielām ražām mēs lielīties nevaram: 35–40 centneri, tomēr kaut kāds morāls gandarījums mums ir no tā, ka mums ir gan kukainītis, gan tārpīnš zemē – dzīva daba.

Turklāt savulaik mums bija vaļasprieks – mēs no viena sena īpašnieka atpirkām īpašumu. Padomju laikā tur bija siltumnīcas, pēc tam viss bija pamests, bet mēs to sakārtojām un iestādījām labu dārzu. Tas īpašums raksturīgs ar to, ka īpašnieka vēsture un vispār tās vietas vēsture sākusies vēl Katrīnas II laikā. Viņš tur kalpoja, dabūja brīvīšanu, palika tur kā

dārznieks, un no tiem laikiem viņa dzimta nonākusi līdz mūsdienām, un mēs to vietu izmantojam, kā paredzēts, tā, kā tas bija agrāk, – dārzam.

Pie mums katrs runā tādā valodā, kādā vēlas

Es šeit mācījos no ceturtās klases. Es esmu krievs. Līdz 7. klasei man faktiski latviešu valodu nemācīja. Principā jau no 3. klases vajadzēja mācīt, bet man nesanāca. Es uzskatu, ka tā bija skolotāju un skolas nolaidība. Un tikai 7. klasē skolotāja Veina sāka mani mācīt kā 1. klasē. Bet 8. klasē es jau centos kaut ko iemācīties, kas 8. klasē pienākas. Un tāpēc, ka tik milzīga atšķirība, faktiski pēc 10. klases pilnīgi neko nezināju. Es nevarēju ar vienaužiem sarunāties.

Bērībā nekādu nacionālu debašu nebija. Skolā krievu klases, latviešu klases, nekādu problēmu. Tagad, manuprāt, ir neliels diskomforts. Es uzskatu – ja cilvēks dzīvo Latvijā, obligāti ir jāprot latviešu valoda, tas nav apspriežams. Bet nevajag aizmirst arī dzimto valodu. Skolā visu plāno – latviešu valodas apguve, latviešu valodas apguve. Bet kad tad un kur mācīties krievu valodu? Redz, meitiņa trešajā klasē, no pirmās klases viss tikai latviešu valodā. Varbūt tāda greiza nacionālā politika. Tomēr tas netraucē sadzīves līmenī sazināties. Katrs runā savā valodā, un visi saprot, kādā valodā viņš runā. Tas ir svarīgākais.

Mums firmā laikiem ir 10% krievvalodīgo, pārējie – latvieši. Pie mums par nacionālo jautājumu nekādas rīvēšanās nav. Pie mums katrs runā tādā valodā, kādā vēlas. Tāds noteikums.

Darba tikuma audzināšana bērniem

Nevaru teikt, ka skolā mācījos slikti, un neteikšu arī, ka labi. Desmitajā klasē viens trijnieks bija, pārējie četrinieki. Toties akadēmiju pabeidzu ar sarkano diplomu. Tātad, kad gribas mācīties, kad ir labi pasniedzēji, cilvēks var sasniegt daudz.

Skolā tolaik bija mazliet citāda sistēma nekā tagad. Tur nebija ne skolas diskotēku, nekā. Gājām, kad bija skolas vakari, bet tas arī vienīgais. Tur dzīve nebija tāda kā tagad – dažādi projekti un ārzemes. Bija pilnīgi cita dzīve. Salīdzinot mūs un šodienas bērnus, – šie bērni ir daudz tālāk tikuši – datoru pārzina un daudz ko citu. Un dažādi pulciņi, dažādi pasākumi. Mums bija... varējām pārgājienā doties, kolhozā pastrādāt ražas novākšanā.

Kaut arī uzskatu, ka tieši bērnu radināšana pie darba – varbūt tās tieši pietrūkst mūsdienu skolām. Tā ir pavisam cita lieta, kad cilvēki strādā, kaut ko apkopj. Tur ir pavisam citi apstākļi. Tur var parādīties jaunieša lidera īpašības. Arī pārgājienos, ekskursijās, kur bērns atbrīvojas, var viņu ieraudzīt no citas puses, ne tādu kā skolā. Tas viss ir ļoti svarīgi, bet mūsdienu skolai tā varbūt pietrūkst.

Biju pionieris, biju komjaunietis, komunistis nebiju. Piedāvāja, bet neiestājos. Pionieros praktiski neko nedarīju. Komjaunatnē mēs bijām šefi jaunākajām klasēm. Rīkojām viņiem kaut kādus pārgājienu, lasījumus, apmeklējumu pie nopelniem bagātiem cilvēkiem, labiem darbiniekiem, kuri aizgājuši pensijā. Kaut kā palīdzējām viņiem, ņemam jaunākos, ejam un palīdzam – kaut ko atnest, kaut ko satīrīt. Arī pārgājienu dabā organizējām. Atceros, uz Ļeņingradu²⁰ bija ekskursija. Bet tas viss bija ļoti ierobežoti, ne tā kā tagad, kad arī praksi kaut kur ārzemēs var iziet, dzīvo ģimenēs, kas ir diezgan slavējami, lai valodu pamācītos. Tādēļ nav noslēpums, ka vairākums šo skolēnu pie mums, Latgalē, vairs neatgriežas. Labākajā gadījumā Rīgā, Latvijā paliek, sliktākajā – aizbrauc uz ārzemēm, jo uzskata, ka tur labāk, tur var vairāk nopelnīt, karjeru izveidot vai vēl kaut ko. Šeit, Latgalē, krietnu speciālistu atrast ir ļoti grūti. Ne katrs uzņēmums var maksāt lielu naudu – 2000 eiro – labam speciālistam.

Tagad mēs sezonā pieņemam darbā 10–15 bērnus. Agrāk viņus nosūtīja projektu ietvaros, bet šie projekti ir mazliet nepārdomāti. Pēc projekta man jāmaksā minimums, bet bērns atnāk uz darbu un neko nedara. Savas septiņas stundas niekojas. Un piespiest ir ļoti sarežģīti. Bet tik un tā maksā minimumu. Un mēs no šī projekta pilnībā atteicāmies. Tagad ņemam bērnus, kuri grib nākt uz darbu un kuri strādā uz izpeļņu. Tas ir daudz vienkāršāk, mums daudz izdevīgāk, arī bērns tiek pieradināts pie darba un savus 450–500 eirīšus nopelna.

Lauksaimniecībā bezdarbs nevar būt

Deviņdesmitajos gados sākās tā dēvētā privatizācija jeb *prihvatizācija*²¹. Kad cilvēkiem rēķināja pajas, neviens viņiem normāli neko neizskaidroja, cilvēki sāka par savām pajām grābt govīs, grābt traktor, grābt visu.

²⁰ Sanktpēterburgas oficiālais nosaukums no 1924. gada 26. janvāra līdz 1991. gada 6. septembrim.

²¹ Vārdu spēle, kas balstās krievu vārdu līdzīgajā skanējumā – *приватизировать* (privatizēt) un *хватать*, *приватывать* (ķert, paķert, sagrābt).

Tā ir viena cilvēku daļa. Pa visu Latgali tādu cilvēku bija 90%. Re, domāja, paņemšu mantoto zemes gabalu, kaut ko piepirkšu, vēl kaut ko izdarīšu, jā. Un strādāšu, dzīvošu un visu darišu. Atlikušie 10%, es tajā skaitā, mēģinājām daļu cilvēku pārliecināt, lai viņi dod mums savas pajas, mēs ar viņiem norēķināsimies vēlāk, lai saglabātu daļu zemes. Paskatieties, kā Zemgalē, viņi saglabāja visas lielās saimniecības, es nemaz nerunāju par Lietuvu, kur viņi pilnībā visu saglabāja. Cūku kūtis, govju kūtis te pēkšņi ne no šā, ne no tā kļuva nevienam nevajadzīgas, tās sāka sabrukt. Bet tā ir nauda. Tas pats ar kaltēm. Pati vērtīgākā prece – traktors, tas bija jāņem. Pārējo tā – ņēma, lai kaut ko paņemtu. Bet tur, starp citu, visu saglabāja, tāpēc lietuvieši, arī lauksaimnieki Zemgalē dzīvo daudz labāk par mums.

Jā, brīvību ieguva bez kādas atbildības. Pastrādāja, pārdeva visu un kļuva bezdarbnieki. Varat iedomāties – bezdarbs lauksaimniecībā! Kāds bezdarbs var būt lauksaimniecībā? Un 90% cilvēku šo gadu laikā palika ārpusē. Nodokļus neviens nemaksāja, kaut varēja pierēģistrēties kā pašnodarbinātie un maksāt. Neviens tā nedarīja. Un tagad laiks iet pensijā, ko nu? Mans darba stāžs lauksaimniecībā – 35 gadi. Mēs gājām citu ceļu. Mēs izveidojām brigādi, sākumā naudiņas bija nedaudz, tad vairāk, un tā mēs sākām attīstīties, sākām strādāt. Mēs izveidojām trīs brigādes sovhozā. Nu, bet mūsu cilvēki, kad ir jautājums, kā sadalīt peļņu... Mums viss aizgāja turpmākajai attīstībai: pieņemt vairāk cilvēku, iepirkt tehniku. Citas firmas pamanījās visu peļņu pievākt sev. Pievāca visu līdz brīdim, kad vairs nebija nekādu apgrozāmo līdzekļu, likvidējās.

Kā samazināt bezdarbu Latvijā? Pie mums, mūsu novados, to varētu diezgan viegli izdarīt. Dodiet man speciālistu – ogu, tostarp arī meža ogu, un dārzeņu pārstrādes tehnologu. Tehnologs. Izglītots tehnologs, kurš zina, kā organizēt ražošanu. Lai nodarbinātības centrs man atrod tādu speciālistu. Esmu gatavs viņam maksāt 1000 eiro. Otru pusi lai maksā nodarbinātības centrs. Runa ir par trim četriem gadiem. Šai ražošanai mēs pieliksim klāt savus cilvēkus. Un šis speciālists apmācītu mūsu meistaru. Un pēc trīs četriem gadiem šis speciālists vairs nebūtu vajadzīgs. Strādātu savi cilvēki, savi speciālisti, vēl nekvalificētus cilvēkus varētu noligt. Un viss, 10–15 cilvēki strādātu. Bijušajā Mežvidu skolā organizēja šūšanas ražotni, tur tāda veidā arī rikojās. Caur ministriju un nodarbinātības centru savāca bezdarbniekus,

pusi maksā birža, un viņi izveidoja šo ražotni, 50 cilvēku strādā. Latgalei tas ir ļoti daudz.

Mēs varētu uz tiesiskiem pamatiem organizēt meža ogu vākšanu. Mēs organizētu transportu, cilvēkus, kas vāc, – vietējo pietiek. Viņi varētu mums nodot savu produkciju. Citādi katrs cilvēks pats – ar savu velosipēdu. Un visu nodod ārzemniekiem. It kā mums pašiem sava, vietējā nekā nav.

Daudz zemju aizgāja ārzemniekiem

Sieva man ir katoliete, es – pareizticīgais, meita arī pareizticīgā. Mums Viļakā ir trīs dievnami – katoļu, pareizticīgo un luterāņu. Un nekādu problēmu.

Mani kristija vēl bērnībā. Neteikšu, ka tas bija noslēpums. Es atceros, ka Pitalovā vecāki kristija, nekādu problēmu nebija. Neteikšu, ka esmu kāds reliģisks fanātiķis. Godāju, cienu šajā gadījumā cilvēku reliģiozo ticību. Un mums firmā reliģiskie svētki, vai tie būtu pareizticīgie vai katoļu, skaitās brīvdiena. Jā, uz baznīcu eju, neteikšu, ka bieži. Varbūt vajadzētu biežāk, bet lielos svētkos – Ziemassvētkos, Lieldienās. Sāku varbūt pirms divdesmit gadiem. Pārvarēju sevi, kā saka, tas tik viegli neizdodas.

Es uzskatu, ka dzīve ir izdevusies. Lielas kļūdas neesmu pieļāvis. Mans vārds ir goda vārds. Nekas vairāk būtībā arī nav vajadzīgs. Izgāšanās nav bijusi. Vienīgais, ko varbūt nožēloju, – kad sākās visa tā privatizācija, varbūt vajadzēja rīkoties kaut kā enerģiskāk. Kurš gan toreiz zināja, kā tas pagriezies, vai būs šādi laiki, struktūrfondi vai Eiropa piemaksās. Vajadzēja aizstāvēt pozīciju, lai vismaz mūsu pagastā zemi neuzpirktu ārzemnieki. Iespēja bija nedot, savējie varbūt būtu ņēmuši. Bet savējiem nevajag, ņēma, bet zemesgrāmatas netaisīja, tagad viss jāatdod, aizaudzis ar nezālēm, aizaugusi visa zeme. Un tajā jezgā ļoti daudz zemju aizgāja ārzemniekiem. Te mums kaut kāda zeme stāv, aizaug, soda sankcijas viņi maksā. Lielākais, ko viņi izdara, zāli nopļauj. Nekādas ražošanas nav. Tie, kuriem tika meži, tos nežēlīgi izzāgē, to nedrīkstēja pieļaut.

Uzskatu, ka pozitīva attīstība mums ir, nevar teikt, ka nav. Ja raugās no viedokļa, kā piesaistīt, noturēt jaunatni, tad pie mums netika izdarīts nekas. Tāpēc, ka arī skolās kaut kā... katrs nodarbojas ar savu šauru lietu. Skolas direktors audzēkni izlaidis, no skolas izmetis, un viņu vairs neuztrauc, kur jaunietis aizies. Mums un vienam citam uzņēmumam bija ideja: ja man ir

vajadzīgs kādas jomas speciālists, es maksāšu stipendiju, bet tu nāksi pie manis. Lūk, šis darbs neveicas. Brīvs – brīvs, viss, ar to beidzas viņa darbs. Bet šī stratēģija ir nepareiza, ja mēs gribam šo vietu attīstīt. No pievilcības viedokļa – vieta tīra un skaista, labi, krietni cilvēki. Bet mūsu nabadzības dēļ daudz kas nav izdarīts. Praktiski nekas netiek piešķirts dzīvojamā fonda remontam, tikai maksājiet, maksājiet, maksājiet! Bet iekšpusē jau durvis gāžas ārā. Tas ir slikti. Cilvēku ir tik, cik ir. Šī vieta turas vēl, iespējams, pateicoties tam, ka te ir robežsardze un speciālisti pērk mājas un tās remontē. Mirstība augstāka par dzimstību, jaunās ģimenes nepaliek tāpēc, ka, pirmkārt, nav laba, pienācīga darba, otrkārt, nav mājokļa, kur apmesties. Trešais aspekts, kas saistās ar ārējo ainavu, – celtniecība, tā attīstās, kaut kas tiek darīts, pamestu vietu kļūst aizvien mazāk un mazāk.

Ļoti daudz cilvēku, kuri šeit sevi nevarēja atrast, aizbrauca uz ārzemēm, un tagad vasarā viņi atbrauc. Bet es, kā teicu, esmu patiess Latvijas patriots un nekad nebraukšu, lai miljonus tur sola, es šajā zemē dzīvoju un strādāju. Te ir pilnīgi cits gaiss, te ir pilnīgi citi ļaudis, un es uzskatu: ja ir normāla pieeja, normāla valsts politika, tad šeit visu var sasniegt. Lūk, tāda ir mana pieeja.

Tulkojusi Gunta Darbiņa

Intervija NMV-4284

Kompozīciju veidoja un intervēja Marija Assereckova, Viļakā, 2015

ANNA STROJA

Dzimusi 1965. gadā, Rīgā. Vecāki pārcēlušies uz Latviju no Simferopoles un Žitomiras. 1987. gadā Maskavas Valsts universitātē pabeigtas studijas krievu valodā un literatūrā; 1990. gadā Ļeņingradas Valsts universitātē pabeigtas studijas praktiskajā psiholoģijā. Strādājusi laikrakstā Diena krievu redakcijā par galveno redaktori (1999.), līdz 2009. gadam – biedrībā Dialogi.lv.

Apmalvojumi: Sabiedrības integrācijas fonda vienotības balva; Latvijas Žurnālistu savienības Mavrika Vulfsona balva.

VĒRTĪBĀM IR EMOCIONĀLS RAKSTURS

Pēc valsts sadales uz Rīgu

Manas ģimenes vēsture šeit sākās 1960. gadā, kad vecāki, tolaik jauns laulāts pāris, pēc Kijevas Politehniskā institūta beigšanas tika sadalē nosūtīti uz Rīgu. Viņiem nebija iebildumu braukt uz Rīgu, nekad agrāk nebija šeit bijuši, par Latviju neko daudz nezināja, taču šis bija spilgts un svarīgs brīdis, jo viņi saņēma ļoti labu norīkojumu. Jau tad Rīga bija slavēta kā Padomju Savienības rietumu priekšpostenis. Nemāku spriest, vai viņi Rīgā saskatīja lielāku brīvdomību, kā tas būs vēlāk, manā jaunībā, bet viņiem šis priekšlikums ļoti patika. Nedaudz koķetēju, pati sevi dēvējot par rūpniecisko migrantu meitu. Viņi nebija melnstrādnieki, bet inženiertehniskie darbinieki, abi ar augstāko izglītību, ar augstu kultūras līmeni un ļoti motivēti. Abi ieguva ļoti labus amatus – bija kaut kas līdzīgs nodaļas vadītāja vietniekiem. Tēvs strādāja rūpnīcā *Alfa*²², mamma – VEF, vēlāk viņa ilgāku laiku strādāja VEF zinātniskajā sakaru institūtā. Tēvs *Alfā* strādāja līdz rūpnīcas slēgšanai. Viņiem bija svarīgi strādāt, būt

²² Rīgas pusvadītāju aparātu rūpnīca *Alfa*, dibināta 1959. gadā, turpināja darbību līdz 2004. gadam.

noderīgiem. Tā bija *fiziķu*, nevis *liriķu*²³ ēra, un viņi, cilvēki ar izteiktām humanitārām nosliecēm, kļuva par inženieriem, jo tas skaitījās nopietns darbs valsts labā.

Man viņi stāstīja – bijusi sajūta, ka nokļuvuši it kā citā valstī. Īpaši sadzīves līmenī. Es jautāju, vai viņi zināja, ka Latvija tikai četrdesmitajā gadā kļuva par padomju republiku. Viņi atbildēja, ka par to nebija pieņemts runāt, arī latvieši par to nerunāja ar tiem, kas vēlāk tika nosaukti par *cittautiešiem*. Tā ka par to viņi neaizdomājās, redzēja, ka te ir skaisti, tīri, garšīgi. Viņiem abiem bijusi ļoti trūcīga bērnība, tāpēc šī pārpilnība iepriecināja. Nebija sajūtas, ka kaut kas nav kārtībā, viss bija labāk attīstīts. Un tā līdz deviņdesmito gadu beigām viņi abi par to runāja augstos toņos.

Ģimenes vēstures fons

Kad Latvija kļuva neatkarīga un sāka, tā sakot, manevrēt ar nacionālajām minoritātēm, tēvs atcerējās, ka viņš ir ukraiņis. Turklāt tas nekad nebija noslēpums, mums Ukraina bija vecmāmiņas mājas, kur pavadījām vasaras brīvdienas, taču nekad neizjutu sevi kā ukraiņieti. Jāuzsver, ka tēvs vienmēr ar cieņu izturējās pret savām saknēm. Kad atbraucām uz Ukrainu, viņš vienmēr runāja ukraiņiski, viņam bija laba literārā valoda. Un, ja tā var teikt, dzimtā valoda, kuru viņš savā mūžā bija saglabājis, tā viņu paglāba. Tēvs iekārtojās darbā Ukrainas valsts radio un strādā joprojām, kaut gan viņam ir septiņdesmit seši gadi. Viņš ir ļoti pieprasīts, un interesantākais, ka viņu bieži min kā piemēru citiem ārzemju korespondentiem: skat, kāda panam Volodimiram laba ukraiņu valoda. Dzīvo viņš šeit, tēvs pieņēma Latvijas pilsonību, viņam ir ļoti stipra saikne ar Latviju.

Savukārt, kad es braucu uz Ukrainu, es neko nezināju par tādām lietām kā *golodomors*²⁴, par to vecmāmiņas ģimenē nekad nerunāja. Tēvs mūs vadāja pa muzejiem, iepazīstināja ar kultūras mantojumu. Bet tā nebija mana identitāte, tikai dārgumu lāde, no kuras sajutu dzimtas enerģētiku. Jā, patiesi, ukraiņi savu dzimteni bieži dēvē par auklētāju, māmuļu Ukrainu. Es laikam Ukrainu izjūtu kā ļoti radniecisku. Tagad man daudz kas nav pieņemams no tur notiekošā, bet saglabājas sajūtas par vecmāmiņas mājas

²³ Mājiens uz padomju presē atspoguļoto diskusiju par fiziķu un liriķu "noderīgumu", kura risinājās kā reakcija uz Borisa Slucka (1919–1986) dzejoļa *Fiziķi un liriķi* (*Физики и лирики*, 1959) publikāciju.

²⁴ Bads Ukrainas teritorijā 1932. un 1933. gadā, par tā upuriem kļuva miljoniem zemnieku. Ukrainā to sauca par *golodomoru* – tulkojumā 'bada nāve', uzsverot, ka bads bija apzināta padomju varas politika.

siltumu, brālēniem, māsīcām, viesībām. Es to visu atceros un augstu vērtēju.

Taisnības labad jāteic, ka mammai bija mazāk pozitīva vēsture, jo viņas tēvs bija vācietis. Un pat ne Vācijas vai Baltijas vācietis, bet no Krievijas dienvidiem – Taurijas guberņas. Ar viņu saistās dramatisks notikums. Viņš gāja bojā trīsdesmit deviņajā gadā, izdarot pašnāvību. Toreiz viņa sieva gaidīja trešo bērnu. Manai mammai bija trīs gadi, viņas vecākajam brālim pieci vai seši. Līdz šim nav zināms, kāpēc viņš tā izdarīja, taču ģimenei ir versija, ka viņš zinājis par gaidāmo arestu. Viņš strādāja par grāmatvedi kādā valsts iestādē. Viņam bijuši kaut kādi sakari, bet īsti to neviens nezina, jo visu mātes ģimenei četrdesmit pirmajā gadā izsūtīja uz Kazahstānu. Tas, kā es vēlāk uzzināju, saucās *tiesību ierobežošana*²⁵. Oficiāli nekādu apsūdzību viņiem neuzrādīja, tā bija izsūtīšana, tāpat kā čečēniem, Krimas tatāriem un Krimas grieķiem.

Mātei tas viss palicis spilgtā atmiņā un atgādina par sevi ar padomju cilvēkam neērto tēva vārdu – Genrikovna. Šī bērnības trauma tagad viņai saasinājusies. Viņa nekad nebija disidente, nē. Bet viņa vienmēr jūta šo ēnu, no kuras vajadzētu ja ne kaunēties, tad zināt, ka kādreiz tas var nākt gaismā. Viņa nekad man neteica, ka jutusi sirdsapziņas mokas, ka jādara tas, ko uzskata par nepareizu. Abi mani vecāki vienmēr dzīvoja saskaņā ar savu sirdsapziņu. Viņi nebija rietumnieciski, bet arī ne izteikti padomju garā noskaņoti. Nebija mums apziņas, ka esam padomju patrioti. Tās mums nebija. Bet par to visu es uzzināju stipri vēlu. Biju dzirdējusi, ka vectētiņš izdarījis pašnāvību, to es bērībā zināju, bet ne vairāk. Zināju, ka viņš tā kā bijis vācietis – to neslēpa, bet arī bieži neapsprieda.

Bet par Ukrainas vecmāmiņu man ir stāsts. Lūk, man te ir ikona, kurai nav nekādas mākslinieciskas vērtības, tā ir lēta tautas ikona. Bet... Laikam tas bija deviņdesmit piektajā gadā, kad aizbraucu pie vecmāmiņas uz Kijevu un, neko nopietnu nedomājot, pajautāju, vai mums nav saglabājusies kāda ikona. Iedomājos, ka lauku ļaudis mēdz glabāt ģimenes relikvijas, un mani tas ieinteresēja. Mana vecmāmiņa bija stingra sieviete, nekāda vienkārša lauku tantiņa. Un pēkšņi viņa sāka raudāt. Neko neteikusi, savos septiņdesmit piecos gados uzrāpās uz krēsla un no antresola dziļumiem izvilka šo ikonu. Šķita, ka viņa visu mūžu gaidījusi šo brīdi.

²⁵ Staļinistiskajā Padomju Savienībā “sociāli un politiski bīstamos elementus” nereti pakļāva ne tikai arestiem, bet arī izsūtīšanām.

Interesanti, ka viņa nekad par to nebija runājusi, taču glabāja, pārvācās no viena dzīvokļa uz citu un vadāja līdzi. Taču pat deviņdesmit piektajā gadā nebija to piekārusi, kaut gan drīkstēja. Es samulsu un arī, šķiet, raudāju. Lūk, šī ikona, lēts misiņa sakausējums, it kā nav nekādas vērtības, bet man tā stāv mājās.

Tāds ir manas ģimenes vēstures fons, kurā tagad saprotam, ka ne viss bijis labi un priecīgi. Tomēr viņos nebija aizvainojuma izjūtas. Un, kad es jautāju vecākiem, kā viņi jutās, abi teica: “Saproti, izjutām, ka valsts par mums rūpējas.” Tas tagad varbūt skan dīvaini, bet tā bija. Un mani pārsteidza, ka tagadējiem cilvēkiem tā nav. Maniem vecākiem vienmēr bijis plašs interešu loks. Ja tagad dzird apsūkājām tā laika iebraucējus par *pufaikniekiem* vai *maišelnikiem*, tas neattiecas uz maniem vecākiem. Viņus vienmēr interesēja zinātne, mājās bija daudz zinātnisku žurnālu. Katrā pilsētā apmeklējām muzejus, koncertus. Viņi bija inteligenti, kaut gan viņiem nebija kultūras mantojuma, ko nodod no paaudzes paaudzē.

Dzintara krelles

Un vēl. Ja runājam par to, kā vecāki uztvēra Latviju. No bērnības atceros tādu gadījumu. Kādai mūsu paziņai bija latviešu vecmāmiņa, ļoti veca sieviete, es viņu redzēju, viņu sauca Olga Fricevna, un šai ģimenei bija mājas pie Tērvetes. Un laiku pa laikam draudzīga kompānija no rūpnīcas brauca turp ciemos.

Mana mamma stāstīja, ka tas, ko viņa ieraudzīja pirmajā reizē, pārsteidza viņu līdz sirds dziļumiem. Tā bijusi trūcīga zemnieku māja, varbūt piederējusi skolotājiem, varbūt lauku intelīģencei, bet tie nav bijuši muižnieki. Tā bija lauku māja. Un, lūk, kad šī vecmāmiņa uzņēma viesus, viņa iznākusi garā kleitā ar dzintara krellēm. Tas pārsteidza manu māti, jo viņas māte nekad nav iznākusi pie galda garā kleitā ar krellēm, tas izskatījies kā kinofilmā. Tas palicis man atmiņā kā piemērs, ka šiem iebraucējiem, sauksim viņus par migrantiem, ir taču bijusi iespēja noskaidrot – kas tās par krellēm un kā te agrāk dzīvojuši. Tomēr tas nekad nebija dienas kārtībā. Visu par Latviju mēs sākām uzzināt no avīzes *Atmoda*²⁶ astoņdesmit deviņtajā gadā. Pirms tam par Latviju bija visai vājš priekšstats – mums

²⁶ Latvijas Tautas frontes avīze *Atmoda* latviešu valodā tika izdota 1988. gada decembrī (200 000 eksemplāru tirāža), nedēļu vēlāk avīze parādījās arī krievu valodā (100 000 eksemplāru tirāža) kā oriģinālizdevums; vēlāk krievu versijas nosaukums bija *Baltijas laiks* (*Балтийское время*). Avīze tika izdota līdz 1992. gadam.

latvieši bija tikai sarkanie strēlnieki un skaisti aktieri, kā Ivars Kalniņš²⁷ un Vija Artmane²⁸.

Rietumu robeža

Tagad pastāstīšu, kā es Rīgu uztvēru. Tāds pārejas brīdis, kas veidoja manu Baltijas identitāti, bija laiks, kad mēs no Juglas pārcelāmies uz centru. Un patiesi – te visa apkārtnē, nami, pats centrs... Viena lieta, kad atbrauc ekskursijā, cita, kad var te dzīvot. Un mēs sākām iedzīvoties. Tad sākās arī mana aizraušanās ar Franciju, un man šķita: ak dievs, tā tiešām ir mazā Parīze!

Radās sajūta, ka mēs esam citādi. Kad aizbraucu pie radniekiem uz Kijevu vai Simferopoli, likās: nē – tur viss ir citāds. Man patika pierādīt saviem radiem un paziņām ārpus Latvijas, ka mēs esam citādi, mēs esam Eiropa, mums viss ir brīnišķīgi. Te bija PSRS rietumu bastions.

Mana jaunība saistās ar septiņdesmito gadu beigām, astoņdesmito gadu sākumu. Tieši tad iznāca Podnieka filma *Vai viegli būt jaunam?*²⁹. Satriecoša. No vienas puses, tas bija it kā par mums, kaut gan manu tuvāko paziņu vidū nebija Afganistānā karojošo vai narkomānu (starp citu, būtu interesanti tagad noskatīties šo filmu, sen neesmu redzējusi). Tā bija pavisam cita kino valoda. Skanēja... *Mašīna vremeņi*³⁰, *Akvāriums*³¹, *Bitli* – tāda mūzika! Kā gan iespējama tāda mūzika uz *Pesņari*³² vai tamlīdzīga fona?! Tad man atvērās, kā tagad saka, *rietumu čakra*. Tas viss nāca galvenokārt ar mākslu. Man šķiet, ka pienācīgi nenovērtējam estētiskos uzskatus savas personības veidošanā. Tieši ar mākslas starpniecību bieži nonākam pie politiskās pārliecības: kas mums patīk, kas ne, kas mūs padara labākus, kas paceļ un kas ne.

Kādas bija *Mākslas dienas*³³! Tās bija pilnvērtīgas izstādes, mūsdienīgas, profesionālas. Bija daudz diskusiju, galvenokārt latviešu valodā, bet varēja pārlēgties bez problēmām uz krievu. Man nebija sajūtas, ka latviešu kultūra tiktu izsmieta un apspiesta. Cita lieta, ka es maz zināju un arī tagad,

²⁷ Ivars Kalniņš (dzim. 1948.) – latviešu teātra un kino aktieris.

²⁸ Vija Artmane (1929–2008) – latviešu kino un teātra aktrise.

²⁹ Juris Podnieks (1950–1992) – latviešu režisors, scenārists, operators. Filma uzņemta 1986. gadā.

³⁰ *Машина времени (Laika mašīna)* – 1969. gadā dibināta Krievijas rokgrupa.

³¹ *Аквариум (Akvārijs)* – 1972. gadā dibināta Krievijas rokgrupa.

³² *Песняры (Dziesminieki)* – baltkrievu estrādes ansamblis, dibināts 1969. gadā.

³³ Ikgadējās Mākslas dienas notiek kopš 1959. gada aprīļa, to programmā ir mākslas izstādes, koncerti, atvērto durvju dienas mākslinieku darbnīcās; īpaši lielu vērienu sasniedza 70. gadu otrajā un 80. gadu pirmajā pusē.

iespējams, maz zinu, ka bija rakstnieki, kurus nedrukāja, un tā tālāk. Kad man tagad stāsta par tautu draudzību PSRS, es saku, ka tas ir mūsu, krievu tautas, skatījums. Piemēram, no manu klasesbiedru ebreju skatupunkta tautu draudzība izskatījās citādi. Tāpat arī citāda tā bija tādu latviešu bērnu skatījumā, kuru vecvecāki bijuši izsūtīti uz Sibīriju. Bet, ja runāju par sevi, tad, jā, mums bija ļoti stipri iepotēts internacionālisms, tagad šis vārds nav modē. Bet toreiz tā tas tiešām bija.

Bērnība netraucēja man domāt

Es pārskatīju domās savus klasesbiedrus, padomju laikā man tas pat nebūtu ienācis prātā. Mēs klasē bijām trīsdesmit trīs skolēni, ar krievu uzvārdiem bija trešā daļa. Bija trešdaļa ebreju un trešdaļa ar neparastiem uzvārdiem, tostarp mans ukraiņu uzvārds. Reiz klasē izcēlās kautiņš starp krievu un ebreju zēnu. Kaut gan iemesls bija kāda meitene, kurā abi bija iemīlējušies, kautiņš kļuva nopietns, jo ebreju zēns pamanījās izvilkt savu kabatas nazi. Viņš neievainoja stipri, tomēr tas bija satricinājums, iejaucās milicija. Kā vēlāk stāstīja tas puisis Simka, otrs viņu nosaucis par “žīda purnu”, un viņš nesavaldījies. Un es toreiz teicu, ka viņš varēja nesavaldīties. Man jautāja: “Kā tu to zini, tu taču neesi ebrejiete?” Bet es varēju apjaust, kā ir – būt ebrejam! Mēs klasē ar skolotāju atļāvāmies apspriest, kas tas ir – antisemitisms. Bieži mēs rīkojāmies, daudz nedomājot, kas būs tālāk.

Man bērnība bija tāda, ka tā netraucēja domāt. Protams, tagad es labprāt izlasītu grāmatas, kuras agrāk nelasīju. Mani interesē Austrumeiropas vēsture pēc Pirmā pasaules kara un vēlāk. Vispār cilvēks varēja pats sevi veidot, varbūt iespēju bija mazāk nekā tagad, bet bija.

Man skolā ļoti nepatika ārišķības, bet tādu bija daudz. Kaut gan tagad, aizejot uz skolu pie savām meitām, skatos – tas viss jau ir pārdzīvots. Iespējams, nav cita veida, kā audzināt bērnus, vajag, lai visur būtu izkārti līderu – Ļeņina vai kāda cita – portreti... Arī tagad man skolas ārišķības nav pieņemamas.

Pusaudžu vecumā mani skolā nomocīja sajūta, ka nedzīvojam normālā, bet kaut kādā mākslīgā vidē. Piemēram, mani interesēja vēsture. Bet, lasi, par kuru periodu gribi, tur ir tikai cīņa, pretestība, notikums. Un viss pēc vienas shēmas: ražošanas spēki un ražošanas attiecības, Lielā Oktobra revolūcija (vienmēr attēlota no viena skatupunkta), kaut kas pazib, bet visu

laiku jūtams, ka daļa informācijas tiek slēpta. Tāpēc pozitīvu šoku izraisīja *atklātums*³⁴. Šodienas cilvēkam grūti saprast, kas mums bija Gorbačova pasludinātais atklātums. Tas bija satricinājums, tā bija sajūta: tu sēdi piesmaukušā istabā, un tev atver logu! Un nav svarīgi, vai laiks ir labs vai slikts, bet tu jūti svaigu gaisu. Tu drīksti spriest, novērtēt.

Es ļoti labi atceros savas izjūtas desmitajā klasē, kad mūs savāca no stundām un lika noskatīties televizorā PSKP divdesmit piektā kongresa atklāšanu³⁵. Un tur, protams... Šausmas! Brežņevs bija nožēlojams līderis. Bija tāda kauna sajūta, jo tas bija slims, vecs cilvēks. Es nezinu, kāds viņš bija jauns, tagad daži vēsturnieki viņa lomu vērtē arī pozitīvi. Taču redzēt viņu – ar tām šausmīgajām uzacīm, vienā un tajā pašā uzvalkā ar daudzajiem ordeņiem, šļupstam – un domāt, vai tiešām viņš ir vislabākais. Vadonim taču jābūt vislabākajam! Mēs viņu izvēlējāmies, mēs taču it kā demokrātiskā valstī dzīvojam, ne jau Dievs viņu mums sūtīja. Un, lūk, tas ir mans līderis! Tas mani ļoti nomāca. Bija sajūta, ka tas nekad nebeigsies un tā jādzīvo mūžīgi.

Nacionālais kadrs

1982. gadā aizbraucu uz Maskavu un iestājos Maskavas Valsts universitātē kā Latvijas nacionālais kadrs. Interesants stāsts, jo – kāds gan es nacionālais kadrs? Eksāmenus kārtojām šeit, bet vietas jau bija rezervētas, un tas rīdzinieks, kuram laimējās, varēja braukt. Mēs guvām lielas priekšrocības, jo iestāties Maskavas universitātē bez privātskolotājiem nebija iespējams. Noliku eksāmenus un devos uz savu fakultāti. Vienlaikus ar mani eksāmenus kārtoja kāda latvieti uz citu fakultāti, bet arī MVU. Taču viņas vietā iekļuva mana draudzene ar labākām atzīmēm. Tad draudzenes vecākus izsauca uz Izglītības ministrijas attiecīgo nodaļu un teica: “Jā, jūsu meitai ir labākas atzīmes, bet mēs gribam turp nosūtīt latvieti, jo tā vajag. Jūsu meitai atradīsim citu vietu.” Un viņai piedāvāja izvēlēties no vairākām slēgtām vietām, kuras netika piedāvātas konkursā. Eksāmeni vairs nav jākārt, vienkārši jāpārraksta dokumenti, bet viņas vieta jāatstāj latvietei. To man draudzene izstāstīja, un man nav iemesla viņai neticēt.

³⁴ Krieviski autore lieto vārdu *гласность* – viens no trim Mihaila Gorbačova 80. gadu reformu virzieniem (atklātība / *гласность* – pārbūve / *перестройка* – pātrīnājums / *ускорение*): cenzūras vājināšana, informācijas barjeru likvidācija, tautsaimniecības sistēmas kritika.

³⁵ PSRS Komunistiskās partijas XXV kongress notika Maskavā no 1976. gada 24. februāra līdz 5. martam.

Universitātē iestājāmie septembrī. Maskava man iedvesa šausmas, jo man patīk mazāki horizonti un mērogi. Kad es ieraudzīju to milzīgo pilsētu... Maskava bija ļoti vienmuļa. Ja tagad tai ir savs stils, tad toreiz bija lielas pelēkas ielas, uz katra nama milzīgi pelēki burti *Slava PSKP!* Pārtikas nekādas, es pirmajā kursā ēdu tikai pelmeņus un kūkas, jo nekā cita nebija. Tas bija 1982. gadā. Kad biju iestājusies, lūdzos, lai mani laiž atpakaļ uz mājām, negribu mācīties. Un, kad mana māsa, kas uzstāja, lai mācos Maskavā, jo Rīgā nav iespēju, jautāja, kas man tur nepatīk, es labi atceros savu spontāno atbildi, gandrīz vai raudot: “Tur taču visas izkārtnes vienādas!” Rīga bija spilgta ar visiem saviem festivāliem, jau sāka parādīties Eizenšteins³⁶, mazāk angažētie vārdi, piemēram, Mandelštams³⁷, kuram, kā zināms, vec-tēvs bija no Rīgas, mākslas instalācijas. Lielu lomu manā identitātes apziņā spēlēja apkārtējo sajūsma: “Cik pie jums lieliski, kādi jums veikali, kādas kafejnīcas, kādas pludmales, cik visa kā daudz!” Cilvēki, kas atbrauca uz Latviju, bija sajūsmā.

Nonākusi Maskavā, es ieraudzīju, ka maskavieši ir ļoti noslēgti ļaudis. Mūs, kas dzīvojām kopmītnēs, var teikt, vienkārši ignorēja. Viņiem provinciāli bija tukša vieta. Tas bija ļoti izteikti. Mēs dzīvojām kopmītnē, un starp maskaviešiem un kopmītnes iemītniekiem praktiski nebija nekādu kontaktu. Vienīgais cilvēks, kuru pieņēma, biju es. Jo nebiju no Kalugas vai Kazanā, bet taču no Rīgas. Kādu brīdi – tas varēja būt 3. kursā – pie manis stāvēja rindā, kurš brīvdienās varēs atbraukt viesos uz Rīgu. Rīga bija ļoti pieprasīta.

Dzīvot nevis traģēdijā, bet farsā

Un Brežņevs nomira. Un tas viss vēl turpinās, līdz Gorbačovam vēl divi gadi, bet pēkšņi sāk domāt – ak dievs, tas tomēr var beigties! Kādi mēs būsim? Parādījās dažādas publikācijas, kas satrauca prātus. Pēkšņi šķita, ka vēl ne visu var, daudz ko nevar, bet nav vairs baiļu. Un sajūta, ka tu dzīvo nevis traģēdijā, bet farsā. Un sākās visādi jociņi, turklāt jokoja visi – gan krievi, gan pārējie. Maskavieši izturējās ļoti piesardzīgi. Mums Rīgā nekad nebija spiegu mānijas. *Stučišanas* netrūka arī Rīgā, bet ikdienā ar to nesaskārāties.

³⁶ Runa ir par Mihailu Eizenšteinu (1867–1920), režisora Sergeja Eizenšteina tēvu, kas bija būvzinātnieks, vairāku Rīgas jūgendstila ēku projektu autors. Ir domāta 80. gadu beigās atdzimušai interese par jūgendstila arhitektūru Rīgā.

³⁷ Osips (Josifs) Mandelštams (1891–1938) – dzejnieks, rakstnieks, tulkotājs un kritiķis. Autobiogrāfiskajā grāmatā *Шум времени (Laika troksnis)* (1923) O. Mandelštams apraksta, kā viņš apciemojis savu Rīgas vectētiņu un vecmāmiņu.

Bet Maskavā allaž – ja stāstīja anekdoti par Brežņeva bērēm, trīs cilvēki no katriem desmit sašuta: “Nu, ko jūs!”

Mana komjaunietes jaunība ir komisku atgadījumu savirknējums. Lūk, otrais kurss, astoņdesmit trešais gads. Es pirmoreiz nokļūstu Ungārijā, jo esmu viena no labākajām studentēm un mūs sūta uz jauniešu nometni ieviest ungāru biedriem izpratni par *saprātīgo-labo-mūžīgo*³⁸. Kā mēs pavadījām tur laiku, tas ir atsevišķs stāsts. Atceros, ka meitenes – vidusskolnieces man jautāja: “Ja jau esat tik labi, kāpēc šeit stāv jūsu tanki?” Man nebija ko atbildēt.

No mazas pilsētiņas ar elektrisko vilcienu atgriezāmie Budapeštā. Esam četras meitenes, dažas brauc arī nākamajā vagonā. Pie mums pie-nāk bariņš formās tērpušos jaunu ungāru zaldātiņu, kuri arī no kaut kurienes brauc. “No kurienes jūs, meitenes? Ak, Maskava, *Katjuša*, *Varen plaša mana zeme dzimtā*³⁹, miers, draudzība!” Puiši atnesa mums alu no bufetes, iedzērām, viņi mums parādīja, kā dejo čardašu, viss, nekā nepiedienīga. Atgriezāmie Maskavā, pagāja mēnesis, mani izsauc uz universitātes komjaunatnes komiteju un liek rakstīt paskaidrojumu par amorālu uzvedību. “Kādu amorālu uzvedību, kur?” – “Vilcienā. Tu lietoji alkoholu ar ungāru armijas karavīriem.” Tur bija četras meitenes. Visas no vienas fakultātes. Nu, tātad viena nosūdzējusi. Man šādos brīžos paaugstinās adrenalīna līmenis asinīs un es prasu: “Vai viņu ziņotājs teica, kādas dziesmas mēs dziedājām? Mēs dziedājām *Katjušu* un *Varen plaša...*, mēs mācījām viņiem internacionālismu, tā arī pierakstiet!” Tad ierēdnim atkāpās žoklis, jo viņš saprata šo spēli. “Labi,” viņš saka, “velns tevi rāvis!” Un nelika man neko parakstīt, tikai pateica frāzi, ko es dievinu un kura man prātā vēl šodien: “Tagad, Stroja, tu uz ārzemēm ne vella nebrauksi!” Katru reizi, kad es ierodos kādas brīvas valsts lidostā, es atceros šo atgadījumu.

Pēc universitātes beigšanas, tas bija astoņdesmit septītajā gadā, man atnāca vēstule no komjaunatnes, ka neesmu izstājies no tās un pilnībā samaksājusi biedra naudu. Biju tik drosmīga un atbildēju, ka neuzskatu sevi par piederīgu šai organizācijai, izstājos, un biedra karti viņi var paturēt par piemiņu. Mēs jau bijām kļuvuši drosmīgi. Mana mamma piecdesmitajos vai sešdesmitajos to nekad neatļautos. Mēs varējām.

³⁸ Ironiska atsauce uz citātu no krievu dzejnieka Nikolaja Ņekrasova (1821–1878) dzejoļa *Сятелям* (*Sējējiem*) (1876), kas krievu kultūrā kļuva par spārnoto teicienu: “Sējiet saprātīgo, labo, mūžīgo!”

³⁹ Ir domāti populāro padomju dziesmu nosaukumi.

Un, to visu redzot Maskavā, es teicu: “Nē, esmu no Rīgas. Nē, es esmu rīdziniece. Es esmu rietumnieciskāka.” Un, kad viņi atbrauca uz Rīgu, visi teica to pašu: “Jā, jūs esat citādi.”

Rīgas identitāte

Kādu laiku mani nomocīja jautājums, kā sevi saukt. Man patīk vārds *latvijietis*, es bez šaubām uzskatu sevi par latvijieti. Man pat bija intervija *Dienā*, es tur stāstīju par sevi, un virsraksts bija “Pēc tautības esmu rīdziniece”. Man bija svarīga pieredze Rīgai, iespējams, ka Latvijai – mazāk.

Es droši vien tā arī nekļuvu par Latvijas patrioti. Tas skan ciniski, bet mani tas neinteresē. Šī vēsture un kultūra mani nesaista intelektuāli, tur ir maz tā, ar ko es varu identificēties. Tā ir iznācis. Izvēle nav liela. Tas, kas tur ir, mani dziļi nesaista. Ja es būtu jauneklis un latvietis, es droši vien tolaik, agrajos deviņdesmitajos, – tagad runāju hipotētiski – aizrautos ar ideju par leģionāriem, kas stājās pretī sarkanajām ordām. Tomēr manai iekšējai konstitūcijai nav rezonanses ar latviešu kultūru. Ar Rīgu gan. Tas ir Eizenšteins, Arkādijš Raikins⁴⁰, Bulgakova sieva Jeļena Sergejevna⁴¹, kas, kā zināms, arī nāca no Rīgas, Vera Muhina⁴². Tas ir tāds vietējās krievu kultūras slānis. Reiz, kad es biju “integrācijas rupors”, man tādēļ radās kompleksi, tagad pret to attiecos mierīgi.

Ja man būtu jāsniedz politiskais vērtējums, man šķiet, ka uzsvars uz kultūras integrāciju ir kļūdaini un bīstami. Kāda tam jēga? Ja cilvēkam ir vienaldzīgas dainas, lieciet viņu mierā! Kā gan pēc tā var spriest par cilvēka lojalitāti?

Starp citu, par visu to es daudz esmu runājusi konferencēs par integrāciju, vienu gadu taču biju krievu *Dienas* redaktore. Reizēm mēģināju latviešiem izskaidrot, toreiz ticēju, ka par to ir jārunā. Var būt, ka cilvēki nezina, ko jūt vietējie krievi, tāpat kā es, nosacīti runājot, neko nezinu par trimdu un bēgļu gaitām, par Sibīrijā izsūtīto ciešanām. Arī jūs visu nezināt – es jums pastāstīšu. Bet pārliecinājos, ka tas nevienam neinteresē. Varat runāt, rakstīt, akmeņi iecirst – nē! Tagad skaidri saprotu, ka mums nav kopēju

⁴⁰ Arkādijš Raikins (*Аркадий Исаакович Райкин*, 1911, Rīga – 1987, Maskava) – teātra, kino un estrādes aktieris, teātra režisors un satīriķis. Senči mātes līnijā bija rīdzinieki vairākās paaudzēs. Aizbrauca no Rīgas kopā ar vecākiem piecu gadu vecumā.

⁴¹ Jeļena Bulgakova (*Елена Сергеевна Булгакова / Нюрнберг*, 1893, Rīga – 1970, Maskava) – kopš 1932. gada rakstnieka un dramaturga Mihaila Bulgakova sieva, viņa literārā mantojuma glabātāja.

⁴² Vera Muhina (*Вера Игнатьевна Мухина*, 1889, Rīga – 1953, Maskava) – tēlniece, monumenta *Strādnieks un kolhozniece* (1937) autore. Piedzima pārticīgā Rīgas tirgotāja Ignata Muhina ģimenē.

vērtību. Šobrīd. Bet, ja man vajag oficiālos dokumentos angļiski vai franciski ierakstīt tautību – *nationalité*, mierīgi rakstu *Lettonie*⁴³, un mani tas neuztrauc. Jā, tā ir mana pārliecība. Latvija ir mana zeme tādā nozīmē, ka esmu te dzimusi un te dzīvoju.

Man krievu kultūra, protams, vispirms saistās ar valodu. Iespējams, ka visu uztvertu citādi, ja būtu bilingvāla. Šiem cilvēkiem varbūt ir vēl grūtāk izšķirties, tāpat kā bērniem izvēlēties, ko mīli vairāk – māti vai tēvu. Pašlaik man nav latviešu valodas, manā tuvākajā apkaimē tās nav. Es protu runāt un varu pret to attiekties vienīgi tāpat, kā katrs jauns cilvēks, kam jāprot angļu valoda. Man saka: “Mūsu vērtība ir mūsu valoda.” Bet tā ir jūsu vērtība! Kāpēc jūs gribat, lai tā būtu manējā? Es taču nevaru izturēties pret to labāk nekā pret savu dzimto valodu!

Gribēju veltīt dzīvi krievu un latviešu valodas sakariem

Es tik pozitīvi pieņēmu pārbūvi, Brežņeva maiņu, ka to izjutu ar katru nervu šķiedru. Atgriezos Rīgā 1987. gadā, tūlīt piedzima mana meita, un divus gadus biju dekrēta atvaļinājumā. 1989. gadā gribēju sākt strādāt, bet darba vairs nav! Atnācu uz Izglītības ministriju un teicu: “Jūs mani sūtījāt uz Maskavu, varbūt jums deru? Speciāli studēju moderno krievu valodu un gatavojos sevi veltīt latviešu un krievu valodas sakariem.” Ir astoņdesmit devītais gads, un ministrijā jau saprot, ka pēc krievu valodas vairs pieprasījuma nav.

Iznāca, ka es atbraucu, bet te jau cita valsts, citi karogi un dziesmas. Viss izšķīdis. Jāatzīst, ka man tas patika, bet es nevarēju iedomāties, ka es esmu tāda pati. Ja būtu latviete, iespējams, arī balsotu par *tēvzemiešiem*⁴⁴, jo spēju saprast šo nacionālo degsmi, sajūsmu, radikālismu. Bet tā neesmu es, nevaru izlikties. Karjeras dēļ to nedarišu. Man visu laiku gribas redzēt multikulturālu, ja ne Latviju, tad Rīgu. Rīga ir pavisam kas cits nekā Latvija. Mēs redzam, ka te ir dažādu kultūru sajaukums.

Mani šokēja Pilsonības likums. Tu vari pieņemt dažādus vēstures skaidrojumus, bet tiesību ierobežošana bija kaut kas neticams. Ļoti ilgi nevarēja šo jautājumu atrisināt.

Atceros, ka stingrāku pilsonības variantu nekā šobrīd pieņēma Līgo

⁴³ Tulkojumā no franču valodas – Latvija.

⁴⁴ Nacionāli konservatīvās partijas *Tēvzemei un brīvībai* (1993–1997) biedri.

svētkos. Pēc tam Ulmanis⁴⁵ to pārskatīja, un tas stājās spēkā oktobrī⁴⁶. Tas bija 1994. gads. Es toreiz strādāju, lai cik dīvaini tas arī būtu, *Lauku Avīzē*⁴⁷. Speciāli tur aizgāju, lai uzzinātu, ko domā latvieši. Es viņus nepazinu kā tautu. Mums, reklāmu birojā, bija labas attiecības, mums izveidojās kompānija – divi krievi, divi latvieši. Eju uz darbu pirms Līgo svētkiem un uzzinu, kāds likums pieņemts⁴⁸. Eju uz darbu nikna, jutos nodota. Un domāju – kālab jūs neiestājāties par mums, jums bail?

Jūs pieņemat no manis naudu – strādāju reklāmas aģentūrā, nevis žurnālistikā. Vai tiešām pilsoniskā izpratnē es neko nenozīmēju? Nepilsonis – kā kaut ko tādu spēj izdomāt! Un atceros, ka eju tāda nokaitināta, jutos personīgi nodota. Bet kolēģis latvietis ir galdu uzklājis, apsveic mani ar Jāņu pušķi. Tobrīd sapratu, ka ar cilvēkiem varēs izveidot attiecības, bet ar šo valsti – grūti būs.

Es saprotu valstiskās pēctecības ideju, arī es esmu ideāliste, un tas viss skaisti skan. Un atceros mēreno politiķu solījumu – krieviem paciesties. Ievēlēsīm pirmo Saeimu, un viss būs labi. Ļaujiet to ievēlēt pilsoņu pēcteciem, lai atjaunotu saikni, ko pārrāva padomju okupācija. Un es padomāju – nu, labi – ļausim! Bet kāda ir Saeima šodien? Cik cilvēkiem joprojām nav iespējas vēlēties?

Naturalizējos bez iekšēja protesta

Naturalizējos bez iekšēja protesta. Esmu pret naturalizācijas kārtību kā tādu. Ja man būtu jāizvēlas, es tādu neizvēlētos (es – par nulles variantu), bet es pieņemu šo kārtību. Jo saprotu, ka četrdesmitais gads nojauc jebkuru kārtību, lai kā mēs to sauktu – par aneksiju vai okupāciju, viena no abām tā noteikti bija. Tas, protams, bija starptautisko tiesību pārkāpums, kas sagrāva Latvijas valstiskumu, par to man šaubu nav.

Vēlāk mani uzaicināja strādāt krievu *Dienā*. Veselu gadu pārzināju rubriku *Pilsonība*. Man vienmēr bija *anonse* pirmajā lappusē, pēc tam gan drīz lappuse iekšpusē. Bija ideja runāt ar dažādiem cilvēkiem, kas var, bet

⁴⁵ Guntis Ulmanis (dzim. 1939.) – pirmais Latvijas prezidents pēc Latvijas Republikas neatkarības atjaunošanas (1993–1999).

⁴⁶ Pilsonības likums Saeimā pieņemts 1994. gada 22. jūlijā.

⁴⁷ *Lauku Avīze* – Latvijas nacionāli konservatīvs dienas laikraksts, iznāk latviešu valodā kopš 1988. gada. Šobrīd tiek izdots ar nosaukumu *Latvijas Avīze*.

⁴⁸ Runa ir par likuma pirmo variantu, kuru Saeima pieņēma 1994. gada jūnijā, bet Latvijas prezidents to nav parakstījis un nosūtīja Saeimai atkārtotai izskatīšanai.

negrib, kas grib, bet nevar naturalizēties, ko ļaudis izjūt, kā viņi uztver šo situāciju, ko viņiem nozīmē pilsonības iegūšana. Un vairums cilvēku, pat tie, kas bija apvainojušies, teica, ka tomēr pieder Latvijai, viņi ir no šejienes. Aizvainojoši tas bija tālab, ka nav vienalga, ja būtu vienalga, nospļautos uz jūsu pilsonību un brauktu prom. Kā tagad, starp citu, daudzi dara – piemaksājiet, lai ņemtu jūsu pilsonību! Toreiz tā nebija.

Jūtu revīzija

Pastāvīgi 4. maijā⁴⁹ es uzdošu sev vienu un to pašu jautājumu. Esmu balsojusi par Latvijas neatkarību referendumā. Toreiz man nebija šaubu. Nebija jāizvēlas starp jā un nē. Protams, ka jā! Un es sev jautāju – man taču ir tiesības revidēt savas jūtas, – es sev jautāju, vai tagad es balsotu par neatkarību? Vēl pirms pāris gadiem – jā, neraugoties ne uz ko. No sākuma sev teicu – balsotu bez variantiem, vēlāk – padomātu, bet balsotu par. Pēc tam: par spīti visam, par. Bet tagad secinu – var būt, ka teiktu nē. Kāpēc man jāķļūst par *lūzeri*? Varētu pajautāt – kāpēc *lūzeri*, karjera taču veidojās, jā, veiksmīga. Kad strādāju par krievu *Dienas* redaktori, katru mēnesi bija droši vien kādas divas svinīgās pusdienas vēstniecībās. Pēc tam jau smējos, pati nopelnu, neiešu vairāk uz bezmaksas pusdienām pie sūtņiem. Man tas vairs nešķita interesanti.

Kāda tagad ir mana nostāja pret pārmaiņām? Visiem saviem krievu kolēģiem (pajautāji sev paši) saku: “Vai šīs pārmaiņas ir paplašinājušas jūsu dzīves telpu vai sašaurinājušas?” Ļoti pragmatisks jautājums: “Vai jums ir radies vairāk iespēju vai mazāk?” Un man bieži vien šķiet, ka man iespēju tomēr tagad ir mazāk. Es nedomāju, ka vajadzētu atgriezties totalitārā sistēmā. Pilnīgi skaidri apzinos, ka nejūtos aizvainota. Es nedzīvoju slikti. Tomēr man ir nojauta: ja es būtu latviete, es būtu ja nu ne Saeimā vai sūtniecībā, tad kaut kur tuvumā. Nesaku, ka mani tiši atstumj, bet krievu valoda ir mana dzimtā valoda. Es nevaru runāt latviski tāpat kā krievu valodā. Es taču domāju krievu valodā. Un man jāraksta manā valodā.

Es biju publisks cilvēks, aģitēju par to pašu integrāciju. Un tagad negribu ieņemt grēku nožēlotājas Magdalēnas lomu – sist sev pie krūtīm un teikt, ka man nebija taisnība, nevajadzēja vest jūs pa šo ceļu, ka valsts mums ir sliktā un latvieši slikti. Protams, žurnālistikā var rakstīt arī par citiem

⁴⁹ Latvijas Republikas neatkarības atjaunošanas diena.

tematiem, tomēr no manis gaida tieši par šo. Bet es nevaru un negribu vairs to. Latviski negribu rakstīt, jo neizjūtu valodu. Tas nesagādā profesionālu gandarījumu.

Jo tālāk, jo traģiskāk es visu to uztveru. Man saka: “Nu, ko tu, sadzīves līmenī taču viss kārtībā!” Bet kāpēc jūs pazemināt dzīvi līdz sadzīves līmenim? Veikalā runāju latviski, ja runāju ar latvieti – man nav grūti runāt latviski. Kāpēc divvalodību jūs neuzskatāt par normālu?

Man vienmēr licies, ka viss nokārtosies un būs normāli. Patiesībā visu laiku jau latvieši un krievi taču kopā dzīvojuši. Bet šodien latvieši krievu valodu jau aizmirsuši, bet krievi latviešu vēl nav iemācījušies. Kā tad nu mēs viens otru sapratīsim?

Man saka: “Mums vajag kopīgas vērtības!” Vērtībām ir emocionāls raksturs. Kāds filozofs teicis: “Par vērtībām nestrīdas, tās izpauž.” Nekad strīdā nedzims patiesība tur, kur nav kopīgu vērtību. Tāpēc tik neauglīgas mūsu diskusijas par integrāciju. Cienot cilvēku vai cilvēku grupu, jāsaprot, kas otram ir svarīgs, un nevajag kāpt uz varžacīm. Nenoniecīniet svešas vērtības, vairāk stāstiet pozitīvo par savām, tad arī tās kādā brīdī kļūs otram tuvākas!

Tulkojusi Baiba Burtneiece

Intervija NMV-4242

Kompozīciju veidoja un intervēja Marija Assereckova, Rīgā, 2015

VLADISLAVS BOROVKOVŠ

Dzimis Rīgā, 1974. gadā. Dzimtas saknes ir gan Latvijā, gan Krievijā. Tēvu piecu gadu vecumā atved no karā nopostītās mājvietas Pleskavas apgabālā. Uzaug Bolderājā, kur vienkopus dzīvo daudz militārpersonu. Studējis radioelektroniku Rīgas Radioelektronikas aparātbūves tehnikumā⁵⁰, bet pašlaik strādā kokapstrādes uzņēmumā. Ar bakalaura grādu kultūras projektu vadībā beidzis Baltijas Starptautisko akadēmiju. Ģimenē aug divi dēli.

TĀDS BIJA MŪSU RAJONS

Varu izstāstīt savu stāstu

Es visu labi atceros. Varu izstāstīt savu stāstu. Mana māsa par to ļoti interesējas, es mazāk, bet mani tas arī interesē. Runājot par mūsu ģimeni, principā gadījās tā, ka tēvs nokļuva Rīgā piecu gadu vecumā. Viņa ģimene atbrauca no Krievijas, no Pleskavas apgabala, Neveļas rajona, kas ir astoņus kilometrus no robežas ar Baltkrieviju. Un Latvija turpat blakus, viss tur ir blakus. Lūk, tur, kur robežas saiet kopā. Karā mans vectēvs gāja bojā. Māsa atrada viņa kapu, kā nesen noskaidrojās, viņš regulārajā padomju armijā nav karojis. Slēpās mežos. Tas ir, faktiski viņš dzīvoja mežos. Viņš nebija partizāns, tāpēc viņu iesauca, kad [šo teritoriju] atbrīvoja Sarkanās armijas galvenās daļas. Mobilizēja, un tūlīt pēc divām trim nedēļām viņš gāja bojā kaut kādā uzbrukumā. Māsa atrada, ka Pleskavas apgabālā ir kaps, to ne tik sen bija atraduši meklētāji. Tas ir, viņu iesauca armijā piespiedu kārtā. Līdz 1944. gadam viņš vienkārši dzīvoja vāciešu okupētajā teritorijā, dzīvoja līdzās savai ģimenei. Ģimenē – četri bērni. Trīs meitas un mans tēvs, jaunākais. Viņš piedzima 1944. gadā. Savu tēvu netika redzējis, cik man ir zināms.

⁵⁰ Nosaukums no 1985. līdz 1992. gadam, tagad – Rīgas Tehniskā koledža.

Bet, kad vectēvs aizgāja bojā, beidzās karš, māja laukos nodega, nebija, ko ēst... Izvēle vienīgi – braukt uz *Pīteru* vai Rīgu. Radinieki viņiem palīdzēja pārcelties uz Rīgu. Vecāmāte strādāja *Lignumā*, tagad tas ir *Latvijas finieris*. Viņi dzīvoja kaut kādās barakās Bolderājā. Kā piecus gadus vecs atbrauca, tā dzīvoja Bolderājā. Tur pabeidza 33. vidusskolu, nu un visu mūžu ir nodzīvojis Latvijā.

Ja par mammu runājam, tad viņa dzimusi Latvijā, līdz trīs gadu vecumam dzīvoja Siguldā. Tad vecāmāte pa mamma līniju izšķīrās, un viņi aizbrauca uz Sebežu. Viņi no Sebežas cēlušies. Kad mammu uz Sebežu aizveda, viņa krieviski vispār nemācēja. Prata tikai latviski, jo bija dzīvojusi Siguldā. Bet pēc tam, kad pabeidza skolu septiņpadsmit gadu vecumā, atgriezās Rīgā mācīties, strādāt. Bet viņas ģimene – māte, vecāmāte (mana vecvecmāte) un divi brāļi – aizbrauca uz Ukrainu. Tur ir daudz radu, Marinpolē, pie Azovas jūras.

Pa tēva līniju atkal ir neskaidras aizdomas, ka varētu tā kā pretendēt uz Latvijas pilsonību. Pamatojoties uz to, ka pastāv stāsts, nezinu gan, cik ticams, ka mans vectēvs pa tēva līniju ir bijis diezgan turīgs. Tas ir, viņam bija savi zirgi, bija kalpi, un viņu *atkulakoja*⁵¹. Sievu viņš meklēja izglītotu, lai viņa prastu lasīt, rakstīt. Viņam vajadzēja, lai vadītu saimniecību. Un sieva it kā no Rēzeknes atvesta. Stāsta, ka viņa nav bijusi pareizticīgā, ka viņu pārkristīja. Tāds nostāsts ģimenē ir. Bet lieta tāda, ka baznīca ar visu arhīvu kara laikā nodegusi.

Tēvs strādāja tirdzniecībā par ledusskapju iekārtu meistar, par rūpnieciskajām iekārtām. Viņš apkalpoja lielās saldēšanas kameras. Mamma strādāja bērnudārzā. Pabeidza pedagoģisko tehnikumu kā bērnudārza audzinātāja, viņa tikai nupat aizgāja pensijā. Pēc Latvijas valdības prasības viņa pabeidza paātrinātos kursus, dabūja bakalauru kā pasniedzēja⁵². Bērnudārzs bija pretim mūsu mājai, kur mamma joprojām dzīvo, un pa logu redzams, kur viņa strādāja.

Mēs vienmēr bijām kopā

Man lielākā daļa dzīves norit Daugavgrīvā. Rajons toreiz bija tāds..., nu bija tāda sajūta, ka tur visi ir savējie. Visi viens otru pazīst. Varbūt

⁵¹ No krievu val. *раскулачить: раскулачивание* – politiskās represijas, kuras padomju vara vērsa pret turīgiem zemniekiem.

⁵² Ir domātas prasības pirmsskolas izglītības iestāžu pedagogu izglītībai: profesionālais bakalaura grāds izglītībā.

varētu teikt tā – liels ciems, noslēgta pasaule, tāda labvēlīga un draudzīga atmosfēra kā vienā kopienā. Vispār bija daudz militārpersonu ar ģimenēm, jo vēsturiski tur atradās kara bāzes. Mana ģimene nebija militāra. Kad piedzimu es, tad jau vairs nebija tādas pārmērīgas slepenības, teica, ka agrāk esot bijusi. Visi nebija militārpersonas, ja runā par manu apkārtni – jo sabiedrību no bērnudārza laikiem. Sanācis tā, ka no bērnudārza grupas man ir izlaiduma fotogrāfija, kurā ir kādi 18–20 cilvēki, grupa, kas visu laiku kopā mācījās skolā. Mēs līdz šim laikam, daļa no tiem, kas redzama fotogrāfijā, tāpat kā agrāk esam draugi. Esam palikuši draugi no bērnudārza visu skolas laiku.

Ja runā par visiem, tad vairums, protams, aizbraukuši, jo daudzi ieņēma militārus amatus. Tie nebija vienkārši kareivji, bet gan virsnieki, apakšpulkveži, otrā ranga kapteiņi, majori. Īpašais bija tas, ka bērniem bija noteikta audzināšana. Nebija tā, kā redzu tagad, ka ar bērniem neviens nenedarbojas. Vienkārši ģimenēs bija augsts izglītības līmenis, un tas atstāja iespaidu uz bērniem. Turklāt mūs mācīja ļoti stingri, mūs “plēsa pušu”, jo bijām stipra klase, visi gribēja no mums vairāk panākt un mūsos vairāk zināšanu ieguldit. Bija tādi skolotāji, kas teica: “Jums pastiprināti jāmacās fizika!” Citi teica: “Jums jāmacās krievu valoda un literatūra!” Pastāvīgi rīkoja kolokvijus, cilvēkus uz olimpiādēm aicināja. Seši vai septiņi pabeidza skolu ar zelta, ar sudraba medaļu. Klase bija spēcīga. Un rajons mums bija tāds, es no bērnības atceros. Jauno gadu sagaidijām pagalmā ar bajāniem. Cilvēki vienkārši nāca ārā no mājām, dziedāja. Visapkārt egles (vai tur pagalmā auga vai iznesa ārā, es vairs neatceros). Atceros, ka tādas bija. Cilvēku drūzma... Un, ja bija labs laiks, – tur ir tāda Slimnīcas iela, bet tautā to sauca par *Betonku*⁵³ (tā nebija asfaltēta, bet betonēta, jo betona rūpnīca atradās līdzās), tā kļuva par *Brodveju* pēc iesaukas. Vienkārši viss rajons pulcējās pastaigāties. Satikās viens ar otru un svinēja. Iznāc ārā – viena ļaužu jūra. Taisns ceļš, bet nav pārskatāms, un ne jau tāpēc, ka mašīnas, bet tas ar cilvēkiem pilns, kas šurpu turpu pastaigājas.

Mēs tur, rajonā, pavadījām visu bērnību. Nekur nebraucām. Nu, kā tā – nebraucām? Tikai ar klasi kaut kur. Mūs veda ekskursijā uz Tallinu, tas viss bija kolektīva iekšienē. Pat skolā, vismaz mūsu klasē bijām

⁵³ No krievu val. *бетонка* – *из бетона* (betons – no betona).

pašpietiekami. Tie, kuri mācījās paralēlklasē, kā pēc tam izrādījās, domājuši, ka esam gatavoti, lai izrādītos: “Jums tāda paraugklase, mēs domājām, ka tas viss nav pa īstam. Un mēs vienmēr par jums smējāmies. Bet izrādās, ka laiks pagājis, bet jūs joprojām satiekaties.” Un, kad cilvēki no paralēlklasēm pienāca, viņiem bija tāds šoks, es atceros. “Kā tas tā var būt? Trīs gadi pagājuši, bet jūs joprojām satiekaties?” Viņi neticēja. “Jā, bet kas tur īpašs?” – “Vai, bet mēs domājām, ka jums tur... jau sen nevienu nevar atrast.” Tāda, lūk, mums draudzīga klase bija. Un tās ir atmiņas no bērnības, šī draudzīgā un siltā gaisotne. Gan ģimenē, gan klasē, gan dārziņā. Mēs vienmēr bijām kopā.

Tūkstoš grāmatu – personīgā bibliotēka

Skolā rikoja literāros vakarus, lasījām dzejoļus, mūs piespieda... Literatūrā man bija vājas atzīmes. Bet kā man pašam patika lasīt! Tiesa gan, es nelasīju to, kas skolas programmā. Tēvam, tā ir kā tāda “slimība”, arī patika lasīt. Un vēsture, bija toreiz tādas padomju filmas. Visa tā grāmatu “mafija” – kaut kāda parakstīšanās pie Sporta pils⁵⁴. Izdalīja biļetes, ar šīm biļetēm piedalījās loterijā. Ja tu laimēji, tad varēji dabūt parakstīšanos⁵⁵ uz autoru (uz populāru izdevumu). Mans tēvs tur piedalījās un stāvēja dienām un naktīm, lai piedalītos šajās loterijās. Un kaut kā viņš bija ticis tur augstu. Tur bija tūkstoš cilvēku, un viņš bija iekļuvis saraksu pirmajā simtniekā. Pa naktīm viņš gan tur nestāvēja, bet šajās loterijās piedalījās un gandrīz vienmēr kaut ko laimēja. Man un mammai joprojām tajā dzīvoklī, kur esmu visu dzīvi nodzīvojis, ir personīgā bibliotēka – vairāk nekā tūkstoš grāmatu. Tēvs kaut ko dabūja, viņam bija sakari. Tēvs strādāja tirdzniecībā. Tādu vārdu kā “deficīts” mēs nepazinām. Tēvs varēja dabūt jebkura veida gaļu. Padomju laikā bija viss, tikai nezin kāpēc tas [līdz veikaliem] nenonāca. Nezinu, bet mēs neizjutām, ka kaut kā trūktu. Jā, protams, mēs katru dienu konfektes neēdām, bet svētkos *Serenādi* vai banānus uz Jauno gadu tēvs vienmēr atveda. Būtībā ne pārpilnība, mēs nevarējām sev atļauties visu, ko gribējās: *Laimas* konfektes⁵⁶ toreiz bija deficīts: *Serenāde, Vāverīte, Lācītis*. Bet uz lieliem svētkiem viss bija.

⁵⁴ Ir domāta Rīgas Sporta pils (Barona ielā 75). Ēka tika nojaukta 2008. gadā.

⁵⁵ Acimredzot runa ir par deficīta grāmatu iegādāšanos.

⁵⁶ Rīgas šokolādes fabrikas nosaukums.

Bija konfliktu teritorija

Atceros, padomju laikā uzņēma tādu filmu *Krasts*⁵⁷ par karu. Toreiz kāds no tēviem militārpersonām teica: “Nu, puikas, iesim, es jūs ievēdīšu!” Un aizveda mūs uz armijas daļu, kur mēs skatījāmies to filmēšanu. Pēc tam viņš mūs ieveda arsenālā, kur bija rekvizīti filmēšanai un ieroči. Es atceros, kā tur istus automātus, vācu šmaiserus, PPŠ, šautenes turējām rokās. Mums, bērniem, bija jautri. Nu, lūk, to es laikam labi atceros. Es atceros, kā notika filmēšana. Mūsu rajonā bija kuģu remonta rūpnīca⁵⁸, un uz turieni veda visādus vecus kuģus. Agrāk skaitījās, ka tas ir slēgts objekts, kur nedrīkst iet. Mēs lidām pāri sētai, rāpojām pāri metāllūžņiem. Varēja ieliet iekšā korpusā. Bērni tur atrada visādas interesantas lietas – patronu čaulas, ložmetēju lenšu tukšās kārbas. Tur bija viss kaut kas.

Protams, Bolderāja un Daugavgrīva – tie vispār ir dažādi rajoni. Vietējā līmenī. Ja esi no Bolderājas – tas ir viens, ja no Daugavgrīvas vai Daugavas lejteces – pavisam kas cits. Toreiz tā bija Daugavas lejtece, neviens par Daugavgrīvu nesauca. Tagad tas droši vien izlīdzinājies. Bet toreiz tas bija stingri. Mums bija sava konfliktu teritorija. Toreiz diskotēkas notika tādā matrožu klubā. Tā arī bija konfliktu teritorija, kur tika kārtotas attiecības. Kārtība bija tāda – ja tur bija vietējie, tad skaidroja attiecības savā starpā, bet, ja bija puīši no citiem rajoniem – es nezinu, no Ilģuciema vai citurienes, tad vietējie apvienojās. Tas nozīmē – bolderājieši un Daugavas lejtece pret citiem rajoniem. Tur, starp citu, iepazinās mani vecāki. Mamma pilnīgi nejauši bija atbraukusi, un tur, Baltijas matrožu klubā, abi iepazinās. Baltijas matrožu klubs – saīsinājumā BMK.

Atceros, ka Līgo svētkos vecāki satikās ar draugiem, paziņām lielās kompānijās. Tur bija arī latviešu ģimenes. Tomēr man tas likās drīzāk izņēmums. Principā vairāk draudzējās krievvalodīgie. Bērnodārziņā – jā, tur bija daži. Varbūt vecāki to varēja izvēlēties? Bet skolā nē, tikai krievu valoda. Man bija tā, ka līdz sestajai klasei latviešu valodu nemācīja vispār. Pēc tam – divus gadus, sestajā un septītajā klasē, mācīja un pēc tam atkal nemācīja. Skolotāja aizgāja dekrētā, un citu vietā neatrada. Es no skolas vispār aizgāju bez latviešu valodas zināšanām.

⁵⁷ Oriģinālnosaukums: *Берег* (1984) – divsēriju mākslas filma pēc Jurija Bondareva romāna; režisori – Aleksandrs Avalovs un Vladimirs Naumovs.

⁵⁸ Rūpnīca atradās Rīgā, Flotes ielā.

Visi bija mazliet satriekti

Es atceros GKČP⁵⁹, jo vienā dienā pie mums sabrauca visi radi. Es līdz šim to atceros. Gluži vienkārši vienā dienā sapulcējās visi, kas dzīvoja Rīgā, bet toreiz Rīgā principā dzīvoja visi. Brālēni. Tēvs ir savā paaudzē pats jaunākais, bet es – pats jaunākais starp maniem brālēniem. Tie jau bija vecāki, viņiem savas ģimenes. Es toreiz vēl skolā mācījos, bet viņi brauca, viņiem savas ģimenes, bērni. Un kaut kā tā sanāca, ka viņi visi vienā dienā pie mums atbrauca. Bija dažādas spriešanas, visi savas pārdomas izteica. Un visi bija mazliet satriekti. Atceros, tanki stāvēja pie tilta. Mēs ar draugiem sapulcējāmies, gājām skatīties.

Kad tas viss sākās, skola praktiski beidzās, un kļuva skaidrs, ka klasesbiedri sekos savas ģimenes militārajai tradīcijai. Daudzi negribēja aizbraukt. Pareizāk – praktiski neviens negribēja braukt prom. Tāpēc, ka viņi šeit jau bija dzīvojuši daudzus gadus, viņiem viss patika. Domāju, ka viņus šeit apmierināja viss, pat tad, kad sākās pirmie neatkarības gadi. Viņiem arī ekonomiski bija izdevīgi. Precīzi neatceros, bet viņiem bija izdevīgāk, jo viņiem šeit skaitījās kā ārzemēs – daudzi aizgāja pensijā, un maksāja viņiem tā, it kā viņi dzīvotu ārzemēs. Maksāja vairāk. Toreiz nebija, kur braukt, bet šeit bija dzīvokļi. Visu vajadzēja pamest. Viņiem tā bija traģēdija. Sanāca tā – kamēr mācījāmies, mēs nedomājām. Bērniībā, jaunībā tu nelūkojies uz priekšu. Likās, ka tā arī būs vienmēr, nu, vismaz ilgstoši. Bet pēc tam izrādījās, ka šie procesi, kuri bija sākušies, manus draugus izklīdināja uz visām pusēm. Mūsu loks sāka irt, jo cilvēki aizbrauca. Brauca veselām ģimenēm. Divus pirmos gadus pēc neatkarības pasludināšanas viņi vēl dzīvoja šeit. Pakāpeniski kļuva skaidrs, ka viņi no šejienes aizbrauks. Kļuva skaidrs, ka mūsu klase, mūsu sakari izirst visa tā dēļ, kas šeit sākās.

Sprieda, protams. Politiskā neatkarība, jā. Tēvs bija *par*. Es lieliski atceros, kad Gorbunova⁶⁰ laikā balsoja, bet es vēl nebalsoju. Mana ģimene visi bija par neatkarību. Tēvs un mamma. Kāpēc mums tas viss? Dzīvosim neatkarīgā Latvijā, būs vareni. Visiem tā bija. Referendumā⁶¹ tā bija, visi balsoja par neatkarību. Bija daļa radnieku, kas bija pret, negribēja to. Bet

⁵⁹ Valsts Ārkārtas stāvokļa komiteja (no krievu val.: Государственный комитет по чрезвычайному положению, ГКЧП) – pašpasludināts varas orgāns PSRS, kas pastāvēja no 1991. gada 18. līdz 21. augustam.

⁶⁰ Anatolijs Gorbunovs (dzim. 1942.) – Latvijas politiķis, pēdējais Latvijas PSR vadītājs (1988–1990) un Latvijas Republikas Augstākās padomes priekšsēdētājs (1989–1993).

⁶¹ Ir domāta Latvijas iedzīvotāju 1991. gada 3. marta aptauja.

tēvs, es to skaidri atceros, viņš saka: “Nē, es par neatkarību.” Nu, kad balsoja par izstāšanos no Padomju Savienības, tajā referendumā balsoja visi iedzīvotāji. Pēc tam, laikam pēc kāda laika, iestājās vilšanās, tāpēc, ka privatizācija sākās... Nu, tēvs mans, viņš tāds uzstājīgs. Bija tāds notikums, es atceros. No piecu gadu vecuma tēvs dzīvoja šeit, Latvijā. Privatizācijas kuponus – sertifikātus⁶² deva atkarībā no gadu skaita, kas nodzīvoti Latvijā. Viņš aiziet tur, viņam saka: “Mēs paskatījāties dokumentus, jūs esat dienējis padomju armijā.” Nu, protams, viņu taču iesauca. Viņš saka: “Nu mani paņēma un iesauca Rīgā.” – “Nē, mēs neieskaitīsim visus gadus, kurus jūs dzīvojāt līdz tam, tas ir, no tā brīža, kad demobilizējāties, atbraucāt atpakaļ.” Lūk, šos visus kuponus anulēja.

Tēvs teica, ka tam nepiekrīt. Viņš atrada visus savus atestātus, sākot no pirmās klases (viņam bija saglabāti no 33. skolas), un aiznesa uz turieni. “Lūk,” viņš saka, “visi mani atestāti. Pamatojoties uz šiem dokumentiem, pierādīšu, ka es [dzīvoju Latvijā] no piecu gadu vecuma.” Nu, bet kā? Viņam nebija dzimšanas apliecības, jo tā kara laikā sadega. Bija tikai kaut kāda izziņa. Lamājās, kaut ko pierādīja, aizgāja līdz kaut kādam priekšniekam, un viņam ieskaitīja, pamatojoties uz atestātiem. Mammai, kas Latvijā dzimusi, šķiet, arī neieskaitīja, kaut gan bija dzimšanas apliecība. Tā kā viņa bija aizbraukusi un nevarēja pierādīt, ka dzīvojusi. No kaut kāda brīža ieskaitīja, bet vēlāk. Tādi, lūk, momenti.

Rūpnīcas jau tolaik sāka slēgt

Astoto klasi es beidzu, pēc tam aizgāju uz Rīgas Radioelektronikas aparātubūves tehnikumu, tagad to sauc citādi – Rīgas Tehniskā koledža, RTK. Būtībā vecāki “pastūma” mani. Man pēc astotās klases nebija nekādas, teiksim tā, vīzijas, uz kuriem iet. Man šķiet, ka cilvēks tajā vecumā vēl vāji saprot, ko viņš grib, uz kuriem viņš grib un tā tālāk. Vecāki teica: “Ej tur, kur ir radioelektronikas rūpniecība!” Toreiz taču vēl strādāja VEF, Popova Radiotehnika⁶³, nu tās visas, *Alfa* bija. Un, kad mēs stājāties, konkurss nebija mazs, bet es izturēju. Man labi padevās matemātika, noliku uz pieci. Krievu valodā man bija sliktāk, uzrakstīju uz četrinieku. Deviņas balles – tā

⁶² Runa ir par privatizācijas sertifikātiem, kurus sāka izsniegt 1992. gadā; sertifikāti ir valsts vērtspapīri, kurus varēja izmantot kā vienreizēju maksājuma līdzekli, privatizējot valsts vai pašvaldības īpašumu.

⁶³ A. Popova Rīgas Radiorūpnīca, bijusi akciju sabiedrība *VEF Radiotehnika RRR*, dibināta 1927. gadā. Mūsdienās darbojas ar nosaukumu *AS VEF Radiotehnika RRR*.

bija ietīkšana. Kas nenolika, tie netika. Iekšā tika tikai tie, kas matemātiku uz pieci nolika. Es domāju iet uz datoriem, bet kaut kā... Tad tas tikai sākās. Tā skaitījās nez kāpēc tā kā klase sekretārēm, meitenēm. Mums tiešām bija ļoti liels konkurss, bet tur, fakultātē, bija 80 procenti meiteņu. Mēs vēl pastādājām Ganību dambī. Tur rūpnīca⁶⁴ ražoja kaut kādus Krievijas militāros pasūtījumus. Bet tā bija viena no pēdējām.

Tad rūpniecība jau sāka brukt. Pirmajos gados, kad mācījāmies, mums teica: “Jums šeit ir perspektīvas.” Bet, kad pabeidzām, bija skaidrs, ka būs grūti atrast darbu. Tā vienkāršā iemesla dēļ, ka rūpnīcas toreiz sāka slēgt, dažas tikko elpoja, un bija skaidrs, ka diez vai tās izdzīvos. Tad arī sākās, nu, nezinu, kā tagad saka, – trākie deviņdesmitie gadi.

Kad pabeidzu mācības, strādāju specialitātē. Tālāk mācīties neaizgāju. Bet mani interesēja būtībā tieši humanitārās zinātnes. Strādāju dažādās firmās tur, savā rajonā. Tad pārgāju uz ražošanas uzņēmumu – kokapstrādes kombinātu, kas toreiz saucās *Bolderāja*. Apskatīja manu diplomu. Pieņēma par operatoru.

Mācījos sev

Kamēr strādāju par operatoru, es mācījos. Aizgāju mācīties laikam desmit gadus pēc tehnikuma beigšanas. Uz Baltijas Krievu institūtu⁶⁵, kulturoloģijas specialitāti. Projektu vadību kultūras jomā. Neklātienē dabūju bakalaura grādu. Turpināju strādāt iepriekšējā vietā, bet pēc tam tā sanāca, ka tur bija pārkārtošanās. Iesniedzu uz paaugstinājumu. Ielika kandidātos. Tagad strādāju par meistarū ražošanas maiņā tajā pašā uzņēmumā. Kā meistars atbildu par produkcijas ražošanu trijos cehos. Ražošana ir visu diennakti nepārtraukti. Strādājam divdesmit četras stundas diennakti, nav nekādas apstāšanās svētkos. Tas ir, Jaunais gads, Ziemassvētki – jebkuros svētkos strādājam.

Mācījos es sev. Mācīties bija lieliski. Ne tikai lieliski, bet ļoti lieliski. Es to salīdzinātu ar skolu. Tehnikums kaut kā... Es nesaku, ka tur bija slikti, vienkārši tas atstājis mazāk gaišu atmiņu nekā Baltijas [Krievu] institūts. Tāpēc, ka cilvēki, pasniedzēji, tas ir,... nezinu. Cik vien mēs varējām uzsūkt sevī, tik viņi mums sniedza. Tā arī šeit. Pirmkārt, kas patika – neliels cilvēku

⁶⁴ Rūpnīca atradās Rīgā, Ganību dambī 24a.

⁶⁵ Kopš 2006. gada – Baltijas Starptautiskā akadēmija.

skaits. Neklātienas fakultāte, un grupa bija maza. Gandrīz individuāla pieeja katram studentam. Kad tu mierīgi vari pieiet, uzzināt, parunāties. Un tev nekad neatteiks. Tu redzi, kā cilvēki atdod sevi šim darbam, un tu nevari izturēties kaut kā slikti, pievilt viņus. Aleksandrs Valentinovičs Gavriļins mums pasniedza avotu mācību, joprojām atceros. Interesants. Tas ir tāds cilvēku garīgums, man šķiet. Irina Semjonovna, Tatjana Makarovna, Nadežda Pazuhina – tāds mugurkauls. Šie cilvēki manā dzīvē atstājuši neizdzēšamas pēdas. Viņi man ir kā orientieris. Kalpošana savai lietai ar beznosacījumu atdevi. Man viņi tik daudz devuši – savu tik vērtīgo laiku, savas zināšanas. To vispār nav iespējams pārvērtēt. Man joprojām gribas nodarboties ar kaut ko ārpus tiešā darba, jo tas man nedod iespēju radoši izpausties. Tā ir ražošanas, diezgan stingra disciplīna. Turklāt pie mums ražošanā vispār ir autoritārs vadības veids, lai gan tā ir rietumu korporācija. Bet varbūt tā ir vietējā īpatnība, nezinu.

Jūtos kā emigrācijā

Negribas kardināli mainīt dzīvesvietu. Visu mūžu esmu nodzīvojis Latvijā, Rīgā, mīlu šo pilsētu. Ar grūtībām iedomājos sevi citos apstākļos. Nu, vispār visa šī pasaule mani ir tik dziļi, ka grūti iedomāties kaut kur pārcelties. Jūtu, ka esmu ja ne daļa no valsts, tad no savas dzīvesvietas gan.

Jūtos vainīgs, ka nezinu tik labi latviešu valodu, jo es tajā brīvi nerunāju un nerakstu. Tā tas dažādu apstākļu dēļ sanācis. Jo es zinu, ka dzīvot Latvijā un nezināt latviešu valodu ir ļoti slikti. Es to šķietami saprotu, bet viens no iemesliem ir, ka maz piedalos sociālajā, kultūras un sabiedriskajā dzīvē. Droši vien tāpēc, ka slikti protu latviešu valodu, tālāk negāju, kaut gan man ieteica turpināt studijas maģistrantūrā. Latviski rakstīt es vispār nevaru, varu, protams, bet... tikai ar mūsdienu teksta redaktoru palīdzību. Man ir vāja gramatika, īpaši ortogrāfija. Svešvalodas man vispār padodas ar grūtībām. Bet gramatika – tā ir mana vājā vieta...

Saziņas valoda, to es būtībā tagad pie saviem bērniem redzu – ir tikai krievu valoda. No dārziņa – skolā. Viņiem to māca, mēs cīnāmies, karojam ar viņiem, tā var teikt, par to latviešu valodu. Es nezinu, kāpēc, varbūt no *sociuma* uzsūcam? Tas ir ļoti grūti. Lai gan mēs ģimenē runājam, ka latviešu valoda jāmacās. Bet dēls jau saka, ka viņš ne visai grib. Viņam nav jāskaidro, ka tas ir ļoti svarīgi. Viņš saka: “Es labāk angļu valodu mācīšos...”

No kurienes viņš to ņem? Ģimenē tas nekad nav bijis. Varbūt vienkārši no apkārtējiem? Bet reizēm izlec: “Kāpēc vispār man tā latviešu valoda vajadzīga?” Mēs stāstām viņam: “Tu taču dzīvo Latvijā.” Bet viņš kaut kā sevi pa pusei asociē ar Krieviju. Varbūt tāpēc, ka mēs skatāmies tās televīzijas programmas? Ļoti daudz informācijas nāk krievu valodā. Droši vien arī es kaut kādā mērā jūtos kā emigrācijā, baltajā, droši vien. Kaut kādu apstākļu dēļ mēs esam šeit. Domās mēs esam krievi, bet dzīvojam šeit. Bet kaut kā Krievijā atgriezties negribu un tajā pašā laikā nacionālo identitāti zaudēt negribas.

Vispār viss, arī izlasītās grāmatas, uzliek kaut kādu zīmogu. Literatūra no Puškina līdz *Paģājušo gadu vēsturei*⁶⁶, un Karamzins⁶⁷ arī. Kultūras slāni uzkrāju tajā laikā, kad daudz lasīju. Man tas ir svarīgi. Droši vien es lepojos ar šo vēsturi. Kā lielās krievu tautas daļa. Man ir svarīgi, ka esmu krievs, ka man ir tāda vēsture, kultūra. Un es negribu kaut kur asimilēties vai zaudēt šo apziņu. Es krievu pasauli uztveru plašāk, nevis kā mūsdienu Krieviju. Bet kā Krieviju “dziļumā”. Vēsture, Krievijas kultūra kopumā. Tas nav tas, kas ir tagad, ne tikai tas, kas notiek pašreiz.

Tulkojusi Maruta Pranka

Intervija NMV-4383

Kompozīciju veidoja un intervēja Edmunds Šūpulis, Rīgā, 2016

⁶⁶ Krievu val.: *Повесть временных лет* – senākā no senkrievu hronikām, kas saglabājusies līdz mūsdienām, sarakstīta 12. gadsimtā Kijevā.

⁶⁷ Nikolajs Karamzins (*Николай Михайлович Карамзин*, 1766–1826) – krievu vēsturnieks, *Krievijas valsts vēsture* 12 sējumu (*История государства Российского 1803–1826*) autors.

JŪLIJA TREIKALE

Dzimusi 1985. gadā Sredņeuraļskā, Krievijā. Sporta meistare slēpošanā. Atprecējās uz Latviju. 2007. gadā beigusi Urālu Pedagoģisko universitāti (Jekaterinburgā), 2015. gadā – Baltijas Starptautisko akadēmiju (Rīgā), bakalaura grāds tūrisma un viesmīlības vadībā. Strādā tūrisma nozarē, dzīvo Salaspilī.

LATVIJĀ NOKĻUVU, PATEICOTIES VĪRAM

Visa dzīve uz slēpēm

Esmu dzimusi Krievijā, nelielā pilsētiņā Sredņeuraļskā. To var salīdzināt ar Salaspili. Tā arī atrodas netālu no lielas pilsētas – Jekaterinburgas, kas skaitās Urālu galvaspilsēta, bet mēs dzīvojām blakus, mazā pilsētiņā. Mani vecāki ir vienkārši cilvēki, tēvs – skolotājs, treneris. Agrāk viņš strādāja parastā skolā, bet tagad – sporta skolā, sagatavo slēpotājus. Māte bija ķīmijas laborante. Vēl man ir astoņus gadus vecāka māsa un septiņus gadus vecāks brālis.

Tā kā tētis ir treneris, arī visi bērni ir sportisti, es neesmu izņēmums. Bērniņa pagāja sporta nometnēs. Mamma nomira, kad man bija divi gadi. Tādēļ es kā trenera meita visur braucu viņam līdzi, jo nebija, kur mani atstāt. Un, tāpat kā visi, arī es slēpoju. Un visu savu apzinīgo dzīvi nodarbojos ar sportu. Aktīvi sportot beidzu 2008. gadā kā sporta meistare. Visa dzīve uz slēpēm! Visi mani spilgtākie iespaidi saistīti ar sporta nometnēm, izbraukumiem. Beidzu skolu un iestājos pedagoģiskajā institūtā, ieguvu trenera pasniedzēja specialitāti. Studijas beidzu 2007. gadā, vēl gadu sportoju, tad strādāju par treneri, nodevu savu pieredzi jaunajai paaudzei. Mani skolēni

bija mazie bērni; kad viņi izauga līdz divpadsmit, trīspadsmit gadiem, pārgāja pie tēta.

Sredņeuraļska, maza provinces pilsētiņa, atrodas blakus Isetas ezeram. Ļoti skaista vieta, blakus mežs, skaists ezers, pludmale. Nevar teikt, ka dzīve kūsā, bet attīstīta. Tur ir skola, bērnudārzi. Ir gan privātmājas, gan daudzstāvu nami. Mums bija dzīvoklis ar diezgan plašu zaļu pagalmu, kur rotaļāties. Tagad baidās bērnus vienus laist laukā, bet mēs visu brīvo laiku pavadījām pagalmā. Ar draugiem spēlējamies. Līdz centram bija jābrauc divdesmit minūtes ar autobusu. Pie mums bija tikai pārtikas veikali, lielākos iepirkumus veica Jekaterinburgā.

Netālu no pilsētas bija treniņnometne. Skaists liels mežs un Isetas ezers. Skaisti gan ziemā, gan vasarā. Vasarā viss zaļš, var pastaigāties, ogot, sēņot. Rudenī krāsu bagātība. Bija skrituļceliņš ar nobraucienu uz ezeru, no turienes pavērās skaists skats uz pilsētu, krāsaini koki, ezers. Ziemā – daudz sniega, viss balts un pūkains, mirdz un laistās.

Sibīrijā mēs daudz neceļojām, braucām uz nometnēm Altajā. Tas ir blakus Novosibirskai, uz augšu – Gornoaltaiska⁶⁸, apmēram 1500 metru virs jūras līmeņa. Tur bija skaista daba, galvenokārt ciedri, tādu bērzu un krūmu nav. Sibīrijā, izņemot lielās pilsētas, piemēram, Hantimansijsku, dzīve nav īpaši attīstīta, tikai meži. Tikai meži un mežonīga daba.

Pēc treniņiem skrēju uz skolu

Pirmo septembri īpaši neatceros. Atminos tikai to, kā pirms tam mani pierakstīja skolā. Mēs atnācām, tētis aizgāja pildīt dokumentus, es paliku viena gaitenī, pēkšņi atskanēja zvans. Tas bija mans spilgtākais iespaids, es nobijos no skaļā zvana, izskrēju uz ielas un gaidīju. Bet no skolas laika man nav spilgtu atmiņu. Varbūt treniņu dēļ. Ja es mācījos pirmajā maiņā, treniņi bija no trijiem, ja otrajā – no astoņiem rītā līdz divpadsmitiem. Abas skolas bija blakus, mana māja pa vidu. Es pabeidzu treniņu, pārgērbos, paēdu un skrēju uz skolu. Vidusskolu beidzu tēta skolā, jo no mums aizgāja vairāki skolotāji, apmācība kļuva vāja, tāpēc es pārgāju.

Parastajā skolā es nebiju aktīva, nebija laika pastaigāties pēc stundām. Ej mājās, sagatavo stundas un – uz treniņu. Nevar teikt, ka klasē biju izstumta, nē. Ir taču gadījumi, kad ar vieniem draudzējas, bet ar citiem ne.

⁶⁸ Pilsēta Krievijā, Rietumsibīrijas dienvidos, Altaja Republikas galvaspilsēta.

Es biju pa vidu – draudzējos gan ar varenajiem, gan atraidītajiem. Ciešāka draudzība bija ar treniņu biedriem. Jo lielāko daļu laika pavadīju kopā ar viņiem, ziemā – četras reizes nedēļā, vasarā nometnēs dzīvojām kopā. Kad pieaugām, mana labākā draudzene bija no nometnes. Arī tagad sazināties, bet retāk, jo dzīvojam dažādās valstīs, attālums nosaka savu. Cenšamies sazināties skaipā, sociālajos tīklos.

Nav vairs tādas garšas kā bērnībā

Līdz manai piedzimšanai vecāki dzīvoja blakus ezeram kopmitnēs, viņiem bija atsevišķa istaba. Kad es piedzimu, mums iedeva trīsistabu dzīvokli, kur dzīvojām visu laiku.

Dzīvi radinieki man bija tikai vecmāmiņas, vectētiņi bija miruši. Man nestāstīja nekādas ģimenes leģendas. Ir tikai dažas ģimenes tradīcijas. Kad vecmāmiņai bija dzimšanas diena, mēs visi sapulcējāmies pie viņas. Visi radi no mātes puses ir skaļi. Vecmāmiņa mūs visus vienoja. Kad viņa nomira, sākām retāk tikties. Tēvs, protams, uztur sakarus ar saviem radiniekiem, taču pārējie... kurš sastrīdējies, kurš apvainojies. Agrāk pēc treniņa atnācu pie vecmāmiņas, viņai vienmēr bija kas garšīgs krājumā. Pīrādziņi, vafeļu trubiņas vai smilšu miklas riekstiņi. Viņa pacienāja ar tēju, pabaroja. Tādas atmiņas par vecmāmiņu. Kā viņa cepa vistu ar kartupeļiem! Garša bija īpaša. Tagad it kā gatavo to pašu, taču tās garšas, kas bija bērnībā, vairs nav.

Mūsu ģimene bija ticīga, bet ne pārāk. Nebija paraduma svētdienās iet uz baznīcu. Esam kristīti, bet ne fanātiķi. Nezinu, kāpēc, taču ticība neiesakņojās. Māsas vīramāte ir reliģisks cilvēks, kādu laiku viņa strādāja baznīcā. Viņa mēģināja māsas bērnus iesaistīt, bet bez fanātisma. Viņa tic, pilda visas ceremonijas, bet mums neliek to darīt. Viņa lūdž par mums, – tā viņai mierīgāk. Neesam pārāk reliģiozi. Jā, Biblii zinām, bet lūgšanas neskaitām. Nezinu, par nožēlu vai par laimi. Katram sava ticība, katrs atrod savu ceļu. Kāds tajā rod mierinājumu vai glābšanu. Tā ir pie mums.

Mājās vienmēr bija gaļas konservi, kondensētais piens un cepumi

Deviņdesmitajos gados es jau biju pieaugusi, bet neatceros, ka mums būtu bijis grūti vai ka nebūtu ko ēst. Draugi stāsta, ka viņi mocījušies, vecāki saņēmuši algu, tūdaļ stingri sadalījuši tādai vajadzībai un tādai, glābiņš

bijis sakņu dārzs. Nevarēja bērniem saldējumu atļauties. Mums tā nebija. Nezinu, varbūt tēvs neizrādīja, kaut gan mūs ar māsu audzināja viens. Brālis tolaik jau mācījās Pēterburgā. Mājās vienmēr bija gaļas konservi, kondensētais piens un cepumi. Nezinu, kāpēc. Varbūt tēvs saņēma kādus sociālus pabalstus. Tēvs mums pirka arī kārumus. Ja tētis atnesa saldējumu, tātad bijusi algas diena.

Tagad bērni atnāk uz skolu, formas nav, un tūdaļ redzama atšķirība, kam ir nauda, kam nav. Mums, kaut gan arī formas nebija, taču bērni bija... labsirdīgāki. Nebija tā, ka tev ir džinsi, tu esi stilīgāks, citiem nav. Māsa prata šūt, viņa man uzšuva visādus svārciņus un blūzītes. Vienmēr bija, ko ēst un ko vilkt mugurā. Es neizjutu šo deficītu. Tukšos plauktus neatceros, varbūt bija, varbūt nebija. Rindas pēc maizes gan bija. Mums bija maizes veikals. Maize vēl nav atvesta, bet rinda gara, un vēl uz ielas aste stiepjas. Nopirksi siltu *ķieģelīti*, kamēr tiec līdz mājai, visu garoziņu apēdīsi. Maize tik silta un garšīga. Mājās tēvs baras, ka maize apgrauzta. Sūta vēlreiz. Nu jau vairs nav silta, var atnest neskartu.

Topošais vīrs man bija kā citplanētietis

Latvijā es nokļuvu sava vīra dēļ. Viņš bija komandējumā Krievijā, viņa uzņēmums cēla gāzes turbīnu. Māsas vīrs ar viņu kopā strādāja Surgutā. Pēc tam Ādamu, tas ir mans vīrs, pārcēla uz objektu Jekaterinburgā. Mums bija kopīgas pasēdēšanas. Māsas vīrs vienmēr teica: “Kāpēc tev nav drauga? It kā normāla meitene, sportiste...” Es atbildēju: “Nu nav, un viss, liecies mierā! Jums darbā ir kārtīgi puisi? Nu tad iepazīstini!” Viņam šī ideja iepatīkās. Sākumā nekas nesanāca, tad zvana: “Sestdien tevi saderināsim!” Zvanu māsai, viņa saka: “Aiziesim uz kafejnīcu, apēdīsim kūku, iedzersim kafiju. Precēties jau neaicina, iepazīsieties.” Tā arī iepazīnāties, satikāties. Bet tā, lai būtu mīlestība no pirmā skatiena, tā nebija. Jaunais cilvēks – pavisam parasts. Vakarā atvadījāties.

Tad viņš palūdza Sergejam (māsas vīram) telefona numuru, nākamajā dienā viņš piezvanīja vai uzrakstīja un aicināja satikties vēlreiz. Labi. Aiziesim kaut kur. Satikāties divas trīs reizes un pamazām iepazīnāties. Mīlestības uzreiz nebija. Nezinu, kā viņam, bet no manas puses radās ziņkāre. Pirmkārt, bija interesanti, ka citāds cilvēks, otrkārt, akcents, tātad ārzemnieks. Tagad es nedzirdu viņa akcentu, bet agrāk gan. Viņš bija cita līmeņa

cilvēks. Jo līdz šim es satikos tikai ar saviem sportistiem, vienaudžiem, un mums bija vienāda izglītība, vienādi uzskati. Bet šeit vecāks cilvēks ar citu pasaules uzskatu, uzvedību, manierēm. Viņš uz mani raudzījās nevis kā uz sportisti, kolēģi, bet kā uz jaunu meiteni, kura izraisījusi interesi. Tādi brīži kā durvju atvēršana, rokas pasniegšana... Bija interesanti vērot, kāds viņš ir. Kā citplanētietis, pavisam citāds. Tā kā viņš ir no citas valsts, pavisam cita mentalitāte. Kaut gan viņam māte krieviete, tēvs latvietis, viņš ir latvietis. Bija interesanti.

Vai negribi mācīties Rīgā?

Tā viss sākās. Viņš aizbrauca uz Latviju, pēc tam atgriezās. Mūsu attiecības kļuva dziļākas. Mēs iepazināmies Ziemassvētkos, sagājāmajos līdz vasarai, un maijā viņš teica, ka aizbrauc. Projekts pabeigts, un viņu sūta mājās. Nu labi, viss beidzies, atcerēšos šos jaukos savas dzīves brīžus. Bet tad viņš man pajautāja: “Vai negribi pamācīties Rīgā?” Domāju, ko man tur mācīties Rīgā, esmu jau izmācījusies. Ādams teica, ka grib turpināt satikties ar mani: “Tu mācīsies, un mēs turpināsim satikties.” Ne vārda – es tevi mīlu vai brauc dzīvot pie manis, nē, braucam mācīties, apdomā, tev taču nav ko zaudēt. Tiesa, man nebija ko zaudēt. Pie treneres darba vienmēr varēju atgriezties, atstāt vecākus – nu ko, ligzda tāpat būs jāpamet. Parunāju ar māsu, ka nesaprotu, mīlu viņu vai ne, mums kopā ir interesanti, es gribu turpināt attiecības. Māsa ieteica mēģināt, varu vienmēr atgriezties, labāk mēģināt nekā vēlāk nožēlot, ka to nedarīju. Labi, braucam. Tēvu nostādīju fakta priekšā – ir tāds jauns cilvēks, viņš mani aicina pie sevis, un es braukšu. Tēvs ļoti pārdzīvoja, to es sapratu vēlāk, kad pārgāja eiforija.

Tātad Ādams aizbrauca jūnijā, es ierados jūlijā, lai iepazītos ar viņa mammu, iesniegtu dokumentus. Mamma mani saņēma mīļi un sirsnīgi. Aizbraucām uz institūtu, iesniedzām dokumentus. Paceļojām pa Latviju. Pēc tam es aizbraucu, jo dokumentus vajadzēja kārtot Maskavā. Septembrī es atbraucu ar savām mantām un sāku dzīvot Latvijā. Tas bija 2011. gadā. Jau četrus gadus šeit dzīvoju.

Grūti pierast saukt vārdā pieaugušus cilvēkus

Universitāti izvēlējās Ādams, viņš labāk tur orientējas. Lielas izvēles nebija, tajā brīdī bija maz iespēju mācīties krievu valodā. Izvēlējamies

Baltijas Starptautisko akadēmiju. Kad es iestājos, bija trīs programmas – grāmatvedības uzskaitē, publiskās attiecības, tūrisms un viesnīcu bizness. Es izvēlējos tūrismu.

Attiecības ar kursabiedriem izveidojās labas, bet augstskola šeit atšķīrās no Krievijas. Grūti bija pierast saukt vārdā pieaugušus cilvēkus. Šī problēma man radās, jau iepazīstoties ar Ādama mammu. Krievijā pieņemts pieaugušos uzrunāt vārdā un tēva vārdā. Es atbraucu, iepazīnos un jautāju Ādamam, kā man viņa māti saukt. “Nu, saki: Ludmila Petrovna.” Viņa uzreiz teica: “Nekāda Ludmila Petrovna!” Viņa kādreiz strādājusi skolā, sacīja: “Ļudas tante arī nevajag. Vienkārši Ludmila.” Man bija tik grūti to pieņemt. Tagad uzrunāju viņu “Ludmila” un “jūs”. Arī institūtā bija sarežģīti: Inese – pieaugusi sieviete, kā sauksi vārdā!?

Kursabiedri – tie, kuri tikko no skolas, savā starpā komunicēja. Bet bija grūti, jo mums bija liela vecuma starpība – viņiem deviņpadsmit gadu, man divdesmit seši, tas bija ļoti jūtams gan informācijas uztverē, gan uzvedībā. Viņi sēž un plāpā, pēc tam pārjautā. Varbūt, kad es pirmoreiz mācījos, man arī bija grūti mācīties. Tagad man gāja viegli, visu labi uztvēru, arī prasības nebija tik stingras kā Krievijas universitātē.

Pusgadu nomācījos. Svētkos aizbraucu uz mājām, sailgojos. Pēc brīvdienām man vairs negribējās atgriezties studijās. Kursabiedri mani kaitināja, varbūt tas nav literāri teikts, – ar savu trulumu un lēnīgumu. Tas mani vienkārši tracināja. Vēlāk pieradu, kļuva vieglāk.

Mūsu kāzas bija klusas

Kāzas mums bija klusas. Sākumā mēs vispār negribējām kāzas rīkot, gribējām sareģistrēties un aizbraukt ceļojumā uz Kipru. Nopirkām biļetes un devāmies pieteikties laulībām. Bet mums saka: “Jāgaida mēnesis, pat divi.” Nebija vietu, mums piedāvāja citu datumu. Uz Kipru tomēr aizbraucām, pēc tam domājām – rīkot kāzas vai ne. Ādama mamma uzstāja, lai uzaicinām draugus, viņi it kā izteikuši vēlēšanos paliksmot mūsu kāzās. Tad jāuzaicina arī mani radi, kaut vai paši tuvākie – tēvs, māsa. Ja nāks draugi, vajag arī kāzu kleitu. Sareģistrējamies Salaspils dzimtsarakstu nodaļā, pēc tam aizgājām uz Botānisko dārzu. Mums bija skaista fotosesija un vakariņas. Bez vakara vadītāja. Ādamam nepatīk tādi pasākumi, kad kāds organizē. Bija Ādama draugi – trīs pāri, mani radnieki: tēvs, mana tante un māsa

ar bērniem. Ādama jaunākais brālis un mamma. Bijām piecpadsmit cilvēki. Arī kleita bija, kā pienākas. Otrajā dienā apēdām svētku pārpalikumus un aizbraucām uz Jūrmalu, togad bija silts. Klusas kāzas bija: bez ārišķībām, salūtiem. Kā gribējām, tā izdarījām.

Pirmo mēnesi dzīvoju šeit, Salaspilī. Biju pacilāta – jauna vieta, interesanti. Uz Rīgu baidījos braukt, jo neko nezināju. Vīrs strādāja tepat elektrostacijā. Pirmo reizi viena braucot elektriskajā vilcienā, skaitīju pieturas, kad izkāpt. Tagad, protams, tā vairs nedaru. Vajadzēja sēsties trolejbusā, aizbraukt līdz centram, pārkāpt citā. Sarežģīti. Otrais mēnesis arī pagāja, bet trešajā sāku skumt pēc mājām, tēva, māsas, māsas bērniem, draudzenēm. Dažreiz, nākot mājās no vilciena, pārņēma tādas skumjas, ka gribējās kaut. Saku Ādamam, ka gribu aizbraukt. “Labi, brauc!” Pēc Jaunā gada aizbraucu uz mājām un redzēju, ka viņi dzīvo savu dzīvi. Peld kā pa upi, no kuras esmu izkāpusi, bet viņi palikuši. Kad pārgāja pirmā atkalredzēšanās sajūsma, sapratu, ka dzīve viņiem nav apstājusies, viņi neskumst un neraud, bet turpina dzīvot. Un, kad atkal biju Rīgā, Ludmila mani sagaidīja, mēs aizbraucām uz Salaspili, un man likās, ka esmu atgriezies mājās. Šis brauciens man bija vajadzīgs, jo es sajutu – Salaspils, Rīga ir manas mājas. Un vairs nebija tādu skumju kā pirmajos mēnešos.

Rakstiju diplomdarbu un iepazinos ar Latviju

Šogad beidzu universitāti. Diplomdarbu, lai cik dīvaini būtu, rakstiju par Latviju. Mans pirmais kursa darbs bija par tūrisma iespējām Latvijā. Otrais – par nemateriālo mantojumu, kādas perspektīvas. Trešais atkal par to pašu, bet saistībā ar izglītības programmām – kā muzeju programmas izmantot izglītībā. Pēc tam pētīju amatniecību kā nemateriālā mantojuma piedāvājumu tūrismā. Kaut kā tā iegrozījās, bet man bija interesanti. Es iepazinos ar Latviju, ar vēsturi, intervēju Daugavas muzeja un Etnogrāfiskā brīvdabas muzeja darbiniekus. Salīdzināju ar muzejiem Igaunijā. Nemateriālais mantojums – tās ir tradīcijas, dziesmas, nostāsti, kurus nevar nodot materiālā veidā, bet tikai cilvēks cilvēkam. Tās pašas dejas, latvju dainas, saldskābmaizes cepšana. Īpaši dziļi laukos ir populāras amatnieku darbnīcas. Man bija interesanti visur kur aizbraukt, parunāties.

Man patīk strādāt ar bērniem, tāpēc labprāt darbotos par treneri. Taču, ņemot vērā Latvijas īsās ziemas, nav lielu iespēju. Es izvēlējos tūrismu,

jo nemīlu sēdošu darbu, man nepieciešamas kustības, pārmaiņas. Nevaru ilgi darīt vienu un to pašu – mēnesi vai divus, tad kaut kas ir jāmaina. Šajā ziņā tūrisms ir vairāk piemērots, jo var ne tikai organizēt ekskursijas, bet arī plānot ko jaunu, aptverot dažāda veida nodarbes.

Trenera vai pasniedzēja darbu man Latvijā būs grūti turpināt, jo jāsaņem augstākais latviešu valodas zināšanu vērtējums, un man šķiet, ka būs arī grūti te apstiprināt Krievijas diplomu.

Transportlīdzekļos sēžos pie loga

Man patīk mūsu mazā, klusā Salaspils. Te ir tik mierīgi. Man tā šķiet ideāla vieta, kur veidot ģimeni, audzināt bērnus. Satiksme arī laba: iekāp autobusā vai mašīnā, pēc pusstundas esi jau Rīgas centrā.

Rīga man likās ļoti interesanta, neparasta, skaista. Dzīvoju šeit jau četrus gadus: cik braucu uz Rīgu, tik sajūsminos. Transportlīdzekļos vienmēr sēžos pie loga, jo arhitektūra mani apbur. Ne tikai Vecrīga, bet arī Tērbatas iela, Brīvības iela – tik skaistas. Pirmajā gadā vispār vairāk centos pārvietoties kājām. Daudz staigāju pa Vecrīgu. Institūtā reizēm sarunājām satikties vecpilsētā. Visi prasa, kur tas ir. Stāstu. Kursabiedri saka, ka es labāk orientējos nekā viņi. Nu, protams, man taču daudz laika, pastaigājos, iegaumēju.

Rīga ir ļoti jauka. Arī valodas problēmu nav bijis. Citi stāsta, ka pret viņiem rupji izturas, bet es te dzīvoju jau četrus gadus, ne reizi neviens nav mani apvainojis, nav bijis, ka atteiktos runāt ar mani krieviski. Es mācos valodu, tagad jau varu vienkāršas lietas izskaidrot. Toreiz, pirmajā gadā, arī nebija nekādu problēmu. Pat ja veikalā pārdevēja nesaprot krieviski, mēs sazināmies ar zīmēm. Arī iestādēs. Es vienkārši atnācu un teicu, ka esmu ieobraucēja, nesaprotu latviski, taču mācos. Un ar mani runāja krieviski.

Kad gatavojos braukt uz Latviju, paziņas mani mēģināja atrunāt

Kad gatavojos braukt uz Latviju, paziņas man teica: “Kur tu brauksi, tur krievus ienīst, gandrīz akmeņiem nomētā! Tur vispār ir pilnīgs nacionālisms.” Es teicu, ka tagad taču ir divdesmit pirmais gadsimts, kāds tur nacionālisms. Varbūt deviņdesmitajos gados, bet tagad jau divdesmit gadi pagājuši. Atbraucu, un neviens nav man metis ar akmeni.

Pēc tam man radinieki teica, lai bērnu dzemdēt braucu uz Krieviju. Ja mēs ar vīru izšķirtos, bērnam būtu Krievijas pilsonība un man viņu nevarētu atņemt. Es jautāju: “Kāpēc domājat, ka Ādams tā darīs? Pat ja mums nesanāks, Ādams ir labi audzināts.” Viņi saskatījušies televizorā ziņas, ka meitenes Skandināvijā apprecas, pēc tam viņām atņēma bērnus.

Nezinu, man patīk Latvijā. Apmēram gadu pabiju Latvijā, tad aizbraucu uz Krieviju – starpība jūtama. Mentalitātē. Tas ir uzkrītoši. Īpaši jau Maskavā, tas trakais ritms, nevienam neko nepaspēj pajautāt, visi kaut kur traucas. Atbraucu šeit, atbrīvojos, dzīve turpinās savā gaitā.

Par vīra ģimeni galvenokārt stāstīja viņa mamma Ludmila. Salīdzinot ar mani, viņu dzīve bijusi daudz smagāka. Mēģinājuši uzsākt biznesu, bijis mazs veikaliņš, lai varētu piepelņties un palīdzēt dēliem. Viņi mācījās krievu skolā, kur viņus apsaukāja par piederību latviešu nācijai, bet mājās viņi neko neteica. Izstāstīja tikai, kad jau bija beiguši institūtu. Tāpēc, ka māte ietu uz skolu izskaidroties un būtu vēl sliktāk. Grūti viņiem gāja.

Vīramāte stāstīja, kā karš iespaidojis vīratēva ģimeni. Viņas vīramāte dzīvojusi laukos, viņai bija divi bērni, pēckara gados tos viena audzināja. Ēda, ko paši izaudzēja. Un vēl no meža nāca pēc pārtikas, tos arī vajadzēja barot. Vajadzēja gan tiem, gan tiem, un arī bērni jāpabaro. Tiem, kas atnāca un prasīja maizi, bija jādod. Citādi varēja māju nodedzināt. Un vīra tēvs, jau pieaudzis būdams, neēda sēnes un sautētus kāpostus, jo bērnībā tos bija atēdies līdz apnikumam.

No manas vīramātes stāstiem sapratu, ka viņas vīramāte bijusi stipra sieviete, ar raksturu. Ja viņa tāda nebūtu, nemaz nevarētu izdzīvot. Draugi pat baidījušies iet pie viņiem uz mājām, tik barga māte vīram bijusi. Kad Ādams bijis mazs, viņa ar to runājusi latviski, bet ar Ludmilu tikai krieviski. Kaut gan viņai būtu patīcis labāk iemācīties latviešu valodu. Tā Ādams divu gadu vecumā ar vecmāmiņu runāja latviski, bet ar vecākiem krieviski. Viņam nebija valodas problēmu.

Tā līdz divtūkstošajiem gadiem grūti gājis. Pēc tam dēli sāka strādāt, kļuva vieglāk. Ādams aizbrauca. Tagad, paldies Dievam, labi dzīvojam.

Kā – pie jums nav kurantu?

Mēs 9. maiju nesvinam, arī Krievijā nesvinējām. Tā bija izejamā diena, mēs braucām uz Jekaterinburgu skatīties parādi. Un kaimiņu pilsētā bija

labs Kara tehnikas muzejs. Māsas mazajiem dēliem bija interesanti apskatīt vecās mašīnas, svētkos bērniem atļāva uzrāpties tankos. Bet tādu īpašu svinību nebija, papildus brīvdiena, atceres diena. Gājām apsveikt radnieku vectēvu, viņš bija kara veterāns, vectētiņu un vecmāmiņu. Tā klusi atzīmējām.

Līdzīgi arī Jaungadā. Jā, Krievijā ir garas Jaungada brīvdienas. Bet Latvijā ir garas Ziemassvētku brīvdienas. Mēs svinam Jaungadu, Ziemassvētkus ne. Jā, tā ir brīvdiena, mēs klājam svētku galdu, iedzeram pa glāzei. Un viss. Manuprāt, Ziemassvētkus jāsvin ticīgiem cilvēkiem, kuri iet uz dievkalpojumu baznīcā. Bet, kad mājās ir tikai svētku galds, tie ir parasti svētki.

Tagad Latvijā mēs svinam Latvijas Ziemassvētkus – 24. decembrī. Mums ir gardas svētku vakariņas. Pirmajā gadā Ludmila teica, ka pēc latviešu tradīcijām jābūt deviņiem ēdieniem. Mēs bijām trīs cilvēki un pēc tam šos deviņus ēdienus ēdām līdz Jaunajam gadam. Vēlāk es teicu: “Jaungadā tikai silto ēdienu un dažas uzkodas gadu mijai!” Vīra ģimenē pieņemts svētkos vispirms pasniegt siltos ēdienus, pēc tam aukstās uzkodas. Mūsu ģimenē bija otrādi: vispirms pieēdāmies ar uzkodām, pēc tam siltajam nebija vairs vietas.

Mēs vienmēr pusdienojām ēdamistabā un vienmēr ar galda piederumiem. Mājās, Krievijā, parasti ēdu tikai ar dakšiņu. Arī aukstā zupa man bija atklājums. Krievijā okrošku gatavo no kvasa, bet te kvass ir salds, tāds neder. Pamēģināju arī nacionālo ēdienu – pelēkos zirņus.

Pirmajā gadā bija pārsteigums – Krievijā divpadsmitos atskan kuranti. Bet šeit – kur kuranti? Kādi kuranti? Mums tādu nav. Kā nav? Labi, es sarīkošu kurantus. Un divpadsmitos saku: “Bom, bom!” Tāda tradīcija. Aicinu visus desmitos skatīties Krievijas televīziju, vismaz kuranti būs. Pierasts kopš bērnības.

Kāpēc latviešu valodā *suns* ir vīriešu dzimtē?

Mēs sarunājamies krieviski. Bet es uzstāju, lai vīrs runā ar mani latviski. Valoda it kā nav grūta, bet problēmas ar apguvi ir. Pirmajā gadā es pierakstījos kursus. Atnācu uz nulles grupu. No visiem divpadsmit cilvēkiem tādu, kas zina tikai alfabētu, bijām divi. Pārējie jau sen dzīvo Latvijā un viņiem ir kaut kāds vārdu krājums, bet nezina gramatiku. Skolotājam nebija skaidras metodikas, viss noritēja ātri uz priekšu. Nevarēju izprast dzimtes.

Kāpēc *suns*⁶⁹ ir vīriešu dzimtē? Tā taču ir sieviešu dzimte! Teicu, ka neiešu uz kursiem, nesaprotu, pārāk sasteigts viss.

Tad Ludmila ar pazīstama skolas direktora palīdzību sameklēja man latviešu valodas privātskolotāju – Sanitu. Ar viņu man patika mācīties, viņa visu labi izskaidroja. Arī to, kāpēc suns ir vīriešu dzimtē. Viņa man lika lasīt pasakas latviešu valodā, bērnu grāmatas – *Mazo princi*, *Vinniju Pūku*. Viņa ar mani sarunājās – sākumā krieviski, pēc tam lika runāt latviski. Tā mēs līdz bērna piedzimšanai trīs gadus darbojāmies. Panākumi ir, kamēr nodarbojos ar Sanitu. Vasarā nevaru sevi piespiest, pēc tam jūtams, ka aizmiršies. Ādams var runāt trīs valodās: darbā ar vienu – latviski, ar otru – krieviski, ar trešo – angļiski. Vaicāju, kāpēc ar mani nerunā latviski? “Runā ar māti latviski, viņa prot, tikai gramatika pieklibo!” Ar bērnu, es saku, lai tikai latviski runā. Markuss ir mazs, bet saprot. Kad es pāreju uz latviešu valodu, viņš mani skatās, sarauc uzacis, saprot, ka kaut kas ir nepareizi, ja es runāju latviski.

Galvenā problēma ar valodu ir nokļūt vidē, kur visi tajā runā. Gada laikā var iemācīties. Bet šeit jābrauc uz dziļiem laukiem, lai valodu iemācītos. Rīgā tas nav iespējams – visi runā krieviski. Pat ja tu mēģini runāt latviski, visi pāriet uz krievu valodu. Pat kafējnicā saku oficiantam, lai runā ar mani latviski, jo es mācos. Tad viņš piekrīt.

Draugi arī prasa, kāpēc es mācos latviešu valodu. Kā, kāpēc? Esmu atbraukusi uz svešu zemi un, protams, mācīšos valodu. Mācies angļiski! Ja es dzīvošu Latvijā, bērni ies latviešu skolā. Ja es nepratišu valodu, nevarēšu iesniegt dokumentus skolā un nevarēšu iestādēs aizpildīt anketas. Ja es nezinu valodu, jūtos atstumta, jo nesaprotu. Man nevajag augstāko kategoriju, kaut tikai sarunvalodu. “Un ar bērnu runāsi divās valodās?” – “Jā, ja būšu apguvusi. Toties bērnam nebūs problēmu.” – “Aizies uz dārziņu un iemācīsies!” – “Kad ies uz dārziņu, viņam jau tā būs stress, un tad vēl nesaprotama valoda. Dubults stress – vispār negribēs uz dārziņu iet.”

Pagaidām būšu Krievijas pilsonē

Daudz kas ir atkarīgs no tā, kādā ģimenē tu dzīvo. Kad biju slimnīcā, satiku vecākās paaudzes medmāsu. Viņa iepazinās ar manu vīramāti un jautāja, vai sarunājamies krieviski. Es saku, ka jā. Tad jums ir paveicies, jo

⁶⁹ Krievu valodā *собака* ir sieviešu dzimtes lietvārds.

viņas meita apprecējusi latvieti, bet vīra vecāku mājās aizliegts runāt krieviski. Nu, pie mums ir mazliet citādi. Ludmila kādreiz atbrauca uz šejieni no Krievijas, un izveidojās kultūru sajaukums. Tēvs ir latvietis, taču lojāls pret krieviem. Latviešu ģimenēs bērni ar vecākiem dzīvo atsevišķi. Man šķiet, ka mums drīzāk ir krievu ģimene. Man pazīstamas jaunas vecmāmiņas, kas negrib auklēt mazbērnus. Man ar Ludmilu ir paveicies, viņa mani paglāba – kad rakstīju diplomdarbu, auklēja Markusu. Man vispār ir laba ģimene, arī vīramāte laba, saprotoša.

Es paturēju Krievijas pilsonību, tā bija abpusēja vienošanās, jo man nav vērts mainīt pilsonību – ja braukšu uz Krieviju, man nevajadzēs vīzu. Bērns ir Latvijas pilsonis, to mēs tūlīt nolēmām. Es pagaidām būšu Krievijas pilsone.

Tulkojusi Baiba Burtneiece

Intervija NMV-4279

Kompozīciju veidoja un intervēja Marija Assereckova, Salaspili, 2015

Pēcvārds

Aizverot grāmatu, esam iepazinūši piecpadsmit dzīvesstāstus, kas mūs uzrunā nepastarpināti, – atklājot, kā divdesmitā gadsimta notikumi vēsturē, kultūrā un politikā ir veidojuši etnisko pieredžu daudzveidību Latvijā. Gandrīz nevienā dzimtā nav izteikta etniskā viendabība – katrs savos senčos atrod citu tautu pieredzi. Tomēr cilvēkiem piemīt vajadzība sajust sevi kā daļu no etniskas grupas, ar kuru ir kopīga valoda, kultūra, arī pagātne. Grāmatā vienojoša ir krievu valoda, kurā notika intervijas. Tajās labi jūtama gan izteiktā, gan vārdos neizteiktā attieksme pret krievu valodu: no vienas puses, tā vieno – ar plašo krievu kultūru, ar personīgo biogrāfiju, bet, no otras – atšķir ar savu lokālo dialektu un latviskās vides ietekmēm.

Krievu kopienai Latvijā ir sena vēsture, tā iesakņojusies Latvijas kultūrā un valodā, taču vēsturisko notikumu un pretrunīgās atmiņu politikas dēļ savstarpējās attieksmes sabiedrībā veidojušās neviennozīmīgas. Izprast notikušā cēloņsakarības un pārvarēt robežšķirtni starp vienu un otru etnisko grupu var, uzklusot vienam otru. Dalīšanās ar atmiņām ir daudzsološs sākums. Proti, personiskie un pilnskaidrīgie dzīvesstāsti, vēstot par dzimtas priekšvēsturi, cilvēka dzīves gājumu un dzīvi vecumā, ļauj iejusties, līdzpārdzīvot un saprast, kāpēc vienam pasaules skatījums un vērtības ir tādas, otram – citādas, kāpēc cilvēks rīkojies tā un ne savādāk, kā veidojies viņa pasaules skatījums un vērtību sistēma, rīcības spēja un pašapziņa.

Ar grāmatu vēlējamies parādīt, cik neviendabīga ir Latvijas krievu kopiena un kā laikmets, vēstures notikumi un to interpretācija iezīmējas tās sociālajā atmiņā. Latvijas krievu pieredze vēstī par ģimeni (arī tās zaudējumu), par ierašanos Latvijā – dažkārt apzinoties, ka nokļuvuši citā zemē, dažkārt ne. Pieredze bijusi dažāda – daļa stāstītāju Latvijā nokļuvuši ārēju apstākļu vai varas spiesti: kara laikā, militārajā dienestā, darba norīkojumā, sadalē pēc augstskolas beigšanas, arī

mainoties Latvijas administratīvajām robežām. Daļu šurp atvedušas ģimenes saites un laulības, citi ir Latvijā dzimuši. Izvērstis stāstījums par ģimeni, bērnību un jaunības laiku ļauj lasītājam izprast, kā laikmeta notikumi ietekmējuši cilvēka rīcībspēju. Otrais pasaules karš un represijas skārušas vai ikvienu stāstītāju, kad cietis kāds ģimenes loceklis vai paši kļuvuši par bāreņiem. Ja nacistu vardarbība gūst skaidrāku, pašu pārdzīvotu un detaļām bagātu izklāstu, tad padomju laika represijas neizvirzās atmiņu priekšplānā. Tādā veidā par tām turpinās klusēšanas ieradums, ko sākotnēji izsauca bailes no varas, šodien – grūtības izteikt pieredzēto vārdos. Dzīve padomju Latvijā lielākoties izstāstīta bez satraucošiem notikumiem, – arī tas, iespējams, saistāms ar pieradumu ievērot privātās un publiskās dzīves nošķirumu. Nereti tiek atklātas personiskās izjūtas, arī šaubas, kas pārņem cilvēku neparedzamās situācijās. Tomēr ikviens stāstītājs spējis iedzīvoties jaunajā vietā – te iesāktas vai turpinātas mācības, atrasts darbs un dibināta ģimene.

Latvijas valstiskās neatkarības atjaunošana, no vienas puses, saistīta ar cerībām un solidaritātes izjūtu, no otras – ar bažām pazaudēt savu identitāti. Sākumā brīvība šķita daudzsoļoša, kā to izsaka Anna Stroja – salīdzinājumā ar atvērtu logu, kad *tu jūti svaigu gaisu. Tu drīksti spriest, novērtēt*. Tomēr vēlāk tikai retais spēja pierādīt savu rīcībspēju, piemēram, ar sekmīgi izveidotu uzņēmumu. Citiem nākas samierināties ar sociālā statusa un stabilitātes zaudējumu, ar pilsonības un valodas problēmām. Mierinājums nereti tiek atrasts, atgriežoties pie savas dzimtas saknēm, ticībā. Sociālā atstumtība vērojama arī jauna cilvēka pašsajūtā. Zināmā mērā to atsver apzināta piederības izjūta savai dzīvojamai vietai, rajonam, Rīgai. Izteiksmīgi to raksturo Anna Gruzdeva, kādu rītu ieraugot, ka *ietve un bruģakmeņi mirdz rasā*. Tā arī ir pilsēta, kas atklāj un liek sevi apzināties par *latvijieti*, raugot rast vidusceļu un saskari starp krievu, latviešu un Rietumu kultūru.

Dzīvesstāstam, paplašinot un padziļinot redzējumu uz cilvēka dzīvi, piemīt spēja pārmainīt – kā paša stāstītāja, tā arī klausītāja, šajā gadījumā – lasītāja izpratni par sevi un savu vietu starp līdzcilvēkiem sabiedrībā. Grāmatas sastādītāji cer, ka tajā saskares punktus atklās sev visi, tostarp latvieši, romi, baltkrievi, ukraiņi, ebreji – visi, kas esam viena laikmeta bērni un dzīvojam Latvijā.

Ieva Garda-Rozenberga

We all are the children of our time: Russian life stories in Latvia

The Russian community in Latvia has a long history, and it has become rooted in Latvian culture and language. However, due to conflicting politics of memory, relationships between the communities in the society are ambiguous. Life stories help to overcome the boundaries between one ethnic group and another.

This book contains fifteen life story compositions that have been prepared within the oral history study “Ethnic and narrative diversity in life story constructions in Latvia” (directed by Vieda Skultans, *PhD*) at the Institute of Philosophy and Sociology of the University of Latvia. All of the authors of the selected life stories live in Latvia and are native Russian speakers or use the language on a daily communication.

The life stories tell about family (also the loss of family) and about moving to live in Latvia, which, in the post-war years, many did not identify as a separate country with its own history. The narrators were brought to Latvia because of destroyed homes, military service, work, family ties and marriage. Several of the narrators come from Russian families that have lived in Latvia for many generations; the younger narrators were born in Latvia and grew up there.

Almost every family suffered during the Second World War and from repressions; some of the narrators were orphaned. If Nazi violence has been articulated in a certain story that has been supplemented with details from personal experiences, then Soviet-era repressions do not come to the fore in the memories. There is still a habit of remaining silent regarding the repressions.

The restoration of Latvian independence in 1991 brings big changes to the narrators' lives. At first, this event is linked with hope and a feeling of solidarity, but also with fears of losing one's identity. The people experience a change in status,

the loss of stability and problems with citizenship and language. Social problems influence the sense of community. Consolation is sought and found in returning to family roots and to religion. Even a young person's feeling of self is touched by social exclusion, and an attempt to compensate is found in a sense of belonging to one's local neighbourhood and to Riga. The heritage of Russian culture in Riga helps people establish contact between Russian, Latvian and Western culture and values.

The life stories published in this book also tell about what is not spoken about publicly; in the stories we notice hints that are meant *for our own people* but also statements that are addressed to a wider audience. The book is published in two languages – Russian and Latvian – in order to bring these two experiences closer to each other. It is dedicated to Latvians, Roma, Belarusians, Ukrainians, Jews and Russians – all who are the children of a certain time period and who live in Latvia.

Ieva Garda-Rozenberga
Translated by Amanda Jātņiece